

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

ИСТОРИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР 1917-1980

В ДВУХ ТОМАХ

Издание четвертое, переработанное и дополненное

Под редакцией А.А.ГРОМЫКО, Б.Н.ПОНОМАРЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» • МОСКВА 1980

ИСТОРИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР

ТОМ ПЕРВЫЙ 1917-1945 гг.

Авторы первого тома:

А. В. БЕРЕЗКИН, И. Н. ЗЕМСКОВ, И. Ф. ИВАШИН, В. Л. ИСРАЭЛЯН, М. С. КАПИЦА, И. К. КОБЛЯКОВ, И. И. МИНЦ,
В. И. ПОПОВ, А. А. РОЩИН, В. М. ХВОСТОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1980

Редакционно-подготовительная работа по выпуску книги осуществлена

И. Н. ЗЕМСКОВЫМ, А. В. ГОРЕВЫМ, В. К. СОБАКИНЫМ, С. Л. ТИХВИНСКИМ

Данный том посвящен ленинской внешней политике молодой Советской Республики в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции, борьбе СССР за утверждение принципа мирного сосуществования государств с различными социальными системами и завершается изложением внешней политики Советского Союза в период Великой Отечественной войны.

И 10604-315 21-81 0802010100

042(02)-80

© Издательство «Наука», 1980 г.

ВВЕДЕНИЕ

В течение веков и даже тысячелетий, с тех древних времен, когда впервые образовались на земле государства, их политика как внутренняя, так и внешняя, регулирующая отношения с другими государствами, определялась интересами господствующих, эксплуататорских классов. Создавались и рушились монархии древнего Востока, республики античной Греции, Римская и Византийская империи, феодальные государства средневековья, абсолютные монархии и буржуазные демократии нового времени, фашистские диктатуры и колониальные империи в период империализма, но при всем разнообразии сменявшихся социальных и политических форм внешняя политика всегда и везде была орудием эксплуататорского меньшинства. Иногда случалось, что интересы господствующего класса совпадали с общенациональными — особенно в войнах против иноземных захватчиков. Обычно же они вступали в противоречие с интересами трудящегося большинства. Так было искони — с тех пор, как возникли классы и государства.

Положение в корне изменилось с победой Великой Октябрьской социалистической революции в России. Впервые в истории человечества появилась на свет совершенно новая внешняя политика, которая стала служить не эксплуататорам, а трудящимся — рабочему классу, овладевшему государственной властью и представляющему интересы всего трудового народа. Это не могло не изменить — и действительно изменило — характер внешней

политики, ее цели и задачи, источники ее силы и влияния, средства и методы.

Создателем социалистической внешней политики, творцом ее принципов, методов ее проведения был В. И. Ленин. Он не только выработал основные положения этой политики, но, будучи главой Советского правительства, первым применил их на практике.

Политика любого государства в конечном счете определяется характером экономического и социального строя. Как указывал В. И. Ленин, «самые глубокие корни и внутренней, и внешней политики нашего государства определяются экономическими интересами, экономическим положением господствующих классов нашего государства»¹. Коренные различия экономического бази-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 327.

5

са социализма от экономической основы капитализма обуславливают и принципиальные различия в их внешней политике.

В капиталистическом обществе, которое основано на частной собственности на средства производства, на эксплуатации человека человеком, движущей силой внешней политики является стремление господствующего класса к укреплению эксплуататорского строя, к сохранению и расширению сферы эксплуатации — к удержанию и захвату рынков, стратегических позиций и чужих земель, к порабощению других народов. Во внешней политике капиталистических государств, в силу самой их социальной природы, всегда существуют тенденции к экспансии и агрессии, подготовке и развязыванию захватнических войн, созданию военных блоков и гонке вооружений. Эти агрессивные тенденции во внешней политике капитализма особенно усилились на монополистической стадии его развития, когда капитализм превратился в империализм. Наглядные тому примеры — разбойничья политика германского империализма, создавшего чудовищную террористическую диктатуру гитлеризма, попытки монополистического капитала США добиться мирового господства и подавления освободительных движений во всех частях света.

Иное дело — внешняя политика социализма. В социалистическом обществе господствует общественная собственность на средства производства. Плановое хозяйство исключает анархию производства, кризисы и борьбу за рынки. Здесь нет ни эксплуатации человека человеком, ни угнетения наций. Движущей силой социалистической внешней политики является стремление трудящихся, стоящих у власти, к созданию наиболее благоприятных условий для строительства нового, самого справедливого и свободного общества. Социалистическое хозяйство ставит целью удовлетворение постоянно растущих материальных и культурных потребностей трудящихся. Войны могут этому только мешать. . Внутренние закономерности социалистического общества не только не порождают стремления к порабощению и эксплуатации других народов, к агрессии, войнам, захватам, но, наоборот, делают социалистическое государство непримиримым противником агрессии и покушения на чужие земли, на мир, безопасность и независимость наций. Внешняя политика социализма направлена на обуздание агрессоров, на обеспечение мира и независимости народов.

Внешняя политика СССР отражает гармоническое сочетание национальных интересов советского народа с интернациональными обязанностями рабочего класса, пришедшего к власти. Советская внешняя политика органически сочетает патриотизм и служение интересам Родины с интернационализмом.

В течение десятилетий Советское государство с твердостью и мужеством одно противостояло коварным проискам империалистических государств, которые использовали вооруженную интервенцию, экономическую блокаду, дипломатическую изоляцию и другие средства, пытаясь уничтожить страну

социализма. Внеш-

6

няя политика сыграла выдающуюся роль в этой борьбе Советского Союза против империализма. Она помогла обеспечить безопасность первого социалистического государства и, таким образом, отстоять интересы советского народа, построить социализм и перейти к строительству коммунизма. Выполнив эту национальную задачу, советская внешняя политика помогла сберечь и укрепить главный оплот социализма на земле. Тем самым она содействовала обеспечению высших интересов мирового рабочего класса, трудящихся всех стран. Вот почему, содействуя упрочению и процветанию Советского Союза, а с тех пор как социализм вышел за рамки одной страны,— и всего сообщества социалистических стран, советская внешняя политика объективно вносит вклад в дело социального освобождения всего человечества.

Взяв власть в свои руки, рабочий класс приобрел новые рычаги для революционно преобразующей деятельности в пределах государственных границ и одновременно новые средства воздействия на ход мирового развития в целях обеспечения мира, свободы народов и социального прогресса. Укрепление экономического и политического могущества Советского государства увеличивает возможности такого воздействия. Строительство нового, коммунистического общества в СССР само по себе помогает прокладывать дорогу в будущее всему человечеству.

Источником силы и авторитета социалистической внешней политики являются прежде всего могущество Советского государства и преимущества социалистического строя. Внешняя политика СССР опирается на экономическую, политическую и военную мощь Страны Советов — великой мировой державы. Она пользуется неизменной поддержкой советского народа, опирается на его патриотизм, глубокую преданность Родине. Народное одобрение придает советской политике ту непоколебимую твердость, последовательность и уверенность в своих силах и своей правоте, которые она демонстрирует повседневно и которые Советское правительство показало в долголетней борьбе с многочисленными врагами нашей страны, особенно в двух жестоких войнах — 1918—1920 и 1941—1945 гг., когда стоял вопрос о жизни или смерти Советского государства. Яркий пример этого — Великая Отечественная война, когда все советские люди по призыву Коммунистической партии как один поднялись на защиту социалистического Отечества. Советский народ горячо поддерживает и одобряет политику правительства СССР.

Советский Союз располагает и за пределами своих границ верными друзьями и союзниками. Он со своей стороны является для них надежной опорой, и они всегда могут рассчитывать на его неизменную дружбу и верность договорным союзническим обязательствам. Это хорошо знают и помнят как наши друзья, так и наши враги.

Народы всего мира справедливо усматривают в Советской стране самый надежный оплот мира, социализма и национальной независимости, иначе говоря, вернейшего защитника своих кров-

7

ных интересов. Сочувствие трудящихся масс во всех странах, как и народов, борющихся против империализма, также является источником авторитета внешней политики СССР.

Итак, советская социалистическая внешняя политика опирается на могущество Советского государства, на патриотизм советского народа, на поддержку его зарубежных друзей, и прежде всего друзей в рядах социалистического лагеря, на сочувствие международного рабочего и

национально-освободительного движения.

Цели советской внешней политики, как их сформулировали XXIV—XXV съезды КПСС, состоят в том, чтобы обеспечить вместе с другими социалистическими странами благоприятные международные условия для построения социализма и коммунизма, крепить единство и сплоченность социалистических стран, их дружбу и братство; поддерживать национально-освободительное движение и осуществлять всестороннее сотрудничество с молодыми развивающимися государствами; последовательно отстаивать принцип мирного сосуществования государств с различным социальным строем; давать решительный отпор агрессивным силам империализма; избавить человечество от новой мировой войны. Вся практическая деятельность КПСС и Советского государства в области международной политики направлена на достижение этих целей. СССР проводит вместе с другими государствами социалистического содружества принципиальную классовую внешнюю политику. Ее неотъемлемые составные части: курс на укрепление мира и международной безопасности, солидарность с освободительной борьбой народов всех стран и континентов, отпор посягательствам на их свободу и независимость, на их право самостоятельно определять свою судьбу.

История внешней политики Советского Союза прошла два основных этапа. Первый продолжался от Великой Октябрьской социалистической революции до отпадения от капитализма более чем десятка стран Европы и Азии, т. е. приблизительно до конца второй мировой войны. В течение этого времени Советская страна и Монгольская Народная Республика были единственными социалистическими странами в мире. Советский Союз располагал поддержкой международного пролетариата, но как государство был изолирован и одинок в капиталистическом окружении. Советский Союз, руководствуясь принципом мирного сосуществования стран с различным социальным строем, всегда стремился поддерживать с капиталистическими государствами мирные отношения, но встречался при этом со множеством агрессивных действий и провокаций с их стороны. В 1918—1920 гг. Советское государство отразило вооруженную интервенцию империалистов и отвоевало себе мир. Но отстаивать мир в последующие годы было очень трудно, в особенности после утверждения фашистской диктатуры в Германии. Летом 1941 г. фашистская Германия напала на СССР. Период мирного развития Советской страны был прерван.

Победа СССР над фашистскими агрессорами, торжество на-

родных революций в значительном числе стран Европы и Азии открыли второй большой этап в развитии советской внешней политики. Капиталистическое окружение было прорвано. СССР перестал быть одиноким. Он выступал теперь на международной арене в рядах целого лагеря социалистических государств. Возникла мировая система социализма.

На первом этапе межгосударственные связи Советского Союза исчерпывались отношениями с буржуазными государствами — других, кроме МНР, тогда не существовало. Внешние отношения Советской страны строились на принципах борьбы против империалистической агрессии, за мирное сосуществование государств, принадлежащих к противоположным общественным системам, и на принципах ленинской национальной политики, направленной на поддержку освободительной борьбы народов.

Эти принципы в полной мере сохранили свою значимость и на втором этапе, но они оказались недостаточными, поскольку у Советского Союза появились отношения с другими социалистическими государствами. Отношения внутри социалистической системы СССР строит на началах социалистического

интернационализма — применения марксистского принципа пролетарского интернационализма к межгосударственным отношениям социалистических стран. В этом новом своем применении интернационализм означает построение отношений между суверенными и полностью равноправными социалистическими государствами на основах всестороннего сотрудничества и товарищеской взаимопомощи.

Эти отношения братской взаимопомощи представляют собой нечто принципиально новое в отношениях между государствами. Они не укладываются в рамки взаимной выгоды, предусматривая помощь и поддержку, далеко выходящие за эти рамки. Принципы, на которых строится новый тип международных отношений, сложившийся внутри социалистической системы, зафиксированы в коллективных документах мирового коммунистического движения. Так, международное Совещание коммунистических и рабочих партий 1969 г. подчеркнуло, что развитие и укрепление каждой отдельной социалистической страны является важным условием продвижения вперед всей мировой системы социализма. «После победы социалистической революции во многих странах,— говорится в документе Совещания,— строительство социализма, осуществляемое на основе общих закономерностей, развертывается в различных формах, с учетом конкретных исторических условий и национальных особенностей. Успешное развитие этого процесса предполагает строгое соблюдение принципов пролетарского интернационализма, взаимной помощи и поддержки, равноправия, суверенитета, невмешательства во внутренние дела друг друга»².

² Международное Совещание коммунистических и рабочих партий: Документы и материалы. М., 1969, с. 304—305.

9

Возможность и необходимость тесного сотрудничества социалистических стран основывается на объективных предпосылках — на общности экономического и социального строя, на единстве целей социалистических государств, заключающихся в строительстве социализма и коммунизма. Все это в свою очередь порождает у социалистических государств общность внешнеполитических интересов и задач. Строительство нового общества требует для своего успеха прочного мира и совместной борьбы против империалистической агрессии. Общие задачи и интересы, порождаемые закономерностями, внутренне присущими социалистической системе, создают основу для развития дружественных отношений внутри социалистического лагеря.

Поддержание и развитие этих отношений составляет одну из первостепенных задач внешней политики СССР. Советская политика направлена на «всемерное укрепление мировой социалистической системы, развитие братских отношений со всеми социалистическими странами на основах полного равноправия и добровольного сотрудничества»³. Решение этой задачи имеет поистине огромное значение для успешной борьбы за социализм и коммунизм во всех странах социалистического содружества, и Советский Союз не щадит усилий для укрепления солидарности социалистических государств.

До тех пор, пока СССР был единственной социалистической страной, трудящиеся Советского Союза строили социализм только собственными своими силами, ценой величайшего их напряжения. Теперь существует великое содружество социалистических государств. Конечно, и в наше время каждая социалистическая страна при построении нового общества возможно более полно мобилизует свои внутренние ресурсы. Но сейчас у всех стран социалистической системы есть возможность воспользоваться поддержкой других членов

социалистического содружества, развивая с ними отношения всестороннего сотрудничества и взаимопомощи. Внешняя политика каждой социалистической страны — суверенная политика суверенного государства. Вместе с тем в силу особенностей взаимоотношений социалистических стран политика любой из них опирается не только на свои национальные экономические и политические силы, не только на собственный авторитет и влияние, но также на мощь и авторитет всей мировой системы социализма.

И успешное строительство нового общества в каждой социалистической стране, и эффективность действий социалистических государств на международной арене в огромной мере зависят от развития отношений сотрудничества между братскими странами, от прочности этих отношений во всех областях экономической и политической жизни.

³ Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961, с. 423.

10

Солидарность социалистических государств особенно важна в борьбе против агрессивных сил империализма, за обеспечение безопасности каждой социалистической страны и сохранение всеобщего мира. Социалистические государства создали такой эффективный механизм межгосударственного политического сотрудничества, как Организация Варшавского Договора. С помощью этой организации была надежно обеспечена безопасность государств социалистического содружества, ограждены все завоевания социалистических революций.

Огромную роль в повышении эффективности общественного производства, в соединении достижений научно-технической революции с преимуществами социализма, в подъеме материального благосостояния трудящихся социалистических государств играет осуществление комплексной программы социалистической экономической интеграции. Интеграция представляет собой новую, более высокую ступень экономического сотрудничества социалистических государств, позволяющую обеспечить широкое развитие международной специализации и кооперирования производства, совместное освоение передовой технологии и создание совместных предприятий, решение сообща крупных народнохозяйственных проблем.

Социалистические государства стоят за тесную координацию и в области идеологической, политико-воспитательной работы. Эти формы сотрудничества приобретают особое значение в условиях, когда империалисты, пытаясь приспособиться к новой обстановке, делают упор на усилиях вызвать «эрозию» социализма изнутри, на использование идеологических диверсий.

Ключевую роль в укреплении единства социалистического содружества играет развитие всестороннего сотрудничества СССР с другими социалистическими государствами, непримиримая борьба против антисоветизма. Советский Союз является старейшей страной социализма и располагает среди социалистических государств наибольшей экономической и военной мощью. Без разгрома Советскими Вооруженными Силами фашистских агрессоров во второй мировой войне, без защиты стран народной демократии от покушений империализма в послевоенные годы, без экономической помощи со стороны СССР социалистический строй в государствах народной демократии не смог бы победить и укрепиться.

Советские Вооруженные Силы являются самыми мощными и наиболее современными в социалистическом лагере. Они составляют его надежную защиту. Ракетно-ядерная мощь Советского Союза — важнейший фактор обуздания агрессивных сил империализма и предотвращения новой мировой войны.

Мощный экономический потенциал СССР, его научно-технические достижения представляют собой ценнейший актив социалистического содружества в процессе осуществления программы комплексной экономической интеграции.

11

Забота о развитии всестороннего сотрудничества с братскими странами у КПСС и Советского правительства всегда была и будет на первом месте. Это самое главное направление внешнеполитической деятельности Советского государства.

Внешняя политика социалистических государств есть один из тех каналов, по которым идет созидательная преобразующая деятельность пролетариата, овладевшего государственной властью, а в дальнейшем — общенародного социалистического государства. Достаточно бросить взгляд на международные события послевоенного времени, чтобы прийти к выводу: если социалистические страны находятся в едином строю, если их действия согласованы, то все они добиваются важнейших, непрерывно растущих успехов в деле укрепления и развития социалистического общества и упрочения мира.

Конечно, становление нового типа международных отношений и развитие братского союза социалистических государств — это сложный исторический процесс. Речь идет нередко о преодолении складывавшихся веками традиций, ломке пережитков национальной розни и недоверия; речь идет о создании разносторонней и хорошо налаженной системы экономических, политических и культурных межгосударственных связей, отвечающей интересам всех народов. Поэтому необходимо и преодоление встречающихся трудностей.

Советская внешняя политика трезво учитывает всю сложность формирования нового типа международных отношений. Но она исходит из того, что в природе социализма нет таких противоречий, которые присущи природе капитализма, что те или иные расхождения, возникающие между социалистическими странами, могут и должны преодолеваются на основе пролетарского интернационализма, братского сотрудничества. Гарантией успешного решения сложных проблем создания и развития невиданной в истории международной системы социалистических государств являются последовательный интернационализм, неуклонное стремление к укреплению единства содружества стран социализма.

После победы социалистической революции в России Советское государство предоставило всем населявшим ее народам право и возможность создать собственное государство. Октябрьская революция обеспечила государственную независимость Польши, Финляндии и ряда других стран. Трудящиеся же большей части наций, населявших Россию, сбросив власть эксплуататоров, не пожелали отделяться от Советской России, от победоносного русского рабочего класса, который помог им получить свободу и без помощи которого их ожидало порабощение со стороны империалистов.

Осуществив ленинский принцип самоопределения наций в своей стране, КПСС и Советское правительство стремятся содействовать его торжеству и во всех других районах земного шара. В Программе КПСС указывается, что партия и весь советский народ «считают своим долгом поддерживать священную борьбу

12

угнетенных народов, их справедливые освободительные войны против империализма»⁴.

В летописи национально-освободительной борьбы, приведшей к распаду и крушению колониальной системы империализма, навечно запечатлена огромная роль Советского государства, с первых дней своего существования активно помогавшего народам в их борьбе за свободу. В числе стран, получивших в своей борьбе за национальное освобождение и укрепление завоеванной независимости

активную поддержку со стороны Советского Союза, кроме государств социалистической системы, можно назвать многие развивающиеся страны: Афганистан, Индию, Египет, Алжир, Сирию, Индонезию, Ирак, Ливан и др. Ряду стран Советский Союз помог отстоять независимость перед лицом вооруженного нападения империалистов. Борьба народов против империализма за национальную свободу в огромной мере облегчается самим фактом существования великой социалистической державы — Советского Союза, располагающего огромным политическим и экономическим могуществом. Велика роль экономического и технического содействия, которое Советский Союз оказывает развивающимся государствам Азии и Африки на наиболее льготных началах и без каких-либо политических условий, нарушающих национальный суверенитет и независимость.

Одним из узловых пунктов международной политики Советского Союза в последние годы была борьба за ликвидацию очага войны в Юго-Восточной Азии, созданного агрессией США, широкая и разносторонняя помощь героическому вьетнамскому народу и другим народам Индокитая, сражавшимся с иноземными захватчиками. Победа вьетнамского народа — это результат его великого подвига в борьбе за свободу, это общий успех сил мира, демократии и социализма.

Советский Союз решительно выступил в поддержку арабских народов, подвергшихся агрессии со стороны Израиля, поощряемого империалистическими и сионистскими кругами. Благодаря поддержке народов Арабского Востока Советским Союзом и другими социалистическими странами, всеми антиимпериалистическими силами были опрокинуты неоколониалистические планы свержения прогрессивных режимов, созданных в ряде арабских государств. Советский Союз последовательно выступает за политическое урегулирование на Ближнем Востоке на основе полного вывода израильских войск с оккупированных арабских территорий, уважения независимости и законных прав государств и народов этого района, включая право арабского народа Палестины на создание собственного государства.

Народы, борющиеся против империализма, высоко ценят поддержку, оказываемую им Советским Союзом, последовательный интернационализм международной политики КПСС и Советского государства. «Вьетнамская пословица гласит: „Когда пьешь воду,

⁴ Материалы XXII съезда КПСС, с. 365.

13

помни об источнике”, — говорит Первый секретарь ЦК Партии трудящихся Вьетнама Ле Зуан. Сегодня в радостной обстановке, связанной с победой, Партия трудящихся Вьетнама и вьетнамский народ вновь и вновь вспоминают о важном вкладе, который Коммунистическая партия Советского Союза и советский народ внесли в революционное дело вьетнамского народа на протяжении истекшего почти полувека. С первых дней, когда вьетнамская революция еще находилась в зародыше, и до славных побед, особенно в деле борьбы против американских империалистов, за спасение Родины и в строительстве социализма, КПСС, Советское правительство и советский народ, действуя в духе благородного интернационализма, постоянно стояли рядом с вьетнамским народом, неизменно оказывая ему сердечную поддержку, щедрую помощь, полную братских чувств»⁵

Не раз свидетельствовали свою признательность Советскому Союзу за его поддержку в борьбе против империализма государственные деятели развивающихся стран Азии и Африки. Выдающийся лидер национально-освободительного движения Индии Дж. Неру отмечал: «По отношению к странам Востока — Китаю, Турции, Персии и Афганистану — Советская Россия

проводила чрезвычайно великодушную политику. Она отказалась от старых привилегий царской России и старалась установить с ними дружественные отношения. Это отвечало провозглашенным ею принципам освобождения всех угнетенных и эксплуатируемых народов... Такие империалистические державы, как Англия, часто попадали в трудное положение благодаря этому великодушию Советской России, и страны Востока делали сравнение не в пользу Англии и других держав»⁶. Президент ОАР Гамаль Абдель Насер писал о роли СССР в освободительном движении: «Национальное революционное движение народов Азии и Африки против империализма и отсталости, которое является характерной чертой современности, особенно в знаменательный период после окончания второй мировой войны, своими победами в значительной мере обязано существованию и могуществу Советского Союза, ставшего реальным фактором обуздания империализма и создания для сил национальной революции исключительно благоприятной возможности играть в самых широких масштабах эффективную роль в борьбе за независимость и прогресс»⁷. Видный деятель национально-освободительного движения в Африке — Кваме Нкрума, оценивая роль СССР в деле оказания помощи освободительному движению народов Африки, подчеркивал: «Если бы не Советский Союз, движение за освобождение от колониального ига в Африке испытывало бы всю силу жестокого и грубого подавления»⁸.

⁵ Правда, 1973, 11 июля.

⁶ Неру Дж. Взгляд на всемирную историю. М., 1975, т. 3, с. 31.

⁷ СССР и страны Африки, 1946-1962 гг.: Документы и материалы. М., 1963. т. 2, с. 627.

⁸ Там же, с. 360.

14

Советский Союз выступает за полную ликвидацию всех форм колониализма и неоколониализма, за национальную свободу всех народов. «Всеми миру известно, что, следуя заветам В. И. Ленина, наша партия, наш народ активно поддерживают национально-освободительную борьбу народов и прогрессивную политику освободившихся от колониального гнета стран», — отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в докладе о пятидесятилетии СССР⁹. Советский Союз — лучший друг и самая надежная опора народов, борющихся за свою независимость.

Изучая капиталистическое общество и проблемы пролетарской революции, В. И. Ленин открыл закон неравномерности развития капитализма. Из этого закона Ленин сделал вывод исключительной важности. «...Социализм не может победить одновременно во всех странах, — писал он. — Он победит первоначально в одной или нескольких странах, а остальные в течение некоторого времени останутся буржуазными или добуржуазными»¹⁰.

Таким образом, из возможности победы революции первоначально в одной стране объективно вытекает неизбежность периода сосуществования на нашей планете двух разных общественных систем: новой, социалистической и старой, капиталистической. Такое положение и сложилось на деле, начиная с победы Великой Октябрьской социалистической революции в России и вплоть до наших дней. Сосуществование стран с различным общественным строем является объективной реальностью, в условиях которой более полувека живет все человечество.

Раз такова объективная обстановка, раз в мире сосуществуют и борются друг с другом две разные общественные системы, то неизбежно возникает вопрос о характере отношений между государствами, принадлежащими к этим двум противоположным системам. Вопрос этот возник в момент создания первого социалистического государства — 7 ноября 1917 г.

В. И. Ленин всегда указывал на опасность империалистической интервенции

и агрессии и принимал все возможные меры к созданию и укреплению военной мощи молодого Советского государства. Эти меры вызывались необходимостью быть готовыми к отражению нападения империалистов, к защите завоеваний социалистической революции.

Давая беспощадный отпор агрессивным поползновениям империализма, В. И. Ленин стремился обеспечить мир, необходимый для упрочения Советского государства и строительства социализма.

Разумеется, реальная возможность сохранения мира и установления мирного сосуществования стран с различным социальным строем зависит не только от позиции социалистических государств. Империализм остается источником постоянной угрозы делу мира и социального прогресса. Советской власти пришлось

⁹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи. М., 1974, т. 4, с. 72.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 133.

15

вести упорную и тяжелую борьбу за мир с самого момента победы Октябрьской революции. Едва лишь она восторжествовала, империалистические державы прибегли к вооруженной интервенции против Советской России. И только получив отпор, они вынуждены были смириться с существованием социалистического государства. При этом они не оставили надежд снова пустить в ход военную силу в целях его сокрушения. Империализм в то время еще доминировал на мировой арене, и потому мирное сосуществование не могло быть устойчивым. Проводя политику мира в обстановке своего времени, Ленин предсказывал неизбежность «ужасных столкновений» с империалистами, призывал тщательно готовиться ко второму туру войн с агрессорами. Насколько прав был Ленин, показали вторая мировая война и гитлеровская агрессия против СССР.

После второй мировой войны в международной политической обстановке произошли большие перемены. Они были вызваны разгромом фашистских агрессоров в войне, в которой СССР и его Вооруженные Силы сыграли решающую роль, ростом экономической мощи, научно-технического потенциала, политического авторитета Советского Союза, созданием мирового социалистического содружества, крушением колониальной системы империализма и вступлением народов Азии и Африки на путь самостоятельного развития. В результате произошел величайший сдвиг в соотношении политических сил на мировой арене в пользу сил мира, демократии и социализма и в ущерб силам войны, реакции и империализма. Увеличившееся влияние прогрессивных сил, в первую очередь возрастание могущества СССР, привело к тому, что появились дополнительные возможности для предотвращения новой мировой войны — возможности, которых не было в 30-х годах, когда фашистская агрессия вызвала вторую мировую войну. На основе анализа изменений, происшедших на мировой арене, КПСС, международное коммунистическое движение пришли к выводу о том, что в новых условиях объединенными усилиями могучего социалистического лагеря, миролюбивых несоциалистических государств, международного рабочего класса и всех сил, отстаивающих дело мира, мировую войну можно предотвратить.

Для того чтобы достигнуть этой цели, необходимы самые энергичные солидарные усилия социалистических государств, международного рабочего класса, национально-освободительного движения и других миролюбивых сил, самое тесное их сплочение в борьбе против империализма и его агрессивной политики.

Борьба за мир, а следовательно, борьба против империалистической агрессии, за

мирное сосуществование государств с различным общественным строем всегда составляла важнейшую задачу внешней политики Советского Союза — боевой антиимпериалистической политики. Добиваясь предотвращения новой мировой войны, Советское государство постоянно выступало и выступает против всех захватнических и колониальных войн, против создания очагов напряженности в мире, установления всякого

16

рода экономических блокад и осуществления других империалистических акций, направленных на подавление национально-освободительного движения в Азии, Африке и Латинской Америке.

Постоянные усилия СССР, направленные на то, чтобы спасти человечество от мировой термоядерной войны путем неуклонного претворения в практику международных отношений ленинских принципов мирного сосуществования, — стратегическая линия советской внешней политики. Политика мирного сосуществования — политика не конъюнктурная, а длительного, программного характера. Развернутое определение мирного сосуществования между государствами с различным социальным строем дано в Программе КПСС: оно предполагает «отказ от войны как средства решения спорных вопросов между государствами, разрешение их путем переговоров; равноправие, взаимопонимание и доверие между государствами, учет интересов друг друга; невмешательство во внутренние дела, признание за каждым народом права самостоятельно решать все вопросы своей страны; строгое уважение суверенитета и территориальной целостности всех стран; развитие экономического и культурного сотрудничества на основе полного равенства и взаимной выгоды.

Мирное сосуществование служит основой мирного соревнования между социализмом и капитализмом в международном масштабе и является специфической формой классовой борьбы между ними. Последовательно проводя линию на мирное сосуществование, социалистические страны добиваются неуклонного укрепления позиций мировой социалистической системы в ее соревновании с капитализмом. В условиях мирного сосуществования создаются более благоприятные возможности для борьбы рабочего класса капиталистических стран, облегчается борьба народов колониальных и зависимых стран за свое освобождение»¹¹.

Мирное сосуществование государств с различным социальным строем не только не противоречит задачам развития революционного процесса, но и способствует решению этих задач.

Вопреки утверждениям буржуазных и «левых» теоретиков, мирное сосуществование государств с различным строем отнюдь не означает какого-либо признания незыблемости капитализма, социально-классового «статус-кво» в мире. С классовой точки зрения реализация принципов мирного сосуществования означает обеспечение условий мирного развития государств социалистического содружества, обуздание агрессивных сил империализма и пресечение империалистического «экспорта контрреволюции». Как отметило международное Совещание 1969 г., политика мирного сосуществования «отвечает общим интересам революционной борьбы против всех форм угнетения и эксплуатации, способствует укреплению дружбы между всеми народами, развитию плодотворного экономического, научно-технического и иного со-

¹¹ Материалы XXII съезда КПСС, с. 364

17

трудничества между странами с различным общественным строем в интересах социального прогресса»¹².

Излюбленная выдумка врагов социализма и Советского Союза —

клеветнический вымысел о том, будто СССР рассчитывает силой оружия насадить социализм в других странах. Именно такие намерения приписываются Советскому Союзу пропагандой самых реакционных кругов в империалистических странах, распространяющих легенды об «агрессивности» Советской страны. Эта клевета может исходить только от людей, ослепленных классовой ненавистью либо же сознательно рассчитывающих на совершенное невежество своих читателей и слушателей в том, что касается действительной политики Советского правительства и основ марксистско-ленинской теории, которой руководствуется в своей деятельности КПСС.

С точки зрения марксизма-ленинизма революции возникают в результате глубоких социально-экономических процессов — нарастания классовой борьбы, обусловленной действием объективных законов общественного развития данной страны. В. И. Ленин в своих трудах дал подробный анализ того, когда и при каких условиях на основе резкого обострения противоречий между производительными силами и производственными отношениями нарастание классовой борьбы создает революционную ситуацию, которая при наличии определенных предпосылок может привести к революции. Эти высказывания Ленина наглядно опровергают утверждения о том, что революцию коммунисты намереваются сделать из-за рубежа «по заказу». «Господство капитализма подрывается не потому, что кто-то хочет захватить власть...— говорил Ленин. — Господство капитализма прекратить было бы невозможно, если бы к этому не вело все экономическое развитие капиталистических стран»¹³.

Советский народ испытывает чувство глубокой симпатии к революционным силам, действующим в капиталистическом мире, проявляет классовую солидарность с ними и оказывает им поддержку. Но эта поддержка создается не «экспортом революции», а борьбой против вмешательства империалистических держав во внутренние дела народов, т. е. против «экспорта контрреволюции». Когда империалистическая реакция поднимает шум по поводу мнимого экспорта революции, она лишь маскирует этим собственные замыслы, направленные на экспорт контрреволюции, на реставрацию капитализма в странах, от него отпавших, на восстановление в новых формах колониального гнета в странах, от него освободившихся.

Объективные закономерности исторического развития ведут к углублению кризиса капиталистической системы, делают неотвратимым революционный переход к социализму, создание социали-

¹² Международное Совещание коммунистических и рабочих партий: Документы и материалы, с. 318.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 98—99.

18

стического общества. Политика империалистических государств, внутренняя и внешняя, направлена на то, чтобы остановить это неизбежное развитие и сохранить отживающий и обреченный строй. Империалистические державы стремятся задержать поступательный ход истории и повернуть колесо ее вспять. Чтобы добиться этого, империалисты, как показал опыт, не останавливаются перед насилием и войной. Мирлюбивая политика Советского Союза препятствует этому курсу мировой реакции, т. е. содействует прогрессивному развитию человечества, торжеству нового, революционного над старым, отжившим.

Империализм уже вверг человечество в две мировые войны, не говоря о сотнях локальных войн — колониальных и других, почти непрерывно происходивших то в одном, то в другом районе мира. После второй мировой войны реакционные империалистические круги стали готовить мировую

термоядерную войну. Возникла угроза нового преступления против всего человечества, столь чудовищного, что перед ним бледнеют даже страшные преступления виновников обеих мировых войн прошлого.

Если политика империалистической реакции, нацеленная на подготовку мировой войны, преступна, то политика Советского государства, стремящаяся обуздать агрессию, глубоко гуманна и отвечает интересам всех народов. Ее торжество — это победа всего прогрессивного. Она несет мир для трудящегося человечества, а это означает в век ядерного оружия сохранение жизни сотен и сотен миллионов рабочих и крестьян в различных странах.

Принцип мирного сосуществования действует в сфере отношений между государствами. Только к межгосударственным отношениям его и применяет Советское правительство. Несостоятельны попытки некоторых буржуазных специалистов по международным проблемам распространить этот принцип на сферу отношений между классами внутри капиталистических стран и противопоставить мирное сосуществование революционной классовой борьбе или национально-освободительному движению. Развитие классовой борьбы, как и освободительной борьбы угнетенных народов, определяется своими собственными законами.

Советский Союз рассматривает мирное сосуществование как длительную и активную борьбу за мир против агрессивных устремлений империализма. Политика мирного сосуществования направлена на то, чтобы помешать империалистам применить оружие против народов, ставших на путь строительства социализма, против народов, сбросивших иго колониализма. Советская политика учитывает уроки недавнего прошлого, требования времени. Ни на минуту не ослабляя своей бдительности в отношении происков поджигателей войны, Советский Союз, верный заветам Ленина, решительно выступает за мир, за поддержание и развитие нормальных политических и экономических отношений со всеми капиталистическими странами. При этом Советский Союз отвергает имеющие хождение на Западе концепции, ограничивающие сферу мирного сосуществования только отношениями вели-

19
ких держав. Мир неделим. Нельзя, как это практикуют некоторые политические деятели на Западе, высказываться за мирное сосуществование и в то же время грубо попирать этот принцип в отношении малых стран Азии, Африки, Латинской Америки. Кто действительно хочет нормальных взаимоотношений, построенных на принципе мирного сосуществования, тот должен распространять этот принцип на все государства, вне зависимости от их величины или географического положения.

«КПСС исходила и исходит из того,— указывает Л. И. Брежнев,— что классовая борьба двух систем — капиталистической и социалистической — в сфере экономики, политики и, разумеется, идеологии будет продолжаться. Иначе и быть не может, ибо мировоззрение и классовые цели социализма и капитализма противоположны и непримиримы. Но мы будем добиваться, чтобы такая исторически неизбежная борьба перешла в русло, не угрожающее войнами, опасными конфликтами, бесконтрольной гонкой вооружений. Это будет огромным выигрышем для дела мира во всем мире, для интересов всех народов, всех государств»¹⁴.

*

Социалистическая внешняя политика внесла в международные отношения новые приемы и методы дипломатической работы. Поскольку политика социалистического государства всецело направлена на обеспечение народных интересов, ей не нужны обман и ложь, составляющие непременную

принадлежность политики и дипломатии империализма. Советская внешняя политика отбросила прочь эти атрибуты старой дипломатии. Советская политика честна и правдива, ибо ей нечего скрывать от народа. В силу той же причины Советское правительство принципиально отвергает тайную дипломатию. Оно выступает за максимальную гласность в международном общении.

Верность своему слову — неизменное свойство советской политики. СССР свято соблюдает договоры, неукоснительно исполняет все принятые им международные обязательства.

В области внешней политики, как и в других областях, В. И. Ленин требовал научного подхода. Советская политика — внешняя и внутренняя — зиждется на теории научного социализма. Она ведется на основе марксистско-ленинского анализа объективных закономерностей общественного развития, пристального изучения меняющейся международной обстановки, точно учитывает соотношение сил, складывающееся на мировой арене.

Научный марксистский анализ позволяет социалистической внешней политике разоблачать политику империализма, выделять из словесной оправы дипломатических нот и речей классовую сущность империалистической политики, отличать слова от дел,

¹⁴ Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи, т. 4, с. 81.

20

за красивыми фразами буржуазных политиков уметь распознать и верно оценить их действительные замыслы.

В. И. Ленин основывал политику на внимательном изучении противника. «...Нам не безразлично,— говорил Ленин,— имеем ли мы дело с теми представителями буржуазного лагеря, которые тяготеют к военному решению вопроса, или с теми..., которые тяготеют к пацифизму...»¹⁵ Ленин требовал точного учета различных течений внутри буржуазии и не допускал огульного подхода, сокращающего возможности для гибкой и эффективной политики и для приобретения союзников, хотя бы и временных. В борьбе за мир против империализма и агрессии ленинская дипломатия всегда стремилась отыскать и привлечь союзников, вела работу по разоблачению и политической изоляции наиболее агрессивных представителей империализма.

В. И. Ленин учил сочетать в политике, в том числе и внешней, высокую принципиальность с гибкостью. Он отметал всякое сектанство и догматизм. Ленин не чуждался компромиссов в тех случаях, когда они, не нанося ущерба принципам Коммунистической партии, приносят пользу Советскому государству и великому делу строительства социализма и коммунизма.

Борьба социалистической и империалистической внешней политики вот уже более полувека составляет ось всей международной жизни. В ходе этой борьбы социалистическая внешняя политика становится все более влиятельной, она во все большей мере определяет развитие международной обстановки.

Проверкой правильности всякой политики является практика — практические результаты, к которым она приводит. Советская ленинская политика прошла проверку временем. Советская политика осуществлялась в условиях непрестанной и тяжелой борьбы народа, защищавшего свое государство против целого сонма непримиримых врагов. В течение десятилетий Советскому государству пришлось одному выдерживать натиск мирового империализма. Советское государство выиграло все войны, которые ему пришлось вести. Оно преодолело происки многочисленных, сильных и опасных врагов и отвоевало себе то выдающееся положение, которое занимает ныне в качестве великой социалистической державы, оказывающей огромное и возрастающее влияние на весь мир, способной воздействовать на всю совокупность международных

отношений современной эпохи, на общее направление их развития. В этот результат внешняя политика и дипломатия СССР внесли свою — и немалую — долю. На протяжении всего периода со времени Великого Октября, который принес с собой глубочайший переворот в общественной жизни всего человечества, советская внешняя политика содействовала обеспечению безопасности нашей страны и ее друзей, помогала неуклонному росту ее авторитета на международной арене.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 70.

21

В наши дни принципы внешней политики социализма получают все большее признание во всем мире. Напротив, сфера господства империализма и действия его норм международной жизни значительно сузились.

Особенно знаменателен в этом отношении период после XXIV съезда КПСС, период реализации принятой съездом Программы мира. Инициативная, целеустремленная политика КПСС, политика, базирующаяся на глубоком научном анализе проблем мирового развития и учитывающая все имеющиеся в мире конструктивные возможности, обеспечила серьезные позитивные сдвиги в международных отношениях.

Крупные положительные итоги встреч Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с руководящими деятелями США, ФРГ, Франции и других государств, договоры и соглашения, заключенные Советским Союзом с Соединенными Штатами и ФРГ, конструктивные итоги встреч на высшем уровне руководящих деятелей других социалистических государств с представителями капиталистических стран и ряд заключенных между ними договоров, успешное завершение Общеευропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничеству в Хельсинки — все это определило важный поворот в международных отношениях. Была достигнута разрядка международной напряженности.

Прежде всего необходимо отметить большую важность прекращения войны во Вьетнаме и победы героического вьетнамского народа, что сняло одно из главных препятствий на пути оздоровления международно-политического климата на нашей планете.

Произошел серьезный поворот к разрядке и миру в Европе. Увенчалась успехом многолетняя борьба за международно-правовое признание территориальных изменений, происшедших в Европе в результате второй мировой войны, и нерушимости установленных в итоге этих изменений государственных границ.

Сторонники мира не раз провозглашали своей первостепенной задачей избавление человечества от ядерной катастрофы. Чрезвычайно важную роль в достижении этой цели призвано было сыграть заключенное в 1973 г. советско-американское Соглашение о предотвращении ядерной войны. Наиболее мощные из ядерных держав приняли на себя обязательства действовать так, чтобы исключить возникновение ядерной войны между ними, а также между каждой из них и другими странами. Сам этот факт имеет огромное политико-моральное значение, способствует борьбе миролюбивых сил за полное устранение угрозы ядерной войны.

Очень важно и то, что в результате заключения ряда договоров и соглашений о торговле, экономическом и научно-техническом сотрудничестве с США, Францией, ФРГ и другими странами был открыт путь к широкому взаимовыгодному сотрудничеству социалистических государств с капиталистическими странами.

22

Принципиальную важность приобрели внешнеполитические мероприятия, направленные на то, чтобы закрепить разрядку и расширить ее сферу; дополнить политическую разрядку разрядкой военной, практическими шагами в области разоружения; подвести под разрядку прочную экономическую базу; создать широкий и разносторонний механизм международного сотрудничества.

Программу мира, проводимую Советским Союзом, странами социалистического содружества, политику разрядки напряженности и развития сотрудничества горячо поддерживают народы, миролюбивые демократические силы всего мира.

Дальнейший крупный вклад в разработку марксистско-ленинской теории международных отношений, в реализацию основных направлений советской внешней политики был сделан XXV съездом КПСС, который поставил задачу продолжать добиваться, чтобы прочный мир стал естественной формой жизни всех народов земного шара. Съезд подчеркнул важное значение единства и сплоченности братских социалистических стран, призвал к дальнейшему укреплению сотрудничества СССР с развивающимися странами, к всемерной поддержке народов, борющихся за свое освобождение, с новой силой указал на то, что в отношениях с капиталистическим миром главным остается борьба за утверждение принципов мирного сосуществования государств с различным общественным строем, за ослабление, а в перспективе и устранение опасности возникновения новой мировой войны. Съезд одобрил сформулированную в докладе Л. И. Брежнева Программу дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов. Большое внимание съезд уделил проблемам мирового революционного движения. Он констатировал, что главное направление социального прогресса человечества определяет развитие стран социализма, усиление благотворного влияния их международной, политики.

Правящие круги Запада, как уже отмечалось на международном Совещании коммунистических и рабочих партий 1969 года, вынуждены считаться с новыми историческими условиями, учитывать изменения соотношения сил в пользу социализма и мира.

Однако по-прежнему существуют силы, действующие в духе «холодной войны», выступающие за дальнейшее наращивание вооружений, сеющие семена враждебности и недоверия между государствами. Такие силы имеются и в США, и в ФРГ, и в других странах Запада. Более того, предпринимаются попытки использовать условия разрядки для применения новых, более изощренных форм борьбы против упрочения мира и против социалистических государств.

В борьбе против укрепления принципов мирного сосуществования и сотрудничества объединяются усилия наиболее реакционных, правозэкстремистских, реваншистских кругов империализма и маоистов. По всем линиям они выступают как сила, враждебная политике и интересам социалистического мира, противодей-

ствующая курсу социалистических государств на укрепление международной безопасности и делающая ставку на всемерное усиление военных приготовлений и на разжигание агрессии, как сила, ставящая во главу угла враждебную деятельность против СССР и других социалистических государств.

Семидесятые годы характеризовались невиданным по своим масштабам общим кризисом капиталистической системы, развитием вширь и вглубь мирового революционного процесса, в русле которого находят свое место все течения освободительного движения, различные потоки борьбы за новое общество, свободное от иностранного и социального гнета.

Революционные перемены распространились на многие страны и континенты.

Победно утвердился форпост социализма в Юго-Восточной Азии — 50-миллионный Вьетнам. На путь социализма встали народы Лаоса, уничтожен преступный режим Пол Пота — Иенг Сари в Кампучии. Под ударами национально-освободительного движения и революционных сил в метрополии рухнула последняя на земле португальская колониальная империя. Укрепляются прогрессивные режимы в Анголе, Мозамбике, Гвинее-Бисау и ряде других африканских государств. Совершились антиимпериалистические, народные революции в Эфиопии, Афганистане, Иране. Прочно укрепились позиции социалистической Кубы в западном полушарии. Один за другим народы Центральной Америки и Карибского бассейна берут свою судьбу в собственные руки. На путь новой жизни встал народ Никарагуа. Освободительное движение сотрясает колониализм и расизм на Юге Африки. Идет неумолимый процесс смены отживших, реакционных, угнетательских режимов прогрессивными, все чаще — с социалистической ориентацией.

Всесторонний кризис капитализма, экономическая неустойчивость и потрясения, неудержимая инфляция, непреодолимый рост безработицы, позорные политические скандалы «в верхах», упадок общественной морали и нарастающая неспособность буржуазного государства обеспечить безопасность своих граждан — эти и другие язвы капитализма обнажаются в массовом и зловещем масштабе.

В этих условиях на исходе 70-х годов в связи с революционными потрясениями и переменами в молодых развивающихся государствах США стали распространять лживый миф «о руке Москвы». Определенные круги США, увидевшие в разрядке напряженности помеху своим агрессивным планам, политике шантажа и диктата в отношении других народов, а также империалистическим притязаниям на мировое лидерство, пытаются вернуть мир ко временам «холодной войны». Эти силы еще в 1978 г., на майской сессии совета НАТО в Вашингтоне, навязали странам — членам блока автоматическое ежегодное увеличение военных расходов до конца XX в. Усиливая нажим на своих союзников и увлекая их на опасный путь милитаризма, правящие круги США осуществляют все новые долгосрочные программы вооруже-

24

ний, расширяют сеть военных баз в различных районах мира, лихорадочно сколотили так называемый корпус быстрого развертывания, призванный стать орудием военного вмешательства Вашингтона в дела независимых государств.

Взяв курс на подрыв дела международной разрядки, президент США Картер принял решение заморозить на неопределенное время рассмотрение в сенате Договора ОСВ-2, который в случае его ратификации мог бы открыть путь к крупным шагам в области разоружения. Крайне неблагоприятное воздействие на обстановку в Европе и во всем мире оказало принятое НАТО по требованию США решение разместить в ряде западноевропейских стран новые ракетно-ядерные средства средней дальности, что ведет к новому витку гонки вооружений, затрудняет ведение переговоров о разоружении.

Стремясь закамуфлировать свою линию на подрыв разрядки международной напряженности, Вашингтон при активной помощи пекинских гегемонистов развернул беспрецедентную антисоветскую кампанию в связи с событиями в Афганистане. Накал этой лживой и лицемерной кампании с головой выдавал ее организаторов, чьи планы лишить Афганистан независимости, превратить его в империалистический военный плацдарм на южной границе нашей страны были сорваны своевременной акцией помощи, предпринятой СССР по просьбе афганского правительства.

Советский Союз уже не раз продемонстрировал, что способен постоять за себя, за своих союзников и друзей. СССР, другие братские социалистические страны —

участницы Варшавского Договора исполнены решимости отстаивать все то позитивное, что годами создавалось коллективными усилиями государств для упрочения безопасности и развития мирного сотрудничества, особенно в Европе. Они твердо знают, что политика разрядки имеет глубокие корни, на ее стороне могучие силы современности. А это значит, что, несмотря на происки врагов мира, разрядка имеет все шансы оставаться ведущей тенденцией в отношениях между государствами. «Советские люди, наши друзья за рубежом,— подчеркивает Л. И. Брежнев,— могут быть уверены: ленинский внешнеполитический курс непоколебим. Он определен решениями съездов КПСС, воплощается во всей нашей внешнеполитической деятельности. Этот курс сочетает последовательное миролюбие с твердым отпором агрессии. Он оправдал себя в прошедшие десятилетия, ему мы будем следовать и впредь. С этого курса нас не собьет никто»¹⁶.

В обстановке раскрытия новых возможностей укрепления дела мира, продвижения вперед сил социализма и демократии с одной стороны, и новых опасностей, связанных с деятельностью реакционных империалистических сил, блокирующегося с ними пекинского руководства, с другой — еще большее значение, чем прежде, приобретает курс на укрепление сплоченности социалистиче-

¹⁶ Правда, 1980, 13 янв.

25

ского содружества, международного коммунистического движения, всех миролюбивых демократических сил, курс, неизменно проводимый КПСС.

Как теоретические принципы внешней политики СССР, так и практический опыт ее проведения Советским государством составляют богатейшее идейное достояние рабочего, демократического движения и движения всего передового человечества. Советский внешнеполитический опыт помог другим социалистическим странам, вступившим на путь социализма позже Советского Союза, выработать свою собственную внешнюю политику. Как о том свидетельствуют факты, опыт советской внешней политики вызывает живейший интерес также и в рабочем классе капиталистических стран. Не меньший интерес наблюдается и в молодых странах, недавно освободившихся от колониального владычества, создавших свою государственность и ныне формирующих свою внешнеполитическую линию. Это понятно, так как и рабочий класс капиталистических стран, и народы, борющиеся против империализма, имеют в лице Советского Союза лучшего друга. Его внешняя политика оказала прямую помощь многим из этих стран. Более того, она защищает великие морально-политические ценности, которые близки сердцу каждого сознательного рабочего и каждого борца за национальную свободу, мир, безопасность, национальную независимость, свободу и равенство всех наций.

Советский народ должен знать не только то, как ведется внешняя политика сегодня, но и все ее прошлое, история помогает глубже понять современность. Эта книга призвана послужить более глубокому пониманию внешней политики СССР советскими людьми. Она призвана разъяснять эту политику за рубежом. Чем лучше и вернее будет понята советская политика, тем большее число друзей она приобретет.

I ГЛАВА

ПЕРВЫЕ АКТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

БОРЬБА СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ЗА ВСЕОБЩИЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ МИР

Великая Октябрьская социалистическая революция совершилась в условиях первой мировой войны, когда Россия вместе с Англией, Францией, США и другими странами воевала против Германии и ее союзников.

Придя к власти, большевики развернули активную деятельность по претворению в жизнь своих призывов покончить с империалистической войной. Использовать все средства и возможности, чтобы добиться заключения всеобщего и демократического мира,— такова была задача, поставленная большевистской партией. И в этом партию горячо поддерживали миллионы трудящихся.

Мир был необходим для закрепления завоеваний социалистической революции, для осуществления преобразований в городе и деревне, для упрочения союза рабочего класса и трудящегося крестьянства. Продолжение войны грозило погубить дело революции и представляло смертельную опасность для самого существования России. Экономика страны находилась в состоянии развала, армия на исходе 1917 г. фактически полностью потеряла боеспособность.

В то же время международная обстановка в известной степени благоприятствовала победе социалистической революции в России и упрочению в ней новой, рабоче-крестьянской власти в форме Советов. Империалистический мир был расколот на две враждебные группировки держав, которые схватились между собой не на жизнь, а на смерть. Основную тяжесть войны несли на своих плечах трудящиеся массы. Поэтому в странах обеих воюющих коалиций зрело недовольство масс войной, выразившееся в активных антивоенных выступлениях. При таких обстоятельствах как Германии, так и Антанте нелегко было найти силы для осуществления сокровенных желаний господствующих классов всех империалистических стран: подавить русскую революцию и, говоря словами Черчилля, задушить коммунизм в его колыбели.

Война между двумя блоками империалистических держав мешала им создать единый фронт против Советской России, вслед-

ствие чего Советское правительство получило возможность укрепить первое в мире социалистическое государство.

На следующий же день после победы Октябрьской революции большевики ясно и твердо заявили о своем намерении добиться заключения всеобщего мира.

26 октября (8 ноября) 1917 г. II Всероссийский съезд Советов принял Декрет о мире, в котором Советское государство предлагало всем воюющим народам и их правительствам немедленно начать переговоры о справедливом демократическом мире. Проект этого замечательного документа был написан В. И. Лениным. «...Борьба за мир начинается,— говорил Ленин.— Эта борьба будет трудной и упорной. Международный империализм мобилизует все свои силы против нас...»¹

Для природы нового, социалистического государства в высокой степени знаменательно, что первый его внешнеполитический акт был посвящен борьбе за мир. В Декрете о мире воплотилась совершенно новая внешняя политика и дипломатия, принципиально отличная от внешней политики и дипломатии эксплуататорских классов.

Новым был прежде всего адрес, по которому обратилось Советское правительство со своим мирным предложением: Декрет был обращен не только к правительствам, но и к народам обеих воюющих группировок и в особенности к передовым, сознательным пролетариям Англии, Франции и Германии. Такое обращение нарушало принятую в прежней дипломатии форму. Оно

предоставляло широкие возможности для осведомления всего мира о советской мирной платформе. Это был призыв к массам принять непосредственное участие в борьбе за мир.

В этом историческом документе правительство Советской России решительно осудило империалистическую войну. «Продолжать эту войну из-за того,—гласит декрет,—как разделить между сильными и богатыми нациями захваченные ими слабые народности, правительство считает величайшим преступлением против человечества и торжественно заявляет свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на указанных, равно справедливых для всех без изъятия народностей условиях»².

В Декрете о мире В. И. Ленин четко определил, какой мир Советское правительство признает справедливым и демократическим: «Мир без аннексий (т. е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций». В декрете было точно оговорено, что понимается под аннексией:

«Под аннексией, или захватом чужих земель, правительство понимает, сообразно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности, всякое присоединение к боль-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 86.

² Документы внешней политики СССР. М., 1957, т. 1, с. 12.

28

шому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация. Независимо, наконец, от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет»³.

В этом определении аннексии был заложен ряд основных положений новой, социалистической внешней политики: здесь и полный отказ от всяких форм агрессии, и принцип самоопределения наций, и осуждение колониализма, и требование равенства больших и малых народов.

Предлагая эти условия мира, В. И. Ленин указал с трибуны II съезда Советов, что Советское правительство не считает свои предложения ультимативными. Оно согласно обсудить любые другие условия мира и настаивает лишь на немедленном их представлении, на полной их ясности и исключении тайной дипломатии при их обсуждении.

В Декрете о мире, в частности, в выраженной в нем готовности обсуждать любые условия мира, отразилась ленинская идея возможности мирного сосуществования государств, принадлежащих к различным социальным системам, урегулирования отношений между ними посредством переговоров. Выступая на II съезде Советов, В. И. Ленин говорил: «Мы отвергаем все пункты о грабежах и насилиях, но все пункты, где заключены условия добрососедские и соглашения экономические, мы радушно примем, мы их не можем отвергать»⁴.

Эти слова вождя революции свидетельствовали о намерении Советской власти поддерживать нормальные отношения со странами капитализма.

В Декрете о мире предлагалось заключить перемирие не менее чем на три месяца, чтобы дать возможность всем странам подготовиться к переговорам о заключении мира.

Молодая Советская республика была первым и единственным государством, выступившим с программой справедливого мира без аннексий и контрибуций. Декрет о мире был новым словом в истории отношений между государствами.

Радио и печать широко разнесли это слово по всему миру. С этим историческим документом появилась на свет новая внешняя политика — политика социалистического государства.

7(20) ноября 1917 г. Советское правительство послало в Ставку верховному главнокомандующему армией генералу Духонину предписание обратиться непосредственно к командованию неприятельских армий с предложением немедленно взаимно приостановить военные действия.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 14.

⁴ Там же, с. 20.

29

8(21) ноября Народный комиссариат по иностранным делам обратился к послам союзных держав с нотой. Приложив к ноте текст Декрета о мире, НКВД просил рассматривать его как «формальное предложение немедленного перемирия на всех фронтах и немедленного открытия мирных переговоров, предложение, с которым полномочное Правительство Российской Республики обращается одновременно ко всем воюющим народам и к их правительствам»⁵.

Между тем от Духонина не поступило ответа на телеграмму Советского правительства. Ввиду этого в ночь на 9(22) ноября В. И. Ленин по прямому проводу запросил Духонина о причинах промедления с ответом.

Вначале Духонин пытался уклониться от объяснения. Но Ленин поставил ему вопрос в упор: «Отказываетесь ли вы категорически дать нам точный ответ и исполнить нами данное предписание?» Духонин ответил отказом.

Тут же Ленин отстранил его от занимаемой должности за неповиновение предписаниям Советского правительства. Главкомандующим был назначен прапорщик, видный деятель революции Н. В. Крыленко⁶.

Утром 9(22) ноября В. И. Ленин от имени Совета Народных Комиссаров обратился к армии и флоту с радиограммой. Изложив ход переговоров с контрреволюционной Ставкой, он призвал солдат через голову командования взять в свои руки ведение переговоров, выбирая уполномоченных в полках для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем. Обо всех принятых мерах предлагалось уведомлять Совет Народных Комиссаров. Подписание окончательного договора о перемирии Совет Народных Комиссаров оставлял за собой.

Обращаясь к солдатам, партия большевиков передавала такое ответственное дело, как заключение мира, в руки самих трудящихся. Это было невиданным в истории явлением. Оно отражало глубоко народный и демократический характер новой, революционной власти, созданной в России.

Империалистические правительства держав Антанты игнорировали предложения Советского правительства о демократическом мире. Они стремились не допустить выхода России из войны, хотя прекрасно знали, что она больше воевать не может. В течение всей войны Россия приковывала к себе значительные силы германского блока, а в наиболее напряженные моменты свыше половины войск противника находилось на Восточном фронте. Выполнение Россией союзнических обязательств привело к полному истощению всех ее ресурсов. Но «союзникам» не было дела до положения России. Они смотрели на нее как на поставщика пушечного мяса.

⁵ Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 17.

⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 79; Документы внешней политики СССР, т. 1, с.

19.

30

Представители Антанты в Петрограде, отмалчивавшиеся до этого момента, теперь открыто выступили против Советской власти.

9(22) ноября дипломатические представители союзных держав собрались на

совещание у американского посла Фрэнсиса, на котором выработали единую линию поведения в отношении Советского правительства. Они решили на советскую ноту от 8(21) ноября не отвечать и в какие-либо контакты с Советским правительством не вступать. Это была тактика бойкота, означавшая, что державы Антанты взяли курс на борьбу с Советской властью. На следующий день, 10(23) ноября, начальники иностранных военных миссий, состоявших при Ставке, по поручению своих правительств выразили протест против нарушения договора от 23 августа (5 сентября) 1914 г., заключенного между царской Россией, Англией и Францией, в силу которого союзники обязывались не заключать перемирия иначе, как по взаимному соглашению. Военные представители Антанты угрожали, что «всякое нарушение договора со стороны России повлечет за собой самые тяжелые последствия»⁷.

Нота была подписана начальниками британской, французской, японской, итальянской и румынской военных миссий при Ставке. 14(27) ноября аналогичный шаг предпринял и военный представитель США. Он также сообщил Духонину, что правительство США «определенно и энергично протестует против всякого сепаратного перемирия, могущего быть заключенным Россией»⁸.

Выступление военных представителей союзных держав, обратившихся к смещенному Советской властью генералу Духонину, было явным подстрекательством к неповиновению распоряжениям Советского правительства, незаконным и грубым вмешательством во внутренние дела России.

Вместе с тем это была попытка воспрепятствовать прекращению военных действий на Восточном фронте. Державы Антанты и США не только отказались участвовать в мирных переговорах, но и с первых же дней стали активно готовиться к борьбе за свержение власти Советов в России. Они надеялись, что с их помощью русская контрреволюция свергнет Советскую власть и вновь создаст буржуазное правительство. Подготовку к этому они начали немедленно после Октябрьской революции — с ноября 1917 г. Контрреволюционная интервенция Антанты тормозилась только недостатком сил и средств, поглощавшихся войной против Германии.

Хотя правительство кайзеровской Германии было таким же лютым врагом Советской страны, как и правительства стран Антанты, однако оно по-иному реагировало на советское предложение начать переговоры о перемирии и мире.

⁷ Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 25.

⁸ Там же, с. 33.

В основе действий Германии и ее союзников лежали экономические и политические факторы. Истощение ресурсов Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции приняло угрожающие размеры. Германские правящие круги надеялись облегчить положение путем заключения сепаратного мира с Россией, который покончил бы с необходимостью борьбы на два фронта и освободил бы силы для широких наступательных операций на Западном фронте, планировавшихся германским командованием на лето 1918 г.

Германские империалисты очень боялись влияния русской революции на Германию и ее армию. Видные представители германского империализма носились с мыслью нанести сокрушительный удар революционной России. Однако для большой и длительной кампании 1918 г. сил у них явно не хватало: значительная часть их была прикована к Западному фронту. Это вынужден был признать генерал Гофман — начальник штаба Восточного фронта¹.

Не могли не учитывать германские империалисты и антивоенных настроений немецкого народа и армии, которые временами выливались в открытые выступления против существующего строя (одним из них было, например,

восстание на флоте в 1917 г.). Учитывая стремление народных масс Германии к миру, правые социал-демократы были вынуждены поддержать требование о заключении мира с Советской Россией. 14(27) ноября германское правительство заявило о своем согласии начать переговоры о перемирии. Ведение их возлагалось на главнокомандующего немецкими войсками на Восточном фронте.

Советское правительство, получив этот ответ, предприняло новую попытку заключить не только русско-германский, но и всеобщий мир: оно предложило немцам отсрочить начало переговоров на пять дней, для того чтобы снова предложить правительствам Антанты принять в них участие. 15(28) ноября Советское правительство еще раз обратилось к правительствам и народам воюющих стран с предложением присоединиться к мирным переговорам: «Решающий шаг сделан. Победоносная Рабочая и Крестьянская революция в России поставила вопрос о мире ребром... Сейчас все правительства, все классы, все партии воюющих стран призваны ответить категорически на вопрос: согласны ли они вместе с нами приступить 19 ноября (2 декабря) к переговорам о немедленном перемирии и всеобщем мире. Да или нет»¹⁰. «Если союзные народы не пришлют своих представителей,— указывалось в обращении далее,— мы будем вести переговоры с немцами одни. Но если буржуазия союзных стран вынудит нас заключить сепаратный мир, ответственность падет целиком на нее»¹¹.

⁹ См.: Гофман М. Записки и дневники, 1917—1918 гг. Л., 1929, с. 101.

¹⁰ Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 28—29.

¹¹ Там же, с. 30.

32

Правительства стран Антанты и США не дали ответа на советские мирные предложения. Народный комиссариат по иностранным делам 16(29) ноября в разъяснении английскому посольству подчеркнул, что «Советская власть стремится к всеобщему, а не сепаратному миру»¹². Сообщая союзным правительствам о предстоящих переговорах, НКВД 17(30) ноября заявил, что «Совет Народных Комиссаров как раньше, так и теперь считает необходимым единовременное ведение переговоров вместе со всеми союзниками в целях достижения скорейшего перемирия на всех фронтах и обеспечения всеобщего демократического мира»¹³.

Поскольку державы Антанты саботировали открытие переговоров о перемирии, Советская Россия была вынуждена одна начать их. С этой целью советская делегация была направлена в Брест-Литовск, который был предложен немецкой стороной в качестве места переговоров (в этом городе тогда размещалось командование германскими войсками Восточного фронта). Делегацию возглавлял А. А. Иоффе. Ей были приданы военные эксперты. Германскую делегацию возглавлял генерал М. Гофман.

Переговоры открылись 20 ноября (3 декабря) 1917 г. Советская делегация внесла проект условий соглашения о перемирии. Предлагалось заключить его сроком на шесть месяцев. Демаркационная линия должна была проходить посередине между позициями обеих воюющих сторон, занимаемыми на момент открытия переговоров, а на Балтийском море — от мыса Мозерет до южной оконечности острова Готланд и далее до территориальных вод Швеции. Немцы должны были очистить Моонзундские острова. Переброски войск с Восточного фронта на Западный запрещались.

Вынужденная начать сепаратные переговоры с Германией и ее союзниками, Советская Россия не прекращала усилий, направленных на привлечение к переговорам всех участников войны, с тем чтобы избавить от продолжения кровавой бойни все человечество. Советское требование не перебрасывать войска

с Восточного фронта на Западный говорило о том, что Советская власть борется за всеобщий мир и не намерена позволить одной группе империалистов улучшить свое положение за счет другой.

Это требование сразу же было отклонено немцами. Гофман сообщил, что оно неприемлемо. «Такие условия предлагают только побежденной стране»,— сказал он.

Советская сторона заявила, что речь должна идти о перемирии на всех фронтах в целях установления всеобщего демократического мира. Гофман возразил, что он уполномочен вести переговоры только с русскими представителями.

Советская делегация сообщила ответ немцев правительству в Петроград, откуда была получена директива не уступить в вопро-

¹² Там же, с. 31.

¹³ Там же, с. 32.

33

се о запрещении переброски войск на Запад и потребовать перерыва переговоров.

22 ноября (5 декабря) было решено приостановить военные действия на 10 дней и на тот же срок прервать переговоры о перемирии. При этом, уступая настояниям советской делегации, Гофман дал обязательство не производить во время перерыва в работе конференции перебросок германских войск с Восточного фронта на Западный.

23 ноября (6 декабря) Народный комиссариат по иностранным делам опубликовал новое обращение к послам союзных стран по вопросу о перемирии. Сообщив подробно о ходе переговоров и указав, что советская делегация настаивала на запрещении перебросок войск с одного фронта на другой, а также на очистке немцами Моонзундских островов, НКИД предлагал странам Антанты определить свое отношение к мирным переговорам, т. е. высказать «свою готовность или свой отказ принять участие в переговорах о перемирии и мире и,— в случае отказа,— открыто перед лицом всего человечества заявить ясно, точно и определенно, во имя каких целей народы Европы должны истекать кровью в течение четвертого года войны»¹⁴.

Державы Антанты и США оставили и это обращение НКИД без ответа. Тем самым они еще раз продемонстрировали свое нежелание начать переговоры о заключении всеобщего демократического мира.

По окончании десятидневного перерыва переговоры были возобновлены. 2(15) декабря 1917 г. был подписан договор о перемирии на 28 дней между Советской Россией, с одной стороны, Германией и ее союзниками — с другой. Обе стороны в случае разрыва соглашения обязались предупредить друг друга за семь дней о возобновлении военных действий. При этом советская дипломатия добилась крупного успеха: немцы пошли на уступки в одном из важнейших вопросов — они отказались от перебросок войск с Восточного фронта на Западный.

Советское правительство к после заключения перемирия продолжало добиваться участия в мирных переговорах всех воюющих держав. Оно еще раз обратилось к народам воюющих стран Европы. 5(18) декабря было опубликовано воззвание «К трудящимся, угнетенным и обескровленным народам Европы». Сообщив о заключении перемирия на Восточном фронте, Совет Народных Комиссаров призывал всех трудящихся к совместной борьбе за немедленное прекращение войны на всех фронтах.

8(21) декабря состоялось совместное заседание ВЦИК, Совета Народных Комиссаров, II Всероссийского съезда крестьянских депутатов, Петроградского и районных Советов, представителей ЦК партии большевиков, «левых» эсеров и

профессиональных организаций. На заседании было принято воззвание «К трудящимся массам всех стран», в котором говорилось: «Только воля

¹⁴ Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 42.

34

народов заставит империалистов всех стран заключить демократический мир... Одни мы, представители трудящихся масс России, не можем вам дать всеобщего мира. Вы должны требовать, чтобы и ваши представители приняли участие в переговорах»¹⁵.

Неоднократные предложения Советского правительства свидетельствуют о том, что оно сделало все возможное для привлечения всех участников войны к переговорам о мире. Но правительства Антанты и США не посчитались с интересами народов. В угоду своим правящим классам они продолжали войну. На них падает тяжелая ответственность за сотни тысяч человеческих жертв, которые принесло затягивание первой мировой войны.

Империалистические правительства стран Антанты и США не могли, однако, не учитывать антивоенных настроений широких народных масс в своих странах. Эти настроения еще больше усилились под влиянием советской программы немедленного прекращения войны и заключения всеобщего демократического мира без аннексий и контрибуций, которая была изложена в ленинском Декрете о мире и предложениях об открытии переговоров о заключении всеобщего мира.

БОРЬБА СОВЕТСКОЙ РОССИИ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ НАРОДОВ

С первых же дней своего существования Советское государство выступило в качестве поборника свободы и независимости всех народов, больших и малых. Декрет о мире провозгласил право всех народов на самоопределение. В нем Советское правительство также сообщило о намерении опубликовать тайные договоры, заключенные царской Россией и Временным правительством с другими капиталистическими государствами, что подтверждало не только отказ Советской власти от тайной дипломатии, но и ее решимость раскрыть перед глазами народов преступные захватнические планы главных империалистических держав.

Всего вышло семь сборников, содержащих тексты грабительских договоров, заключенных империалистами. Они печатались под руководством члена Петроградского Военно-революционного комитета — матроса Н. Г. Маркина, которому помогали красногвардейцы и рабочие, направленные на работу в НКВД. Было предано гласности более сотни тайных дипломатических документов империалистических правительств. Трудящиеся узнали правду о позорных сделках, в результате которых империалистическими державами поработались целые народы, подвергались разделу целые страны.

2(15) ноября 1917 г. была опубликована «Декларация прав народов России», в которой излагалась конкретная программа освобождения угнетенных народов царской России и провозглашались основные принципы национальной политики Советской власти:

¹⁵ Там же, с. 58—59.

35

«1. Равенство и суверенность народов России.

2. Право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

3. Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.

4. Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России»¹⁶.

Советское правительство заклеило позором буржуазно-помещичью

политику натравливания друг на друга угнетенных наций, политику национальной вражды. Правительство рабочих и крестьян, уничтожив всякое национальное угнетение, провозгласило свободу и равенство всех народов, встало на путь политики равноправия наций, обеспечивающей взаимное доверие народов России. «Только в результате такого доверия,— говорилось в «Декларации»,— может сложиться честный и прочный союз народов России.

Только в результате такого союза могут быть спаяны рабочие и крестьяне народов России в одну революционную силу, способную устоять против всяких покушений со стороны империалистско-аннексионистской буржуазии»¹⁷.

Советская Россия признала государственную независимость Польши и Финляндии. 18(31) декабря 1917 г. Совнарком принял декрет о государственной независимости Финляндии. Во время заседания СНК В. И. Ленин лично вручил в Смольном текст декрета премьер-министру Финляндии П.-Э. Свинхувуду, возглавлявшему финляндскую правительственную делегацию. Постановление СНК от 18(31) декабря 1917 г. о признании независимости Финляндии гласило:

«а) признать государственную независимость Финляндской Республики и б) организовать, по соглашению с финляндским правительством, особую комиссию из представителей обеих сторон для разработки тех практических мероприятий, которые вытекают из отделения Финляндии от России».

Это постановление СНК было утверждено Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом 22 декабря 1917 г. (4 января 1918 г.) и III Всероссийским съездом Советов 15(28) января 1918 г.¹⁸

Право на самоопределение получили и все другие народы, населяющие Россию, в частности народы Прибалтики — Литвы, Латвии, Эстонии. 7 декабря 1918 г. за подписью В. И. Ленина был издан декрет СНК РСФСР о признании независимости Эстляндской Советской республики. 22 декабря Ленин подписал аналогичные декреты, касавшиеся Советской Республики Латвии и Литовской Советской Республики. 24 декабря ВЦИК, исходя из принципа полного и действительного самоопределения народов

¹⁶ Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 15.

¹⁷ Там же, с. 14—15.

¹⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 477; Документы внешней политики СССР, т. 1, с.

71.

36

угнетенных национальностей, торжественно подтвердил декреты СНК РСФСР о признании независимости Советских Республик Эстляндии, Латвии и Литвы. Советское правительство стремилось также обеспечить независимость армянского народа. 29 декабря 1917 г. (И января 1918 г.) Совет Народных Комиссаров принял декрет о поддержке права армян турецкой Армении, которая во время первой мировой войны была занята русскими войсками, на свободное самоопределение вплоть до полной независимости. Армянам русской Армении такое право было предоставлено «Декларацией прав народов России». 15(28) января 1918 г. декрет был утвержден III Всероссийским съездом Советов.

Великая Октябрьская социалистическая революция всколыхнула все угнетенные народы Востока. Империалисты, сотни лет беспощадно грабившие эти народы, не без основания боялись, что освобождение народов России, объявленное Советской властью, усилит национально-освободительное движение во всех угнетенных странах.

20 ноября (3 декабря) 1917 г. Советское правительство обратилось с воззванием к трудящимся мусульманам России и Востока. Изложив основы своей политики, оно завершило трудящихся мусульман России: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь

свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов — Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов»¹⁹.

В обращении говорилось о расторжении и ликвидации тайных договоров, заключенных царской Россией с другими империалистическими державами, в частности о разделе Турции и Ирана. «Как только прекратятся военные действия, войска будут выведены из Персии и персам будет обеспечено право свободного определения своей судьбы... Не от России и ее революционного Правительства ждет вас порабощение, а от хищников европейского империализма, от тех, которые превратили вашу родину в расхищенную и обираемую свою „колонию“».

Обращение заканчивалось словами:

«Товарищи! Братья!

Твердо и решительно идем мы к честному, демократическому миру.

На наших знаменах несем мы освобождение угнетенным народам мира»²⁰.

В этом документе нашли выражение основные принципы политики Советского государства в отношении всех угнетенных народов. Советская Россия не только заявила о том, что будет строить свои отношения со всеми угнетенными народами на

¹⁹ Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 34.

²⁰ Там же, с. 35.

37

основе равноправия, но и изъявляла готовность оказывать им братскую помощь в борьбе за освобождение.

19 декабря 1917 г. (1 января 1918 г.) Советское правительство сообщило иранскому правительству, что готово обсудить вопрос о выводе русских войск с территории Ирана²¹. Спустя несколько дней НКИД заявил, что, не дожидаясь общей договоренности, русские войска, которые «не имеют значения с военной точки зрения и служили орудием оккупации персидской территории», будут немедленно выведены²².

14(27) января 1918 г. НКИД направил ноту иранскому посланнику в Петрограде, которая официально объявила англо-русское соглашение 1907 г., «как направленное против свободы и независимости персидского народа, раз и навсегда расторгнутым»²³. В ноте признавались также недействительными и утратившими всякую силу все соглашения, предшествующие соглашению 1907 г., равно как и последовавшие за ним²⁴, которые «в каком бы то ни было отношении ограничивают или стесняют права персидского народа на свободное и независимое существование», и выражалась готовность сделать все возможное, чтобы добиться очищения Ирана также от турецких и английских войск²⁵.

Опубликованная в советской прессе, нота произвела огромное впечатление во всем мире. Это был удар по колониализму. Иранский народ ликовал. «Тегеран буквально потрясен от взрыва всеобщей радости,— сообщал советский дипломатический представитель.— У меня нет свободной минуты от бесконечного ряда приветствующих меня депутатий и отдельных лиц. Даже на улицах мне устраивают овации»²⁶.

По поручению иранского правительства его поверенный в делах в Петрограде выразил в ответной ноте от 17(30) января 1918 г. признательность Советской России за акт справедливости. Иранское правительство, приняв к сведению решение Советского правительства о расторжении англо-русского соглашения, в свою очередь объявило «уничтоженными и раз навсегда утратившими всякую силу все те договоры и соглашения, которые были насильственно исторгнуты у Персии или же противоречили принципу ее независимости и неприкосновенности»²⁷. Речь шла, таким образом, о расторжении Ираном

неравноправных договоров не только с царской Россией, но и со всеми другими империалисти-

¹¹ Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 72.

¹² Там же, с. 73.

¹³ Там же, с. 91.

¹⁴ Во время первой мировой войны англо-русское соглашение 1907 г. было дополнено в 1915 г. новым секретным соглашением, по которому в обмен за предоставление царской России Константинополя и проливов Англия должна была получить почти всю «нейтральную» зону Ирана, охватывавшую центральные области страны.

¹⁵ Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 92.

¹⁶ Там же, с. 713.

¹⁷ Там же, с. 93.

38

ческими державами. Великая социалистическая революция в России позволила Ирану после многих десятилетий угнетения заговорить языком суверенного и равноправного государства. Иранское правительство заявило о готовности вступить в переговоры со Страной Советов для заключения новых договоров, основанных «на принципах свободного соглашения и взаимного уважения народов»²⁸.

Советское государство стремилось установить совершенно новые, построенные на принципах равноправия, отношения с великим соседом России — Китаем. Все документы с приглашением принять участие в мирных переговорах (и прежде всего Декрет о мире) неизменно направлялись китайской миссии в Петрограде. В конце ноября 1917 г. НКВД сообщил китайскому правительству, что бывший посланник России в Китае и управляющий КВЖД отстранены от должности. НКВД предложил составить «смешанную русско-китайскую ликвидационную комиссию по вопросу Восточно-Китайской железной дороги»²⁹.

В Китай были назначены советские консульские представители. При краевых Советах в Хабаровске, Владивостоке, Чите, Иркутске, Омске, Ташкенте были созданы международные отделы для общего руководства всеми вопросами пограничных сношений. В инструкции работникам этих отделов, изданной НКВД, указывалось: «При всяком удобном случае в печати, на митингах, в листовках Вам надлежит подчеркивать, что мы кладем первый камень в создании совершенно новых отношений с народами Востока и что спасение их от опасности захвата, насилий и беззакония японско-европейских капиталистов и угнетателей заключается в тесном единении с народами социалистической России»³⁰.

СОЗДАНИЕ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ

Новая, социалистическая внешняя политика требовала и нового дипломатического аппарата. Организация его была неотложным делом, тем более что предстояли ответственные переговоры о мире с Германией и ее союзниками.

В качестве одного из средств борьбы против народной власти свергнутые классы использовали саботаж чиновников государственного аппарата. К саботажу прибегнул и аппарат Министерства иностранных дел.

Но враги революции просчитались. Новая власть приступила к слому старого, эксплуататорского государственного аппарата. Были ликвидированы старые министерства и созданы новые органы государственной власти — народные комиссариаты.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, с. 47.

³⁰ Там же, с. 111.

Народный комиссариат по иностранным делам был образован в соответствии с декретом II Всероссийского съезда Советов «Об учреждении Совета Народных Комиссаров», принятым 26 октября (8 ноября) 1917 г. В Конституции РСФСР 1918 г. в статье 43 Народный комиссариат по иностранным делам был назван первым среди перечисленных в ней 18 народных комиссариатов. Бывший управляющий делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевич, подчеркивая крайнюю неотложность учреждения Наркоминдела, писал: «Первый комиссариат, который мы ... организовали, был комиссариатом по иностранным делам, на что толкала нас сама жизнь»³¹. В. И. Ленин, всегда уделявший внимание вопросам внешней политики и осуществлявший контроль за деятельностью Наркоминдела, особое значение придавал подбору кадров. Аппарат НКИД был сформирован из ветеранов большевистской партии, активно участвовавших в международном рабочем движении и обладавших значительным политическим опытом. Многие из них провели долгие годы в эмиграции и имели возможность ознакомиться с обстановкой в различных странах, изучить иностранные языки и международные отношения. В НКИД пришли также большевики — рабочие и матросы, как, например, Н. Г. Маркин.

В. И. Ленин неоднократно отмечал особый характер аппарата НКИД. «...Этот аппарат,— писал Ленин,— исключительный в составе нашего государственного аппарата. В него мы не допускали ни одного человека сколько-нибудь влиятельного из старого царского аппарата. В нем весь аппарат сколько-нибудь авторитетный составил из коммунистов. Поэтому этот аппарат уже завоевал себе (можно сказать это смело) название проверенного коммунистического аппарата...»³²

В. И. Ленин сам подбирал руководящий состав НКИД и принимал большое личное участие в работе этого наркомата. Он не только участвовал в определении общей линии внешней политики в качестве Председателя Совета Народных Комиссаров и в утверждении проектов различных документов, представляемых НКИД, но и лично составлял проекты многих нот и других внешнеполитических документов, редактировал важнейшие проекты, исходившие от НКИД, вел наиболее ответственные переговоры с иностранными представителями.

В соответствии с указаниями В. И. Ленина Политбюро ЦК РКП (б) уделяло много внимания рассмотрению предложений Наркоминдела по важнейшим вопросам международной политики и предполагавшимся акциям советской дипломатии. Поэтому В. И. Ленин и говорил, что «Наркоминдел работает под непосредственным руководством нашего ЦК»³³.

³¹ Бонч-Бруевич В. Д. На боевых постах Февральской и Октябрьской революции. М., 1930, с. 133.

³² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 361.

³³ Там же, с. 447.

В январе 1918 г. заместителем народного комиссара по иностранным делам был назначен Г. В. Чичерин. Фактически он стал руководителем НКИД. Числившийся наркомом Троцкий большую часть времени находился на мирной конференции в Брест-Литовске, а после предательского нарушения им директивы Центрального Комитета партии о немедленном подписании мира в начале марта 1918 г. был освобожден от обязанностей наркома по иностранным делам. 30 мая 1918 г. Чичерин был назначен народным комиссаром по иностранным делам. К этому времени он уже зарекомендовал себя как прекрасный работник. Именно так охарактеризовал его В. И. Ленин. «Чичерин,— писал Ленин 1 июля 1918 г.,— работник великолепный, добросовестнейший, умный, знающий. Таких людей

надо ценить»³⁴

В марте 1918 г. заместителем народного комиссара по иностранным делам был назначен Л. М. Карахан, который начал свою дипломатическую работу с ноября 1917 г. Он входил в состав делегации, подписавшей Брестский мирный договор.

С первых же дней Советской власти встал вопрос об организации представительств Советского государства за границей. Старые послы и посланники, как правило, включились в активную борьбу против Советской власти.

В целях пресечения контрреволюционной деятельности российских посольств и миссий НКВД 22 ноября (5 декабря) 1917 г. по телеграфу предложил всем служащим посольств, миссий и консульств немедленно сообщить, согласны ли они проводить внешнюю политику Советского правительства. В случае отказа им предписывалось передать дела низшим служащим, согласившимся подчиниться Советской власти³⁵. Как и следовало ожидать, представители старого правительства не подчинились НКВД. Исключение составили поверенный в делах в Португалии Унгерн-Штернберг и временный поверенный в делах в Испании Ю. Я. Соловьев. Но их телеграммы не были пропущены в Петроград, сами же они подверглись преследованиям и травле³⁶.

26 ноября (9 декабря) 1917 г. был отдан приказ по НКВД об увольнении 28 послов, посланников и сотрудников посольств. Уволенным запрещалось производить какие бы то ни было выдачи из государственных средств³⁷. Ни сами уволенные дипломаты, ни иностранные державы не посчитались с приказом. Бывшие послы продолжали принимать участие в борьбе против Советской власти, а иностранные правительства, в нарушение всех международных норм и обычаев, по-прежнему сносились с ними как с официальными представителями России. США, например, счита-

³⁴ Ленинский сборник, XXXVI, с. 54. Подробнее о Чичерине см.: *Горохов И., Замятин Л., Земское О. Г. В. Чичерин — дипломат ленинской школы. М., 1973.*

³⁵ Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 41.

³⁶ См.: *Выгодский С. Ю. В. И. Ленин — руководитель внешней политики Советского государства (1917—1923 гг.). Л., 1960, с. 47.*

³⁷ Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 43—44

41

ли Бахметьева русским послом до 1922 г., хотя в январе 1919 г. Советское правительство назначило своим официальным представителем в США Л. К. Мартенса.

19 ноября (2 декабря) 1917 г. полномочным представителем Советской России в Швеции, Дании и Норвегии был назначен В. В. Боровский, находившийся в то время в Стокгольме. Этот город и был избран постоянным местом пребывания советского полпреда в трех названных странах. В январе 1918 г. полномочным представителем в Англии был назначен М. М. Литвинов. Ответственные дипломатические задания выполнял с середины 1918 г. Л. Б. Красин. Однако капиталистические государства отказывали Советскому правительству в официальном признании. В соответствии с этим они не признавали и его представителей.

В. И. Ленин входил в детали работы НКВД, и многие вопросы, касавшиеся организации деятельности и структуры наркомата, решались при непосредственном его участии.

30 июня 1918 г. В. И. Ленин совещался в НКВД с Г. В. Чичериным и В. В. Воровским. На этом совещании было утверждено Положение о работе Народного комиссариата по иностранным делам, в котором определялись вопросы внутреннего устройства Наркоминдела и деятельность представительств

Советского государства за рубежом.

18 октября 1918 г. за подписью Ленина и Карахана был издан декрет СНК об учреждении консульств, который устанавливал также порядок назначения консульских представителей: генеральных консулов и консулов. Декрет предоставлял право их назначения Народному комиссариату по иностранным делам³⁸.

Позже функции НКВД были определены в Положении о НКВД, утвержденном СНК РСФСР 6 июня 1921 г. Положение 1921 г. и ряд последующих актов усовершенствовали организацию НКВД³⁹.

Исключительно большую роль в утверждении суверенитета и независимости Советского государства и освобождении трудящихся России от финансовой кабалы международного капитала сыграли национализация частных банков и объявление банковского дела государственной монополией, а также изданный 10 февраля 1918 г. Советским правительством декрет об аннулировании всех государственных и иностранных займов. В ответ на эту вполне правомерную акцию иностранные дипломатические представители от имени своих правительств заявили, что «считают все декреты... об аннулировании государственных займов..., поскольку они ка-

³⁸ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства, 1918, № 78, с. 823.

³⁹ В соответствии со статьей 77 Конституции СССР, принятой в 1936 г., приказом по НКВД от 13 декабря 1936 г. Народный комиссариат по иностранным делам был переименован в Народный комиссариат иностранных дел СССР. Законом Верховного Совета СССР от 15 марта 1946 г. народные комиссариаты СССР были преобразованы в министерства. С этого времени НКВД стал именоваться Министерством иностранных дел СССР.

⁴² «...саяются интересов иностранных подданных, как бы несуществующими»⁴⁰.

Декретом СНК от 22 апреля 1918 г. была национализирована и объявлена государственной монополией внешняя торговля, ставшая с этого времени одним из важнейших орудий в построении социалистической экономики. Декрет нанес сильнейший удар русской и иностранной буржуазии, пытавшейся использовать внешнюю торговлю для подрыва и без того истощенного войной хозяйства Советской России.

Эти мероприятия лишали иностранную буржуазию важных рычагов, позволявших ей оказывать давление на Советское государство. Одновременно оно получило в свои руки дополнительное средство в борьбе за признание, за прорыв политической изоляции и экономической блокады, которую проводили западные державы в отношении Советской России.

Для ведения внешней торговли начал создаваться новый аппарат. В составе Народного комиссариата торговли и промышленности был организован отдел внешней торговли. Все разрешения на вывоз за границу и ввоз в Россию выдавались исключительно этим отделом.

31 марта 1918 г. при Высшем Совете Народного Хозяйства (ВСНХ) была образована Комиссия внешней торговли, в состав которой вошли В. И. Ленин, Г. И. Ломов, В. П. Милютин и др. Выдающуюся роль в разработке вопросов общей внешнеэкономической политики Советского государства играл Л. Б. Красин, который с августа 1918 г. являлся членом Президиума ВСНХ и руководил деятельностью всех внешнеэкономических органов и учреждений. С ноября 1918 г. Красин возглавил Народный комиссариат торговли и промышленности, который просуществовал до конца декабря 1919 г. С 28 декабря 1919 г., когда был создан Народный комиссариат внешней торговли (НКВТ) РСФСР, Красин был поставлен во главе этого наркомата.

Советское государство начало свое существование с обнародования исторического Декрета о мире. С этого времени и развернулась борьба Советской страны за всеобщий демократический мир, мир без аннексий и контрибуций, за прекращение войны и установление мирных отношений между социалистической Россией и капиталистическими странами. Предложения о заключении мира, выдвинутые Советским правительством во главе с В. И. Лениным, подтверждают, что в своей практической деятельности оно исходило из возможности мирных отношений Советского социалистического государства с государствами капиталистической системы.

⁴⁰ Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 98.

43

Несмотря на саботаж державами Антанты и США мирных предложений Советского государства, оно продолжало активную борьбу за скорейшее прекращение войны.

Переговоры о перемирий, а затем и соглашение о перемирии между Советской Россией и державами германского блока показали народам всех воюющих стран путь к скорейшему окончанию войны. Заключение перемирия содействовало росту антивоенных и революционных настроений среди трудящихся масс всех воевавших стран, и прежде всего среди германского народа.

Борьба Советского государства за демократический мир была вместе с тем и борьбой за освобождение народов. Этой же цели служило и провозглашение права всех народов России на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств. Опубликование «Декларации прав народов России» и ее практическое осуществление имели огромное значение для развертывания национально-освободительного движения во всем мире.

Новые принципы социалистической внешней политики нашли конкретное выражение в отношениях со странами Азии. Советское правительство ликвидировало неравноправные договоры со странами Востока, выразило готовность установить с ними равноправные отношения и оказать им братскую помощь в деле их полного освобождения.

II ГЛАВА

БРЕСТСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ И БРЕСТСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР

ПЕРВЫЙ ЭТАП ПЕРЕГОВОРОВ О МИРЕ

Державы Антанты и США продолжали саботировать мирные предложения Советской России. Советское правительство оказалось вынужденным в одиночестве начать переговоры и о заключении мирного договора с Германией и ее союзниками: Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией.

Переговоры о заключении мирного договора, так же как и переговоры о перемирии, проходили в Брест-Литовске. Они открылись 9(22) декабря 1917 г.

Советскую делегацию возглавлял А. А. Иоффе. Главой германской делегации являлся статс-секретарь по иностранным делам фон Кюльман. От военного командования к ней был прикомандирован генерал Гофман. Австро-венгерскую делегацию возглавлял министр иностранных дел граф Чернин, турецкую — великий визирь Талаат-паша, болгарскую — министр юстиции Попов.

На первом пленарном заседании советская делегация огласила заявление, в

основе которого лежали идеи демократического мира без аннексий и контрибуций, изложенные в Декрете о мире. Советская делегация предложила положить в основу переговоров о заключении всеобщего демократического мира следующие шесть пунктов:

«1) Не допускаются никакие насильственные присоединения захваченных во время войны территорий. Войска, оккупирующие эти территории, выводятся оттуда в кратчайший срок.

2) Восстанавливается во всей полноте политическая самостоятельность тех народов, которые во время настоящей войны были этой самостоятельности лишены.

3) Национальным группам, не пользовавшимся политической самостоятельностью до войны, гарантируется возможность свободно решить вопрос о своей принадлежности к тому или другому государству или о своей государственной самостоятельности путем референдума. Этот референдум должен быть организован таким образом, чтобы была обеспечена полная свобода голосования для всего населения данной территории, не исключая эмигрантов и беженцев.

45

4) По отношению к территориям, сообитаемым несколькими национальностями, право меньшинства ограждается специальными законами, обеспечивающими ему культурно-национальную самостоятельность и, при наличии фактической к тому возможности, — административную автономию.

5) Ни одна из воюющих стран не обязана платить другим странам так называемых „военных издержек“; взысканные уже контрибуции подлежат возвращению. Что касается возмещения убытков частных лиц, пострадавших от войны, таковое производится из особого фонда, образованного путем пропорциональных взносов всех воюющих стран.

6) Колониальные вопросы решаются при соблюдении принципов, изложенных в пунктах 1, 2, 3 и 4»¹.

В дополнение к изложенным шести пунктам советская делегация предложила признать недопустимыми какие-либо косвенные стеснения свободы слабых наций со стороны наций более сильных, как-то: экономический бойкот, кабальные торговые договоры, таможенные соглашения, стесняющие свободу торговли третьих стран, морскую блокаду, не преследующую непосредственно военных целей, и т. д.

Предложения советской стороны настолько отвечали чаяниям трудящихся всего мира, что открыто отвергнуть их правительства Германии и ее союзников не посмели. Поэтому 12(25) декабря глава австро-венгерской делегации в Брест-Литовске Чернин заявил, что «основные положения русской декларации могут быть положены в основу переговоров о ... мире»². Однако он при этом сделал оговорку, которая фактически сводила на нет предшествующее заявление главы немецкой делегации. Он сказал, что «предложения русской делегации могли бы быть осуществлены лишь в том случае, если бы все причастные к войне державы без исключения и без оговорок в определенный срок обязались точнейшим образом соблюдать общие для всех народов условия»³.

Советская делегация в своем ответе подчеркнула, что принимает к сведению согласие центральных держав с провозглашенными Советской Россией принципами всеобщего демократического мира. При этом она энергично выступила против всех попыток исказить или ослабить значение выдвинутых ею шести пунктов. Советская делегация констатировала, что присоединение держав Четверного союза к советской формуле мира дает возможность приступить к переговорам о всеобщем мире между всеми воюющими державами. Ввиду этого

советская делегация потребовала 10-дневного перерыва, чтобы доложить правительству о создавшейся обстановке. Этот перерыв был нужен и для того, чтобы «народы, правительства которых не примкнули еще к ведущимся переговорам о всеобщем мире, имели возможность

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. М., 1920, т. 1, с. 7—8

² Там же, с. 9.

³ Там же, с. 9—10.

46

достаточно ознакомиться с устанавливаемыми ныне принципами такого мира»⁴. Это предложение советской делегации было принято делегациями стран германского блока. Однако они потребовали, чтобы во время перерыва в пленарных заседаниях мирной конференции продолжали свою работу созданные ею комиссии (политическая, экономическая и правовая). Эти комиссии должны были обсудить вопросы, которые, даже если бы Антанта согласилась участвовать в переговорах, все равно явились бы предметом особого обсуждения между Советской Россией и Германией, как касающиеся только этих двух стран.

13(26) декабря состоялось заседание политической комиссии, на котором присутствовали русские и германские представители. На этом заседании фон Кюльман всячески старался уклониться от обсуждения территориальных и политических вопросов, на скорейшем решении которых настаивала советская сторона. Вместо этого фон Кюльман предложил заняться обсуждением вопросов торгово-экономических отношений между Германией и Россией, а также восстановления прежних договоров.

Советская делегация высказалась за возобновление торговых отношений. Но она сразу же заявила о невозможности восстановить действовавший между Россией и Германией до начала войны торговый договор 1904 г., крайне невыгодный для русской стороны.

После того как была рассмотрена значительная часть вопросов о торговом договоре, советская сторона вторично потребовала обсуждения территориальных проблем.

На заседании 14(27) декабря советские представители снова поставили на обсуждение вопрос о выводе иностранных войск с оккупированных территорий и внесли следующее предложение:

«В полном согласии с открытым заявлением обеих договаривающихся сторон об отсутствии у них завоевательных планов и о желании заключить мир без аннексий Россия выводит свои войска из занимаемых ею частей Австро-Венгрии, Турции и Персии, а державы Четверного союза — из Польши, Литвы, Курляндии и др[угих] областей России»⁵.

Советское предложение имело целью предоставить населению этих областей право самому свободно решить свою судьбу: или присоединиться к какому-либо из существовавших государств, или создать самостоятельное государство. При этом советская делегация особенно настаивала на недопустимости присутствия каких-либо войск в указанных областях. Предложение советской делегации вытекало из демократических принципов самоопределения народов, сформулированных в Декрете о мире.

В ответ на предложение советской делегации фон Кюльман от имени Германии и Австро-Венгрии внес проект, который факти-

⁴ Там же, с. 13.

⁵ Там же, с. 28.

47

чески предусматривал замаскированное насильственное отторжение от России Польши, Литвы, Курляндии, части Эстонии и Лифляндии. Фон Кюльман лицемерно заявил, что это якобы соответствовало воле народов этих областей.

Советские представители настаивали на необходимости проведения плебисцита в Литве, Курляндии, Польше и других оккупированных районах. Но германские империалисты, зная, что результаты были бы не в их пользу, стали выдавать созданные ими в оккупированных областях марионеточные власти за органы самоуправления и отказывались выводить из этих областей свои войска. Из предложений Германии и Австро-Венгрии было ясно видно их стремление захватить значительную часть территории России, навязать Советской республике грабительские условия мира. Натолкнувшись на решительный отказ советской делегации дать согласие на отторжение русских западных областей, германские империалисты решили использовать для давления на Советское правительство самозванную Украинскую Центральную раду, состоявшую из буржуазных реакционных националистов-сепаратистов, представители которой должны были прибыть в Брест-Литовск.

В ответ на запрос генерала Гофмана советская делегация заявила: «Мы не преминем известить генерала Гофмана, как только получим сведения о том, что наша делегация пополняется представителями от Украины»⁶. Таким образом, было подчеркнуто, что делегация от Украины будет составной частью советской делегации.

На заседании политической комиссии 15(28) декабря германская делегация изложила экономические требования своего правительства, направленные на закабаление России.

15(28) декабря окончился первый этап мирных переговоров и советская делегация выехала в Петроград для доклада своему правительству.

ЗАХВАТНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

Перерыв в переговорах Советское правительство использовало для того, чтобы ознакомить народы воюющих стран со своими мирными предложениями. 17(30) декабря 1917 г. НКВД еще раз обратился с воззванием к народам и правительствам союзных стран, призывая их принять участие в переговорах о мире.

Державы Антанты и США и на этот раз обошли это воззвание молчанием, что свидетельствовало об их нежелании участвовать в переговорах о мире.

Открытое проявление захватнической политики со стороны Германии требовало от Советского правительства новых мер. 18(31) декабря Совет Народных Комиссаров заслушал сообщение о состоянии армии. Учитывая возможность разрыва с немцами,

⁶ Мирные переговоры в Брест-Литовске, т. 1, с. 32.

В. И. Ленин предложил ускорить реорганизацию армии и укрепить обороноспособность страны, а также принять экстренные меры на случай прорыва немцев к Петрограду. Тогда же было решено усилить агитацию против аннексионистских требований немцев и попытаться перенести мирные переговоры в Стокгольм. В Брест-Литовске переговоры велись в изоляции от международной рабочей и демократической общественности. Телеграфная переписка советской делегации перехватывалась и искажалась немцами, задерживалась передача информации. Перенесение переговоров в нейтральный город облегчило бы связь с Петроградом и создало бы возможность обращения к трудящимся всего мира, чего нельзя было сделать, находясь в оккупированном противником Брест-Литовске. Совнарком решил продолжать мирные переговоры, но противодействовать попыткам немцев форсировать их ход. Советская делегация затягивала переговоры с тем, чтобы выиграть время для создания

боеспособной армии.

Однако в это время в правящих кругах Германии по вопросу о мирных переговорах с Советской Россией взяла верх так называемая военная партия, наиболее видными представителями которой были генералы Людендорф, Гофман и фельдмаршал Гинденбург. Они требовали, чтобы России были незамедлительно предъявлены в ультимативной форме аннексионистские условия мира. Людендорф потребовал также немедленного опубликования заявления германского правительства о том, что оно больше не считает себя связанным принятыми им ранее советскими условиями мира. Германское правительство приняло требования Людендорфа и других представителей «военной партии» и 3 января выступило с заявлением, в котором отвергло советское предложение о переносе мирных переговоров в Стокгольм. 7 января в письме Гинденбургу канцлер Гертлинг обещал верховному командованию, что в дальнейшем в переговорах с русскими будет занята «очень твердая позиция» и что советской делегации будет разъяснено: «Отступление с нашей стороны от сделанных нами контрпредложений... исключается»⁷.

На возобновившейся 27 декабря 1917 г. мирной конференции выступил фон Кюльман. Он заявил, что германское правительство присоединилось к советской формуле мира при условии, что она будет также принята и правительствами Антанты. Условие это оказалось невыполненным. Следовательно, отпадает и согласив Германии. Фон Кюльман подчеркнул, что переговоры надо продолжать, но категорически отказался от перенесения их в Стокгольм. Позиция германской делегации была поддержана представителями Австро-Венгрии, Болгарии и Турции.

На пленарном заседании 28 декабря 1917 г. (10 января 1918 г.) для ослабления позиций советской делегации был использован представитель Украинской Центральной рады Голубо-

⁷Die Ursachen des Deutschen Zusammenbruchs im Jahre 1918. Berlin 1929 Bd. 2, S. 129.

49

вич, который сделал заявление о непризнании власти Совнаркома и о решении рады принять самостоятельное участие в мирных переговорах наравне с другими государствами.

Когда Голубович выступал с этим заявлением, буржуазная Центральная рада уже бежала из Киева и не располагала ни властью, ни территорией. Почти на всем пространстве Украины была установлена Советская власть. Советское правительство Украины направило в Брест-Литовск свою делегацию. Представители Украинского ЦИК прибыли туда в конце января.

Делегации Четверного союза не желали признавать полномочий делегации Советского правительства Украины. В этом они получили поддержку со стороны Троцкого, который заменил Иоффе в качестве главы советской делегации на втором этапе переговоров. Троцкий официально признал полномочия делегации Центральной рады. Это было предательством интересов трудящихся как Украины, так и России.

Троцкий знал не только позицию В. И. Ленина и Советского правительства в отношении буржуазно-националистической рады. Он знал также, что трудящиеся Украины уже освободили большую часть своей страны от власти Центральной рады и создали Советскую власть. Он знал, что делегаты Рады никого не представляют, что имеется Советское правительство Украины и что оно уже направило в Брест-Литовск свою делегацию. Заявление Троцкого было использовано германскими империалистами. Голубович отметил, что оно определяет дальнейшее положение делегации Центральной рады как полноправного члена мирной конференции по всем вопросам. На пленарном

заседании мирной конференции 30 декабря 1917 г. (12 января 1918 г.) Чернин от имени всех четырех держав германского блока заявил о признании ими делегации Украинской рады как самостоятельной и представляющей украинское государство.

Вечером того же дня на заседании политической комиссии Гофман заявил, что Германия возражает против проведения плебисцита для определения судьбы оккупированных ее войсками территорий Польши, Литвы и Курляндии. Вместе с тем Гофман подчеркнул, что Германия не намерена выводить свои войска с этих территорий, и ссылаясь при этом на технико-административные причины. Это была программа территориальных захватов германского империализма, замаскированная ссылками на мнимое самоопределение поработанных им наций. Советские представители категорически протестовали против этого грубого извращения провозглашенного Советской властью права народов на самоопределение вплоть до отделения. Они справедливо указали, что на захваченных немцами территориях никакого свободного волеизъявления населения не было и не могло быть. В соответствии с инструкциями Советского правительства они настаивали на предварительном выводе с захваченных территорий немецких оккупационных войск как на необходимейшей предпосылке действительно свободного выражения воли населения

50

по поводу дальнейшей судьбы соответствующих территорий. Советская сторона решительно отклонила попытки немцев под прикрытием лозунга самоопределения насильственно отторгнуть от России ее западные области, чтобы присоединить их к Германии.

Почти все дискуссии вращались вокруг германского проекта первых двух статей мирного договора, где были сформулированы условия, касающиеся границ и судьбы оккупированных немцами территорий. Советская делегация требовала, чтобы вывод германских войск происходил параллельно с демобилизацией русской армии⁸, а германская сторона настаивала на том, чтобы эвакуация была отложена до заключения всеобщего мира⁹. Вместе с тем немцы добивались, чтобы советская сторона признала законными решения марионеточных «представительных» учреждений в Прибалтике, созданных по указаниям немецких оккупантов.

Советская делегация указывала, что воля народов может быть свободно выражена «только при условии предварительного очищения соответствующих территорий от чужих войск»¹⁰. Она заявила, что не может признать «самоопределения» в условиях германской оккупации¹¹.

1(14) января 1918 г. фон Кюльман предъявил советской делегации германские условия мира: войска Германии и ее союзников остаются в оккупированных ими принадлежавших России областях, Германия отказывается от проведения там референдума. На заседании политической комиссии 5(18) января германские представители уточнили свои территориальные притязания. Гофман положил на стол карту, где была обозначена линия, определяющая западные границы Советской России. Линия была проведена только к северу от Брест-Литовска. Границу южнее Брест-Литовска, по заявлению генерала, предполагалось обсудить сепаратно с делегатами Украинской Центральной рады. «Я оставляю карту на столе,— добавил генерал,— и прошу... присутствующих с ней ознакомиться»¹². Линия границы, предложенная Германией, отрезала от России более 150 тыс. кв. верст¹³.

После выступления Гофмана стало очевидно, что Германия намерена предъявить ультиматум. «Мирные переговоры в Брест-Литовске,— писал В. И. Ленин 7(20) января 1918 г. о германских условиях,— вполне выяснили в

настоящий момент, к 7.1.1918 г.,

⁸ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске, т. 1, с. 70.

⁹ См.: Там же. с. 68, 71.

¹⁰ Там же, с. 72.

¹¹ Там же, с. 92.

¹² Там же, с. 126.

¹³ Там же, с. 130. От России отходили территории бывшего Царства Польского, Литвы и значительное пространство, населенное белорусами. Линия границы должна была пройти от Брест-Литовска к Двинску (западнее его) и разрежала территорию, населенную латышами, разделяя ее на две части, так что от России отторгались бывшая Курляндская губерния и часть Лифляндской, включая г. Ригу. Эта линия отсекала также населенные эстонцами острова Балтийского моря от континентальной Эстонии.

51

что у германского правительства (вполне ведущего на поводу остальные правительства Четверного союза) безусловно взяла верх военная партия, которая по сути дела уже поставила России ультиматум (со дня на день следует ждать, необходимо ждать и его формального предъявления). Ультиматум этот таков: либо дальнейшая война, либо аннексионистский мир...»¹⁴

Сославшись на создавшуюся ситуацию, советская делегация в соответствии с указанием В. И. Ленина потребовала нового перерыва переговоров на 10 дней и выехала из Брест-Литовска для доклада Советскому правительству.

БОРЬБА В. И. ЛЕНИНА ЗА НЕМЕДЛЕННОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ МИРА

В связи с позицией, занятой германскими империалистами, Советское государство должно было решать вопрос огромной важности: как быть дальше — заключать или не заключать мир на предложенных немцами грабительских условиях. В руководящих органах страны по этому вопросу не было единства. В. И. Ленину приходилось вести в ЦК партии упорную борьбу за немедленное заключение сепаратного мира на предложенных Германией крайне тяжелых условиях.

Настаивая на принятии этих условий, В. И. Ленин указывал: «Перед социалистическим правительством России встает требующий неотложного решения вопрос, принять ли сейчас этот аннексионистский мир или вести тотчас революционную войну. Никакие средние решения, по сути дела, тут невозможны»¹⁵. Ленин был твердо убежден, что единственным спасением для молодого Советского государства является немедленное заключение мира с Германией и ее союзниками. Свою точку зрения он изложил в «Тезисах по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира», с которыми он выступил 8(21) января на совещании членов ЦК с большевиками — делегатами III Всероссийского съезда Советов. В этом выступлении Ленин сделал анализ международной обстановки и хода брестских мирных переговоров. Он подчеркнул при этом, что Советской власти совершенно необходимо получить как можно быстрее мирную передышку для подавления усилившегося сопротивления буржуазии внутри страны и для успешного решения организационных задач по социалистическому переустройству экономики. «Положение дел с социалистической революцией в России, — указывал Ленин, — должно быть положено в основу всякого определения международных задач нашей Советской власти...»¹⁶ «Заключая сепаратный мир, — отмечал Ленин, — мы в наибольшей, *возможной для данного момента*, степени освобождаемся от обеих враждующих

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 245.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, с. 244

империалистских групп, используя их вражду и войну,— затрудняющую им сделку против нас,— используем, получая известный период развязанных рук для продолжения и закрепления социалистической революции»¹⁷.

Результаты обсуждения вопроса о мире на этом совещании были таковы: около половины его участников голосовали за объявление «революционной войны» Германии, яркими сторонниками и пропагандистами которой в партии выступали «левые коммунисты» во главе с Бухариным. Около четверти присутствовавших поддержало «среднюю линию» Троцкого — «объявить состояние войны прекращенным, армию демобилизовать, но мира не подписывать». И только около четверти участников совещания поддержали ленинское предложение о немедленном подписании мира.

В. И. Ленину было ясно, что возобновление войны грозило наступлением германской армии, падением Петрограда, гибелью революции. Новой армии Советская Россия еще не имела, да и невозможно было ее создать в короткий срок. Старая армия не в состоянии была оказать сопротивление. Народные массы жаждали мира. Однако Троцкий и «левые коммунисты» во главе с Бухариным активно противодействовали осуществлению ленинской политики заключения мира.

Против заключения мира выступали также буржуазные и мелкобуржуазные партии России. Таким образом, все политические партии — от кадетов, представляющих интересы буржуазии как класса в целом, до эсеров и меньшевиков вместе с «левыми коммунистами» — требовали продолжения войны. Буржуазия рассчитывала, что в единоборстве с германским империализмом молодая Советская власть будет разгромлена и тогда ей удастся снова прийти к власти. Именно поэтому она и хотела срыва мирных переговоров, которые тогда вело Советское правительство.

С этой целью буржуазия громко кричала, что Советское правительство «предает» Россию, вступив в мирные переговоры с Германией, однако сама она была не прочь тайным путем завязать переговоры с теми же немцами и заключить с ними договор на любых условиях. Вот что говорилось об этих планах в информации, которой располагал НКВД и которую он послал для сведения советской делегации в Брест:

«Нами получены достоверные сведения о том, что „патриотические“ члены Учредительного собрания сделали попытку вступить в „переговоры“ с австро-германской делегацией через посредство одного нейтрального посольства. План гг. безработных патриотов состоит в том, чтобы в случае, если Советская власть откажется от заключения мира на неблагоприятных условиях,— „захватить“ это дело в свои руки и заключить мир во что бы то ни стало. Мы никогда не сомневались, что гг. Милюковы, Авксентьевы-Церетели и другие герои 18 июня отдали бы теперь

¹⁷ Там же, с. 250.

„полцарства“ за восстановление буржуазной власти во второй половине России».

Только благодаря нестигаемой воле и настойчивости Ленина переговоры в Бресте были продолжены.

На заседании ЦК 11(24) января «левые коммунисты», являвшиеся сторонниками объявления «революционной» войны Германии, потерпели провал. Но большинство ЦК (9 человек) вопреки мнению Ленина одобрило губительную тактику Троцкого — «ни войны, ни мира», которая в конце концов должна была привести к срыву мирных переговоров, чем незамедлительно и воспользовалась бы кайзеровская Германия, чтобы возобновить наступление против Советской России.

В создавшейся обстановке В. И. Ленин считал чрезвычайно важным не допустить срыва брестских переговоров и воспрепятствовать проведению Троцким и Бухариным их авантюристической тактики в вопросе о войне и мире. В. И. Ленин добился того, что на этом же заседании ЦК было принято решение о всемерном затягивании мирных переговоров. Заседавший в то время III Всероссийский съезд Советов решил предоставить Советскому правительству широкие полномочия в вопросе о войне и мире.

После этого левые оппозиционеры (Бухарин, Пятаков, Преображенский и др.) подали заявление в ЦК, в котором потребовали созвать партийную конференцию и угрожали отставкой в случае подписания мира. Особенно резко выступил с критикой линии В. И. Ленина в вопросе о мире Московский комитет, где оппозиционеры имели большинство. В принятой резолюции МК высказался за «революционную войну» и потребовал от СНК прервать мирные переговоры.

19 января (1 февраля) при обсуждении в ЦК вопроса о созыве конференции В. И. Ленин выступил против этих предложений. Он заявил, что решения конференции не могут быть обязательными для Центрального Комитета и что такие решения может выносить только съезд партии.

После принятия Центральным Комитетом предложения В. И. Ленина о затягивании мирных переговоров это постановление стало руководящей линией партии в вопросе о войне и мире. Исходя из этого, Ленин и дополнил свои «Тезисы по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира» пунктом, который учитывал последние изменения в международной обстановке, — нарастание революционного движения в Германии и Австрии. «Из этого факта, — отмечал Ленин, — вытекает возможность для нас еще в течение известного периода оттягивать и затягивать мирные переговоры»¹⁸.

По предложению В. И. Ленина было решено до созыва съезда партии выявить мнение по вопросу о мире на совещании партийных работников. Такое совещание состоялось 3 февраля. Все присутствовавшие, кроме одного, проголосовали против немедлен-

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 252.

ного разрыва брестских переговоров. На вопрос о том, допустимо ли подписать аннексионистский мир с Германией в случае разрыва немцами переговоров или предъявления ими ультиматума, все участники совещания, кроме двух, дали положительный ответ. Итак, «левые коммунисты», Троцкий потерпели на этом совещании полное поражение и не осмелились открыто выступить против линии партии в вопросе о мире. Тем не менее они не хотели признать своей ошибки. Они явно вели дело к расколу партии и всеми средствами пытались не допустить подписания мирного договора. «Левые коммунисты» добились того, что 24 февраля узкий состав Московского областного бюро партии принял решение, в котором выразил недоверие политической линии ЦК и заявил, что в «интересах международной революции» считает «целесообразным идти на возможность утраты Советской власти, становящейся теперь чисто формальной». Это решение В. И. Ленин назвал «странным и чудовищным»¹⁹.

В. И. Ленин говорил: «Может быть, авторы полагают, что интересы международной революции требуют *подталкивания* ее, а таковым подталкиванием явилась бы лишь война, никак не мир, способный произвести на массы впечатление вроде „узаконения" империализма? Подобная «теория» шла бы в полный разрыв с марксизмом, который всегда отрицал „подталкивание" революций, развивающихся по мере назревания остроты классовых противоречий, порождающих революции. Подобная теория была бы равносильна взгляду, что вооруженное восстание есть форма борьбы, обязательная всегда и

при всяких условиях. На деле интересы международной революции требуют, чтобы Советская власть, свергнувшая буржуазию страны, *помогала* этой революции, но *форму* помощи избирала соответственно своим силам»²⁰.

Отказ «левых коммунистов» от заключения мирного договора с Германией и другими державами германского блока был связан с неверием в возможность установления мирных отношений между Советской Россией и капиталистическими странами. Говоря о несостоятельности подобного рода утверждений, Ленин указывал: «Социалистическая республика среди империалистских держав не могла бы, с точки зрения подобных взглядов, заключать никаких экономических договоров, не могла бы существовать, не улетаая на луну»²¹.

СРЫВ БРЕСТСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ

17(30) января 1918 г. заседания мирной конференции в Бресте были возобновлены. Германская делегация явно вела дело к ультиматуму и в то же время проводила закулисные переговоры с представителями буржуазно-националистической Центральной

¹⁹ См.: Там же, с. 399—407,

²⁰ Там же, с. 403.

²¹ Там же, с. 402.

55

рады. Советская делегация на первом пленарном заседании сообщила о прибытии представителей Советской Украины и их включении в состав российской делегации.

Несмотря на это, Троцкий продолжал свою предательскую линию: он не возражал против дальнейшего участия делегации рады в мирных переговорах. Но самый факт появления в Бресте представителей Советской Украины спутал карты германской дипломатии. 21 января (3 февраля) немцы прервали переговоры до 25 января (7 февраля) 1918 г. Фон Кюльман и Чернин выехали в Берлин для консультаций.

22 января (4 февраля) в Берлине проходило совещание германской делегации с верховным командованием, а на следующий день — совещание с Черниным и с австро-венгерским командованием. На этих совещаниях было решено быстро закончить переговоры с Украинской центральной радой, потребовав от нее обязательства поставить большое количество хлеба и другого продовольствия для Австро-Венгрии и Германии. Взамен ей обещали военную поддержку. После завершения переговоров с Украинской радой было решено немедленно предъявить Советской России ультимативное требование о принятии германских условий мирного договора.

Вернувшись в Брест 25 января (7 февраля), делегации Германии и Австро-Венгрии спешно завершили переговоры с представителями Украинской рады и 27 января (9 февраля) подписали с ней мирный договор.

В тот же день вечером на заседании политической комиссии фон Кюльман в резкой форме заявил, что «нельзя бесконечно затягивать мирные переговоры». Напомнив основное содержание немецких требований, он подчеркнул, что принятие их Россией является абсолютно необходимым условием для заключения мира. Фактически это был ультиматум.

В ответ на запрос советской делегации, как ей поступать дальше, В. И. Ленин послал следующую телеграмму: «Наша точка зрения Вам известна; она только укрепилась за последнее время...»²². Ленин категорически настаивал на подписании мира. Перед выездом в Брест советской делегации Ленин дал Троцкому четкое указание, о котором он сообщил позже VII съезду партии:

«...между нами было условлено, что мы держимся до ультиматума немцев, после ультиматума мы сдаем... Я предложил совершенно определенно мир подписать»²³.

Троцкий преступно нарушил эту директиву В. И. Ленина. В ответ на германский ультиматум Троцкий заявил 10 февраля на заседании конференции, что, «отказываясь от подписания аннексионистского договора, Россия, со своей стороны, объявляет состояние войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией в Бол-

²² Ленинский сборник, XI, с. 25.

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 30

56

гарией прекращенным. Российским войскам одновременно отдается приказ о полной демобилизации по всему фронту»²⁴.

Фон Кюльман тут же заявил: «Если мирный договор не будет заключен, то, очевидно, самый договор о перемирии теряет свое значение и по истечении предусмотренного в нем срока война возобновляется»²⁵ Троцкий отказался вести далее какие бы то ни было переговоры.

Эти действия Троцкого удивили даже германских представителей, по крайней мере тех из них, которые хотели закончить брестские переговоры подписанием мирного договора.

Вот как, например, расценил позицию Троцкого представитель ведомства иностранных дел Германии в телеграмме из Брест-Литовска от 11 февраля: «Здесь почти все считают, что для нас вообще не могло произойти ничего более благоприятного, чем решение Троцкого. Конечно, на первый взгляд оно ошеломляюще. Этим решением Троцкий отказывается от всех преимуществ страны, ведущей войну и заключающей мир. При заключении мира мы все-таки должны были бы сделать ему различные серьезные уступки. Теперь мы сможем все урегулировать по нашему собственному усмотрению. Территориальный вопрос будет полностью решен по нашему желанию»²⁶.

Троцкий не довольствовался тем, что, грубо нарушив ленинские указания, сорвал брестские переговоры. Без согласования с Совнаркомом он послал телеграмму верховному главнокомандующему Н. В. Крыленко, в которой потребовал немедленного издания приказа по армии о прекращении состояния войны с державами германского блока и о демобилизации русской армии.

В. И. Ленин категорически осудил преступные действия Троцкого, заявив, что «лучше Брестского мира мы получить не могли... надо было мир взять, а не хорохориться зря»²⁷.

В своих воспоминаниях Н. К. Крупская пишет об этом предательстве Троцкого: «Любитель красивых слов, красивых поз, и тут он не столько думал о том, как вывести из войны Страну Советов, как получить передышку, чтобы укрепить силы, поднять массы, сколько о том, чтобы занять красивую позу: на унижительный мир не идем, но и войны не ведем. Ильич называл эту позу барской, шляхетской, говорил, что этот лозунг — авантюра, отдающая страну, где пролетариат встал у власти, где начинается великая стройка,— на поток и разграбление»²⁸.

Предательство Троцкого было на руку лидерам германской военной партии — Гинденбургу, Людендорфу, Вильгельму II и другим, которые давно требовали от фон Кюльмана срыва пере-

²⁴ Мирные переговоры в Брест-Литовске, т. 1, с. 208.

²⁵ Там же, с. 209.

²⁶ Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора: Сборник документов. М., 1968, т. 1 (1917—1918), с. 321.

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 30.

говоров. Троцкий помог им добиться этой цели. Он дал подходящий повод для возобновления войны против Советской России. 16 февраля в 19 час. 30 мин. Гофман официально уведомил А. А. Самойло — военного эксперта Советского правительства в Бресте, что 18 февраля в 12 час. кончается перемирие и возобновляются военные действия. 17 февраля Советское правительство заявило протест Германии в связи с тем, что немцы грубо нарушили условия перемирия, не заявив официально о его прекращении за семь дней, как это было предусмотрено в соглашении о перемирии. Германия оставила советский протест без ответа.

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ПЕРЕГОВОРОВ

18 февраля немецкие войска начали наступление по всему фронту. В этот день ЦК партии заседал несколько раз. На дневном заседании обсуждалось предложение В. И. Ленина о посылке телеграммы немцам с предложением продолжить мирные переговоры. На этом заседании Троцкому и Бухарину удалось добиться принятия резолюции о том, чтобы решение этого вопроса было отложено. Однако на вечернем заседании, когда стало известно о взятии германскими войсками Двинска и о наступлении на Украину, эта резолюция была пересмотрена. Против заключения мира выступали Бухарин, Дзержинский, Ломов и Урицкий, но они остались в меньшинстве. Троцкий предлагал запросить немцев об их условиях. Возражая против этого предложения Троцкого, Ленин говорил: «Если запросить немцев, то это будет только бумажка. Это не политика. Единственное — это предложить немцам возобновить переговоры»²⁹.

При этом В. И. Ленин подчеркивал исключительно серьезную опасность для Советской России дальнейшего промедления подписания мира с Германией. «Взгляните на *факты* относительно поведения англо-французской буржуазии,— писал он.— Она всячески втягивает нас теперь в войну с Германией, обещает нам миллионы благ, сапоги, картошку, снаряды, паровозы... Она хочет, чтобы мы *теперь* воевали с Германией.

Понятно, почему она должна хотеть этого: потому что, во-первых, мы оттянули бы часть германских сил. Потому, во-вторых, что Советская власть могла бы крахнуть легче всего от несвоевременной военной схватки с германским империализмом.

Англо-французская буржуазия ставит нам западню: идите-ка, любезные, воевать *теперь*, мы от этого великолепно выиграем. Германцы вас ограбят, „заработают“ на Востоке, дешевле уступят на Западе, а кстати Советская власть полетит... Воюйте, любезные „союзные“ большевики, мы вам поможем!»³⁰ По настоянию Ленина тогда же ЦК принял решение о посылке радиограммы немцам с принятием их условий³¹.

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 336.

³⁰ Там же, с. 352—353.

³¹ См.: Там же, с. 339.

В ночь на 19 февраля В. И. Ленин послал в Берлин следующую радиограмму:

«Совет Народных Комиссаров выражает свой протест по поводу того, что Германское Правительство двинуло войска против Российской Советской Республики, объявившей состояние войны прекращенным и начавшей демобилизацию армии на всех фронтах.

Рабочее и Крестьянское Правительство России не могло ожидать такого шага уже по тому одному, что ни прямо, ни косвенно ни одна из находившихся в

состоянии перемирия сторон не предупредила о прекращении перемирия за семь дней, как это обязались сделать обе стороны по договору 2-го (15-го) декабря 1917 года.

Совет Народных Комиссаров видит себя вынужденным, при создавшемся положении, заявить о своем согласии подписать мир на тех условиях, которые были предложены делегациями Четверного союза в Брест-Литовске.

Совет Народных Комиссаров заявляет, что ответ на точные условия мира, предлагаемые Германским Правительством, будет дан безотлагательно»³².

Предвидя, что германские империалисты будут затягивать свой ответ, чтобы захватить побольше военного имущества и подалее продвинуться в глубь страны, В. И. Ленин утром 19 февраля вслед за радиограммой направил курьера к германскому командованию с официальным текстом заявления о согласии подписать мир.

Германские войска, как и предполагал Ленин, продолжали наступление по всему фронту. Партия большевиков призвала народ к борьбе против захватчиков. Ленин вызывал к себе военных специалистов, советовался с ними о мерах организации отпора. Он требовал от войск решительного сопротивления захватчикам. Так, когда из г. Дриссы в Совнарком пришел телеграфный запрос, что делать в связи с занятием Двинска и дальнейшим продвижением немцев, Ленин дал 19 февраля следующий ответ:

«Оказывайте сопротивление, где это возможно. Вывозите все ценное и продукты. Остальное все уничтожайте. Не оставляйте врагу ничего. Разбирайте пути — две версты на каждые десять. Взрывайте мосты»³³.

20 февраля Совнарком принял воззвание «К трудящемуся населению всей России», опубликованное в газетах 21 февраля. Изложив ход мирных переговоров за последние несколько дней, Совнарком отмечал, что ответа от немцев не поступает, что противник стремится овладеть возможно большей территорией. Совет Народных Комиссаров призвал местные Советы и общественные организации приложить все силы к воссозданию армии, упорядо-

³² Документы внешней политики СССР. М., 1957, т. 1, с. 100.

³³ Ленинский сборник, XXXV, с. 16.

59

чению транспорта и продовольственного дела, железной рукой поддерживать порядок.

Телеграфные сводки с фронта говорили о расширяющемся наступлении германских войск: взяты Орша и Режица. Советское правительство вынесло специальное решение об организации борьбы против наступающей германской армии.

21 февраля Совет Народных Комиссаров принял воззвание к народу «Социалистическое отечество в опасности!». В нем говорилось: «Социалистическая республика Советов находится в величайшей опасности. До того момента, как поднимется и победит пролетариат Германии, священным долгом рабочих и крестьян России является беззаветная защита республики Советов против полчищ буржуазно-империалистической Германии»³⁴

В 16 час. 21 февраля состоялось заседание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Приветствуя призыв Совнаркома к мобилизации всех сил революции, Совет постановил создать из числа своих депутатов Комитет революционной обороны Петрограда, который незамедлительно приступил бы к организации обороны города.

В 22 час. состоялось экстренное заседание Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, на котором выступил с докладом о положении дел Я. М. Свердлов. Подавляющим большинством голосов (против шести) ВЦИК

принял резолюцию, в которой одобрил все мероприятия Совнаркома, направленные на заключение мира, и выразил полную и непоколебимую уверенность в том, что рабочие, солдаты и крестьяне дружно выступят на защиту Советской власти.

Утром 22 февраля было опубликовано воззвание Совнаркома «Социалистическое отечество в опасности!». «Правда» вышла с призывом к рабочим и солдатам: «Разбойному набегу немецких белогвардейцев двинем навстречу революционные отряды рабочей и крестьянской Красной Армии! Рабочие Петрограда, солдаты! Передовые бойцы! Поднимайтесь на защиту революционной столицы, Красной крепости мировой революции. К оружию!».

В эти дни только что сформированные части Красной Армии были отправлены на фронт. На ряде участков фронта наступление германских войск было приостановлено.

Наконец, в 24 час. 22 февраля царскосельская радиостанция получила радиограмму от генерала Гофмана. Он уведомлял, что в 6 час. утра курьеру Советского правительства вручен ответ германского правительства. Почти одновременно прибыла радиограмма от Чернина: «Австро-Венгрия готова совместно со своими союзниками привести мирные переговоры к окончательному завершению»³⁵

³⁴ Седьмой Экстренный съезд РКП (б). 6—8 марта 1918 г.: Стеногр. отчет. М., 1962, с. 218.

³⁵ Архив внешней политики СССР (далее — АВП СССР). Радиограмма министра иностранных дел Австро-Венгрии Чернина в НКВД РСФСР от 23 февраля 1918 г.

60

Курьер с германским ответом прибыл в Петроград 23 февраля в 10 час. 30 мин. Это был германский ультиматум, содержащий новые территориальные претензии и экономические требования, несравненно более тяжелые, чем предъявленные в Бресте. Ультиматум состоял из 10 пунктов.

В пункте 1 говорилось о прекращении состояния войны.

В пункте 2 указывалось, что территории, находящиеся к западу от «линии Гофмана», не подлежат более территориальному суверенитету России. Но при этом немцы существенно «исправили» «линию Гофмана» в свою пользу по сравнению с тем, как она была обозначена в брест-литовском ультиматуме.

В пункте 3 Германия требовала немедленного очищения русскими войсками и Красной гвардией оставшейся за ними части Лифляндии и Эстляндии и занятия этих территорий немецкими «полицейскими» силами «до тех пор, пока местные власти не будут в состоянии гарантировать спокойствия и не будет восстановлен порядок». Таким образом, в добавление к тому грабежу, который уже был предусмотрен брест-литовским ультиматумом, новый ультиматум на деле предусматривал захват германским империализмом всей Прибалтики.

По пункту 4 Советская Россия была обязана очистить Украину и Финляндию и заключить мир с Украинской Центральной радой.

Пункт 5 обязывал Россию обеспечить безотлагательный вывод войск из восточной Анатолии и ее возвращение Турции.

В 6-м пункте немцы требовали демобилизации русской армии, включая и воинские части, вновь сформированные Советским правительством. Русский военный флот должен был быть отведен в русские порты и находиться там до окончания войны или разоружен. Торговое мореплавание восстанавливалось на Черном и Балтийском морях, но блокада Ледовитого океана оставалась в силе.

7-й пункт ультиматума содержал требование восстановления крайне невыгодного для России торгового договора 1904 г., заключенного Николаем II с Германией в условиях русско-японской войны. К этому договору добавлялись новые обременительные для России постановления.

8-й пункт регулировал вопросы правового порядка согласно решению русско-германской комиссии и предусматривал возмещение за содержание военнопленных. Как показали дальнейшие события, кайзеровская Германия использовала содержащиеся в этом пункте обязательства для того, чтобы принудить Советское государство к выплате контрибуции в размере 6 млрд. золотых марок, которая формально называлась возмещением убытков частных лиц и расходов по содержанию военнопленных.

9-й пункт требовал от Советского правительства прекращения всякой агитации и пропаганды против стран германского блока. Германия в этом вопросе не брала на себя никаких обязательств.

61

Наконец, 10-й пункт устанавливал 48-часовой срок для ответа на германский ультиматум. Предлагалось немедленно выслать уполномоченных в Брест и там в трехдневный срок подписать мирный договор, который подлежал ратификации не позже чем по истечении двух недель.

Германские войска продолжали наступление и после вручения ультиматума.

23 февраля состоялось заседание Центрального Комитета. Большинство голосов было решено немедленно принять германские условия. 24 февраля и ВЦИК большинством голосов принял решение о подписании мирного договора, о чем было передано Совнаркомом в Берлин германскому правительству. Советское командование направило в германскую главную квартиру заявление, в котором указывало, что с принятием Советов Народных Комиссаров немецких условий мира отпадает всякий повод к продолжению военных действий³⁶.

Немцы не отвечали. Они продолжали наступление. 24 февраля были взяты Тарту, Остров, Борисов. Только ночью от генерала Гофмана прибыл циничный ответ, что «старое перемирие погашено и в жизнь больше вступать не может»³⁷. Гофман добавил, что наступление будет продолжаться до тех пор, пока не будет подписан мирный договор.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ МИРА

В результате сопротивления, на которое натолкнулись германские войска под Нарвой и Псковом, им не удалось взять Петроград. На фронт направлялись новые советские части. Вся страна поднималась на войну против захватчиков. Это побудило немцев не затягивать дальше борьбы на Восточном фронте и возобновить переговоры.

Советская делегация в составе Л. М. Карахана, Г. И. Петровского, Г. В. Чичерина и других выехала в Брест-Литовск вечером 24 февраля. Прибыв в Псков к вечеру 25 февраля, она заявила германскому командованию протест против наступления немецких войск. Он остался без ответа. В Брест-Литовске советская делегация 28 февраля возобновила протест. 1 марта состоялось заседание мирной конференции. На нем глава германской делегации посланник фон Розенберг³⁸ вновь заявил, что военные действия могут быть прекращены только по подписании мирного договора³⁹.

Затем Розенберг, председательствовавший на заседании, предложил создать три комиссии: политическую, экономическую и

³⁶ Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот, 1918, № 24, 27 февр.

³⁷ Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 113.

³⁸ Возглавлявшие делегации на предыдущих этапах переговоров министры иностранных дел выехали для заключения мира с Румынией.

³⁹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске, т. 1, с. 213.

62

правовую, для того чтобы в три дня закончить обсуждение мирного договора.

Розенберг зачитал условия договора, которые оказались более тяжелыми даже по сравнению с редакцией псковского ультиматума. Переговоры в результате предательских действий Троцкого приходилось теперь вести в условиях, несравненно более трудных, чем ранее.

Советская делегация отказалась от обсуждения условий мира, продиктованных Германией, и от создания комиссий. Было очевидно, что дискуссия по поводу условий, предъявленных немцами, приведет лишь к захвату новых территорий и военного имущества германскими войсками. Советская делегация указала на насильственный характер навязываемого России договора, подчеркнув, что он «не является плодом соглашения». «Мы лишены возможности обсудить условия этого мира,— заявила делегация,— тем более это невозможно сделать в трехдневный срок, притом в обстановке продолжающегося наступления немцев». Советская делегация заявила, что единственный выход из создавшегося положения она видит в том, чтобы немедленно принять условия в том виде, как они продиктованы. Она предложила назначить подписание мирного договора на следующий же день. 3 марта состоялось подписание Брестского мирного договора.

ВОПРОС О ВОЙНЕ И МИРЕ НА VII ЭКСТРЕННОМ СЪЕЗДЕ ПАРТИИ

6—8 марта 1918 г. состоялся VII Экстренный съезд партии. На нем снова развернулась борьба В. И. Ленина и других сторонников мира против Троцкого и «левых коммунистов».

В Политическом отчете ЦК, с которым на съезде выступил В. И. Ленин, был сделан глубокий анализ международной обстановки, положения в стране и в партии, развиты основные принципы внешней политики Советской России. Ленин подверг уничтожающей критике авантюристическую формулу Троцкого «Ни мира, ни войны!», прикрываясь которой последний совершил неслыханное предательство интересов Советского государства, дела построения социализма.

Игнорируя очевидные факты, которые были ясны трудящимся массам России, факты, которые подтверждали, что подписание Брестского договора положило конец войне между Россией и Германией и принесло долгожданный мир, Троцкий и «левые коммунисты» не прекращали своей борьбы против Ленина и Брестского мира. Они пытались добиться отклонения этого договора VII Экстренным съездом РКП (б), а затем и IV Чрезвычайным Всероссийским съездом Советов.

Используя свое положение наркома иностранных дел, Троцкий вступил в переговоры с английским дипломатическим представителем в России Локкартом и руководителем миссии американского Красного Креста в России Робинсом, с тем чтобы вос-

⁶³
пользоваться помощью США, Англии и Франции и не допустить ратификации Брестского договора ⁴⁰.

«Левые коммунисты» во главе с Бухариным стремились помешать ратификации Брестского договора. Они отвергали возможность установления нормальных взаимоотношений между Советской республикой и капиталистическими странами. В своем выступлении на VII Экстренном съезде РКП (б) Бухарин вопреки очевидности отрицал наличие противоречий или, как он говорил, щели между империалистическими блоками, хотя они в то время воевали друг с другом. Но «даже если бы была эта щель,— заявлял Бухарин,— между Англией, Францией и Америкой, с одной стороны, центральными державами — с другой, ни в том ни в другом случае мирного сожительства между нами — между Советской республикой и международным капиталом — быть не

может»⁴¹. Бухарин заявлял, что в случае надобности можно пожертвовать жизнями десятков тысяч рабочих.

Такая позиция Бухарина и других «левых коммунистов» встретила решительный отпор и критику на съезде. «Если бы мы теперь бросили лучшие наши отряды в бой, — говорил Я. М. Свердлов, — это в данный момент было бы самоубийством не только политическим, но и чисто физическим. Идя на гибель этих отрядов, — продолжал Я. М. Свердлов, — мы подрубаем тот сук, на котором сидим»⁴².

Ф. А. Сергеев (Артем) в яркой речи резко осудил поведение «левых коммунистов». «...Кажется, есть и такие товарищи, — говорил он, — которых почему-то называют левыми и которые предлагают благородный жест — вынуть шпагу и погибнуть, оставя по себе хорошую память. Я думаю, что в рядах пролетариата такой поступок может оставить очень скверную память»⁴³.

Борьба против Троцкого и «левых коммунистов» была напряженной. В. И. Ленин выступал на съезде 17 раз. В конце концов ленинская политика мира была одобрена большинством участников съезда. Съезд признал необходимым утвердить мирный договор ввиду необходимости воспользоваться всякой, даже малейшей возможностью мирной передышки.

12 марта Совет Народных Комиссаров переехал из Петрограда в Москву, которая стала с этого момента столицей Советского государства. Два дня спустя, 14 марта, собрался IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов. На нем присутствовало 1232 делегата с решающим голосом. Из них большевиков было 795 «левых» эсеров — 283, остальные — эсеры, меньшевики, анархисты и беспартийные.

⁴⁰ См. Чубарьян А. О. В. И. Ленин и формирование советской внешней политики. М., 1972, с. 176-180.

⁴¹ Седьмой Экстренный съезд РКП (б), с. 29.

⁴² Там же, с. 79—80. ⁴³ Там же, с. 88.

64

По вопросу о Брестском договоре правительство США пыталось повлиять на ход дискуссии и на решения съезда. Чтобы поддержать те элементы, которые выступали против Брестского договора, президент Вильсон прислал съезду приветственную телеграмму, в которой содержались туманные обещания оказать помощь России в будущем. Однако этот маневр был разгадан.

Советское правительство еще до созыва съезда Советов, считаясь с возможностью отклонения Брестского договора съездом, официально запросило правительство США о том, может ли Советская Россия в случае возобновления войны с Германией рассчитывать на поддержку и помощь США, Великобритании и Франции и какая конкретно поддержка будет оказана в ближайшее время. Кроме того, Советское правительство запрашивало США о том, какие шаги американское правительство и правительства Антанты предпримут в случае, если Япония попытается захватить Владивосток и Восточно-Сибирскую железную дорогу. Правительства США, Англии и Франции ответа на это обращение Советского правительства не дали, чем и подтвердили, что Советская Россия в случае войны с Германией или вторжения Японии в Сибирь никакой помощи от них не получит.

В свете этих фактов Советское правительство не могло строить иллюзий относительно истинных намерений правительства Вильсона, когда от последнего была получена телеграмма в адрес IV Чрезвычайного съезда Советов.

В составленном В. И. Лениным проекте ответа Вильсону, который и был принят затем съездом в качестве его резолюции, выражалась благодарность американскому народу за сочувствие русскому народу. Съезд также выразил всем народам, страдающим от ужасов войны, «свое горячее сочувствие и твердую

уверенность, что недалеко то счастливое время, когда трудящиеся массы всех буржуазных стран свергнут иго капитала и установят социалистическое устройство общества, единственно способное обеспечить прочный и справедливый мир, а равно культуру и благосостояние всех трудящихся»⁴⁴.

Заключение Брестского мира имело огромное международное значение: Советская Россия показала трудящимся всего мира, что только рабоче-крестьянское Советское правительство могло осуществить выход России из империалистической войны и таким образом дать ее народу долгожданный мир. Этот договор сыграл огромную роль в истории Советского государства, в его укреплении. «Брестский договор,— отмечал Ленин,— дал возможность Советской власти организовать страну и подготовить возможность дальнейшего развития Советского государства».

Доклад о ратификации мирного договора на съезде сделал В. И. Ленин. За ратификацию высказалось значительное большинство его участников — 784 голоса; против — 261; воздержав-

⁴⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 91.

65

лись — 115. Среди воздержавшихся были «левые коммунисты», нарушившие своим поведением Устав партии.

17 марта Брестский мирный договор был ратифицирован также германской стороной и вступил в силу. Советская Россия наконец вышла из империалистической войны. Заключение мира имело огромное значение. Благодаря мудрости Ленина первая социалистическая страна была спасена.

*

Брест-Литовская конференция была первой международной конференцией, на которой выступала советская делегация и были продемонстрированы новые принципы внешней политики. Советское правительство отстаивало не только интересы своей страны, но и интересы трудящихся всего мира.

Несмотря на заговор молчания, который пыталась организовать империалистическая пресса вокруг советской Программы мира и условий заключения мирного договора, они стали известны широким массам и послужили толчком для усиления борьбы за прекращение империалистической войны.

Советская делегация настаивала на заключении всеобщего демократического мира, мира без аннексий и контрибуций, мира, основанного на признании суверенитета и равноправия больших и малых народов, на признании прав народа на самоопределение вплоть до отделения.

Однако ход мирных переговоров в Брест-Литовске и обсуждение вопроса о судьбе оккупированных немцами областей России подтвердили, что германские империалисты хотят навязать Советской России аннексионистский мир, добиваясь отторжения ее западных областей. Это отторжение они прикрывали рассуждениями о том, что в этих областях якобы уже произошло самоопределение. При этом немцы стремились выдать созданные ими в оккупированных областях марионеточные органы власти за действительные представительства народов этих областей.

Советская Россия добилась перерыва мирных переговоров, для того чтобы снова попытаться привлечь союзные державы к участию в них и превратить их во всеобщие переговоры о мире. Только повторный отказ империалистических правительств держав Антанты от мирных переговоров вынудил Советское правительство, оставленное один на один с германским империализмом, заключить сепаратный мир с Германией и ее союзниками. Отказ Антанты и США от участия в мирных переговорах усилил позиции Германии в Бресте и поощрил ее предъявить России более тяжелые условия мира.

«Именно англо-французская и американская буржуазия,— писал В. И. Ленин,— не приняла нашего предложения, именно она отказалась даже разговаривать с нами о всеобщем мире! Именно *она* поступила предательски по отношению к интересам всех народов, именно она затянула империалистскую бойню!

66

Именно она, спекулируя на то, чтобы снова втянуть Россию в империалистскую войну, отстранилась от мирных переговоров и тем развязала руки столь же разбойническим капиталистам Германии, которые навязали России аннексионистский и насильственный Брестский мир!

Трудно представить себе более омерзительное лицемерие, чем то, с каким англо-французская и американская буржуазия сваливает „вину“ за Брестский мир на нас»⁴⁵.

Подписав мир, хотя и на крайне тяжелых условиях, Советское правительство не только обеспечило себе передышку — возможность успешно вести борьбу с внутренней контрреволюцией, перейти к реорганизации народного хозяйства и созданию новой армии, но и укрепило позиции народных масс во всем мире в их борьбе против империалистической войны. Ценою тяжелых жертв и уступок партия и Советское правительство спасли власть Советов, а вместе с нею и все исторические завоевания Октября.

⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 53.

III ГЛАВА

НАЧАЛО ИНОСТРАННОЙ ВООРУЖЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ. БОРЬБА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА ЗА ПРОДЛЕНИЕ МИРНОЙ ПЕРЕДЫШКИ

(март—ноябрь 1918 г.)

В результате заключения Брестского мирного договора с Германией и ее союзниками Советская Россия вышла из империалистической войны. Добившись мира, Ленин и его сторонники вывели Советскую Россию из-под удара германского империализма, завоевали необходимую передышку для молодого Советского государства. «Как бы то ни было,— говорил тогда В. И. Ленин,— но мы вырвались из войны. Мы не говорим, что мы вырвались, ничего не отдавши, не заплативши дани. Но мы вырвались из войны. Мы дали передышку народу». Подчеркивая ее значение, В. И. Ленин отмечал, что «после мучительной трехлетней войны всякая неделя передышки есть величайшее благо»¹. Поскольку завоевание передышки являлось прежде всего результатом деятельности В. И. Ленина, советские дипломаты называли ее «ленинской передышкой»-

Заклучение мира было большим достижением советской внешней политики. «Советское правительство,— писал Г. В. Чичерин,— сознательно шло на тяжелые испытания, подготовленные Брестским договором, зная, *что* рабоче-крестьянская революция будет сильнее империализма и что передышка означает путь к победе»².

Мир был нужен, чтобы вплотную заняться социалистическим строительством и укреплением Советской власти и прежде всего ее основы — союза рабочего класса и крестьянства. Только в условиях мира было возможно сосредоточить энергию пролетариата России на мирной созидательной работе — на борьбе с дезорганизацией и разрухой в хозяйстве, на построении фундамента социалистической экономики. «Благодаря достигнутому миру,— писал В. И. Ленин в апреле 1918 г.,— несмотря на всю его тягостность и всю его непрочность,— Российская Советская республика получает возможность на

известное время сосредото-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 85, 117.

² Чичерин Г. В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961, с. 101.

68

чить свои силы на важнейшей и труднейшей стороне социалистической революции, именно — на задаче организационной»³. Мир и время требовались также и для создания новой армии.

Прекращение состояния войны с Германией и ее союзниками имело важное значение еще и потому, что установление мирных отношений с одной группой империалистов затрудняло объединение сил международного империализма для борьбы с Советским государством. Это облегчало положение СССР и давало ему возможность проводить независимую политику.

Заключение Советской Россией мира с Германией и ее союзниками усиливало антагонизм между империалистами Антанты и империалистами германского блока и ослабляло натиск обеих этих империалистических групп на Советскую страну. Именно это обстоятельство и отмечал В. И. Ленин, когда говорил, что «мы сделали громадную уступку германскому империализму и, сделавши уступку одному империализму, мы заградили себя разом от преследования обоих империализмов»⁴.

В. И. Ленин решительно требовал и призывал хотя бы ценой больших новых жертв добиваться сохранения Брестского договора, так как это был единственный путь обеспечения мирной передышки. Сохранение и продление ее стало основной внешнеполитической задачей Коммунистической партии и Советского государства.

АГРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ

ПОСЛЕ ПОДПИСАНИЯ МИРА И БОРЬБА ПРОТИВ НЕЕ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Сохранение мира было для Советской России делом нелегким. С первого же дня Германия начала грубо нарушать только что подписанный договор. Наиболее агрессивные круги, не считаясь с Брестским мирным договором, продолжали стремиться к организации военного похода против Страны Советов в целях захвата территории, свержения Советской власти и превращения России в зависимое от Германии государство.

Хотя правящие круги Германии тогда и не решились на возобновление «большой» войны против Советской России, тем не менее они продолжали захватывать русскую территорию. Как указывал В. И. Ленин в мае 1918 г., «большинство буржуазных партий Германии в данный момент стоит за соблюдение Брестского мира, но..., конечно, очень радо „улучшить" его и получить еще несколько аннексий за счет России»⁵.

Германское правительство осуществляло захваты под самыми различными предлогами. Прежде всего немцы воспользовались отсутствием твердо установленных границ между Советской Россией и Украиной. Используя предательство украинских буржуаз-

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 167.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 57.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 333.

69

ных националистов, они оккупировали Украину и превратили ее в базу для продвижения в глубь России. Германская армия, находившаяся на Украине, насчитывала почти миллион человек. Кроме того, там было свыше 300 тыс. австро-венгерских солдат. Значительные силы германской армии находились в

Прибалтике в непосредственной близости от Петрограда.

Не успели еще просохнуть чернила на только что подписанном Брестском договоре, как немецкие империалисты начали осуществление своих захватнических планов. В марте 1918 г. их войска заняли Донбасс. Затем они двинулись дальше, на Дон, где помогали генералу Краснову, главарю контрреволюционного мятежа, сформировать и вооружить армию для борьбы против Советского государства. В апреле германские войска вторглись в пределы Курской, Орловской и Воронежской губерний. В мае германская армия захватила Крым.

Оккупацию русских территорий германский империализм осуществлял и с территории Финляндии, используя для этого находившуюся там армию во главе с генералом фон дер Гольцем. Эта армия, подавив в Финляндии социалистическую революцию, вместе с белофинскими частями вторглась в пределы Советской России на Карельском перешейке. К началу мая здесь был занят Белоостров, в связи с чем нависла угроза над Петроградом. В это же время Турция в нарушение условий Брестского договора оккупировала русские территории на Кавказе.

Советская дипломатия вела упорную борьбу за прекращение дальнейших захватов германскими войсками русских территорий. Для этого ей прежде всего надо было определить границу с Украиной. С этой целью Советское правительство 3 апреля сообщило Украинской центральной раде о готовности заключить с ней мирный договор. Это предложение было повторено 16 и 22 апреля, 4 и 5 мая⁶. Украинские буржуазные националисты, однако, саботировали урегулирование отношений с Советской Россией, действуя в интересах германского империализма.

Захватническая политика Германии в конце апреля была разоблачена Г. В. Чичериным в советской печати⁷.

Германия вопреки Брестскому договору потребовала возвращения русского флота из Новороссийска в Севастополь, который был тогда оккупирован немцами. В качестве предлога для этого немцы выдвинули лживые обвинения в том, будто суда Черноморского флота принимали участие в борьбе против германских войск.

Не желая обострять отношения с Германией, Советское правительство 17 апреля предложило для урегулирования и детального выяснения всех вопросов, касающихся флота, образовать особую русско-германскую комиссию⁸.

⁶ Документы внешней политики СССР. М., 1957, т. 1, с. 245, 257, 281—283.

⁷ Известия, 1918, 23 апр.

⁸ См.: Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 246—247.

70

В. И. Ленин 11 мая подготовил проект протеста германскому правительству, в котором говорилось о готовности Советского правительства урегулировать вопрос о Черноморском флоте в духе немецких требований, но при условии, что Германия даст гарантии прекращения наступления в Крыму и обязуется возвратить суда Черноморского флота после окончания мировой войны.

Советское правительство добивалось согласия германского правительства на заключение мира с Финляндией и Украиной⁹, претензии которых на российские территории использовались немцами для прикрытия продолжавшейся агрессии против Советской России.

Идеи ленинского проекта легли в основу ноты, направленной 13 мая 1918 г. германскому правительству. Этими идеями руководствовалась советская дипломатия в дальнейших переговорах с немцами. Когда к середине июня конфликт с Германией в связи с ее требованием о выдаче судов Черноморского флота обострился до крайней степени, В. И. Ленин разговаривал по прямому

проводу с полпредом РСФСР в Берлине А. А. Иоффе. Последний рассказал о предпринятых им демаршах в Берлине, в которых он дал твердые заверения германскому правительству в том, что Советское правительство выполнит свои обязательства, но при условии, если и немецкая сторона будет поступать так же. Одобрив действия Иоффе, В. И. Ленин сообщил ему, что Советское правительство принимает «решительно все меры, чтобы добиться как перевода судов в Севастополь, так и прекращения военных действий»¹⁰. В. И. Ленин рекомендовал Иоффе: «Продолжайте энергично, терпеливо и выдержанно Вашу политику»¹¹.

Избегая прямого разрыва с Германией, который мог бы подтолкнуть ее к возобновлению открытой войны против Советской России, Советское правительство уступало ультимативным требованиям германского империализма, пока это было возможно, т. е. пока эти требования не угрожали суверенитету Советского государства.

Вместе с тем партия и правительство принимают решение готовить Россию к вооруженной борьбе против надвигавшейся вооруженной интервенции и внутренней контрреволюции. 22 апреля 1918 г. ВЦИК издал закон о введении всеобщего военного обучения (Всевобуч). В начале мая 1918 г. Советское правительство дало указание на места об организации вооруженного отпора германским войскам и призвало местные Советы в случае вторжения «защищаться до последней капли крови, мобилизуя и вооружая все взрослое население угрожаемых областей»¹². Тогда же В. И. Ленин и Я. М. Свердлов напомнили местным Советам о необходимости «создания могучей социалистической армии»¹³.

⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 321.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 94—95.

¹¹ Там же, с. 95.

¹² Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 280.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 277.

71

способной отстоять Советскую Республику от внешних и внутренних врагов.

Вместе с тем Ленин призывал использовать «все, что может наша дипломатия дать, чтобы отдалить момент войны, дабы продлить перерыв...». Он указывал, что «наша военная подготовка еще же закончена, и потому общим лозунгом остается по-прежнему: лавировать, отступать, выжидать, продолжая эту подготовку изо всех сил»¹⁴.

Поскольку договориться с немцами по вопросу о Черноморском флоте не удалось, Советское правительство было вынуждено отдать распоряжение о потоплении флота в Новороссийске, чтобы он не попал в руки Германии. Впрочем, и после того как у Германии был отнят формальный предлог для наступления на Новороссийск, оно все-таки продолжалось. НКВД снова заявил протест германскому правительству.

Политико-дипломатическая борьба Советского правительства против захватнических устремлений германского империализма была серьезно осложнена началом открытой вооруженной интервенции стран Антанты и США против Советской России весной 1918 г. и мятежом Чехословацкого корпуса.

Этим воспользовались германские империалисты, предъявив Советскому правительству в ультимативной форме требование о передаче Финляндии форта Ино, который вместе с Кронштадтом прикрывал подступы к Петрограду.

Таким образом, Советская Россия оставалась в весьма тяжелом положении, которое было предметом специального обсуждения на заседании ЦК РКП (б) ночью 6 мая 1918 г. Учитывая серьезные последствия, которые могла бы иметь для Советской России война с Германией, ЦК решил принять требование немцев

и передать Финляндии форт Ино. Одновременно было решено начать с Германией переговоры для выяснения возможностей заключения мирных договоров с Финляндией и Украиной и всячески добиваться ускорения их подписания, хотя в тогдашних условиях заключение этих договоров потребовало бы от Советского государства новых жертв.

НАЧАЛО ИНТЕРВЕНЦИИ АНТАНТЫ И США НА СЕВЕРЕ И ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ.

БОРЬБА СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПРОТИВ ИНТЕРВЕНЦИИ

Союзническая интервенция против Советской России была предпринята, несмотря на все старания Советского правительства добиться установления нормальных отношений и мирного урегулирования всех спорных международных вопросов со странами Антанты и США. Интервенция была предпринята еще в конце

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 323, 342—343.

72

1917 г., когда 23 декабря Англия и Франция заключили между собой соглашение о разделе «зон влияния» в России.

Руководствуясь этим соглашением, империалистические державы тогда же занялись подготовкой вооруженного вторжения в Россию. Вместе с тем они же выступили в роли организаторов гражданской войны в России. С их помощью и на их деньги создавались белые армии и подпольные контрреволюционные организации. Это вынуждены признать и буржуазные историки. Так, например, американский профессор Д. Ф. Флеминг пишет: «Когда в Ростове, в южной России, 17 декабря состоялось первое значительное собрание монархистов..., их лидерам тотчас было предложено 100 миллионов долларов английским правительством и 100 миллионов рублей французским — для организации войны против Советского правительства. Американский генеральный консул в Москве Дьюит Пуль также поспешил увидеться с мятежными белогвардейскими главарями и высказывался... за то, чтобы США поддержали антисоветские действия»¹⁶.

Для прикрытия этого вторжения организаторы интервенции прибегли к спекуляции «немецкой опасностью», которая якобы грозила России со стороны кайзеровской Германии, а также к ссылкам на то, что державы Антанты как «союзники» России «обязаны» оказать ей помощь в борьбе с этой опасностью.

При подготовке вооруженной интервенции державы Антанты и США исходили из того, что русская сухопутная граница в Европе была для них недоступна, так как там находились германские и австро-венгерские войска. Черное море тоже было закрыто до тех пор, пока не капитулировала Турция. Поэтому в 1918 г. интервенция могла быть осуществлена морским путем на севере России (Мурманск и Архангельск) и на Дальнем Востоке, а через него и в Сибирь.

Союзническая интервенция началась на Севере. Ее политическая подготовка велась со 2 марта 1918 г., когда командование английских войск подписало соглашение с предателем Юрьевым (который был председателем Мурманского Совета и действовал с ведома Троцкого, являвшегося в то время наркомом по иностранным делам) «о совместных действиях по обороне Мурманского края от немцев». Это соглашение имело целью легализовать высадку интервенционистских войск на севере России.

Первая высадка войск интервентов произошла 9 марта в Мурманском порту. Свое вероломное вторжение в Советскую Россию союзники пытались оправдать

ссылкой на мнимую необходимость «обороны Мурманского края от немцев». На самом деле организуя интервенцию на Севере, державы Антанты и США попытались создать плацдарм для наступления в глубь России в целях свержения Советской власти.

¹⁵ Fleming D. F. *The Cold War and Its Origins. 1917—1960.* London, 1961, vol. 1. p. 31.

73

Параллельно с интервенцией на севере России они подготавливали интервенцию на Дальнем Востоке. Японские, английский и американский крейсера появились во Владивостокском порту еще в январе 1918 г. 5 апреля под предлогом «защиты» японских подданных там высадились японские войска, а вместе с ними также отряд английских солдат.

Посол США Фрэнсис заявил 16 апреля, что высадка японцев «не имеет политического значения, а явилась просто мерой полицейской предосторожности, предпринятой японским адмиралом под его личную ответственность». А высадку английского десанта он объяснял просьбой английского консула «защитить консульство и английских подданных во Владивостоке, угроза которым могла возрасти в результате беспорядков, могущих возникнуть в связи с высадкой японцев»¹⁶. 29 июня во Владивостоке высадился отряд американской пехоты, и с этого времени США стали прямым и активным участником интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке.

В январе 1918 г. дворянско-буржуазное королевское правительство Румынии, действуя по указке англо-франко-американских империалистов и при их активном содействии, оккупировало Бессарабию, являющуюся неотъемлемой частью Советской России.

Захват Бессарабии привел к конфликту между Румынским королевством и Советской Россией. Германия в это время вела с Румынией мирные переговоры в Бухаресте и поэтому была заинтересована в ослаблении своего партнера, надеясь сделать его более уступчивым.

В Румынии начались аресты русских солдат и разоружение русских частей, оставшихся верными Советскому правительству. 14 января В. И. Ленин от имени Советского правительства потребовал от румынского правительства освобождения арестованных. Тогда же СНК вынес постановление о немедленном аресте румынского посланника в России Диаманди. Дипломатические представители союзников тотчас потребовали его освобождения. Однако они ни словом не обмолвились об очищении Бессарабии от румынских войск.

В тот же день В. И. Ленин принял дипломатический корпус, выслушал его протест и разъяснил еще раз, что арест Диаманди произведен в силу чрезвычайных обстоятельств, которые не могли быть предусмотрены никакими дипломатическими постановлениями. Ленин обещал доложить СНК просьбу дипкорпуса относительно освобождения румынского посла.

Совнарком на заседании, состоявшемся вечером 14 января, вынес решение, в котором говорилось: «Румынского посла освободить, сообщив ему, что в три дня должны быть приняты меры к освобождению арестованных румынами русских солдат».

¹⁶ *Russian-American Relations. March 1917—March 1920: Documents and Papers,* New York, 1920, p. 196.

74

Но и после этого румынское королевское правительство продолжало вести свою прежнюю линию. Советскому правительству не осталось ничего другого, как заявить о разрыве дипломатических отношений с Румынией и высылке румынских представителей, а затем предпринять военные действия. Только после разгрома румынской дивизии румынское правительство изъявило готовность вести переговоры об урегулировании конфликта.

Советско-румынские переговоры проходили 5—9 марта. В результате их было достигнуто соглашение, по которому Румыния обязалась очистить Бессарабию в двухмесячный срок.

Однако вопреки этому соглашению румынское правительство, поощряемое правительствами Антанты и США, постаралось удержать в своих руках Бессарабию, заручившись также и германской помощью.

По Бухарестскому договору с Германией, подписанному 7 мая 1918 г., Германия признала захват Бессарабии Румынией. С того времени и до середины 1940 г. продолжалась оккупация Бессарабии. Только в конце июня 1940 г. она была, наконец, возвращена Советскому Союзу.

Составной частью союзнической интервенции в Советской России явился также антисоветский мятеж Чехословацкого корпуса. В ходе переговоров об эвакуации из России этого корпуса Советское правительство дало согласие на выезд чехословацких солдат из пределов России. Однако командование корпуса вступило в преступный сговор с представителями Антанты в целях организации антисоветского мятежа. При этом рядовые солдаты были обмануты, им в совершенно ложном свете были представлены цели Советского правительства и его намерения в отношении Чехословацкого корпуса. План использования корпуса для борьбы против Советской власти был разработан союзниками на совещании в Яссах еще в ноябре 1917 г. Державы Антанты и США потратили много средств и усилий на подготовку этого мятежа. Он начался 26 мая 1918 г. в Челябинске. Вскоре мятежники овладели Пензой, Сызранью, Самарой, Омском, Томском и рядом других городов. Во всех занятых ими районах мятежники свергли Советскую власть и ставили во главе местного управления контрреволюционные партии.

4 июня представители Англии, Франции, Италии и США заявили протест против действий Советского правительства по разоружению чехословаков, назвав их «недружелюбным актом, направленным против них, так как чехословацкие отряды являются союзными войсками и находятся под покровительством и заботой держав Согласия». В ответной ноте НКВД от 12 июня 1918 г. был вскрыт контрреволюционный характер мятежа, участие в котором приняли и офицеры стран Антанты. Советское правительство выражало надежду, что «представители 4-х держав... не замедлят выразить осуждение чехословацким отрядам, признаваемым ими находящимися под их покровительством, за их контрреволюционный вооруженный мятеж, являющийся

самым откровенным и решительным вмешательством во внутренние дела России»⁷⁵

Самое активное и непосредственное участие в попытках Советского правительства добиться прекращения интервенции Антанты и США принимал В. И. Ленин. «При моих постоянных попытках соглашения с Антантой,— пишет Г. В. Чичерин,— которые, даже в случае неудачи, могли по крайней мере отсрочить угрожавший нам разрыв, Владимир Ильич в ежедневных телефонных разговорах давал мне точнейшие советы, проявляя изумительную гибкость и умение уклоняться от ударов противника»¹⁸. Все важнейшие шаги НКВД в области внешней политики предпринимались по указанию или с ведома и одобрения В. И. Ленина. Недаром говорили тогда в НКВД, что «политику Чичерина определяет Ленин»¹⁹.

Большую роль в установлении мирных отношений с крупнейшими капиталистическими странами, прежде всего с США и Англией, В. И. Ленин отводил развитию торговых связей и экономического сотрудничества с ними.

В соответствии с этими ленинскими идеями Комиссия по внешней торговле

при ВСНХ разработала к 12 мая 1918 г. план широкого развития экономических отношений с США. 14 мая В. И. Ленин направил этот план американскому правительству через полковника Р. Робинса²⁰. План содержал подробный список товаров, которые Россия могла продавать США. Ленин просил Робинса доложить американскому правительству советские предложения о развитии торгово-экономических связей и при этом также указал концессии, которые могли бы быть предоставлены американским капиталистам. В их числе были аренда угольных шахт, участие в железнодорожном строительстве в Сибири, в эксплуатации морских богатств Восточной Сибири и на Севере России, в строительстве электростанций на Волхове и Свири и т. п.²¹

По возвращении в Соединенные Штаты полковник Робинс представил государственному секретарю доклад, озаглавленный «Американское экономическое сотрудничество с Россией». В нем он доказывал необходимость развития торговых связей и, в частности, предлагал создать экономическую комиссию, которая осуществляла бы сотрудничество «с лидерами революционной России, фактически находящимися у власти, не придавая значения их принципам или формулам экономической, социальной или политической жизни»²².

¹⁷ Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 357, 358.

¹⁸ Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1957, т. 2, с. 169.

¹⁹ АВП СССР. Письмо заведующего отделом Средней Европы НКВД РСФСР полпреду Советской Республики в Берлине А. А. Иоффе от 21 мая 1918 г.

²⁰ Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 286—294, 299—301.

²¹ Там же, с. 294, 300—301.

²² Russian-American Relations..., p. 215.

76

Правительства США не реагировало ни на доклад Робинса, ни на советский план развития экономических отношений между обеими странами.

О советских предложениях, сделанных США, В. И. Ленин напомнил в интервью, которое он дал американской журналистке Л. Брайант 13 октября 1920 г. Он заявил: «В начале 1918 г. я говорил американцам, в частности полковнику Робинсу, что дружеское отношение к Советской России в интересах Соединенных Штатов. Уже тогда я указывал на желательность торговых отношений — как с нашей точки зрения, так и с точки зрения Америки...»²³.

Но правительство США осталось на прежней позиции непризнания и продолжало политику экономического бойкота Советской России.

Несмотря на это, Робинс продолжал выступать в США за признание Советского правительства. Его высказывания о необходимости установления мирных и дружественных отношений между США и Советской Россией звучат весьма актуально и в настоящее время: «Настанет время,— говорил Робинс, — когда связь с Советским Союзом будет для американца не великим несчастьем как сейчас, а великим преимуществом... Если Советская республика трудящихся сможет взять верх в экономическом соревновании с американской системой, то пусть она победит... Мой долг — позаботиться о том, чтобы американские парни и русские крестьяне больше не убивали друг друга»²⁴.

Возвращаясь к событиям середины 1918 г., следует отметить, что Советское правительство предпринимало тогда меры для налаживания торгово-экономических связей и с другими государствами, в частности с Англией.

С английским дипломатическим представителем Линдлеем велись переговоры о присылке из Англии экономической миссии для установления экономических отношений между Великобританией и Советской Россией²⁵. Было заключено соглашение о продаже платины Англии, но реализация сделки была сорвана английским правительством²⁶. Не вина Советской власти, что предложения эти не были приняты, хотя реальная возможность для

экономических сношений существовала. Достаточно сказать, что в этот период Советским правительством было заключено свыше

²³ Ленинский сборник, XXXVII, с. 254.

²⁴ Цит. по журн.: Звезда, 1967, № 1, с. 190. После смерти В. И. Ленина Р. Робинс посадил в своей усадьбе во Флориде «дерево Ленина», которое пережило своего хозяина, умершего в 1955 г. Неизменным желанием Робинса было посетить Советский Союз. В 1924 г. он посетил советское полпредство в Берлине, а весной 1933 г. побывал в СССР. По возвращении на родину Робинс заявил: «Мы, разумеется, должны признать Россию, потому что это, бесспорно, в наших интересах». Этот же вывод повторил он и в своем отчете, направленном президенту Ф. Рузвельту.

²⁵ Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 396.

²⁶ *Выгодский С. Ю.* В. И. Ленин — руководитель внешней политики Советского государства (1917—1923 гг.). Л., 1960, с. 121.

⁷⁷
20 крупных сделок со Швецией, шла также торговля с Данией ²⁷. Советское правительство принимало меры для установления торгово-экономических связей с Японией и Китаем.

В то же время Советское правительство вело политико-дипломатическую борьбу против интервенции Антанты и США. С помощью нот и заявлений, адресованных не только иностранным правительствам и ведомствам, но и народам всего мира, оно разоблачало действительные цели военной интервенции союзников в России. Вместе с тем через радио и печать Советская страна призывала народы к борьбе за мир, разъясняла широким народным массам всех стран советскую программу мира и систематически информировала общественное мнение о тех мирных предложениях, которые она делала державам Антанты и США. 20 мая и 6 июня 1918 г. Советское правительство направило правительствам держав Антанты и США ноты, в которых говорилось о недопустимости пребывания военных кораблей союзников в прибрежных водах севера России. В ноте от 14 июня НКВД потребовал от Англии, США и Франции удаления их военных судов из гаваней побережья Белого моря.

Советское правительство также решительно боролось за скорейшее прекращение интервенции на Дальнем Востоке. В правительственном сообщении от 5 апреля говорилось: «...Давно подготовлявшийся империалистический удар с Востока разразился. Империалисты Японии хотят задушить Советскую революцию, отрезать Россию от Тихого океана, захватить богатые пространства Сибири, закабалить сибирских рабочих и крестьян. Буржуазная Япония выступает как смертельный враг Советской Республики» ²⁸.

В директивных указаниях В. И. Ленина Владивостокскому Совету от 7 апреля подчеркивалась необходимость создания вооруженных сил для борьбы против вторжения. Ленин предупреждал, что японцам будут помогать другие союзные державы ²⁹. В действительности так оно и получилось. 23 апреля в советской печати было опубликовано заявление французского посла в России Нуланса, в котором он одобрял японскую интервенцию на Дальнем Востоке. Такое публичное выступление фактически было политической поддержкой японской интервенции со стороны Франции. Само собой разумеется, Советское правительство не могло мириться с тем, чтобы в Москве оставался в качестве французского посла человек, одобрявший враждебную акцию против Советской России. Поэтому оно потребовало от правительства Франции немедленного отзыва Нуланса ³⁰.

В ноте от 25 апреля, адресованной союзникам, НКВД разоблачал причастность французского, английского и американского

²⁷ Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 718.

²⁸ Там же, с. 225.

²⁹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 216.

³⁰ Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 271—273.

консулов во Владивостоке к заговору в целях свержения Советской власти³¹. На следующий день НКВД потребовал от правительств Антанты и Соединенных Штатов Америки, чтобы последние ясно определили свое отношение к контрреволюционному Автономному сибирскому правительству и указали своим представителям в России на недопустимость поддержки ими различных шаек контрреволюционных заговорщиков³².

РАСШИРЕНИЕ СОЮЗНИЧЕСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ. СОВЕТСКИЕ МИРНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ СОЮЗНИКАМ

2 июля 1918 г. Верховным советом союзников было принято решение о расширении интервенции в России. 31 июля англичане высадились в Онеге. Затем они подвергли бомбардировке подступы к Архангельску и 5 августа заняли его. В августе во Владивосток прибыли новые отряды японских, английских и американских войск. В то же время английские войска вторглись из Ирана в Туркестан и Закавказье. 4 августа они высадились в Баку. 20 сентября они зверски расправились с 26 бакинскими комиссарами, расстреляв их в песчаной пустыне Закаспия. Характеризуя создавшееся положение, В. И. Ленин писал в августе 1918 г.: «Внешний враг Российской Советской Социалистической Республики, это — в данный момент англо-французский и японо-американский империализм. Этот враг наступает на Россию сейчас, он грабит наши земли...»³³.

Вместе с тем под руководством союзнических дипломатов активизировалась деятельность контрреволюционного подполья. Наиболее крупным из антисоветских заговоров был раскрытый органами ВЧК в Москве заговор Локкарта. Английский дипломат Локкарт подготовлял его при участии французского и американского консулов. В Петрограде заговорщиков возглавлял английский военно-морской атташе Кроми.

Органы ВЧК сумели обезвредить заговорщиков и сорвать их коварные планы, которые, как это выяснилось на суде, заключались в организации контрреволюционного переворота в Москве и Петрограде и физическом уничтожении видных деятелей партии и Советского правительства, прежде всего В. И. Ленина. Такую же деятельность вели дипломатические представители Антанты и США, перебравшиеся между тем в Вологду. Вооружаемая, финансируемая и направляемая союзниками, российская контрреволюция осуществила ряд подлейших террористических актов (убийства Урицкого, Володарского). 30 августа было совершено злодейское покушение на В. И. Ленина, который был тяжело ранен. В то же время союзники все туже и туже сжимали вокруг Страны Советов железное кольцо голодной блокады, допол-

³¹ Там же, с. 265—266.

³² Там же, с. 268—269.

³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 38.

няя ее дипломатической изоляцией. Под их давлением все нейтральные страны отозвали из России своих представителей и выслали из своих пределов уполномоченных Советского правительства.

Отражая вооруженной рукой нападения внешних и внутренних врагов, которые объединились для совместной борьбы с Советской властью, Советское правительство не оставляло попыток добиться дипломатическим путем прекращения войны. Так, 5 августа, в день занятия англичанами Архангельска, оно передало американскому консулу Пулю ноту, в которой говорилось, что союзники вторглись в Россию, не имея для этого никаких оснований и без объявления войны. Советское правительство заявляло, что оно войны не

объявляет, желает жить в мире и просит ответить, чего хочет Англия от Советской России³⁴.

В ноте от 24 октября, направленной президенту США Вильсону, Советское правительство, разоблачая действия империалистов, изъявило готовность вступить в мирные переговоры с союзными державами и просило США и страны Антанты сообщить, каковы их условия заключения мира с Советским государством³⁵.

3 ноября Советская страна еще раз предложила правительствам Антанты и США прекратить военные действия³⁶.

6 ноября VI Всероссийский Чрезвычайный съезд Советов принял специальное постановление обратиться к правительствам США и держав Антанты, а также Японии с предложением открыть переговоры о заключении мира и уполномочил НКВД предпринять в этом направлении необходимые шаги³⁷. Это постановление было передано несколько раз по радио для сведения всех правительств и народов всего мира.

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ О ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОБАВОЧНОГО ДОГОВОРА

Еще более важным, чем предотвращение войны с бывшими союзниками России, для Советской страны в 1918 г. было сохранение мира с Германией, поскольку огромные немецкие и австро-венгерские армии находились на Украине, в Белоруссии, Прибалтике и Финляндии. Поэтому для Советской России было необходимо не допустить разрыва Брестского договора и избежать большого военного конфликта с Германией. «Сейчас все спасение не в открытом разрыве Брестского договора,— подчеркивал В. И. Ленин,— а в умении лавировать среди сложившихся сложных международных ситуаций благодаря противоположности интересов отдельных империалистских стран. Надо учесть отношения между Японией и Америкой, Германией в Англией,

³⁴ Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 418—419.

³⁵ Там же, с. 538—539.

³⁶ Там же, с. 549.

³⁷ Там же, с. 556.

80

разногласия в немецкой капиталистической и военной партиях и пр. и пр.»³⁸

Несмотря на весьма трудное положение, в котором оказалась весной 1918 г. молодая Советская республика, В. И. Ленин твердо верил в прочность Советской власти и ее конечную победу над внутренними и внешними врагами. Это, в частности, подтверждает и германский посланник в Москве граф Мирбах в одном из своих донесений в Берлин. Сообщая о своей беседе с Лениным, Мирбах писал 16 мая 1918 г., что Ленин говорил с оптимизмом и верой в победу и прочность Советской власти в России. «Ленин твердо уверен в своей звезде и продолжает неизменно сохранять свой неисчерпаемый оптимизм»,— отмечал Мирбах в этом донесении³⁹.

В. И. Ленин считал, что в предотвращении нового похода Германии против Советской России большую роль могут сыграть экономические связи, поскольку Германия испытывала острую нужду в сырье и продовольствии. Нужно было попытаться противопоставить военной партии интересы германской промышленности и торговли. «Если,— писал В. И. Ленин 2 июня 1918 г. полпреду РСФСР в Берлине Иоффе,— немцы-купцы возьмут экономические выгоды, поняв, что войной с нас *ничего* не возьмешь, *все* сожжем,— то Ваша политика будет и дальше иметь успех. Сырья немцам дать сможем»⁴⁰. Г. В. Чичерин впоследствии отмечал, что «главным средством нашего

дипломатического действия в Берлине в этот первый труднейший период было заинтересовывание германских деловых кругов в экономическом сотрудничестве с Советской республикой»⁴¹.

Германскому представителю в Москве был вручен план привлечения иностранного капитала в различные отрасли народного хозяйства Советской России. Активную деятельность в расширении экономических связей с Германией развивало также советское полномочное представительство в Берлине. В письме от 3 июля 1918 г. А. А. Иоффе писал В. И. Ленину: «Политика, проводимая здесь мною, продиктована Вами, она является логически неизбежным следствием принятого решения во что бы то ни стало добиться передышки»⁴².

Задача советской внешней политики не ограничивалась тем, чтобы избежать открытого военного конфликта с Германией. Крайне важно было также устранить ненормальное положение, когда германские империалисты продолжали захватывать русские территории, пользуясь тем, что Брестский договор не устанавливал границы временно оккупированных областей, расположенных восточнее отторгнутых от России территорий, а также

³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 346.

³⁹ Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. Stuttgart, 1968, 1. Heft, S. 80.

⁴⁰ Ленинский сборник, XXXVI, с. 46—47.

⁴¹ Воспоминания о В. И. Ленине, т. 2, о. 168.

⁴² АВП СССР. Донесение полпреда РСФСР в Берлине В. И. Левину от 3 июля 1918 года.

81

не устанавливал границ Советской России с Украиной и Финляндией.

Советское правительство столкнулось в лице германских империалистов с коварным и хитрым врагом, который использовал для своих захватов в числе других такой прием, как инсценировка фальшивых «самоопределений». С помощью этих «самоопределений» они отрывали от России большие районы (например, Грузию и Крым), объявляя их «самостоятельными» государствами. Поэтому и было весьма важно добиться установления «окончательных пределов германской, австро-венгерской и турецкой оккупации во всех частях России и границ Финляндии и Украины». Именно так формулировала задачу советско-германских переговоров советская нота от 13 мая 1918 г. Советское правительство по рекомендации В. И. Ленина обратилось в начале мая 1918 г. к германскому правительству с предложением начать переговоры по политическим, экономическим и финансовым вопросам.

Германия согласилась на эти переговоры, так как к этому времени убедилась, что силой взять из оккупированных русских территорий нужное ей количество хлеба и промышленного сырья она не сможет. Под ногами немецких оккупантов земля горела пламенем народной войны. Под руководством большевистской партии с каждым днем ширилась отечественная освободительная война русских, украинцев, белорусов, народов Прибалтики и Кавказа против немецких, австро-венгерских и турецких оккупантов. Народная война перечеркнула германские планы ограбления России. Кроме того, германские империалисты были заинтересованы в переговорах с Советским правительством и по финансовым соображениям: они намеревались предъявить претензии под предлогом покрытия убытков, понесенных немцами в России, и установить размеры выплаты за содержание русских военнопленных, что предусматривалось Брестским договором. Для ведения переговоров были созданы соответствующие комиссии из представителей двух сторон. Переговоры велись в Москве и Берлине.

Советскую делегацию на этих переговорах возглавлял заместитель наркома торговли и промышленности РСФСР М. Г. Вронский. В. И. Ленин придавал весьма важное значение этим переговорам. К их открытию Советское правительство разработало обширную программу развития советско-германских

торгово-экономических связей. Эта программа, как подтверждает Вронский, разрабатывалась при активном личном участии В. И. Ленина.

Кроме того, В. И. Ленин 15 мая перед началом советско-германских переговоров беседовал с Бронским, прочитал тезисы его доклада и одобрил их⁴³. В. И. Ленин дал указание Бронскому, чтобы тот выступил первым и изложил намеченную программу.

⁴³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 74, 426—427.

82

Отмечая особую роль В. И. Ленина в составлении этой программы, Вронский говорил: «Наша основная линия в вопросе о восстановлении хозяйственных взаимоотношений с Германией уже в 1918 г. была ясно и определенно очерчена, и никем другим, как тов. Лениным»⁴⁴.

Заседания экономической комиссии открылись в Москве 15 мая. На первом же ее заседании М. Г. Вронский огласил программу торгово-экономического сотрудничества Советской России с Германией, заявив при этом о готовности РСФСР продолжать и расширять экономические связи также и с бывшими союзниками России. Он подчеркнул при этом, что ему поручено «изложить основные черты нашей хозяйственной политики и дать некоторые разъяснения по существу», а также охарактеризовать «основные принципы, на основе которых возможно возобновление наших взаимных торговых сношений». Первый из этих принципов предусматривал, что «в интересах восстановления народного хозяйства Россия, как нейтральная страна, должна возобновить экономические сношения с Центральными державами и в то же время продолжать и по возможности расширить эти сношения с союзными странами»⁴⁵. Кроме того, Германия должна была отказаться от какого-либо вмешательства в экономическую политику Советского правительства, признать национализацию внешней торговли и банков, не вмешиваться в экономические отношения РСФСР с Украиной, Прибалтикой и Кавказом и предоставить России кредит. При соблюдении этих условий, а также советских законов, СНК РСФСР соглашался предоставить Германии концессии в различных отраслях, в том числе лесные. Торговля и концессии должны были базироваться на равноправии сторон и взаимной выгоде⁴⁶.

Вместе с тем Советское правительство требовало от Германии вывода войск с русских территорий.

В ходе переговоров советские представители подчеркивали, что Советская страна выполнит обязательство по Брестскому договору о выплате Германии определенных сумм за содержание русских военнопленных и компенсацию за национализированное немецкое имущество, но неоднократно заявляли при этом, что Советская Россия не уплатит «ни копейки до тех пор, пока не будет прекращена фактическая война и не будут выяснены убытки, понесенные нами после 3 марта»⁴⁷.

Ленинская идея о том, что Советская Россия в условиях продолжавшейся империалистической войны должна проводить политику нейтралитета и поддерживать торгово-экономические отношения со всеми странами германского блока, а также с державами Антанты и США, активно претворялась в жизнь Нар-

⁴⁴ ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 6, Д. 57, л. 46.

⁴⁵ Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 673.

⁴⁶ Там же, с. 677.

⁴⁷ АВП СССР. Донесение полпреда РСФСР в Берлине в НКВД, апрель 1918 г.

83

коминделом. Так, в письме Чичерина полпреду РСФСР в Англии М. М. Литвинову от 3 июня 1918 г. говорилось: «Предлагая экономические сделки Германии, мы предлагаем такие же сделки и странам Согласия. Сырых

материалов и даже полуфабрикатов у нас хватит как для тех, так и для других. И тем и другим мы указывали, что мы им выгоды дать можем и что им же лучше войти с нами в сделки, а не пытаться нас душить»⁴⁸. О последовательном проведении независимой политики и строгом соблюдении нейтралитета свидетельствует и указание Чичерина советскому полпреду в Берлине Иоффе в письме от 2 июля 1918 г. В связи с запросом Иоффе в НКИД о том, какова позиция Советского правительства по вопросу о возможности прохождения германских войск через нашу территорию для борьбы против Англии на Ближнем и Среднем Востоке, Чичерин писал: «Я думаю, что совершенно излишне давать инструкции по очевидным вопросам, ибо для Вас не может быть сомнения в том, что мы не можем ни звать к себе немцев, ни превращать себя в плацдарм для германского империализма, и не намерены вступать на путь всяких Рад или Грузии»⁴⁹.

Таким образом, Советское правительство проводило независимую политику строгого нейтралитета и не оказывало помощи немцам в борьбе против Антанты, как это клеветнически утверждали союзнические дипломаты и политики.

Советско-германские переговоры серьезно осложнились в результате убийства германского посланника в Советской России графа Мирбаха 6 июля 1918 г. и эсеровских мятежей в Москве, Ярославле, Рыбинске и других городах, во время которых мятежники выдвигали провокационные требования немедленного объявления Германии войны. Мирбах был убит эсером Блюмкиным, за спиной которого стояли не только руководство эсеровской партии, но и империалисты держав Антанты, пытавшиеся спровоцировать нападение Германии на Советскую Россию. Эти события создали для Советской России серьезную угрозу быть втянутой в новую войну с кайзеровской Германией. 14 июля временный дипломатический представитель Германии в Москве Рицлер передал Советскому правительству ноту с беспрецедентным требованием допустить в Москву для «охраны» германской миссии батальон немецких солдат.

В час грозной опасности, нависшей над Советской Родиной, В. И. Ленин лично занялся улаживанием конфликта с Германией: он посетил германское представительство и от имени Советского правительства и себя лично выразил соболезнование германскому правительству. По этому вопросу он также дал необходимые указания полпреду в Берлине⁵⁰.

⁴⁸ АВП СССР. Письмо Г. В. Чичерина полпреду РСФСР в Англии от 3 июня 1918 г.

⁴⁹ АВП СССР. Письмо Г. В. Чичерина полпреду РСФСР в Берлине от 2 июля 1918 г.

⁵⁰ Ленин В. И., Полн. собр. соч., т. 50, с. 113.

Делая все для мирного и быстрого улаживания этого конфликта, В. И. Ленин ни на минуту не терял спокойствия духа и выдержки. Для обсуждения создавшегося положения 15 июля было созвано заседание ВЦИК, на котором выступил В. И. Ленин. Он заявил, что правительство категорически отказывается дать свое согласие на требование Германии о вводе подразделения немецких солдат, так как это требование затрагивало суверенитет Советского государства. Советская Россия, отметил В. И. Ленин, строго и добросовестно выполняет возложенные на нее тяжелые условия Брестского договора и готова выполнять и свои финансовые обязательства, однако «есть пределы, за которыми даже самые миролюбивые трудящиеся массы будут вынуждены встать и встанут, как один человек, на защиту своей страны вооруженной рукой»⁵¹.

Твердая позиция В. И. Ленина, сочетавшаяся с максимально возможными уступками, сыграла положительную роль: германское правительство не стало настаивать на своем требовании о вводе батальона войск в Москву, а затем

прислало в качестве нового дипломатического представителя крупного банкира и государственного деятеля Гельфериха. Тем самым оно молчаливо признало, что считает вопрос исчерпанным.

Тем не менее и по прибытии Гельфериха в Москву напряженность в советско-германских отношениях оставалась, чему способствовало его распоряжение о переезде германского дипломатического представительства в Псков, находившийся в то время за демаркационной линией, т. е. на территории, оккупированной немецкими войсками. Акция Гельфериха была расценена в иностранной печати как фактический разрыв дипломатических отношений между Германией и Советской Россией. Создавшееся положение В. И. Ленин считал весьма серьезным. Через Г. В. Чичерина он дал указание полпреду РСФСР в Германии

А. А. Иоффе не покидать Берлина, чтобы избежать усиления распространявшихся слухов о разрыве между обеими странами.

В этой обстановке проходившие в Берлине советско-германские переговоры по экономическим и политическим вопросам заметно осложнились. Для окончательного согласования некоторых нерешенных вопросов было необходимо, чтобы Иоффе прибыл в Москву. О необходимости этой поездки говорил Л. Б. Красин В. И. Ленину. Красин подчеркивал при этом, что германское правительство настаивает на быстром решении оставшихся спорных вопросов, заявляя о своей согласии подписать русско-германский договор, если будет достигнуто соглашение по спорным вопросам. Только после этого обращения Л. Б. Красина

В. И. Ленин разрешил Иоффе приехать на несколько дней в Москву. Таким образом, благодаря настойчивости и гибкости, проявленной советской дипломатией, затянувшиеся советско-германские переговоры удалось довести до конца.

⁵¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 525.

85

27 августа 1918 г. был подписан русско-германский Добавочный договор, состоявший из трех соглашений: политического, финансового и частногоправового.

Этот договор предусматривал немедленное образование русско-германских комиссий для установления демаркационных линий с нейтральными зонами между русскими и германскими войсками. Это имело немаловажное значение, поскольку должно было затруднить дальнейшее произвольное расширение зоны оккупации немцами русских территорий. Особо следует отметить статью 4, согласно которой Германия обязывалась прекратить вмешательство в отношения между русским Советским государством и его отдельными областями и заверяла, что «не будет ни вызывать, ни поддерживать образование самостоятельных государственных организмов на этих территориях». Это обязательство Германии было уточнено таким образом, что она согласилась «оказывать воздействие в том, чтобы создание самостоятельных государственных организмов» в пределах бывшей Российской империи «не поддерживалось военными мероприятиями с территории Украины». Особое упоминание о действиях немцев с территории Украины объясняется тем, что украинские буржуазные националисты использовались немцами как послушное орудие для предъявления Советской России территориальных претензий (на Донскую область, Курскую область, Крым и т. д.). Германское правительство обязалось тотчас же после ратификации Добавочного договора оказать на турецкое правительство воздействие в том, чтобы турецкие войска были отведены за пределы г. Баку и прилегающей к нему местности. Советское правительство обязалось поставлять немцам четвертую часть добытой в Баку нефти в обмен на уголь из Донбасса, а германское —

принять меры к тому, чтобы Советская Россия получала марганцевую руду из Грузии. Германия согласилась воздействовать на финское правительство, чтобы оно освободило пленных финских красногвардейцев и разрешило им выехать в Россию.

Советскому правительству не удалось добиться согласия Германии на очищение Донбасса. Но все же Германия обязывалась «действовать в том направлении, чтобы Россия по мирному договору с Украиной получила соразмерную с экономическими потребностями часть Донецкого бассейна и чтобы Украина предоставила для вывоза в Россию часть своей железорудной продукции...» Кроме того, Германия согласилась очистить железную дорогу Ростов — Воронеж и г. Ростов, равно как и разрешить перевозку грузов и товаров для нужд РСФСР по железным дорогам Таганрог — Ростов и Таганрог — Курск, которые находились тогда в оккупированной немцами зоне⁵².

Германия предоставляла РСФСР для торговых целей право транзита через Прибалтику и «свободные гавани» в портах Ревеля, Риги и Виндавы, а также гарантировала, что со стороны

⁵² Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 443.

86

Финляндии не будет допущено нападения на русскую территорию и прежде всего на Петроград. Германия также приняла на себя обязательство немедленно приступить к очищению ряда оккупированных ею русских территорий. В частности, вывод своих войск с территорий к востоку от р. Березины Германия обязалась осуществлять по мере того, как РСФСР будет выплачивать Германии предусмотренные финансовым соглашением платежи.

По финансовому соглашению РСФСР обязалась выплатить Германии в несколько сроков 6 млрд. марок. В эту сумму входила оплата содержания военнопленных и возмещение убытков, понесенных Германией и ее гражданами в результате аннулирования займов и национализации германской собственности в России.

Соглашение предусматривало следующий порядок выплаты: 1,5 млрд. марок золотом и кредитными билетами подлежали выплате частями до 31 декабря 1918 г.; 1 млрд. уплачивали поставками товаров на основе особого соглашения в период между 15 ноября 1918 г. и 31 марта 1920 г. Сумма в 2,5 млрд. погашалась билетами особого 6%-ного займа, обеспеченного государственными доходами, в особенности арендной платой за концессии, предоставленные немцам в России. Относительно выплаты последнего миллиарда в соглашении говорилось, что если Украина и Финляндия откажутся принять его на себя, то порядок его погашения должен быть определен особым соглашением. Была достигнута также договоренность о том, что Германия обязуется воздействовать на правительства Украины и Финляндии, с тем чтобы они приняли на себя часть русских финансовых обязательств в отношении Германии⁵³.

Несмотря на то, что договор от 27 августа возлагал на Советскую страну тяжелые финансовые обязательства и был связан с другими жертвами, его заключение было определенным успехом советской дипломатии. Это были вынуждены признать и наши враги. Так, например, германское консульство в Москве, которое после переезда германской миссии из Москвы в Псков, оккупированный немцами, выполняло функции германского представительства, оценило договор от 27 августа как «усиление позиций Советского правительства в политической и даже стратегической области, в экономическом и моральном, в особенности в международных отношениях, и укрепление большевиков вовне и внутри»⁵⁴. Консульство особо отмечало, что договор от 27 августа нанес сильный удар русским белогвардейцам, которые до того

⁵³ Практически выплата контрибуции ограничилась первым взносом, сделанным в октябре 1918 г. Советское правительство отправило тогда в Германию 83 533 кг золота, которое державы Антанты после поражения Германии присвоили вопреки их заявлениям о непризнании Брестского договора.

⁵⁴ Историко-дипломатический архив МИД СССР (далее — ИДА). Донесение германского консульства в Москве от 10 сентября 1918 г.

⁸⁷ делали ставку на кайзеровскую Германию в борьбе против Советской власти в России ⁵⁵.

Подписание этого договора усиливало в германских правящих кругах тенденцию к сохранению мирных отношений с Россией, так как только в этих условиях Германия могла надеяться на получение платежей.

Договор от 27 августа ослаблял позиции крайней группировки военной партии, которая тогда считала необходимым разрыв с Советским правительством, чтобы начать «большую» войну в целях свержения Советской власти в России. Людендорф 6 августа 1918 г. сообщал статс-секретарю Гинце, что для войны против Советской России командование германской армии может выделить шесть или семь дивизий. Он предлагал начать наступление одновременно на Москву и Петроград. Активным сторонником этого плана Людендорфа был и Гельферих, который свою активную деятельность на посту германского представителя в Советской стране направил не на нормализацию советско-германских отношений и развитие торговых и экономических связей, а на подготовку разрыва отношений с РСФСР.

10 августа 1918 г. Гельферих прибыл в Берлин. Цели его приезда тогда же точно определил А. А. Иоффе. «Гельферих приехал сюда с твердым убеждением, — сообщал советский полпред из Берлина в Москву 22 августа, — что большевизм падет со дня на день, и с планом убедить других не связываться с большевиками и уже готовить другие элементы, с которыми можно работать» ⁵⁶.

Несмотря на возражения Гельфериха, Добавочный договор был подписан. Но Гельферих не сложил оружия: он отправился в главную квартиру, где вел переговоры с Людендорфом и Гинденбургом. Кроме того, Гельферих 21 августа подал докладную записку рейхсканцлеру, в которой предлагал порвать с Советским правительством и установить связи с антибольшевистскими силами России. Исходя из этого, Гельферих и настаивал на отклонении Добавочного договора. Когда 27 августа состоялось подписание этого договора, Гельферих подал в отставку.

Выплата больших денежных сумм на протяжении двух лет была тяжелой материальной жертвой. Но эта уступка Советского правительства по договору от 27 августа, как и другие, была необходимой и оправданной. Характеризуя этот договор на заседании ВЦИК 2 сентября 1918 г., Чичерин говорил, что соглашения «фиксируют дань, уплачиваемую нами за наше революционное законодательство, которое мы теперь можем свободно продолжать, и в то же время отчасти фиксируют и отчасти ограничивают результаты германского наступления на нас, которым Брест-Литовский договор оставил широкую возможность дальнейшего проявления, и в некоторых пунктах, в особенности

⁵⁵ ИДА. Донесение германского консульства в Москве от 10 сент. 1918 г.

⁵⁶ АВП СССР. Донесение полпреда РСФСР в Берлине в НКВД от 22 августа 1918 г.

⁸⁸ в вопросе о начинающемся очищении нашей территории, эти договоры представляют для нас серьезное улучшение нашего положения» ⁵⁷. Договор от 27 августа укреплял позиции Советской России в отношении Турции, пытавшейся тогда осуществить широкие захваты на Кавказе. Договор был необходим еще и потому, что, заключая его, Советская Россия получала определенную свободу рук

для борьбы с интервенцией Антанты, которая к тому времени значительно усилилась. Вспоминая о длительных и тяжелых переговорах с Германией, начатых по предложению В. И. Ленина, Чичерин писал: «За всеми перипетиями этих переговоров Владимир Ильич тщательно следил, сочетая своевременные уступки с твердостью в тех случаях, когда надо было положить предел чрезмерной требовательности противной стороны»⁵⁸.

Советское правительство строго соблюдало принятые на себя обязательства и требовало, чтобы Германия так же придерживалась положений договора. Последняя, однако, грубо нарушала договор. Так, например, она всячески затягивала вывод войск с оккупированных русских территорий. Кроме того, эвакуируемые районы германские войска подвергали настоящему ограблению. Советское правительство неоднократно заявляло по этому поводу решительные протесты. В ноте полпредства в Берлине от 29 октября было указано, что Советское правительство не видит из создавшегося положения иного выхода, как задержать выплату очередного взноса по финансовому соглашению «до тех пор, пока все, что было эвакуировано, реквизировано и вывезено германскими оккупационными властями из оставленных ими районов, не будет возвращено на место»⁵⁹.

В телеграмме НКВД от 30 октября германскому правительству Советское правительство вновь заявило о готовности выполнять свои обязательства, но требовало того же и от Германии⁶⁰.

Продолжая систематически нарушать договор, германское правительство посылало надуманные протесты с обвинениями по адресу Советского правительства. Оно, в частности, утверждало, будто советская сторона нарушает статью 2 Брестского договора, запрещающую ведение пропаганды. При этом немцы не приводили каких-либо серьезных доказательств, ограничиваясь жалобами на критические высказывания советской печати о Германии.

Советское правительство отклоняло такие необоснованные претензии и вместе с тем подчеркивало, что оно «с полной решимостью желает соблюдения добрососедских отношений и мирного сожительства с Германией, несмотря на все различия в строе обоих государств»⁶¹.

⁵⁷ Известия, 1918, 4 сент. См. также: Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 467.

⁵⁸ Воспоминания о В. И. Ленине, т. 2, с. 167.

⁵⁹ Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 544.

⁶⁰ Там же, с. 545.

⁶¹ Там же, с. 488.

Советское правительство прилагало много усилий, чтобы добиться прекращения турецкой агрессии на Кавказе, где вопреки условиям Брестского договора турецкие войска захватили Баку. 16 сентября оно потребовало немедленного очищения Баку, однако турецкое правительство отказалось удовлетворить это законное требование.

В ответ на это грубое нарушение Турцией своих договорных обязательств Советское правительство 20 сентября заявило Турции, что считает Брестский договор «отмененным с ее стороны и уже несуществующим между Турцией и Россией»⁶².

РАЗРЫВ ГЕРМАНИЕЙ ОТНОШЕНИЙ С СОВЕТСКОЙ РОССИЕЙ. АННУЛИРОВАНИЕ ГРАБИТЕЛЬСКОГО БРЕСТСКОГО ДОГОВОРА

Осенью 1918 г. в правящих кругах Германии началась паника. Германский империализм шел к военной и политической катастрофе. Агрессивная политика Германии в отношении Советской России не только ускорила поражение

германской армии на Западе, но и способствовала углублению политического кризиса в стране. Кайзеровское правительство судорожно искало выхода из создавшегося положения. С каждым днем оно все больше склонялось к необходимости как можно скорее добиться прекращения войны на Западе, чтобы предотвратить надвигающуюся революционную бурю и под флагом борьбы с большевизмом заключить с Антантой компромиссный мир за счет Советской России. Такой план обсуждался в середине октября на военном совете⁶³. Этот план одобрял правый лидер германской социал-демократии Шейдеман⁶⁴.

Правящие круги Германии стали подыскивать подходящий предлог для разрыва с Советской Россией, чтобы затем вместе с Антантой и США начать против нее войну. 28 октября этот вопрос обсуждался на заседании германского правительства. Шейдеман, который к этому времени уже стал кайзеровским министром, был вынужден признать, что «нет достаточных доказательств для того, чтобы предпринять решительные меры против русского посольства». Он подал «совет» насчет того, как получить материалы для оправдания высылки советского полпредства. «Открытого нарушения его экстерриториальности следовало бы избежать», говорил он, но если бы, например, «курьерский ящик при доставке случайно разбился, то, может быть, было бы возможно получить материал. Может быть, было бы возможно потребовать отозвания теперешнего посла, что встречается в международной практике»⁶⁵.

⁶² Чичерин Г. В. Указ. соч., с. 114.

⁶³ АВП СССР. Донесение полпреда РСФСР в Берлине Г. В. Чичерину от 17 октября 1918 г.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Rosenfeld G. Sowjetrussland und Deutschland 1917—1922 Berlin 1960 S. 129.

90

Вскоре германская полиция осуществила точно такую провокацию, как рекомендовал Шейдеман: 4 ноября она захватила весь багаж прибывшего в Берлин советского дипкурьера, а затем объявила, что якобы один ящик разбился и в нем обнаружены листовки революционного содержания. В тот же день германское правительство заявило о разрыве отношений с Советской Россией, о высылке советского полпредства и всех других советских учреждений, включая и миссию Красного Креста. Они выехали из Берлина 6 ноября 1918 г.

Таким образом, германское правительство спровоцировало разрыв советско-германских отношений. Характеризуя значение этой акции, В. И. Ленин говорил 8 ноября 1918 г.: «Если Германия вытурила нашего посла из Германии, то она действовала, если не по прямому соглашению с англо-французской политикой, то желая им услужить, чтобы они были к ней великодушны. Мы, мол, тоже выполняем обязанности палача по отношению к большевикам, вашим врагам»⁶⁶.

Но разрывом отношений с Советской Россией германскому правительству не удалось улучшить свое положение.

События развивались не так, как хотели кайзеровское правительство и правящие классы. Германия была подобна пороховой бочке. Нужна была только искра, чтобы она взорвалась. Такой искрой явилось восстание военных моряков в Киле. С него началась революция в Германии. 9 ноября 1918 г. она смела кайзеровскую монархию. 11 ноября подписанием Компьенского перемирия закончилась мировая война.

Начавшаяся революция и поражение Германии в войне позволили Советской России освободиться от навязанного ей силой грабительского Брестского договора. Решением ВЦИК от 13 ноября Брестский договор и все вытекавшие из него соглашения были аннулированы. В том же решении говорилось о готовности Советской России урегулировать отношения с Германией и Австро-Венгрией на основах равноправия и заключить с народами этих стран братский союз.

Итак, Брестский договор, как и предвидел В. И. Ленин, оказался

недолговечным. В. И. Ленин дал пример использования противоречий в лагере империализма в интересах мира и в интересах укрепления Советской России. «Брест знаменателен тем,— говорил В. И. Ленин,— что в первый раз в масштабе гигантски-большом, среди трудностей необъятных мы сумели использовать противоречия между империалистами так, что выиграл в конечном счете социализм»⁶⁷.

Передышка, полученная Советской Россией в результате заключения Брестского мира, оказалась короткой. Но и ее было достаточно, чтобы приступить к строительству Красной Армии. В период мирной передышки, как неоднократно отмечал

⁶⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 164.

⁶⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 56.

91

В. И. Ленин, «мы получили, хотя и с невероятным трудом, отсрочку, и за время этой отсрочки наши рабочие и крестьяне сделали громадный шаг вперед к социалистическому строительству»⁶⁸. Это выразилось в завершении национализации важнейших отраслей экономики страны: крупной промышленности, банков, транспорта, внешней торговли. В этот период была также осуществлена новая организация промышленности, внедрен учет и контроль над распределением продукции, организована заготовка хлеба и другого продовольствия. Все эти и многие другие исторические завоевания рабочих и крестьян нашли воплощение в первой Советской Конституции — Конституции РСФСР, принятой V Всероссийским съездом Советов в июле 1918 г.

Заключение Брестского мирного договора положило начало новому этапу в борьбе за мир. Хотя Советская Россия вышла из империалистической войны и получила мирную передышку, ее положение продолжало оставаться необыкновенно трудным и опасным. Советское государство находилось в окружении империалистических держав. В тех условиях единственно возможной политикой для Советской России было лавирование, отступление. Молодая советская дипломатия под руководством Ленина делала все, чтобы избежать боя и по возможности оттянуть неизбежное нападение империализма, продлить завоеванную мирную передышку. При этом дипломатическое маневрирование и разоблачение агрессивной политики обеих империалистических группировок сочетались с энергичной деятельностью Советского правительства по строительству новых вооруженных сил. Передышка позволила положить конец безоружности Советской России.

Весь период брестской передышки был для советской внешней политики временем напряженной борьбы за то, чтобы избежать полного разрыва с державами Антанты. Они организовали военную интервенцию в Россию с целью свержения Советской власти и восстановления господства буржуазии. И все попытки Советского правительства установить мирные отношения с бывшими союзниками России остались безрезультатными.

Вместе с тем советская дипломатия делала все возможное, чтобы помешать дальнейшему военному и экономическому наступлению германского империализма. Характеризуя задачи советской дипломатии, Г. В. Чичерин писал в 1919 г., что она вела ежедневную, ежечасную борьбу, чтобы «поставить перед этим продвижением плотины или же направить его в русло, не угрожающее существованию Советской России, вообще, чтобы положить конец неопределенности, вытекающей из Брестского договора, и окончательно зафиксировать отношения к Германии»⁶⁹. Следуя указаниям В. И. Ленина о возможности и необходимости компромиссов в политике, советская дипломатия ради прекращения военного наступления германского империализма

⁶⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 495.

⁶⁹ Чичерин Г. В. Указ. соч., с. 102—103.

шла на серьезные уступки и жертвы. Подписание «Русско-германского добавочного договора» от 27 августа 1918 г. и было результатом этой политики.

В тех условиях заключение этого договора явилось дальновидным и мудрым шагом. Он стал неизбежен ввиду враждебной политики держав Антанты и США в отношении Советского государства. Договор от 27 августа положил конец продвижению германского империализма в глубь Советской страны. Идя на уступки, Советское правительство, как писал Чичерин в ноябре 1919 г., никогда не соглашалось допустить вмешательство Германии «во внутренний строй Советской России» ⁷⁰. «...Та политика, которую нам пришлось вести в течение Брестского мира, самого зверского, насильнического, унижительного, оказалась политикой единственно правильной» ⁷¹. Так оценил В. И. Ленин в марте 1919 г. результаты политики Советского правительства в период действия Брестского договора.

Упрочение Советской власти в России в течение брестской передышки является важнейшим историческим фактом. Оно стало возможным только потому, что В. И. Ленин и направлявшаяся им советская внешняя политика умело использовали сложившуюся тогда международную обстановку в интересах Страны Советов.

Передышка была использована Советской Россией для подготовки к тяжелой и длительной борьбе с интервенцией, начатой Антантой. В то же самое время большевистская партия и Советское правительство вели упорную политическую и дипломатическую борьбу по разоблачению агрессивной политики Германии. Как отмечал В. И. Ленин, для того, «чтобы ослабить немецких империалистов, оторвать от них немецких рабочих, рабоче-крестьянское правительство сделало столько, сколько не сделало ни одно правительство в мире» ⁷². Это было серьезным вкладом Советского государства в скорейшее окончание мировой войны. Высоко подняв знамя мира и социализма, Советская Россия снискала себе уважение и любовь трудящихся всего мира.

События подтвердили правильность ленинского политического расчета — под гнетом Брестского договора Советская Россия находилась всего лишь около восьми месяцев.

⁷⁰ Там же, с. 101.

⁷¹ Ленин, В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 46.

⁷² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 456.

IV ГЛАВА

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОД ИНОСТРАННОЙ ВОЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

(ноябрь 1918—март 1921 г.)

ИЗМЕНЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ В СВЯЗИ С ОКОНЧАНИЕМ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Поражение Германии в первой мировой войне и начало германской революции, приведшей к свержению кайзера и его правительства, резко изменили международную обстановку, а вместе с ней изменилось и международное положение Советской России. Она смогла теперь аннулировать грабительский

Брестский мир и начать открытую военную и политическую борьбу за изгнание немецких оккупантов из захваченных ими русских, украинских, белорусских и других областей. Кроме того, революция в Германии явилась мощным толчком, ускорившим подъем революционного движения в Европе, что вело к укреплению Советской власти в России и облегчало положение молодого Советского государства.

Но, с другой стороны, поражение Германии означало утверждение в Европе и Азии господствующей роли держав Антанты и США и, следовательно, увеличение тех ресурсов, которые они могли выделить для развертывания антисоветской вооруженной интервенции. У правительств западных держав высвободились вооруженные силы, которые в несколько раз превосходили армию Советского государства. Анализируя новую ситуацию, в которой оказалась Советская Россия, В. И. Ленин говорил: «...никогда наше положение не было так опасно, как теперь. Империалисты были заняты друг другом. И теперь одна из группировок сметена группой англо-франко-американцев. Они главной задачей считают душировать мировой большевизм, душировать его главную ячейку, Российскую Советскую Республику»¹. Угроза для республики Советов серьезно возросла. Империалисты Антанты и США получи-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 164

94

ли свободу рук и смогли теперь организовать блокаду Советского государства, а также расширить вооруженное вторжение. 23—27 ноября 1918 г. англо-французские войска высадились в Новороссийске, Севастополе и Одессе.

Планы вооруженного вторжения в Россию разрабатывались командованием союзных армий. Один из планов такого рода был датирован 12 ноября 1918 г. В нем, в частности, говорилось:

«Необходимо уничтожить большевизм...

Важно также заручиться солидным залогом за долги, взятые Россией у Антанты»².

В этом плане были подробно изложены важнейшие направления интервенции в России и сделаны подсчеты вооруженных сил, которыми располагала Антанта для этой цели.

Еще более обстоятельно интервенционистские замыслы империалистов Антанты были изложены в записке главного командования союзными армиями от 18 января 1919 г. «О необходимости интервенции союзников в России». В записке указывалось:

«Если Антанта хочет сохранить плоды своей победы, добытой с таким трудом, она сама должна вызвать перерождение России путем свержения большевизма и воздвигнуть прочный барьер между этой страной и центральными державами.

Интервенция, преследующая эту цель, является для нее жизненной необходимостью, а политические трудности, которые она порождает, не могут иметь решающего значения, чтобы отказаться от проведения интервенции или отложить ее осуществление...

Большевистский режим несовместим с установлением прочного мира.

Для держав Антанты жизненной необходимостью является уничтожить его как можно скорее; их солидарный долг состоит в том, чтобы объединить с этой целью свои усилия.

В деле осуществления плана действий, который они должны принять, обязанности каждой из них должны быть, по-видимому, распределены следующим образом:

Англия: Действия в Северной России и в Прибалтике. Участие в интервенции

в Польше. Действия в Юго-Восточной России с целью соединить вооруженные силы Сибири с армиями Деникина и Краснова. Организация этих армий.

США: Действия в Польше (руководство действиями союзников)³.

Франция: Действия в Сибири и на Украине. Организация польской армии.

Италия: Участие в действиях на Украине.

Необходимо срочно прийти к соглашению в целях: установле-

² Из истории гражданской войны в СССР: Сборник документов и материалов. М., 1960, т. 1, с. 57.

³ Притязания США распространялись также на Дальний Восток и Сибирь, Эти районы были объектом острой японо-американской борьбы.

95

ния принципов интервенции в России, уточнения распределенных обязанностей, обеспечения единого руководства»⁴.

Враги революции планировали всеми силами обрушиться на первое пролетарское государство, чтобы задушить его. Вопрос для них состоял в том, какую форму придать вооруженной борьбе и под какими лозунгами она должна осуществляться. Старый лозунг — «о защите России от немцев» — уже не годился, прикрывать такими лозунгами истинные цели интервенции и обманывать народы своих стран стало уже невозможным. Германия теперь была побеждена, и, таким образом, первоначально объявленная западными государствами причина их вооруженного вторжения в Россию отпала.

Тогда появился лозунг защиты «русских друзей-союзников», находящихся на оккупированных иностранными войсками территориях что означало поддержку и оказание материальной, военной и финансовой помощи белогвардейским и националистическим контрреволюционным правительствам на территории России. Империалисты вторглись в Россию без объявления войны, вопреки неоднократным предложениям Советского правительства об установлении мирных отношений со всеми государствами. Только на протяжении 1918 г. Советское правительство обращалось с мирными предложениями к державам Антанты и к США семь раз. В частности, предложения о мире были сделаны в письме НКВД американскому консулу Пулю 5 августа, в ноте президенту Вильсону 24 октября, в обращении ко всем странам Антанты 3 ноября, переданном через представителей нейтральных стран, в резолюции VI съезда Советов 7 ноября, в циркулярном письме Литвинова, направленном представителям стран Антанты в Швеции 23 декабря 1918 г. В 1919 г. мирные предложения Советского правительства излагались в радиogramмах правительствам стран Антанты 12 и 17 января, в ноте этим же правительствам 24 февраля, в проекте соглашения, представленного американскому представителю Дж. Буллиту, в декларации от 7 мая, переданной через друга Советской России Ф. Нансена.

В своих внешнеполитических выступлениях Советское правительство обращалось не только к правительствам этих держав, но и к их народам. Показывая им агрессивные замыслы империализма действительный смысл внешней политики капиталистических государств, Советское правительство помогало народам разобраться в международной обстановке.

В этот период молодая Страна Советов приступила к решению острейшей внешнеполитической задачи — осуществлению на практике ленинского положения о мирном сосуществовании государств с различными социально-экономическими системами.

⁴ Из истории гражданской войны в СССР, т. 1, с. 83, 87. Эта записка была составлена, по-видимому, в связи с открывшейся 18 января 1919 г. Парижской мирной конференцией, на которой предполагалось рассмотреть и «русский вопрос».

АНТИСОВЕТСКИЕ ПЛАНЫ И МАНЕВРЫ АНТАНТЫ В ПЕРИОД ПАРИЖСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ.

СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В БОРЬБЕ ПРОТИВ ИНТЕРВЕНЦИИ В 1919

г.

Конференция, созванная победителями в первой мировой войне в Париже в середине января 1919 г. для заключения мира с Германией и ее союзниками, была в значительной степени превращена ими в штаб по осуществлению планов вооруженного вмешательства в дела России. Цель этого вмешательства заключалась в том, чтобы уничтожить Советскую власть, расчленить и закабалить Россию.

15 февраля на конференции Черчилль, являвшийся тогда военным министром Англии, предложил создать специальный орган (Союзный совет по русским делам), который возглавил бы борьбу международной контрреволюции за свержение в России Советской власти. Этот совет должен был обсудить «практические возможности объединенных военных действий» против Советской России, в которых наряду со странами Антанты и русскими белогвардейцами приняли бы участие войска соседних с Россией буржуазных государств⁵. Предложение Черчилля было поддержано командующим союзными войсками Фошем, который выдвинул план «широкого наступления на Советскую Россию финнов, эстонцев, латышей, литовцев, поляков, чехов, русских, то есть всех народов, живущих на окраинах России, под военным руководством союзников»⁶. «Эти молодые войска,— заявил Фош на заседании Верховного совета союзников 25 февраля 1919 г.,— сами по себе недостаточно хорошо организованные... поставленные под единое командование, могут представлять собой общую силу, достаточную, чтобы разгромить войска большевиков и оккупировать их территорию. Если это будет сделано, 1919 год увидит конец большевизма...»⁷

Наряду со все более развертывавшейся вооруженной интервенцией в России правительства США и Англии активизировали деятельность своей дипломатии, направленную на удушение власти трудящихся и отрыв от России важных в экономическом и стратегическом отношениях областей.

30 октября 1918 г. президент США. Вильсон утвердил комментарии к опубликованной еще 4 января 1918 г. «мирной программе» США (к «14 пунктам Вильсона»), В этих комментариях, которыми должна была руководствоваться американская делегация на конференции в Париже, содержалась, в частности, подробно разработанная программа расчленения России (комментарий к пункту б). «Итак, в ближайшем будущем,— говорилось в этом комментарии,— сущность русской проблемы, по-видимому,

⁵ См.: Churchill W. The World Crisis. London, 1929. vol. 5, p. 173—174.

⁶ Ллойд-Джордж Д. Правда о мирных договорах. М., 1957, т. 1, с. 319.

⁷ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Paris Peace Conference, 1919. Washington, 1943, vol. 4, p. 122.

97

сведется к следующему: 1. Признание временных правительств. 2. Предоставление помощи этим правительствам и через эти правительства»⁸. Под временными правительствами подразумевались белогвардейские правительства и правительства буржуазных националистов-сепаратистов. Комментарии предусматривали ликвидацию России как великой державы, что отвечало интересам американского и английского империализма, отторжение Прибалтики, Белоруссии, Украины, Кавказа, Средней Азии. Все эти области должны были стать колониями западного империализма. Говоря, например, о Средней Азии, авторы комментариев писали: «Весьма возможно, что придется предоставить какой-нибудь державе ограниченный мандат для управления на основе

протектората»⁹.

Доказательством стремления США к расчленению и закабалению России является и карта, составленная в госдепартаменте США в январе 1919 г., и приложенный к ней «Проект предварительного отчета и предложений, подготовленный информационным отделом, в соответствии с инструкциями, для президента и полномочных представителей». Этот проект служил руководством для американской делегации на Парижской мирной конференции. Карта и упомянутый документ были опубликованы в дневниках члена американской делегации Миллера¹⁰. В проекте говорилось: «Всю Россию следует разделить на большие естественные области, каждую со своей особой экономической жизнью. При этом ни одна область не должна быть достаточно самостоятельной, чтобы образовать сильное государство». Но державы Антанты строили не только планы расчленения России, они намечали также создать вдоль границ РСФСР пояс из враждебных ей государств, который препятствовал бы связям Советской республики с европейскими странами и служил бы целям экономической блокады.

Французский премьер-министр Клемансо впервые в то время употребил термин «санитарный кордон». Он лицемерно утверждал, будто «межсоюзнический план действий по характеру не агрессивен, он просто воспрещает большевикам доступ к районам Украины, Кавказа и Западной Сибири, которые экономически им необходимы для того, чтобы выстоять»¹¹.

В ноябре 1918 г. в связи с капитуляцией Германии страны Антанты и США получили доступ в Балтийское море. Тем самым перед ними открылась возможность интервенции в Прибалтике.

⁸ Архив полковника Хауза. М., 1955, т. 4, с. 152.

⁹ Там же, с. 153.

¹⁰ *Miller D. My Diary at the Conference of Paris. N. Y., 1924, vol. 4, p. 219—220.* Подробное описание карты дано в работе А. Е. Куниной «Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917—1920 гг.» (М., 1954, с. 95—100). Карта опубликована, в частности, в «Известиях» от 3 ноября 1960 г. (Московский вечерний выпуск).

¹¹ *Russian-American Relations. March 1917 — March 1920: Documents and Papers. New York, 1920, p. 273.*

98

Западные районы России, включая Прибалтику, были оккупированы в то время германскими войсками. После поражения Германии встал вопрос о выводе ее войск с этих территорий. Однако империалисты стран Антанты и США понимали, что вывод германских войск из Прибалтики означал бы немедленное восстановление там Советской власти, потому что большинство населения сочувствовало большевикам и пошло за ними еще в 1917 г. Так, в Латвии на выборах в Учредительное собрание, состоявшихся в ноябре 1917 г., большевики получили 72% всех голосов¹². Недаром в упомянутых выше комментариях к пункту 6 открыто высказывалось опасение по поводу того, что вывод иностранных войск с этих территорий «может сопровождаться здесь большевистскими революциями».

Именно поэтому державы-победительницы при подписании Компьенского соглашения о перемирии с Германией 11 ноября 1918 г. предусмотрели в нем (в статье XII), что Германия должна сохранить свои войска на Украине и в Прибалтике, пока страны Антанты и США будут считать это необходимым. Государственный секретарь Соединенных Штатов Америки Лансинг прямо заявил, что «союзные и объединенные державы являются на основе перемирия союзниками Германии в прибалтийских провинциях»¹³.

Вопрос об участии Германии в интервенции в России рассматривался также на англо-франко-американском совещании, состоявшемся в Лондоне в декабре

1918 г. Было признано, что «покорить Россию» возможно лишь с помощью Германии. В решениях совещания говорилось, что Германия должна постепенно перейти «от жестокой борьбы к естественному сотрудничеству со всеми нами... Германию нужно пригласить помочь нам в освобождении России и восстановлении Восточной Европы»¹⁴.

Таким образом, державы-победительницы заключили союз с их вчерашним врагом — Германией для уничтожения Советской власти в России, в частности в Прибалтике. В Германии были весьма влиятельные круги, которые вынашивали планы организации совместного военного похода немецкой армии с армиями Антанты, США и Польши против Советской России. С помощью такого похода они надеялись не только уничтожить «большевистскую опасность», исходящую от России, но и добиться у держав-победительниц лучших условий мира. Один из таких планов был разработан Штюльпнагелем 23 января 1919 г. по поручению германского верховного главнокомандования¹⁵.

¹² Очерки истории Коммунистической партии Латвии, 1893—1919. Рига, 1962, т. 1, с. 408.

¹³ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Paris Peace Conference, 1919, vol. 4, p. 691.

¹⁴ Churchill W. Op. cit., vol. 5, p. 24—25.

¹⁵ Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора: Сборник документов. М., 1971, т. 2 (1919—1922 гг.), с. 46—48.

Пользуясь тем, что окруженная со всех сторон Советская Россия вынуждена была отбиваться от врагов на многих фронтах одновременно и не могла в связи с этим оказать достаточной помощи прибалтийским народам, империалисты в начале 1919 г. добились свержения Советской власти в Прибалтике, в значительной части которой она была восстановлена народом, едва только произошел крах германского империализма. Военные миссии держав Антанты совместно с командующим немецкими войсками в прибалтийских странах кровавым генералом фон дер Гольцем хозяйничали здесь, как в своих колониях.

Оккупанты создали в Прибалтике реакционные эстонское, латвийское и литовское правительства, состоявшие из буржуазных националистов. Это были марионеточные правительства, не пользовавшиеся доверием народов и державшиеся на иностранных штыках.

Стремление покончить с Советской Россией объединяло всех лидеров империализма, но по тактическим вопросам у них были расхождения. Клемансо, Фош и Черчилль настаивали на безоговорочном продолжении военной интервенции, тогда как Вильсон и Ллойд-Джордж сомневались в том, что победу над Советской Россией можно одержать одними военными средствами. Их беспокоили усиливавшееся сопротивление советского народа и рост революционного движения в капиталистических странах. Скоро выяснилось, что войск держав Антанты, посланных на Север, на побережье Черного моря и на Дальний Восток, оказалось совершенно недостаточно для победы над Советской властью. Посылать новые соединения было затруднительно по соображениям внутренней политики: народы устали от войны, рабочие сочувствовали русской революции, росло движение против интервенции. Антанте приходилось делать основную ставку не на свои войска, а на силы русской контрреволюции и создаваемые под руководством союзников армии так называемых окраинных государств. Однако многие политические деятели Антанты выражали сомнение в способности белогвардейцев справиться с Красной Армией. Во время встречи глав делегаций США, Англии, Франции, Италии и Японии в Париже 16 января 1919 г. Ллойд-Джордж, объясняя свою инициативу с приглашением на мирную конференцию Советского правительства и других «правительств» России, признал, что «надежды на падение большевистского правительства не

оправдались. В действительности, есть лишь одно сообщение, что большевики сейчас сильнее, чем когда-либо, что их внутреннее положение прочное и что их власть в народе укрепилась... Есть сообщения, что большевиками становятся крестьяне». Ссылаясь на опыт кайзеровской Германии, которой не удалось покорить Россию, несмотря на то, что для этой цели она послала в Россию миллионную армию, Ллойд-Джордж обращал внимание и на опасность возникновения волнений в армиях Антанты, в том числе и английской. «Если предложить сейчас послать для этого тысячу английских солдат в Россию,— говорил он,— армия

100

взбунтуется. То же можно сказать и о войсках США в Сибири, и о канадцах, и о французах. Простая идея сокрушить большевизм военной силой является чистым сумасшедством»¹⁶. Поэтому Вильсон и Ллойд-Джордж в целях борьбы с Советской властью настаивали на обращении к методам дипломатии.

В январе 1919 г. В. И. Ленин писал:

«Среди буржуазии и правительств Антанты замечаются теперь некоторые колебания. Часть видит, что разложение союзнических войск в России, помогающих белогвардейцам, служащих самой черной монархической и помещичьей реакции, уже начинается; — что продолжение военного вмешательства и попытки победить Россию, требующие миллионной оккупационной армии на долгое время, что этот путь есть вернейший путь для самого быстрого перенесения пролетарской революции в страны Антанты...

Другая часть буржуазии в странах Антанты стоит по-прежнему за военное вмешательство в России, за «экономическое окружение» (Клемансо) и удушение Советской республики»¹⁷.

Советское правительство, учитывая, что в руководящих кругах Антанты существовали расхождения во взглядах на методы борьбы, выработывало соответствующую тактику. Характеризуя эту тактику ленинской дипломатии, Г. В. Чичерин писал тогда полпреду РСФСР в Швеции В. В. Воровскому следующее: «По отношению к Антанте наша нота, адресованная Вильсону (нота от 24 октября.— *Ред.*) соединяет в себе одновременно несколько противоположных целей и рядом с агитацией считается с тем, что далеко не исключена возможность откупиться, как мы откупились в Бресте, причем мы учитываем противоположность интересов среди Антанты. В этом смысле мы и стараемся теперь предпринять конкретные шаги, кое-что уже предприняли и по отношению к Франции, и по отношению к Америке через неответственных лиц — думаем то же самое предпринять и в других направлениях»¹⁸.

Отражая вооруженную интервенцию, организованную Антантой и США, Советское государство в то же время выступало с мирными предложениями. Уже тогда перед Наркоминделом было поставлено в качестве главной задачи «продолжать политику постоянных, систематических выступлений с предложениями всем нападавшим на нас правительствам приступить к мирному регулированию отношений с нами на основах обоюдного суверенитета и взаимного невмешательства»¹⁹.

Под воздействием военных успехов Красной Армии, советских мирных инициатив, а также усиливавшейся международной солидарности рабочего класса, требовавшего прекращения интервенции, руководители держав Антанты и США, заседавшие на

¹⁶ Russian-American Relations..., p. 285.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 461.

¹⁸ АВП СССР. Письмо Г. В. Чичерина полпреду РСФСР в Швеции от 29 октября 1918 г.

¹⁹ 10 лет советской дипломатии: Акты и документы. М., 1927, с. 10.

Парижской мирной конференции в январе 1919 г., продолжая военную интервенцию, оказались вынужденными искать новые, мирные формы борьбы против Советской России. Инициатором этих мирных форм выступили США.

22 января 1919 г. на заседании «Совета десяти» был оглашен составленный Вильсоном текст обращения ко всем «воюющим группировкам» в России. В нем предлагалось всем «организованным группам», которые осуществляют и пытаются осуществлять политическую власть или военный контроль где-либо на территории России, к 15 февраля послать своих представителей на Принцевы острова в Мраморном море при условии, что на это время будет объявлено перемирие между приглашенными сторонами и военные действия будут прекращены. Совещание этих представителей вместе с уполномоченными великих держав должно было обсудить вопрос о восстановлении мира в России²⁰. Однако Советское правительство не получило официального приглашения на конференцию, в то время как белогвардейским «правительствам» оно было направлено. Замысел Вильсона, одобренный «Советом десяти», т. е. всеми союзниками, заключался в том, чтобы поделить Россию между русскими белогвардейцами и буржуазными националистами других наций бывшей Российской империи.

Это был хитроумный план, выработанный буржуазной дипломатией. Разумеется, капиталистические правительства при этом и не думали отказываться от вмешательства во внутренние дела России. Они не собирались предоставить ее народам право решать свою судьбу по собственному усмотрению. Сам факт допущения буржуазными правительствами переговоров с правительством Советской России свидетельствовал об упрочении международного положения Советского государства, отстаивавшего свою независимость в смертельной схватке с международным империализмом.

В связи с изложенным обращением Парижской конференции народный комиссар по иностранным делам отправил 28 января 1919 г. радиogramму Вильсону в Париж. Он сообщил президенту США, что Советское правительство не получило приглашения. Чичерин обращал внимание Вильсона на этот факт с той целью, «чтобы отсутствие ответа с нашей стороны не было бы поводом для неверного истолкования»²¹. Но и после этого заявления приглашение Советскому правительству не поступило.

4 февраля 1919 г. НКВД обратился по радио с нотой к правительствам Великобритании, Франции, Италии, США и Японии. В ней говорилось: «Несмотря на все более благоприятное положение Советской России и в военном отношении, и в отношении ее

²⁰ Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1926, ч. 2, с. 219—220.

²¹ Документы внешней политики СССР. М., 1958, т. 2, с. 52. Заявление Наркоминдела оказалось весьма своевременным, так как в буржуазной печати уже появились сообщения, что большевики отказываются от участия в совещании.

внутреннего состояния, Русское Советское Правительство считает настолько желательным заключение соглашения, которое положило бы конец военным действиям, что оно готово немедленно начать с этой целью переговоры и, как оно неоднократно заявляло, добиться такого соглашения даже ценою серьезных уступок, поскольку они не будут угрожать дальнейшему развитию Советской Республики». Подчеркнув свою готовность вести переговоры с державами Антанты и даже с белогвардейскими властями, Советское правительство спрашивало, куда, когда и каким путем оно может направить своих представителей²².

Согласие РСФСР участвовать в конференции, несмотря на то, что она была

бы вынуждена, в случае если бы конференция состоялась, принять требование о перемирии, т. е. приостановить успешно развивавшееся тогда наступление Красной Армии, свидетельствовало о миролюбивом характере ее внешней политики, о стремлении Советского правительства добиться для народов России возможности строить мирную жизнь. Советский ответ был образцом глубокого анализа внутренней и международной обстановки и тенденций ее развития.

Белогвардейские правительства, следуя указаниям сторонников интервенции в правящих кругах Антанты, отказались от переговоров с Советским правительством. Они рассчитывали на успех наступления войск Колчака. Вильсон и Ллойд-Джордж поняли, что их маневр потерпел неудачу. Они вынуждены были изменить тактику и пошли на срыв ими же предложенной конференции.

После провала этого дипломатического маневра английского и американского империализма в лагере союзных держав возросло влияние крайних милитаристов и интервенционистов. Особенно упорно настаивал на расширении интервенции Черчилль. Он продолжал требовать разработки плана согласованных военных действий против Советского государства.

Однако империалистические правительства не могли не учитывать того, что в поединке с советской дипломатией они потерпели моральное поражение, представ перед народами в роли противников мирных переговоров. Поэтому Вильсон и Ллойд-Джордж предприняли еще одну попытку обеспечить себе успех дипломатическими методами. В Москву был направлен американский дипломат Буллит, который и прибыл туда 8 марта 1919 г.

Ему было поручено выяснить возможность заключения мира между Советской Россией, державами Антанты и белогвардейскими «правительствами» и выработать согласованный проект условий мирного урегулирования. Точка зрения Советского правительства на программу мирного урегулирования была к этому времени уже изложена в письме М. Литвинова и В. Воровского адвокату Верховного Суда Норвегии Людвигу Мейеру, опубли-

²² Там же, с. 58, 60.

103

кованном в лондонской газете «Геральд» 22 февраля 1919 г.²³ Прекращение иностранной интервенции в России, говорилось в этом письме, означало бы и прекращение в стране гражданской войны.

Ради налаживания экономического и технического сотрудничества Советское правительство выражало готовность пересмотреть некоторые из своих декретов, касающиеся финансовых обязательств России в отношении отдельных стран, не затрагивая, однако, основных принципов своей экономической и финансовой политики. Особое внимание оно намеревалось оказать интересам мелких заграничных кредиторов.

Советское правительство обещало воздерживаться от ведения пропаганды в союзных странах, которая могла бы рассматриваться как вмешательство в их внутренние дела.

В ответ Советская Россия требовала: прекращения всех военных операций, прекращения прямой или косвенной поддержки всех сил, выступавших против Советского правительства, прекращения экономической войны и бойкота. Американские и английские предложения, которые привез в Москву Буллит, содержали очень невыгодные для Советской России политические и экономические условия. По мнению организаторов миссии Буллита, основным моментом соглашения должно было быть сохранение того положения, которое сложилось в России в итоге иностранной военной интервенции и возникновения так называемых правительств Колчака, Деникина и других контрреволюционеров. В ходе переговоров в Москве, в которых активное участие принимал В. И. Ленин,

Советскому правительству удалось смягчить сформулированные союзниками условия и добиться принятия существенных поправок.

В первоначально предложенном Буллитом тексте вывод войск Антанты из России ставился в зависимость от демобилизации Красной Армии²⁴. Более того, совсем опускался вопрос о прекращении империалистическими державами помощи белогвардейским правительствам.

Советское правительство отклонило предложения Буллита в их первоначальной редакции. В результате переговоров с Буллитом был разработан согласованный текст мирного предложения. В нем предусматривалось (пункт 1), что «все фактически существующие на территории бывшей Российской империи и Финляндии правительства сохраняют полную власть на территориях, занимаемых ими в момент вступления в силу перемирия... причем власть их сохранится до того момента, когда народы, населяющие территории, подвластные этим правительствам, сами не ре-

²³ Russian-American Relations..., p. 274—276.

²⁴ В английских условиях соглашения говорилось, что «все союзные войска должны быть выведены из России, коль скоро будет демобилизована русская армия свыше количества, имеющего быть установленным; лишнее оружие будет выдано или уничтожено» (*Bullit W. C. The Bullit Mission to Russia. New York, 1919, p. 37*).

104

шат сменить свои правительства». В проекте говорилось также, что «немедленно по подписании настоящего соглашения все войска Союзных и Объединившихся Правительств и других нерусских правительств должны быть удалены из России и должно быть прекращено оказание военной помощи антисоветским правительствам, образованным на территории бывшей Российской империи»²⁵.

Несмотря на то что соглашение предусматривало сохранение контроля белогвардейских «правительств» на занятых ими территориях, Советское правительство готово было вести мирные переговоры на основе выработанного проекта, с тем чтобы избавить народы от бедствий войны. Этот шаг вновь свидетельствовал о миролюбии Советской власти, готовой уплатить за мир такую высокую цену.

Экономические условия проекта, привезенного Буллитом, также были неприемлемы для Советской России. В ходе московских переговоров Советскому правительству удалось эти условия значительно улучшить. Тем не менее и достигнутые компромиссные условия были весьма тяжелыми для Советской страны. Экономические вопросы в разработанном проекте были сформулированы в пунктах 2, 3 и 4. «Экономическая блокада России отменяется,— гласил пункт 2,— и торговые сношения между Советской Россией и Союзными и Объединившимися странами возобновляются на условиях, обеспечивающих одинаковую доступность доставленных из Союзных и Объединившихся стран товаров всем классам русского народа».

Практически эта статья означала, что державы Антанты соглашались на отмену блокады и установление торговых связей между Советской Россией и внешним миром только при условии согласия Советского правительства на контроль держав Антанты за распределением среди населения продовольствия и других товаров, поступивших из указанных стран. Таким образом, в условиях этой статьи содержалось ущемление суверенитета Советского государства.

Пункт 3 предусматривал, что Советские правительства получают «право беспрепятственного транзита на всех железных дорогах и пользования всеми портами, принадлежавшими бывшей Российской империи и Финляндии, необходимыми для разгрузки и перевозки пассажиров и товаров между территориями Советских правительств и морями».

В соответствии с пунктом 4 Советское правительство соглашалось на основе

взаимности допустить свободный въезд иностранных граждан в Советскую Россию, а равно право на пребывание в ней и передвижение с полной безопасностью при условии невмешательства во внутренние дела. В обстановке сильнейшего развала экономики России и напряженности внутреннего положения согласие на свободный въезд в Советскую страну было

²⁵ Документы внешней политики СССР, т. 2, с. 92, 94

105

крайне нежелательным: этим могла пользоваться Антанта для подрыва валюты и оказания материальной и моральной поддержки разбитой, но еще не уничтоженной полностью русской контрреволюции. Советское правительство выражало готовность сделать на определенных условиях некоторые уступки по вопросу об аннулировании старых долгов ради прекращения войны и установления договорных отношений с союзными странами.

Во время пребывания в России Буллит имел все возможности ознакомиться с положением дел в Советской стране. В результате своих наблюдений он пришел к выводу, что «в настоящий момент в России никакое правительство, кроме социалистического, не сможет утвердиться иначе, как с помощью иностранных штыков, и всякое правительство, установленное таким образом, падет в тот момент, когда эта поддержка прекратится». Буллит убедился также и в том, что в России «советская форма правления установилась твердо» и что она «стала, по-видимому, для русского народа символом его революции». Поэтому Буллит и предлагал пока не поздно заключить мир с революцией в лице Советского правительства и рекомендовал принять советские компромиссные предложения. В этой связи он писал: «Никакой действительный мир не может быть установлен в Европе и во всем мире, пока не будет заключен мир с революцией. Это предложение Советского правительства представляет возможность заключить мир с революцией на справедливых и разумных основаниях и, быть может,— единственную возможность»²⁶.

Однако, когда Буллит вернулся в Париж с этим компромиссным проектом, оказалось, что Вильсон и Ллойд-Джордж уже потеряли к нему интерес. Такое изменение позиции американского и английского правительств объяснялось изменением обстановки. В это время (в первой половине марта) началось наступление Колчака, на которое Антанта возлагала большие надежды. В связи с этим было решено не давать ответа Советскому правительству на предложения, привезенные Буллитом. Так империалисты еще раз сорвали мирные переговоры. 26 мая 1919 г. Верховный совет сообщил Колчаку о готовности Антанты помогать его правительству «боеприпасами, снаряжением и продовольствием, чтобы оно утвердилось в качестве правительства России, при условии получения ею четких гарантий, что цель этого правительства будет той же, что и цели союзных стран»²⁷.

27

Буржуазия испытывала страх перед влиянием победившей русской революции и перед возможной победой революции в странах Западной Европы. Советская республика в Венгрии, провозглашенная в марте 1919 г., вызвала новый прилив ярости империалистов и усилила их страх. Против Советской Венгрии были использованы те же средства, что и против Советской России,— экономическая блокада и вооруженная интервенция.

²⁶ *Ballit W. C. Op. cit., p. 51, 54.*

²⁷ *Russian-American Relations..., p. 337.*

106

Получив сообщение о военных усилиях Колчака, Вильсон и Ллойд-Джордж не возвращались к обсуждению своего собственного плана переговоров, привезенного в Москву Буллитом. Ллойд-Джордж публично заявил, будто о поездке Буллита в Россию ему ничего не известно. Это была очевидная ложь, но

Вильсон отказался ее опровергнуть, когда Буллит обратился к нему с такой просьбой²⁸.

Дважды в течение первых месяцев 1919 г. империалистические лидеры, заседавшие на Парижской конференции, которая представляла собой по сути штаб мировой контрреволюции, выдвигали мирные предложения и сами отказывались от них.

Последовавшее вскоре признание де-факто «правительства» Колчака правительствами США, Англии, Франции и Италии послужило новым подтверждением того, что они делают ставку на вооруженную борьбу против Советской России.

Упования империалистов на Колчака не оправдались. Он потерпел поражение. Летом 1919 г. начал свой «поход на Москву» Деникин; его наступление Антанта старалась поддержать организацией ударов контрреволюции также и на других фронтах. Особенно бурную деятельность развернули представители США, Англии и Франции в Прибалтике. Но наиболее надежной силой против революционного движения лидеры Антанты считали германские войска. Выше уже говорилось о том, что по условиям перемирия Германия обязывалась держать свои войска в прибалтийских странах столько времени, сколько будет сочтено необходимым державами-победительницами. В Версальском договоре, подписанном 28 июня 1919 г., это условие было подтверждено. Таким образом, побежденная Германия включалась правительствами Англии, США и Франции в борьбу против Советского государства. Прежде всего она должна была подавлять революционные силы прибалтийских народов.

Державы Антанты стремились превратить страны Прибалтики в активных участников антисоветских походов. 26 августа 1919 г. в Риге было созвано совещание представителей всех контрреволюционных сил этих стран. Руководил им английский генерал Марч, возглавлявший тогда союзническую миссию в Прибалтике. В совещании приняли участие представители белогвардейского русского генерала Юденича, эстонского, латвийского, литовского и польского буржуазных правительств, а также 50-тысячной армии белогвардейца Бермондта, под командование которого перешла значительная часть находившихся в Латвии и Литве немецких войск. Было решено начать 15 сентября 1919 г.

²⁸ Буллит сам, а за ним и некоторые буржуазные историки вынуждены были рассказать, как в действительности обстояло дело, и, следовательно, раскрыть лицемерие и лживость дипломатии Вильсона и Ллойд-Джорджа. «История с вопросом о Принцевых островах повторилась в новой форме», — справедливо писал американский историк Шуман о миссии Буллита (*Schuman F. American Policy towards Russia since 1917. New York, 1928, p. 134*).

107

в поддержку Деникину совместное наступление против Советского государства

²⁹

В то время, когда Деникин двигался с юга на Москву, империалисты направили с запада на Петроград армию Юденича. В походе участвовали и контрреволюционные силы Эстонии и Латвии. Империалистические агрессоры и их местные агенты распространяли клевету, будто Советская Россия покушается на права латышей и эстонцев располагать собственной судьбой. С помощью лжи и насилия они намеревались превратить малые государства в палачей русской революции. Черчилль хвастливо заявил о походе против республики Советов «14 государств».

Однако полностью претворить в жизнь решение августовского совещания империалистам Антанты не удалось. Существенную роль в его срыве сыграли предложения о заключении мира, сделанные Советским правительством в конце августа — начале сентября 1919 г. буржуазным правительствам Эстонии, Латвии

и Литвы. Черчилль писал 15 сентября 1919 г., что «существовали силы, которые, совместно использованные, легко могли одержать победу. Но,— вынужден был он констатировать,— они были разъединены... Все предложения образовать единое командование и нанести большевикам совместный удар провалились»³⁰.

В. И. Ленин, рассматривая стратегию интервентов, писал: «Первая попытка победить нас своими войсками кончилась победой для нас. Вторая попытка состояла в том, чтобы послать на нас соседние с нами нации, которые целиком зависят в финансовом отношении от Антанты, и заставить их удушить нас, как гнездо социализма»³¹. Одновременно с вооруженной интервенцией державы Антанты проводили политику экономической блокады Советского государства, пытаясь задушить социалистическую революцию в России костлявой рукой голода. Используя огромную власть, правительства держав-победительниц принуждали другие страны присоединиться к блокаде Советской России. Такое предложение правительства Антанты сделали Германии в ноте от 21 августа 1919 г. С аналогичным призывом от имени стран Антанты обратился Клемансо 10 октября 1919 г. к Швеции, Дании, Норвегии, Голландии, Финляндии, Испании, Швейцарии, Мексике, Чили, Аргентине, Колумбии и Венесуэле. Названным странам предлагалось воздерживаться от посылки кораблей в советские порты, запретить банкам осуществлять операции с Советской Россией, прекратить с ней почтовую, телеграфную и радиотелеграфную связь. Оказывался также нажим на прибалтийские государства. Перед советской дипломатией в этой связи вставала важная задача: не допустить присоединения к блокаде скандинавских и прибалтийских государств, а также

²⁹ См.: *Сиполс В. Я.* За кулисами иностранной интервенции в Латвии. М., 1959, с. 157—158.

³⁰ *Churchill W.* Op. cit, vol. 5, p. 256.

³¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 326.

108

Германии, и таким образом не дать Антанте и США замкнуть железное кольцо блокады вокруг Советского государства. 20 октября 1919 г. Советское правительство передало по радио адресованную германскому правительству ноту, в которой оно решительно предупредило Берлин о серьезных последствиях для Германии в случае ее присоединения к блокаде. Передавая эту ноту по радио, Советское правительство тем самым обращалось ко всем народам Европы, сообщая им всю правду о том, что державы Антанты и США «вторглись всеми доступными им путями на российскую территорию; они поднимают против России все поддающиеся их настояниям правительства и всеми возможными способами — посылкой войск, военного снаряжения и финансовых средств — они поддерживают белогвардейские контрреволюционные банды, пытающиеся подвергнуть Россию самой кровавой реакции». В ней подчеркивалось, что «в ходе своих враждебных действий против российских народных масс державы Согласия, кроме того, применили против них систему варварской блокады, имеющей целью сломить силу сопротивления российских народных масс всякого рода лишениями, которым подвергаются также женщины и дети»³².

В заключение в ноте указывалось, что Советское правительство будет считать присоединение Германии к блокаде сознательно враждебными действиями и оставляет за собой право принять соответствующие меры, которые оно сочтет нужными. Такая же нота была послана Швеции, Норвегии, Дании, Голландии и Швейцарии.

Германское правительство не могло не считаться с этим предупреждением. Поэтому оно в своем ответе державам-победительницам отказалось дать согласие на участие в блокаде, выразив сомнение в ее успехе. Другие страны просто отмолчались, поскольку торговля с Россией была для них крайне необходима.

Осуществляя политическую и экономическую блокаду Советского государства, державы Антанты активно разрабатывали планы концентрического нападения на Советскую Россию: Колчак — с востока, Деникин — с юга, войска интервентов и генерал Миллер — с севера, Юденич, белополяки и прибалтийские буржуазные националисты — с запада.

Однако буржуазные правительства прибалтийских государств не захотели воевать против Советской России. Характеризуя их политику, В. И. Ленин указывал, что «они выжидали, оттягивали, писали ноты, посылали делегации, устраивали комиссии, сидели на конференциях, и просидели до тех пор, пока Юденич, Колчак и Деникин оказались раздавленными, и Антанта оказалась бита и во второй кампании»³³. Большая заслуга в том, что прибалтийские государства удалось удержать от участия в антисоветской войне, принадлежала советской внешней политике.

³² Документы внешней политики СССР, т. 2, с. 265.

³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 175.

СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ПОДГОТОВКЕ МИРА С ГОСУДАРСТВАМИ ПРИБАЛТИКИ

31 августа 1919 г. Советское правительство предложило правительству Эстонии вступить в мирные переговоры. 11 сентября такое же предложение было направлено правительствам Литвы, Латвии и Финляндии. В сообщении Наркоминдела указывалось, что «Советская Россия всегда была чужда каких бы то ни было агрессивных намерений. Она придерживается принципа самоопределения» наций. НКИД подчеркивал, что «методы империализма и буржуазного завоевательного государства совершенно чужды» Советской России³⁴. Советское правительство предлагало мир.

Добиться мира с малыми странами, когда Англия, США и Франция всеми средствами старались удержать их в антисоветском агрессивном лагере, было нелегко. Правящие круги прибалтийских стран занимали враждебную позицию в отношении Советской России и следовали политическому курсу Запада. Советской дипломатии предстояло решить, таким образом, сложную задачу. Нужно было завязать мирные переговоры с прибалтийскими странами и при этом показать их народам как возможность равноправного соглашения с Советской Россией, так и всю опасность продолжения политики войны против нее, которую вели правящие круги по указке империалистов.

Империалистические державы бдительно следили за поведением малых стран. Как только эстонское правительство ответило Советской России согласием начать мирные переговоры, Антанта и США сразу же дали Эстонии почувствовать свою тяжелую руку. Так, 20 сентября 1919 г. Филиппс, исполнявший обязанности государственного секретаря США, заявил, что «по мнению государственного департамента, продовольствие было предоставлено Эстонии в обмен на соответствующие обязательства... Поэтому,— говорил он,— дальнейшие поставки должны прекратиться»³⁵.

Анализируя способы антисоветской борьбы лидеров крупнейших капиталистических государств, В. И. Ленин говорил: «Известно, какое давление оказывал империализм Антанты на эти маленькие страны, наскоро созданные, бессильные, целиком зависящие от Антанты даже в самых насущных вопросах, как вопрос продовольствия, и во всех других отношениях. Вырваться из этой зависимости они не могут. Все способы давления, финансового, продовольственного, военного, были пущены в ход, чтобы заставить Эстляндию,

Финляндию и, несомненно, также Латвию, Литву и Польшу, заставить весь этот цикл государств идти про-

³⁴ Документы внешней политики СССР, т. 2, с. 247.

³⁵ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1919. Russia, Washington, 1937, p. 712.

110

тив нас»³⁶ Испытывая это давление, эстонская буржуазия колебалась.

После того как белые войска Юденича, использовавшие Эстонию в качестве своей базы, были разгромлены Красной Армией и потерпел поражение Деникин, изменилась общая обстановка. Усилился страх эстонской, да и всей прибалтийской буржуазии перед войной против Советской России, что в огромной мере облегчило работу советской дипломатии, направленную на установление мирных отношений. В результате длительных переговоров 31 декабря 1919 г. был подписан договор о приостановке военных действий между Советской Россией и Эстонией, 30 января 1920 г. — между Советской Россией и Латвией. 2 февраля 1920 г. в Юрьеве (Тарту) с Эстонией был подписан мирный договор, ратифицированный уже через два дня Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом. То был первый мирный договор, заключенный РСФСР с европейским государством. По этому договору РСФСР признала «безоговорочно независимость и самостоятельность Эстонского Государства», а также отказалась от эстонской доли в общерусских долгах, передала Эстонии 15 млн. руб. золотом и безвозмездно все корабли российского флота, оказавшиеся к моменту подписания договора в руках эстонцев³⁷.

Заключение советско-эстонского договора явилось крупной победой внешней политики Советского государства. Этим договором было положено начало установлению нормальных дипломатических отношений между Советской Россией и соседними буржуазными государствами Европы.

Вскоре были начаты переговоры о заключении мирных договоров с Литвой и Латвией. Переговоры эти завершились подписанием договоров между РСФСР и Литвой 12 июля 1920 г., между РСФСР и Латвией — 11 августа 1920 г.

Одной из труднейших задач для советской дипломатии было установление мирных отношений с Финляндией, где у власти оказались наиболее реакционные круги буржуазии. В этих кругах вынашивались планы захвата русских территорий — не только Карелии и Печенги, но даже Петрограда, Онежского края и Кольского полуострова. С весны 1919 г. финская буржуазная печать стала активно пропагандировать идею похода на Петроград. В апреле финские добровольцы и регулярные части финской армии вторглись в пределы Олонецкой губернии. Финские самолеты совершали налеты на Петроград. Но эта вооруженная авантюра скоро потерпела полное поражение.

После этого правящие круги Финляндии поняли, что собственными силами они не добьются успеха в борьбе против Советской России. Ввиду этого финское правительство пошло на заключение соглашения с Юденичем.

³⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 347—348.

³⁷ Документы внешней политики СССР, т. 2, с. 348.

111

21 июня 1919 г. министр иностранных дел Англии Бальфур из Парижа сообщил по телеграфу Керзону текст соглашения, которое было заключено между правительством Финляндии и генералом Юденичем в Гельсингфорсе по вопросу о нападении Финляндии на Петроград³⁸.

Финляндское правительство отклонило советское предложение об открытии мирных переговоров, сделанное 11 сентября, в момент, когда Антанта старалась поднять против Советской России «14 государств», включая и Финляндию. Более того, финская реакция пыталась практически осуществить свои территориальные

притязания, организовав новое вторжение белогвардейских отрядов в Карелию.

Верное своей политике установления мирных отношений, Советское государство неоднократно возобновляло предложение начать переговоры о перемирии. Финская сторона срывала открытие переговоров, выдвигая ряд заведомо неприемлемых предварительных условий. Потребовался почти год, чтобы, наконец, финское правительство приняло советское предложение. Переговоры, начавшиеся в Юрьеве (Тарту) 12 июня 1920 г., завершились 14 октября подписанием мирного Юрьевского договора.

Выступая на заседании ВЦИК 17 июня 1920 г., народный комиссар по иностранным делам РСФСР Г. В. Чичерин говорил, что «мировой империализм, т. е. в действительности все капиталистические правительства всего мира действуют против нас не только насилем, не только военным наступлением, но и дипломатическими маневрами, не только открытым нападением, но и видимостью миролюбия, видимостью дружелюбных действий, требующих с нашей стороны постоянной осторожности, величайшей бдительности»³⁹.

Дальнейшие события подтвердили справедливость этих слов. Так, финская реакция и после подписания мирного договора продолжала вынашивать планы захвата Советской Карелии. С этой целью в октябре 1921 г. еще раз было предпринято вооруженное вторжение белофиннов в пределы Карелии. Оно также закончилось полным поражением захватчиков.

Заключение мирных договоров с Эстонией, Литвой, Латвией и Финляндией означало, что советская дипломатия успешно разрушала кольцо «санитарного кордона», созданного Антантой вокруг Советской страны.

К этому времени буржуазное чехословацкое правительство было вынуждено, считаясь с фактом поражения интервентов, эвакуировать из России Чехословацкий корпус, который с мая 1918 г. принимал участие в борьбе против Советской власти. 7 февраля 1920 г. было подписано соглашение между представителями командования советской 5-й армии и Чехословацкого корпуса.

³⁸ Documents on British Foreign Policy (далее — DBFP). London, 1949, Ser. 1, vol. 3, p. 394-395.

³⁹ Документы внешней политики СССР, т. 2, с. 638.

Статья 6 соглашения обуславливала сохранение русского золотого запаса за Советской Россией и передачу его Иркутскому исполкому при отбытии из Иркутска последнего чехословацкого эшелона.

16 января 1920 г. Верховный совет союзников принял резолюцию, согласно которой разрешался обмен товарами между Россией, союзными и нейтральными странами, хотя в резолюции содержалась оговорка, что политика союзных правительств в отношении Советской России остается неизменной. Таким образом, это было формальное снятие блокады.

Провал интервенции постепенно становился все более очевидным. Планы свержения Советской власти вооруженной силой продолжали существовать, но даже среди буржуазии росло число тех, кто стал понимать их нереальность. Война губительно сказалась на состоянии экономики западноевропейских стран. Здравомыслящие буржуазные политики понимали, что без участия России и использования ее ресурсов невозможно быстро восстановить экономику Европы.

Советское правительство стремилось возможно шире развить торговые отношения и наладить экономическое сотрудничество с капиталистическими странами. В беседе с корреспондентом американской газеты «Уорлд», состоявшейся 21 февраля 1920 г., В. И. Ленин, касаясь этого вопроса, говорил: «Я не вижу никаких причин, почему такое социалистическое государство, как наше, не может иметь неограниченные деловые отношения с капиталистическими странами. Мы не против того, чтобы пользоваться капиталистическими

локомотивами и сельскохозяйственными машинами, так почему же они должны возражать против того, чтобы пользоваться нашей социалистической пшеницей, льном и платиной?»⁴⁰. Ленин исходил при этом из принципа мирного сосуществования, подчеркивая необходимость политики взаимовыгодного делового сотрудничества.

31 марта 1920 г. Советское правительство подписало торговый договор с Эстонией — единственной европейской страной, с которой был к этому времени формально заключен мир.

На протяжении 1920 г. Советская Россия добилась определенных успехов в развитии торговых связей через Эстонию. Так, по данным Наркомата внешней торговли, через Эстонию в Советскую Россию за 1920 г. было доставлено около 4 тыс. вагонов товаров, общим весом 45 тыс. тонн, из которых более половины составляли сельскохозяйственные машины и орудия.

Советско-эстонский договор и снятие блокады имели важное принципиальное значение. Они подтверждали ленинское положение о возможности мирного сосуществования государств с различными социальными системами. Народный комиссар по иностранным делам Г. В. Чичерин в письме советскому представителю

⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 152.

113

в Эстонии указывал: «Наши отношения к Эстонии должны быть пробным камнем возможности нашего мирного сосуществования с буржуазными государствами... мы должны устранять все то, что может эту линию нарушить»⁴¹.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ПЕРИОД ПОЛЬСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

Несмотря на крупные успехи, достигнутые Советским правительством в начале 1920 г., новая мирная передышка, начавшаяся после разгрома Деникина, оказалась недолговечной. В империалистических кругах еще не оставили планов военной силой поставить на колени рабочих и крестьян России. Сторонники интервенции продолжали подготовку новых военных походов. На передовую линию антисоветского фронта теперь выдвигалась Польша, политика которой определялась буржуазно-помещичьим правительством во главе с реакционером и шовинистом, ярким врагом коммунизма и Советской России Пилсудским.

О его антисоветских настроениях некоторое представление дают донесения английского посла в Варшаве Рамбольда в МИД Англии. Так, например, 7 ноября 1919 г. в беседе с послом Рамбольдом Пилсудский заявил, что нападение на большевиков в любое время и в любом месте всегда было его политикой⁴². В письме министру иностранных дел Керзону от 23 января 1920 г. Рамбольд сообщал, что Пилсудский вручил белогвардейцам Савинкову и Чайковскому два плана — большой и малый. Большой план предусматривал создание во главе с Польшей союза между всеми пограничными с Россией государствами, включая Финляндию и «антибольшевистскую Россию», для борьбы против большевизма. Малый план касался урегулирования будущих отношений между Польшей и «антибольшевистской Россией». Пилсудский заявил, что ставит своей целью создать своего рода Лигу наций на востоке Европы для борьбы с большевиками⁴³. Хотя польский народ хотел мира, но голос его глушила господствовавшая в Польше реакция, которая прислушивалась только к тому, что говорили в Лондоне на Даунинг-стрит. Об этом и свидетельствовало приведенное заявление Пилсудского. В нем Пилсудский изложил план английского империализма, заключавшийся в том, чтобы оторвать Украину от Советской России, отдать ее

под власть Петлюры и заключить затем польско-украинский союз против Советского государства. Далее предполагалось сделать этот союз основой для создания широкого антисоветского блока с участием Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии. Именно так характеризовал английский план министериял-директор в германском МИДе фон Мальцан в своей

⁴¹ АВП СССР. Письмо наркома по иностранным делам Г. В. Чичерина уполномоченному НКВД в Эстонии от 22 марта 1920 г.

⁴² DBFP, Ser. 1, vol. 3, p. 634

⁴³ Ibid., p. 800—801.

114

записке для рейхсканцлера от 4 мая 1920 г., составленной в результате бесед с прибывшим в Берлин из Финляндии генералом Маннергеймом. Мальцан пишет в этой записке, что державы Антанты решили сплотить лимитрофы в антисоветский блок и что «поэтому Англия поддержала в Варшаве идею создания польско-украинского союза, направленного своим острием против Советской России, и, в конечном итоге, добилась осуществления этой идеи». Как отмечалось в записке, дальнейший план заключается в том, чтобы привлечь к участию в этом союзе в более или менее твердой форме Литву, Латвию, Эстонию и Финляндию.

Предложение участвовать в борьбе против Советской России было сделано и Германии. Однако Мальцан в ответ на это заявил, что «в намерения германского правительства не входит участие в военных действиях против Советской России до тех пор, пока она не угрожает германским границам. Кроме того, Германии слишком дорого обошелся провал предприятия Гольца Бермондта, чтобы еще раз пускаться на подобные авантюры»⁴⁴.

Это решение было принято вопреки предложению генерала Людендорфа, который в начале января 1920 г. подал правительству докладную записку, где предлагал, чтобы Германия приняла активное участие в общем военном походе Антанты против Советской России. Против этого предложения Лгудендорфа решительно выступил генерал фон Сект, по поручению которого министру иностранных дел была направлена записка майора Биттингера, датированная 17 января 1920 г. В ней говорилось о нежелании немецкого народа воевать против Советской России. «Таким образом,— подчеркивалось в этой записке,— план генерала Людендорфа является утопией с политической точки зрения и не выполним с военной точки зрения, а если бы даже он был выполнен, то это было бы пагубным для Германии»⁴⁵.

Октябрьская революция и провозглашенный ею принцип самоопределения наций создавали условия для обеспечения независимости Польши. Советское правительство не раз обращалось к польскому народу с разъяснением основ своей политики в отношении Польши, с выражением искреннего желания жить с нею в мире. Оно указывало, что нет вопроса, который не мог бы быть разрешен мирно, путем переговоров, взаимных уступок и соглашений. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет в своем обращении к польскому народу от 2 февраля 1920 г. торжественно провозгласил: «Свобода Польши является необходимым условием свободного развития России»⁴⁶. ВЦИК выразил уверенность, что между народами Польши и Советской России общими усилиями будут созданы мирные и самые дружественные отношения. В своем ответе на вопросы корреспондента аме-

⁴⁴ Бундесархив в Кобленце (ФРГ), ф. RK 431-, Bd. 133. Записка Мальцана рейхсканцлеру от 4.5.1920 г.

⁴⁵ Политический архив МИД ФРГ, ф. RM 9, Bd 1. Записка Битгангера министру иностранных дел Симонсу от 17 янв. 1920 г.

⁴⁶ Документы внешней политики СССР, т. 2, с 356.

115

риканского информационного агентства К. Виганда В. И. Ленин говорил:

«„Собираемся ли мы нападать на Польшу и Румынию?“ Нет. Мы самым торжественным и официальным образом и от имени СНК и от имени ВЦИКа заявили о наших мирных намерениях»⁴⁷.

Стремясь к нормализации отношений, НКВД 24 февраля 1920 г. от имени Советского правительства сделал новые мирные предложения Румынии, США и Японии, а 25 февраля — Чехословакии.

Одна из задач советской политики в этот период состояла в том, чтобы избежать военного столкновения с империалистической Японией на Дальнем Востоке и подготовиться к отпору на случай нового похода империалистических западных держав на жизненные центры России. 19 февраля 1920 г. В. И. Ленин указывал: «Мы окажемся идиотами, если дадим себя увлечь глупым движением в глубь Сибири, а в это время Деникин оживет и поляки ударят. Это будет преступление»⁴⁸. Значительным событием было создание 6 апреля 1920 г. буферного государства на Дальнем Востоке — Дальневосточной республики. Как отмечал В. И. Ленин, «...вести войну с Японией мы не можем и должны все сделать для того, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без нее, потому что нам она по понятным условиям сейчас непосильна»⁴⁹.

Советская дипломатия в то же время стремилась довести до благополучного конца начатые переговоры с Литвой, Латвией и Финляндией и воспрепятствовать попыткам белополяков и Антанты создать единый фронт этих государств с Польшей и остатками белогвардейцев в Крыму для совместной войны против Советской России.

Готовясь к отпору на случай нападения со стороны руководимой Пилсудским Польши, Советская республика вместе с тем делала все возможное для достижения мира с нею, горячо желала избежать войны, в то время как империалисты толкали польское правительство на авантюру. Несколько раз (в течение января—марта 1920 г.) Советское правительство предлагало начать мирные переговоры, но реакционное польское правительство, одержимое стремлением к захвату украинских, белорусских, русских и литовских территорий, не захотело прислушаться к голосу разума. Правда, 27 марта 1920 г. польское правительство согласилось на переговоры. Однако это было сделано исключительно в целях обмана польского народа, не желавшего войны против Советской России. В действительности польские правители не думали о мире.

В ноте НКВД от 8 апреля 1920 г., адресованной министрам иностранных дел Великобритании, Франции, Италии и США,

⁴⁷ Ленин В. И., Полн. собр. соч., т. 40, с. 145.

⁴⁸ Ленинский сборник, XXXVI, с. 97.

⁴⁹ Ленин В. И., Полн. собр. соч., т. 42, с. 93,

116

была вскрыта бесчестная игра в переговоры со стороны реакционных правителей Польши. «Мы не можем не обратить внимания,— отмечалось в ноте,— что польское правительство лишь рабски подражает образу действия германского кайзеровского правительства времен Брест-Литовска, несмотря на то, что нынешняя Россия уже не Россия того времени»⁵⁰.

Стараясь сохранить мир, Коммунистическая партия и Советское правительство в то же время учитывали реальное положение вещей — возможность нападения со стороны Польши. IX съезд партии (март — апрель 1920 г.) в своих решениях предупреждал парод, что «до тех пор, пока в важнейших мировых государствах остается у власти империалистическая буржуазия, социалистическая республика ни в каком случае не может считать себя в безопасности. Дальнейший ход событий может в известный момент снова

бросить теряющих под ногами почву империалистов на путь кровавых авантур, направленных против Советской России»⁵¹. Вскоре события показали справедливость этих слов.

25 апреля белопольские войска начали наступление на Советскую страну. Польская армия была вооружена и снабжалась империалистами Франции, США и Англии. Пилсудский мечтал о легкой победе.

На поддержку ему вскоре выступила белогвардейская армия барона Врангеля, собравшего остатки деникинских и других контрреволюционных сил и окопавшегося в Крыму. Новый поход Антанты сразу начался с двух направлений: с запада — силами белополяков и с юга — врангелевцев.

Однако, если империалистам уже в 1919 г. было труднее вести борьбу против Советской России, чем в 1918 г., то воевать с ней в 1920 г. стало гораздо сложнее. Красная Армия превратилась в большую силу.

Кроме того, интервенция против государства рабочих и крестьян вызывала решительные протесты и возмущение широчайших масс в капиталистических странах.

В ответ на призывы Советского правительства к трудящимся всех стран не ослаблять натиска на буржуазные правительства «с целью помешать им задушить народную революцию в России»⁵² в капиталистических странах все шире развертывалось движение в защиту Советской России. Трудящиеся все более решительно требовали прекращения интервенции в России. В Англии, Германии, Франции, США и в других странах прогрессивными демократическими силами были созданы «Комитеты действия», возглавившие массовое движение солидарности с русскими рабочими и крестьянами под лозунгом: «Руки прочь от Советской России!». Наибольшего размаха это движение достигло

⁵⁰ Документы внешней политики СССР, т. 2, с. 446—447.

⁵¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК М.. 1970, т. 2. с. 176 (далее — КПСС в резолюциях...).

⁵² Документы внешней политики СССР, т. 2, с. 135.

117

именно в 1920 г. во время польско-советской войны и похода Врангеля. Это движение протеста против интервенции перекинулось и в войска интервентов, действовавшие в России. «Как только,— отмечал Ленин,— международная буржуазия замахивается на нас, ее руку схватывают ее собственные рабочие»⁵³.

Движение солидарности с Советской Россией было важным фактором, оказавшим сдерживающее влияние на политику и антисоветские планы империалистических правительств.

Тем не менее правительства держав Антанты самым активным образом поддерживали белополяков в их нападении на Советскую Россию. Франция делала это открыто. Что касается Англии и в какой-то степени США, то они старались замаскировать свое участие в борьбе против Советской России. С одной стороны, английское и американское правительства усиленно вооружали войска Пилсудского и, следовательно, являлись одними из главных организаторов антисоветского похода. С другой — Англия уступила во время советско-польской войны в торговые переговоры с Советским правительством. Английское правительство делало заявления в том смысле, что оно будто бы не поддерживает наступления Польши и желает мира с Россией. Все это было направлено на то, чтобы затруднить для широких народных масс понимание настоящих целей английского империализма.

Советское правительство должно было учитывать все факторы, оказывавшие влияние на политику Антанты. Отдельные действия английского правительства были обусловлены внутрипартийной борьбой, а также движением рабочих масс и рассчитаны на то, чтобы ослабить их давление, укрепить свои позиции внутри

страны. Нельзя было оставлять без внимания борьбу течений среди буржуазии — умеренного, выражавшего интересы кругов, для которых было выгодно развитие торговли с Россией, и крайне правого, связанного с колониальными, военными империалистическими кругами, считавшими главной задачей уничтожить большевизм и Советскую власть, устранить ее мощное революционизирующее влияние в Европе и особенно на британские колонии и сферы влияния в Азии.

Наступление белополяков провалилось. Оно было отражено Красной Армией. В разгар наступления советских войск, 11 июля 1920 г., английское правительство в лице министра иностранных дел лорда Керзона направило Советскому правительству ноту, в которой предложило немедленно приостановить военные действия и заключить перемирие между Польшей и Советской Россией, а также «между армиями Советской России и генералом Врангелем». В качестве границы между Польшей и РСФСР предлагалась так называемая «линия Керзона», выработанная державами Антанты еще в конце 1919 г. Она проходила по линии: Гродно — Валовка — Немиров — Брест-Литовск —

⁵³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 329.

118

Дорогуск — Устилуг, восточнее Грубешова через Крылов, далее западнее Равы Русской, восточнее Перемышля и до Карпат. Керзон предлагал английское посредничество в заключении перемирия между Советской Россией и Польшей. В ноте сообщалось, что в Лондоне под покровительством великих держав предполагается созвать конференцию «из представителей Советской России, Польши, Литвы, Латвии и Финляндии для переговоров об окончательном мире между Россией и ее соседями».

Английская буржуазия понимала, что дальнейшее наступление Красной Армии угрожает власти реакции в Польше и может привести к усилению революционного движения в остальной Европе. Английское предложение было рассчитано на то, чтобы остановить наступление Красной Армии, дать возможность войскам польских помещиков и капиталистов собраться с силами, получить помощь от Франции, Англии и США, подготовиться к возобновлению наступательных действий. Предложение о «перемирии с Врангелем» отражало стремление империалистов превратить Крымский полуостров в убежище белогвардейцев, сохранить на юге России очаг контрреволюции.

Советское правительство ответило на ноту Керзона 17 июля 1920 г. Оно указало, что польское правительство не обращалось к нему с предложениями о мире. Советское правительство напомнило о роли Англии в организации интервенции и отклонило британское посредничество. Советское правительство подчеркивало, что желает установления мира с Польшей, но оно считает для этого необходимыми непосредственные переговоры с нею без постороннего вмешательства. Что касается предложения о созыве конференции в Лондоне, то в советском ответе оно характеризовалось как результат «не совсем достаточной осведомленности» английского правительства о взаимоотношениях между Россией и ее соседями. 12 июля 1920 г. был подписан мирный договор с Литвой. Советским правительством велись мирные переговоры с Латвией и Финляндией непосредственно, без всякого постороннего вмешательства. «Дальнейшее их ведение на тех же основаниях, — указывало Советское правительство, — является наилучшей гарантией успешного достижения их цели» ⁵⁴.

Так провалилась попытка остановить успешное наступление Красной Армии, помешать ей разбить белопольских агрессоров. Вместе с тем сорвались и усилия английского правительства поставить отношения Советского государства с его соседями под контроль империалистических держав.

Польское правительство 22 июля предложило правительству РСФСР

немедленно заключить перемирие и начать непосредственные мирные переговоры. Советское правительство сразу же согласилось. Но когда 1 августа польская делегация предъявила в Барановичах советским делегатам свои полномочия, то оказалось, что эти полномочия от польского командования, но не от

⁵⁴ Документы внешней политики СССР. М., 1959, т. 3, с. 51, 53, 54.

119

правительства и только для ведения переговоров о перемирии, а не о мире. Советская делегация заявила, что ей необходимо получить письменный (или подтвержденный по радио) мандат от польского правительства, с тем чтобы уже 4 августа могла состояться встреча обеих делегаций. Но время шло, а мандат не приходил. Польские правящие круги явным образом не торопились заключать мир и только хотели помешать развитию операций Красной Армии и выиграть время. Как вскоре выяснилось, они возлагали надежды не на мирные переговоры, а на спешно подготавливавшееся вмешательство Антанты.

Наступление Красной Армии в направлении Варшавы вызвало тревогу среди империалистов. 4 августа 1920 г. Ллойд-Джордж вызвал к себе членов советской торговой делегации, находившейся в Лондоне для ведения переговоров с английским правительством, и заявил, что, поскольку перемирие между Россией и Польшей еще не заключено и русские войска продвигаются вперед, Англия должна будет выполнить свои обязательства в отношении Польши. Поэтому британскому военному флоту отдан приказ о выходе в море и возобновлении блокады России⁵⁵. План английского правительства состоял в том, чтобы запугать Советское государство. В полном единодушии с английским империализмом выступали Франция и США. Все они щедро снабжали Польшу и Врангеля военными материалами.

США предприняли, кроме того, дипломатическую акцию, преследовавшую далеко идущие цели. 10 августа 1920 г. государственный секретарь США Кольби опубликовал ноту на имя итальянского посла Авеццано; с формальной стороны она представляла собой ответ на запрос итальянского правительства о политике США в отношении Советской России. В ноте говорилось, что США не признавали и не собираются признавать Советскую власть, что они вели и будут вести в отношении ее враждебную политику. Нота была полна клеветы на Советское правительство. Это выступление США означало призыв к другим странам следовать такому же курсу.

Французское правительство со своей стороны заявило, что оно полно решимости поддержать все «принципы, так ясно сформулированные Соединенными Штатами» в ноте Кольби⁵⁶. Поль-

⁵⁵ Документы внешней политики СССР, т. 3, с. 81.

⁵⁶ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1920. Washington, 1936, vol. 3, p. 470.

Правящие круги США уклонялись от поддержания каких-либо контактов с представителем НКВД в Нью-Йорке Мартенсом. Они бойкотировали Мартенса и препятствовали его общению с деловыми кругами США. Еще 12 июня 1919 г. на помещение советской миссии был совершен полицейский налет. Замысел состоял в том, чтобы сфабриковать «доказательства» нарушения советским представителем американских законов и поднять враждебную кампанию против Советской России. Но полицейская провокация окончилась безрезультатно. В своей ноте государственному департаменту от 20 июня 1919 г. НКВД РСФСР выразил протест по поводу произвола, допущенного в отношении его представителя в Нью-Йорке.

120

ское правительство выразило благодарность США «за неоценимую моральную поддержку» в войне против Советского государства⁵⁷.

Само собой разумеется, что Советское правительство не могло пройти мимо враждебной дипломатической диверсии США. НКВД отправил советским

полномочным представителям за границей телеграмму, в которой им поручалось разъяснить «общественному мнению и особенно трудящимся массам» лживость заявлений государственного секретаря США. Отмечая ложь и клевету Кольби, Советское правительство, последовательно отстаивая принципы мирного сосуществования, заявило, что оно считает необходимым установить и неуклонно соблюдать мирные и дружественные отношения с существующими правительствами, в том числе и с правительством США. В интересах как России, так и Северной Америки «установление между ними уже теперь, несмотря на противоположность их социального и политического строя, вполне корректных и лояльных мирных дружественных отношений, необходимых для развития между ними товарообмена и для удовлетворения экономических потребностей той и другой стороны»⁵⁸.

Западные державы не ограничились дипломатической поддержкой белополяков. Они предпринимали и другие действия, чтобы спасти реакционных польских правителей: в Польшу были срочно посланы военные советники, оружие и снаряжение. В результате мер, принятых правительствами Англии, Франции и США, а также вследствие ошибок, допущенных командованием Красной Армии, советские войска вынуждены были отступить от Варшавы.

Это прибавило спеси пилсудчикам, они стали всячески затягивать ход мирных переговоров. Ссылаясь на неприемлемость советских условий, польское правительство уклонялось от их обсуждения. Оно планировало новое наступление для захвата территорий Украины и Белоруссии.

Советское правительство, напротив, предложило положить в основу мирного урегулирования торжественное подтверждение независимости Украины, Белоруссии и Литвы. Выступая 22 сентября на IX Всероссийской конференции РКП (б), В. И. Ленин сказал, что Советская республика хочет избежать тяжелой зимней кампании и снова предлагает Польше «выгодный для нее, невыгодный для нас мир; Но возможно, что буржуазные дипломаты, по старой привычке, опять учтут наше открытое заявление, как признак слабости»⁵⁹. Советская Россия доказала, что она способна победить своих противников и может продолжать войну, но стремится к миру. Наступление Красной Армии, как отмечал тогда В. И. Ленин, оказало могучее воздействие на всю

⁵⁷ Ibid., p. 397-398.

⁵⁸ Документы внешней политики СССР, т. 3, с. 177.

⁵⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 284.

121

международную обстановку. Впервые Советская республика выступила как важнейший фактор, воздействие которого сказалось на международных отношениях. «Это было важнейшим переломом,— говорил Ленин,— не только в политике Советской России, но и политике всемирной. До сих пор мы выступали как единственная сила против всего мира империалистов, мечтая только о том, как бы уловить щелку между ними, чтобы противник не мог нас раздавить. А теперь мы сказали: «Мы теперь покрепче стали, и на каждую вашу попытку наступления мы будем отвечать контр наступлением, чтобы вы знали, что вы рискуете не только тем, что вы просадите несколько сот миллионов, которые просадили на Юденича, Колчака и Деникина, но что вы рискуете тем, что при каждом вашем наступлении будет расширяться территория Советских Республик»⁶⁰.

Стремясь избавить народы СССР и Польши от лишних жертв и сосредоточить свои силы на борьбе с Врангелем, Советское государство пошло на серьезные уступки. Эти уступки были изложены в заявлении ВЦИК от 23 сентября 1920 г., с которым он обратился к правительству Польши.

В этом заявлении ВЦИК решительно осудил дальнейшее продолжение польско-советской войны и высказался за скорейшее соглашение между РСФСР и Польшей. «Эта поддерживаемая Антантой в ее империалистических интересах война,— говорилось в заявлении,— грозит тяжелейшей зимней кампанией, небывало жестокой, разорительной и кровавой. Ее продолжения могут хотеть только империалисты Антанты, строящие свои расчеты на дальнейшем истощении жизненных сил как Польши, так и России». В целях скорейшего достижения соглашения с Польшей ВЦИК заявил об отказе от некоторых условий, которые первоначально были сформулированы русско-украинской делегацией.

ВЦИК подтверждал готовность Советской России немедленно подписать перемирие и прелиминарные условия мира на основе признания границей между Польшей и Россией линии, проходящей значительно восточнее «линии Керзона».

ВЦИК заявлял, что его предложение сохраняет силу в течение 10 дней. Если до 5 октября прелиминарные условия мира не будут подписаны, Совет Народных Комиссаров вправе изменить предложенные условия⁶¹.

Несмотря на противодействие Антанты и особенно Франции, Польша ответила согласием подписать мир. 12 октября 1920 г. в Риге был подписан договор о перемирии и прелиминарных условиях мира между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей — с другой⁶².

⁶⁰ Цит. по: История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1968. т. 3, кн. 2, с. 499.

⁶¹ Документы внешней политики СССР, т. 3, с. 206.

⁶² Там же, с. 245—258.

122

Обе договаривающиеся стороны признавали независимость Украины и Белоруссии. Однако буржуазно-помещичьему правительству Польши удалось добиться отторжения от Советской Украины и Советской Белоруссии их западных областей. Обе стороны обязались прекратить военные действия 18 октября 1920 г.

Мир с Польшей был весьма неустойчивым, пока не был разгромлен Врангель, армия которого в начале октября перешла в наступление на Украине. Красная Армия отбила это наступление врангелевцев, а затем 28 октября предприняла мощное наступление и штурмом взяла Перекоп. Вскоре Врангель был окончательно разбит и Крым очищен от белогвардейцев и интервентов.

Но и после разгрома Врангеля польское правительство продолжало тормозить ход переговоров о заключении мирного договора. Поэтому советско-польские переговоры затянулись. Лишь 18 марта 1921 г. (тоже в Риге) был подписан окончательный мирный договор между Советской Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей — с другой. В основу его были положены условия прелиминарного договора. По Рижскому мирному договору к Польше отходили западные украинские и белорусские земли. Но заключение этого мира имело большое международное значение: окончание войны означало полное крушение интервенционистских замыслов империалистических держав в отношении Советской России. Только на Дальнем Востоке некоторое время (до октября 1922 г., а на Сахалине даже до 1925 г.) продолжалась японская оккупация.

С окончанием иностранной интервенции и гражданской войны началась новая, мирная полоса исторического развития Советской страны — период восстановления народного хозяйства и создания технико-экономических предпосылок для строительства социализма. Начинался период, когда решающее значение приобретало хозяйственное строительство, развитие производительных сил страны.

Еще на IX съезде РКП (б) (29 марта — 5 апреля 1920 г.) одним из

центральных был вопрос о едином хозяйственном плане, предусматривавшем восстановление транспорта, топливной промышленности, металлургии и т. д. Главное место в этом плане занимал вопрос об электрификации всего народного хозяйства, который В. И. Ленин выдвигал как «великую программу на 10—20 лет»⁶³ (план ГОЭЛРО). Выполнение этой программы было возможно только в мирных условиях. Партия, как и раньше, заботилась о мире. Она поставила перед советской дипломатией в качестве важнейшей задачи установление нормальных отношений с капиталистическими странами.

В целях осуществления этой задачи СНК РСФСР назначил члена Коллегии НКВД М. М. Литвинова уполномоченным

⁶³ КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 149.

123

Советской России и выдал ему полномочие, подписанное В. И. Лениным 25 марта 1920 г., на ведение предварительных переговоров с представителями правительств Англии, США, Бельгии, Италии, Франции и Японии о возможных условиях мира между Россией и вышеперечисленными государствами. В этом документе говорилось, что Литвинов «уполномочен договориться и подписать соглашение о времени, месте и прелиминарных условиях вступления России в мирные переговоры с Правительствами Англии, Америки, Бельгии, Италии, Франции и Японии»⁶⁴.

Придавая первостепенное значение нормализации отношений с США, Советское правительство поручило Л. Б. Красину, являвшемуся тогда наркомом внешней торговли, вступить в переговоры с американским правительством. В подписанном В. И. Лениным 18 июля 1920 г. полномочии говорилось, что СНК поручает Л. Б. Красину «вступить с правительством Соединенных Штатов Америки в переговоры о заключении с Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой политического соглашения и договора о полном восстановлении мирных отношений между обеими странами и всякого рода экономических соглашений и подписать таковые соглашения от имени правительства Российской Социалистической Федеративной Советской Республики»⁶⁵.

В. И. Ленин видел в торгово-экономических связях социалистического государства с капиталистическим миром экономическую основу мирного сосуществования государств с различным социально-экономическим строем. Развивая это важное положение, В. И. Ленин отмечал, что торговые и экономические связи между Советской Россией и капиталистическими странами должны строиться на полном равноправии и взаимной выгоде и что Советская страна не позволит никому диктовать ей свои условия. Он подчеркивал при этом, что такие деловые связи выгодны не только Советскому государству, но и США и что политика отказа от развития торговли с Советской Россией наносит вред самим США и является недальновидной политикой. «Нравится это им (США.— *Ред.*) или нет,— говорил В. И. Ленин в октябре 1920 г.,— Советская Россия — великая держава. После трех лет блокады, контрреволюции, вооруженной интервенции и польской войны Советская Россия сильна, как никогда прежде. Америке ничего не даст вильсоновская политика благочестивого отказа иметь с нами дело на том основании, что наше правительство им не по вкусу»⁶⁶.

В. И. Ленин считал крайне важным, чтобы все советские республики проводили единую внешнеторговую политику. Проект директив ЦК РКП (б) уполномоченному Совету труда и обороны

⁶⁴ Ленинский сборник, XXXIV, с. 284.

⁶⁵ Там же, с. 336.

⁶⁶ Ленинский сборник, XXXVII, с. 254.

124

(СТО) и НКВТ в закавказских советских республиках по его предложению был дополнен следующим пунктом: «Во избежание конкуренции на внешнем рынке между РСФСР и ЗСР заключается соглашение, в силу коего их заграничные представители в каждой отдельной стране действуют не иначе как по взаимному соглашению»⁶⁷. Проект директив с ленинскими поправками был утвержден Политбюро ЦК РКП (б) 4 мая 1921 г.⁶⁸ Централизованное руководство внешней торговлей и единство выступлений советских республик на внешнем рынке, таким образом, практически обеспечивались еще до образования СССР. Это полностью отвечало интересам всех советских республик, ибо всякого рода несогласованные выступления на внешнем рынке наносили ущерб народному хозяйству страны в целом.

АНГЛО-СОВЕТСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ О ТОРГОВОМ СОГЛАШЕНИИ

Еще во время вооруженной борьбы против интервентов со стороны Советского правительства и советских организаций делались настойчивые попытки установить контакты с внешним миром, завязать торговые отношения⁶⁹. Но добиться серьезного успеха было тогда невозможно. Экономические связи сводились к эпизодическим деловым контактам с некоторыми фирмами. Империалистические державы, проводившие политику антисоветской интервенции и экономической блокады, всячески тормозили и срывали торговые связи со Страной Советов. Положение изменилось после того, как Советская Россия разгромила своих врагов и добилась мира.

Из всех крупных капиталистических государств наибольший интерес к торговле с Россией проявляла Англия. Для нее экспорт в Россию и импорт из России имели особенно важное значение. Поэтому английское правительство и согласилось начать советско-английские торговые переговоры. С этой целью в Англию прибыла торговая делегация во главе с Л. Б. Красиным, который уже при первой встрече с английскими представителями, состоявшейся 31 мая 1920 г., предложил конкретную программу развития советско-английской торговли.

Но английское правительство явно не торопилось с переговорами. Только 30 июня оно заявило в памятной записке о своей готовности заключить «соглашение о взаимном прекращении враждебных действий и о возобновлении торговых сношений» на следующих условиях: каждая сторона «обязуется воздерживаться от враждебных действий или мероприятий, направленных против другой стороны, и от ведения какой-либо официальной пропаганды...»; английское правительство соглашалось не требовать немедленного урегулирования вопроса о долгах; оно было «готово

⁶⁷ Там же, с. 294.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ См. гл. I и III данной книги.

оставить установление русских обязательств этого рода, равно как и разрешение других вопросов, связанных с долгами или претензиями Великобритании к России или России к Великобритании, до мирных переговоров»⁷⁰. НКИД заявил в своей ноте от 7 июля 1920 г. о согласии принять эти условия. Но английское правительство стремилось использовать переговоры как средство давления на Советское правительство с тем, чтобы побудить его прекратить наступление Красной Армии и заключить перемирие с Польшей.

С перерывами англо-советские переговоры продолжались до конца 1920 г.

Как явствует из документов английского архива, правительство Ллойд-Джорджа вынесло окончательное решение о заключении договора с Советской

Россией только на заседании кабинета, состоявшемся 17—18 ноября 1920 г., т. е. после того, как была разбита армия Врангеля и потерпела полный крах интервенция панской Польши. На заседании английского кабинета 17 ноября 1920 г. на Даунинг-стрит присутствовали министры, известные своей враждебностью к Советской России. Здесь были: организатор вооруженной интервенции У. Черчилль, министр иностранных дел лорд Керзон, министр торговли Р. Хорн, Остин Чемберлен, Бальфур, Бонар-Лоу и др. Председательствовал премьер-министр Ллойд-Джордж.

Р. Хорн в своем выступлении говорил об угрожающем росте безработицы, усилении конкуренции других стран в торговле с Советской Россией. Высказываясь в пользу развития с ней торговли, Хорн подчеркнул мысль о том, что с помощью торговли удастся победить большевизм. «Единственным путем,— говорил он,— которым мы свалим большевизм, является торговля»⁷¹.

Лорд Керзон запугивал министров «красной опасностью», грозящей английским колониям на Востоке, и прежде всего Индии, и призывал правительство быть осторожным при подписании торгового соглашения⁷². Его поддерживали военный министр Черчилль, канцлер казначейства Остин Чемберлен и другие.

Однако нашлись среди министров и проявившие здравый смысл. Так, Бонар-Лоу заявил, что «нельзя продолжать переговоры и не заключать соглашения», тем более, что страна стоит перед угрозой безработицы⁷³.

Премьер-министр Ллойд-Джордж полностью согласился с Хорном и Бонар-Лоу. «Это та политика,— говорил он,— которую мы одобрили год назад. С ней согласны были Франция и Италия... Наша ненависть побуждает нас говорить, что мы скорее навредим сами себе, чем сделаем добро для Советской России». Он отметил затем, что правительству необходимо учитывать интересы Англии, потому что она переживает трудные времена. «Заказы

⁷⁰ Документы внешней политики СССР, т. 3, с. 17—18.

⁷¹ Public Record Office, Cab. 23/23, p. 96.

⁷² Ibid., p. 97.

⁷³ Ibid., p. 97/4.

126

не поступают. Потребители не хотят покупать. Мы, возможно, стоим перед самым тяжелым периодом безработицы, которую кто-либо из нас когда-нибудь видел. Русские готовы платить золотом, а вы не хотите продавать. Мы же торгуем с людоедами на Соломоновых островах»⁷⁴. Отвечая противникам соглашения, говорившим о скорой гибели Советской власти, Ллойд-Джордж продолжал: «Я уже не раз слышал предсказания о падении Советского правительства за последние два года. Деникин, Юденич, Врангель — все потерпели крах, и я не вижу ближайшей перспективы падения Советского правительства»⁷⁵.

На другой день, 18 ноября 1920 г. кабинет значительным большинством принял решение „«поручить министру торговли заключить торговое соглашение с Россией...»”⁷⁶.

И после этого Советская Россия была вынуждена приложить много усилий, пока, наконец, 16 марта 1921 г. было подписано советско-английское соглашение о возобновлении торговых отношений между обеими странами, которое по существу носило не только торговый, но и политический характер. Заключив это соглашение, Англия признала Советское государство де-факто. Обе стороны обязывались воздерживаться от всяких враждебных действий и ведения «вне собственных пределов» пропаганды против другой стороны. Стороны обязались не устанавливать друг против друга блокады, устранить «все препятствия, до сего времени ставившиеся на пути возобновления» торговли, и не ставить ее в худшие условия, по сравнению с торговлей с другими государствами». Английское

правительство заявило, что не предпримет действий, имеющих целью наложение ареста либо завладение золотом, имуществом и товарами, которые принадлежат Советскому правительству и будут ввезены в Англию. Без этого обязательства никакая торговля не была возможна. В совместной декларации было условлено, что решение вопроса о взаимных претензиях должно найти место в мирном договоре, последующее заключение которого предусматривалось в преамбуле соглашения⁷⁷.

Для Советской России соглашение с Англией имело существенное значение, так как оно было первым договором, заключенным с великой капиталистической державой, и облегчало развитие внешней торговли. Это соглашение было примером практического претворения в жизнь принципа мирного сосуществования и сотрудничества между Советской Россией и капиталистической страной. Советское правительство придавало большое значение заключению договора с Англией, «...нам важно,— говорил В. И. Ленин,— пробивать одно за другим окошко. Договор с Англией был договором социалистической республики с буржуазным государством... Последствия показали, что благодаря этому

⁷⁴ Ibid.

⁷⁵ Ibid., p. 98.

⁷⁶ Ibid., p. 102.

⁷⁷ Документы внешней политики СССР, т. 3, с. 607—614

127

договору мы пробили некоторое окошко»⁷⁸. Соглашение было выгодным и для Англии, поскольку английская промышленность получала новые рынки сбыта, что в условиях переживавшихся ею затруднений, а затем жестокого экономического кризиса 1921 г. имело немаловажное значение.

Определенная роль в установлении экономических связей с иностранными государствами и в развитии народного хозяйства Советской России отводилась иностранным концессиям. 23 ноября 1920 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР принял декрет о концессиях. Отмечая важное значение концессии, В. И. Ленин писал: «На разумных условиях предоставленные концессии желательны и для нас, как одно из средств привлечения к России технической помощи более передовых в этом отношении стран, в течение того периода, когда будут существовать рядом социалистические и капиталистические государства»⁷⁹. Практически существенного экономического эффекта для народного хозяйства страны концессии не дали. Но сама идея предоставления концессий свидетельствовала о том, что Страна Советов действительно стремилась к миру и деловому сотрудничеству с капиталистическими странами.

Осенью 1920 г. в Москву приехал американский миллионер Вандерлип, чтобы вести переговоры о концессии на Камчатке. Эти переговоры получили значительный политический резонанс. Привлечение американского капитала в целях экономического развития отдаленного края, на который претендовали японские интервенты, означало противопоставление американского империализма японскому. В Японии капиталистические круги выступили против американской концессии. В результате, как отмечал В. И. Ленин, мы «получили несомненное ослабление натиска Японии и Америки против нас»⁸⁰.

В исключительно тяжелых условиях борьбы с вооруженной иностранной интервенцией и гражданской войны В. И. Ленину принадлежит особая заслуга в деле прорыва внешнеполитической изоляции, в которой находилась тогда Советская Россия. Как пишет Г. В. Чичерин в своих воспоминаниях, Ленин «в течение всего периода интервенции настаивал на наших обращениях к противникам с мирными предложениями. Он нисколько не опасался вызвать этим впечатление слабости»⁸¹. В это время Ленин активно участвовал в подготовке

всех важнейших дипломатических акций Наркоминдела, принимал иностранных корреспондентов, представителей деловых кругов, дипломатов, писателей и др.

В. И. Ленин, обладавший политическим реализмом и несравнимым дипломатическим мастерством, помог советской дипломатии разоблачить коварные антисоветские замыслы дипломатии

⁷⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 187—188.

⁷⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 197.

⁸⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 99.

⁸¹ Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1957, т. 2, с. 170.

128

империализма. Как вспоминает Г. В. Чичерин, В. И. Ленин в «ежедневных телефонных разговорах давал мне точнейшие советы, проявляя изумительную гибкость, умение уклоняться от ударов противника. Опять-таки благодаря его личному вмешательству удавалось округлять возникавшие острые углы»⁸². Чичерин неоднократно подчеркивал превосходство ленинской дипломатии над буржуазной дипломатией и ее хитросплетениями. В частности, он писал: «Когда дипломатия иностранных государств со свойственным ей мастерством, выработанным столетиями, маскировала действительное положение дел и свои действительные стремления под громаднейшим ворохом хороших слов, чувств или приятных утверждений, Владимир Ильич немногими словами превращал все это в кучу мусора, ставя перед глазами своего собеседника голые реальные факты живой действительности. Это именно делало его таким неподражаемым мастером ведения политики и таким страшным противником наилучших мастеров иностранной дипломатии»⁸³.

*

В конце 1920 г. в истории Страны Советов закончился важный период: вооруженная борьба прекратилась, натиск интервентов и сил внутренней контрреволюции был отбит. К этому времени весь мир убедился в том, что Советская Россия умеет постоять за себя и с ней невозможно не считаться. Советская страна в борьбе против интервентов завоевала себе мир на длительный срок. Чтобы добиться мира, надо было разбить врага на полях сражения.

Рожденное Октябрьской революцией социалистическое государство успешно выдержало все тяжелые испытания; своей победой над многочисленными врагами государство диктатуры пролетариата доказало несокрушимую силу нового общественного строя.

Империализм не хотел допустить существования рядом с собой нового, социалистического строя и попытался уничтожить его силой. Советский народ сокрушил внутреннюю контрреволюцию и иностранную интервенцию и завоевал себе мир, вырвав его у империалистов. С 1921 г. началась полоса мирного развития Советской республики, мирной созидательной работы по развитию производительных сил страны и построению социалистического общества. Было положено начало установлению официальных дипломатических и торговых отношений между Советским государством и капиталистическими странами. Эта полоса мирного сосуществования с капиталистической системой продолжалась около двадцати лет — до нападения фашистской Германии в 1941 г.

⁸² Чичерин Г. В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961, с. 279.

⁸³ Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1970, т. 4, с. 406.

V ГЛАВА

УСТАНОВЛЕНИЕ НОВЫХ ОТНОШЕНИЙ СО СТРАНАМИ ВОСТОКА

С первых дней своей деятельности Советское правительство под руководством В. И. Ленина неоднократно заявляло о готовности Советской России установить новые действительно равноправные отношения с зависимыми странами, в особенности с нашими соседями на Востоке. Оно заявило о «полном разрыве с варварской политикой буржуазной цивилизации, строившей благосостояние эксплуататоров в немногих избранных нациях на порабощении сотен миллионов трудящегося населения в Азии, в колониях вообще и в малых странах»¹.

Советское государство не только аннулировало все неравноправные договоры и соглашения, которые имела царская Россия с этими странами, но и оказывало помощь народам Востока в их борьбе за политическую и экономическую независимость. Эта ленинская политика нашла свое предельно ясное изложение в ноте Советского правительства, направленной правительству Ирана: «Вся восточная политика России,— говорилось в ней,— останется диаметрально противоположной восточной политике империалистических держав, стремясь к самостоятельному экономическому и политическому развитию восточных народов и оказывая им в этом всяческую поддержку. Народ и Советское правительство России усматривают свою роль и свое призвание в том, чтобы быть естественными и бескорыстными друзьями и союзниками народов, борющихся за свою полную самостоятельную экономическую и политическую свободу»².

В своих отношениях с угнетенными народами Востока Советское государство руководствовалось ленинским принципом самоопределения наций. Осуществление этого принципа Коммунистическая партия и Советское правительство начали у себя дома сразу же после победы Великого Октября. Этот же принцип был провозглашен Советским государством и на международной арене.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 222.

² Документы внешней политики СССР. М., 1961, т. 5, с. 80—81.

СОВЕТСКО-ИРАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ДОГОВОР 1921 г.

В 1918 г. английские войска оккупировали Иран. Широко применяя силу, угрозы и подкуп³, оккупанты свергали неугодные правительства или сменяли отдельных министров и создавали покорные им кабинеты.

Проанглийское правительство Ирана прервало начавшиеся было в Петрограде переговоры между НКВД и иранским послом. Тем не менее Советское правительство не оставило своих попыток вступить в непосредственные отношения с Ираном. В июле 1918 г. в Тегеран была отправлена дипломатическая миссия во главе с И. О. Коломийцевым. Иранское правительство отказалось ее признать, несмотря на то что само Советское правительство оно признало еще в декабре 1917 г. Иранское правительство продолжало сноситься с прежним, царским посланником, хотя Советское правительство давно отстранило его от должности. В печати началась травля советских представителей. В ночь на 3 ноября советская миссия подверглась нападению белогвардейцев, среди которых были и английские офицеры. Иранское правительство не приняло никаких мер. Здание миссии было разграблено, а ее сотрудники арестованы и переданы английским властям, которые отправили арестованных в Индию. Удалось спастись только Коломийцеву. Насилиям подверглись и советские представители в Мешхеде — консул Е. А. Бабушкин, торговый представитель И. А. Калашников и секретарь консульства Афанасьев⁴.

Английские империалисты не только подавили национально-освободительное движение в этой стране, но и превратили ее в базу для действий против Советской

России. Летом 1918 г. из Ирана началось наступление английского генерала Денстервиля на Баку и генерала Моллесона в Туркмению. С территории Ирана англичане планировали осуществить захват Закавказья, и прежде всего Баку. Из Ирана же они снабжали по Каспийскому морю через Гурьев армии Колчака, содействовали организации связи между Колчаком и Деникиным.

Уже первые победы Красной Армии над Колчаком осложнили положение интервентов в Средней Азии. В декабре 1918 г. части Красной Армии прорвали кольцо контрреволюционных сил, окружавшее Туркестан, и 22 января 1919 г. соединились с войсками Советской Туркестанской Республики. Началось изгнание английских интервентов.

Освободительный поход Красной Армии всколыхнул угнетенные народы Востока. Победы Советской России убедили их в том,

³ Помимо военной интервенции, как признает английский автор, британское правительство прибегло к широкой системе субсидирования и подкупов (*Balfour J. M. Recent Happenings in Persia. London, 1932, p. 157*).

⁴ См.: *Тузмухамедов Р. А. Советско-иранские отношения (1917—1921). М., 1960, с. 35*. И. Коломийцеву только летом 1919 г. удалось вернуться в Москву. Остальные же сотрудники миссии были расстреляны или погибли в английских тюрьмах в Индии.

131

что империалистические армии можно разбить. Чем дальше продвигалась Красная Армия к южным границам Советской страны, тем сильнее развертывалось в Иране движение против империалистического гнета.

26 июня 1919 г. Советское правительство направило обращение к правительству и народу Ирана. Напомнив о своей ноте от 14 (27) января 1918 г., где были изложены принципы политики Советской России по отношению к Ирану, Советское правительство изъявляло готовность аннулировать все платежи Ирана по долговым обязательствам перед царским правительством, отказаться от всякого контроля над государственными доходами Ирана — таможенными, телеграфными, почтовыми и т. п., — который осуществляли царское и английское правительства на основе взаимного сговора. Советское правительство объявляло Каспийское море свободным для плавания иранских кораблей, а также заявляло о прекращении действия всех русских концессионных прав, как государственных, так и частных. Оно заявило о безвозмездной передаче в собственность иранского народа русского Учетно-ссудного банка Ирана со всеми принадлежавшими ему ценностями. В собственность иранского народа передавались также безвозмездно все железные и шоссейные дороги, построенные царской Россией в Иране, портовые сооружения в Энзели, все принадлежавшие России почтовые и телеграфные линии. Вознаграждение от иранского правительства должны были получить только рабочие и служащие вышеперечисленных учреждений. Объявлялись отмененными все привилегии для русских граждан. Советская Россия отказывалась от вмешательства в организацию иранских вооруженных сил и т. д. Это был полный разрыв с политикой империализма и колониализма, которой противопоставлялась совершенно новая политика социалистического государства, основанная на принципах интернационализма и самоопределения наций, признания равноправия всех народов. В обращении указывалось, что «настоящий шаг Российского Советского Правительства открывает новую эру в истории взаимоотношений России и Персии»⁵.

Политика Советского государства в отношении зависимых и угнетенных народов была вызовом колониальным державам и их грабительской политике. Английские оккупационные власти и действовавшее по их указке иранское правительство скрыли обращение Советского правительства от иранского народа.

Летом 1919 г. Советское правительство вновь направило в Иран дипломатическую миссию во главе с И. О. Коломийцевым. Однако по прибытии в

Иран миссия была немедленно арестована по наущению англичан. Коломийцев был подло убит белогвардейцами при участии иранского военнослужащего и при подстрекательстве английских властей. Английские колонизаторы торопились расправиться с советской миссией, так как в это время они

⁵ Документы внешней политики СССР. М., 1958, т. 2, с. 200,

132

завершали тайные переговоры с иранским правительством о заключении нового кабального договора.

9 августа 1919 г. англо-иранский договор был подписан. По этому договору Великобритания получила право назначать своих советников в государственный аппарат Ирана и английских офицеров в иранскую армию. Предоставление английского займа под залог доходов от иранских таможен, согласие иранского правительства на пересмотр таможенного тарифа в интересах Англии, равно как и другие кабальные условия англо-иранского договора,— все это свидетельствовало о том, что Иран фактически превращался в английский протекторат.

Советская Россия выступила 28 августа 1919 г. с новым обращением, которое было адресовано рабочим и крестьянам Ирана. В этом документе Советское правительство заявило, что не признает англо-иранского договора, осуществляющего порабощение иранского народа. «Персия вычеркнута из числа независимых стран,— гневно говорилось в обращении,— персидский народ исключен из числа свободных народов, его собственные деспоты и угнетатели получают деньги от Англии и окончательно превращаются в ее слуг, состоящих у нее на жалованьи...»⁶ Категорически осудив это позорное соглашение, Советское правительство вновь предложило заключить с Ираном равноправный договор.

Триумф английского империализма оказался недолговременным. В России интервенты терпели поражение за поражением. Они были изгнаны из Закавказья и Средней Азии. В освобожденном Баку 28 апреля 1920 г. была провозглашена Азербайджанская Советская Республика. Части победоносной Красной Армии подошли к границам Ирана. В мае 1920 г. интервенты увели свои войска, флот, созданный ими на Каспии, и остатки белогвардейцев в иранский порт Энзели. Там они планировали создать базу для организации новой вооруженной интервенции против Советской России.

Советское правительство, конечно, не могло этого допустить. 18 мая 1920 г. советский десант высадился в порту Энзели и на побережье. Советские войска заставили капитулировать англичан, вернуть похищенное ими имущество и эвакуироваться из Энзели. Военный престиж Британской империи катастрофически падал. «Прочь из Ирана!» — требовал иранский народ от английских оккупантов.

20 мая 1920 г. иранское правительство под давлением народного движения направило ноту Советскому правительству, в которой сообщало, что согласно выслать в Баку и Москву делегации для ведения переговоров с советскими властями. Советское правительство незамедлительно ответило, что готово начать переговоры. При этом оно заявило, что и в новых условиях оно повторяет свои прежние предложения⁷.

⁶ Там же, с. 240.

⁷ Там же, с. 537.

133

Однако английские оккупанты снова постарались не допустить развития переговоров между Советской Россией и Ираном. Под их давлением иранское правительство не послало обещанных им делегаций ни в Баку, ни в Москву. По явному наущению представителей Англии оно заявило 4 июня 1920 г. протест против высадки советского десанта в Энзели, хотя знало о приказе Советского

главного командования от 26 мая 1920 г., предписывавшем советским войскам эвакуировать Энзели⁸, что и было фактически вскоре сделано. Тем не менее, опять-таки под давлением английских оккупантов, иранское правительство направило в июне 1920 г. жалобу в Совет Лиги наций, хотя к этому времени советских войск в Иране уже не было. Необоснованность этой жалобы была настолько очевидна, что даже Совет Лиги наций, который никогда не питал никаких дружеских чувств к Советской стране, и тот не нашел правонарушений в действиях советских войск и ограничился предложением Ирану разрешить спорные вопросы путем непосредственных переговоров с Российской республикой⁹.

Английские представители организовывали свержение одного иранского правительства за другим, дважды предъявляли Ирану ультиматумы с требованием ратифицировать англо-иранский договор.

Но народное движение против оккупантов и за установление отношений с Советской страной оказалось сильнее английских интриг. Иранское правительство, наконец, должно было вступить в переговоры с РСФСР. В ноябре 1920 г. в Москву прибыл для переговоров о заключении договора чрезвычайный посол Ирана Мошавер оль-Мемалек.

Вскоре в Тегеране произошел государственный переворот. В нем большую роль сыграл Реза-хан, впоследствии ставший шахом, а в то время командовавший полком казачьей бригады, когда-то организованной по просьбе шаха русским правительством. В результате этого переворота 21 февраля 1921 г. к власти в Иране пришло правительство Сеид Зия эд-Дина, являвшегося английским агентом. Но и он не смог помешать заключению советско-иранского договора, текст которого уже был согласован. 26 февраля советско-иранский договор был подписан в Москве. В тот же день правительство Ирана заявило, что отказывается внести договор с Англией на рассмотрение меджлиса. Впоследствии меджлис одобрил это решение правительства. Политика английского империализма потерпела поражение.

В советско-иранском договоре были закреплены независимость и суверенитет Ирана. В соответствии со своими нотами от 14 (27) января 1918 г. и 26 июня 1919 г. Советское правительство заявило о полном отказе от внешней политики царизма, под-

⁸ Документы внешней политики СССР, т. 2, с. 559.

⁹ Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1929, ч. 3, вып. 2, с. 26—27.

твердило, что все трактаты, договоры, конвенции и соглашения, заключенные царским правительством с Ираном и приводившие к умалению прав иранского народа, объявлены отмененными и потерявшими силу. Вместе с тем оно безоговорочно осудило преступную политику всех империалистических государств по отношению к народам Востока и отказалось от участия в каких бы то ни было мероприятиях, нарушающих суверенитет Ирана. Договор отменял все соглашения, заключенные царской Россией с третьими державами во вред Ирану, устанавливал между Россией и Ираном нормальные дипломатические отношения. Стороны согласились признать и соблюдать границу, установленную русско-персидским соглашением 1881 г. Было оговорено право обоих государств совместно использовать пограничные реки.

Договор также содержал постановления по всем экономическим предложениям, сделанным Советским правительством в ноте от 26 июня 1919 г. В договоре было записано, что «Российское Советское правительство в соответствии с провозглашенным им отрицанием колониальной политики

капитализма, служившей и служащей причиной неисчислимых бедствий и кровопролитий», передает в полное владение иранского народа денежные суммы Учетно-ссудного банка Ирана и все его движимое и недвижимое имущество. Желая предоставить иранскому народу свободно распоряжаться средствами сообщения, а также в виде компенсации за ущерб, причиненный царскими войсками, Советское правительство передало в полную собственность иранскому народу построенные русскими в Иране шоссейные и железные дороги, пристани, склады, пароходы на Урмийском озере, телеграфные и телефонные линии, порт Энзели с товарными складами, электростанцией и другими постройками, отказалось от всех концессий, полученных от правительства Ирана царским правительством и русскими подданными. Стоимость имущества, перешедшего в руки иранского народа, исчислялась почти в 600 млн. руб. золотом.

Статья 13 договора обязывала иранское правительство не передавать возвращенные Ирану «концессии и имущество во владение, распоряжение или пользование никакому третьему государству и его гражданам, сохраняя все указанные права за собой на благо персидского народа».

Договор уничтожал консульскую юрисдикцию в Иране, оговаривал возможность использования Советской Россией рыбных богатств южного побережья Каспия, восстанавливал торговые связи, дипломатические и консульские отношения.

В советско-иранский договор были включены статьи, которые охраняли самостоятельность и независимость Ирана, а также обеспечивали безопасность Советской страны. Каждая из договаривающихся сторон обязывалась воздерживаться от вмешательства во внутренние дела другой стороны.

Согласно статье 5 (пункт 1), обе стороны обязывались «не допускать на своей территории образования или пребывания орга-

низаций или групп, как бы они ни именовались, или отдельных лиц, ставящих своей целью борьбу против Персии и России, а также против союзных с последней государств, а равным образом не допускать на своей территории вербовку или мобилизацию личного состава в ряды армии или вооруженных сил таковых организаций».

В пункте 3 говорилось об обязательстве Ирана и России «не допускать всеми доступными им способами пребывания на их территории войск или вооруженных сил какого-либо третьего государства, пребывание которых создавало бы угрозу границам, интересам или безопасности другой Высокой Договаривающейся Стороны».

Из этого текста явствует, что речь шла не только о русской контрреволюции, но и об империалистических государствах, которые подобно тому, как это сделала Англия в 1918—1920 гг., вновь решились бы на превращение Ирана в плацдарм для действий, враждебных Советской стране. Поскольку договор подписывался в момент, когда в Иране находилась английская оккупационная армия, в данной статье имелись в виду в первую очередь английские империалисты.

В статье 6 предусматривалось: «В случае, если со стороны третьих стран будут иметь место попытки путем вооруженного вмешательства осуществлять на территории Персии захватную политику или превращать территорию Персии в базу для военных выступлений против России, если при этом будет угрожать опасность границам Российской Социалистической Федеративной Советской Республики или союзных ей держав и если Персидское Правительство после предупреждения со стороны Российского Советского Правительства само не окажется в силе отвести эту опасность, Российское Советское Правительство

будет иметь право ввести свои войска на территорию Персии, чтобы, в интересах самообороны, принять необходимые военные меры».

Статья 6 вовсе не составляла односторонней гарантии безопасности советских границ. Она предусматривала также обеспечение целостности и безопасности Ирана, ибо накладывала обязательство на Советскую Россию не допускать «захватной политики» третьих держав «на территории Персии», т. е. говорила о взаимной обязанности договаривающихся сторон бороться против агрессоров за обеспечение безопасности.

Советско-иранский договор 1921 г. имел величайшее значение для взаимоотношений двух соседних стран. Веками угнетавшийся иранский народ впервые вздохнул свободно. Он безвозмездно получил от Советского правительства огромное имущество и ценности. Добровольный отказ Советского правительства от всех привилегий и концессий, которыми располагала Россия в Иране,— это был акт, ранее неслыханный в практике отношений между великой державой и малым государством.

Но значение договора выходит далеко за пределы отношений двух стран. Он стал базой для укрепления позиций Ирана в его

136

отношениях с другими государствами. Вместе с тем этот договор явился важным фактором мира и безопасности на всем Среднем Востоке.

Советско-иранский договор 1921 г. был серьезным ударом по империализму с его колониальной системой. Народы, изнывавшие под гнетом империалистических договоров, сравнивая их с договором, подписанным между Советской Россией и Ираном, без труда могли убедиться, что двум противоположным общественным системам соответствуют и две противоположные внешние политики. Договор 1921 г. конкретно показал всем зависимым и угнетенным народам основные принципы международных отношений, которые несет с собой новое, социалистическое общество.

Опираясь на поддержку Советского государства, Иран добился вывода со своей территории английских войск. Он смог аннулировать в 1921 г. кабальный англо-иранский договор 1919 г.

СОВЕТСКО-АФГАНСКИЙ ДОГОВОР

Если не считать Германии и других участников Брестского договора, то Афганистан был первым государством, с которым Советская Россия установила дипломатические отношения.

Над Афганистаном, так же как над Ираном, тяготел гнет английского империализма. Однако народ Афганистана не мирился с засильем империалистов. Победа Октябрьской революции в России содействовала подъему национально-освободительного движения. Особенно сильное влияние на это движение оказало установление Советской власти в Туркестанском крае.

В 1919 г. Афганистан добился независимости. Сразу же афганское правительство попыталось установить связь с Советской Россией через Ташкент. 7 апреля 1919 г. только что вступивший на престол эмир Афганистана Амануллахан направил Председателю ВЦИК М. И. Калинину послание, в котором выражал желание установить с Советской Россией дружественные отношения. «Так как Вы,— писал эмир,—... вместе с другими своими товарищами — друзьями человечества взяли на себя почетную и благородную задачу заботиться о мире и благе людей и провозгласили принцип свободы и равноправия стран и народов всего мира, то я счастлив впервые от имени стремящегося к прогрессу афганского народа направить Вам свое настоящее дружественное послание независимого и

свободного Афганистана»¹⁰.

В сопроводительном письме афганского министра иностранных дел Махмуда Тарзи говорилось, что, направляя свое послание, Аманулла-хан имеет целью положить начало дружбе и установить дружественные отношения между Россией и Афганистаном.

Это послание было доставлено Советскому правительству 21 мая 1919 г. Вслед за официальной просьбой об установлении

¹⁰ Документы внешней политики СССР, т. 2, с. 175

137

дипломатических отношений в Ташкент прибыла чрезвычайная афганская миссия во главе с Мухаммедом Вали-ханом.

27 мая В. И. Ленин и М. И. Калинин направили королю Афганистана ответное послание. В нем Советское правительство признавало независимость Афганистана. «Установлением постоянных дипломатических сношений между двумя великими народами,— отмечалось в послании,— откроется широкая возможность взаимной помощи против всякого посягательства со стороны иностранных хищников на чужую свободу и чужое достояние»¹¹. Летом 1919 г. в Афганистан прибыл назначенный чрезвычайным и полномочным представителем РСФСР в странах Центральной Азии Я. З. Суриц.

Установление отношений между двумя государствами дало афганскому правительству возможность наладить через Россию контакты с другими европейскими странами.

Миссия Вали-хана вынуждена была задержаться в Ташкенте, поскольку Туркестан был тогда отрезан от центра колчаковскими войсками. Она прибыла в Москву лишь 10 октября 1919 г. 12 октября миссия была принята Коллегией НКВД, а 14 октября — В. И. Лениным. В. И. Ленин приветствовал в лице посла «представителя дружественного нам афганского народа, который страдает и борется против империалистического ига»¹².

Между афганским посольством и советскими властями начались длительные переговоры о заключении договора. Их продолжительность объяснялась не столько дальностью расстояния и трудностью сообщения между обеими странами, сколько вмешательством Англии. Потеряв господство в Афганистане, английский империализм упорно пытался вернуть свои старые позиции. Английские агенты вели в Афганистане пропаганду против Советской России. Они распространяли нелепые вымыслы о походе Советской власти против ислама, внушали недоверие к Советской стране. Англия использовала реакционные группировки в Кабуле, играя на их панисламистских настроениях. Под влиянием английских интриг реакционные круги Афганистана предоставляли помощь бухарскому эмиру, который вел тогда борьбу против Советского государства. Они снабжали эмира оружием и даже оказывали ему прямую военную поддержку в борьбе против восставшего народа. После победы народной власти в Бухаре там были найдены документы, подтверждающие вмешательство афганцев во внутренние дела Бухары. Советское правительство вынуждено было заявить протест в Кабуле против действий афганских представителей в Бухаре, противоречащих заявлениям о дружбе и мешающих завершению переговоров. В ответ афганское правительство признало виновником недоразумения своего посла

в

¹¹ Документы внешней политики СССР, т. 2, с. 174.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 227.

138

Бухаре, заявило о его смещении и признало договор между Советской Россией и Бухарской Народной Республикой¹³.

13 сентября 1920 г. в Кабуле был парафирован предварительный договор о

дружбе между Россией и Афганистаном. В связи с этим в своем письме к Г. В. Чичерину афганский министр иностранных дел писал: «Прошу верить, что важнейшей причиной, побудившей мое Правительство заключить дружественный Договор с Правительством Российской Советской Республики, была общая политика ниспровержения империалистического деспотизма во всем мире и особенно политика освобождения всех народов Востока без различия национальностей и вероисповедания от владычества и тирании мировых хищников, на каковую политику Правительство Вашего Превосходительства обратило серьезное внимание»¹⁴.

Английское правительство предприняло новые шаги, чтобы сорвать подписание договора. Министр иностранных дел Керзон дважды, 1 и 9 октября 1920 г., обращался к Советскому правительству с нотами, в которых обвинял его в антибританской деятельности в Афганистане. Керзон выдвинул фантастическое обвинение, будто Советское правительство «в течение многих месяцев держит ряд посланников в Афганистане, которые заняты попыткой заключить с эмиром Афганистана договор, целью которого явно является возбуждение восстания среди туземных племен на границе Индии».

В январе 1921 г. английский чрезвычайный уполномоченный в Кабуле Г. Доббс предложил заключить англо-афганское соглашение, основное требование которого сводилось к аннулированию советско-афганского договора. Англичане готовы были разрешить Афганистану с Советской Россией только торговые отношения. Однако афганское правительство проявило твердость. Вопреки противодействию Англии 28 февраля 1921 г. советско-афганский договор был подписан в Москве.

Стороны обоюдно признавали независимость друг друга и обязывались уважать ее. «Высокие договаривающиеся стороны,— говорилось в договоре,— соглашаются на свободу наций Востока на основе самостоятельности и в согласии с общим желанием каждого из его народов»¹³. Участники договора обязались (ст. 2) не вступать с третьей державой в военное или политическое соглашение, которое причинило бы ущерб одной из договаривающихся сторон. Россия предоставляла Афганистану право на свободный и беспошлинный транзит через ее территорию товаров, закупленных как в России, так и за границей. Советская страна согласилась также оказать Афганистану денежную и другую материальную помощь. В частности, Советское правительство обязалось предоставить Афганистану самолеты и создать авиационную школу, передать 5000 винтовок с необходимым запасом патронов,

¹³ Документы внешней политики СССР. М., 1959, т. 3, с. 199—200, 449.

¹⁴ Там же, с. 560.

¹⁵ Там же, с. 552.

построить завод по изготовлению бездымного пороха, поставить оборудование для телеграфной линии Кушка — Герат — Кандагар — Кабул, командировать в Афганистан технических и других специалистов, а также предоставить безвозмездную ссуду в размере 1 млн. руб. золотом.

Советско-афганский договор был первым равноправным договором, заключенным Афганистаном с великой державой. В. И. Ленин высоко оценил его значение не только для обоих участников, но и для всех стран Востока. В ответ на поздравление и выражение радости со стороны короля Афганистана по поводу договора, а также высказанную им уверенность, что основы искренних отношений между обеими странами в будущем еще более укрепятся, В. И. Ленин писал в 1921 г.: «Российское Советское правительство и Высокое Афганское государство имеют общие интересы на Востоке, оба государства ценят свою

независимость и хотят видеть независимыми и свободными друг друга и все народы Востока. Оба государства сближают не только вышеуказанные обстоятельства, но и в особенности то, что между Афганистаном и Россией нет вопросов, которые могли бы вызвать разногласия и набросить хотя бы тень на русско-афганскую дружбу». Подчеркнув, что старая империалистическая Россия исчезла навсегда, а северным соседом Афганистана стала Советская Россия, протянувшая руку дружбы и братства всем народам Востока и прежде всего афганскому, В. И. Ленин особо отметил: «Высокое Афганское государство было одним из первых государств, представителей которого мы с радостью встретили в Москве, и мы счастливы отметить, что первый договор о дружбе, который заключил афганский народ, был договор с Россией»¹⁶.

В соответствии с заключенным договором Советское правительство оказало дружественному Афганистану значительную помощь. Были приняты меры к расширению торговли и обеспечению транзита товаров, закупленных Афганистаном в Западной Европе. Силами советских специалистов и рабочих в Кабуле была построена радиостанция. 18 сентября 1920 г. она начала свою работу передачей следующей телеграммы короля Афганистана: «Первой радиogramмой, посылаемой по радиостанции полученной в дар и представляющей для меня большую ценность, выражаю, наш высокоуважаемый товарищ Ленин, свою признательность»¹⁷.

12 марта 1921 г. Советское правительство произвело первую выплату в счет помощи в размере 120 тыс. руб. золотом. Следующая выплата в сумме 500 тыс. золотых рублей состоялась в августе 1921 г., т. е. после ратификации договора афганским правительством.

7 ноября 1921 г. в Кабул прибыли из Советской России 25 специалистов. До конца 1923 г. Советское правительство пол-

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 318.

¹⁷ Документы внешней политики СССР, т. 3, с. 140.

140

ностью выполнило и другие свои обязательства по оказанию помощи Афганистану, взятые при заключении договора. Советская помощь сыграла существенную роль в защите Афганистаном своей независимости.

Развивая дружественные отношения с Афганистаном и другими странами Востока на основе равноправия, Советская Россия не допускала ни малейшего вмешательства в их внутренние дела. Об этом достаточно ясно говорилось в инструкции наркома по иностранным делам Г. В. Чичерина советскому полпреду в Кабуле от 3 июня 1921 г., в которой подчеркивалось: «Вы должны всячески избегать роковой ошибки искусственных попыток насаждения коммунизма в стране. Мы говорили афганскому правительству: у нас один строй, у вас другой... Мы не вмешиваемся в ваши внутренние дела, мы не вторгаемся в самостоятельность вашего народа... Мы ни на минуту не думаем навязывать вашему народу такой программы, которая ему чужда в нынешней стадии его развития»¹⁸.

Это запрещение вмешательства во внутренние дела распространялось на всех представителей Советского государства во всех зарубежных странах. Позже, когда началась «полоса признания», Наркоминдел счел необходимым сформулировать руководящие указания советским полпредам в особом документе, который и был принят Президиумом ЦИК СССР 21 ноября 1924 г. в качестве Постановления о руководящих указаниях полпредам: «Незачем говорить,— гласило это постановление,— что посольства назначаются как с одной, так и с другой стороны для целей, исключающих пропаганду в стране, где они аккредитованы. Советские посольства соблюдают и будут соблюдать этот

принцип с безусловной строгостью».

СОВЕТСКО-ТУРЕЦКИЙ ДОГОВОР

Провозглашенные Советским государством новые принципы внешней и национальной политики нашли яркое выражение также и в политике Советского правительства в отношении Турции.

В первые месяцы после Октябрьской революции Турция воевала против России на стороне Германии. Вместе с Германией она была участницей Брестского договора. В нарушение Брестского договора правящие круги Турции развязали интервенцию на Кавказе.

Но Турция не выдержала испытаний войны и разделила судьбу других побежденных держав Четверного союза. 30 октября 1918 г. Антанта заставила Турцию подписать перемирие в Мудросе (на Эгейском море). Победители оккупировали порты на побережье проливов Дарданеллы и Босфор, заставили открыть проливы для их военных кораблей, оккупировали Стамбул (Кон-

¹⁸ Документы внешней политики СССР. М. 1960, т. 4, с. 167.

141

стантинополь), потребовали полной демобилизации армии, установили контроль над всеми железными дорогами, почтой и телеграфом. Мудросское перемирие фактически было началом раздела Турции. На Парижской мирной конференции президент США Вильсон выдвинул притязание на ряд турецких территорий. Обсуждался даже вопрос о предоставлении США мандата на Стамбул и район проливов. Таким образом, Турции угрожала полная потеря национальной независимости.

Под влиянием военного поражения и идей Октябрьской революции в Турции развернулось национально-освободительное движение против внутренней реакции и империализма Антанты, которое возглавлял Мустафа Кемаль-паша. На помощь турецкому народу в его тяжелой борьбе пришла Советская Россия.

13 сентября 1919 г. народный комиссар по иностранным делам РСФСР обратился к рабочим и крестьянам Турции с воззванием. «Товарищи рабочие и крестьяне Турции! — говорилось в этом документе.— Ваши братья, русские рабочие и крестьяне, переиспытывав всю гнусность этих внутренних хищников-кровапийц, продававших Россию внешним хищникам — европейским разбойникам, решили взять бразды правления в свои руки.

И вот, в продолжение почти двух лет они борются за свою власть, за власть трудящихся.

И близок тот час, когда в Советской России будет достигнуто торжество труда над капиталом и враги труда прекратят на нее свои нападения.

Но этого недостаточно. Необходимо объединение трудящихся всего мира против мировых поработителей.

А потому рабоче-крестьянское правительство Советской России надеется, что вы, рабочие и крестьяне Турции, переиспытывав все в такой решительный, ответственный момент, протянете братскую руку для того, чтобы совместной сплоченной силой отогнать европейских хищников и уничтожить, обессилить внутри страны тех, которые привыкли на вашем несчастье строить свое счастье»¹⁹.

В апреле 1920 г. в Турции было создано революционное правительство во главе с Мустафой Кемалем Ататюрком²⁰. Его резиденцией стала Анкара. Революционная Турция тотчас же столкнулась с лютой враждой империалистических держав Антанты, особенно Англии. Уже 26 апреля Кемаль-паша обратился к Советской России с предложением установить

дипломатические отношения и заключить военный союз между обеими странами. В его письме содержалась также просьба оказать помощь борющейся Турции.

3 июня 1920 г. народный комиссар по иностранным делам сообщил Кемаль-паше, что Советское правительство с удовлетворением ознакомилось с основными принципами внешней политики

¹⁹ Известия, 1919, 13 сент.

²⁰ Ататюрком (т. е. «отцом турок») Кемаль-паша был назван впоследствии в знак больших заслуг перед Турцией.

142

нового турецкого правительства. «Советское правительство,— говорилось далее в письме наркома,— принимает к сведению решимость Великого Национального собрания сообразовывать Вашу работу и ваши военные операции против империалистических правительств с возвышенным идеалом освобождения угнетенных народов»²¹.

Советское правительство выразило согласие немедленно установить с Турцией дипломатические и консульские отношения и приступить к переговорам. Оно изъявило готовность выступить посредником в переговорах между Турцией, Арменией, где у власти находилась буржуазная, контрреволюционная партия дашнаков, и Ираном.

«Советское правительство,— отмечалось в заключении,— с живейшим интересом следит за героической борьбой, которую ведет турецкий народ за свою независимость и суверенитет, и в эти дни, тяжелые для Турции, оно счастливо заложить прочный фундамент дружбы, которая должна объединить турецкий и русский народы»²².

4 июля 1920 г. министр иностранных дел революционной Турции Бекир Сами-бей сообщил, что содержание письма принято турецким правительством «с живейшим удовольствием и удовлетворением». Турецкое национальное правительство одобрительно отнеслось и к предложению Советского правительства о посредничестве.

«Турецкое Великое Национальное Собрание уверено,— подчеркивал Бекир Сами-бей,— что в этой неравной борьбе, предпринятой им и от исхода которой зависит его собственное существование, равно как и общее дело всего страдающего человечества, оно найдет всемерную поддержку со стороны великой Российской Советской Республики, открыто объявившей себя освободительницей угнетенных и непримиримым врагом капиталистов и империалистов»²³.

2 июля НКВД направил Мустафе Кемалю письмо, в котором извещал его о посылке в Турцию представителя Советского правительства. В свою очередь турецкая делегация во главе с Бекир Сами-беем прибыла в Москву. Здесь был разработан проект русско-турецкого договора. Бекир Сами-бей вернулся в Турцию осенью 1920 г., взяв с собой подготовленный проект.

Между тем султанское правительство, еще продолжавшее под прикрытием англо-французских штыков сидеть в Константинополе, подписало с Антантой 20 августа 1920 г. кабальный Севрский мирный договор, по которому Турция лишалась значительной части своей территории. Правительство революционной Турции отказалось признать этот грабительский договор и выступило против предательского правительства султана.

²¹ Документы внешней политики СССР, т. 2, с. 555.

²² Там же.

²³ Там же, с. 556.

143

Англия и Франция всячески старались путем угроз и обещаний удержать правительство революционной Турции от переговоров с Советской Россией. Они использовали при этом реакционные элементы турецкой буржуазии, выступавшие

против установления тесных отношений с Советской Россией, за соглашение с империалистическими державами. Эти элементы мечтали о территориальных захватах в Закавказье. Под давлением реакционных сил кемалистское правительство отвергло принятое им раньше посредничество Советского правительства в переговорах с дашнакской Арменией. Оно двинуло свои войска против Армении и обратило в бегство слабую армию дашнакского правительства. Слепленное классовою ненавистью к Советской стране, последнее 2 декабря 1920 г. пошло на подписание с Турцией кабального Александропольского договора, превращавшего почти всю территорию Армении, за исключением района Еревана и озера Гокча (Севан), фактически в турецкий протекторат. Правительство РСФСР отказалось признать Александропольский договор — к моменту его подписания дашнакская делегация уже не представляла правительства Армении. Установление Советской власти в Армении 29 ноября 1920 г. сорвало преступный заговор против армянского народа.

Авантюра реакционных кругов Турции, отвлекшая значительные военные силы для агрессии против Армении, ослабила Турцию в ее борьбе с империалистами. Положение революционной Турции резко ухудшилось в связи с начавшимся наступлением греческих войск, являвшихся орудием английского империализма. В этих условиях вопрос о помощи со стороны Советской России приобрел для Турции первостепенное, значение. Спротивление реакционной группы в кемалистском правительстве было преодолено. Турецкая делегация в феврале 1921 г. снова выехала в Москву для завершения переговоров. Возглавлял ее Юсуф Кемаль-бей — депутат Великого национального собрания Турции. Однако в ходе переговоров с турецкой стороны снова выявились попытки сорвать заключение договора с Советской Россией и использовать переговоры с ней лишь в качестве средства побудить английский империализм к некоторой уступчивости. Когда турецкая делегация находилась в Москве, другая делегация, во главе с Бекир Сами-беем, прибыла в Лондон, где происходила конференция держав-победительниц. Английский премьер Ллойд-Джордж заявил Бекир Сами-бее о готовности Англии передать под протекторат Турции все Закавказье, включая и бакинские нефтяные промыслы. Премьер рассчитывал посредством такого предложения сорвать турецко-советские переговоры, натравить Турцию на Россию, Армению, Грузию, Азербайджан и лишить ее советской помощи. Сведения об этих секретных беседах просочились в печать. Г. В. Чичерин обратил внимание турецкой делегации на эти провокационные затеи англичан. «Я позволю себе поэтому спросить, — писал нарком по поводу переговоров турецкой делегации в Лондоне, — кого представляет Бекир Сами-бей, —

144

Константинополь (т. е. султана. — *Ред.*) или Ангору? (Анкару. — *Ред.*) И в этом последнем случае, не имеет ли место изменение ориентации, о чем, — если это так, — Турция заранее должна была уведомить нас в соответствии с нашими прошлогодними решениями...»²⁴

Турецкая делегация, действуя по инструкции из Анкары, отвечала, что там понимают провокационный характер английских маневров. Делегация заверяла в искренности стремлений кемалистского правительства заключить договор с Советской Россией.

На пленарном заседании русско-турецкой конференции в Москве 26 февраля 1921 г. председатель советской делегации Г. В. Чичерин подчеркнул в своей речи значение дружественных отношений между Советской Россией и странами Востока. Он говорил: «Дружба народов Востока является для нас основным условием нашей международной жизни и точно так же дружба с нами должна быть положена Турцией в основу ее политического положения. Наша

нравственная и политическая сила неотделима от нашего союза с народами Востока, борющимися за свое освобождение. Соединяющая нас дружба должна развиваться в обоюдных наших интересах, в интересах всех народов, борющихся против идущей извне тирании. Эта дружба должна найти свое выражение в формальном и окончательном договоре, объединяющем наши народы»²⁵.

В ответной речи председатель турецкой делегации Юсуф Кемаль-бей полностью признал общность интересов Турции и Советской России и необходимость сотрудничества между ними. «Воздержусь от приведения здесь исторических фактов,— говорил он,— но смею уверить всех трудящихся России, крестьян, рабочих и солдат, что турецкий народ чистосердечно протягивает им свою руку»²⁶. Продолжая эту мысль, Юсуф Кемаль-бей говорил: «Географические, исторические, экономические и политические условия указали нам путь в Россию. Перед представителями новой России говорю со всей присущей турку искренностью: верьте в нас»²⁷.

Переговоры закончились 16 марта 1921 г. подписанием в Москве советско-турецкого договора о дружбе и братстве²⁸. В его преамбуле говорилось, что оба правительства, «разделяя принципы братства наций и право народов на самоопределение, отмечая существующую между ними солидарность в борьбе против империализма, равно как и тот факт, что всякие трудности, созданные для одного из двух народов, ухудшают положение другого, и всецело воодушевляемые желанием установить между ними постоянные сердечные взаимоотношения и неразрывную

²⁴ Документы внешней политики СССР, т. 3, с. 589—590.

²⁵ Международная жизнь, 1958, № 2, с. 156.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Документы внешней политики СССР, т. 3, с. 597—607.

145

искреннюю дружбу, основанную на взаимных интересах обеих сторон, решили заключить договор о дружбе и братстве». По статье 1 каждая сторона обязывалась в принципе «не признавать никаких мирных договоров или иных международных актов, к принятию которых понуждалась бы силою другая из договаривающихся сторон». Советское правительство соглашалось «не признавать никаких международных актов, касающихся Турции и не признанных Национальным Правительством Турции, представленным ныне ее Великим Национальным Собранием».

В договоре определялась северо-восточная граница Турции по линии, в соответствии с которой Ардаганский и Карский округа отходили к Турции. Согласно статье 2, Турция должна была освободить Батум с окружающей территорией и «уступить» его Грузии при условии свободного беспопытного транзита через батумский порт в Турцию или из нее. Нахичеванская область была признана автономной территорией под государственным суверенитетом Советского Азербайджана. «Обе договаривающиеся стороны, констатируя соприкосновение между национальным и освободительным движением народов Востока и борьбой трудящихся России за новый социальный строй», безоговорочно признали за этими народами право на свободу и независимость, а равно их право на избрание формы правления, согласно с их желанием. Обе стороны объявляли отмененными и не имеющими силы все старые договоры, причем Советское правительство заявляло, что считает Турцию свободной от всяких денежных и иных обязательств, принятых по прежним договорам, заключенным между Турцией и царским правительством. Правительство РСФСР признало режим капитуляций несовместимым со свободным национальным развитием Турции и потерявшим всякую силу. Договаривающиеся стороны

обязались не допускать образования или пребывания на своей территории организаций или групп, претендующих на роль правительства другой страны или части ее территории. В договор была включена весьма важная статья (5), посвященная вопросу о проливах: «Дабы обеспечить открытие проливов и свободу прохождения торговых судов для всех народов, обе Договаривающиеся стороны соглашаются передать окончательную выработку международного статута Черного моря и проливов будущей Конференции из делегатов прибрежных государств, при условии, что вынесенные ею решения не нанесут ущерба полному суверенитету Турции, равно как и безопасности Турции и ее столице Константинополю»²⁹.

Советская Россия взяла на себя перед Турцией обязательство (ст. 15) предпринять шаги в отношении закавказских республик, необходимые «для обязательного признания этими Республиками в договорах, которые будут заключены ими с Турцией, статей настоящего Договора, непосредственно их касающихся»³⁰.

²⁹ Документы внешней политики СССР, т. 3, с. 599.

³⁰ Там же, с. 602.

146

Советско-турецкий договор, заключенный в период борьбы кемалистской Турции против англо-греческой интервенции, имел для нее величайшее значение. Он укрепил ее позиции в борьбе за независимость. Он обеспечил турецкому правительству возможность добиваться столь же благоприятных условий в переговорах с другими государствами. Договор содействовал укреплению нового режима в Турции.

Выполняя свое обязательство по статье 15 договора, Советское правительство приняло активное участие в подготовке договора между Турцией и закавказскими советскими республиками — Азербайджаном, Арменией и Грузией. 13 октября 1921 г. при участии РСФСР в Карсе был заключен договор о дружбе между Турцией, с одной стороны, и Азербайджаном, Арменией и Грузией — с другой. В нем повторялись основные положения Московского договора от 16 марта 1921 г. между Советским Союзом и Турцией.

При заключении Московского договора между представителями РСФСР и Турции имел место обмен нотами, которые существенным образом дополняли договор. В ноте турецкого посла от 16 марта 1921 г. говорилось: «В целях установления между Турцией и Россией отношений, основанных на полной искренности, и бесповоротного устранения всего, что могло бы нарушить полнейшее взаимное доверие, Турция обязуется немедленно без задержек и во всех подробностях сообщать Российскому Советскому Правительству о каждом заявлении или предложении со стороны всякой державы, ведущей в Азии политику, отличную от политики России, по вопросу о сближении или соглашении этой державы с Турцией, а равным образом обязуется в дальнейшем эвентуально осведомлять Российское Советское Правительство о всех переговорах между Турцией и одной из вышеуказанных держав.

Турция обязуется также не заключать каких-либо договоров, могущих касаться интересов России, без уведомления последней»³¹.

В ответной ноте народного комиссара по иностранным делам, датированной тем же числом, Советское правительство принимало к сведению указанное обязательство Турции и со своей стороны давало аналогичное обязательство турецкому правительству³².

В другой ноте, датированной также 16 марта 1921 г., турецкое правительство от имени Национального собрания Турции приняло обязательство, что «в случае намерения... внести в общее направление внешней политики Турции по

отношению к России изменения принципиального характера или в смысле ориентации факт подобного решения будет немедленно доведен до сведения Вашего (т. е. Советского.— *Ред.*) Правительства»³³. В ответной

³¹ Там же, с. 606.

³² Там же, с. 606—607.

³³ Там же, с. 605.

147

ноте народный комиссар по иностранным делам дал аналогичное обязательство со стороны Советской России.

Одновременно с подписанием Московского договора от 16 марта 1921 г. между представителями РСФСР и Турции была достигнута договоренность о предоставлении Турции финансовой помощи в сумме 10 млн. золотых рублей. Из этой суммы 5,4 млн. руб. были переданы Турции по частям в течение апреля, мая и июня 1921 г.

Время для Советской России было очень трудное. В стране еще не была изжита хозяйственная разруха. Тем не менее Советское правительство передало турецкому правительству в конце 1921 г. еще 1,1 млн. руб. золотом³⁴. Они были крайне необходимы для закупки вооружения и снаряжения турецкой армии, без чего последней было бы затруднительно продолжать борьбу против Греции, пользовавшейся поддержкой со стороны английского империализма.

Советская помощь Турции не ограничивалась только финансовой поддержкой. Важную роль сыграла также поездка М. В. Фрунзе в Турцию в 1921—1922 гг. Миссия Фрунзе формально была направлена от имени Украинской ССР, где он занимал пост главкома. Ее официальной целью было заключение договора между Турцией и УССР, аналогичного Московскому. Решение о поездке Фрунзе было принято в весьма ответственный момент греко-турецкой войны, когда назревало решающее сражение. Фактически значение миссии Фрунзе вышло далеко за пределы украинско-турецких отношений.

Фрунзе отправился в Турцию в ноябре 1921 г. Поездка эта была весьма утомительной. М. В. Фрунзе и его спутникам, добираясь до Анкары, пришлось проделать значительную часть пути на арбах.

20 декабря 1921 г. М. В. Фрунзе выступил перед Национальным собранием Турции. Он публично разоблачил интриги империалистических держав Запада, направленные на подрыв советско-турецкой дружбы. «Само собою разумеется,— говорил он,— что они начнут играть роль льстивых друзей и доброжелателей и приложат все силы к тому, чтобы подорвать дружбу между Турцией и Советскими правительствами — эту единственную гарантию целостности и независимости Турции и, толкнув Турцию на выступление против Советских правительств, под маской дружбы постараются достигнуть цели, добиться которой им не удалось с помощью оружия»³⁵.

Приезд М. В. Фрунзе в Турцию был высоко оценен Мустафой Кемалем в его телеграмме на имя Председателя ВЦИК М. И. Калинина и Председателя ВУЦИК Г. И. Петровского:

«Тот факт,— говорилось в телеграмме,— что правительство Украинской Республики в целях заключения с нами договора о

³⁴ Документы внешней политики СССР, т. 3, с. 675.

³⁵ Документы внешней политики СССР, т. 4, с. 782.

148

дружбе и еще более яркого подтверждения политических, экономических и других связей, существующих между двумя народами, послало к нам господина Фрунзе, одного из самых крупных политических деятелей и главнокомандующего, а также одного из самых доблестных и героических командиров Красной Армии, и то, что это решение было сообщено нам накануне

Сакарыйской битвы (в которой турки нанесли поражение грекам.— *Ред.*), в то время, когда враги объявили всему миру о том, что наше окончательное поражение является делом недалекого будущего, вызывает особенно глубокое чувство благодарности у членов Национального Собрания»³⁶.

В тяжелый период, когда Советская страна стала жертвой неурожая и голода, когда еще не были ликвидированы тяжелые последствия иностранной интервенции, Советская власть нашла возможным оказать Турции финансовую, военную и другую помощь. «В результате дружбы, установившейся с русскими,— указывал Мустафа Кемаль,— главным образом от них было получено значительное количество орудий, ружей и снарядов»³⁷. Так, 29 декабря 1921 г. и 29 апреля 1922 г. Советское правительство передало в Новороссийске турецкому консулу минное и артиллерийское имущество, некоторое количество винтовок и т. д. В 1922 г. Турция получила оборудование для патронного завода. 3 мая 1922 г. Советское правительство передало Турции 3,5 млн. руб. золотом — последний взнос в счет 10 млн., предоставленных турецкому правительству. М. В. Фрунзе передал также средства для организации в Турции приюта для детей, потерявших родителей на фронте. Бакинские рабочие прислали в Турцию эшелон с керосином и бензином в момент, когда в них испытывалась большая нужда.

2 января 1922 г. в Анкаре был подписан договор между Украинской ССР и Турцией. В нем повторялись основные условия советско-турецкого договора 1921 г.

«Пребывание товарища Фрунзе,— сообщал полпред РСФСР в Турции С. И. Аралов,— здесь оставило глубокий след. О нем отзываются как о замечательном, отзывчивом человеке, считают его большим другом Турции, он рассеял все недоразумения и повернул симпатии турок к РСФСР. Конечно, его считают представителем не только Украины, но и всей РСФСР, и его слова, обещания, речи, суждения считаются мнениями всей Федерации»³⁸.

Мустафа Кемаль придавал большое значение дружбе новой Турции с Советской Россией. Так, в радиোগрамме на имя В. И. Ленина от 18 декабря 1920 г. он заявлял: «В твердом убеждении, что только наше тесное сотрудничество приведет нас к желанной цели, я приветствую всякое дальнейшее закрепление связывающих нас дружественных уз. Выражаю Вам свою глубо-

³⁶ Там же.

³⁷ *Кемаль М.* Путь новой Турции, 1919—1927. М., 1934, т. 3, с. 310.

³⁸ Документы внешней политики СССР, т. 4, с. 782—783.

кую признательность за ту дальнорочную политику, которая по Вашему Высокому почину проводится Советской Республикой как на Востоке, так и во всем мире»³⁹.

В дальнейшем, пока у руководства Турцией находился Кемаль-паша, между нею и Советской страной сохранялись наилучшие дружественные отношения. Договор 1921 г. о дружбе и братстве служил для них неизменной и надежной основой.

В телеграмме Председателя Президиума Верховного Совета СССР и Председателя Совета Министров СССР главе государства и премьер-министру Турецкой Республики от 15 марта 1961 г. по случаю 40-й годовщины этого договора ему была дана весьма высокая оценка. «Этот исторический договор,— говорится в телеграмме,— заключенный между нашими странами при участии В. И. Ленина и К. Ататюрка в годы борьбы обеих стран с империалистическими силами, способствовал победе турецкого народа в национально-освободительной войне и установлению дружественных отношений между Советским Союзом и Турецкой Республикой»⁴⁰.

ОТНОШЕНИЯ С КИТАЕМ, КОРЕЕЙ И МОНГОЛИЕЙ

С первых же дней своего существования Советское правительство прилагало усилия к установлению контактов и дружественных отношений с великой соседней страной — Китаем. Оно заявило об отказе от всех особых прав и привилегий России в Китае и предложило пересмотреть неравноправные договоры (речь шла о КВЖД, о концессиях и праве экстерриториальности), построить отношения между двумя странами на началах полного равенства. Уже в мае 1918 г., желая устранить препятствия на этом пути, оно обратилось к китайскому правительству с просьбой решительно пресечь использование бандами Семенова китайской территории как базы для враждебных действий против русского народа.

Пекинское реакционное правительство не только не ответило на эту просьбу, но всеми своими действиями показывало, что не заинтересовано в нормализации отношений с Советской Россией. 27 декабря 1917 г. оно запретило ввоз в Советскую Россию продовольствия, в том числе чая; 11 января 1918 г. была закрыта китайская граница и прекращена всякая отправка грузов. В конце марта того же года пекинское правительство отозвало из Петрограда своего посланника, прекратив тем самым переговоры об аннулировании империалистического договора России с Китаем 1896 г. и Пекинского протокола 1901 г. Более того, оно приняло участие в интервенции против Советской страны. Китайские войска участвовали в интервенции 14 государств против молодой Советской республики, проливали кровь мирных советских людей. 16 мая 1918 г. было заключено секретное японо-китайское воен-

³⁹ Советско-турецкие отношения: Сборник документов. М., 1947, т. 1 (1917— 1926 гг.), с. 69.

⁴⁰ Правда, 1961, 18 марта.

150

ное соглашение против Советской России, дополненное через три дня военно-морским соглашением. 24 августа 1918 г. пекинское правительство объявило о посылке своих войск в Сибирь для оказания помощи союзникам в их борьбе против рабоче-крестьянской власти в Сибири. Оно продолжало поддерживать сношения с миссией и консульствами царского правительства, не допускало в страну советских представителей. К маю 1918 г. действия банды Семенова привели к полному прекращению движения по Маньчжурской дороге, товарообмена и экономических отношений между Советской Россией и Китаем. В составе банды били даже отряды, полностью состоявшие из китайцев. Правительство Китая не раз давало обещания пресечь деятельность Семенова на своей территории, но не выполняло их. Оно отклонило советское предложение о ликвидации банд «советскими войсками в пределах китайской территории совместно с регулярными китайскими войсками либо самостоятельно, без их содействия»⁴¹.

Иначе относилась к Советской России прогрессивная общественность Китая. Великий китайский демократ Сунь Ятсен направил в адрес Советского правительства послание, в котором отмечал общность целей русской и китайской революций, направленных на освобождение рабочих и установление прочного мира.

Отвечая Сунь Ятсену, Г. В. Чичерин, по поручению Совнаркома, писал: «В этот час испытания, когда империалистические правительства протягивают свои жадные руки с востока и с запада, с севера и с юга, чтобы сокрушить Русскую революцию и отнять у русских крестьян и рабочих то, что они завоевали для себя такой революцией, какую мир никогда раньше не видел, когда к этим грабителям

готово присоединиться правительство Пекина, созданное там иностранными банкирами,— в этот момент русские трудящиеся классы обращаются к их китайским братьям и призывают их к совместной борьбе»⁴².

Советские люди понимали, что Китай оказался втянутым в интервенцию вопреки воле китайского народа. Советское правительство продолжило последовательно проводить дружественную политику в отношении Китая. Примером такой политики является решение ВЦИК от 2 декабря 1918 г. об отказе РСФСР от русской доли так называемой «боксерской контрибуции»⁴³.

25 июля 1919 г. СНК РСФСР обратился к правительствам Южного и Северного Китая с декларацией, в которой выражалась готовность со стороны Советского правительства договориться с Китаем о ликвидации раз и навсегда актов насилия и несправедливости, совершенных царским правительством в отношении китайского народа. Советское правительство сообщило о

⁴¹ Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 340.

⁴² АВП СССР. Письмо наркома по иностранным делам Г. В. Чичерина китайскому революционеру доктору Сунь Ятсену от 1 августа 1918 г.

⁴³ Эта контрибуция была наложена на Китай империалистическими державами после подавления ими народного («боксерского») восстания 1900—1901 гг.

151

своем отказе от причитающейся России доли «боксерской» контрибуции и предлагало установить официальные сношения. В заключение Советское правительство обращалось к народу Китая с призывом об установлении боевого союза в борьбе против империализма. «Если китайский народ хочет стать, подобно русскому народу, свободным, ... пусть он поймет, что его единственно союзник и брат в борьбе за свободу есть русский рабочий и крестьянин и его Красная Армия»⁴⁴. Пекинское (северное) правительство не ответило на обращение СНК, несмотря на то что это обращение получило живейший отклик в широких массах китайского народа. Это подтверждало в своем ответе правительство Южного Китая, которое сообщило тогда главе Советского правительства, что «обращение Рабоче-крестьянского правительства к китайскому народу уже достигло Китая, и весь китайский народ проникнут исключительной благодарностью».

Возникшая 6 апреля 1920 г. Дальневосточная республика обратилась в мае того же года к пекинскому правительству с предложением созвать конференцию РСФСР, ДВР и Китая для решения всех спорных вопросов.

В результате начавшихся в августе переговоров миссии Дальневосточной республики в Пекине и поездки в сентябре — октябре 1920 г. китайской военно-дипломатической миссии в Россию было устранено одно из серьезных препятствий на пути нормализации советско-китайских отношений: китайское правительство отказалось признавать впредь миссию и консульства царского правительства. Несмотря на то что главная цель переговоров — установление официальных отношений — не была достигнута, тем не менее переговоры положили начало отношениям де-факто.

В меморандуме от 27 сентября 1920 г. Советское правительство вновь повторило свои условия нормализации отношений между двумя странами, которые являлись развитием принципов, изложенных в декларации от 25 июля 1919 г. В ответном послании, полученном в Москве 1 марта 1921 г., правительство Китая изъявило желание начать непосредственные переговоры с правительством РСФСР по вопросам, затронутым в советских предложениях, «а также по всем тем вопросам, затрагивающим интересы обеих Великих Республик, которые будут поставлены на обсуждение Китайским правительством»⁴⁵.

В ходе переговоров в Пекине миссия ДВР предложила установить дипломатические и консульские отношения, заключить торговый договор.

Китайское правительство уклонилось от обсуждения этих вопросов. Одновременно оно согласилось принять делегацию РСФСР. Поездка делегации РСФСР в Пекин в декабре 1921 г. также оказалась безрезультатной. Этой делегации тоже не удалось завязать официальные переговоры.

⁴⁴ Документы внешней политики СССР, т. 2, с. 223.

⁴⁵ Документы внешней политики СССР, т. 3, с. 584

152

Наряду с усилиями по нормализации отношений с Китаем Советское правительство предприняло шаги по установлению контактов с представителями народов Кореи и Монголии.

Вскоре после провозглашения 30 марта 1919 г. независимости Кореи правительство РСФСР обратилось к корейским революционным организациям и корейскому народу с призывом о совместных действиях против японских оккупантов. В обращении говорилось, что «только соединенными усилиями мы сможем прогнать японцев из Владивостока и из страны Утреннего Спокойствия»

⁴⁶

Однако из-за сложной военно-политической обстановки на Дальнем Востоке в годы гражданской войны отношения между Кореей и Советской Россией развития не получили.

Более успешно развивались советско-монгольские отношения. Еще в феврале 1918 г. Советское правительство сообщило правительству Автономной Монголии о том, что Советская Россия навсегда порвала с политикой, проводившейся в Монголии царизмом, и отказывается от грабительских кабальных договоров царского времени, аннулирует долги Монголии по займам старой России, признает за монгольским народом право на независимость. Правительство РСФСР объявляло о своей готовности установить с Монгольским государством равноправные отношения.

3 августа 1919 г. правительство Советской России вновь обратилось с воззванием к народу и правительству Монголии, в котором заявляло об отказе от всех преимуществ и привилегий, которые имела в Монголии царская Россия. «Монголия,— говорилось в воззвании,— есть свободная страна... Вся власть в стране должна принадлежать монгольскому народу. Ни один иностранец не вправе вмешиваться во внутренние дела Монголии... Советское правительство, громогласно возвещая об этом монгольскому народу, предлагает немедленно вступить в дипломатические отношения с русским народом и выслать навстречу Красной Армии посланцев свободного монгольского народа» ⁴⁷.

Китайские милитаристы, воспользовавшись гражданской войной в России и интервенцией империалистических держав, в октябре 1918 г. ввели войска в Монголию, пытаясь восстановить колониальное господство. Они стремились помешать контактам Монголии с Советской Россией. Революционные организации, возникшие в Монголии под влиянием Октябрьской революции, обратились за помощью к Советской России. Такая помощь становилась тем более неотложной, поскольку под ударами Красной Армии на ее территорию откатывались белогвардейские банды, а в октябре 1920 г. вторгся отряд барона Унгерна.

Монгольские революционеры сразу же после опубликования воззвания от 3 августа 1919 г. обратились за помощью к Советской России. Осенью 1920 г. они направили в Москву делегацию, с просьбой об оказании помощи монгольскому народу.

⁴⁶ Известия, 1919, 15 авг.

⁴⁷ Цит. по: Очерки истории Монгольской Народно-Революционной партии: Пер. с монг. М., 1971, с. 19.

153

Созданное 13 марта 1921 г. Временное народное правительство на следующий день повторило эту просьбу. «Временное народное правительство Монголии... обращается к правительству РСФСР, защитнику свободы угнетенных народов, с настоятельной просьбой незамедлительно помочь Временному народному правительству Монголии энергичными мерами, направленными к ликвидации бесчинств и разбоев русских белогвардейцев и очищению территории всей Монголии от белогвардейских банд, предоставив нашему свободному монгольскому народу самому устраивать свою, судьбу, чтобы тем самым положить начало содружеству и взаимной помощи свободных народов обеих дружественных стран»⁴⁸.

В марте 1921 г. части молодой Народной армии Монголии нанесли поражение китайским войскам в районе Маймачена, но справиться с войсками Унгерна и монгольских феодалов не могли.

Совместными усилиями Монгольской народной армии, Красной Армии и частей Народно-революционной армии ДВР были разгромлены банды Унгерна и других белогвардейцев и 6 июля 1921 г. была освобождена столица Монголии г. Урга. 12 июля образованное накануне постоянное Народное правительство попросило Советское правительство не выводить свои войска до окончательной ликвидации белогвардейцев и упрочения народной власти.

В октябре 1921 г. в Москву прибыла монгольская делегация, в которую входил Сухэ-Батор, для переговоров об укреплении дружбы между двумя странами и подписании договора. Делегация была принята В. И. Лениным; в ходе беседы он изложил свои соображения о развитии Монголии по пути социализма, минуя стадию капитализма⁴⁹.

5 ноября правительство РСФСР и делегация Монголии подписали Соглашение об установлении дружественных отношений между двумя странами, на основе которого были аннулированы все соглашения и договоры царской России с Монголией. Оба правительства обязались проводить принцип наибольшего благоприятствования в области политических и экономических взаимоотношений, а также не допускать на своей территории деятельности организаций и групп, враждебных другой стороне. Были урегулированы вопросы консульские и гражданства. Монгольскому правительству безвозмездно передавалось телеграфное оборудование, установленное на территории Монголии при царизме.

Характеризуя эти принципиально новые отношения, Первый секретарь ЦК МНРП, Председатель Президиума Великого Народного Хурала МНР Ю. Цеденбал отмечал: «Громадное революционизирующее воздействие на монгольский народ оказало то, что правительство Советской России немедленно после победы Октябрьской революции аннулировало все неравноправные до-

⁴⁸ Документы внешней политики СССР, т. 4, с. 780.

⁴⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 232—233.

говору и соглашения, навязанные Монголии русским царизмом, признало неотъемлемое право монгольского народа на независимость и суверенитет, выразило свою готовность установить с Монголией отношения, основанные на полном равноправии и взаимном уважении»⁵⁰.

Советско-монгольское соглашение 1921 г. юридически оформило экономическое и политическое сотрудничество между народами Советской России и Монголии, заложило прочный фундамент братской дружбы народов двух стран. Основанное на совершенно новых социалистических принципах международных отношений, это сотрудничество явилось надежной гарантией государственного суверенитета, независимости. Опираясь на помощь и

поддержку СССР, преодолевая вековую отсталость, МНР встала на путь строительства нового социалистического общества, минуя капиталистическую стадию развития.

Свершилось гениальное предвидение В. И. Ленина о том, что «с помощью пролетариата передовых стран остальные страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»⁵¹.

*

Торжество Октябрьской революции в России, а затем победа Красной Армии над интервентами и ее продвижение к прежним границам России в Закавказье и Средней Азии вдохновили народы стран Востока на борьбу против империализма и содействовали могучему подъему национально-освободительного движения в Китае, Индии, Турции, Иране, Афганистане, Монголии и других странах Азии.

Вступая в переговоры с Турцией, Ираном и Афганистаном, Советское правительство рассматривало эти в ту пору полуколониальные государства как равноправную суверенную сторону.

Впервые в истории этих стран их отношения с европейской великой державой были установлены на началах подлинного равноправия. Договоры, заключенные в 1921 г. с Ираном, Афганистаном и Турцией, в огромной мере содействовали укреплению их независимости, усиливали их позиции перед лицом империалистических держав. В то же время эти договоры обеспечивали безопасность южных границ Советской страны и способствовали установлению мира на всем Ближнем и Среднем Востоке.

Установление Советским Союзом новых отношений со странами Востока показало трудящимся всех закабаленных стран, что в мире появилось государство, провозгласившее своим принципом признание и поддержку независимости, суверенитета и равноправия всех государств и народов, больших и малых.

⁵⁰ Проблемы Дальнего Востока. 1974, № 4, с. 7.

⁵¹ Ленин В. И. Полн. собр. Соч. т. 41, с. 246.

VI ГЛАВА

БОРЬБА СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ЗА НОРМАЛИЗАЦИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И УСТАНОВЛЕНИЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ С КАПИТАЛИСТИЧЕСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ (1921-1923 гг.)

ЗАДАЧИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР В НОВЫХ УСЛОВИЯХ МИРНЫХ ОТНОШЕНИЙ С КАПИТАЛИСТИЧЕСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ

После разгрома иностранных интервентов и внутренней контрреволюции в международном положении Советского государства начался новый период. В. И. Ленин говорил: «...мы имеем не только передышку,— мы имеем новую полосу, когда наше основное международное существование в сети капиталистических государств отвоевано»¹. Особенностью новой полосы было то, что вооруженная борьба между государствами двух систем сменилась установлением мирных отношений в условиях не вполне устойчивого равновесия между ними, когда политическая борьба стала проводиться мирными средствами. Правда, мир Советской страны неоднократно нарушался кратковременными вооруженными

конфликтами локального характера.

Империалисты не отказались от борьбы с Советской Россией. Наиболее воинственные империалистические круги не оставили надежд повторить интервенцию, вооружая и подстрекая к этому соседние с Советской Россией государства, которые они рассматривали как орудие в осуществлении своей политики удушения Советской власти. Но практически организовать против СССР агрессию большого масштаба не удалось до лета 1941 г., когда на него напала фашистская Германия.

Главным средством борьбы против Советской страны стали такие меры, как финансовый и экономический бойкот, отказ в признании Советского правительства, политика изоляции Советского государства. Империалисты надеялись, что Советская Россия не сумеет своими силами преодолеть разруху и восстановить экономику страны и попадет в зависимость от капиталистического мира.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 22.

156

Действительно, трудящиеся нашей страны оказались перед величайшими трудностями. Нужно было в короткий срок залечить раны, нанесенные войной, интервенцией и внутренней контрреволюцией, восстановить промышленность, транспорт и сельское хозяйство, чтобы двинуться дальше по пути строительства социализма.

«...Мы не можем,— говорил тогда В. И. Ленин,— ослабить своих военных сил, но должны всю машину Советской власти, заостренную на войне, переводить на новые рельсы мирного хозяйственного строительства...»².

В связи с этим необходимо было выдвинуть новые задачи по всем вопросам хозяйственной жизни страны, соответствующие новой обстановке. Эти задачи были провозглашены X съездом партии, который, по предложению В. И. Ленина, принял важнейшее решение о переходе к новой экономической политике.

В. И. Ленин обосновал международное значение экономического строительства в нашей стране. «Сейчас,— говорил он,— главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой... На это поприще борьба перенесена во всемирном масштабе. Решим мы эту задачу — и тогда мы выиграли в международном масштабе наверняка и окончательно»³. В. И. Ленин глубоко верил в то, что наше «коммунистическое хозяйственное строительство станет образцом для грядущей социалистической Европы и Азии»⁴.

Для успешного строительства социализма в нашей стране были нужны благоприятные международные условия — мир и деловое экономическое сотрудничество с другими странами.

Задача советской внешней политики заключалась в том, чтобы превратить завоеванную новую мирную передышку в длительный мир, вывести страну из состояния внешнеполитической и экономической изоляции, установить «более прочные постоянные мирные сношения со всеми государствами»⁵.

X съезд подчеркнул необходимость использования иностранной техники и оборудования и привлечения иностранного капитала. В качестве одной из практически применимых в тех условиях форм участия иностранного капитала в разработке естественных богатств Советской России съезд выдвинул концессии.

Вопрос о концессиях многократно освещался В. И. Лениным до и после X съезда партии. В частности, в докладе на заседании комфракции VIII Всероссийского съезда Советов в декабре 1920 г. В. И. Ленин рассматривал вопрос о концессиях не только как средство ускорения восстановления нашего хозяйства. Он указывал, что их сущность «заключается в интересе политиче-

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 105.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 341.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 161.

⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК М., 1970, т. 2, с. 266.

157

ском»⁶, так как они будут способствовать укреплению мира, улучшению международного положения Советской Республики и предотвращению опасности новой интервенции. Установление деловых отношений с буржуазными кругами затруднило бы «для капиталистических держав, пошедших на сделку с нами, военные предприятия против нас»⁷.

Решение вопроса о деловом сотрудничестве между Советской страной и капиталистическими государствами зависело не только и не столько от Советского правительства, сколько от правящих кругов капиталистических стран.

Преобладающую роль в определении отношений к Советскому государству в правящих кругах капиталистических стран играли в тот период деятели, вынашивавшие планы его закабаления. Поэтому правительства империалистических стран, идя па заключение торговых соглашений, сначала отказывались установить нормальные дипломатические отношения, признать Советскую Россию де-юре. Особо важное значение придавал В. И. Ленин переговорам о торговом соглашении с Англией. По его инициативе этот вопрос обсуждался на заседаниях Политбюро, Совнаркома и на пленуме ЦК. Ленин говорил о нем на X съезде партии и на VIII съезде Советов и дал высокую оценку подписанному 16 марта 1921 г. торговому англо-советскому соглашению⁸.

Подписание этого соглашения облегчило заключение советско-германского торгового соглашения, которое состоялось 6 мая 1921 г. Германия пошла дальше Англии, признав представительство РСФСР единственным законным представительством Российского государства в Германии и предоставив ему дипломатические права и привилегии. Аналогичные соглашения были подписаны вскоре с Норвегией, Австрией, Италией, Данией и Чехословакией.

В связи с голодом в Поволжье правящие круги Франции, США и других империалистических держав предприняли новую попытку добиться капитуляции Советской России. Это особенно наглядно проявилось в решениях Брюссельской конференции (октябрь 1921 г.), на которой империалисты пытались обусловить помощь голодающим согласием Советского правительства на выплату всех довоенных и военных долгов и возвращение национализированной собственности иностранным капиталистам.

Нашим голодом, заметил В. И. Ленин, «хотят сейчас воспользоваться, чтобы уничтожить нашу кровью добытую свободу, навеки вырвать власть из рук рабочих и крестьян»⁹.

Учитывая важность урегулирования взаимных отношений с капиталистическими странами, Политбюро ЦК нашей партии еще

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 96.

⁷ Там же, с. 111.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 151—152.

⁹ Ленинский сборник, XXXIV, с. 425.

158

в сентябре 1921 г. рассмотрело вопрос о довоенных долгах царской России и приняло решение о возможности признания обязательств России по долгам определенным государствам, за исключением военных долгов, указывая, что это возможно при условии принципиального признания советских контрпретензий, возмещения ущерба, причиненного интервентами, предоставления кредитов Советской России и юридического признания Советского правительства¹⁰. Действуя в соответствии с этим решением, Политбюро, Советское правительство прилагали много усилий, чтобы мирно урегулировать отношения с

капиталистическими странами и установить с ними деловые связи. 28 октября 1921 г. оно обратилось к правительствам Великобритании, Франции, Италии, Японии и США с нотой, в которой указывалось, что уже непосредственно после Великой Октябрьской социалистической революции «Советское правительство ставило одной из основных целей своей политики экономическое сотрудничество с другими державами»¹¹. Советское правительство, говорилось в этой ноте, в целях устранения угрозы войны и развития экономического сотрудничества готово обсудить вопрос о признании довоенных долгов России, если капиталистические страны предоставят льготные условия, обеспечивающие возможность выплаты этих долгов, дадут обязательство прекратить всякие действия, угрожающие «безопасности Советских Республик и дружественной Дальневосточной Республике», гарантируют неприкосновенность их границ и заключат с Советской страной окончательный всеобщий мир. Для обсуждения этого вопроса Советское правительство предлагало созвать международную экономическую конференцию¹². Оно поставило перед капиталистическими государствами вопрос о деловом сотрудничестве на равноправных началах.

На все советские призывы американское правительство давало отрицательный ответ. Тем временем известная часть американских деловых кругов показала себя более дальновидной, чем правительство США. Оживленную торговлю с Советской Республикой продолжало вести американское акционерное общество «Продэкско», созданное в 1919 г.¹³ В октябре 1921 г. между НКВТ РСФСР и американской объединенной компанией медикаментов и химических препаратов был заключен специальный договор о поставке из США в Советскую Россию 1 млн. пудов пшеницы¹⁴. Из этого количества первые 145 тыс. пудов пшеницы были доставлены уже в 1921 г.¹⁵ Действовал также ряд контрактов между от-

¹⁰ Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее — ЦПА ИМЛ), ф. 17, оп. 3, д. 201, л. 1.

¹¹ Документы внешней политики СССР. М., 1960, т. 4, с. 445.

¹² Там же, с. 447.

¹³ В мае 1924 г. в результате слияния «Продэкско» с обществом «Аркос-Американа инкорпорейтед» было создано общество «Амторг».

¹⁴ Документы внешней политики СССР, т. 4, с. 442—444: Ленинский сборник, XXXVI, с. 341.

¹⁵ Документы внешней политики СССР, т. 4, с. 793.

159

дельными фирмами США и советскими хозяйственными организациями¹⁶. Таким образом, советско-американская торговля постепенно расширялась, хотя государственный департамент США всячески этому препятствовал.

Итак, несмотря на противодействия враждебных сил, в 1921 г. внешнеполитические и внешнеторговые связи Советской республики значительно расширились¹⁷.

ПОДГОТОВКА СОВЕТСКОЙ РОССИИ К МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Вскоре к выводу о необходимости созыва международной экономической конференции пришли и ведущие капиталистические державы Запада. На заседании Верховного совета союзных держав 6 января 1922 г. в Каннах была принята резолюция о созыве такой конференции. Всем европейским державам, в том числе Советской России, предлагалось послать на нее своих представителей.

В каннских решениях говорилось, что одни нации не могут присваивать себе право диктовать другим нациям принципы, на основе которых те должны строить свою внутреннюю экономическую жизнь и свой образ правления; каждая страна

имеет право избрать для себя систему, которую она предпочитает.

Из этого видно, что участники каннского совещания были вынуждены признать неизбежность соглашения между двумя системами собственности: капиталистической и социалистической, которую тогда представляла Советская Россия. В то же время в каннской декларации выдвигалось требование возврата иностранной собственности и признания долгов прежних правительств. Это объявлялось обязательной предпосылкой предоставления новых иностранных кредитов.

Верховный совет Антанты принял текст приглашения, которое решено было направить Советской России. В нем выражалось пожелание, «чтобы г. Ленин не преминул принять участие в конференции»¹⁸.

Советское правительство немедленно дало согласие. Центральным Комитетом РКП (б) были приняты «самые тщательные меры для того, чтобы создать делегацию из лучших наших дипломатов»¹⁹. В. И. Ленин потребовал, чтобы вся подготовительная работа к конференции протекала под руководством партии. «Надо взять этот вопрос,— писал он 16 января 1922 г.,— под ближайшее, непосредственное наблюдение Политбюро»²⁰.

Чрезвычайная сессия ВЦИК 27 января 1922 г. утвердила делегацию на эту конференцию под председательством В. И. Ленина.

¹⁶ Документы внешней политики СССР, т. 4, с. 465—471, 610—613.

¹⁷ Советская Россия и капиталистический мир в 1917—1923 гг. М., 1957.

¹⁸ Документы внешней политики СССР. М., 1961, т. 5, с. 48.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 69.

²⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 2, он. 1, д. 22638.

160

Заместителем председателя был назначен народный комиссар по иностранным делам Г. В. Чичерин «со всеми правами председателя на тот случай, если обстоятельства исключат возможность поездки товарища Ленина на конференцию»²¹. Делегация на международную экономическую конференцию была наделена широкими полномочиями для ведения переговоров и подписания соглашений и договоров.

Учитывая исключительную важность первой встречи представителей Советской страны и капиталистического мира, обе стороны тщательно готовились к ней.

Правительства Англии и Франции решили создать комиссию экспертов, которая должна была выработать единую программу для предъявления ее Советской России. Эта комиссия заседала в Лондоне в марте 1922 г. Результатом ее деятельности явился так называемый Лондонский меморандум. В нем выдвигалось требование возврата всей национализированной иностранной собственности в России, уплаты всех довоенных и военных долгов царского правительства, долгов буржуазного Временного и других контрреволюционных правительств и их местных органов. Эксперты требовали предоставления иностранцам в Советской России по существу прав экстерриториальности, т. е. установления такого режима, какой империалисты обычно навязывали колониальным странам.

Всестороннюю подготовку к конференции вело и Советское правительство. По указанию В. И. Ленина этот вопрос был взят под непосредственное наблюдение Политбюро. Центральный Комитет Коммунистической партии и Советское правительство во главе с В. И. Лениным детально разработали программу и тактику советской делегации с учетом всех возможных ситуаций. «Мы,— указывал В. И. Ленин,— выработали в ЦК достаточно детальные директивы нашим дипломатам... вырабатывали очень длительно, несколько раз обсуждали и переобсуждали заново»²². Всю подготовительную работу направлял

лично В. И. Ленин. «Хотя зимой 1921/22 г. Владимир Ильич долгое время жил за городом,— писал Г. В. Чичерин,— но вопросами, связанными с созывом Генуэзской конференции, он близко и горячо интересовался. По этому поводу им был написан ряд записок, и общее содержание наших выступлений в Генуе было установлено на основании его личных записок»²³.

Еще до открытия конференции В. И. Ленин предупредил империалистов, что угрозами Советскую Россию они не запугают.

Советское правительство с самого начала ясно и четко заявило, что кабальные условия оно категорически отвергает. В одном из писем к Чичерину В. И. Ленин писал: «На сделку, невыгод-

²¹ Документы внешней политики СССР, т. 5, с. 67.

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 69—70.

²³ Чичерин Г. В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961, с. 284.

161

ную нам, *не пойдём*»²⁴. В. И. Ленин подчеркивал при этом: «Мы... *Генуе приветствуем и на нее идем*» для того, чтобы «наиболее правильно и наиболее выгодно обсудить политически подходящие условия... торговли...»²⁵.

В проекте постановления о задачах советской делегации в Генуе²⁶, написанном В. И. Лениным 24 февраля 1922 г., указывалось, что цель советской делегации — обеспечение прочного мира и экономического сотрудничества народов, установление торговых отношений между Республикой Советов и капиталистическими странами.

Подчеркивая необходимость проведения принципиальной линии, решительного отпора наглým притязаниям капиталистических держав, имевших целью экономическое и политическое закабаление Советской России, В. И. Ленин в то же время требовал, чтобы советская делегация добивалась равноправных и взаимовыгодных соглашений с капиталистическими государствами.

«Программа наша,— говорится в этом документе,— состоит в том, чтобы, не скрывая наших коммунистических взглядов, ограничиться, однако, самым общим и кратким указанием на них (например, в придаточном предложении), с прямым заявлением, что проповедовать наши взгляды... считаем неуместным, ибо пришли за торговым соглашением и за попыткой соглашения с пацифистской частью другого (буржуазного) лагеря».

«Одна из главных, если не главная наша политическая задача в Генуе,— писал В. И. Ленин,— выделить это (т. е. пацифистское.— *Ред.*) крыло буржуазного лагеря изо всего их лагеря... объявить допустимым, с нашей точки зрения, и желательным соглашением с ним не только торговое, но и политическое...

Сделать все возможное и кое-что невозможное для того, чтобы усилить пацифистское крыло буржуазии... разъединить между собой объединенные в Генуе против нас буржуазные страны, ...глубже расколоть пацифистский лагерь международной буржуазии с лагерем грубо-буржуазным, агрессивнo-буржуазным, реакционнo-буржуазным».

В ноте от 15 марта 1922 г. Советское правительство решительно разоблачило попытку империалистических держав Запада поставить Советскую Россию на конференции перед фактом заранее принятого решения. Вместе с тем оно выражало готовность вести переговоры на широкой основе. «Российское правительство,— говорилось в указанной ноте,— не скрывая от себя коренных различий, существующих между политическим и экономическим режимом Советских Республик и режимом буржуазных государств, считало тем не менее безусловно возможным соглашение, имеющее целью плодотворное сотрудничество тех в других на экономической почве... Советские правительства пойдут

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 34.

²⁵ Там же, с. 2.

²⁶ См.: Там же, т. 44, с 406—408.

162

на конференцию в Геную с твердым намерением вступить в экономическое сотрудничество со всеми государствами, взаимно гарантирующими друг другу неприкосновенность их внутренней политической и экономической организации...»²⁷

По инициативе и под руководством В. И. Ленина были подготовлены также предложения о всеобщем сокращении вооружений и армий, о полном запрещении наиболее варварских средств ведения войны: использования ядовитых газов, воздушной войны и других средств разрушения, направленных против мирного населения. Об этих предложениях, а также об экономическом сотрудничестве В. И. Ленин предлагал на предстоящей конференции «сказать ясно и громко»²⁸, постараться развить их подробнее, добиться опубликования в прессе.

В поправках и замечаниях к проекту заявления советской делегации на Генуэзской конференции В. И. Ленин 23 марта 1922 г. предложил «безусловно выкинуть всякое напоминание о „неизбежном насильственном перевороте и применении кровавой борьбы“, ...говорить лишь о том, что... мы безусловно считаем своим долгом всемерно поддержать всякие попытки мирного решения спорных вопросов». В. И. Ленин считал необходимым исключить слова о том, что наша историческая концепция предполагает неизбежность новых мировых войн. «Ни в каком случае,— писал В. И. Ленин,— подобных страшных слов не употреблять, ибо это означало бы играть на руку противнику»²⁹.

Ввиду того, что из числа советских республик на конференцию приглашались представители только РСФСР и против всех советских республик сколачивался единый дипломатический фронт капиталистических держав, необходимо было сплотить советские республики вокруг РСФСР для совместной защиты их интересов от покушений империалистов. Поэтому одновременно с разработкой программы, с которой должна была выступить на конференции Советская Россия, Политбюро ЦК РКП (б) занималось и таким весьма важным вопросом, как создание единой советской делегации, в которой были бы представлены все советские республики. Еще 20 января 1922 г. Политбюро признало необходимым создать единое дипломатическое представительство всех советских и народных республик Бухары, Хивы и ДВР на Генуэзской конференции³⁰. Этой цели и служило соглашение с РСФСР восьми независимых дружественных советских и народных республик (Азербайджанской, Армянской, Грузинской, Белорусской, Украинской, Хорезмской, Бухарской, Дальневосточной), заключенное 22 февраля 1922 г. По этому соглашению восемь республик поручили правительству Советской России представлять и защищать

²⁷ Материалы Генуэзской конференции: Полный стеногр. отчет. М. 1922, с. 38, 41.

²⁸ Ленинский сборник, XXXVI, с. 455.

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 63.

³⁰ ЦПА НМЛ, ф. 17, оп. 3, д. 255, л. 2.

163

на предстоящей конференции их интересы, заключать и подписывать от имени всех республик договоры и соглашения с иностранными государствами, как представленными на конференции, так и со всякими другими³¹.

Вместе с тем Советское правительство подготовило свой счет для предъявления его державам Антанты — участникам интервенции в Советскую страну. Это был контрудар по планам империалистов. Органами Советской власти была проведена большая работа по учету ущерба, нанесенного нашей стране интервентами. Убытки исчислялись более чем в 39 млрд. золотых рублей

Чтобы не допустить создания единого антисоветского фронта, советская делегация по дороге в Геную 30 марта провела в Риге совещание с представителями Польши, Латвии и Эстонии. Удалось договориться о принятии рекомендации всем участникам совещания согласовывать их действия на конференции³³.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В ГЕНУЕ

Накануне открытия Генуэзской конференции Председатель ВЦИК М. И. Калинин дал интервью газете «Известия», в котором заявил: «Самый факт созыва Генуэзской конференции является, с моей точки зрения, признанием экономической и политической силы РСФСР со стороны западноевропейских государств»³⁴.

Генуэзская конференция открылась 10 апреля 1922 г. В ней участвовали представители 29 государств³⁵. Наиболее важную роль среди делегаций капиталистических держав играли представители Англии, Франции, Италии, Бельгии и Японии. Большую активность проявил «наблюдатель», присутствовавший от правительства США.

Положительное влияние конференции на международное положение Советского государства сказалось задолго до начала ее работы. Само приглашение Советской Республики на конференцию, как говорилось в Обзорной записке НКВД, «закрепляло признание России как державы, без участия которой в европейских делах нельзя обойтись в дальнейшем»³⁶.

Ввиду опасности покушений со стороны империалистической агентуры, трудящиеся Советской страны решительно высказывались против поездки В. И. Ленина в Геную. В руководящие органы шли потоки писем с возражениями против его выезда за рубеж. Учитывая мнение общественности и ввиду ухудшившегося состояния здоровья В. И. Ленина, ЦК партии высказался про-

³¹ Документы внешней политики СССР, т. 5, с. 111.

³² Внешняя политика СССР: Сборник документов. М., 1944, т. 2, 1921—1924 гг., с. 348.

³³ Документы внешней политики СССР, т. 5, с. 174.

³⁴ Известия, 1922, 10 апр.

³⁵ Вместе с доминионами Англии — 34 государства.

³⁶ АВП СССР. Обзорная записка, составленная НКВД в начале мая 1922 г.

тив его поездки в Геную. Однако В. И. Ленин фактически направлял из Москвы всю деятельность советской делегации на конференции. На месте руководил делегацией Г. В. Чичерин.

В программном заявлении, оглашенном на конференции Чичериным, говорилось: «Оставаясь на точке зрения принципов коммунизма, российская делегация признает, что в нынешнюю историческую эпоху, делающую возможным параллельное существование старого и нарождающегося нового социального строя, экономическое сотрудничество между государствами, представляющими эти две системы собственности, является повелительно необходимым для всеобщего экономического восстановления. Российское правительство придает поэтому величайшее значение первому пункту каннской резолюции о взаимном признании различных систем собственности и различных политических и экономических форм, существующих в настоящее время в разных странах. Российская делегация явилась сюда не для того, чтобы пропагандировать свои собственные теоретические воззрения, а ради вступления в деловые отношения с правительствами и торгово-промышленными кругами всех стран, на основе взаимности, равноправия и полного и безоговорочного признания»³⁷.

Это заявление советской делегации, в котором была выражена линия, разработанная председателем СНК и председателем советской делегации В. И. Лениным и одобренная Политбюро ЦК РКП (б), явилось официальным публичным провозглашением ленинского принципа мирного сосуществования и сотрудничества государств с различным общественным строем. Содержание этого заявления (как и многих других документов советской внешней политики и ленинских высказываний) опровергает измышления буржуазных фальсификаторов истории о том, что при жизни В. И. Ленина принцип мирного сосуществования не применялся.

Советская делегация, руководствуясь указаниями В. И. Ленина, на первом же пленарном заседании конференции заявила, что она намерена «предложить всеобщее сокращение вооружений и поддержать все предложения, имеющие целью облегчить бремя милитаризма, при условии сокращения армий всех государств и дополнения правил войны полным запрещением ее наиболее варварских форм, как ядовитых газов, воздушной войны и других, в особенности же применения средств разрушения, направленных против мирного населения»³⁸. Таким образом, инициатива первой практической постановки вопроса о разоружении принадлежит создателю Советского государства — В. И. Ленину. «Разоружение есть идеал социализма,— писал он.— В социалистическом обществе не будет войн, следовательно, осуществится разоружение»³⁹. Однако сразу же после оглашения советской де-

³⁷ Материалы Генуэзской конференции, с. 78—79; Документы внешней политики СССР, т. 5, с. 191—192.

³⁸ Документы внешней политики СССР, т. 5, с. 193.

³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 152.

165

легацией своего предложения о всеобщем разоружении руководитель французской делегации Луи Барту вскочил с места и возразил, что вопрос о разоружении не значится в повестке дня конференции и что если «русская делегация предложит первой комиссии рассмотреть этот вопрос, она встретит со стороны французской делегации не только сдержанность, не только протест, но точный и категорический, окончательный и решительный отказ»⁴⁰. Учитывая, что высказанное Л. Барту отрицательное отношение к вопросу о разоружении разделялось фактически правительствами всех держав-победительниц, которые задавали тон и в Генуе, советская делегация оказалась вынужденной не настаивать на дальнейшем обсуждении этой важной проблемы.

Приветствуя мысль премьер-министра Великобритании о периодическом созыве международных конференций, советская делегация подчеркнула необходимость расширения их состава посредством включения представителей всех народов. «Установление всеобщего мира,— говорилось в советском заявлении,— должно быть проведено... Всемирным конгрессом, созванным на основе полного равенства всех народов и признания за всеми ними права распоряжаться своей собственной судьбой»⁴¹.

Трудящиеся массы всех стран восторженно встретили советские предложения. В адрес советской делегации отовсюду поступали телеграммы и письма с выражением одобрения ее деятельности. «Первое слово о разоружении,— писал один из участников делегации,— создало нам самое популярное имя во всем мире»⁴². Советские предложения о всеобщем сокращении вооружений представителями капиталистических государств были отклонены без обсуждения, однако это не умалило их значения и их популярности в народных массах. Вооруженная интервенция не удалась. Теперь империалисты искали иных средств для порабощения Советской страны. Генуэзская конференция и была использована западными державами, чтобы

попытаться закабалить Советскую Россию и включить ее снова в капиталистическую систему в качестве объекта эксплуатации. «Генуя,— писал Г. В. Чичерин,— была кульминационным пунктом программы мирного капиталистического внедрения в Россию»⁴³.

На заседании подкомиссии политической комиссии представители империалистических держав вручили советской делегации Лондонский меморандум экспертов⁴⁴, в котором содержались требования возврата иностранным капиталистам национализированных фабрик и заводов, уплаты всех долгов царского и Временного правительств. Для осуществления этих планов империалисты намеревались создать Комиссию русского долга по образцу тех комиссий, которые функционировали в колониально зависи-

⁴⁰ Материалы Генуэзской конференции, с. 83.

⁴¹ Документы внешней политики СССР, т. 5, с. 194.

⁴² Известия, 1922, 14 мая.

⁴³ Чичерин Г. В. Указ. соч., с. 230.

⁴⁴ Документы внешней политики СССР, т. 6, с. 245—249,

166

мых странах. Предполагалось, что эта комиссия получит возможность вмешиваться во внутренние дела Советского государства. Советской России явно хотели навязать режим капитуляций.

Предъявлением таких требований империалисты загоняли конференцию в тупик. На подобной базе не могло быть переговоров. Делегации некоторых капиталистических стран понимали это и изъявляли известную готовность искать путей выхода из тупика. Сразу же обнаружились противоречия между делегациями Англии и Франции по вопросам о долгах свергнутых правительств, о возврате предприятий и о кредитах.

Среди представителей капиталистических государств образовались две главные группировки: англо-итальянская и франко-бельгийская. К ним примыкали делегации других стран. Латвийский делегат, министр иностранных дел З. Мееровиц, отмечал, что Чичерин, «улыбаясь», загонял клин между Англией и Францией все глубже и глубже, что конференция (т. е. капиталистическая ее часть.— *Ред.*) раскололась на две основные группы (Англия — Италия и др. и Франция — Бельгия — Япония)⁴⁵. Непримируемая рознь экономических интересов делала единый фронт буржуазных государств непрочным.

Противоречия между делегациями главных капиталистических государств ярко обнаружились во время полуофициальных-получастных переговоров на вилле Альбертис (резиденции английского премьер-министра Ллойд-Джорджа) 14 и 15 апреля 1922 г. Переговоры вращались вокруг важнейших вопросов, поднятых меморандумом экспертов. В ответ на претензии, выдвинутые империалистами, советская делегация 15 апреля 1922 г. огласила документ о контрпретензиях Советской России в связи с огромным ущербом, нанесенным интервентами ее хозяйству⁴⁶.

Ллойд-Джордж сообщил от имени «союзников», что они готовы пойти на частичный отказ от военных долгов прежних правительств России (английское правительство желало иметь прецедент для того, чтобы самому освободиться от уплаты долгов США). Антанта обуславливала это отказом Советского правительства от требований возмещения ущерба, нанесенного интервенцией⁴⁷. Ллойд-Джордж требовал принципиального признания Советским правительством прав иностранных граждан на возвращение национализированного имущества, старых долгов, уплаты довоенного долга. Он намекал на то, что вместо реституции (возврата) собственности иностранцев можно согласиться на компенсацию в форме долгосрочной аренды концессии и т. п.

Французские представители заняли еще более непримиримую позицию и

добились срыва переговоров на вилле Альбертис. Однако ликвидировать расхождения между империалистическими державами не удалось.

⁴⁵ См.: *Сиполс В.* Тайная дипломатия. Буржуазная Латвия в антисоветских планах империалистических держав. 1919—1940 гг. Рига, 1968, с. 105.

⁴⁶ Документы внешней политики СССР, т. 5, с. 732.

⁴⁷ Там же, с 219—220

167

Еще больше раскололо фронт капиталистических государств событие, происшедшее 16 апреля 1922 г. В этот день в предместье Генуи Рапалло был подписан двусторонний договор между Советской Россией и Германией. Переговоры об урегулировании спорных проблем между ними велись в Берлине еще до Генуэзской конференции, но договор не был подписан, так как германское правительство надеялось использовать свои переговоры с Советской Россией для торга с державами-победительницами на Генуэзской конференции. Однако представители этих держав не пошли Германии навстречу. Германские правящие круги были обеспокоены тем, что комиссия экспертов в своем меморандуме признала право России на получение репараций с Германии.

С другой стороны, Советская Россия превратилась в важный фактор международной политики, с чем не могли не считаться правители Германии. Укрепление Советского государства в результате разгрома иностранных интервентов, а также твердость, проявленная советской делегацией в Генуе, — все это убедило германское правительство в том, что Советская Россия не капитулирует перед натиском капиталистических держав. Нормализация отношений с Советской Россией должна была улучшить международное положение Германии, усилить ее позиции в переговорах с державами-победительницами.

Экономические связи с Советской Россией также имели для Германии чрезвычайно важное значение. Емкость и близость советского рынка, который немецкие капиталисты надеялись монополизировать, сулили для них большие выгоды. Установления нормальных и дружественных отношений с Советской Россией настоятельно требовали трудящиеся массы Германии. «И при таком положении, — писал В. И. Ленин, — Германия, естественно, толкается на союз с Россией» ⁴⁸.

Советское правительство уполномочило свою делегацию подписать договор, вошедший в историю под названием Рапалльского. Договор предусматривал восстановление дипломатических отношений между РСФСР и Германией. Это был удар по империалистической политике изоляции Советской России. Рапалльский договор свидетельствовал о провале планов создания единого антисоветского фронта капиталистических держав ⁴⁹.

Рапалльский договор означал прорыв также и международной изоляции Германии, содействовал восстановлению ее международного положения. Заключив Рапалльский договор, Советская Россия стала первым государством, которое после войны признало побежденную Германию в качестве равноправного партнера.

Рапалльский договор предусматривал взаимный отказ Советской России и Германии от возмещения военных расходов и убытков, а также расходов на содержание военнопленных. Гер-

⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 104.

⁴⁹ См.: *Кобляков И. К.* От Бреста до Рапалло: Очерки советско-германских отношений 1918—1922 г.; М., 1954, с 196-209.

168

мания отказывалась от претензий (государственных и частных лиц) в связи с аннулированием старых долгов и национализацией иностранной собственности в

Советской России — «при условии, что правительство РСФСР не будет удовлетворять аналогичных претензий других государств». Это постановление договора нарушало единство капиталистических государств в их требовании о возвращении Советской страной иностранной собственности и о выплате долгов. Рапалльский договор явился примером урегулирования отношений между Советской Россией и капиталистическим государством на началах равноправия и взаимной выгоды. Для Германии Рапалльский договор был важной опорой в борьбе против засилия держав-победительниц. Отказ СССР от репараций подрывал позиции получателей репарационных платежей с Германии.

В Рапалльском договоре нашел конкретное выражение ленинский принцип мирного сосуществования и равноправного сотрудничества государств с различным строем, двух систем собственности — социалистической и капиталистической. Именно эту сторону и подчеркивал В. И. Ленин в этом советско-германском договоре. «*Действительное равноправие двух систем собственности хотя бы как временное состояние,— писал В. И. Ленин,— пока весь мир не отошел от частной собственности и порождаемых ею экономического хаоса и войн к высшей системе собственности,— дано лишь в Рапалльском договоре*»⁵⁰. Заключение Рапалльского договора было важной победой советской внешней политики. Оно способствовало дальнейшему укреплению международного положения Советской страны.

Подписание Рапалльского договора,— говорилось в Отчете НКВД за 1922 г.,— «ознаменовало собой поворотный пункт как во взаимоотношениях Германии и РСФСР, так и во вступлении последней на твердую почву полных дипломатических договоров с державами Запада»⁵¹.

Договор предоставлял большие экономические выгоды для Германии. Его благотворные результаты сказались уже к концу 1922 г. Экспорт из Германии в РСФСР вырос со 160,2 млн. руб. в 1921 г. до 367,1 млн. руб., т. е. более чем в два раза⁵².

Подписание Рапалльского договора было встречено с большим удовлетворением советским и немецким народами. Оно соответствовало их интересам и содействовало укреплению дружественных отношений между ними. В. Ульбрихт справедливо отмечал, что «заклучением Рапалльского договора доктор Вирт (рейхсканцлер.— *Ред.*) выполнил желание большинства германского народа наладить мирные и дружественные взаимоотношения с Советской Россией»⁵³. Рапалльский договор расстроил

⁵⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 193.

⁵¹ Международная политика РСФСР в 1922 г. М., 1923, с. 30.

⁵² Торговые отношения СССР с капиталистическими странами. М., 1938, с. 128.

⁵³ Вопросы истории, 1954, № 5, с. 60.

планы западных империалистов. Они подняли неистовый шум по поводу заключения договора и потребовали его расторжения.

Советское правительство дало указание своей делегации твердо защищать договор с Германией и право Советской страны заключать подобные договоры, никого не извещая и никого не спрашивая, а также максимально защищать интересы и права Германии. Советская делегация успешно выполнила эту задачу.

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет в резолюции, составленной В. И. Лениным, приветствовал заключение Рапалльского договора как образец для урегулирования отношений между государствами различных систем, как пример мирного сотрудничества между ними. Он дал Совету Народных Комиссаров и Народному комиссариату по иностранным делам директиву впредь придерживаться принципов Рапалльского договора при урегулировании отношений с другими странами⁵⁴.

«Рапалльский договор,— говорил Чичерин,— это есть образец договоров, которые мы хотели бы заключить со всеми государствами. Мы неуклонно идем и будем продолжать идти по этому пути — по пути развития со всеми народами все более тесных политических и экономических отношений»⁵⁵.

После срыва полуофициальных переговоров на вилле Альбертис и заключения Рапалльского договора делегации империалистических государств изыскивали предлоги для срыва конференции.

Тем временем советская делегация ознакомилась с содержанием доклада экспертов и четко сформулировала свое отношение к нему. В меморандуме от 20 апреля 1922 г. она заявила, что доклад экспертов противоречит каннской резолюции от 6 января 1922 г. Империалистические круги, говорилось в советском документе, лицемерно говорят о своем уважении к русскому народу. На деле они хотят его закабалить. Из меморандума далее следовало, что предпосылкой нормальных экономических связей с капиталистическими странами должно быть установление дипломатических отношений, признание Советского правительства де-юре и отказ от попыток навязать России «систему капитуляций», от покушений на ее суверенитет. В меморандуме указывалось, что Советское правительство юридически не обязано возмещать иностранцам ущерба, понесенного ими в результате национализации их собственности или аннулирования долгов прежних правительств России. Революция, говорилось в меморандуме, «прервала преемственность... обязательств». Тем не менее, Советское правительство, «желая найти почву для соглашения и восстановления деловых связей с иностранным капиталом», изъявляло готовность возместить убытки иностранцам при условии, что будет соблюдена взаимность и иностранные державы, в свою очередь, возместят ущерб, нанесенный ими Советской стране во

⁵⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 193.

⁵⁵ Чичерин Г. В. Указ. соч., с. 289.

170

время интервенции. В связи с этим в своем меморандуме Советское правительство официально предъявило империалистам контрпретензии за ущерб, причиненный интервенцией, в сумме 39 млрд. золотых рублей.

Советская делегация отвергла уплату военных долгов прежних правительств, изгнанных народом. «Русский народ,— говорилось в меморандуме,— принес в жертву общесоюзным военным интересам больше жизней, чем все остальные союзники вместе». Советское правительство отвергало также и требование о возвращении предприятий, экспроприированных Октябрьской революцией. Вместе с тем оно выражало готовность оказывать при сдаче предприятий в концессию предпочтение бывшим владельцам.

В меморандуме от 2 мая буржуазные государства в основном повторяли требования меморандума экспертов, кое в чем даже ухудшая их. Советская делегация в ответе от 11 мая 1922 г. поставила вопрос об иностранных кредитах для восстановления и развития народного хозяйства России. В нем отвергалось обязательство уплаты старых государственных долгов и частных претензий в качестве предварительного условия для рассмотрения вопроса о кредитах.

Но, желая наладить деловое сотрудничество с капиталистическими странами, Советское правительство изъявило готовность уплатить довоенные долги при условии, что государства-кредиторы откажутся от претензий в отношении военных долгов и предоставят России достаточную финансовую помощь. Советское правительство поручило делегации разъяснить на конференции, что выплата довоенных долгов может начаться не ранее чем через 15 или в крайнем случае через 10 лет и что Советское правительство готово учесть интересы

мелких держателей⁵⁶.

«Российское правительство,— говорилось в ответе на меморандум союзников,— делегировало своих представителей на Генуэзскую конференцию в надежде достичь здесь соглашения с другими государствами, которые, не покушаясь на установленный в России после революции и победоносного отражения интервенций социальный и политический режим, должны были не затруднять, а облегчить экономическое и финансовое положение России и одновременно расчистить путь для улучшения экономического положения Европы... Россия не побеждена. К общему соглашению может повести лишь такой тон переговоров, который обычно применяется среди держав, разговаривающих между собой на равных правах»⁵⁷.

Следует особо выделить позицию правящих кругов США в период подготовки и работы Генуэзской конференции. США являлись противником ее созыва и самой идеи мирного урегули-

⁵⁶ АВП СССР. Указание Советского правительства заместителю главы делегации СССР на Генуэзской конференции Г. В. Чичерину от 17 апреля 1922 г.

⁵⁷ Материалы Генуэзской конференции, с. 240.

171

рования отношений с Советским государством⁵⁸. Они отрицательно отнеслись к решению Верховного совета Антанты о приглашении Советской России на конференцию. В докладе НКВД на заседании ВЦИК 27 января 1922 г. отмечалось, что американское правительство было наиболее непримиримым врагом советского народа⁵⁹. Бывший русский посол в США Бахметьев не без злорадства писал бывшему русскому послу в Париже, что США ставят предварительным условием для признания России полное устранение большевистского режима⁶⁰. В ответ на приглашение участвовать в работе конференции государственный секретарь США Юз 8 марта 1922 г. ответил отказом. США ограничились тем, что направили в Геную своего «наблюдателя». Но в ответной ноте Юза многозначительно указывалось, что «в интересах всех держав должна быть установлена справедливая и равная для всех возможность участия в экономической жизни этой страны», т. е. России⁶¹.

Монополисты США ревниво следили за тем, как бы их английские или другие конкуренты не монополизировали русского рынка. Вместе с тем американские правящие круги полагали, что если Советская Россия капитулирует и примет так называемый «принцип равных возможностей», упомянутый в ноте Юза, то ни одна из империалистических стран не сможет конкурировать с США в эксплуатации богатств России, что в этом случае США сумеют вытеснить другие капиталистические страны из экономики Советской страны и подчинить ее полностью своему господству. В первую очередь американские империалисты намеревались захватить кавказскую нефть. Но на нее претендовали капиталистические монополии Англии, Франции и других стран. Империалисты США были наиболее яркими противниками восстановления хозяйства Советской России и установления деловых связей с ней на началах равноправия. Они выступали вдохновителями политики бойкота и изоляции Советского государства.

Прикрываясь ширмой официального «неучастия», США на деле играли активнейшую роль во всей работе Генуэзской конференции и приложили свою руку к ее срыву. Всей этой деятельностью руководил американский посол в Риме Чайлд, который присутствовал на конференции в качестве «наблюдателя». В 20-х числах апреля 1922 г. Юз опубликовал заявление, где было сказано, что США не потерпят никакого соглашения, которое устраняло бы американский капитал от участия в русских нефтяных концессиях. Представители США собирались

принять определенные меры для защиты американских интересов. 7 мая Чайлд в беседе с Ллойд-Джорджем заявил, что наступило время

⁵⁸ Документы внешней политики СССР, т. 5, с. 63, 64.

⁵⁹ Материалы Генуэзской конференции, с. 20.

⁶⁰ АВП СССР. Письмо бывшего посла России в США Бахметьева бывшему послу России в Париже от 11 марта 1922 г.

⁶¹ Материалы Генуэзской конференции, с. 36.

172

отложить конференцию и создать комиссию для «обследования» России. Все это свидетельствовало об острой борьбе США и Англии за кавказскую нефть.

Усилиями французских и американских империалистов, их соучастников и прислужников Генуэзская конференция фактически была сорвана. На третьем пленарном заседании 19 мая 1922 г. она была объявлена прерванной. Было принято решение, что 26 июня ее работу продолжит комиссия, которая соберется в Гааге, чтобы еще раз рассмотреть разногласия, существующие между Советским правительством и правительствами государств Антанты.

СОВЕТСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ СПОРНЫХ ПРОБЛЕМ НА ГААГСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Гаагская конференция явилась продолжением Генуэзской, но на ней присутствовали не полномочные представители стран-участниц, а только эксперты. На Гаагскую конференцию были приглашены все страны, представленные в Генуе, за исключением Германии.

США отнеслись к Гаагской конференции в основном так же, как и к Генуэзской. Они стремились сорвать конференцию, вновь выдвигая уже отвергнутые Советским правительством предложения о посылке комиссии для обследования внутреннего положения России⁶². Формально США отказались от участия в конференции, но их представители под видом «наблюдателей» активно вмешивались в ее работу, так же как и в Генуе.

Еще до открытия конференции империалисты договорились действовать единым фронтом. Представители капиталистических стран собрались на 10 дней раньше прибытия советской делегации. До встречи с ней так называемая «нерусская комиссия» вынесла решение, запрещающее отдельным делегациям вступать в отдельные переговоры и заключать двусторонние соглашения с Советской Россией.

Официально Гаагская конференция открылась 26 июня 1922 г. На первом же заседании подкомиссия по вопросам частной собственности потребовала от РСФСР возврата всей национализированной иностранной собственности или же полной компенсации бывших владельцев. В подкомиссии долгов было заявлено, что Советская Россия может надеяться на получение кредитов только при условии признания всех долгов. Кредитная подкомиссия выдвинула требование отмены монополии внешней торговли.

Задача советской делегации на конференции заключалась прежде всего в том, чтобы дать достойный отпор этим домогательствам капиталистов. Делегация направилась в Гаагу с твердым решением отстаивать завоевания Октябрьской революции и

⁶² АВП СССР. Заявление председателя советской делегации перед отъездом в Гаагу о задачах и перспективах конференции, июнь 1922 г.

173

суверенитет рабоче-крестьянского государства. Советская делегация была уполномочена, как и в Генуе, выступать от имени всех братских республик, вести от их имени переговоры и заключать соглашения. Она ставила вопрос о кредитах

и других формах привлечения иностранного капитала к восстановлению народного хозяйства. Речь шла о широких соглашениях со всеми государствами — участниками конференции с обязательным соблюдением, однако, достоинства и интересов советских республик⁶³. Важно было получить значительные кредиты на приемлемых условиях. Делегация назвала сумму кредитов на ближайшие три года в 3224 млн. золотых рублей⁶⁴. При этом указывалось, что полученными кредитами Советское правительство намерено распорядиться без вмешательства извне и использует их в тех . отраслях хозяйства, которые играют наиболее важную роль в общем подъеме экономики страны. Было также объявлено, что большая часть кредитов предназначалась для покупки промышленного оборудования в тех странах, которые предоставят эти кредиты.

Советская делегация вновь заявила, что претензии бывших владельцев в отношении возврата национализированной собственности являются утопией, не имеющей под собой никаких правовых и моральных оснований. В интересах установления деловых связей с капиталистическими странами, ради ускорения восстановления народного хозяйства Советской России и других советских республик делегация изъявила готовность удовлетворить бывших иностранных владельцев национализированных предприятий предоставлением им концессий на их прежние или иные предприятия⁶⁵.

Советская делегация предложила список предприятий, рудников, нефтяных месторождений, лесных разработок и т. д., которые могли бы быть сданы в концессию. Глава советской делегации по поручению правительства разъяснил, что предоставление концессий не является признанием прав иностранных капиталистов на национализированные предприятия, что сдача концессий рассматривается «исключительно с точки зрения интересов России и ее хозяйственного возрождения»⁶⁶. Член советской делегации Л. Б. Красин посоветовал капиталистам твердо и навсегда усвоить принципиальное положение о том, что «ни в коем случае не может быть речи о восстановлении прежних собственников в их правах. На это Советское правительство никогда не пойдет»⁶⁷.

Советская Россия изъявила готовность в случае отказа империалистов от военных долгов в свою очередь отказаться от

⁶³ АВП СССР. Письмо председателя советской делегации председателю «нерусской комиссии» Патену от 16 июля 1922 г.

⁶⁴ Гагская конференция: Собрание документов. М., 1922, с. 277.

⁶⁵ Там же, с. 41.

⁶⁶ Документы внешней политики СССР, т. 5, с. 481.

⁶⁷ Там же, с. 493.

контрпретензий за ущерб, нанесенный интервенцией. Было вновь заявлено, что при условии предоставления выгодных кредитов Советская Россия согласна признать довоенные государственные долги без начисления процентов за истекшее время⁶⁸.

После конференции в Женеве капиталисты все еще мечтали о возврате национализированной собственности. Но когда они убедились в Гааге в полной иллюзорности этих планов, судьба конференции была предreshена.

Ввиду нежелания капиталистических держав вступить в нормальное деловое сотрудничество с Советской Россией, к середине июля 1922 г. Гагская конференция оказалась в тупике, чему, как и в Женеве, во многом способствовали действия США. Американские «наблюдатели» получили указание от государственного секретаря Юза воспрепятствовать достижению соглашения между Советской Россией и капиталистическими государствами Европы. В связи с распространившимися слухами о попытках образования международного

консорциума под эгидой Англии для эксплуатации нефтяных богатств России правительство США решило ускорить срыв Гаагской конференции. Существенную помощь в этом ему оказали представители реакционных кругов Франции и Бельгии⁶⁹.

19 июля 1922 г. состоялось заключительное заседание «нерусской комиссии». В резолюции, принятой на этом заседании, говорилось, что даже такие уступки со стороны Советской России, как признание довоенных долгов, обязательство компенсировать бывших собственников-иностранцев и отказ России от обсуждения на конференции вопроса о предоставлении Советской стране правительственных и гарантированных правительством кредитов и о советских контрпретензиях, не явились бы достаточной базой для заключения с Россией общего соглашения. Было совершенно ясно, что некоторые участники «нерусской комиссии», наиболее заинтересованные в продлении финансово-экономической блокады России, стремились возможно скорее сорвать конференцию, опасаясь, в случае ее продления, распада единого антисоветского фронта. Это им удалось: 20 июля 1922 г., уже после закрытия конференции, «нерусская комиссия» собралась и по предложению бельгийского представителя Катъе приняла резолюцию, рекомендовавшую всем правительствам — участникам конференции и другим державам — не поддерживать «своих подданных в их попытках приобрести в России имущество, ранее принадлежавшее иностранным подданным и конфискованное после 1 ноября 1917 г., без согласия их иностранных владельцев или концессионеров»⁷⁰. Эта резолюция исключала возможность двусторонних соглашений.

Методы буржуазных дельцов весьма наглядно характеризует

⁶⁸ Там же, с. 515—516.

⁶⁹ Там же, с. 506.

⁷⁰ Там же, с. 752—753.

175

тот факт, что крупный английский капиталист Уркарт, входивший в состав английской делегации и голосовавший за эту резолюцию, вскоре после срыва Гаагской конференции, 9 сентября 1922 г., договорился с Л. Б. Красиным об условиях концессии на Урале и на принадлежавших Уркарту до революции Ленских золотых приисках.

В. И. Ленин высказался против этого соглашения с Уркартом, отметив его крайнюю экономическую невыгодность и опасность для РСФСР. «Предлагаю отвергнуть эту концессию, — писал В. И. Ленин. — Это кабала и грабеж»⁷¹.

В соответствии с ленинскими указаниями СНК РСФСР декретом от 6 октября 1922 г. отклонил концессионный договор, «ибо действия Англии... явно указывают на отсутствие дружеских, прочных и урегулированных отношений между Советской республикой и правительством страны, в которой находится центр русско-азиатского объединенного общества»⁷².

МОСКОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО СОКРАЩЕНИЮ ВООРУЖЕНИЙ

С окончанием гражданской войны Советская Россия приступила к одностороннему сокращению своих вооруженных сил. К середине 1922 г. их численность была доведена до 800 тыс. человек, т. е. сокращена более чем в шесть раз.

После того как советские предложения о разоружении были отклонены буржуазными государствами на конференции в Генуе, Советское правительство предприняло новые шаги, направленные на ограничение вооружений и вооруженных сил.

12 июня 1922 г. правительство РСФСР обратилось к правительствам Польши, Латвии, Эстонии и Финляндии с предложением созвать в Москве конференцию по сокращению вооружений с участием названных стран⁷³. Оно рассматривало Московскую конференцию в качестве первого шага к всеобщему разоружению, полагая, что в дальнейшем удастся расширить круг участников как переговоров, так и соглашения о разоружении. Несколько позже приглашение было направлено и Румынии.

Однако советское предложение было встречено в штыки: Польша и другие пограничные государства не хотели разоружаться. Латвийская миссия в Польше 20 июня 1922 г. доносила в МИД Латвии, что политика Пилсудского заключалась в том, чтобы вести себя в отношении большевиков «агрессивно»⁷⁴.

Правительство Эстонии 20 июня 1922 г. поставило вопрос о созыве совещания министров иностранных дел и военных экспертов Польши и прибалтийских стран для согласования их позиции

⁷¹ Ленинский сборник, XXXVI, с. 495.

⁷² Имеется в виду компания, директором правления которой состоял Уркарт (Международная политика РСФСР в 1922 г., с. 27).

⁷³ Документы внешней политики СССР, т. 5, с. 448.

⁷⁴ См.: *Сиполс В.* Тайная дипломатия, с. 88.

176

в отношении советского предложения⁷⁵. 1—3 августа в Таллине состоялось совещание военных представителей Польши, Финляндии, Латвии и Эстонии для выработки общей линии поведения. Такое же совещание, в котором участвовали также представители Румынии, было проведено еще раз во второй половине сентября 1922 г. в Варшаве. В заключительном протоколе совещания говорилось: «Какими бы ни были предложения, которые, несомненно, будут представлены на предстоящей конференции представителями России, они безусловно будут предусматривать значительное сокращение вооруженных сил Эстонии, Финляндии, Латвии, Польши и Румынии. Подобные предложения заранее следует признать неприемлемыми...»⁷⁶. Румыния поставила условием участия признание захвата Бессарабии, что было, конечно, отклонено. Начальник главного штаба латвийской армии генерал Пени-кис заявил, что Латвия не может демобилизовать ни одного солдата⁷⁷.

Московская конференция состоялась 2—12 декабря 1922 г. Советская делегация предложила план, основанный на принципах взаимного пропорционального сокращения сухопутных вооруженных сил, их уменьшения в течение полутора-двух лет до четверти наличного состава (т. е. на 75%). Предлагалось также сократить военные расходы путем установления определенной, одинаковой для всех договаривающихся стран бюджетной цифры расходов на одного военнослужащего⁷⁸, осуществить взаимную нейтрализацию пограничной зоны и распустить все иррегулярные военные формирования.

Уклоняясь от обсуждения конкретных предложений Советского правительства по действительному сокращению вооружений, представители Польши, Финляндии, Латвии и Эстонии принялись рассуждать о «моральном разоружении», о необходимости создать сначала атмосферу доверия между участниками переговоров. Для того чтобы увести переговоры в сторону от решения главного вопроса о разоружении, они выдвинули подготовленный ими проект договора о ненападении и арбитраже⁷⁹. Советская делегация не возражала против пакта о ненападении, но настаивала на сокращении вооружений, хотя бы на 25 %.

В ходе конференции все делегации в принципе согласились с предложением Советской России о сокращении вооруженных сил государств — участников конференции на 25 % (а не на 75 %, как предлагало Советское правительство).

Тем не менее Польша отказалась взять на себя какие-либо обязательства⁸⁰. Более того,

⁷⁵ ЦГИА Латвийской ССР. Донесение латвийского посланника в Эстонию Я. Сескиса в МИД Латвии от 20 июня 1922 г.

⁷⁶ ЦГИА Латвийской ССР. Заключительный протокол совещания от 23 сентября 1922 г.

⁷⁷ Известия, 1922, 6 дек.

⁷⁸ Документы внешней политики СССР. М., 1962, т. 6, с. 24—25.

⁷⁹ Там же, с. 50—53.

⁸⁰ Там же, с. 58.

177

делегации Польши, Финляндии, Латвии и Эстонии были уличены в представлении завышенных сведений о своих вооруженных силах. Предполагавшееся сокращение фактически не привело бы к их уменьшению.

Разоблаченные советской делегацией представители Польши, Финляндии, Латвии и Эстонии пошли на открытый срыв конференции, огласив 11 декабря декларацию-ультиматум, в которой они объявили неприемлемым метод разрешения вопроса о взаимном разоружении на основе пропорционального сокращения армий, предложенного советской делегацией⁸¹.

Таким образом, несмотря на усилия Советской России, правительство которой сделало все, чтобы добиться успеха в работе конференции, правительства стран польско-балтийского блока под давлением крупных империалистических держав пошли на срыв Московской конференции.

Заседавший в конце декабря 1922 г. X Всероссийский съезд Советов в обращении ко всем народам мира от 27 декабря 1922 г. указывал:

«В Генуе Советская Россия и ее союзники предлагали всеобщее разоружение, когда это было отвергнуто, правительство пролетариата пыталось провести политику разоружения, хотя бы в ограниченной сфере ближайших с Советской Россией государств, чтобы постепенно расширить круг разоружающихся. Но и это начинание было сорвано нежеланием соседей России идти на действительное сокращение армий.

Несмотря на все, сама Советская Россия приступила к разоружению и в короткий срок уменьшила свою армию с 5 миллионов до 800 000 и ныне продолжает сокращение, доводя свою армию до 600 000 человек. На деле доказала она свою преданность делу мира. Не на словах, не в резолюциях, не в обещаниях, а на деле»⁸².

Хотя Московская конференция вследствие происков буржуазных государств не привела к положительным результатам, деятельность советской дипломатии не пропала даром. Конференция сыграла большую роль в пропаганде идей мира и привлекла внимание народных масс к проблеме разоружения. Самый факт созыва первой в истории международных отношений конференции по разоружению именно в столице социалистического государства был весьма знаменательным.

ЛОЗАННСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Советская страна не только отстояла и оружием и за столом переговоров свое собственное право на самостоятельное развитие, но и оказала существенную помощь народам Востока в их борьбе за независимость⁸³. В числе этих народов находился и турецкий

⁸¹ Документы внешней политики СССР, т. 6, с. 58, 65—66.

⁸² Там же, с. 115.

⁸³ См. гл. V.

178

народ, продолжавший в 1922 г. тяжелую войну против греческих интервентов, за спиной которых действовали английские империалисты.

Разгром греческой армии заставил державы Антанты согласиться на переговоры с Турцией. Они пошли на созыв мирной конференции в Лозанне, где намеревались заняться урегулированием ближневосточных проблем, включая вопрос о черноморских проливах, чтобы в максимально возможной степени сохранить и закрепить свои пошатнувшиеся позиции на Ближнем и Среднем Востоке. В целях изоляции Турции и ослабления ее позиций «приглашающие державы» (Англия, Франция и Италия) решили провести эту конференцию без участия Советской России.

В нотах от 12 и 24 сентября 1922 г. Советское правительство решительно высказалось против того, что нечерноморские державы присвоили себе право регулировать режим проливов без участия России и против ее интересов, и разоблачило агрессивную сущность планов английского империализма. Советское правительство заявило, что оно не признает никаких решений конференции, принятых без его участия.

Протест Советского правительства вынудил «приглашающие державы» отступить от первоначального плана: они согласились допустить советскую делегацию на конференцию, но только на те заседания, где предполагалось обсуждение вопросов о проливах. Требование Советского правительства о том, чтобы наравне с его представителями на конференцию были приглашены также делегации Украины и Грузии и чтобы советская делегация участвовала с начала и до конца в работе конференции, не было принято. Тем не менее Советское правительство решило участвовать в конференции в целях защиты прав Советской страны как черноморской державы и для разоблачения империалистической политики западных держав. В состав делегации РСФСР были включены представители Украины и Грузии.

На конференции советская делегация выдвинула программу, разработанную В. И. Лениным. Она сводилась к трем пунктам:

1. Удовлетворение национальных стремлений Турции.
2. Закрытие проливов для всех военных кораблей в мирное и военное время.
3. Полная свобода торгового мореплавания⁸⁴. Конференция открылась 20

ноября 1922 г. В ней участвовали

Англия, Франция, Италия, Япония, Греция, Румыния, Югославия и Турция. От США присутствовал «наблюдатель». К обсуждению отдельных вопросов были привлечены Советская Россия, Болгария, Албания, Бельгия, Голландия, Испания, Португалия, Норвегия и Швеция.

4 декабря 1922 г. на заседании комиссии по проливам глава советской делегации Г. В. Чичерин огласил декларацию Совет-

⁸⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 240—241.

ского правительства. В ней говорилось, что советская делегация при разрешении вопросов, в обсуждении которых она примет участие, будет стремиться осуществить следующие два основных принципа: 1) равноправие России и ее союзников с другими державами; 2) сохранение мира и безопасности территорий России и союзных с ней республик, а также свободы их экономических сношений с другими странами⁸⁵.

Английский проект, изложенный Керзоном, поддержанный Францией и Италией, предусматривал право свободного прохода через проливы военных кораблей любой страны как в мирное, так и в военное время. Кроме того, Англия выдвинула предложение о демилитаризации побережья проливов и передаче контроля над ними международной комиссии с участием не только черноморских держав, но и тех, которые находятся в большом отдалении от Черного моря. Принятие английского проекта создавало бы постоянную угрозу черноморскому

побережью Советского союза, равно как и всех других черноморских государств. Оно означало бы нарушение государственного суверенитета Турции.

Не участвуя формально в конференции, представители США из-за кулис оказывали влияние на ее ход: они поддерживали английские предложения и добивались осуществления принципа «свободы» Черного моря, с тем чтобы можно было вводить туда свои военные корабли. Стремясь создать благоприятные условия для агрессивных действий против Советского государства с юга, правящие круги США в то же время выступали против попыток Англии установить в зоне проливов свое преобладание под ширмой международного контроля.

Советская делегация выступила 19 декабря 1922 г. против плана Керзона, охарактеризовав его как препятствие для мира на Ближнем Востоке и во всем мире. Она предложила свой проект «Правил для прохода судов через Дарданеллы, Мраморное море и Босфор». Советский проект требовал полной свободы прохода через проливы для торговых судов и для коммерческой авиации любой державы, но закрытия проливов для военных кораблей и военной авиации всех государств, кроме Турции. В проекте было оговорено право турецкого правительства в исключительных случаях разрешать проход легких военных кораблей, но не в военных целях. Советская делегация настаивала на выработке и принятии в течение трех месяцев международного акта, признающего Черное море закрытым морем прибрежных государств⁸⁶.

Турция, которая по договору 1921 г. с Советской Россией, а также по договорам с Украиной и Грузией обязалась считать вопрос о проливах делом черноморских держав, вопреки этим договорным обязательствам дала согласие на английский проект конвенции о проливах. Турецкая делегация начала сепаратные переговоры на базе керзоновских условий в надежде получить

⁸⁵ Документы внешней политики СССР, т. 6, с. 36.

⁸⁶ Там же, с. 92—96.

180

уступки от Англии по другим вопросам мирного договора. Это по сути дела и предрешило результаты работы комиссии о проливах. Керзон заявил, что советский проект неприемлем, и предложил передать согласование своего проекта в комитет экспертов, куда доступ советскому представителю был закрыт.

Тем не менее советская делегация продолжала борьбу за справедливое решение вопроса о проливах. При этом она фактически выступала в роли защитника интересов не только своего государства, но и всех черноморских государств.

В трех дополнительных нотах от 7, 13 и 20 января 1923 г. советская делегация опротестовала сепаратное совещание западных делегаций с Турцией. В выступлениях Г. В. Чичерина 1 февраля 1923 г. была обстоятельно показана неприемлемость для Советской страны проекта конвенции о режиме проливов, составленного в духе требований Керзона⁸⁷.

По ряду мотивов и главным образом для того, чтобы избавиться от присутствия советской делегации, Керзон добился перерыва в работе конференции.

На второй этап лозаннских переговоров, начавшийся 23 апреля 1923 г., советская делегация не была допущена под тем предлогом, что повестка дня не содержала вопроса о проливах. Когда в Лозанну в качестве члена советской делегации прибыл полпред в Италии В. В. Боровский, организаторы конференции лишили его дипломатических привилегий и прав, боясь с его стороны новых разоблачений их агрессивной политики. Вокруг В. В. Боровского была создана атмосфера травли, в которой и стало возможным его злодейское убийство 10 мая

1923 г.

24 июля 1923 г. на заключительном заседании Лозаннской конференции были подписаны мирный договор между союзными державами и Турцией и конвенция о режиме проливов, в основе которой лежал проект Керзона. Правда, был ограничен тоннаж военных кораблей, которые могли вводить в Черное море нечерноморские государства. В ответ на запрос секретаря конференции о том, готов ли СССР подписать конвенцию о проливах, Советское правительство еще раз изложило свои возражения, протестовало против нарушения прав турецкого народа, но заявляло, что в интересах укрепления мира оно все-таки готово подписать конвенцию. «...Если практика применения конвенции обнаружит, что она недостаточно гарантирует интересы торговли и безопасность Советских Республик, то они будут вынуждены поднять вопрос о прекращении ее действия»⁸⁸.

14 августа 1923 г. в Риме состоялось подписание Лозаннской конвенции. СССР не ратифицировал Лозаннскую конвенцию как нарушающую его законные права и не гарантирующую мира и безопасности черноморских стран.

⁸⁷ Там же, с. 173—178.

⁸⁸ Там же, с. 392.

181

На Лозаннской конференции Страна Советов вновь предстала перед всем миром, в особенности перед угнетенными народами Востока, как последовательный и твердый защитник их интересов и верный поборник всеобщего мира. Своим участием в Лозаннской конференции Советское правительство оказало также поддержку Турции в ее борьбе за независимость.

«УЛЬТИМАТУМ КЕРЗОНА»

На Лозаннской конференции английские империалисты перешли в наступление против СССР. Наиболее активным представителем антисоветской политики был Керзон. Английские империалисты намеревались нанести решительный удар Советской стране, чтобы приостановить дальнейший рост ее влияния в странах Востока.

В конце 1922 — начале 1923 г. английская дипломатия по инициативе Керзона предприняла в отношении Советского Союза целый ряд враждебных актов. Дело дошло до прямого вмешательства Англии во внутренние дела Советского Союза. Оно выразилось, в частности, в английском протесте против мнимых религиозных преследований в СССР. Эти шаги Англии имели целью развернуть антисоветскую пропаганду, сплотить реакционные силы капиталистических стран и подготовить обстановку для решительного выступления против СССР.

8 мая 1923 г. английский официальный агент в Москве Ходжсон вручил М. М. Литвинову обширный меморандум, вошедший в историю под названием «ультиматума Керзона». В нем выдвигались различные необоснованные обвинения и ультимативные требования: прекращения антибританской пропаганды в Иране и Афганистане, которой якобы занимались там советские представители, отзыва их, отказа Советского правительства от его ответных нот по поводу религиозных «преследований», освобождения задержанных в советских территориальных водах за незаконный лов рыбы английских траулеров и компенсации их владельцам и др.

Керзон стремился представить СССР в качестве нарушителя норм международного права, ставящего себя вне круга «цивилизованных народов». Он заранее отказывался от всякого обсуждения английских претензий и грозил

разрывом всяких отношений, если требования английского правительства не будут удовлетворены в 10-дневный срок⁸⁹.

Цель «ультиматума Керзона» заключалась в том, чтобы запугать СССР, заставить его уступить, подорвать его престиж в странах Востока, изолировать СССР от сопредельных стран Азии, надолго затормозив развитие его экономических и политических отношений с Ираном и Афганистаном, а если удастся, то и спрово-

⁸⁹ Документы внешней политики СССР, т. 6, с. 297—302.

182

цировать войну капиталистических государств против Советского Союза.

«Ультиматум Керзона» создал для СССР весьма напряженную обстановку. Британские консерваторы, по выражению Исполкома Коммунистической партии Англии, «спустили всех собак европейской реакции, чтобы спровоцировать войну с Россией»⁹⁰. Буржуазная пресса разных стран подхватила и стала раздувать антисоветскую кампанию.

Однако международная реакция жестоко просчиталась, недооценив силу Советского государства. Трудящиеся СССР с негодованием отвергли попытку разговаривать с ними языком ультиматумов и угроз. По всему Союзу состоялись многочисленные демонстрации, исполненные гневного протеста.

Советская дипломатия дала Керзону достойный отпор, разоблачив перед народами истинные цели ультиматума. В советской ответной ноте от 11 мая 1923 г. указывалось, что «разрыв отношений был бы чреват новыми опасностями и осложнениями, представляющими угрозу миру». Нота решительно отвергала ультиматумы и угрозы в качестве средств разрешения недоразумений между государствами вообще и установления нормальных отношений с советскими республиками в особенности. В ответе Советского правительства решительно отклонялась попытка английских империалистов диктовать СССР свою волю, требовать от него отказа от самостоятельной политики. В советской ноте разоблачался фальшивый характер приведенных Керзоном сведений относительно антибританской пропаганды, якобы проводимой советскими представителями. Наконец, в ноте указывалось, что одной из главных причин постоянно возникающих недоразумений между Советским Союзом и Англией является тот факт, что известные английские круги не хотят иметь дело с другими странами на началах действительного равенства сторон.

В то же время Советское правительство проявило в своем ответе стремление к мирному урегулированию спорных вопросов. Оно пошло на значительные уступки и предложило начать обсуждение советско-британских отношений в полном объеме на специальной конференции⁹¹.

Английское правительство убедилось, что Советское государство не боится его угроз. Поняв это, оно воспользовалось некоторыми возможностями «спасти лицо», которые ему разумно предоставила советская ответная нота, предложив обсуждение спорных проблем. Английское правительство сочло себя вынужденным уступить, и в июне 1923 г. обе стороны заявили, что считают конфликт исчерпанным. Английским консерваторам не удалось подорвать авторитет СССР в глазах народов Востока.

⁹⁰ Workers Weekly, 1923, May 12.

⁹¹ Документы внешней политики СССР, т. 6, с. 288—296.

183

*

На Генуэзской и Гаагской конференциях империалистические державы пытались добиться урегулирования отношений с Советской Россией на кабальных условиях и навязать ей полуколониальный режим. Эти планы потерпели полный крах. Империалистам не удалось добиться ни отмены монополий внешней

торговли, ни возвращения иностранной собственности, ни признания долгов царского и Временного правительств, ни тем более каких-либо обязательств, ущемляющих суверенитет Советского государства.

Советский Союз еще раз наглядно показал, что с ним нельзя говорить языком диктата и угроз, что в интересах самих капиталистических стран необходимо установить с ним дипломатические отношения и широкие торговые связи на основах полного равноправия.

Вместе с тем внешняя политика Коммунистической партии и Советского правительства сорвала попытки создания единого фронта империалистических держав. Уже на Генуэзской конференции СССР заключил с Германией договор, основанный на началах равноправия и взаимной выгоды.

На Генуэзской и Гаагской конференциях Советской России не удалось, однако, добиться установления нормальных отношений с капиталистическими странами, приемлемого урегулирования спорных вопросов, заключения торговых соглашений и получения кредитов. Капиталисты полагали, что их отказ сделает невозможным восстановление хозяйства Советской страны, позволит сломить ее волю и навязать ей неравноправные условия, ввергнуть ее в колониальную кабалу.

Но их расчеты провалились. Конечно, отказ империалистов в кредитах и вообще от широкого экономического сотрудничества на началах равноправия создал для советского народа огромные дополнительные трудности. Но советский народ, преодолевая эти неимоверные трудности ценой огромного напряжения сил, справился с задачей восстановления и развития хозяйства за счет своих собственных внутренних ресурсов. Это стало возможным благодаря диктатуре пролетариата и преимуществам социалистической системы.

Двенадцатая Всероссийская конференция РКП (б), состоявшаяся в августе 1922 г., в своей резолюции по докладу о международной политике заявила, что она «одобряет линию, проводившуюся ЦК в области направления внешней политики, и выражает удовлетворение позицией делегаций РСФСР в Генуе и Гааге». «Конференция, в связи с исходом Генуэзской и Гаагской конференций,— говорилось далее в резолюции,— обращает внимание всех членов партии на необходимость сосредоточить все силы и всю энергию на вопросах укрепления народного хозяйства, обеспечения трудящихся вообще и рабочего класса в особен-

184

ности и поддержания на должной высоте обороноспособности РСФСР»⁹².

Советское правительство, несмотря на препятствия, выявившиеся в Генуе и Гааге, продолжало неуклонно стремиться к развитию делового сотрудничества с капиталистическими странами. Оно исходило из того, что это сотрудничество необходимо не только Советской России, но и капиталистическим странам. «Ведь самые неотложные, насущные, практические и резко обнаружившиеся за последние годы интересы всех капиталистических держав,— говорил В. И. Ленин,— требуют развития, упорядочения и расширения торговли с Россией»⁹³.

30 декабря 1922 г. на состоявшемся в Москве первом Всесоюзном съезде Советов был принят Договор об образовании добровольного союза равноправных советских республик — Союза Советских Социалистических Республик.

Ленин и Коммунистическая партия были вдохновителями и организаторами государственного единства народов СССР.

Историческое значение образования Союза ССР всесторонне раскрыто в Постановлении ЦК КПСС о подготовке к 50-летию этого события. «Образование СССР,— подчеркнуто в нем,— по своей политической значимости и социально-экономическим последствиям занимает выдающееся место в истории

Советского государства»⁹⁴. Создание Союза ССР еще теснее объединило народы всех советских республик для братского сотрудничества и взаимной помощи в строительстве социализма, для дальнейшего совместного укрепления обороны страны, для осуществления единой внешней политики в отношениях с капиталистическими государствами, в борьбе за мир и безопасность. Создание Союза ССР еще более усилило Советскую страну, ее экономическую, политическую и военную мощь, увеличило возможности более активного ее воздействия на все международные отношения.

⁹² КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 397.

⁹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 71.

⁹⁴ КПСС в резолюциях, М., 1978, т. 11, с. 47.

VII ГЛАВА

ПРИЗНАНИЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА КАПИТАЛИСТИЧЕСКИМИ СТРАНАМИ (1924-1925 гг.).

ПРИЗНАНИЕ СССР АНГЛИЕЙ

1924 год вошел в историю внешней политики СССР как год признания Советского Союза буржуазными государствами. К этому времени советский народ добился значительных успехов в восстановлении экономики. XIII съезд РКП (б), состоявшийся в мае 1924 г., отметил большой экономический подъем в стране и укрепление позиций социализма в народном хозяйстве.

Крах попыток уничтожения Советского государства военной силой, экономический подъем, достигнутый после перехода к новой экономической политике, рост международного влияния СССР, заинтересованность деловых кругов в развитии экономических связей, увеличивающаяся популярность Советского социалистического государства среди рабочего класса капиталистических стран, а также среди угнетенных народов — все это побуждало западные державы признать, наконец, Советский Союз де-юре.

Установление дипломатических отношений между СССР и капиталистическими странами не сводилось к механическому акту признания Советского правительства иностранными государствами. Советское правительство считало, что признание является первым шагом в развитии политических связей СССР. Советская дипломатия стремилась установить нормальные отношения СССР со всеми странами капиталистической системы — конечно, на взаимовыгодной и равноправной основе.

Разъясняя это положение, народный комиссар по иностранным делам Г. В. Чичерин в письме советскому полпреду в Риме от 12 октября 1923 г. указывал, что «поскольку нам приходится поддерживать дружественные отношения с государствами с другой социально-экономической природой и с другими партиями во главе правительства, мы основываем эти дружественные отношения на тех или иных реальных интересах, торговых или иных. Это нисколько не меняет нашей социально-политической природы, ни природы нашего контрагента... Поступая так, мы нисколько не вступаем в противоречие с нашей программой и нашими взглядами. Мы только остаемся в пределах той практической

186

реальной области, где нам необходимы хорошие отношения с капиталистическими правительствами»¹.

Признание СССР, говорил Чичерин, было необходимо как для Советского Союза, так и для самих капиталистических стран, особенно потому, что оно облегчало экономические сношения. Он отмечал, что признание де-юре «...нужно не только нам, оно нужно и нашему контрагенту, и напрасно теперь, например, в Англии Макдональд и другие, которые, может быть, завтра возьмут власть, воображают, что они сделают нам какую-то честь, если признают нас де-юре. Ничего подобного! Это признание как де-юре одинаково нужно как нам, так и им... Действительно, почему так горячо реагировали в Англии избирательные собрания на все речи о признании Советской республики? Потому что они знают, они чувствуют, что для самой Англии наш рынок необходим, наше сырье необходимо»².

На путь нормализации отношений с Советским Союзом Англию толкало в первую очередь ее экономическое положение, которое продолжало систематически ухудшаться. После заключения англо-советского торгового соглашения 1921 г. торговля между двумя странами значительно расширилась. Однако ее оборот далеко еще не достиг довоенного уровня, хотя Советское государство могло бы торговать с Англией в больших масштабах, чем царская Россия.

Основными статьями английского импорта из СССР в то время являлись лес, зерно и другие товары, в которых Англия остро нуждалась и которые она обычно закупала за границей. Англия ввозила в СССР машины, оборудование, цветные металлы, химические товары, каучук, т. е. традиционные товары своего экспорта. Установление дипломатических отношений должно было, естественно, значительно улучшить условия для развития экономических связей и способствовать их расширению.

Нормализация дипломатических отношений с Советским Союзом вместе с тем укрепляла внешнеполитические позиции Англии в Европе.

22 января 1924 г. впервые в истории Англии было сформировано лейбористское правительство. Во главе его стал Макдональд, который занял также пост министра иностранных дел. Премьер лейбористского правительства должен был считаться с настроениями рабочего класса. Он также видел, что развитию экономических связей препятствует отсутствие нормальных отношений между двумя странами. Лейбористская партия в своей предвыборной платформе выдвинула лозунг нормализации отношений с СССР, который был очень популярным среди английских рабочих. «Лейбористская партия,— говорилось в ее предвыбор-

¹ АВП СССР. Письмо наркома по иностранным делам СССР Г. В. Чичерина полпреду СССР в Риме от 12 октября 1923 г.

² Чичерин Г. В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961, с. 273-274.

ном манифесте,— стоит за возобновление широких экономических и дипломатических отношений с Россией»³. С аналогичными пожеланиями выступали и лидеры либеральной партии, надеясь тем самым собрать значительное число голосов избирателей.

Среди части английской буржуазии усилились настроения в пользу восстановления отношений и развития торговых связей с СССР. Летом 1923 г. Советский Союз посетила делегация английских промышленников, возглавлявшаяся лидером консервативной партии Болдуином. В состав делегации входили представители ряда крупных английских промышленных компаний. По возвращении в Англию делегация выступила за предоставление кредитов Советскому Союзу и расширение англо-советской торговли. «К концу 1923 года лозунг признания СССР был настолько популярным в Англии,— указывалось в

годовом отчете НКВД за 1924 г.,— что даже некоторые консервативные органы печати... высказывались за восстановление нормальных отношений с нами»⁴.

Однако на пути улучшения советско-английских отношений стояли многочисленные трудности. Английское правительство пыталось навязать Советскому Союзу предварительные переговоры, в ходе которых Макдональд хотел в обмен за признание добиться от СССР согласия выплатить долги царского и Временного правительств. Об этом свидетельствует, например, письмо Макдональда его доверенному лицу Гренфильду от 3 января 1924 г., которое было затем передано Советскому правительству. В письме говорилось, что признание Советского правительства будет произведено «без всяких условий». Тем не менее Макдональд предлагал теперь же получить от Советского правительства некоторые обещания относительно его будущих уступок в пользу Англии. «Если, например, за признанием не последует разрешение неурегулированных вопросов,— писал он,— это очень тяжело отразится на рабочем правительстве». «Каковы намерения Москвы,— интересовался в этой связи Макдональд,— относительно применения английского капитала в форме концессий (лес, руда и т. д.) или капиталовложений (железные дороги и т. д.)? Предполагается ли это? Возможно ли принятие и одобрение Москвой, в случае признания, проектов соглашений, подобных соглашению с Уркартом? Как скоро Москва полагает урегулировать претензии к ней со стороны частных лиц?»⁵

В связи с указанным письмом советский официальный представитель в Великобритании сообщил 5 января 1924 г. в Наркоминдел: «Наша формула: признание независимо от всяких условий, само по себе, так сказать, принято только отчасти.

³ Daily Herald, 1923, Nov. 19.

⁴ Годовой отчет НКВД за 1924 год к III съезду Советов СССР. М., 1925, с.6.

⁵ АВП СССР. Письмо премьер-министра Англии Макдональда Гренфильду от 3 января 1924

г.
188

Данный деятель (т. е. Макдональд.— *Ред.*) соглашается с нашей точкой зрения, что признание должно быть без всяких условий... а также, что признание должно быть сделано немедленно. Но... чтобы отразить наступление, которое ожидается со стороны политических противников, желает иметь про запас документ с благоприятным ответом на те вопросы, которые поставлены в его письме от 3 января»⁶.

В соответствии с указанием НКВД советский представитель сообщил Макдональду о готовности Советского правительства вести переговоры с Великобританией по урегулированию спорных вопросов⁷.

В своем письме от 12 января 1924 г., адресованном советскому представителю, Макдональд вновь настаивал на том, что признание СССР должно быть обусловлено предварительным согласием Советского правительства на урегулирование спорных вопросов (прежде всего вопроса о долгах)⁸. Однако Советское правительство отвергло эти притязания английской стороны, носившие характер шантажа.

Затяжка решения вопроса о признании СССР взволновала английских рабочих. В Лондоне состоялся митинг протеста против проволочек в установлении отношений с СССР. В редакцию лейбористской газеты «Дейли геральд» поступали многочисленные письма с протестами против политики Макдональда. Обобщая эти письма, газета констатировала: «В рабочих кругах царит определенное нетерпение по поводу предстоящего признания Советского правительства»⁹. 29 января 1924 г. лондонские рабочие направили к английскому правительству делегацию с требованием о немедленном признании СССР. Как отмечал журнал «Лейбор мансли», признание СССР состоялось, «но это

произошло только в результате давления»¹⁰ масс.

Правительство Макдональда не решилось в первые же дни своей деятельности вызвать конфликт с английскими рабочими — своими избирателями.

По указанию из Лондона 2 февраля 1924 г. английский официальный агент в Москве Ходжсон направил Советскому правительству ноту, в которой говорилось о признании Великобританией СССР. В ноте подчеркивалось также, что «для создания нормальных условий установления вполне дружественных отношений и торговых отношений в полном объеме необходимо будет заключить определенные практические соглашения по ряду вопросов»¹¹. Здесь же английское правительство сделало оговорку,

⁶ АВП СССР. Донесение советского представителя в Англии заместитель наркома по иностранным делам СССР от 5 января 1924 г.

⁷ Документы внешней политики СССР. М., 1963, т. 7, с. 27.

⁸ Там же, с. 33.

⁹ Daily Herald, 1924, Jan. 29.

¹⁰ Labour Monthly, 1925, Jan., p. 25.

¹¹ Документы внешней политики СССР, т. 7, с. 53.

189

что оно признает Советское правительство «в качестве Правительства де-юре на территориях бывшей Российской империи, которые признают его власть»¹². Такая формулировка свидетельствовала о том, что английское правительство не отказалось от надежды, что на территории «бывшей Российской империи» все еще могут появиться, кроме Советского, и другие правительства, которые Англия тоже могла бы признать.

Английское правительство предлагало заключить соглашение о действительности договоров, заключенных между Россией и Англией до Октябрьской революции. При этом оно исходило из тезиса, что признание Советского правительства «автоматически вводит в силу все договоры, заключенные между обеими странами до Русской революции, за исключением тех, которые потеряли юридическую силу»¹³. Это условие имело целью восстановить все обязательства царского и Временного правительства в отношении Англии, аннулированные Советской властью.

В своей ответной ноте Советское правительство, подчеркнув, что дружественное сотрудничество народов Великобритании и Советского Союза является одной из его первых забот, с удовлетворением отметило, что «Британское Правительство признает де-юре Правительство Союза Советских Социалистических Республик, чья власть распространяется на все территории бывшей Российской империи, за исключением территорий, отделившихся с согласия Советского Правительства и образовавших самостоятельные государства»¹⁴.

Эта формулировка полностью отвечала интересам СССР. Она отстаивала его суверенитет и независимость. Принимая эту формулу, Англия тем самым вынуждена была признать суверенитет Советского правительства над всей территорией СССР, а также над территориями, захват которых не признавался Советским Союзом, например над Бессарабией. Правительство СССР заявило также, что оно готово обсудить и решить дружественным образом все вопросы, вытекающие прямо или косвенно из фактора признания. Оно выразило готовность «прийти к соглашению с Британским Правительством по вопросу о замене старых договоров»¹⁵.

2 февраля 1924 г. II Всесоюзный съезд Советов принял резолюцию, в которой отмечалось, что признание СССР Англией явилось «результатом соединенных усилий миролюбивой политики Советского Правительства под руководством В.

И. Ленина и громко выраженной упорной воли английского народа» и что оно было осуществлено «в форме, достойной великих народов обеих стран и закладывающей фундамент для их дружественного сотрудничества».

¹² Документы внешней политики СССР, т. 7, с. 53.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, с. 54.

¹⁵ Там же, с. 54—55.

190

Одновременно с официальной нотной перепиской по вопросу об установлении дипломатических отношений Макдональд и Чичерин обменялись частными письмами. В письме от 1 февраля 1924 г. Макдональд предложил обменяться не послами, а поверенными в делах. По его мнению, послов можно было бы назначить после «достижения основного соглашения»¹⁶.

13 февраля 1924 г. Чичерин направил Макдональду письмо, в котором поздравил его с установлением дипломатических отношений между СССР и Англией и пожелал успехов в его деятельности. Чичерин также подчеркнул стремление СССР к миру и дружественному сотрудничеству с Великобританией. Одновременно он выразил изумление по поводу предложения Макдональда назначить послов лишь после урегулирования спорных вопросов¹⁷. Чичерин отмечал, что такая отсрочка «будет истолкована как признак того, что что-то происходит за кулисами, она явится поводом к бесчисленным подозрениям и домыслам. Возникнет, например, естественное подозрение, что Британское Правительство пытается таким образом оказать на нас давление. Это создаст крайне неблагоприятное впечатление, так как наши народы знают, что путем давления на нас нельзя достигнуть никакого успеха». В заключение Чичерин призывал правительство Макдональда не ставить препятствий в развитии советско-английских отношений: «Пойдем же теперь вперед, и пусть взаимное примирение будет нашим девизом»¹⁸. Однако английское правительство не прислушалось к советским предложениям, и долгое время стороны были представлены поверенными в делах.

Установление дипломатических отношений между СССР и Великобританией имело большое политическое и экономическое значение. Оно встретило одобрение английских трудящихся и части английской буржуазии. Касаясь реакции в Англии на это событие, советский полпред в Лондоне писал 15 февраля 1924 г. в НКВД: «Определенно можно сказать, что признание рабочим правительством Советского Союза не встретило серьезной критики. Только Керзон назвал это признание „величайшей ошибкой в мире“. Болдуин хотя тоже высказал некоторые опасения и поставил Макдональду целый ряд вопросов в связи с нашим признанием, но его речь (имеется в виду речь Болдуина в палате общин.— *Ред.*) вовсе не проникнута агрессивностью по отношению к нам. Лорд Грей в палате лордов и Асквит в палате общин высказались безоговорочно одобрительно за признание. Случилось то, что не трудно было предвидеть. После того, как признание было дано, все или почти все заявили его сторонниками»¹⁹.

¹⁶ Там же, с. 99.

¹⁷ Там же, с. 98—99.

¹⁸ Там же, с. 99.

¹⁹ АВП СССР. Письмо полпреда СССР в Англии в НКВД СССР от 15 февраля 1924 г.

191

Нормализация советско-английских дипломатических отношений была большим успехом миролюбивой внешней политики СССР, добившейся признания со стороны крупнейшей капиталистической страны Европы.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ АНГЛИЕЙ И СССР

Само по себе признание не означало, однако, автоматического улучшения политических и экономических отношений между Англией и СССР. Для этого необходимо было урегулировать ряд сложных нерешенных вопросов и подвести более солидную правовую базу под развитие торговых отношений. Эту цель преследовала проходившая в Лондоне с 14 апреля по 12 августа 1924 г. англо-советская конференция.

Коммунистическая партия и Советское правительство придавали большое значение конференции, понимая, что от ее благоприятного исхода зависит не только улучшение отношений с Великобританией, но и улучшение всей международной обстановки в Европе. На заседаниях пленума ЦК РКП (б) в конце марта — начале апреля 1924 г. были обсуждены и одобрены решения Политбюро о задачах англо-советских переговоров.

Советское правительство, учитывая важность предстоящих переговоров, послало в Лондон делегацию не только правомочную, но политически весьма авторитетную. В делегацию были включены как члены ЦК и Президиума ЦИК, так и представители ряда народных комиссариатов, руководители Государственного банка, представители отдельных республик, всех важнейших отраслей промышленности и центральных комитетов некоторых профессиональных союзов.

На первом заседании конференции главы делегаций выступили с заявлениями о позиции своих правительств. Советский делегат заявил, что Советское правительство, помимо политических и экономических вопросов, касающихся отношений между двумя государствами, поставит на обсуждение важные международные политические проблемы, такие, как всеобщее сокращение вооружений, расширение международного сотрудничества, пересмотр Версальского договора и других договоров, с ним связанных.

В заявлении советской делегации с глубоким сожалением констатировалось, что, несмотря на мирные договоры, заключенные после мировой войны, никогда еще социальный и национальный антагонизм не выступал с такой остротой. «Во время и после мировой войны раздавались голоса о том, что это последняя война и что она положит конец развитию милитаризма, но эти надежды оказались иллюзорными. И теперь военные бюджеты поглощают значительную долю национального дохода, и теперь внимание всех правительств устремлено прежде всего на военные приготовления. Никогда человеческий ум так не изощрялся

192

в изыскании новых разрушительных средств, как теперь. Все сведующие люди согласны с тем, что новая война, в случае ее возникновения, благодаря развитию военной химии, военной авиации, военного судостроения и усовершенствованию артиллерии будет самой разрушительной из всех войн, которые знала история человечества. Поэтому мы считаем, что вопрос о разоружении должен встать перед правительствами со всей ясностью и категоричностью. Разоружение должно быть доведено до возможных пределов»²⁰.

Советский представитель указал, что Союз Советских Социалистических Республик за период с 1921 по 1924 г. сократил свою армию в 12 раз и довел ее с 6 млн. до 500 тыс. человек. Представитель СССР также подчеркнул, что Советский Союз готов при наличии согласия со стороны других государств сделать дальнейший решительный шаг в деле разоружения, а кроме того всячески содействовать всеобщему сокращению морских вооружений²¹.

«Мы считаем,— сказал в заключение советский делегат,— что различие в социальной структуре наших стран не может явиться препятствием для их политического и экономического сотрудничества»²².

Советская сторона выразила готовность разрешить спорные вопросы, которые

являлись препятствием на пути тесного англо-советского сотрудничества. К их числу были отнесены проблемы довоенных долгов, других взаимных претензий и предоставления кредитов.

Выступление английских представителей свелось к предъявлению советской стороне ряда требований, в значительной части неприемлемых. Так, Англия потребовала от Советского Союза признать все долги; удовлетворить претензии британских держателей русских ценных бумаг и бывших собственников национализированного Советской властью имущества иностранцев; возобновить прежние договоры, существовавшие между Россией и Англией; заменить торговый договор 1921 г. коммерческим соглашением. Выделялось также пресловутое требование о прекращении антибританской пропаганды²³.

Не удивительно, что переговоры затягивались и не приносили положительных результатов. Советское правительство заявило, что частичное возмещение долгов может осуществляться лишь при условии предоставления займа, большая часть которого пойдет на закупку английских товаров, а следовательно, на расширение англо-советской торговли²⁴. Но английская сторона продолжала настаивать на безоговорочном признании всех ста-

²⁰ Документы внешней политики СССР, т. 7, с. 197.

²¹ Там же.

²² Там же, с. 109.

²³ АВП СССР. Стеногр. отчет англо-советской конференции.

²⁴ Правда, 1924, 30 апр.

193

рых долгов и категорически отказывалась принять советское предложение о правительственной гарантии предполагаемого займа Советскому Союзу.

4 августа конференция зашла в тупик. Многочасовое обсуждение, вылившееся в ожесточенные споры, не привело к соглашению. Английская делегация в ультимативной форме предложила, чтобы Советское правительство удовлетворило все претензии английских подданных, чье имущество было национализировано в Советской России. Советская сторона согласилась лишь на признание обоснованных претензий, принятых Советским правительством²⁵. В ответ на это английский представитель заявил, что «переговоры и все соглашения потерпели неудачу»²⁶.

Срыв переговоров взволновал английских рабочих, которые потребовали принятия мер к успешному завершению работы конференции. На многих предприятиях Лондона прекратилась работа. В палате общин состоялось обсуждение вопроса об англо-советских договорах. Был созван исполком лейбористской партии, на котором большинство членов исполкома высказалось за принятие советских предложений и подписание договоров. В результате всего этого 8 августа 1924 г. между Великобританией и СССР были подписаны два договора: общий, заключение которого было предусмотрено англо-советским торговым соглашением 1921 г., и торговый²⁷.

Согласно Общему договору Советское правительство согласилось частично удовлетворить претензии британских держателей довоенных царских долговых обязательств и начать в порядке исключения переговоры с британскими подданными — бывшими владельцами национализированного имущества в России о порядке компенсации их обоснованных претензий. Окончательная сумма, подлежащая выплате, должна была быть определена посредством дальнейших переговоров и составить предмет нового договора. После того как этот новый договор будет подписан, английское правительство обязывалось предпринять необходимые шаги к предоставлению правительственных гарантий для займа Советского правительства в Англии. Вопросы о военных долгах и контрпретензиях СССР по возмещению ущерба, причиненного интервенцией,

оставлялись «для обсуждения впоследствии». Это означало, что они откладывались на неопределенный срок.

Англо-советский торговый договор признал государственную монополию внешней торговли в СССР, определил правовое положение торгового представительства СССР, его функции и предоставил торгпреду и его сотрудникам личный иммунитет, а служебным помещениям торгпредства — экстерриториальность. Договор был построен на взаимном применении принципа наибольшего благоприятствования. При заключении обоих этих

²⁵ АВП СССР. Стеногр. отчет англо-советской конференции.

²⁶ Там же.

²⁷ Документы внешней политики СССР, т. 7, с. 609—635.

194

договоров Советское правительство успешно отстояло государственные интересы СССР.

На последнем заседании конференции советская делегация огласила декларацию по важнейшим международным проблемам. В ней Советское правительство выступило против военных союзов, которые всегда приводили к войне, и заявило о необходимости разоружения.

После подписания англо-советских договоров реакционные силы Англии усилили антисоветскую кампанию, добиваясь аннулирования этих важных актов. Среди лиц, которые наиболее резко выступали против договоров, были консерваторы Черчилль²⁸ и Чемберлен, либералы Ллойд-Джордж, Асквит и др.

Английская реакция в предвыборной борьбе использовала очередную антисоветскую фальшивку — так называемое письмо Зиновьева, бывшего в то время председателем Исполкома Коммунистического Интернационала. Это «письмо» было якобы послано им руководству английской компартии. В фальшивке перечислялись различные способы организации государственного переворота и захвата государственной власти коммунистами.

Макдональд не мог не знать, что это письмо является подложным. Тем не менее английское правительство направило на имя советского полпреда в Лондоне ноту, в которой обвиняло Советское правительство во вмешательстве во внутренние дела Англии и нарушении договора от 8 августа 1924 г. Советское правительство без труда доказало, что «письмо Коминтерна» — бессовестная и грубая подделка. Оно предложило передать расследование этого дела беспристрастному третейскому суду. Созданная лейбористским правительством по требованию общественности специальная комиссия в своем докладе заявила, что никто не видел оригинала этого документа. Макдональд впоследствии сам вынужден был признать, что подлинность его не доказана. Тем не менее английское правительство, уклонившись от передачи дела на третейский суд²⁹, позволило использовать «письмо Коминтерна» для срыва англо-советских договоров.

В октябре 1924 г. лейбористское правительство распустило парламент и назначило новые выборы, на которых лейбористы потерпели поражение. Победу одержали консерваторы, и был образован консервативный кабинет во главе с Болдуином. 24 ноября он заявил, что не может представить договоры на рассмотрение парламента или предложить их для ратификации королю. Таким образом, верх в английских правящих кругах взяли сторонники антисоветской тенденции, проводившие политику борьбы с Советским государством и все еще рассчитывавшие его уничтожить.

В срыве англо-советских договоров сыграли свою роль и Соединенные Штаты Америки. США, стоявшие на платформе

²⁸ Черчилль к этому времени вновь возвратился из лейбористской партии в консервативную, из которой он вышел перед первой мировой войной.

²⁹ Документы внешней политики СССР, т. 7, с. 718—720.

непризнания СССР, стремились воспрепятствовать сближению между Советским Союзом и Англией. Кроме того, они выступали против идеи аннулирования военных долгов, провозглашенной в англо-советских договорах. Как говорил Г. В. Чичерин, англо-советский договор вызвал недовольство реакционных верхов капиталистического мира, которые желают теперь взять реванш ³⁰. Американская дипломатия развернула в Лондоне активную закулисную деятельность, направленную на ликвидацию англо-советских договоров. Реакционные английские и американские круги добились того, что Англия отказалась от договора с СССР.

Но английская реакция не смогла добиться разрыва дипломатических отношений между СССР и Англией. Отказ от ратификации англо-советских договоров не аннулировал признания Советского правительства Англией, хотя и оставил неурегулированными спорные вопросы, существовавшие между ней и Советским Союзом.

ПРИЗНАНИЕ СССР ИТАЛИЕЙ И ДРУГИМИ СТРАНАМИ

Довольно значительное место во внешней политике Советского государства занимали взаимоотношения с Италией, которая была заинтересована в получении сырья и продовольствия из России. Еще в июне 1920 г. между Центросоюзом и итальянскими кооперативными организациями было заключено соглашение, по которому Италия поставляла в Россию медикаменты, сельскохозяйственные машины, электротехнические товары, а Советская Россия вывозила в Италию хлеб и нефть. В 1921 г. в Рим прибыла торговая делегация РСФСР во главе с В. В. Воровским и были начаты переговоры о торговом договоре. Осенью 1923 г. Италия заявила о своей готовности одновременно с подписанием торгового договора установить и дипломатические отношения с СССР. В итальянском парламенте 30 ноября 1923 г. был поставлен вопрос о необходимости юридического признания Советской России, причем парламентарии, выражая настроения деловых кругов страны, заявляли, что для национальных интересов и экономики Италии «выгодно признание русской республики де-юре». Но за это они надеялись получить от Советской республики выгодный им торговый договор, концессии и сырье, в котором Италия нуждалась ³¹.

Переговоры об установлении отношений между СССР и Италией начались еще в сентябре 1923 г. С самого начала переговоров СССР согласился предоставить Италии некоторые экономические преимущества, которых она не получила бы, если бы затянула дело с признанием де-юре.

³⁰ Документы внешней политики СССР, т. 7, с. 473.

³¹ Известия, 1923, 13 дек.

Но Советское правительство отдавало себе отчет в том, что Италия была не меньше Советского Союза заинтересована в нормализации отношений. Она остро нуждалась во внешнем рынке, многие отрасли итальянской промышленности переживали депрессию. В 1923 г. заметно увеличилась пассивность итальянского торгового баланса.

Советское правительство исходило из того, что признание является совершенно необходимым условием для развития торговых отношений между обеими странами. Г. В. Чичерин, указывая, что Советский Союз заинтересован в нормализации отношений с Италией, подчеркивал вместе с тем, что это полезно и для самой Италии: «...мы идем на экономические уступки, поскольку они нам дают экономические выгоды... Мы не идем на покупку права признания нас де-

юре... В наших переговорах с Италией мы дальше этого не пойдем: взаимные уступки ради взаимной выгоды»³². Однако итальянское правительство встало на путь выдвижения неприемлемых предварительных требований.

После прихода к власти в Англии правительства Макдональда Муссолини начал переговоры с Лондоном по вопросу об отношениях с СССР. Во время переговоров Макдональд предложил, чтобы после признания СССР оба правительства ограничились направлением в Москву лишь поверенных в делах. Муссолини вопреки обещаниям, которые он раньше давал советским представителям, согласился воздержаться от обмена послами. 30 января 1924 г. сообщение об этом было передано итальянскими представителями английскому министерству иностранных дел, а 2 февраля Муссолини узнал из газет, что английское правительство накануне, 1 февраля, признало СССР и тем самым опередило итальянское правительство. Последнее решило наверстать потерянное время и приняло меры к тому, чтобы, форсировав переговоры с СССР, закончить их в течение нескольких дней.

3—6 февраля был окончательно согласован текст торгового договора между СССР и Италией. Советское правительство выразило готовность предоставить Италии некоторые торговые и таможенные льготы. В свою очередь и итальянская сторона вынуждена была пойти на уступки и отказалась от своего требования о немедленном решении вопроса о долгах и других претензиях, об ограничении монополии внешней торговли и некоторых других.

7 февраля 1924 г. итальянское правительство заявило о желании возобновить политические отношения между двумя странами, считая таковые полезными в их собственных интересах, а также в интересах всей Европы³³. Оно подчеркнуло, что тем самым решен вопрос о признании де-юре Советского правительства. В советском ответе выражалась уверенность, что установление в полном объеме дипломатических отношений между двумя

³² Документы внешней политики СССР, т. 7, с. 607.

³³ Там же, с. 91.

странами окажет благотворное влияние на экономические связи и дружественное сотрудничество итальянского народа с народами СССР³⁴. Советское правительство с удовлетворением отмечало решение итальянского правительства немедленно назначить своего посла в Москву. Оно заявило, что со своей стороны также в ближайшем будущем назначит посла в Рим.

В тот же день (7 февраля) был подписан итало-советский торговый договор³⁵. Он предусматривал полное признание Италией монополии внешней торговли СССР, определял правовое положение торгового представительства СССР, зафиксировал его функции и предоставил торговому представителю и членам совета торгпредства иммунитет, а конторам торгпредства — экстерриториальность. Торговый договор базировался на взаимном применении режима наиболее благоприятствуемой нации. Установление дипломатических отношений и подписание торгового договора создавали благоприятные возможности для дальнейшего развития политических и экономических связей между двумя странами.

Восстановление дипломатических отношений СССР с Англией и Италией ускорило признание СССР рядом других государств. Со своей стороны Советское правительство принимало к этому надлежащие меры. Многие европейские государства заявили теперь о признании Советского Союза и о своем желании установить с ним дипломатические отношения.

В течение 1924 г. СССР установил дипломатические отношения с Норвегией, Австрией, Швецией, Грецией и Данией. В том же 1924 г. произошел обмен

нотами об установлении дипломатических отношений между СССР и Албанией, хотя фактически этого не произошло ³⁶. 5 сентября был подписан договор об установлении дипломатических и консульских отношений между СССР и Венгрией, однако он не вступил в силу. Венгерское правительство под нажимом внутренних реакционных сил, а также Англии и США отказалось от ратификации этого договора.

В апреле 1924 г. были установлены отношения между СССР и Хиджазом ³⁷, который был первым арабским государством, вступившим в дипломатические отношения с Советским Союзом.

СССР И ФРАНЦИЯ

В 1924 г. на путь нормализации отношений с СССР вступила и Франция, правящие круги которой на протяжении предыдущих лет проводили ярко выраженную антисоветскую политику.

³⁴ Документы внешней политики СССР, т. 7, с. 92.

³⁵ Там же, с. 68—88.

³⁶ Вскоре после признания СССР Албанией в стране произошел переворот, и новое албанское правительство отказалось нормализовать отношения с СССР. Дипломатические отношения между СССР и Албанией были установлены лишь 10 лет спустя, в 1934 г.

³⁷ В настоящее время является одной из областей Саудовской Аравии.

198

В 1923—1924 гг. во французских торгово-промышленных и политических кругах усилились тенденции к признанию СССР. Объективные причины толкали Францию на нормализацию отношений с СССР. В Советский Союз французские промышленники и коммерсанты могли выгодно сбывать свои товары и приобретать там сырье, прежде всего нефть. Русско-французское сотрудничество всегда способствовало укреплению международных позиций Франции. Несомненно, что признание СССР Францией и нормализация советско-французских политических связей отвечали интересам Франции и упрочили бы ее положение в Европе. Видный деятель радикал-социалистической партии Эдуард Эррио начал активную кампанию за установление нормальных отношений с СССР.

22 декабря 1923 г. близкая к правительству газета «Тан» выступила с предложением восстановить дипломатические и экономические отношения с СССР, но при этом выдвинула условие, чтобы Советское правительство признало все долги царского и Временного правительств и выплатило вознаграждение французским гражданам — держателям русских ценных бумаг и бывшим собственникам национализированного имущества.

Советское правительство, несмотря на враждебную политику Франции, искало пути к разрешению трудностей, возникших между двумя странами. В январе 1924 г. Г. В. Чичерин в беседе с корреспондентом «Известий» подчеркнул, что французская дипломатия проводит враждебную деятельность, направленную против Советского Союза, во всей Восточной Европе — в Польше и государствах Малой Антанты, в Чехословакии, а также в Финляндии и Литве. Важнейшей предпосылкой соглашения СССР с Францией Чичерин считал прекращение подобной деятельности французской дипломатии ³⁸. Нарком отметил, что Советское правительство стремится к широкому экономическому общению двух стран с целью их постепенного сближения ³⁹.

В другом заявлении, сделанном для французской газеты «Тан» в конце января, Г. В. Чичерин говорил о мирном характере советской внешней политики: «Наша политика мира — это созидательная политика. Мы говорим нашему народу, что Советская республика — это мир. Мир не только для развития наших

производительных сил, но и для развития мирового производства, неотъемлемой частью которого является наше производство. Эти идеи, которые мы уже защищали в Женеве, являются одними из основных творений гения Ленина. Именно для ускорения развития наших производительных сил он ввел в стране новую экономическую политику, а во внешнем плане — экономическое сотрудничество с иностранным капиталом. Привлечь последний на базе соглашения, удовлетворяющего обе стороны, разделить с ним

³⁸ Чичерин Г. В. Указ. соч., с. 269.

³⁹ Там же.

199

выгоду, не попав к нему в кабалу,— вот одна из основных идей Ленина. Она остается нашей программой на будущее»⁴⁰.

Под давлением торговых и промышленных кругов, заинтересованных в развитии экономических связей с СССР, а также широкой французской общественности, выступавшей за установление дипломатических отношений между двумя странами, Пуанкаре предпринял в начале 1924 г. попытку начать с Советским правительством переговоры. Однако, как показали события, эти переговоры Пуанкаре хотел использовать для того, чтобы ценой признания Советского правительства добиться от него уступок по ряду существенных вопросов. 3 января 1924 г. советский полпред в Праге К. К. Юренев сообщил в НКВД, что министр иностранных дел Чехословакии Бенеш по просьбе правительства Франции сделал ему следующее заявление:

«Франция готова вступить в договорные отношения с Россией, но выставляет ряд предварительных условий... Пуанкаре просит ответа от правительства СССР на следующие вопросы:

1) готово ли оно уважать международные договоры и

2) согласно ли в принципе признать довоенные долги (20 с лишним миллиардов франков).

Вопрос об условиях уплаты долгов СССР является предметом специальных переговоров. Россия, конечно, получит долгосрочный мораторий. Вопрос о возмещении убытков, понесенных гражданами Франции в России, также ставится в порядок дня переговоров с нами, но этот вопрос имеет... второстепенное значение и не является условием начала франко-русских переговоров»⁴¹.

Так же как и в переговорах с Англией, эти предварительные условия были отвергнуты Советским правительством. СССР не считал возможным покупать признание ценой предварительных уступок по важнейшим спорным вопросам. 11 января Чичерин сообщил полпреду в Праге, что «вопросы слишком сложны, чтобы можно было на них отвечать коротким „да" или „нет". Мы вообще отвергаем какие бы то ни было предварительные условия для вступления в переговоры с правительствами...»⁴².

9 апреля 1924 г., выступая во французском сенате, крупный адвокат и делец де Монзи подверг критике политику правительства Пуанкаре в «русском вопросе». «Два факта,— заявил он,— не подлежат сомнению: большевистская власть существует, наши интересы в России, наши претензии к России существуют, и невозможно всю позицию и политику Франции выразить той формулой войны и осторожного благоразумия, которую, вы без сомнения, не забыли: „Остерегайтесь, подождите!"»⁴³. Де Монзи

⁴⁰ Чичерин Г. В. Указ. соч., с. 285.

⁴¹ Документы внешней политики СССР, т. 7, с. 11.

⁴² АВП СССР. Указание НКВД СССР полпреду СССР в Праге от 11 января 1924 г.

⁴³ Монзи В. В Россию и обратно (От Кремля до Люксембургского дворца) Л.; М., 1925, о. 164.

200

задал также главе французского правительства вопрос, на каких условиях

возможно признание СССР Францией де-юре. Однако французские правящие круги продолжали настаивать на принятии СССР кабальных предварительных условий.

Успехи СССР в восстановлении промышленности и сельского хозяйства, а также проводимая им мирная ленинская внешняя политика, направленная на установление нормальных политических отношений и развитие торгово-экономических связей,— все это оказывало сильное влияние на мировое общественное мнение. Во всех капиталистических странах ширилось число сторонников установления нормальных отношений с Советским Союзом. Такой процесс имел место и во Франции.

В мае 1924 г. во Франции состоялись парламентские выборы, которые принесли победу так называемому левому блоку — коалиции радикал-социалистической, республиканско-социалистической и социалистической партий, выдвинувшей в качестве одного из своих лозунгов установление дипломатических отношений с СССР. К власти пришло правительство во главе с Э. Эррио. Эррио, буржуазный демократ, поборник франко-советского сотрудничества, пользовался заслуженным признанием и авторитетом в стране. Сам Эррио писал, что «отсутствие каких-либо официальных отношений с правительством, фактически в течение семи лет сохранявшим власть в России, создавало ненормальное положение, идущее во вред нашим подданным»⁴⁴. В программном заявлении правительства по этому поводу говорилось: «Уже в настоящее время мы готовимся к возобновлению нормальных сношений с СССР при соблюдении условий, которые налагает на нас уважение к договорам. Прежде чем выработать формулу признания, которая бы охраняла французские интересы, мы должны принять известные меры предосторожности и собрать сведения, которые уже и начали собирать»⁴⁵.

15 июля 1924 г. Эррио направил Чичерину ноту, в которой французское правительство сообщало «о своем намерении подготовить в короткий срок восстановление нормальных отношений Франции с Россией»⁴⁶. В ответной телеграмме Чичерина от 18 июля 1924 г. говорилось, что Советское правительство с глубоким удовлетворением приняло к сведению дружественное заявление Эррио «относительно предстоящего в скором времени разрешения вопроса о возобновлении нормальных отношений между нашими странами»⁴⁷. В ответ на заявление Эррио о том, что французское правительство будет предоставлять в возможно широкой мере русским гражданам, желающим приехать во Францию, необходимое разрешение, Чичерин писал: «Французские граждане будут поставлены в этом отношении в такое же поло-

⁴⁴ Эррио Э. Из прошлого. Между двумя войнами. 1914—1936. М., 1958, с. 253

⁴⁵ ЦГАОР СССР, ф. 391, оп. 2, д. 50, л. 191.

⁴⁶ Документы внешней политики СССР, т. 7, с. 399.

⁴⁷ Там же, с. 398.

201

жение, в каком находятся граждане других стран...»⁴⁸. В телеграмме отмечалось, что задержки и затруднения в делах такого рода являются неизбежным следствием отсутствия официальных отношений между двумя правительствами⁴⁹. На деле тот короткий срок, о котором писал Эррио, оказался не столь уж коротким. Французское правительство не спешило с признанием и искусственно воздвигало различные препятствия на его пути.

В сентябре 1924 г. Эррио назначил специальную комиссию под председательством де Монзи для изучения вопроса о признании Францией Советского Союза. Она высказалась за то, чтобы переговоры по спорным вопросам между двумя странами начались после нормализации дипломатических отношений, но вместе с тем потребовала включения в официальный акт

признания соответствующих оговорок относительно «защиты» французских прав и интересов в России⁵⁰. Таким образом, правительство «левого блока», подобно Макдональду, пыталось навязать Советскому Союзу предварительное решение в принципе неурегулированных вопросов и прежде всего вопроса о долгах царской России.

19—20 октября 1924 г. в Дувре состоялась встреча де Монзи, с полпредом СССР в Англии Раковским, во время которой советский представитель был ознакомлен с проектом французской ноты о признании СССР. Де Монзи подробно рассказал советскому полпреду о работе возглавляемой им комиссии и о тех трудностях, с которыми пришлось столкнуться. Он сообщил также, что правительство решило назначить французским послом в СССР дипломатического редактора газеты «Тан» Ж. Эрбетта⁵¹. Одним из важнейших препятствий на пути нормализации отношений с СССР во Франции, как и в Англии, было противодействие США, которые продолжали политику изоляции Советского Союза. «Американское правительство,— писала газета „Нью-Йорк геральд трибюн“, — дало знать французским властям, что США не имеют никакого намерения менять свою позицию в вопросе о признании де-юре, прежде чем Россия не признает своих финансовых обязательств, так же как и социальных, и не признает святость прав частной собственности»⁵². Французское посольство в Вашингтоне официально запросило мнение государственного секретаря Юза относительно признания СССР, и последний ответил, что такой акт явился бы ошибкой. Летом 1924 г. Юз специально выехал в Европу с целью не допустить восстановления советско-французских дипломатических отношений. Выступая в палате депутатов, Марсель Кашен подчеркивал, что

⁴⁸ Документы внешней политики СССР, т. 7, с. 398.

⁴⁹ Там же, с. 399.

⁵⁰ См.: *Stoves H.* La France et l'Union Sovietique. Paris, 1935, p. 190.

⁵¹ АВП СССР. Письмо полпреда СССР в Лондоне в НКВД СССР от 21 октября 1924 г.

⁵² Цит. по: *Рубинштейн Н. Л.* Внешняя политика Советского государства в 1921—1925 годах.

М., 1953, с. 475.

202

затяжка с признанием СССР явилась, в частности, результатом бесед Эррио с американскими политиками⁵³.

Однако верх взяли национальные интересы Франции, требовавшие установления нормальных отношений с СССР. 28 октября 1924 г. Эррио от имени Совета министров Франции направил председателю ЦИК М. И. Калинину телеграмму, в которой говорилось, что французское правительство готово «установить теперь же нормальные дипломатические отношения с Правительством Союза путем взаимного обмена послами»⁵⁴. Французское правительство отмечало, что «отныне невмешательство во внутренние дела станет правилом, регулирующим взаимоотношения между нашими двумя странами»⁵⁵. В телеграмме указывалось, что Франция признает де-юре правительство Союза ССР «как правительство территорий бывшей Российской империи, где его власть признана населением, и как преемника на этих территориях предшествующих российских правительств»⁵⁶ и предлагает обменяться послами. Эррио предложил направить в Париж советскую делегацию для ведения переговоров по общим и специальным экономическим вопросам.

В тот же день телеграмма Эррио обсуждалась на заседании ЦИК СССР. С сообщением по этому вопросу выступил Чичерин, который подчеркнул большое значение восстановления отношений между СССР и Францией. «Мы горячо приветствуем этот акт»,— заявил он в заключение⁵⁷. В ответной телеграмме ЦИК на имя Эррио говорилось: ЦИК Союза ССР «придает серьезнейшее значение устранению всех недоразумений между Союзом ССР и Францией и заключению

между ними общего соглашения, которое может послужить прочной основой для дружественных отношений, руководствуясь при этом постоянным стремлением Союза ССР к действительному обеспечению всеобщего мира в интересах трудящихся масс всех стран и к дружбе со всеми народами»⁵⁸.

30 октября на имя Чичерина была получена телеграмма от Эррио с выражением радости по случаю установления отношений, которые будут служить «укреплению мира в Европе и во всем мире». В ней говорилось, что «не существует народов, более предназначенных для взаимного понимания, чем французский народ, преисполненный чувства справедливости и братства, и великий русский народ, достойные качества которого я сам лично имел возможность оценить»⁵⁹.

14 ноября Президиум ЦИК СССР назначил полпредом во

⁵³ См.: *Борисов Ю. В.* Советско-французские отношения. 1924—1945 гг М 1964, с. 40.

⁵⁴ Документы внешней политики СССР, т. 7, с. 515.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же, с. 518.

⁵⁸ Там же, с. 516.

⁵⁹ Там же, с. 524—525.

203

Францию Л. Б. Красина с оставлением его в должности народного комиссара внешней торговли. Французским послом в СССР был назначен Ж. Эрбетт.

Признание СССР Францией имело большое политическое значение. Это было новым свидетельством внутреннего роста Советского Союза, укрепления его международного положения и успеха советской миролюбивой внешней политики.

Трудящиеся Франции высоко оценили и радостно приветствовали нормализацию советско-французских отношений. Исполнительный комитет Коммунистической партии Франции в своем обращении к трудящимся Советского Союза писал: «В тот час, когда правители Франции признали СССР, французские пролетарии и коммунисты поздравляют своих русских братьев с этим успехом»⁶⁰.

Дальнейшее развитие советско-французских отношений и прежде всего торгово-экономического сотрудничества было осложнено тем, что французская сторона обусловила подписание торгового договора достижением соглашения по вопросу о долгах. В результате этого между СССР и Францией долгое время не было торгового договора, что серьезно тормозило развитие советско-французской торговли.

СССР И КИТАЙ

Советское правительство придавало большое значение установлению нормальных отношений со своим великим дальневосточным соседом — Китаем. «Советская Россия и Китай — естественные союзники, и этой дружественной политике между ними принадлежит будущее...— говорил Г. В. Чичерин в 1922 г.— Советская Россия — единственное крупное государство, готовое всячески поддерживать полную независимость Китая во всех отношениях и полный расцвет его самостоятельного развития»⁶¹.

Переговоры между Советской Россией и Китаем, начатые еще в конце 1921 г., несмотря на большую взаимную заинтересованность обеих стран в нормализации отношений, не увенчались успехом в результате давления империалистических держав на правительство Китая.

Советская делегация воспользовалась пребыванием в Китае для поддержания контактов с Сунь Ятсеном. Выдающийся деятель китайского революционного

национально-освободительного движения, вождь китайского народа Сунь Ятсен был убежденным сторонником дружбы СССР и Китая. Известно, что его главная политическая установка заключалась в «союзе с Россией»⁶².

В январе 1923 г. во время перерыва в переговорах, возникшего по вине китайской стороны, в Шанхае состоялось несколько

⁶⁰ L'Humanite, 1924, 29 Oct.; Известия, 1924, 30 окт.

⁶¹ Чичерин Г. В. Указ. соч., с. 223.

⁶² Подробно о Сунь Ятсене см.: Тихвинский С. Л. Сунь Ятсен. Внешнеполитические воззрения и практика. М., 1964.

204

встреч руководителя советской дипломатической миссии в Пекине А. А. Иоффе с Сунь Ятсеном, во время которых последнему были даны разъяснения относительно целей и задач советской внешней политики и были рассеяны его сомнения и опасения относительно позиции Советского правительства в таких вопросах, как присутствие советских войск в Монголии и осложнения на КВЖД.

В опубликованном совместном коммюнике было отмечено «полное совпадение... взглядов на китайско-русские отношения». Сунь Ятсен заявил тогда, что «вопрос о Китайско-Восточной железной дороге может быть разрешен полностью лишь на компетентной русско-китайской конференции», а также то, что он не находит «немедленную эвакуацию русских войск из Внешней Монголии ни настоятельно необходимой, ни соответствующей действительным интересам Китая, особенно ввиду неспособности теперешнего пекинского правительства предотвратить возобновление, вследствие такой эвакуации, интриг и враждебных действий со стороны белогвардейцев против России и возможности создания более тяжелой обстановки, чем та, которая сейчас существует»⁶³.

В марте 1923 г. по решению ЦК РКП (б) и Советского правительства в ответ на просьбу Сунь Ятсена в Южный Китай была направлена группа военных и политических советников, в числе которых были такие видные военачальники и политработники, как П. А. Павлов (работавший в Китае под фамилией Говоров), В. К. Блюхер (Галин), М. М. Бородин и др.

У китайского историка Пын Мина мы читаем: «Советские советники, прибывшие по приглашению Сунь Ятсена и революционного кантонского правительства, не только активно передавали опыт построения Красной Армии Советского Союза и помогали разрабатывать стратегический план; они всегда были с бойцами в горниле революционных сражений, деля с ними их горести и радости...»⁶⁴.

2 сентября 1923 г. в СССР прибыла и находилась здесь в течение трех месяцев китайская авторитетная военная делегация.

Учитывая географическую отдаленность Советской России от кантонского правительства и сложную политическую обстановку в Китае, делавшую невозможным установление более или менее постоянных торгово-экономических связей между ними, Сунь Ятсен не поднимал вопроса об установлении дипломатических отношений. Отвечая на вопрос японского корреспондента в Кантоне накануне подписания советско-китайских соглашений в Пекине, в мае 1924 г. он заявил: «Отношения между Советской Россией и моим правительством настолько дружественны, что похожи на отношения двух братьев и не нуждаются в таких формальностях, как признание... На самом деле дружеские отноше-

⁶³ Советско-китайские отношения. 1917—1957 гг.: Сборник документов. М., 1959, с. 64—65.

⁶⁴ Пын Мин. История китайско-советской дружбы. М., 1959, с. 156—157.

205

ния между моим правительством и Россией продолжают. Они никогда не были прерваны, поэтому и не встает вопрос, о восстановлении их специальным, формальным признанием, ибо мое правительство на деле признало Россию без

всяких условий»⁶⁵. В марте 1923 г. пекинское правительство возобновило переговоры с СССР. Советское правительство направило в Китай делегацию для продолжения переговоров, назначив главу ее — Л. М. Карахана чрезвычайным и полномочным представителем. Советский полпред передал в Пекине министерству иностранных дел копию своих верительных грамот с просьбой сообщить, когда он мог бы вручить их президенту. Однако переговоры эти под давлением иностранных империалистов были затянuty китайской стороной на целый год. В это время Сунь Ятсен писал Л. М. Карахану, что истинные интересы двух стран «требуют выработки общей политики, которая даст нам возможность жить на условиях равенства с другими державами и освободит нас от политического и экономического рабства, навязанного международной системой, опирающейся на силу и действующей методами экономического империализма»⁶⁶. Он предлагал свою помощь советской делегации на переговорах в Пекине. 17 сентября 1923 г. он телеграфировал Л. М. Карахану: «Едва ли мне необходимо говорить, что Вы можете рассчитывать на меня в смысле помощи, которую я могу оказать, чтобы двинуть вперед дело Вашей настоящей миссии в Китае. Вы, однако, найдете чрезвычайно трудными переговоры с пекинской группой, которая в своих отношениях с Россией фактически выполняет *mot d'ordre*⁶⁷. Посольского квартала...». Он предупреждал о том, что «Капиталистические державы будут пытаться нанести через Пекин и посредством Пекина... дипломатическое поражение Советской России. Но всегда имейте в виду, что я готов и имею теперь возможность раздавить всякую такую попытку унижить Вас и Ваше правительство»⁶⁸. Только 14 марта 1924 г. Л. М. Карахан и глава китайской делегации Ван Чжэнтин парафировали текст соглашений и совместных деклараций об общих принципах урегулирования советско-китайских отношений, о КВЖД и некоторых других вопросах. Однако на следующий день стало известно, что китайское правительство запретило Ван Чжэнтину подписать соглашение, сославшись на то, что он якобы не имел полномочий одобрить условия, сформулированные в парафированных соглашениях и декларациях⁶⁹. В связи с этим 16 марта НКИД направил представителю Китая в СССР ноту протеста⁷⁰.

⁶⁵ Народы Азии и Африки, 1966, № 2, с. 138—140.

⁶⁶ Сунь Ятсен. 1866—1966. К столетию со дня рождения: Сборник статей, воспоминаний и материалов. М., 1966, с. 325.

⁶⁷ Лозунг *Mot d'ordre* (франц.) — здесь в смысле «приказ».

⁶⁸ Документы внешней политики СССР. М., 1962, т. 6, с. 433.

⁶⁹ Известия, 1924, 25 марта.

⁷⁰ Документы внешней политики СССР, т. 7, с. 156.

Эти действия Китая явились результатом сильного давления на пекинское правительство со стороны Франции, США и Японии, выступавших против установления отношений между Китаем и его социалистическим соседом. Они боялись, что соглашение с СССР, заключенное на началах равноправия, создаст опасный для империалистов прецедент, подорвет силу неравноправных договоров, на которых зиждились привилегии колонизаторов в Китае.

В качестве предлога для срыва советско-китайских переговоров был избран вопрос о КВЖД, который был урегулирован в советско-китайском соглашении. Вопрос о КВЖД касался только двух держав — СССР и Китая. Это не помешало французскому и американскому правительствам заявить китайскому правительству протест, выдвинув собственные, совершенно несостоятельные претензии на КВЖД и по существу потребовав аннулирования уже подписанного советско-китайского соглашения. Неофициальный представитель НКИД в США Б. Е. Сквирский тогда же заявил представителю советской печати, что Советское

правительство располагает документальными данными, доказывающими, что Америка оказывает давление, враждебное восстановлению советско-китайской дружбы⁷¹. ЦК партии и Советское правительство, говорил он, характеризовали выступление США и Франции как империалистическую акцию держав, полагающих, что им принадлежит весь мир и что они имеют право распоряжаться судьбами других наций. «СССР уже доказал всем великим державам свое нежелание, чтобы они вмешивались в дела СССР, и теперь надеется дать им урок невмешательства в советско-китайские дела»⁷². Главный редактор газеты «Чайна пресс», американец по национальности, следующим образом оценивал события: «Китай внезапно не утвердил уже подписанное соглашение. Главной причиной этого являются опасения, вызванные давлением со стороны государственного секретаря США Юза»⁷³.

Однако в Китае началось народное движение протеста против наглого вмешательства США и Франции в дела страны и попрания ее суверенитета. Опасаясь растущего возмущения в народе, китайское правительство снова изменило свою позицию. Советско-китайские переговоры возобновились 21 мая, и 31 мая 1924 г. было подписано «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой»⁷⁴. Соглашение предусматривало установление нормальных дипломатических и консульских отношений между договаривающимися сторонами. Далее в соглашении указывалось, что «правительства обеих Договаривающихся сторон соглашаются приступить в течение од-

⁷¹ Известия, 1924, 15 мая.

⁷² Там же.

⁷³ Цит. по кн.: *Пын Мин*. Краткая история дружбы народов Китая и Советского Союза. М., 1957, с. 44.

⁷⁴ Документы внешней политики СССР, т. 7, с. 331—335.

207

ного месяца после подписания настоящего Соглашения к конференции», которая и должна была выработать соглашения по ряду конкретных вопросов.

Советское правительство подтвердило свой отказ от консульской юрисдикции, права экстерриториальности и ряда других империалистических привилегий царского правительства. КВЖД, построенная царизмом на китайской земле на средства, взятые царским правительством с налогоплательщиков, т. е. с русского народа, была объявлена чисто коммерческим предприятием и должна была управляться двумя странами на паритетных началах. В соответствии с этим соглашением правительства СССР и Китая заявляли: все договоры, соглашения и другие акты, заключенные царским правительством и какой-либо третьей стороной и затрагивающие суверенные права или интересы Китая, объявляются недействительными и утратившими силу. Установление советско-китайских дипломатических отношений было важным достижением внешней политики СССР. Оно явилось также в значительной мере результатом борьбы демократических сил Китая, вынудивших пекинское правительство пойти на официальное признание Советского Союза.

Для Китая заключение двустороннего соглашения явилось первым равноправным договором, нанесшим серьезный удар по всей системе неравноправных отношений, практиковавшихся империалистическими державами.

В связи с подписанием советско-китайского соглашения Сунь Ятсен обнаружил от имени своей партии специальное воззвание, в котором отмечал, что это событие «имело место лишь благодаря тому, что Россия отказалась от своих былых привилегий в Китае и ликвидированы прежние договоры,

нарушавшие суверенитет Китая; все это было сделано Россией добровольно, исходя из ее революционных принципов»⁷⁵.

Советско-китайское соглашение было ярким выражением принципов внешней политики социалистического государства, в особенности принципа пролетарского интернационализма. Оно способствовало борьбе китайского народа против империализма и, в частности, аннулированию навязанных ему неравноправных договоров.

СОВЕТСКО-ЯПОНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ 20 ЯНВАРЯ 1925 г.

Крупным событием в ряду юридических признаний СССР явилось заключение соглашения с Японией. Советское правительство стремилось к взаимно выгодному сотрудничеству с Японией.

В конце 1922 г. Красная Армия совместно с партизанскими отрядами изгнала японских интервентов с Дальнего Востока. Вскоре после этого ДВР приняла решение о вхождении в РСФСР. События заставляли Японию определить свое отношение к СССР.

⁷⁵ Народы Азии и Африки, 1966, № 5, с. 152—155.

208

Однако японские империалисты все еще продолжали антисоветскую политику и удерживали захваченный ими Северный Сахалин, хищнически истребляя его богатства.

Промышленные круги Японии были заинтересованы в развитии экономических связей с Советским Союзом. Они все чаще и чаще ставили вопрос о нормализации с ним экономических и политических отношений. Советское правительство весной 1923 г. поручило своему дипломатическому представителю в Китае А. А. Иоффе начать переговоры о нормализации советско-японских отношений.

Со стороны Японии переговоры вел мэр Токио виконт Гото, тесно связанный с железнодорожными и пароходными компаниями, которые до революции имели важные экономические интересы на русском Дальнем Востоке. Гото вынашивал и пропагандировал далеко идущие планы экономического проникновения на советский Дальний Восток, считая, что трудное экономическое положение Советского государства после интервенции создает благоприятные условия для осуществления этих планов.

Программа Советского правительства была изложена в письме Иоффе, направленном через Гото премьер-министру, в котором были выдвинуты три предварительных условия для начала советско-японских переговоров об установлении нормальных отношений: во-первых, равноправие сторон при переговорах, во-вторых, согласие Японии на ведение переговоров о заключении договора об установлении дипломатических и консульских отношений и, наконец, официальная фиксация приемлемого для СССР срока эвакуации Японии с Северного Сахалина⁷⁶.

21 марта 1923 г. начальник европейско-американского отдела МИД Японии Мацудаира передал Гото ответ на предложения Иоффе. Согласившись с первым предложением, Япония оговаривала признание Советского Союза двумя условиями: урегулированием Николаевского инцидента⁷⁷ и выполнением международных обязательств. Эвакуацию войск с Северного Сахалина Япония ставила в зависимость от урегулирования Николаевского инцидента. В ходе переговоров японская сторона поставила также вопрос о признании Советским правительством обязательств царского и Временного правительств (имелось в виду признание старых долгов на сумму почти 300 млн. руб.). Советский

представитель от-

⁷⁶ Годовой отчет НКВД за 1923 г. М., 1924, с. 145.

⁷⁷ В январе 1920 г. японский гарнизон в Николаевске-на-Амуре сдался партизанскому отряду под командованием анархиста Тряпицына и заключил договор, по которому город передавался партизанам. Через две недели японцы в нарушение договора напали на партизан. В результате боя, окончившегося победой партизан, было захвачено в плен около 100 японцев. В дальнейшем при наступлении японских войск на город Тряпицын расстрелял пленных. За это самоуправство и жестокость он был осужден и расстрелян партизанами. Николаевский инцидент использовался японцами в качестве оправдания оккупации ими Северного Сахалина.

209

клонил это требование как неприемлемое. Иоффе заявил также о неприемлемости сделанного японской стороной предложения о продаже Сахалина Японии. Он отверг домогательства о предварительном признании обязательств царской России по долгам и о возвращении частной собственности японским подданным. Он доказал виновность японского командования в николаевских событиях, после чего японский представитель вынужден был снять свое требование о компенсации. Вместе с тем советская сторона в принципе согласилась с предложением Японии о предоставлении ей концессий на Сахалине и в других районах русского Дальнего Востока.

На том этапе переговоры не дали результатов. Японское правительство продолжало надеяться на то, что оно добьется от Советского правительства принятия своих требований. Позиция японского правительства объяснялась также давлением США и стран Антанты. Дипломатические представители США и Англии всячески старались помешать советско-японским переговорам. В английской и американской прессе публиковались статьи, в которых японское правительство предупреждалось об «опасности» установления отношений с СССР.

В мае 1924 г. в Японии состоялись парламентские выборы и к власти пришло правительство Като, в котором пост министра иностранных дел занял Сидехара, выступавший за нормализацию отношений с СССР. После некоторых колебаний японское правительство возобновило через своего посла в Пекине переговоры с Советским Союзом. Немалое влияние на решение японского правительства оказала твердая позиция Советского государства в обсуждавшемся в то время вопросе об аренде Японией рыболовных участков в советских дальневосточных водах. Соглашением между СССР и Японией в апреле 1924 г. был положен конец хищническому лову рыбы японскими промышленниками в советских водах и восстановлен суверенитет СССР в этом районе." Все это способствовало успешному ходу переговоров о заключении общего соглашения между двумя странами. Немалое значение имел для этого и подъем демократического движения в Японии.

Советско-японские переговоры завершились в январе 1925 г. подписанием конвенции об основных принципах взаимоотношений. СССР и Япония устанавливали дипломатические и консульские отношения друг с другом. Обе стороны провозгласили желание жить в мире и дружбе и обязались в своих взаимоотношениях исходить из принципа невмешательства во внутренние дела и воздерживаться от всякой враждебной деятельности друг против друга. Япония вынуждена была согласиться на эвакуацию своих войск с Северного Сахалина к 15 мая 1925 г. Советское правительство заявило о своей готовности предоставить японским подданным концессии на эксплуатацию минеральных, лесных и других естественных богатств Северного Сахалина и советского Дальнего Востока, что должно было ускорить восстановление хо-

210

зяйства Дальнего Востока, разрушенного интервентами и белогвардейцами, и в то же время соответствовало интересам японской стороны. Не имея возможности в

то время ликвидировать последствия поражения России в русско-японской войне, Советское правительство вынуждено было признать, что договор, заключенный в Портсмуте 5 сентября 1905 г., остается в силе, в частности его территориальные статьи, отдававшие Японии исконную русскую землю — Южный Сахалин. При подписании договора Советское правительство огласило специальную декларацию. В ней говорилось, что «признание... действительности Портсмутского договора... никоим образом не означает, что Правительство Союза разделяет с бывшим царским правительством политическую ответственность за заключение названного договора»⁷⁸. Эта оговорка свидетельствовала о том, что признание Портсмутского договора носило временный характер. Признавая Портсмутский договор, Советское правительство исходило из того, что ряд его постановлений мог служить укреплению мира на Дальнем Востоке. К числу таких постановлений относились, например, запрещение содержания японских войск на территории Маньчжурии и признание Японией суверенитета Китая над ней, запрещение строительства военных укреплений и любых сооружений на Сахалине и прилегающих к нему островах, обязательства обеих сторон воздерживаться от принятия на русско-кореической границе каких-либо военных мер, которые могут угрожать безопасности России и Японии, и некоторые другие. Специальным протоколом, приложенным к Пекинской конвенции, устанавливалось, что все вопросы о долгах правительству или подданным Японии в связи с займами царскому и Временному правительствам будут оставлены для разрешения при последующих переговорах.

Пекинская конвенция 1925 г. обеспечила Советскому государству продолжительную мирную передышку на Дальнем Востоке. В первой половине мая 1925 г. эвакуация японских войск из северной части Сахалина была закончена. На всей территории советского Дальнего Востока развернулось восстановление народного хозяйства.

Заключение Пекинской конвенции было встречено враждебно американскими империалистами. С чувством явного раздражения и недоброжелательства орган республиканской партии — газета «Ивнинг пост» писала в редакционной статье, что СССР «выковал действительное орудие, чтобы разорвать железное кольцо на Тихом океане, выработанное вашингтонской конференцией»⁷⁹.

СССР И СТРАНЫ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

В 1924—1925 гг. стало развиваться движение за установление с Советским Союзом нормальных дипломатических, экономических и культурных связей и в странах Латинской Америки. На-

⁷⁸ Документы внешней политики СССР. М., 1983, т. 8, с. 77.

⁷⁹ Цит. по: Известия, 1925, 27 янв.

211

роды Латинской Америки горячо приветствовали миролюбивую политику Советского государства. В годы империалистической интервенции против Советской России в этих странах, особенно в Бразилии, Мексике, Уругвае, приняло значительный размах движение солидарности с Советской страной. Трудящиеся массы латиноамериканских стран видели в Советской России пример борьбы за национальную независимость. Движение за нормализацию отношений с СССР поддерживалось многими лидерами профсоюзов и частью национальной буржуазии.

25 июня 1924 г. было опубликовано интервью Г. В. Чичерина специальному корреспонденту аргентинской газеты «Ла Насьон» Альваресу дель Вайо. «Мы были бы весьма удовлетворены,— говорил Чичерин,— возобновлением

отношений с Аргентиной и со всеми странами Южной Америки. Инициатива любой южноамериканской страны в этом направлении встретила бы с нашей стороны взаимопонимание и поддержку»⁸⁰.

Однако правящие круги ряда стран Латинской Америки, в первую очередь под давлением США, саботировали нормализацию отношений с Советским Союзом.

Первой на путь установления дипломатических отношений с СССР вступила Мексика. Переговоры между двумя странами начались еще летом 1923 г., когда в Берлине встретились полпред СССР в Германии Н. Н. Крестинский и посол Мексики в Германии дель Кастильо⁸¹.

16 октября 1923 г. Крестинский передал в НКВД предложение президента Мексики генерала Обрегона обменяться торговыми миссиями, с тем чтобы в дальнейшем установить между двумя странами дипломатические отношения⁸². В ответе Советского правительства говорилось, что «...поскольку никаких взаимных материальных претензий между нами и Мексикой не существует, мы можем согласиться на возобновление сношений только при условии полного взаимного признания де-юре»⁸³. Советское правительство считало, что стороны должны обменяться посланниками и затем начать урегулирование нормальным дипломатическим путем всех вопросов⁸⁴.

В феврале 1924 г. в Берлине открылись советско-мексиканские переговоры о взаимном признании. К июню вопрос был в принципе решен, и 4 августа мексиканский посол в Берлине Ортис Рубио передал памятную записку полпреду СССР в Германии об установлении официальных дипломатических отношений с СССР⁸⁵.

В начале ноября 1924 г. первый полпред СССР на американском материке С. С. Пестковский прибыл в Мексику. Вручая

⁸⁰ Документы внешней политики СССР, т. 7, с. 391.

⁸¹ Документы внешней политики СССР, т. 6, с. 478.

⁸² Там же.

⁸³ Там же, с. 487.

⁸⁴ Документы внешней политики СССР, т. 7, с. 370.

⁸⁵ Там же, С. 369—370, 714.

212

верительные грамоты президенту, он в своей речи отметил, что народные массы Советского Союза с большим интересом следят за успехами мексиканского народа в его героической борьбе за независимость. «Столетняя борьба трудовых масс Соединенных Штатов Мексики за независимость против империалистических стремлений разных иностранных держав,— говорил Пестковский,— пробудила в широких массах рабочих и крестьян Союза Советских Социалистических Республик искреннее и глубокое сочувствие к мексиканскому народу»⁸⁶. В заключение полпред СССР подчеркнул солидарность в этой борьбе населения Советского Союза с мексиканским народом⁸⁷.

В том же месяце и мексиканский посланник Вадильо вручил в Москве свои верительные грамоты. Принимая их, М. И. Калинин сказал, что всякий успех мексиканского народа в его борьбе за самостоятельное и лучшее будущее «встречает живой отклик в сердцах трудящихся масс СССР»⁸⁸.

Второй — и последней в довоенное время — из латиноамериканских стран, установившей официальные дипломатические отношения с СССР, был Уругвай. Обмен телеграммами по этому поводу состоялся 21—22 августа 1926 г. Нормализация советско-уругвайских дипломатических отношений способствовала некоторому развитию торговых связей между двумя странами⁸⁹.

Большой интерес к установлению политических и экономических связей с

СССР наблюдался и в Аргентине. 25 июня 1924 г. Г. В. Чичерин в уже упоминавшемся интервью корреспонденту газеты «Ла Насьон» заявил, что «возобновление отношений Аргентины с Советским Союзом отвечало бы интересам как Советского Союза, так и Аргентины»⁹⁰. Через своих зарубежных дипломатических представителей Советское правительство неоднократно подтверждало готовность к практическим шагам в этом направлении. Однако парламентская комиссия по иностранным делам Аргентины объявила признание СССР Аргентиной «преждевременным», и в этом же духе аргентинский посланник в Риме официально информировал Советское правительство⁹¹. Причины такой политики Аргентины были откровенно объяснены Н. Н. Крестинскому аргентинским поверенным в делах в Берлине 5 февраля 1925 г.: «В этом вопросе Аргентина,— заявил он,— не зай-

⁸⁶ Там же, с. 535.

⁸⁷ Там же, с. 535—536.

⁸⁸ Там же, с. 549.

⁸⁹ Империалистические державы, и прежде всего США, не хотели мириться с присутствием советских представителей в странах Латинской Америки. Под их давлением (а также и внутренних реакционных сил) мексиканское правительство 26 января 1930 г. разорвало дипломатические отношения с СССР, а в декабре 1935 г. то же самое сделало и правительство Уругвая.

⁹⁰ Документы внешней политики СССР, т. 7, с. 391.

⁹¹ Известия, 1925, 23 июня.

213

мет самостоятельной позиции и будет идти по стопам Северо-Американских Соединенных Штатов»⁹².

Однако, несмотря на это, торговля между двумя странами достигла довольно значительных размеров.

Через своих дипломатических представителей за границей Бразилия, Чили, Венесуэла, Сальвадор, Колумбия и Боливия также предпринимали попытки выяснить возможность установления связей с СССР⁹³. И не по вине СССР отношения между ним и большинством латиноамериканских стран тогда установлены не были. Но с рядом государств Советский Союз поддерживал довольно широкие торговые отношения и другие контакты. В конце 1927 г. в Буэнос-Айресе было открыто торговое общество «Южамторг». Хотя его работа проходила в трудной обстановке, оно сумело завоевать доверие в странах Латинской Америки и способствовало развитию торговых связей между Советским Союзом и странами латиноамериканского континента.

СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Правительство США продолжало систематически отклонять все советские предложения, направленные на установление нормальных отношений и справедливое урегулирование спорных вопросов. В качестве цены за это американские правящие круги требовали коренного изменения социально-экономического строя Советского Союза.

В марте 1923 г. к государственному секретарю США Юзу обратился с требованием установить дипломатические отношения с СССР американский Женский комитет движения за признание Советской России. В ответ на это Юз изложил позицию правительства по вопросу о признании СССР. В качестве условия признания он потребовал: во-первых, отказа Советского правительства от декрета об аннулировании всех иностранных займов; во-вторых, компенсации американским гражданам за их собственность, национализированную в Советской России; в-третьих, прекращения «разрушительной пропаганды Советской власти». Эти требования он назвал «здоровой основой международных

сношений»⁹⁴.

По поводу этого выступления Юза заместитель народного комиссара по иностранным делам СССР М. М. Литвинов писал Б. Е. Сквирскому: «У нас не создается впечатления, что американское правительство при каких бы то ни было условиях действительно хотело бы вступить с нами в переговоры об урегулировании отношений. Если бы это было не так, американское правительство нашло бы иные, более надежные, ведущие к цели

⁹² Документы внешней политики СССР. М., 1963, т. 8, с. 119.

⁹³ Там же, т. 7, с. 220; т. 8, с. 128, 168, 644—645, 685; т. 10, с. 125, 180, 182—183.

⁹⁴ Советско-американские отношения 1919—1933 гг., М., 1934, с. 54—56,

214

пути, чем выступление в печати, интервью и речи. Юз в своей последней речи на [приеме] женской делегации дал ряд неверных заявлений, зная, что при первой же попытке действительного контакта с представителями Советского правительства он должен был бы эти заявления взять обратно»⁹⁵.

Отказ правительства США от нормализации отношений с СССР серьезно тормозил развитие советско-американских экономических связей. Тем не менее они росли вследствие расширения советских закупок в США.

Когда в правящих кругах многих стран Европы и в самих Соединенных Штатах наметилась тенденция к нормализации отношений с СССР, американское правительство приняло энергичные меры с целью воспрепятствовать такому развитию событий. Президент США Кулидж обратился 6 декабря 1923 г. к конгрессу с посланием. Вначале он указал, что американское правительство «не имеет ничего против вступления американских граждан в торговую сделку с русскими». Однако вслед за тем он заявил, имея в виду СССР, что американское правительство «не намерено вступать в сношения с правительством, отказывающимся от признания международных обязательств...»⁹⁶. Кулидж вновь выдвинул в качестве условий нормализации отношений признание долгов, выплату компенсации американским гражданам и прекращение «враждебного отношения к американскому государственному строю», а сверх того, потребовал от Советской России представить США «доказательства своего раскаяния»⁹⁷.

16 декабря Г. В. Чичерин направил Кулиджу телеграмму, в которой указывалось, что Советское правительство готово обсудить с правительством США все вопросы, затронутые в послании президента, положив в основу переговоров обоюдное невмешательство во внутренние дела другой стороны, а также принцип взаимности при решении вопроса о денежных претензиях. «Со своей стороны,— говорилось в телеграмме,— Советское правительство готово сделать все, что от него зависит, поскольку это совместимо с достоинством и интересами Союза ССР, для осуществления желаемой цели восстановления дружбы с Соединенными Штатами Америки»⁹⁸.

Юз заявил 18 декабря 1923 г. в сенате, что о переговорах с Советским Союзом не может быть и речи, поскольку американское правительство не намерено отказываться от своих требований, предъявляемых правительству СССР. В его заявлении содержались также обвинения в якобы продолжавшейся советской пропаганде за ниспровержение строя, существующего в США. Народный комиссар по иностранным делам предложил передать выдвинутые государственным секретарем обвинения третейскому

⁹⁵ Документы внешней политики СССР, т. 6, с. 239.

⁹⁶ Советско-американские отношения 1919—1933 гг., с. 58.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же.

215

суду, но американская сторона уклонилась от этого предложения.

1 июля 1924 г. Юз снова обвинил СССР во вмешательстве во внутренние дела США и в стремлении через американскую компартию уничтожить существующий социально-политический строй США, а 9 сентября того же года опубликовал еще одну декларацию, направленную против возобновления отношений с Советским государством⁹⁹.

Иные взгляды высказывали некоторые представители деловых кругов США. Посетившая в 1926 г. Советской Союз группа американских предпринимателей во главе с Эдди Шервудом по возвращении на родину обратилась к президенту США с письмом, в котором выражала желание запротokolировать убеждение в том, что правительство Соединенных Штатов не должно далее откладывать признание настоящего правительства России на условиях, согласованных с общими интересами и честью обоих правительств. При этом они отмечали, что «все другие первенствующие державы мира признали настоящее правительство и установили торговые отношения с Россией и что дальнейшее откладывание признания не совпадает с экономическими интересами Соединенных Штатов»¹⁰⁰.

США остались единственной великой державой, которая не установила в 20-х годах дипломатических отношений с СССР.

*

На Генуэзской и Гаагской конференциях империалистам не удалось закабалить Советскую страну. Однако отношения между ней и большинством государств капиталистического мира остались неурегулированными. В последующем Советское правительство и его дипломатия прилагали усилия к тому, чтобы установить с капиталистическими государствами нормальные отношения и добиться юридического признания ими СССР, не связывая при этом нашу страну никакими кабальными условиями. Но именно этого домогались империалисты, стараясь заставить СССР заплатить за признание предварительным принятием претензий иностранных государств к нашей стране. Эти попытки империалистических держав были сорваны советской дипломатией.

Империалистам не удалось ни сохранить дипломатическую изоляцию СССР, ни навязать ему в качестве платы за признание кабальные условия, ущемлявшие политический суверенитет, экономическую независимость и интересы Советского государства.

В 1924—1925 гг. Советский Союз установил дипломатические отношения с 13 государствами различных континентов, заключил с капиталистическими странами ряд новых торговых договоров и концессий, увеличил свой внешний торговый оборот. Тем са-

⁹⁹ Известия, 1924, 11 сент.

¹⁰⁰ АВП СССР. Письмо группы американских предпринимателей, возглавлявшейся Э. Шервудом (без даты).

мым политика экономического и политического бойкота и устранения СССР из международного общения потерпела серьезную неудачу. Нормализация отношений СССР со многими капиталистическими странами привела к дальнейшему росту международного влияния Советского Союза.

Успехи СССР на мировой арене, одержанные в 1924—1925 гг., были крупным шагом вперед в борьбе Советской страны за обеспечение мирных условий для строительства нового общества. Всего три года после окончания интервенции понадобилось Советскому государству для того, чтобы нанести удар по политике изоляции СССР. Внешняя политика Советского Союза наглядно продемонстрировала несостоятельность империалистической политики силы в отношении Страны Советов. Империалисты продолжали, однако, по-прежнему подвергать СССР финансовой блокаде, отказывая ему в займах и вынуждая восстанавливать народное хозяйство почти исключительно за счет мобилизации

внутренних ресурсов советского народа.

VIII ГЛАВА

СССР В БОРЬБЕ ЗА РАЗВИТИЕ МИРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ГОДЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ (1925—1929 гг.)

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СССР

Международная обстановка начиная с 1924 г. характеризовалась частичной и временной стабилизацией капитализма, когда некоторым капиталистическим странам удалось превысить довоенный уровень в развитии промышленности.

Капиталистическая стабилизация была относительной и непрочной; она не только не ликвидировала противоречий внутри капиталистической системы, но, наоборот, еще более их обострила. Стабилизация капитализма ознаменовалась проведением империалистическими странами общей политики по отношению к побежденной Германии — политики, связанной с репарационным планом Дауэса, принятым в 1924 г., а на Дальнем Востоке — сговором империалистов о совместном закабалении Китая на базе постановлений Вашингтонской конференции 1921 — 1922 гг.

В отличие от гнилой и шаткой стабилизации капитализма стабилизация социализма была прочной и устойчивой. К концу 1925 г. Советский Союз закончил восстановление народного хозяйства. XIV съезд ВКП(б), состоявшийся в декабре 1925 г., одобрил курс на индустриализацию страны, на превращение Советского государства в мощную индустриальную социалистическую державу. Директивы съезда успешно претворились в жизнь.

Правящие круги империалистических держав понимали, что их расчеты сорвать экономический рост СССР посредством отказа в предоставлении кредитов потерпели неудачу. Но они продолжали прилагать усилия к тому, чтобы максимально затруднить подъем народного хозяйства СССР и прежде всего социалистическую индустриализацию.

Серьезные опасения вызвал у империалистических держав рост национально-освободительного движения в странах Азии и Африки, особенно в Китае, где началась антиимпериалистическая и антифеодалная революция. По инициативе и под руководством Коммунистической партии Китая в стране был создан единый де-

218

мократический фронт. В феврале 1923 г. в Кантоне было образовано революционное правительство во главе с великим китайским революционным демократом Сунь Ятсеном, в которое наряду с гоминьдановцами входили коммунисты. Именно коммунисты и являлись душой движения китайского народа за национальное и социальное освобождение.

Только одно государство во всем мире поддержало справедливую борьбу китайского народа. Этим государством был Советский Союз. 12 сентября 1924 г. Сунь Ятсен в письме на имя советского представителя в Китае указывал, что для Китая настал момент открытой борьбы с силами империализма. «В этой борьбе,— писал он,— я обращаюсь к Вашей великой стране за дружбой и помощью, которые помогут освободить Китай от мощной хватки империализма и восстановить нашу политическую и экономическую независимость»¹.

В сентябре 1924 г. Сунь Ятсен обратился за помощью к правительству СССР,

и оно незамедлительно послало в Кантон морским путем оружие и боеприпасы. Таким образом, Коммунистическая партия Советского Союза активно поддержала национально-освободительную борьбу китайского народа. В своем решении, принятом в апреле 1926 г., ЦК ВКП(б) подчеркивал, что «Советское государство должно сделать все, чтобы затруднить создание единого империалистического фронта против Китая. Центральный Комитет указывал на необходимость проводить линию, основанную на величайшем внимании к правам Китая, на подчеркивании его суверенитета»². Народы Советского Союза выступили в поддержку китайской революции. В СССР было организовано общество «Руки прочь от Китая!». Рабочие, крестьяне и интеллигенция Советского Союза на многочисленных собраниях и митингах принимали решения о сборе средств и других формах помощи борющемуся китайскому народу. Во многих городах СССР рабочие и служащие отчисляли в фонд помощи китайскому народу однодневный заработок.

В 1926 г. национально-революционная армия Китая начала поход с революционного Юга на Север, чтобы освободить и объединить всю страну. СССР поставлял революционной армии оружие и боеприпасы. В разработке стратегического плана Северного похода участвовали советские военные специалисты во главе с выдающимся полководцем В. К. Блюхером. Северный поход принял форму национально-освободительной войны китайского народа и привел к огромному расширению сферы революции. Революционная армия разгромила войска реакционных милитаристов³.

¹ *Сунь Ятсен*. Избр. произв. М., 1964, с. 571.

² История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970, т. 4, кн. 1, с. 436.

³ Интернационалистская помощь, которую Советское государство оказало китайской революции в 20-е годы, сыграла важную роль не только в дальнейшем развитии советско-китайских отношений, но и в упрочении позиций демократических, левых сил в национально-освободительном движении в Китае.

Примечательно, что сегодняшняя официальная историография КНР пытается дискредитировать внешнюю и внутреннюю политику Советского Союза и советско-китайское сотрудничество, замалчивая влияние Великого Октября на развитие революционного движения в Китае, роль, которую сыграли советские революционеры-интернационалисты в национально-освободительной борьбе китайского народа, извращая историю двусторонних государственных отношений. Они ставят целью доказать, что СССР будто бы преследовал лишь свои корыстные интересы, противоречащие интересам Китая.

219

Китайская революция рассматривалась империалистическими державами как серьезная угроза их господству. Их крайне беспокоила и раздражала помощь, которую оказывал китайским революционерам Советский Союз.

Империалистические державы, в первую очередь Англия и США, стремились создать единый фронт капиталистических государств против СССР. Главные их усилия были направлены на политическую изоляцию СССР и его финансовый бойкот. Они хотели подорвать советско-германское сотрудничество, установившееся после заключения Рапалльского договора, и включить Германию в антисоветский фронт в расчете на использование возрожденного германского империализма для борьбы как против СССР, так и против революционного движения в Западной Европе. Это составляло одну из целей плана Дауэса, разработанного под руководством американских монополий.

Инициатором подготовки антисоветского блока выступила английская дипломатия. В октябре 1925 г. в Локарно состоялась конференция, в которой участвовали Англия, Германия, Франция, Италия, Бельгия, а также Чехословакия и Польша. Стремясь использовать для борьбы против СССР Лигу наций, западные державы считали необходимым вступление в нее Германии. При этом предполагалось, что Германия, вступив в Лигу, должна будет не только

включиться в экономическую блокаду Советского Союза, но и, в случае необходимости, пропустить интервенционистские войска через свою территорию, а может быть, и принять прямое участие в войне против СССР.

Заключенный в Локарно Рейнский пакт — гарантийный договор между Францией, Бельгией, Германией, Великобританией и Италией — имел целью застраховать западные державы от реваншистских устремлений Германии и направить их на Восток. Из этого исходили английские политики, когда они предоставляли гарантии границ западным соседям Германии и отказали в гарантиях ее восточным соседям. Локарнские соглашения были направлены против СССР и в то же время серьезно подрывали безопасность Польши и Чехословакии. Эти соглашения и вовлечение Германии в Лигу наций явились важным этапом сколачивания враждебной Советскому государству коалиции держав.

⁴ Локарнская конференция, 1925 г. М., 1959, с. 309 и др.

220

Англия и США отводили Германии видное место в создаваемом антисоветском блоке.

XIV съезд Коммунистической партии в своей резолюции по отчету Центрального Комитета отмечал, что «относительная стабилизация и так называемое „замирение" Европы под гегемонией англо-американского капитала привели к целой системе экономических и политических блоков, последним из которых является конференция в Локарно и так называемые „гарантийные договоры", острием своим направленные против СССР»⁵.

Взяв курс на сближение с западными державами, правительство Лютера — Штреземана отдавало себе, однако, отчет в том, что осложнение советско-германских отношений поведет к усилению зависимости Германии от западных держав. Оно понимало, что, поддерживая с Советским Союзом нормальные отношения, Германия, напротив, получает определенную свободу маневрирования, укрепляет свои политические и экономические позиции в отношении к западным державам и тем самым сможет добиться от них уступок.

ДОГОВОРЫ СССР О НЕЙТРАЛИТЕТЕ И О НЕНАПАДЕНИИ С ГЕРМАНИЕЙ И ДРУГИМИ ЗАПАДНЫМИ СТРАНАМИ

Советское правительство, учитывавшее настроения германских правящих кругов, стремилось предотвратить вступление Германии в Лигу наций или по крайней мере ослабить антисоветскую направленность этой акции. В беседах с временным поверенным в делах Германии в СССР Радовицем, происходивших 22 и 26 сентября 1924 г., заместитель народного комиссара по иностранным делам М. М. Литвинов обратил его внимание на то, что вступление Германии в Лигу наций повредит дружественным отношениям между СССР и Германией и может нанести ущерб интересам самой Германии⁶. 17 октября того же года заместитель наркома передал Радовицу предложение Советского правительства «заключить с германским правительством формальное соглашение, по которому ни одна сторона не имела бы права вступать в Лигу без согласия другой»⁷. 25 декабря 1924 г. Г. В. Чичерин сделал официальное предложение о заключении между СССР и Германией политического соглашения. Оно гласило:

«СССР и Германия берут на себя обязательство не вступать ни в политические, ни в экономические блоки, договоры, соглашения или комбинации с третьими державами против другой договаривающейся стороны.

СССР и Германия обязуются в дальнейшем координировать свои действия по вопросу о вступлении в Лигу наций или о посылке в Лигу наций наблюдателя»⁸.

⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. (далее — КПСС в резолюциях...), М., 1970, т. 3, с. 245.

⁶ Документы внешней политики СССР. М., 1963, т. 8, с. 784.

⁷ Документы внешней политики СССР. М., 1962, т. 7, с. 490.

⁸ Документы внешней политики СССР, т. 8, с. 785.

221

Обосновывая это предложение, Г. В. Чичерин говорил: «...это значит, что, если Англия будет составлять единый фронт против СССР, Германия не вступит в такую коалицию, а, с другой стороны, мы не вступим в коалицию с Францией, Бельгией и т. д. против Германии». На предложение германского посла в Москве Брокдорфа-Ранца включить в соглашение обязательство о ненападении Чичерин ответил: «Мы всегда готовы заключить пакт о ненападении со всеми государствами и ...логически представляется вполне возможным иметь пакт о ненападении одновременно и с Германией, и с Польшей, и со всеми другими государствами. Наша же формула идет гораздо дальше»⁹.

Переговоры о советско-германском договоре продолжались свыше года. Германское правительство пыталось вести двойную ИГРУ, уклоняясь от принятия советских предложений. В связи с этим 2 июня 1925 г. Советское правительство направило ему меморандум, в котором были подробно проанализированы последствия вступления Германии в Лигу наций. Учитывая, что положение Германии в Лиге наций не позволит ей вести совершенно самостоятельную, независимую от Англии и других стран Антанты политику, Советское правительство отмечало, что германский представитель «был бы вынужден в целом ряде случаев присоединять свой голос к общему хору»¹⁰. «...Для советско-германских отношений,— указывалось в меморандуме,— роковым явится не только участие самой Германии в военных и экономических санкциях против СССР, но и то, если Германия, не участвуя сама в этих экзекуциях, санкционирует в том или другом случае своим голосованием применение санкции другими членами Лиги наций»¹¹. В меморандуме подчеркивалось, что в связи с вступлением Германии в Лигу наций логика политического развития постепенно приведет к полной переориентации германского правительства на Запад и к вовлечению Германии в комбинацию тех или иных держав Антанты против СССР. Советское правительство предлагало Германии избрать другой путь, а именно путь сохранения и дальнейшего укрепления заложенных в Рапалло политических и экономических отношений между СССР и Германией.

1 июля 1925 г. германское правительство направило в Москву для переговоров с НКВД заведующего отделом Восточной Европы МИД . Дирксена, который сделал следующие предложения: вместо заключения политического соглашения в форме договора, на чем настаивало Советское правительство, германское правительство предлагало включить заявление об общих принципах советско-германских отношений в торговый договор, переговоры о котором велись в то время. Германское правительство предлагало также сделать устное, малообязывающее заявление по вопро-

⁹ Документы внешней политики СССР, т. 8, с. 785—786.

¹⁰ Там же, с. 352.

¹¹ Там же, с. 353.

222

су о Лиге наций, а в письменной форме зафиксировать лишь декларативное заявление о развитии отношений в духе Рапалльского договора¹². Советское правительство настаивало на своих предложениях.

12 октября 1925 г. был подписан торговый договор с Германией, а несколько ранее было достигнуто соглашение о предоставлении Советскому Союзу краткосрочного кредита в размере 100 млн. марок для финансирования советских заказов в Германии.

21 ноября 1925 г., после подписания Локарнских соглашений, НКИД вручил Германии новый проект политического соглашения. Он предусматривал взаимные обязательства ненападения, невступления в блоки или иные комбинации, направленные против другой стороны, соблюдения дружественного нейтралитета. В нем говорилось также, что в случае вступления Германии в Лигу наций германское правительство «обязуется принимать все зависящие от него меры против возможного применения против СССР военных и экономических санкций»¹³.

В декабре 1925 г. Г. В. Чичерин, находившийся в то время в Германии, встретился со статс-секретарем Шубертом, послом Брокдорфом-Ранцау и министром Штреземаном. Во время бесед затрагивались вопросы, связанные с обязательством соблюдать нейтралитет и со вступлением Германии в Лигу наций и советским проектом договора. При этом, как записал Чичерин, «Штреземан стал юлить и отвиливать от согласия на наш проект»¹⁴. В конце декабря Штреземан переслал Чичерину для частной информации немецкий проект германо-советского протокола. В нем хотя и говорилось, что исходным пунктом и основой германо-русских отношений остается Рапалльский договор, что стороны будут сохранять «дружественный контакт с целью достижения согласования по всем вопросам политического и экономического характера, касающимся их обеих стран»¹⁵, но не содержалось обязательства Германии соблюдать нейтралитет. Применение Германией к Советскому Союзу статей 16 и 17 Устава Лиги наций о санкциях, согласно протоколу, было бы возможно только «в случае, если Россия начала бы наступательную войну против третьего государства»¹⁶. В проекте указывалось, что «дружественному характеру германо-русских отношений соответствовало бы неприсоединение обоих правительств к коалиции, направленной против другой страны»¹⁷.

Г. В. Чичерин в начале января 1926 г. направил Штреземану ответ, в котором указывалось, что Советское правительство желало бы, чтобы намечаемое соглашение было сформулировано бо-

¹² Там же, с. 784.

¹³ Там же, с. 675.

¹⁴ Там же, с. 750.

¹⁵ Там же, с. 814—815.

¹⁶ Там же, с. 815.

¹⁷ Там же, с. 816.

лее точно и основывалось на базе конкретных обязательств¹⁸.

Немцы представили новый проект — уже не протокола, а договора. В дальнейшем переговоры свелись в значительной степени к обсуждению статьи 2 этого проекта, которая гласила, что стороны сохраняют нейтралитет в случае нападения третьей державы, если оно произошло «без провокации» со стороны другого участника договора. При этом, согласно немецкому проекту, Германия сама должна была решать, является ли СССР нападающей стороной или нет. Полпред СССР в Германии Н. Н. Крестинский в письме в НКИД от 26 февраля 1926 г., оценивая доводы в пользу заключения соглашения, приходил к такому выводу: «Я считаю, что заключение этого соглашения, во-первых, подтверждает и усиливает Рапалльский договор, делая это после Локарно и тем самым подчеркивая перед широким общественным мнением Германии, что Рапалло остается в силе. Во-вторых, в договоре имеется пункт 3, предусматривающий невступление во враждебные экономические соглашения...

С другой стороны, если бы мы отказались от заключения договора, в то время как о наших переговорах, несмотря на их секретность, были уже сообщения в прессе, то это произвело бы впечатление разрыва между нами и Германией, чего в

действительности нет, и впечатление от этого вовсе было бы для нас политически неблагоприятное»¹⁹.

Советское правительство нашло возможным принять германскую формулировку 2-й статьи договора, но считало необходимым исключить из нее слова «без провокации с ее стороны» как «допущение, несовместимое с мирной политикой договаривающихся сторон»²⁰.

13 апреля 1926 г. во время беседы с Шубертом Н. Н. Крестинский еще раз заявил, что Москва настаивает на своей поправке к статье 2. «НКВД надеется,— говорил он,— что немцы не будут настаивать на оговорке о провокации, тем более что по существу г. Шуберт с нами согласен и упоминание о провокации имеет для немецкой стороны лишь тактическое значение. Для нас же этот вопрос имеет не только тактическое значение. Пресса Антанты обвиняет нас в красном империализме, подготовке войны. О том же говорят часто и государственные деятели Антанты. Если в нашем договоре с Германией будет оговорка о провокации, то наши враги смогут сказать, что даже дружественная нам Германия вынуждена считаться с возможностью военной провокации с нашей стороны»²¹. Крестинский указывал также, что в том случае, если данный вопрос будет разбираться Советом Лиги наций или Международным судом в Гааге, которые настроены враждебно в отношении к нам, то они, конечно, «всегда будут

¹⁸ Документы внешней политики СССР. М., 1964, т. 9, с. 21.

¹⁹ Там же, с. 131—132.

²⁰ Там же, с. 149.

²¹ Там же, с. 224

224

склонны истолковать эту оговорку против нас»²². «Мне кажется,— говорил он во время следующей беседы с Шубертом,— что наши соображения против оговорки о провокации значительно серьезнее, чем мотивы, заставляющие немцев настаивать на этой оговорке»²³. Советский полпред подчеркнул, что его возражения являются не только его личными возражениями, что «Москва твердо стоит на той же точке зрения»²⁴.

Твердая позиция Советского правительства привела к тому, что германское правительство вынуждено было отказаться от своей первоначальной формулы и пойти на компромисс. 21 апреля 1926 г. Штреземан пригласил к себе Крестинского и сообщил ему новую немецкую компромиссную формулировку. Он предлагал выбросить слово «непровоцированного» и взамен этого сказать: «несмотря на миролюбивый образ действий».

Советское правительство согласилось с этой формулировкой, и 24 апреля 1926 г. договор о нейтралитете между СССР и Германией был подписан.

Договор исходил из того, что основой взаимоотношений между СССР и Германией остается Рапалльский договор. Правительства обязывались «поддерживать дружественный контакт с целью достижения согласования всех вопросов политического и экономического свойств, касающихся совместно обеих стран». Статья 2 договора гласила: «В случае, если одна из договаривающихся сторон, несмотря на миролюбивый образ действий, подвергнется нападению третьей державы или группы третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта»²⁵. В статье 3 указывалось, что ни одна договаривающаяся сторона не будет примыкать к коалиции третьих держав с целью подвергнуть экономическому или финансовому бойкоту одну из договаривающихся сторон.

Заключение договора сопровождалось обменом нотами, которые являлись составной частью договора. В ноте германского министра иностранных дел на имя полномочного представителя СССР в Германии указывалось, что обе

стороны обсудили в духе необходимости сохранения всеобщего мира принципиальные вопросы, связанные со вступлением Германии в Лигу наций. «Германское Правительство убеждено,— говорилось в ноте,— что принадлежность Германии к Лиге наций не может быть препятствием к дружественному развитию отношений между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик... Если бы... в среде Лиги наций возникли когда-либо стремления, которые... были бы односторонне направлены против Союза Советских Социалистических Республик, Германское Правительство будет со

²² Там же.

²³ Там же, с. 239.

²⁴ Там же, с. 245.

²⁵ Там же, с. 251.

225

всей энергией противодействовать таким стремлениям»²⁶. Германское правительство заявляло, что вопрос о применении санкций против СССР мог бы встать лишь в том случае, если бы Советский Союз начал наступательную войну против третьей державы. Оно отмечало, что определение того, является ли СССР нападающей стороной, может быть произведено только с согласия Германии. «Необоснованное обвинение,— указывалось в ноте,— не будет обязывать Германию участвовать в мероприятиях, предпринятых на основании ст. 16»²⁷. Такое заявление германского правительства давало определенные надежды, что Германия не будет вовлечена в антисоветскую политику Лиги наций. В 1926 г. СССР впервые получил в Германии сравнительно долгосрочный заем в сумме 300 млн. марок: он был предоставлен банками и частично гарантирован германским правительством, что имело немаловажное значение.

В связи с усилиями английской дипломатии по сколачиванию единого фронта против СССР, Советское правительство сочло необходимым активизировать деятельность, направленную на заключение договоров о ненападении и нейтралитете, которые препятствовали бы вовлечению их участников в антисоветские комбинации.

Зам. наркома в письме полпреду СССР в Швеции В. С. Довгалевскому в январе 1926 г. указывал: «Наша политика... состоит в стремлении к заключению индивидуальных договоров о дружбе со всеми государствами. В противовес Локарно и Лиге наций, где сколачиваются группы и комбинации, друг другу враждебные, мы выдвигаем схему ликвидации системы политических союзов и групп, ведущих неизбежно к войнам»²⁸.

В первую очередь Советское правительство стремилось заключить такие договоры с соседями СССР. В январе 1925 г. полпред СССР в Польше П. Л. Войков встретился с министром иностранных дел Польши А. Скшиньским и предложил от имени Советского правительства заключить польско-советское соглашение на основе ненападения и обоюдного обязательства не вступать ни в какие комбинации, враждебные одной из сторон, подчеркнув при этом, что данное предложение может явиться решением вопроса о взаимоотношениях двух государств²⁹. Польская сторона, однако, пыталась уклониться от переговоров о пакте, сославшись на то, что целесообразно начать урегулирование не с общего принципа, а с отдельных вопросов, например, коммерческих. Советский представитель в ответ на это заявил, что подписание договора о ненападении создало бы почву для решения других вопросов на базе взаимности³⁰.

²⁶ Документы внешней политики СССР, т. 9, с. 252.

²⁷ Там же, с. 253.

²⁸ Там же, с. 10.

²⁹ Документы внешней политики СССР, т. 8, с. 771.

³⁰ Там же.

226

В конце января того же года польское правительство обратилось к СССР с предложением заключить соглашение о ненападении не с одной Польшей, а с несколькими странами одновременно, а именно, кроме Польши, с прибалтийскими странами, включая Финляндию, и с Румынией. В последующих переговорах Польша продолжала настаивать на своем предложении. Советское правительство понимало, что польское предложение направлено на противопоставление Советскому Союзу блока пограничных государств под гегемонией Польши. В беседе с посланником Польши в СССР Кентжинским член коллегии НКВД Б. С. Стомоняков прямо заявил: «...польское предложение является скрытым предложением протектората над прибалтийскими странами с конечной целью организации войны против нас. Стремление организовать военный союз против нас, вновь выдвигаемое на первый план польской политикой за последнее время, исключает стремление договориться с нами об урегулировании политических и экономических взаимоотношений между двумя странами»³¹.

Польское правительство старалось склонить прибалтийские государства отказаться от советских предложений заключить с ними двусторонние договоры о ненападении. В беседе с посланником Латвии в СССР Озолсом Стомоняков указывал, что, по мнению советской стороны, колебания Латвии в вопросе о заключении договора с Советским Союзом объясняются в значительной степени действиями Польши³².

В связи с заключением в апреле 1926 г. договора о нейтралитете с Германией Советское правительство решило положить в основу своих отношений с прибалтийскими странами и Польшей такого типа договоры. Оно было готово заключить подобные договоры и с другими странами. В мае 1926 г. Советское правительство вручило правительствам Латвии и Эстонии проекты договоров, составленные с учетом текста советско-германского договора.

Однако в результате давления Польши и Великобритании на прибалтийские страны советские предложения в то время приняты не были. Но не было принято и польское предложение об общем гарантийном договоре, и, таким образом, попытки Англии и Польши втянуть прибалтийские страны в антисоветский блок провалились.

В марте 1926 г. Советское правительство высказало пожелание форсировать переговоры о заключении договора о нейтралитете с Литвой. 28 сентября 1926 г. был подписан советско-литовский договор, по которому подтверждался мирный договор 1920 г. Стороны взаимно обязывались уважать суверенитет и территориальную целостность и неприкосновенность, воздерживаться от агрессивных действий против другой стороны, а также

³¹ Документы внешней политики СССР, т. 9, с. 290.

³² Там же, с. 315.

227

не оказывать поддержки третьей или третьим державам, нападению которых подверглись бы СССР или Литва, несмотря на свое миролюбивое поведение³³.

ОТНОШЕНИЯ СССР С ЕГО ВОСТОЧНЫМИ СОСЕДЯМИ

Государства Востока справедливо видели в лице Советского Союза своего защитника в борьбе против империализма. Это создавало прочные основы для развития политических, экономических и культурных связей СССР с его восточными соседями. Советский Союз стремился расширить эти связи. Большое внимание при этом он уделял Турции, с которой у него на протяжении многих лет складывались дружественные отношения. В свою очередь и в Турции, как

отмечал Г. В. Чичерин, в то время определился «сдвиг в сторону сближения с нами». Г. В. Чичерин объяснял это прежде всего возраставшими происками Англии против Турции³⁴. Он подчеркивал, что враждебная политика Англии заставляет турецких политических деятелей «учитывать, что только в СССР они могут найти действительно твердую опору и поддержку в борьбе с нажимом западного капитала, главным образом английского. Укреплению этой идеи в Турции много способствует та линия дружественности, которую мы не только всячески демонстрируем, но и фактически занимаем в отношении Турции»³⁵.

В сентябре 1924 г. полпред СССР в Турции Я. З. Суриц в беседе с председателем Совета министров Турции Исмет-пашой выдвинул предложение расширить советско-турецкий договор от 16 марта 1921 г. с целью дальнейшего укрепления политического сотрудничества. Исмет-паша от имени турецкого правительства заявил, что он готов приступить к переговорам, и просил конкретизировать советское предложение. Чичерин тогда же поручил Сурицу сообщить турецкому правительству, что Советский Союз предполагает дополнить договор 1921 г. соглашением о дружественном нейтралитете в случае войны одной из договаривающихся сторон с третьей державой, а также обязательством не участвовать во враждебных группировках, направленных против другой стороны³⁶.

Переговоры между СССР и Турцией, приостановленные из-за болезни Исмет-паши и правительственного кризиса в Турции, были возобновлены в январе 1925 г. Турецкое правительство сначала возражало против советского предложения об обязательстве не вступать во враждебные группировки, ссылаясь, что это предложение будто бы задевает принцип независимости³⁷.

В конце января 1925 г. Турции был вручен советский проект договора. Советское правительство, стремясь к улучшению отно-

³³ Документы внешней политики СССР, т. 9, с. 446—447.

³⁴ Документы внешней политики СССР, т. 8, с. 192.

³⁵ Там же, с. 193.

³⁶ Там же, с. 766.

³⁷ Там же, с. 23.

шений с Турцией, вместе с тем не хотело, чтобы заключение договора с ней в какой-либо степени осложнило положение на Востоке или было направлено против других восточных государств, в частности Ирана. В письме полпреду СССР в Иране К. К. Юреневу Г. В. Чичерин писал, что мы «не желаем быть прикрытием фланга Турции, если она нападет на Персию»³⁸. Поэтому Советское правительство в феврале 1925 г. предложило добрые услуги турецкому и иранскому правительствам по урегулированию всех существующих между ними недоразумений, оговорив, что предусматриваемый статьей 1 проекта советско-турецкого договора дружественный нейтралитет «не распространяется на случай военных действий Турции против Персии или наоборот»³⁹. Советское правительство исходило из того, что война между Турцией и Ираном, одинаково страдавших от английских происков, была бы на руку только Англии. К тому же между Турцией и Ираном не только не было коренного противоречия интересов, но и существовало полное совпадение интересов в отношении борьбы с империализмом. «Что же касается всяких мелких недоразумений между ними,— писал Г. В. Чичерин Я. З. Сурицу,— то они всегда могут быть улажены мирным путем, и мы никогда не откажемся содействовать им в этом»⁴⁰.

Турция приняла во внимание это представление Советского правительства и со своей стороны выдвинула предложение, чтобы СССР и Турция рекомендовали Ирану заключить гарантийные пакты между Турцией и Ираном и СССР и Ираном, которые должны состоять из обязательств о ненападении и взаимном

уважении существующих границ⁴¹. Советское правительство информировало об указанной точке зрения правительство Ирана, и в июле 1925 г. иранский посол от имени своего правительства выразил пожелание заключить с Турцией договор о дружбе⁴².

В августе 1925 г. министр иностранных дел Турции заявил советскому полпреду, что Совет министров уполномочил его на подписание договора с СССР.

Английское правительство сделало в последний момент попытку сорвать заключение советско-турецкого договора. Министр иностранных дел Турции получил в ноябре 1925 г. от греческого правительства предложение принять участие в общем выступлении балканских государств с целью присоединения к Локарнским соглашениям.

В беседе с советским представителем турецкий министр категорически утверждал, что «Греция проявила инициативу по указке Лондона»⁴³. Однако Турция не поддавалась давлению и отклонила предложение.

³⁸ Там же, с. 398.

³⁹ Там же, с. 114.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же, с. 402.

⁴² Там же, с. 461.

⁴³ Там же, с. 663.

229

После заключения Локарнских соглашений обе стороны форсировали переговоры. Турция понимала, что заключение Локарнских соглашений представляет непосредственную угрозу и для нее. 21 ноября 1925 г. турецкий посол в Москве по поручению министра иностранных дел Турции заявил заместителю наркома следующее: «Значение Локарно теперь достаточно ясно как для СССР, так и для Турции. Турецкое правительство считает, что перед лицом этого события политика Советского Союза и Турции должна быть одинакова»⁴⁴. В ответ на это советский представитель подчеркнул, что он полностью согласен с турецкой оценкой Локарнских соглашений и что Локарно диктует сближение между теми странами, против которых оно направлено. «Мы хотели бы еще больше усилить нашу дружбу со странами Востока и в первую очередь с Турцией...— сказал он.— Я считаю момент назревшим для облечения этих стремлений в материальную или, скорее, легальную форму. Таковой я считал бы подписание того дополнительного соглашения, о котором переговоры у нас ведутся уже около года»⁴⁵.

17 декабря 1925 г. между двумя странами был подписан договор о ненападении и нейтралитете. Договор предусматривал, что в случае военного выступления одной или нескольких третьих держав против одной из договаривающихся сторон другая договаривающаяся сторона обязуется соблюдать нейтралитет. Стороны обязывались также воздерживаться от всякого нападения друг на друга и не принимать участия ни в каком союзе или соглашении политического характера или враждебном акте с одной или несколькими третьими державами, направленными против другой договаривающейся стороны. Заключение договора знаменовало новое улучшение в отношениях между двумя государствами. Советская сторона высоко оценивала значение подписанного соглашения. Г. В. Чичерин в письме в Политбюро ЦК ВКП(б) отмечал, что «подписанный в Париже договор с Турцией о нейтралитете, ненападении и неучастии во враждебных комбинациях является образцом мирной политики, рассчитанной на дружественные отношения»⁴⁶.

О значении договора для Турции он писал Сурицу: «...наш пакт с Турцией открыл перед ней перспективы урегулирования отношений с угрожающими ей

государствами. Действительно, за последнее время турецкая политика направлялась по пути урегулирования взаимоотношений Турции с ее соседями в форме, прецедентом для которой явился советско-турецкий пакт от 17 декабря...»⁴⁷

Вместе с укреплением политических отношений между Советским Союзом и Турцией развивались и экономические связи. Со-

⁴⁴ Документы внешней политики СССР, т. 8, с. 675.

⁴⁵ Там же, с. 676.

⁴⁶ Документы внешней политики СССР, т. 9, с. 7.

⁴⁷ АВП СССР. Письмо Чичерина полпреду СССР в Турции от 17 мая 1926 г.

230

ветское правительство предоставило турецким купцам право безлицензионного ввоза в Советский Союз ряда турецких товаров и вывоза некоторых советских товаров. Еще успешнее стала развиваться советско-турецкая торговля после заключения в 1927 г. первого советско-турецкого договора, который был также первым торговым договором Советского Союза со страной в Азии.

Благоприятно развивались и советско-афганские отношения. 31 августа 1926 г. между СССР и Афганистаном был заключен договор о нейтралитете и взаимном ненападении, аналогичный советско-турецкому договору⁴⁸, но содержащий, кроме того, некоторые дополнительные обязательства сторон, которых не было в советско-турецком договоре и которые учитывали особые формы проявления империализма в Средней Азии. Статья 2 советско-афганского договора предусматривала, что каждая сторона будет противодействовать враждебной линии поведения третьих держав в отношении другого участника договора. Это положение вошло в советско-афганский договор 1931 г., продленный в 1936 г., 1955 г., а затем — в декабре 1975 г. (подробно см. т. 2). Далее, ввиду национально-политической ситуации на среднеазиатских границах Советского Союза, в договоре содержалась статья, которая устанавливала обязательство взаимно воздерживаться от всякого вооруженного или невооруженного вмешательства во внутренние дела другой стороны и препятствовать на их территории всякой деятельности, направленной против другой стороны, в частности вербовке войск против нее и провозу предназначенных против нее вооруженных сил, оружия, огнестрельных припасов и других военных материалов.

Политические отношения между СССР и Афганистаном в результате заключения договора 1926 г. еще более окрепли, что принесло большую пользу обоим странам.

Наряду с развитием политических отношений между двумя странами расширялись и торгово-экономические связи. Особое географическое положение Афганистана и его близость к границам Советского Союза, скорость доставки и дешевизна фрахта явились факторами, содействовавшими развитию советско-афганской торговли. Характерными чертами этой торговли было то, что импорт СССР из Афганистана включал всю экспортную продукцию афганской экономики, что стимулировало рост ее производства, а советская промышленность удовлетворяла значительную часть потребительского спроса афганского рынка. Из года в год возрастал товарооборот, с 1,4 млн. руб. в 1923/24 гг. он увеличился до 18,5 млн. руб. в 1928/29 гг.⁴⁹, причем сальдо постоянно было в пользу Афганистана.

Расширению афганского экспорта в СССР способствовали и некоторые специальные меры Советского правительства, в част-

⁴⁸ Документы внешней политики СССР, т. 9, с. 406—408; *Теплинский Л. В.* 50 лет советско-афганских отношений. М., 1971, с. 59—62.

⁴⁹ Советско-афганские отношения. 1919—1969 гг. М., 1971, с. 75.

ности ввоз главнейших афганских товаров разрешался без лицензий, а большинство других товаров пропускалось беспошлинно или к ним применялись льготные тарифы. В ноябре 1928 г. две страны подписали Соглашение о воздушном сообщении между Кабулом и Ташкентом.

Укреплению советско-афганских отношений способствовал состоявшийся в мае 1928 г. визит в Советский Союз короля Афганистана Аманулла-хана, во время которого были начаты переговоры о заключении между двумя странами торгового договора и соглашения о транзите афганских товаров через советскую территорию.

Укрепились также и дружественные отношения СССР с Ираном. Империалистические государства, в особенности Англия, отводили Ирану в своих планах окружения СССР значительную роль. Английские империалисты стремились осложнить советско-иранские отношения, разрушить тесные экономические связи, существовавшие между СССР и Ираном, дабы лишить Иран возможности опереться на северного соседа и тем крепче закабалить его. С этой целью английскими агентами на севере Ирана была организована попытка бойкотировать советские товары. Антисоветские происки Англии в Иране переплетались с аналогичными действиями Соединенных Штатов Америки..

Летом 1925 г. Советский Союз предложил заключить Ирану договор, аналогичный советско-турецкому договору. 24 июля шах Ирана Реза-хан сообщил, что он рад добрым намерениям Советского Союза, но просил подождать некоторое время «для предварительного создания благоприятной почвы путем решения старых вопросов»⁵⁰. Иранское правительство, как оно заявляло, опасалось того, что заключение договора между Ираном и СССР вызовет недовольство Англии, «в результате чего Англия потребует себе каких-нибудь компенсаций»⁵¹. Советское правительство, однако, не оставляло надежды заключить пакт с Ираном. В письме в Политбюро ЦК ВКП(б) 2 января 1926 г. Г. В. Чичерин писал: «...представляется целесообразным продолжить начатый т. Юрениным (советским полпредом в Тегеране.— *Ред.*) зондаж и в случае благоприятного результата заключить с Персией такой же пакт, как и с Турцией»⁵². Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило это предложение, и 7 января Чичерин дал указание советскому представителю в Иране продолжить переговоры: «Признано желательным,— писал он,— заключение с Персией договора, аналогичного советско-турецкому, т. е. о нейтралитете, ненападении и неучастии во враждебных политических и экономических комбинациях, соглашениях и блоках. Непрерывно держите нас в курсе дальнейшего прохождения этого вопроса»⁵³.

⁵⁰ Документы внешней политики СССР, т. 8, с. 449.

⁵¹ Документы внешней политики СССР, т. 9, с. 7.

⁵² Там же.

⁵³ Там же, с. 15.

Правительство Ирана в январе 1926 г. приняло в качестве базы для переговоров советско-турецкий договор о нейтралитете и ненападении.

В августе — октябре 1926 г. в Москве проходили переговоры между СССР и Ираном. К началу октября стороны согласовали статьи договора о гарантии и нейтралитете, а также текст торгового и других экономических соглашений. Однако под влиянием враждебных СССР сил внутри Ирана, а также английской миссии в Тегеране иранское правительство вновь стало затягивать рассмотрение этих проектов. Министр иностранных дел Ирана дал английскому правительству обещание, что выработанные в Москве соглашения подписаны не будут. Иранское правительство отозвало своего представителя и предложило перенести переговоры в Тегеран. Советское правительство согласилось подписать в

Тегеране выработанные в Москве тексты, но без какого-либо дополнительного обсуждения. Прерванные на некоторое время переговоры были продолжены затем в Москве и закончились 1 октября 1927 г. подписанием договора о гарантии и нейтралитете, торгового и других соглашений экономического характера, в основу которых были положены проекты, согласованные во время переговоров в Москве в августе — октябре 1926 г.⁵⁴ Договор подтверждал советско-иранский договор 1921 г. В подписанном одновременно с договором протоколе указывалось, что иранское правительство не имеет никаких международных обязательств, противоречащих данному договору, и в течение всего срока его действия не примет на себя подобных обязательств⁵⁵. Оба правительства обменялись также нотами, которыми регулировались вопросы торговых отношений и создавались лучшие возможности для их развития.

Договоры, заключенные в 1926—1927 гг. с Германией, Литвой, Турцией, Афганистаном и Ираном, свидетельствовали о том, что советской дипломатии удалось в значительной степени парализовать происки английских и американских империалистов в большинстве соседних с СССР стран, в частности в странах Азии. Правящие круги Афганистана, Турции и Ирана справедливо считали, что участие в антисоветском блоке противоречит их национальным интересам. Оно могло привести лишь к усилению их зависимости от английского и американского империализма, который являлся злейшим врагом независимости и свободы народов Востока. В сознании народов Востока укреплялось убеждение, что Советский Союз — лучшая их опора в борьбе за полное политической и экономическое освобождение. Соседние страны Азии правильно оценивали советскую политику мира и освобождения народов. 1925—1927 годы стали временем дальнейшего укрепления связей между СССР и соседними странами Ближнего и Среднего Востока.

⁵⁴ Там же, с. 712.

⁵⁵ Документы внешней политики СССР. М., 1965, т. 10, с. 400.

Рост престижа СССР среди народов Востока и развертывание национально-освободительного движения колониальных и зависимых стран привели к активизации борьбы империалистов против Страны Советов.

ОБОСТРЕНИЕ И РАЗРЫВ СОВЕТСКО-АНГЛИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В 1925—1926 гг. отношения между Англией и Советским Союзом значительно обострились. Консервативное правительство поставило перед собой задачу создать против Советской страны систему политических и военных союзов. В этих антисоветских планах английского империализма важная роль отводилась Германии. Поэтому дипломатия Лондона делала все, чтобы испортить отношения между Германией и СССР и таким образом добиться внешнеполитической изоляции последнего. В письме полпреду в Берлине Н. Н. Крестинскому Г. В. Чичерин писал 30 августа 1925 г.: «Английскому правительству и специально все более усиливающемуся внутри него черчиллевскому течению принадлежит мысль ублаговорения Германии с целью сближения ее с Антантой и отрыва ее от СССР. Основная мысль английской политики или, точнее, одерживающего верх черчиллевского течения заключается поэтому в том, чтобы изолировать СССР»⁵⁶. В качестве предлога для новых атак на Советское государство правящие круги Великобритании решили использовать помощь советского народа английским трудящимся во время всеобщей забастовки в Англии и стачки английских горняков, которая началась 1 мая 1926 г.

Трудящиеся СССР, как и трудящиеся всего мира, движимые чувством пролетарской солидарности, оказали бастующим шахтерам значительную материальную и моральную поддержку. Президиум ВЦСПС призвал всех членов профсоюзов СССР отчислить часть заработка в фонд помощи английским рабочим. С мая 1926 г. по 1 марта 1927 г. в этот фонд поступило 16 млн. руб.⁵⁷ Деньги были переданы Федерации горняков Великобритании.

В июне 1926 г. английское правительство вручило Советскому правительству ноту, в которой обвиняло его во вмешательстве во внутренние дела Англии, представляя дело так, будто не ВЦСПС, а Советское правительство передало деньги Генсовету английских тред-юнионов. Советское правительство отклонило английскую ноту, заявив, что оно никогда не посылало каких-либо денег бастующим английским рабочим, что деньги были направлены советскими профессиональными союзами и что Советское правительство со своей стороны не могло вмешиваться в их право «располагать фондами, принадлежащими им, или деньга-

⁵⁶ АВП СССР. Письмо Г. В. Чичерина советскому полпреду в Берлине от 30 августа 1925 г.

⁵⁷ Правда, 1927, 16 мая.

234

ми, специально собранными для этой цели»⁵⁸. Советское правительство обратило внимание на то, что права рабочих профессиональных организаций признаны, хотя и в урезанном виде, во всех западноевропейских странах и что в СССР права профсоюзов обеспечиваются самим строем государства и содержанием политической власти⁵⁹.

Советское правительство подчеркнуло, что нормальные отношения необходимы для обеих стран и что оно всячески желает их поддержания, в частности максимально широкого развития торговли между СССР и Великобританией. Вместе с тем оно заявило, что оно ни в коем случае не допустит нарушения интересов Советской страны и каких-либо уступок в области спорных вопросов, которых правящие круги Англии надеялись добиться посредством угрозы разрыва дипломатических отношений с СССР.

В целях содействия нормализации советско-английских отношений в июле 1926 г. советский поверенный в делах в Лондоне предложил, чтобы в случае возникновения каких-либо недоразумений или инцидентов стороны обменивались мнениями в целях их ликвидации, а также подчеркнул желательность полного урегулирования всех спорных вопросов между СССР и Англией. Однако английский министр иностранных дел Остин Чемберлен отклонил это предложение, назвав его невыполнимым⁶⁰.

Осенью 1926 г. в Лондон возвратился после болезни полпред СССР в Англии Л. Б. Красин. Г. В. Чичерин 8 октября 1926 г. писал ему: «Радостно приветствую Ваше возвращение к Вашей деятельности вообще и, в частности, к Вашей уже испытанной лондонской работе... Для СССР обстановка в данный момент крайне тяжела, но Ваши лондонские связи и имеющиеся к Вам симпатии до некоторой степени облегчат Вашу тяжелую работу. Не торопитесь, ...не истощайте Ваши силы... Буду по-прежнему с величайшим интересом и товарищеской симпатией следить за Вашей деятельностью и за Вашими выступлениями»⁶¹.

В последние недели перед своей смертью (он умер в Лондоне в ноябре 1926 г.) Л. Б. Красин установил контакты со многими английскими политическими деятелями и дипломатами, видными представителями банковского мира, перед которыми он ставил вопрос об улучшении советско-английских отношений. В беседе с О. Чемберленом Красин говорил: «Советское правительство придавало и придает величайшее значение установлению более нормальных отношений с Великобританией, и, уезжая из Москвы в Лондон, я получил инструкцию от моего

правительства приложить все возможные усилия к тому, чтобы улучшить существующие отношения и искать путей для возможного возобновления

⁵⁸ Документы внешней политики СССР, т. 9, с. 305,

⁵⁹ Там же, с. 327.

⁶⁰ Там же, с. 733.

⁶¹ Там же, с. 489.

235

переговоров о полном соглашении по всем спорным вопросам и об установлении действительно дружеских и искренних отношений между обеими странами»⁶².

Л. Б. Красин по поручению Советского правительства поставил вопрос перед английским правительством о предоставлении Советскому Союзу долгосрочных кредитов в форме займов, что дало бы возможность в несколько раз увеличить советские заказы английской промышленности. Хотя Чемберлен и заверил советского представителя в том, что будто бы английское правительство не имеет никаких враждебных намерений против СССР и охотно будет приветствовать всякий шаг к улучшению отношений, однако он вновь повторил несправедливые обвинения, что СССР нарушает советско-английское торговое соглашение, ведет антибританскую пропаганду. Чемберлен настаивал на признании Советским правительством долгов царского и Временного правительств. Естественно, что при такой позиции Чемберлена трудно было рассчитывать на улучшение отношений между Англией и СССР, тем более, что антисоветская кампания в Англии в конце 1926 г. приобрела огромный размах.

На конференции консервативной партии в Скарборо, состоявшейся в октябре 1926 г., была принята резолюция, в которой содержалось требование немедленного разрыва советско-английского торгового соглашения, закрытия всех существовавших на территории Англии советских учреждений и удаления из пределов Великобритании всех служащих этих учреждений. Инициатором антисоветской кампании был Черчилль, являвшийся в то время министром финансов. Он призывал английское правительство последовать примеру США, проводивших в отношении СССР «политику непризнания». «Я всегда думал,— говорил он,— что политика Соединенных Штатов является правильной политикой»⁶³. Чемберлен официально подтвердил, что, выступая против сохранения отношений с Советским государством, Черчилль говорил по поручению правительства.

Несмотря на резкие антисоветские выпады членов английского правительства, Советское правительство продолжало настойчиво и последовательно выступать за сохранение нормальных отношений с Великобританией и развитие торгово-экономических связей. Выступая перед представителями печати в Берлине 6 декабря 1926 г., Г. В. Чичерин подчеркивал, что «наше правительство всегда предлагало и предлагает Англии прийти к соглашению с нами, но всякий раз безуспешно»⁶⁴. Советское правительство выступило с конкретными предложениями расширения экономических связей с Англией. В феврале 1927 г. директор Текстильсиндиката (советской организации, осуществлявшей торговлю текстильными товарами) заявил, что в ближайшие пять

⁶² Документы внешней политики СССР, т. 9, с. 500.

⁶³ Daily Telegraph, 1926, June 21.

⁶⁴ Документы внешней политики СССР, т. 9, с. 565,

236

лет СССР намерен увеличить заказы английской промышленности и выделил для этой цели 14 млн. фунтов стерлингов⁶⁵. Еще ранее, в декабре 1926 г., Советское правительство поставило перед английским министерством иностранных дел вопрос о необходимости установления широких деловых контактов между

английскими и советскими дипломатическими представителями за границей. В январе 1927 г. поверенный в делах СССР в Англии получил указание всемерно избегать разрыва дипломатических отношений между СССР и Англией⁶⁶.

Вместе с тем Советское правительство принимало меры для разоблачения перед общественным мнением Англии и других европейских стран подлинных виновников ухудшения англо-советских отношений.

В феврале 1927 г. в английской печати появились сообщения о том, что английское правительство подготовило ноту, в которой обвиняет СССР во вмешательстве во внутренние дела Китая и в нарушении англо-советского торгового соглашения 1921 г. и предупреждает Советский Союз о предстоящем разрыве торгового соглашения.

Г. В. Чичерин писал в те дни: «В какой бы стране земного шара ни происходили какие-либо волнения и не имела места внутренняя социальная борьба, все подобные явления непременно истолковываются нашими противниками, как дело рук мнимых советских агентов, снабженных мнимым советским золотом...

Мы отвергаем с величайшей решительностью утверждение наших противников, приписывающих нам какие бы то ни было агрессивные замыслы. Советское правительство неоднократно заявляло и постоянно доказывало фактами, что его внешняя политика есть политика мира. Наши силы сосредоточены на внутренней созидательной работе, для которой необходимы мирные отношения со всеми иностранными государствами, охрана внешней безопасности СССР и беспрепятственное развитие экономических отношений с другими странами... Эта политика мира и развития нормальных отношений со всеми государствами, которую наше Правительство неуклонно проводит, соответствует... также и интересам широчайших трудящихся масс всех стран»⁶⁷.

В этих сложных условиях Советское правительство решило предупредить намерение английской стороны и публично разъяснить, кто виноват в ухудшении отношений между СССР и Англией. 4 февраля 1927 г. было опубликовано заявление НКВД об англо-советских отношениях. В нем подчеркивалось, что СССР руководствуется интересами «всеобщего мира и сохранения дружественных отношений между обеими странами»⁶⁸. В заявлении указывалось, что попытка английского правительства и англий-

⁶⁵ Manchester Guardian, 1927, Febr. 10.

⁶⁶ АВП СССР. Письмо заместителя народного комиссара по иностранным делам СССР поверенному в делах СССР в Англии от 15 января 1927 г.

⁶⁷ АВП СССР. Проект интервью Г. В. Чичерина от 18 августа 1927 г.

⁶⁸ Документы внешней политики СССР, т. 10, с. 42.

ских политических деятелей объяснить величайшее в истории национально-освободительное движение многомиллионного китайского народа «махинациями» «советских агентов» является смехотворной. Вместе с тем в заявлении говорилось о глубоких симпатиях советского народа к китайскому национально-освободительному движению. «Советское правительство никогда не скрывало своего сочувствия к освободительному движению китайского народа,— отмечалось в заявлении, — но отсюда ни в коем случае не следует, что оно должно рекомендовать или действительно рекомендовало кантонскому правительству обострение отношений с Англией...»⁶⁹. Советское правительство обращало также внимание английской стороны на то, что позиции Великобритании на Востоке не укрепятся в результате усиления вражды Англии к СССР.

На сессии ЦИК СССР по запросу ряда членов ЦИК Г. В. Чичерин сделал сообщение об англо-советских отношениях. Он подчеркнул, что поведение

английского правительства, делающего необоснованные заявления о нарушении Советским Союзом договора 1921 г., противоречит общепринятым дипломатическим нормам и не содействует улучшению международной обстановки в Европе.

В ноте от 23 февраля 1927 г. английское правительство бездоказательно обвинило Советское правительство в нарушении англо-советского торгового соглашения. В этой ноте не приводилось ни одного факта, который подтверждал бы, что СССР не выполнил принятых на себя обязательств. В ней лишь содержались ссылки на речи, произнесенные отдельными политическими деятелями СССР, и на статьи в советских газетах, выражавшие сочувствие Китаю.

В советской ноте от 26 февраля 1927 г. была показана полная несостоятельность английских обвинений в адрес СССР. В ней указывалось, что между Советским Союзом и Великобританией не существовало никаких соглашений, которые ограничивали бы свободу слова и печати каждой из стран. Советское правительство, говорилось в ноте, не брало на себя обязательства требовать от своих граждан, чтобы они хвалили или не критиковали социально-политический строй Великобритании и вообще капиталистических стран. Вместе с тем правительство СССР еще раз попыталось избежать осложнения англо-советских отношений. Оно подтвердило заявление советского полпреда в Лондоне, покойного Л. Б. Красина, о желательности устранения всех существующих между обеими странами затруднений и поводов для взаимных жалоб и установления вполне нормальных отношений. Советское правительство заявило, что оно будет и впредь следовать своей миролюбивой политике, исключая всякую агрессивность в отношении других стран⁷⁰.

⁶⁹ Документы внешней политики СССР, т. 10, с. 42—43,

⁷⁰ Там же, с. 60.

238

«Правда», комментируя ответную ноту, писала, что «Советское правительство обнаружило величайшую выдержку и исключительное миролюбие, еще и еще раз подчеркнув свою полную готовность рассмотреть и ликвидировать любые недоразумения, конфликты и т. д.»⁷¹.

Советская нота произвела большое впечатление на английское общественное мнение. Даже английские буржуазные газеты подчеркивали, что она проникнута духом сотрудничества и оставляет открытой дверь для дальнейших переговоров⁷². 4 марта 1927 г. во время встречи временного поверенного в делах СССР в Великобритании с лидером лейбористской партии Макдональдом последний сказал советскому дипломату, что «нота Чемберлена весьма слабая», а, наоборот, советский ответ — очень хороший⁷³.

Английские правящие круги поняли, что обстановка для разрыва отношений с СССР еще не созрела. Поэтому они активизировали антисоветскую пропаганду, усилили кампанию клеветы и, главное, деятельность по сколачиванию единого фронта капиталистических государств против Советской страны.

Большая роль в этой кампании английских реакционеров против СССР отводилась Китаю, где продолжала бурно развиваться революция. Для того чтобы нанести поражение революции, империалисты в марте 1927 г. перешли к открытой вооруженной интервенции против китайского народа. В то же время английские империалисты решили спровоцировать налет реакционных сил на советское полпредство в Китае, поссорить китайский и советский народы и тем самым одновременно добиться нескольких выигрышей: ослабить внешнеполитические позиции СССР, затруднить ему оказание поддержки китайскому народу и нанести еще один удар китайской революции.

6 апреля 1927 г. вооруженная полиция и солдаты пекинского правительства

ворвались в здание советского полпредства в Пекине, произвели там обыск и арестовали некоторых дипломатических сотрудников. Налет был организован с ведома и одобрения английского и американского правительств. Английские офицеры непосредственно участвовали в налете. Во время налета вблизи полпредства находилось около взвода английских солдат⁷⁴. Провокационные налеты были совершены также на советские консульства в Шанхае и Тяньцзине. Американец Стимсон, назначенный советником пекинского диктатора Чжан Цзолина, опубликовал запись своей беседы с ним. Согласно записи, Чжан Цзолин сказал Стимсону: «Меня заверили, что если я достану соответствующие доказательства в советском посольстве, то Англия приступит к действиям»⁷⁵.

США солидаризировались с

⁷¹ Правда, 1927, 27 февр.

⁷² Westminster Gazette, 1927, Febr. 28.

⁷³ Документы внешней политики СССР, т. 10, с. 72.

⁷⁴ Правда, 1927, 7 мая.

⁷⁵ Красная звезда, 1927, 26 июля.

239

действиями Англии. Как сообщалось в печати, американский посланник в Пекине Макмэррей содействовал организации налета на советское полпредство⁷⁶.

Цель провокации в отношении советских представительств заключалась в том, чтобы разжечь серьезный конфликт между пекинским правительством и СССР. По указке английских политиков были состряпаны «документы», будто бы найденные при обысках и свидетельствовавшие о «вмешательстве» СССР в дела Китая. Таким образом английское правительство хотело создать подходящую атмосферу для разрыва с СССР, а при наличии благоприятной обстановки — для организации новой антисоветской интервенции.

Налеты вызвали возмущение среди широких слоев китайского народа. Так, газета «Миньго жибао», выражая мнение китайской общественности, писала, что налет на советское представительство является беспрецедентным в международных отношениях; газета отмечала, что на международной арене многие империалистические государства объединились, чтобы бороться против Советской России⁷⁷. Министр иностранных дел Уханьского революционного правительства Китая направил Г. В. Чичерину телеграмму, в которой осуждал налет на полпредство как чудовищное преступление и выражал Советскому правительству свое глубокое сожаление по поводу случившегося⁷⁸.

Заместитель наркома направил поверенному в делах Китая в СССР Чэн Яньши ноту, в которой, отметив, что налет, совершенный пекинскими властями, является фактом неслыханного нарушения норм международного права, настаивал на выполнении следующих элементарных требований: удалении китайского военного отряда и полиции из помещения посольства и торгпредства, немедленном освобождении арестованных служащих советского посольства и советских учреждений, а также возвращении всех документов, имущества, денег и вещей, изъятых в посольстве и у советских служащих. «Советское правительство,— говорилось в ноте,— отдает себе ясный отчет в том, что безответственные круги иностранных империалистов провоцируют СССР на войну. Советское правительство отдает себе полный отчет в том, что Пекинский Кабинет сделался орудием игры, разыгрываемой иностранными империалистическими кругами». Советское правительство, говорилось в заключении, не сомневается, что оно в своем стремлении к миру «встретит дружную поддержку трудящихся масс всех стран, в том числе — и прежде всего — народов Китая и СССР»⁷⁹.

Английские правящие круги рассчитывали, что Советский Союз направит свои вооруженные силы против северокитайского

⁷⁶ China Weekly Review, 1927, Apr. 16.

⁷⁷ Миньго жибао, 1927, 8 апр.

⁷⁸ Документы внешней политики СССР, т. 10, с. 152.

⁷⁹ Там же, с. 151—152.

240

милитариста Чжан Цзолина как непосредственного виновника налета на полпредство СССР в Пекине. Вовлекая Советский Союз в войну на Востоке, они хотели сразу убить двух зайцев: скомпрометировать его перед трудящимися Китая и ослабить его силы на западных границах, что облегчило бы задачу натравить на Советский Союз буржуазно-помещичью Польшу и боярскую Румынию. Советское правительство своевременно разгадало эти замыслы. Английским и американским империалистам не удалось поссорить Советский Союз с Китаем и втянуть их в войну друг с другом.

Свою борьбу против СССР английское правительство не ограничивало только провоцированием китайско-советского конфликта. Английский империализм продолжил также и у себя дома подготовку разрыва отношений с СССР. С этой целью английское правительство приняло решение организовать налет на лондонскую контору АРКОС⁸⁰. В организацию налета были посвящены министр внутренних дел Англии Хикс, министр иностранных дел Чемберлен, премьер Болдуин⁸¹, а также Черчилль⁸². Министр иностранных дел Турции Тевфик Р. Арас в беседе с поверенным в делах СССР в Турции В. П. Потемкиным говорил, что обыск в АРКОС'е подготавливался «английским правительством заблаговременно и находится в прямой связи с налетом на Пекинское полпредство»⁸³.

Сигнал к началу провокации дал Биркинхед, министр по делам Индии, один из наиболее реакционных политических деятелей Англии. 6 мая 1927 г. он призвал разорвать отношения с Советским Союзом. Этот ярый враг коммунизма и Советской страны заявил: «Сражение, в которое мы должны вступить,— это сражение с коммунизмом, с Москвой»⁸⁴. 12 мая 1927 г. здание АРКОС и торговой делегации Советского Союза без всякого законного основания было занято вооруженным отрядом английской полиции. В течение нескольких дней, до 16 мая, полиция проводила обыск. Советские дипломаты, находившиеся в АРКОС'е, были противозаконно задержаны, некоторые работники торговой делегации избиты. Во время обыска в отсутствие сотрудников АРКОС полицейские печатали на его бланках какие-то материалы. «Правда» в передовой статье, озаглавленной «Перед новым подлогом», писала: «Все это заставляет думать, что полиция вторглась в АРКОС не за тем, чтобы найти какие-то компрометирующие документы, но затем, чтобы их сфабриковать»⁸⁵.

⁸⁰ АРКОС — англо-русское кооперативное общество, созданное для ведения торговых операций между СССР и Англией.

⁸¹ Parliamentary Debates. House of Commons, 1927, vol. 206, col. 915.

⁸² Правда, 1927, 15 мая.

⁸³ АВП СССР. Запись беседы поверенного в делах СССР в Турции с министром иностранных дел Турции Тевфиком Р. Арасом, май 1927 г.

⁸⁴ Times, 1927, May 7.

⁸⁵ Правда, 1927, 17 мая.

241

Нападение и обыск в помещении советской торговой делегации явились грубейшим нарушением англо-советского соглашения от 16 марта 1921 г. Естественно, что никаких компрометирующих документов при обыске найдено не было, так как их не существовало в природе. Английское правительство впоследствии предало гласности материалы, «найденные» в АРКОС'е, которые, по его мнению, могли скомпрометировать СССР. Однако после их опубликования выяснилась вся несостоятельность выдвигавшихся английскими правящими

кругами обвинений. Не случайно английское правительство отклонило предложение лейбористской оппозиции о передаче документов для проверки парламентской комиссии.

Для Советского правительства было ясно, что дело идет к разрыву дипломатических отношений. Оно тщательно наблюдало за действиями английских правящих кругов. Еще в январе 1927 г. член коллегии НКВД СССР Ф. А. Ротштейн писал советскому полпреду в Англии: «Сдается мне, что Вам действительно скоро придется укладывать чемоданы. У меня впечатление, что английское правительство доведет наши отношения до решительного кризиса ближайшей весной»⁸⁶.

После налета на АРКОС зам. наркома в письме полпреду СССР в Лондоне указывал, что «из всех противоречивых сведений... можно, кажется, безошибочно сделать тот вывод, что в прежнем положении англо-советские отношения не останутся и что изменения будут внесены в них совершенно неизбежно»⁸⁷.

Советское правительство, однако, сделало еще одну попытку предупредить разрыв, показав английской стороне, что такого рода действиями она причинит ущерб самой Англии. В ноте протеста английскому правительству от 17 мая 1927 г. Советское правительство заявило, что оно не может мириться с тем, что проведение его операций по внешней торговле «поставлено в зависимость от случайных внутривластных комбинаций в Англии, от избирательных маневров»⁸⁸. Оно поставило перед английским правительством вопрос, желает ли последнее сохранения и развития англо-советских торговых отношений, и недвусмысленно дало понять, что их развитие возможно лишь при условии точного соблюдения Англией договорных обязательств. Но английское правительство явно не хотело создавать необходимые условия для работы советского торгпредства и соблюдать соглашение 1921 г.⁸⁹

Тогда же Совнарком СССР принял постановление о внешней торговле, в котором в целях обеспечения бесперебойного развития экспорта и импорта предложил Народному комиссариату

⁸⁶ АВП СССР. Письмо члена коллегии НКВД полпреду СССР в Англии, январь 1927 г.

⁸⁷ АВП СССР. Письмо зам. наркома полпреду СССР в Лондоне, май 1927 г.

⁸⁸ Документы внешней политики СССР, т. 10, с. 218.

⁸⁹ Там же, с 213—218.

242

внешней торговли проводить операции, как правило, в тех странах, с которыми имеются нормальные дипломатические связи и в которых советским заграничным учреждениям обеспечены условия для коммерческой деятельности. Английское правительство, однако, не приняло во внимание этих разумных предостережений. 27 мая 1927 г. О. Чемберлен вручил советскому представителю в Англии ноту, в которой говорилось, что английское правительство разрывает с СССР дипломатические отношения и аннулирует торговое соглашение 1921 г.⁹⁰. Английское правительство пыталось доказать, будто действия Великобритании были вызваны советской пропагандой. Даже среди буржуазных кругов Англии мало кто верил этим сказкам. Газета «Манчестер гардиан» писала: «Действительной причиной нашего разрыва является не то, что мы будто бы боялись последствий коммунистической пропаганды в нашей стране, а тот факт, что русское правительство — коммунистическое»⁹¹.

28 мая 1927 г. Советское правительство вручило ответную ноту правительству Великобритании, в которой решительно отвергало «все обвинения в нарушении им когда бы то ни было торгового соглашения 1921 г. как совершенно бездоказательные и ни на чем не основанные»⁹². «Народы Советского Союза и их Правительство, — говорилось в ноте, — не питают никакой вражды к народам Британской империи, с которыми они хотели поддерживать

нормальные и дружественные отношения. Таково же, несомненно, желание народов Британской империи. Но этих нормальных отношений не хотело и не хочет нынешнее Британское Правительство, стремившееся с первого же дня своего существования к поддержанию отношений с СССР в состоянии постоянной напряженности и к их дальнейшему обострению»⁹³.

Разрывая отношения с СССР, английские правящие круги рассчитывали добиться политической и экономической изоляции Советского Союза, усиления его экономического и финансового бойкота, а по возможности и создать условия для организации интервенции против него.

Вскоре же после разрыва Англией отношений с СССР в зарубежной буржуазной прессе развернулась ожесточенная антисоветская кампания, которую нарком Г. В. Чичерин расценил как создание «морального единого фронта против Советской России»⁹⁴.

В решениях VIII пленума Исполкома Коминтерна, состоявшегося в мае 1927 г., отмечалось: «Налет на советское полномочное представительство в Пекине, произведенный Чжан Цзолином по указу из Лондона, при поддержке дипломатического корпуса всех капиталистических правительств, нападение на торговое

⁹⁰ Там же, с. 248.

⁹¹ Manchester Guardian, 1927, Dec. 6.

⁹² Документы внешней политики СССР, т. 10, с. 245.

⁹³ Там же, с. 246.

⁹⁴ АВП СССР. Проект интервью Г. В. Чичерина от 18 августа 1927 г.

243

представительство Союза Советских Социалистических Республик в Лондоне и последовавший за ним разрыв сношений Англии с Союзом Советских Социалистических Республик являются злодейскими актами, провоцирующими войну»⁹⁵.

Состоявшийся в конце июля — начале августа 1927 г. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) обсудил вопрос о международном положении СССР⁹⁶. Отмечая опасность контрреволюционной войны против СССР и обострение противоречий между Советским Союзом и его капиталистическим окружением как самую острую проблему текущего периода, пленум вместе с тем не исключал возможности наступления полосы улучшения отношений с некоторыми капиталистическими странами. В частности на пленуме говорилось о том, что в центре Европы Германия выступает против подготавливаемых английским империализмом антисоветских авантюр и проявляет заинтересованность в поддержании с СССР нормальных отношений и развитии с ним торгово-экономических связей. Большой интерес к развитию торговли с СССР проявляла также Италия. В противоположность троцкистско-зиновьевской оппозиции, всячески подчеркивавшей на пленуме безусловную неизбежность военного столкновения Советского государства с капиталистическими странами, последовательные ленинцы считали возможным избежать войны. Они со всей принципиальностью и убедительностью доказывали необходимость использовать факторы, противодействующие военному выступлению капиталистических стран и обеспечивающие предотвращение или отсрочку войны. Г. В. Чичерин, полемизируя на пленуме с троцкистами по вопросу об оценке международного положения СССР, доказывал возможность сорвать антисоветские происки Англии, обращал внимание на те конкретные факторы, использование которых советской дипломатией могло бы содействовать предотвращению войны⁹⁷.

Пленум указал в своем решении, что факторами, противодействующими войне, являются «прежде всего, рабочий класс капиталистических стран, борющийся против империалистской войны, а отчасти и мелкобуржуазные слои,

настроенные пацифистски и боящиеся войны. Кроме того, буржуазия понимает,— говорилось в решении пленума,— что война против СССР, несомненно, развязала бы, рано или поздно, все силы международной революции, и это не может не служить известным сдерживающим моментом при определении сроков нападения на СССР со стороны империализма»⁹⁸.

В решениях пленума также отмечалась необходимость активных мероприятий Советского государства в борьбе за сохране-

⁹⁵ Коммунистический Интернационал в документах 1919—1932 гг. М., 1933, с. 699.

⁹⁶ КПСС в резолюциях..., т. 3, с. 463.

⁹⁷ КПСС в резолюциях..., т. 3, с. 463—471; Архив ИМЛ при ЦК КПСС. Стеногр. Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП (б), август 1927 г.

⁹⁸ КПСС в резолюциях..., т. 3, с. 466—467.

244

ние мира. Пленум подчеркивал большую роль, которую играет в предотвращении войны развитие экономических связей между Советским государством и капиталистическими странами. «В целях борьбы за мир,— говорилось в резолюции пленума,— правительство СССР должно идти на хозяйственно-целесообразные связи с капиталистическими государствами»⁹⁹. Заместитель наркома по иностранным делам следующим образом определял задачи в сложившейся обстановке: «В области экономической положение нам диктует немедленное и всемерное увеличение заинтересованности в сохранении торговых связей с нами со стороны тех стран, с которыми находимся в нормальных отношениях. В первую очередь необходимо обратить внимание на Италию. Я усиленно рекомендовал бы немедленно разместить там несколько крупных заказов, не дожидаясь даже новых предложений о кредитах. То же необходимо сделать во Франции и в скандинавских странах, особенно в Швеции. Распределение заказов по отдельным странам в пределах нашего импортного плана должно быть пересмотрено... под углом зрения создавшегося политического положения»¹⁰⁰.

XV съезд ВКП (б) в резолюции, одобряющей политическую и организационную деятельность Центрального Комитета партии, подчеркнул, что «обострились противоречия между странами буржуазного окружения и СССР, своим победоносным развитием подрывающим устои мирового капиталистического господства»¹⁰¹. В резолюции далее отмечалось, что «под руководством консервативного лондонского кабинета реакционные элементы международной буржуазии начали подготавливать почву для вооруженного нападения на СССР, опутав его целым клубком провокаций»¹⁰².

Английская буржуазия, всегда старавшаяся воевать чужими руками, и на этот раз стремилась сколотить антисоветский блок и толкнуть на войну с СССР другие, в первую очередь соседние с Советским Союзом страны. Однако и эта новая попытка английской реакции организовать антисоветский блок потерпела неудачу.

КРАХ ПОПЫТОК АНГЛИИ ВОВЛЕЧЬ ПОЛЬШУ, ФРАНЦИЮ И ГЕРМАНИЮ В АНТИСОВЕТСКИЙ БЛОК

После разрыва дипломатических отношений с СССР английские правящие круги считали основной задачей своей внешней политики провоцирование войны между СССР и его соседями.

В первую очередь английские реакционные круги намеревались вовлечь в антисоветский блок Польшу. В целях провоциро-

⁹⁹ Там же, с. 467.

¹⁰⁰ АВП СССР. Письмо зам. наркома по иностранным делам в ЦК ВКП (б) от 16 июня 1927 г.

¹⁰¹ КПСС в резолюциях..., М., 1970, т. 4, с. 14. ¹⁰² Там же, с. 15.

вания польско-советской войны было организовано злодейское убийство советского полпреда в Польше. 7 июня 1927 г. П. Л. Войков был убит русским белогвардейцем, польским подданным Б. Ковердой. П. Л. Войков пал «жертвой той борьбы за мир, которую приходится вести Советскому правительству и его дипломатам с величайшим напряжением и беспримерным терпением»¹⁰³. Убийство советского дипломата вызвало глубокое возмущение в прогрессивных кругах многих стран. В Москве в демонстрациях и митингах протеста приняло участие несколько сот тысяч человек. 9 июня было опубликовано правительственное сообщение, в котором приводились неопровержимые факты, свидетельствующие, что подлинным организатором этого преступления были французские и английские империалисты. Польский пролетариат также расценивал убийство Войкова как попытку спровоцировать войну с Советским Союзом. ЦК Коммунистической партии Польши в телеграмме на имя ЦК ВКП(б) заверял, что преступный акт, совершенный в Варшаве, «усилит в пролетарских массах Польши чувство глубокой любви к отечеству пролетариев всего мира — Советскому Союзу и борьбу против угрозы империалистической войны и против фашистской диктатуры Пилсудского»¹⁰⁴. IV съезд компартии Польши, проходивший летом 1927 г., в своем решении подчеркнул, что важнейшей задачей партии является активная защита Советского Союза¹⁰⁵.

Английские правящие круги всячески старались разжечь конфликт, возникший в результате убийства советского полпреда. Однако правительство Пилсудского вынуждено было посчитаться с возмущением населения Польши этим убийством. Ввиду этого оно выразило свое сожаление и официально осудило преступление, совершенное 7 июня.

Со своей стороны Советское правительство постаралось не допустить дальнейшего обострения советско-польских отношений. Последовательно отстаивая интересы Советского Союза, оно вместе с тем ограничилось лишь самыми необходимыми, элементарными требованиями всестороннего расследования преступления, быстрого и сурового наказания виновных, а также ликвидации на польской территории деятельности белогвардейских организаций, направленной против СССР. Миротлюбивая политика Советского Союза в значительной степени помешала обострению конфликта между двумя странами и затрудняла действия Англии по провоцированию польско-советской войны.

Оказались безуспешными также попытки Англии втянуть в антисоветский блок Германию. Германское правительство понимало, что участие в таком блоке невыгодно для Германии. Советское правительство проявило инициативу в деле укрепления сотрудничества с Германией. Между немецкими и советскими по-

¹⁰³ Правда, 1927, 12 июня.

¹⁰⁴ Документы внешней политики СССР, т. 10, с. 640.

¹⁰⁵ См.: *Радопольский Я.* Польша готовится к войне. М., 1929, с. 109.

литическими деятелями и дипломатами состоялись встречи и беседы. В них советские представители старались показать, что Англия стремится вести борьбу против Советского Союза руками других государств, в результате чего в конечном счете проигрывают эти государства, а выиграть может только Англия.

В беседе с министром иностранных дел Германии Штреземаном Г. В. Чичерин в июне 1927 г. подчеркивал, что большое значение для дела мира в Европе будет иметь позиция Германии. В ответ на это Штреземан заверил Чичерина, что «отношение Германии к СССР остается неизменным»¹⁰⁶ и что Германия окажет противодействие попытке западных держав нарушить ее нейтралитет, в частности провести через ее территорию войска. Он сказал, что

Германия будет бороться против этого всеми имеющимися в ее распоряжении средствами¹⁰⁷. Г. В. Чичерин дал понять Штресеману, что в результате акций Англии создаются на долгое время благоприятные для Германии условия. «Наш торговый поток, который вместо Англии будет направлен в другие страны, увеличит нашу торговлю с Германией», — сказал он¹⁰⁸.

Англии не удалось также вовлечь в антисоветский фронт Францию и склонить ее к разрыву дипломатических отношений с СССР. В мае 1927 г. в Лондоне состоялись франко-английские переговоры, в ходе которых обсуждался вопрос о совместных действиях против СССР. Однако французские политики, не желая таскать каштаны из огня для Англии и жертвовать экономическими и политическими связями с Советским Союзом, не торопились связать себя какими-либо обязательствами перед Англией.

24 мая 1927 г. состоялась встреча Г. В. Чичерина с министром иностранных дел Франции Брианом. Касаясь англо-советского конфликта, Чичерин подчеркнул, что «Франции теперь принадлежит умиротворяющая роль и что английская оффензива создает очень тревожное всеобщее положение»¹⁰⁹. Бриан в ответ на это категорически заявил, что «Франция ничем не связана, имеет свою собственную русскую политику, не присоединится в этом конфликте к Англии и будет заботиться о сохранении мира»¹¹⁰. Г. В. Чичерин указал на особое значение Польши и на необходимость удержания ее от авантюры. Бриан ответил, что Франция сдерживала и будет сдерживать Польшу¹¹¹.

17 сентября 1927 г. Совет министров Франции принял решение, в котором говорилось, что «в настоящее время ничто не оправдывает разрыва дипломатических отношений» с СССР¹¹².

¹⁰⁶ Документы внешней политики СССР, т. 10, с. 303.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же, с. 305.

¹⁰⁹ Там же, с. 231.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Там же, с. 234.

¹¹² Цит. по: *Борисов Ю. В.* Советско-французские отношения. 1924—1945 гг М., 1964, с. 79.

247

Таким образом, французские политики сумели, в отличие от английских, трезво оценить значение нормальных отношений с Советским государством и отказались поддерживать Англию в политике разрыва отношений с Советским Союзом. Расширились и связи СССР со странами Востока. Так, 1 ноября 1928 г. был подписан договор о дружбе и торговле между СССР и Йеменом.

БОРЬБА СССР ЗА РАЗОРУЖЕНИЕ

В обстановке возросшей угрозы войны Советское правительство, уже давно по почину В. И. Ленина поднявшее знамя разоружения, заявило о своем желании принять участие в работе Подготовительной комиссии к конференции по разоружению.

Как писал заместитель наркома полпреду СССР в Лондоне в январе 1926 г.: «...участие в конференции нами предрешиено... Содействию разоружению и избавлению широких рабочих масс от нынешних экономических бедствий мы придаем такое большое значение, что готовы пренебречь тем отрицательным обстоятельством, что инициатива исходит от Лиги наций, нами и другими странами непризнаваемой»¹¹³.

Подготовительная комиссия была создана сессией Совета Лиги наций в декабре 1925 г. из представителей 21 государства, в том числе Англии, Франции, США и СССР. Местопребыванием комиссии была избрана Женева. Советское

правительство после убийства В. В. Воровского находилось в состоянии конфликта со Швейцарией. Ввиду этого оно не участвовало в работе первых трех сессий Подготовительной комиссии, поскольку они проходили на швейцарской территории. «Игнорированием вполне известного ей нашего отношения к Швейцарии Лига наций сознательно устранила нас от участия в конференции», — отмечал заместитель наркома¹¹⁴.

IV сессия открылась 30 ноября 1927 г. и продолжала свою работу до 3 декабря. С нетерпением ожидала международная демократическая общественность выступления советского представителя. От имени и по поручению Советского правительства глава делегации СССР М. М. Литвинов огласил декларацию, в которой Советское государство предложило Подготовительной комиссии рассмотреть вопрос об осуществлении всеобщего и полного разоружения. Всеобъемлющая советская программа всеобщего и полного разоружения предусматривала роспуск всего личного состава вооруженных сил всех государств, уничтожение всего оружия, боеприпасов, средств химической борьбы и других средств истребления, ликвидацию всех военно-морских и военно-воздушных сил, уничтожение крепостей, военно-морских и воздушных

¹¹³ АВП СССР. Письмо зам. наркома по иностранным делам СССР полпреду СССР в Лондоне от 9 января 1926 г.

¹¹⁴ АВП СССР. Письмо зам. наркома по иностранным делам СССР полпреду СССР в Лондоне от 13 января 1926 г.

248

баз, расформирование военных министерств и генеральных штабов, запрещение военного обучения и другие меры, направленные на обеспечение полного разоружения.

Декларация предусматривала для разоружения срок в один год, оговорив, что если капиталистические страны откажутся от этого срока, то он может быть продлен, с тем чтобы в течение года был осуществлен первый этап всеобщего разоружения.

Советская декларация о всеобщем и полном разоружении была с одобрением и благодарностью встречена демократической общественностью. Американская буржуазная газета «Балтимор сан» вынуждена была констатировать, что «советские предложения разделяются простым народом всюду»¹¹⁵, а лидер английских лейбористов Лэнсбери сказал: «Я уверен, что если бы вы поставили русские предложения перед собранием простых мужчин и женщин, они бы единодушно голосовали бы за них. Я считаю советскую декларацию самым крупным событием в истории борьбы за мир»¹¹⁶.

Однако IV сессия Подготовительной комиссии по существу уклонилась от серьезного обсуждения советских предложений о всеобщем и полном разоружении. За месяц до открытия следующей, V сессии Советское правительство направило генеральному секретарю Лиги наций текст «Проекта конвенции о немедленном, полном и всеобщем разоружении» и объяснительную записку. Проект обсуждался на V сессии Подготовительной комиссии, заседавшей в Женеве с 15 по 24 марта 1928 г., но был отклонен. Против него выступили Англия, Франция, Япония, США.

Но СССР не прекратил борьбы за разоружение. Советское правительство в целях достижения практических результатов в области разоружения подготовило «Проект конвенции о сокращении вооружений» и внесло его на V сессию после отклонения ею проекта всеобщего и полного разоружения.

Советский проект частичного разоружения основывался на принципе прогрессивного сокращения всех родов и категорий вооружений и установления коэффициента пропорционального сокращения, который был бы наибольшим (наполовину) для наиболее сильных государств. Советское предложение

предусматривало проведение действенного контроля за разоружением и создание для этой цели Международной постоянной контрольной комиссии из представителей всех государств, участвующих в конвенции. Обсуждение этого проекта было, однако, отложено до следующей, VI сессии, которая собралась 15 апреля 1929 г.¹¹⁷ Против советских предложений выступили Англия, Франция, США и другие страны. Правительство США решительно возражало против какого-либо иностранного контроля. В директивах государственного секретаря представителю в Подготовительной

¹¹⁵ Baltimore Sun, 1927, Dec. 2.

¹¹⁶ Daily Herald, 1927, Dec. 2, p. 2.

¹¹⁷ См.: Хайцман В. М. СССР и проблема разоружения (между первой и второй мировыми войнами). М., 1959, с. 207—209, 221, 224»

249

комиссии конференции по разоружению прямо подчеркивалось, что США «не потерпят наблюдения какого-либо органа извне и не подчинятся инспекции или наблюдению иностранных органов или отдельных лиц»¹¹⁸. США даже заявили, что они выйдут из состава Подготовительной комиссии, если будет принят советский проект. Совместными усилиями представителей капиталистических государств советские предложения были отклонены.

В решении V съезда Советов по отчету Советского правительства говорилось, что «отклонение Подготовительной Комиссией по Разоружению советских проектов разоружения и выявившееся... нежелание входящих в Лигу наций и участвующих в Подготовительной Комиссии капиталистических государств сделать даже самый ничтожный шаг в сторону сокращения... вооружений лишний раз подтверждает, что эти государства... строят всю свою политику на подготовке новой мировой войны». Учитывая военные приготовления империалистических держав и непрекращающиеся враждебные выступления против Союза ССР, съезд предложил Союзному правительству, продолжая неустанную работу по сохранению мирных отношений со всеми державами, в то же время принять все меры к укреплению обороноспособности страны¹¹⁹.

Значение борьбы СССР за разоружение на протяжении 20-х годов трудно переоценить. Впервые перед всем миром со всей серьезностью были поставлены задачи по осуществлению действительного разоружения правительством, которое на самом деле, а не только на словах, стремилось к этой цели. Впервые в истории человечества было внесено предложение о всеобщем и полном разоружении, а следовательно, и о том, чтобы сделать войну невозможной. Советский Союз еще раз продемонстрировал перед мировой общественностью свое стремление к миру, к мирному сосуществованию с капиталистическими государствами и свою готовность устранить войну как метод разрешения споров между государствами. Условия эпохи, существовавшее тогда соотношение сил на мировой арене не позволяли провести эту программу в жизнь, но это не умаляет ее исторического значения.

СССР И ПАКТ БРИАНА – КЕЛЛОГА

В условиях резкого обострения межимпериалистических противоречий и продолжавшейся гонки вооружений французское правительство предложило правительству США заключить договор «о вечной дружбе» и об отказе от войны в качестве средства национальной политики. С помощью такого договора Франция рассчитывала укрепить свои позиции в Европе. Однако США,

¹¹⁸ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1926. Washington, 1941, vol. 1, p. 88.

¹¹⁹ Съезды Советов Всероссийские и Союза ССР в постановлениях и резолюциях. М., 1935, с.

не желавшие содействовать росту французского влияния, уклонились от заключения двустороннего договора. Они парировали французское предложение, выдвинув проект не франко-американского, а многостороннего пакта об отказе от войны. При этом имелось в виду не только отделаться от французского предложения и нажать политический капитал для США, но и закрепить изоляцию Советского Союза, оставив его вне предложенного широкого договора, призванного охватить все или почти все буржуазные государства. Таково происхождение проекта пакта Бриана — Келлога. В нем осуждалась война как средство урегулирования международных конфликтов. Его участники заявляли об отказе от войны в качестве орудия национальной политики и обязывались разрешать все конфликты между ними только мирными средствами.

США предложили подписать этот договор большинству государств, но не включили в число его участников Советский Союз, который был единственным последовательным борцом за мир и безопасность народов. Исключение СССР из числа участников пакта Бриана — Келлога неминуемо должно было повести к изоляции СССР. Оно создавало впечатление, будто в основу отношений капиталистических стран с Советским Союзом невозможно положить принцип отказа от войны, т. е. мирного сосуществования. В силу всего этого пакт Бриана — Келлога должен был стать орудием подготовки войны против СССР.

Советскому правительству пришлось приложить немало усилий, чтобы обезвредить замыслы инициаторов пакта, добивавшихся дальнейшего обострения отношений между СССР и капиталистическим миром. Правительству СССР удалось разоблачить перед международным общественным мнением смысл устранения СССР от участия в пакте Бриана — Келлога и другие пороки этого проекта, которые еще больше подчеркивались многочисленными оговорками некоторых его участников. Однако, несмотря на все недостатки проекта, Советское правительство считало, что его необходимо использовать в интересах мира. Оно изъявляло готовность принять участие в переговорах о заключении пакта.

Не желая раскрывать свои антисоветские замыслы и под давлением общественного мнения, западные державы были вынуждены изменить свои первоначальные планы и пригласить СССР принять участие в пакте. Но сделано это было лишь после того, как 15 государств уже подписали пакт. Приглашение было передано французским послом в Москве 27 августа 1928 г.

Несмотря на все недостатки пакта, в частности на ряд оговорок, которые сделали Великобритания, Германия, Италия и Япония, сводившихся к отказу от войны на словах, а не на деле, Советский Союз изъявил желание присоединиться к пакту.

В ответе от 31 августа 1928 г. Советское правительство еще раз подчеркнуло необходимость дополнить пакт конкретными обязательствами в области разоружения, но заявило о своей готовности подписать пакт, учитывая, что в существовавшей тогда

напряженной международной обстановке он все же мог сыграть некоторую положительную роль, поскольку накладывал на его участников известные обязательства по сохранению мира. Вслед за тем СССР подписал пакт и предложил досрочно ввести его в действие. Это стало необходимым, поскольку подписавшие пакт 15 государств в течение четырех месяцев затягивали его ратификацию.

По инициативе СССР 9 февраля 1929 г. в Москве был подписан протокол о

досрочном введении в действие пакта Бриана — Келлога. Кроме СССР, протокол подписали Эстония, Латвия, Польша и Румыния. Затем к нему присоединились Турция, Иран и Литва. Таким образом, Московский протокол подписали многие соседние с СССР страны. Он содействовал в известной мере укреплению мира и безопасности в Восточной Европе и в Азии, устанавливая международно-правовое запрещение агрессивной войны.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКО-АНГЛИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Порывая отношения с СССР, английское правительство рассчитывало подать пример другим государствам и надеялось, что этому примеру последуют. Но ни одно государство, кроме Канады, не оправдало надежд английских консерваторов. Потерпели провал и попытки США изолировать СССР посредством пакта Бриана — Келлога. Эти неудачи подсказывали целесообразность пересмотра политики непризнания СССР и необходимость нормализовать отношения с Советским Союзом. За это энергично выступили широкие массы английского народа. В Англии были учреждены Национальный комитет общества друзей СССР и местные комитеты общества во всех сколь угодно крупных городах страны. Они ставили себе задачу добиться скорейшего восстановления дипломатических отношений с СССР. Председатель Генерального совета тред-юнионов Бен Тиллет с полным основанием утверждал, что 90% рабочих Великобритании требуют возобновления дипломатических отношений с СССР¹²⁰.

Усилились выступления за восстановление отношений с Советским Союзом и в различных кругах английской буржуазии. Некоторые отрасли английской промышленности терпели большой экономический ущерб в результате разрыва отношений. Советские заказы в Англии значительно уменьшились: в 1927—1928 гг. их объем сократился по сравнению с 1925—1926 гг. почти в четыре раза. В результате этого английские промышленники, как признал Ллойд-Джордж, потерпели большие убытки. Весной 1929 г. в Москву прибыла делегация в составе 84 английских промышленников, представлявшая фирмы с капиталом в общей сложности свыше 700 млн. фунтов стерлингов. Это была самая крупная делегация английских деловых людей, когда-либо до того

¹²⁰ См. : *Попов В. И.* Англо-советские отношения, 1927—1929 гг. М, 1958, с 148.

252

приезжавшая в Советский Союз. Советское правительство разъяснило членам делегации, что оно готово разместить в Англии заказы на 200 млн. фунтов стерлингов, но только при условии нормализации отношений между двумя странами.

30 мая 1929 г. состоялись очередные выборы в английский парламент. Лейбористы и либералы, выступавшие за немедленное восстановление отношений с СССР, получили значительное большинство. Было образовано второе лейбористское правительство. Соглашаясь на переговоры с Советским Союзом, оно сначала хотело повторить попытку добиться от СССР предварительного урегулирования вопроса о долгах и других так называемых «спорных вопросах». Естественно, Советское правительство не могло на это согласиться.

17 июля 1929 г. английское правительство предложило правительству СССР послать представителя в Лондон для переговоров. Выразив свое согласие, Советское правительство подчеркнуло в ноте от 23 июля, что оно идет на «предварительный обмен мнений исключительно по вопросу о процедуре последующего обсуждения спорных вопросов, а не по их существу»¹²¹.

Для ведения переговоров 29 июля в Лондон прибыл полпред СССР во Франции В. С. Довгалецкий. Но уже 31 июля он вынужден был прервать переговоры и покинуть Лондон, так как министр иностранных дел Гендерсон вместо обсуждения процедурных вопросов добивался обсуждения спорных проблем.

10 сентября английское правительство предложило возобновить 24 сентября в Лондоне переговоры по вопросу о процедуре. Советское правительство приняло это предложение. В результате переговоров 3 октября 1929 г. был подписан протокол о немедленном возобновлении дипломатических отношений между СССР и Англией и об урегулировании спорных вопросов уже после обмена послами. Таким образом, антисоветская политика английских империалистов вновь потерпела полный провал.

Восстановление англо-советских отношений было крупным успехом внешней политики Советского Союза. Как констатировал XVI съезд Коммунистической партии, именно «выдержанная и твердая политика Советского правительства привела к возобновлению дипломатических сношений с Англией»¹²².

*

В 1925 г. Советский Союз вступил на путь социалистической индустриализации страны. XIV съезд Коммунистической партии подчеркнул необходимость «обеспечить за СССР экономическую самостоятельность, оберегающую его от превращения в придаток капиталистического мирового хозяйства». В течение 1925—1929 гг. империалистическая дипломатия, особенно английская и амери-

¹²¹ Документы внешней политики СССР. М., 1967, т. 12, с. 408.

¹²² КПСС в резолюциях..., т. 4, с. 408

253

канская, предпринимала ряд враждебных действий, направленных на дипломатическую и экономическую изоляцию СССР, на срыв индустриализации и строительства социализма.

Советский Союз отразил враждебные маневры империалистических держав. Советская дипломатия нейтрализовала попытки Англии и США сколотить антисоветский блок и, в частности, осложнить советско-германские отношения.

Противопоставив агрессивной политике западных стран во главе с Англией твердую, активную миролюбивую политику, Советское государство укрепило отношения со многими из своих соседей, а также и свое общее международное положение. Оно обеспечило возможность развития индустриализации страны.

Курс на социалистическую индустриализацию был принят на XIV съезде партии. Советскому Союзу пришлось проводить индустриализацию за счет мобилизации и напряжения внутренних ресурсов, так как, помимо некоторых кредитов от Германии, долгосрочных займов получить не удалось. Задачи внешней политики СССР были определены в Отчетном докладе ЦК ВКП(б), сделанном на XIV съезде партии И. В. Сталиным: «Во-первых,— вести работу по линии борьбы против новых войн, затем по линии сохранения мира... Основу политики нашего правительства, политики внешней, составляет идея мира... Во-вторых,— вести работу по линии расширения нашего товарооборота с внешним миром на основе укрепления монополии внешней торговли. В-третьих,— вести работу по линии сближения с побежденными в империалистической войне странами, с теми странами, которые... находятся в оппозиции к господствующему союзу великих держав. В-четвертых,— вести работу по линии смычки с зависимыми и колониальными странами»¹²³. В таком направлении и проводилась на практике внешняя политика СССР.

Именно в эти годы (начиная с 1925 г.) советская внешняя политика

выдвинула идею договоров о ненападении и нейтралитете, которые включали также обязательства сторон не участвовать во враждебных друг другу союзах, в финансовом или экономическом бойкоте или блокаде, направленных против другой договаривающейся стороны, и обеспечила заключение такого рода договоров с Турцией, Афганистаном, Ираном, Германией и Литвой. Таким образом, «принципы ненападения и нейтралитета вошли в состав конструктивной мирной политики Советского государства и легли в основу его дальнейшей деятельности в области внешних сношений»¹²⁴. В 1925—1928 гг. советская внешняя политика впервые выступила с развернутым и конкретным планом всеобщего и полного разоружения. Миролюбивая внешняя политика СССР завоевала ему в эти годы еще большее уважение со стороны народов всего земного шара.

¹²³ XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). 18—31 декабря 1925 г.: Стеногр. отчет. М.; Л., 1926, с. 26—27.

¹²⁴ 10 лет советской дипломатии: Акты и документы. М., 1927, с. 35.

IX ГЛАВА

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ГОДЫ МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА И ОБОСТРЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ (1929—1932 гг.)

ВЛИЯНИЕ МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В конце 1929 г. в капиталистическом мире начался экономический кризис невиданных ранее масштабов. Кризис поразил промышленность, сельское хозяйство, торговлю и финансы. Он охватил почти все капиталистические государства. Сильнее всего он ударил по Германии и США. С момента возникновения кризиса и до конца 1932 г. промышленное производство сократилось в Англии на 16,5%, во Франции — на 31,9%, в Германии — на 46,7%, в Японии — на 32,4%. В США уровень промышленного производства упал на 46,2 % .

Экономический кризис развернулся на основе общего кризиса капиталистической системы, что придало ему особую силу. Он обострил все противоречия капитализма, включая противоречия между наиболее крупными империалистическими государствами: между Германией и державами-победительницами, между США и Англией, США и Японией, Францией и Италией, Англией и Францией и т. д. Углубились также противоречия между империалистическими государствами и колониальными и зависимыми странами, усилилось национально-освободительное движение. Понятно, что кризис и вызванная им массовая безработица, обнищание широких народных масс привели к резкому обострению классовой борьбы внутри капиталистических стран. Особенно усилилась классовая борьба в Германии. Обострились противоречия между двумя общественными системами — между капитализмом и социализмом. Значительно осложнилась вся международная обстановка. Усилилась угроза войны.

Советский Союз в это время успешно выполнял свой первый пятилетний план. Шло наступление социализма по всему фронту. Несмотря на огромные трудности, быстрыми темпами развивалась тяжелая индустрия как основа

развития всего народного хозяйства. Если в капиталистическом мире наблюдались катастрофическое падение производства и массовая безработица,²⁵⁵

то в СССР происходил бурный рост промышленности, навсегда было покончено с безработицей.

В 1929 г. начался коренной перелом и в развитии сельского хозяйства СССР: развернулась коллективизация советской деревни. «Переход советской деревни к крупному социалистическому хозяйству означал великую революцию в экономических отношениях, во всем укладе жизни крестьянства»¹.

Для внешней политики особое значение имел рост торговых связей СССР с иностранными государствами, который был необходим для успешного проведения индустриализации. Импорт СССР увеличился с 1929 по 1932 г. на 26%. Главное место в нем занимали машины и оборудование, необходимые для ускорения темпов социалистического строительства. Получая крайне недостаточные кредиты, СССР должен был оплачивать возросший импорт наличными, всемерно форсируя экспорт.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СССР В БОРЬБЕ ПРОТИВ АНТИСОВЕТСКИХ ПЛАНОВ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ДЕРЖАВ

Успехи СССР по-прежнему вызывали страх и злобу мировой буржуазии. Более того: ее ненависть возрастала вместе с ростом достижений Советского Союза. Провал проводившейся английскими консерваторами авантюристической политики разрыва дипломатических отношений с СССР не предотвратил новых попыток сколачивания антисоветских блоков и различных провокаций против Советской страны. Империалисты стремились сорвать выполнение первого пятилетнего плана. Они все еще не оставляли надежды создать условия для новой вооруженной интервенции против СССР. С этой целью они поощряли антисоветскую деятельность фашистских и милитаристских сил. Особенно активно они помогали возрождению германского милитаризма. Известно, что при помощи иностранных займов Германия к 1929 г. (до начала мирового экономического кризиса) в основном восстановила свой военно-промышленный потенциал. К 1932 г. Германия освободилась от репарационных обязательств. Введенный в период кризиса мораторий платежей практически освободил ее также от необходимости выплачивать огромную сумму задолженности по займам, полученным в 20-х годах и вложенным преимущественно в тяжелую промышленность.

В годы экономического кризиса империалисты продолжали использовать в борьбе против СССР самые разнообразные средства, включая и провоцирование военных столкновений. В 1929 г. империалистические державы использовали китайских милитаристов для разжигания конфликта на Китайско-восточной железной дороге. 10 июля 1929 г. войска милитариста Чжан Сюэяня с благословения Чан Кайши захватили телеграф КВЖД и аресто-

¹ Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961, с. 328.

²⁵⁶

вали свыше 200 советских граждан, работавших на этой дороге, которая в соответствии с соглашением 1924 г. находилась в совместном управлении СССР и Китая.

Попытки Советского правительства вступить в переговоры, чтобы урегулировать конфликт мирным путем, игнорировались китайской стороной. Ввиду этого Советский Союз был вынужден отозвать из Китая своих представителей, приостановить железнодорожное сообщение с ним и потребовать

отзыва из СССР представителей Китая. Правительства Англии, США и Франции пытались использовать конфликт для того, чтобы вмешаться в отношения между СССР и Китаем, но Советский Союз решительно отклонил их посягательства.

Китайские милитаристы продолжали военные провокации на советской границе. Более того, в середине ноября мукденские и белогвардейские войска вторглись на советскую территорию в Приморье и Забайкалье. Особая Дальневосточная армия под командованием Блюхера отбила атаки милитаристов и перешла в контрнаступление. Она преследовала их войска на китайской территории. Это был предметный урок всем, кто пытался посягать на безопасность СССР.

Другой формой борьбы против Страны Советов была в те годы пропаганда «крестового похода». В феврале 1930 г. с открытым призывом к такому походу выступил папа римский. Оперируя клеветническими выпадами по поводу вымышленных религиозных «преследований» в СССР, за интервенцию выступил глава англиканской церкви архиепископ Кентерберийский. Он требовал вмешательства во внутренние дела СССР и даже разрыва дипломатических отношений. Крайне правые консерваторы были недовольны тем, что лейбористское правительство восстановило дипломатические отношения с СССР, и вновь требовали их разрыва. Для этих целей реакционеры и использовали клевету о «преследовании» религии в Советской стране. Злонамеренные небылицы на этот счет распространялись и в других капиталистических странах. Смысл этой клеветнической кампании состоял в том, чтобы под ширмой «крестового похода в защиту религии» поддерживать враждебную атмосферу вокруг первого рабоче-крестьянского государства.

Для антисоветской кампании использовались, однако, не только вопросы религии, но и другие темы, в частности вопрос о применении «принудительного труда». В условиях кризиса и безработицы во всем капиталистическом мире СССР обвиняли в том, что он будто бы выбрасывает на международный рынок товары по ценам ниже себестоимости, проводит политику демпинга, чтобы дезорганизовать хозяйство капиталистических стран. Таким способом империалисты и их прислужники пытались свалить на Советский Союз ответственность за последствия кризиса, столь тяжелые для трудящихся масс, подорвать авторитет СССР в глазах рабочего класса. Распространяя грубую ложь о «советском демпинге», реакционеры требовали бойкота советских товаров,

257

иначе говоря, осуществления экономической войны против Советского Союза.

Клеветническая кампания против пресловутого «советского демпинга» была заранее подготовлена и проводилась согласованно реакционными кругами ряда стран. В конце 1929 г. во Франции был создан «консультативный комитет» для регулирования торговли с Советским Союзом. Речь шла о сговоре фирм и учреждений, занятых торговлей с СССР². Вскоре начали налагаться аресты на ценности, принадлежавшие советскому торгпредству во Франции. К марту 1930 г. советско-французская торговля оказалась в весьма тяжелом состоянии. Полпред СССР во Франции В. С. Довгалевский подчеркнул в беседе с министром иностранных дел Франции А. Брианом, что «франко-советские торговые отношения находятся под серьезным ударом»³. М. М. Литвинов, назначенный в июле 1930 г. ввиду тяжелой болезни Г. В. Чичерина народным комиссаром по иностранным делам, предупредил французского посла в Москве Эрбетта о том, что советские торговые органы не только не разместят новых заказов во Франции, но стоят в отношении этой страны «перед полным прекращением торговой деятельности... если будет продолжаться нынешнее положение»⁴.

Резкие выступления против экспорта советского леса состоялись в Англии.

Английское правительство дошло до попыток прямого вмешательства во внутренние дела СССР, сделав предложение о проведении обследования условий труда лесных рабочих⁵.

В организации кампании по поводу применения «принудительного труда» и против «советского демпинга» существовал тесный контакт между монополистическими кругами США и Англии. В частности, и те и другие выступали против экспорта советской нефти. Для организации совместных англо-американских действий против советского экспорта известный англо-голландский нефтяной магнат Детердинг специально ездил в США. В свою очередь, министр финансов США Меллон в августе 1930 г. совершил поездку по странам Европы с целью объединения их вокруг США для организации совместного экономического бойкота Советского Союза.

Турне по ряду стран Европы с подобными же целями совершил французский министр торговли Фланден. Выступая на страницах «Нью-Йорк таймс» 5 июля 1931 г., американский сенатор Копленд призывал капиталистические страны наложить эмбарго на советские товары, утверждая, что это де «вызовет восстание

² АВП СССР. Донесение полпреда СССР во Франции в НКВД от 2 января 1931 г.

³ АВП СССР. Запись беседы полпреда СССР во Франции с министром иностранных дел Франции А. Брианом 25 марта 1930 г.

⁴ АВП СССР. Запись беседы наркома по иностранным делам СССР с французским послом в Москве 26 июля 1930 г.

⁵ АВП СССР. Донесение полпреда СССР в Англии в НКВД, май 1930 г.

258

в России, а тогда вмешаются и другие государства, чтобы восстановить порядок»⁶.

Дело не ограничилось клеветой о «советском демпинге» и призывами к бойкоту. В июле 1930 г. США первыми ввели дискриминационные меры против советского экспорта, в связи с чем советский вывоз в США резко сократился. Вслед за Соединенными Штатами на путь бойкота советских товаров вступила Франция, которая в октябре 1930 г. ввела дополнительные ограничения для ввоза советских товаров. Декретом от 3 октября

1930 г. вводилась лицензионная система для импорта ряда советских товаров (леса, льна, хлеба, сахара, патоки, клея, желатина, стеарина, мясопродуктов и др.). В результате этого ввоз во Францию товаров из СССР был существенно затруднен. Бойкот советских товаров применялся также правительствами Югославии, Венгрии, Румынии, Бельгии и других стран. Сторонники политики бойкота СССР считали, что этим они нанесут ему ущерб, сорвут или хотя бы затруднят социалистическую индустриализацию страны.

Советское правительство разоблачило клевету о «советском демпинге». На экономическую войну со стороны капиталистических держав, на бойкот советских товаров оно ответило эффективными контрмерами. 20 октября 1930 г. Совет Народных Комиссаров СССР вынес постановление об экономических взаимоотношениях со странами, устанавливающими особый ограничительный режим для торговли с СССР. Было решено совершенно прекратить или максимально сократить заказы и закупки в этих странах, прекратить использование транспортных услуг этих стран, установить особые ограничительные правила для транзитных товаров, идущих в такие страны или приходящих из них, принять меры к совершенному прекращению или максимальному сокращению использования портов, транзитных путей и баз этих стран для транзитных или реэкспортных операций СССР⁷.

Против дискриминационных мер французского правительства в отношении советского ввоза протестовали 10 крупных французских торговых и промышленных объединений. Тем не менее правительство долгое время

продолжало свою линию. В середине

1931 г. французское правительство, наконец, было вынуждено сделать некоторую уступку. 16 июля оно отменило свой декрет от 3 октября 1930 г. Однако уже 18 июля через парламент был спешно проведен закон о существенном повышении таможенных тарифов, причем это повышение затронуло товары, поступающие во Францию из Советского Союза. Одновременно французское правительство ввело контингентирование ввоза по основным статьям импорта, причем для СССР по большинству товаров контингентов выделено не было. Вследствие всех этих мер условия ввоза советских товаров во Францию не улучшились, а еще более

⁶ New York Times, 1931, July 5.

⁷ Документы внешней политики СССР. М., 1967, т. 13, с. 584

259

ухудшились. Советский Союз ответил дальнейшим сокращением своего ввоза из Франции, сведя его к незначительным размерам⁸.

В мае 1930 г. Бриан, под предлогом развития экономического сотрудничества и совместной борьбы с экономическим кризисом, выдвинул план создания союза европейских (континентальных) государств, своего рода европейской федерации. Его проект получил наименование «пан-Европы». В европейское объединение не должны были входить США, Англия (как не континентально европейское государство) и СССР, якобы не являющийся европейской страной.

Советское правительство ясно высказало свое отрицательное отношение к проекту «пан-Европы». Оно показало, что посредством этого плана Франция хотела бы усилить свое влияние на политику европейских стран и даже установить свою гегемонию на континенте Западной Европы, что речь шла о создании под эгидой Франции группировки государств, направленной против других государств, не входящих в «пан-Европу», и прежде всего против СССР.

Но несмотря на общность антисоветских устремлений правящих кругов капиталистических государств, в их отношении к плану создания «пан-Европы» единства не было. 9 сентября

1930 г. в Женеве состоялась конференция министров иностранных дел европейских стран — членов Лиги наций по вопросам, выдвинутым в меморандуме Бриана. Представители Англии и Германии выступили с возражениями. План Бриана потерпел неудачу. Было, впрочем, решено передать его на рассмотрение пленума Лиги наций. В то же время было внесено предложение создать Европейскую комиссию для изучения проблем, связанных с французским проектом. Отрицательно отнеслись к плану Бриана и США.

20 июня и 29 декабря 1930 г. германский посол в Москве Дирксен в беседах с наркомом по иностранным делам говорил, что его правительство усматривает опасность установления гегемонии Франции в Европе посредством создания «пан-Европы». Он тут же подчеркнул, что Германия поставит вопрос о приглашении СССР и Турции к участию в переговорах. 25 июня 1930 г. итальянский представитель в Москве Чэрути сообщил НКВД, что его правительство также выскажется за привлечение СССР и Турции⁹.

Действительно, на сессии Европейской комиссии в январе

1931 г. германский и итальянский уполномоченные высказались за приглашение СССР (а также других государств, не являв-

⁸ Торговые отношения СССР с капиталистическими странами. М., 1938, с. 91-92.

⁹ АВП СССР. Записи бесед наркома по иностранным делам СССР с германским послом в Москве 20 июня и 29 декабря 1930 г. и с итальянским представителем в Москве 25 июня 1930 г.

260

шихся членами Лиги наций,— Турции и Исландии). Против участия СССР возражали представители Франции, Бельгии, Румынии, Югославии, Нидерландов

и Швейцарии. Противники приглашения СССР признали, что присутствие в комиссии советских представителей будет их стеснять. Ввиду разногласий вопрос был передан на рассмотрение специальной комиссии по изучению вопроса о Европейском союзе. 21 января 1931 г. эта комиссия приняла резолюцию, в которой говорилось, что она будет изучать проблемы мирового экономического кризиса и для участия в этом изучении через посредство генерального секретаря Лиги наций приглашаются СССР, Турция и Исландия¹⁰.

В интересах борьбы против организации империалистических блоков СССР принял приглашение участвовать в работе этой комиссии. Задача советской делегации состояла прежде всего в том, чтобы сорвать или во всяком случае затруднить антисоветскую деятельность Европейской комиссии. Итальянский посол в Москве Аттолико 28 апреля 1931 г. в беседе с наркомом по иностранным делам отметил, что инициаторы «пан-Европы» очень боятся выступлений советских представителей на предстоящей сессии Европейской комиссии¹¹.

Приняв участие в работе майской сессии Европейской комиссии, СССР разоблачил клевету о «советском демпинге» и 18 мая 1931 г. предложил проект протокола об экономическом ненападении. Кроме отказа от войны как средства разрешения международных конфликтов, которые формально предусматривались пактом Бриана — Келлога, СССР предложил полное прекращение всех скрытых и открытых форм экономической агрессии отдельных стран или групп стран против какой-либо страны или группы стран. Было предложено, чтобы каждое государство в законодательном порядке запретило призывы к бойкоту внешней торговли любой страны. Советская делегация подчеркнула, что прекращение экономической агрессии явилось бы важной предпосылкой для мирного сотрудничества государств в экономической области независимо от их общественных систем. Такое сотрудничество желательно, возможно и необходимо, доказывали советские представители. Оно способствовало бы также установлению политического доверия между государствами. СССР предложил официально подтвердить принцип мирного сосуществования и сотрудничества государств с различными системами и отказ от дискриминационных мер в области экономических отношений¹².

Обсуждение советских предложений в Европейской комиссии затянулось. Августовско-сентябрьская сессия этой комиссии передала их на рассмотрение специального комитета, который

¹⁰ Внешняя политика СССР. Сборник документов. 1925—1934 гг. М., 1945, с. 472.

¹¹ АВП СССР. Запись беседы наркома по иностранным делам СССР с итальянским послом в Москве 28 апреля 1931 г.

¹² Документы внешней политики СССР. М., 1968, т. 14, с. 342.

261

собрался в ноябре 1931 г. В результате дискуссий комитет в основном одобрил идею пакта об экономическом ненападении, выдвинутого Советским Союзом. Однако этот пакт не был претворен в жизнь ввиду отрицательной позиции правящих кругов большинства капиталистических государств.

Что касается проекта «пан-Европы», то английские, американские, германские и итальянские правящие круги не пожелали допустить усиления роли Франции в делах Европы. Действия советской дипломатии немало содействовали срыву этого проекта.

Пытаясь найти выход из кризиса за счет СССР, империалисты не прекращали подготовки к войне против страны социализма. Происходили тайные совещания представителей генеральных штабов стран, граничащих с СССР: Польши, Латвии, Эстонии, Финляндии, Румынии. Особый (восточный) отдел во французском генеральном штабе не прекращал разработки планов антисоветского похода.

Империалистические круги готовили план расчленения Советского Союза,

его раздела между участниками антисоветской войны. Особенно ожесточенная кампания против СССР велась теперь во Франции. Раздавались призывы к разрыву дипломатических отношений с СССР и к репрессиям против сотрудников советских представительств. В ряде стран предпринимались и прямые провокации. В Варшаве, например, в апреле 1930 г. имела место попытка взорвать здание советского полпредства.

VI Всесоюзный съезд Советов в своей резолюции указал, что все эти и другие подобные факты свидетельствовали «о подготовке империалистических сил к прямой вооруженной интервенции против Советского Союза»¹³.

Но наряду с этой интервенционистской тенденцией действовала и другая — более благоразумная тенденция. «Растущая экономическая мощь СССР, увеличивая для буржуазии опасность и риск интервенции против СССР, особенно в обстановке нынешнего кризиса и развивающегося революционного подъема, вынуждает некоторые группы буржуазии идти на развитие и укрепление экономических связей с СССР», — констатировал XVI съезд ВКП(б)¹⁴. Так, например, 16 апреля было заключено временное торговое соглашение между СССР и Великобританией. Во всем капиталистическом мире в условиях жестокого кризиса рынки резко сузились. Только советский рынок остался не затронутым экономическим кризисом и в результате быстрой индустриализации СССР даже расширился. Удельный вес СССР в мировом импорте машин в 1931 г. возрос до 30%, а в 1932 г. — почти до 50%. В 1929—1930 гг. Советский Союз приобрел около 70% всех станков, экспортируемых Англией. В импорте машин

¹³ Съезды Советов Всероссийские и Союза ССР в постановлениях и резолюциях. М., 1935, с. 435.

¹⁴ XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). 26 июня—13 июля 1930 г.: Стеногр. отчет. М.; Л., 1930, с. 712.

262

и оборудования из США в 1930 г. СССР занял второе, а в 1931 г. — первое место.

Однако в дальнейшем вследствие дискриминационных мер против советских товаров в США Советский Союз резко сократил свои закупки в Америке, и в 1932 г. импорт СССР из США уменьшился более чем в восемь раз по сравнению с 1930 г. Ущерб от этого понесли сами же США.

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Наиболее агрессивно настроенные германские политики требовали активного включения Германии в единый антисоветский фронт под флагом борьбы с большевизмом. К числу таких деятелей относились Гитлер и его сторонники, фон Папен, Людендорф и др. Но вопреки им Германия тогда не примкнула к странам, проводившим политику бойкота советских товаров, так как она была особенно сильно заинтересована в советских заказах и в расширении экспорта своих товаров на советский рынок.

Торгово-экономические связи СССР с Германией в годы мирового экономического кризиса развивались более успешно, чем с другими странами. В начале 1931 г. делегация германских промышленников посетила СССР в целях изучения вопроса о расширении экспорта германских товаров. В результате этой поездки 14 апреля 1931 г. было заключено новое соглашение о размещении в Германии советских заказов на 300 млн. марок и предоставлении для этих целей кредита на такую же сумму. Фактически заказов было размещено даже больше — на 345,1 млн. марок¹⁵.

15 июля 1932 г. было подписано новое советско-германское соглашение об общих условиях поставок товаров, регулировавшее различные вопросы заключения и выполнения договоров о поставках. Кроме того, оно

предусматривало предоставление кредитов для размещения советских заказов в Германии¹⁶.

Все это сделало возможным значительное расширение объема советско-германской торговли в кризисные годы. Доля Германии в импорте Советского Союза выросла с 23,7% в 1930 г. до 37,2% в 1931 г. и до 46,5% в 1932 г. Германия заняла первое место в советском импорте. В германском экспорте машин в 1931 и 1932 гг. СССР занимал первое место. В 1932 г. 43% всех экспортированных немецких машин были проданы в СССР¹⁷.

Создавшаяся в 1931—1932 гг. неблагоприятная для Германии международная обстановка, хозяйственная разруха, вызванная кризисом, а также возросшая мощь СССР и его авторитет в международных делах не позволили Германии пойти на ухудшение отношений с Советским Союзом. Заинтересованность Гер-

¹⁵ Торговые отношения СССР с капиталистическими странами, с. 138.

¹⁶ Там же, с. 140.

¹⁷ Там же, с. 139—141.

263

мании в поддержании прежних отношений с СССР выразилась, в частности, в сравнительно быстром завершении советско-германских переговоров. 24 июня 1931 г. был подписан протокол о продлении срока действия Берлинского договора 1926 г. о нейтралитете и конвенции о согласительной процедуре.

Советская печать дала высокую оценку этому внешнеполитическому акту. Так, газета «Правда» писала тогда: «Мы не можем расценивать этот факт иначе, как успех мирной политики Советского правительства, направленный против блокады и интервенции, как результат роста экономической и политической мощи Советского Союза на основе правильной ленинской генеральной линии нашей партии»¹⁸.

Рост экономической мощи СССР и укрепление его внешнеполитических позиций были вынуждены учитывать и правящие круги Германии. Кроме того, они должны были считаться и с тем, что немецкий пролетариат во главе с Коммунистической партией Германии решительно выступал против участия Германии в антисоветских акциях. Хотя и не без внутренней борьбы, германское правительство до конца 1932 г. оставалось в основном на позициях добрососедских отношений и мирного сотрудничества с СССР.

После прихода к власти правительства Папена в Германии усилились тенденции достичь соглашения с западными державами за счет Советского Союза и против него. С установлением фашистской диктатуры в Германии одержали верх те круги, которые были противниками добрососедских отношений с СССР и которые подготовку империалистической войны сделали своей главной заповедью.

СССР И ЕГО СОСЕДИ В АЗИИ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ. ПАКТ О НЕНАПАДЕНИИ С ФРАНЦИЕЙ

Советское правительство по-прежнему прилагало все усилия, чтобы улучшить отношения с соседними государствами. Так,

17 декабря 1929 г. был подписан протокол между Советским Союзом и Турцией о продлении договора 1925 г., а 7 марта 1931 г.— дополнительный к нему протокол. В 1931 г. был заключен советско-турецкий торговый договор, расширивший возможности торговли по сравнению с договором 1927 г. В 1932 г. Советское правительство предоставило Турции кредит в размере 8 млн. американских долларов для приобретения в СССР новейших машин и промышленного оборудования. Советский Союз оказывал Турции научно-

техническую помощь, посылая своих инженеров для выполнения проектных работ. В советских высших учебных заведениях готовились турецкие специалисты.

Также благоприятно развивались отношения между Советским Союзом и Афганистаном.

¹⁸ Правда, 1931, 26 июня.

264

24 июня 1931 г. был подписан советско-афганский договор о нейтралитете и взаимном ненападении, основанный на тех же началах, что и договор от 31 августа 1926 г. ¹⁹. Этот документ явился свидетельством прочности дружественных отношений между обеими странами. Неуклонно расширялись и углублялись также советско-афганские связи в области экономической и культурной. Советский Союз оказывал Афганистану бескорыстную помощь в развитии его народного хозяйства.

Договор о гарантии и нейтралитете между СССР и Ираном от 1 октября 1927 г. действует до настоящего времени. Он имеет непосредственную связь с договором от 26 февраля 1921 г.

Благодаря миролюбию и выдержке советской дипломатии были преодолены препятствия на пути к заключению договора с Польшей. После длительных проволочек со стороны пилсудчиков 25 июля 1932 г. договор о ненападении и нейтралитете был, наконец, подписан. Обе стороны констатировали, что отказываются от войны как орудия национальной политики в своих взаимоотношениях, обязываются взаимно воздерживаться от всяких агрессивных действий или нападения одна на другую как отдельно, так и совместно с другими державами. Договор содержал обязательства обеих сторон соблюдать нейтралитет в случае, если бы одна из них подверглась нападению со стороны третьего государства или нескольких государств. В специальной статье было оформлено обязательство не участвовать в союзах и блоках, направленных против одной из договаривающихся сторон ²⁰.

Договор имел большое значение. Он явился в значительной мере результатом того, что польское правительство учло изменение международной обстановки, в частности, усиление Германии, возрождение германского империализма и рост его реваншистских устремлений, направленных против Польши.

После установления нормальных дипломатических отношений с Францией Советское правительство неоднократно предлагало ей заключить пакт о ненападении. Так, например, в январе 1928 г. в письме зам. наркома полпреду СССР во Франции Довгалеvскому предписывалось, чтобы он заявил Бриану о готовности СССР немедленно приступить к обсуждению пакта. «Нами заключен ряд таких пактов с соседними государствами,— говорилось в нем,— и мы предлагаем французскому правительству, которому эти пакты известны, выбрать любой из них в качестве образца или основы для переговоров. Мы готовы выслушать контрпредложение французского правительства, а также поправки и дополнения. Если французское правительство желает при этом коснуться наших отношений с третьими странами, то мы от этого не отказываемся, но мы ждем на этот счет конкретных предложений» ²¹. Однако французское правительство упорно

¹⁹ Документы внешней политики СССР, т. 14, с. 392—395.

²⁰ Документы внешней политики СССР. М., 1969, т. 15, с. 436—439.

²¹ АВП СССР. Письмо зам. наркома по иностранным делам СССР полпреду СССР во Франции В. С. Довгалеvскому от 2 января 1928 г.

265

отказывалось от заключения такого договора с СССР. Французские правящие круги пытались обусловить заключение пакта о ненападении положительным для

них решением вопроса об уплате царских долгов и возврате собственности, национализированной после Октябрьской революции.

В 1929—1931 гг. Советский Союз официально вопрос о пакте ненападения больше не ставил. Однако заместитель наркома по иностранным делам в беседах с французским послом в Москве (22 мая 1929 г. и 10 марта 1931 г.) подчеркнул, что Советский Союз по-прежнему готов подписать с Францией такой пакт²².

Но и на этот раз правительство Франции осталось на прежней, по существу отрицательной позиции.

Многие политические наблюдатели в то время были убеждены в неизбежности разрыва франко-советских дипломатических отношений и дальнейшего обострения политического положения в Европе. Однако правящие круги Франции не решились идти до конца по пути антисоветской политики. Это объясняется рядом важных причин.

Экономическая, политическая и военная мощь Советского Союза значительно возросла, вследствие чего вооруженная авантюра против СССР становилась делом сугубо рискованным.

К 1931 г. Франция начала ощущать непосредственное воздействие мирового экономического кризиса. В то же время активизация германских реваншистов, обострение отношений с фашистской Италией, провозгласившей лозунг ревизии послевоенных договоров,— все это ослабляло позиции Франции в Европе и даже могло в конечном итоге привести к ее изоляции. Под влиянием всех этих факторов в политике Франции по отношению к СССР произошел поворот. 20 апреля 1931 г. французское правительство заявило, что готово вступить в переговоры относительно заключения пакта о ненападении, конвенции о согласительной процедуре и торгового соглашения²³.

Для ведения переговоров по указанным вопросам Советское правительство уполномочило полпреда СССР во Франции В. С. Довгалевского. Переговоры открылись в начале мая 1931 г. Развивались они довольно медленно.

Ярыми противниками пакта о ненападении были политические круги, тесно связанные с тяжелой индустрией и генеральным штабом. Настоящей причиной их упрямства была боязнь, что пакт явится препятствием на пути агрессивных устремлений французских империалистов, сорвет планы создания антисоветского блока под главенством Франции. Противники пакта утверждали, будто советский пятилетний план является исключительно военным, что в нем якобы заключена угроза безопасности Фран-

²² АВП СССР. Записи бесед зам. наркома по иностранным делам СССР с французским послом в СССР 22 мая 1929 г. и 10 марта 1931 г.

²³ АВП СССР. Донесение полпреда СССР во Франции в НКВД от 20 апреля 1931 г.

ции. С другой стороны, они говорили, что выполнение пятилетнего плана будет связано с «советским демпингом», отчего пострадает благосостояние населения Франции и других стран.

Что касается переговоров по поводу согласительной процедуры, которые начались в октябре 1931 г., то они сравнительно легко завершились достижением договоренности насчет заключения соответствующей конвенции.

10 августа 1931 г. советско-французский пакт о ненападении был, наконец, парафирован. Под влиянием антисоветских сил французское правительство еще более года продолжало политику затяжек и выжидания. Оно старалось обусловить подписание советско-французского пакта предварительным или одновременным подписанием пактов о ненападении с Польшей и Румынией — союзниками Франции.

23 сентября 1931 г. французское правительство сообщило полпреду СССР,

что, по его мнению, заключение советско-французского пакта должно последовать за советско-польским договором или сопутствовать ему. В. С. Довгалецкий решительно возражал против связи двух этих договоров, но в то же время подчеркнул, что «Советское правительство неоднократно заявляло о своей готовности подписать соответствующее соглашение с Польшей»²⁴. ЦК ВКП(б) придавал большое значение улучшению отношений с Польшей. Во время советско-польских переговоров Политбюро ЦК ВКП(б) предложило Наркоминделу добиваться заключения пакта о ненападении с Польшей, который и был подписан 25 июля 1932 г.²⁵

Оставалась еще Румыния. На протяжении 10 месяцев уполномоченные Советского правительства вели переговоры о пакте с представителями Румынии (в Риге, Женеве, Гааге, Варшаве). Но румынское правительство отказывалось от проектов своих же уполномоченных. Были попытки вести переговоры при посредстве Франции и Польши. Однако договор о ненападении с Румынией подписать так и не удалось, так как румынское королевское правительство требовало признания совершенного им захвата Бессарабии, на что Советское правительство, естественно, не могло согласиться. В свою очередь французское правительство долгое время ссылалось на отрицательную позицию Румынии, затягивая окончательное оформление советско-французского договора.

25 ноября 1932 г., в канун подписания пакта о ненападении между СССР и Францией, его официально поддержало правительство Румынии. Об одобрении советско-французского договора заявила также и Польша. Таким образом, французское правительство действовало с согласия своих союзников в Восточной Европе. 29 ноября 1932 г. договор о ненападении между СССР

²⁴ АВП СССР. Донесение полпреда СССР во Франции в НКВД от 23 сентября 1931 г.

²⁵ История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1971, т. 4, кн. 2, с. 17.

267

и Францией и советско-французская конвенция о согласительной процедуре были подписаны.

В 1-й статье договора указывалось, что стороны взаимно обязываются не прибегать (отдельно или совместно с другими государствами) ни к войне, ни к нападению друг на друга, а также уважать неприкосновенность территории другого участника договора.

Статья 2 содержала обязательство сторон соблюдать нейтралитет и не оказывать помощи и поддержки агрессору или агрессорам, если одна из сторон подвергнется нападению.

В статье 3 каждая из сторон заявляла, что «она не связана никаким соглашением, налагающим на нее обязательство участвовать в нападении, предпринятом третьим государством».

По статье 4 стороны обязывались «не участвовать ни в каком международном соглашении, которое имело бы практическим последствием запрещение покупки у другой Стороны, или продажи ей товаров, или предоставление ей кредитов, и не принимать никакой меры, которая имела бы последствием исключение другой Стороны из всякого участия в ее внешней торговле».

В статье 5 содержалось взаимное обязательство о невмешательстве во внутренние дела друг друга, в частности о воздержании «от всякого действия, клонящегося к возбуждению или поощрению какой-либо агитации, пропаганды или попытки интервенции» и т. д. Далее в статье говорилось, что «каждая из Высоких Договаривающихся Сторон обязуется... не создавать, не поддерживать, не снабжать, не субсидировать и не допускать на своей территории ни военных организаций, имеющих целью вооруженную борьбу против другой Стороны, ни организаций, присваивающих себе роль правительства или представителя всех

или части ее территории». Следует иметь в виду, что во Франции было много контрреволюционных эмигрантских организаций и элементов, ведущих активную борьбу против СССР. Данная статья договора наносила удар по планам поджигателей войны, которые намеревались использовать против Советского Союза белоэмигрантов.

По статье 6 обе стороны соглашались осуществлять «урегулирование и разрешение всех споров или конфликтов» независимо от их характера или происхождения лишь мирным путем.

Конвенция, состоявшая из восьми статей, определяла компетенцию и состав согласительной комиссии, сроки ее созыва и т. д.²⁶ Сходные договоры были заключены в 1932 г. Советским Союзом с Финляндией (21 января), Латвией (5 февраля) и Эстонией (4 мая).

Заключенные и возобновленные в 1931—1932 гг. пакты о ненападении существенным образом содействовали укреплению безопасности СССР, а равно и его партнеров — Франции, Польши и других.

²⁶ Документы внешней политики СССР, т. 15, с. 640.

СССР НА КОНФЕРЕНЦИИ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ

Советское правительство последовательно продолжало свою борьбу за разоружение. В связи с подготовкой к созыву международной конференции по разоружению Советское правительство 15 января 1931 г. через своих полпредов в Великобритании, Германии, Италии, Норвегии, Иране, Польше, Франции и Японии сделало министрам иностранных дел этих стран следующие идентичные устные заявления: «По мнению Советского правительства, конференция может иметь международное значение, ибо от результатов конференции может в значительной степени зависеть вопрос о продлении и упрочении мира и о новой истребительной войне. Советское правительство неоднократно высказывалось в том смысле, что при существующих условиях единственной гарантией сохранения мира было бы разоружение или, по крайней мере, максимальное сокращение вооружений. Оно вносило соответственные проекты конвенции в подготовительную комиссию по разоружению и вновь представит их на рассмотрение самой конференции». Именно в этих целях,— говорилось в заявлении Советского правительства,— оно и будет активно участвовать в предстоящей конференции по разоружению. Далее в нем подчеркивалось, что «успешность работ конференции требует обеспечения полного равноправия всем участникам конференции,— как большим, так и малым державам»²⁷.

Конференция по разоружению начала свою работу 2 февраля 1932 г. в напряженной международной обстановке. Еще в сентябре 1931 г. японские империалисты вторглись в Маньчжурию и заняли Мукден (Шэньян), Чанчунь, Аньдун, Инкоу, Гири (Цзилинь), создав тем самым опасный очаг войны на Дальнем Востоке. В день открытия конференции Япония подвергла бомбардировке Шанхай и другие города Китая.

В ходе конференции обнаружилось стремление правительств капиталистических стран использовать ее в целях сохранения собственных вооруженных сил, укрепления своих военно-политических позиций и возможно большего ослабления вооружений и вооруженных сил своих соперников. Их «разоружительные» декларации имели также пропагандистскую цель — замаскировать фразами о разоружении проводившуюся гонку вооружений.

Советская делегация призвала изыскать средства к тому, чтобы «положить конец войне», чтобы «сделать самую войну невозможной, ибо от нее страдают

народные массы... всего мира»²⁸. Советское правительство внесло и хорошо обосновало свое предложение о всеобщем и полном разоружении, в противовес бессодержательной резолюции Подготовительной комиссии, принятой в декабре 1930 г. 18 февраля 1932 г. оно внесло проект резолюции по предложенному им плану всеобщего и полного разоружения

²⁷ Документы внешней политики СССР, т. 14, с. 29.

²⁸ Документы внешней политики СССР, т. 15, с. 102.

269

ния, который предусматривал «скорейшее всеобщее и полное уничтожение всех вооруженных сил, исходя из принципа равенства для всех»²⁹. Советское правительство призывало все государства, представленные на конференции, отказаться от войны как орудия своей национальной политики.

Советская делегация указала, что в случае отклонения этого проекта резолюции остаются в силе предложения СССР о частичном разоружении, которые были выдвинуты еще в ходе заседаний Подготовительной комиссии. Советское правительство заявило, что проблема разоружения должна получить практическое решение без дальнейших отсрочек и проволочек, без поисков новых препятствий и предлогов для отказа от разоружения. «Разоружение,— заметил нарком по иностранным делам,— должно перестать играть роль теннисного мяча, перебрасываемого из одной комиссии или подкомиссии в другую, с одной конференции на другую, с одной сессии на другую»³⁰.

В связи с тем, что буржуазные представители искажали позицию СССР в вопросах контроля за разоружением, советская делегация заявила, что она считает преждевременным обсуждать вопросы контроля до наступления момента реального разоружения. «Советская делегация всегда настаивала на том, что раньше необходимо договориться о том, что контролировать (т. е. степень сокращения вооружений), а уже затем можно будет договориться о том, как контролировать»³¹. Советский Союз выступал за строгий контроль над разоружением, за привлечение к этому делу законодательных и профсоюзных организаций.

Первая сессия конференции окончилась безрезультатно. Буржуазные деятели отклонили советские предложения и тем самым еще раз разоблачили себя как противники разоружения. Более того, в целях достижения соглашения с Германией представители США, Англии и Италии пошли навстречу ее требованию равноправия в вооружениях во время закулисных переговоров, которые по существу свелись к поискам путей довооружения Германии.

Угрожая уходом Германии с конференции, германское правительство добилося от Англии, США, Италии и Франции признания равноправия Германии. 10 декабря 1932 г. в Женеве по инициативе Англии состоялось совещание глав пяти правительств — Англии, США, Франции, Италии и Германии. Принятая 11 декабря на этом совещании резолюция признавала за Германией право на равенство в вооружениях в рамках системы безопасности, одинаковой для всех стран. Кроме того, в резолюции говорилось следующее: «Правительства Соединенного Королевства, Франции и Италии заявили, что одним из принципов, которым должна была бы руководствоваться Конференция...,

²⁹ Документы внешней политики СССР, т. 15, с. 116.

³⁰ Там же, с. 420.

³¹ Известия, 1932, 25 сент.

270

должно бы было явиться предоставление Германии, так же как и другим державам, разоруженным по договорам, равенства прав в системе, дающей безопасность всем нациям, и что этот принцип должен был бы найти свое выражение в конвенции, которая заключала бы выводы Конференции по

сокращению и ограничению вооружений»³².

Таким образом, с согласия правительств Англии, США, Франции и Италии германские империалисты получили возможность вооружаться открыто.

Тем самым под флагом «равноправия» Германии западными державами был сделан важный шаг, существенно облегчивший Германии рывок к началу второй мировой войны.

АГРЕССИЯ ЯПОНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА. БОРЬБА СССР ЗА МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

В результате углубления общего кризиса капитализма и возникшего на его базе мирового экономического кризиса резко обострилась борьба империалистических держав за передел мира. Раньше всего это сказалось на Дальнем Востоке, где Япония с осени 1931 г. приступила к реализации захватнической программы, изложенной еще в 1927 г. в «меморандуме Танака». 18 сентября 1931 г. японские войска напали на Китай и предприняли оккупацию его северо-восточных провинций (Маньчжурии). Японское правительство называло оккупированную Маньчжурию первой линией обороны Японии. На деле же Маньчжурия представляла для японских империалистов первый стратегический рубеж для дальнейшей агрессии. Она служила для Японии плацдармом на континенте для удара на Пекин и проникновения в глубь Китая, а также для вторжения на Советский Дальний Восток и в пределы МНР. Ко времени захвата Маньчжурии были приурочены выступления военного министра Араки в прессе, полные агрессивных заявлений. Под флагом антикоммунизма Араки проповедовал широкие империалистические замыслы, говорил о «японском моральном духе», который должен распространиться во всем мире, если нужно, при помощи силы. Монгольскую Народную Республику он назвал «помехой» на пути распространения этого «духа» и выразил пожелание, чтобы Монголия вошла в семью восточных народов, что на языке этого милитариста означало подчинение японским захватчикам. Араки утверждал, что «японскому моральному духу» будто бы угрожал Советский Союз.

Американские империалисты, несмотря на то что Япония была для них сильным и опасным конкурентом, проводили политику поощрения японского агрессора в его борьбе против китайского народа. Они вели с Японией интенсивную торговлю и тем оказывали агрессору экономическую помощь. Они снабжали

³² Сборник документов по международной политике и международному праву. М., 1933, вып. V, с. 138.

японскую промышленность и армию дефицитными военно-стратегическими материалами. Успехи японской экспансии в Китае не могли не вызывать тревоги господствующих классов как США, так и Англии, но еще большее беспокойство вызывал у них рост революционного движения в Китае и других странах Дальнего Востока. В японском империализме реакционные круги США видели главную ударную силу на Дальнем Востоке для борьбы против Советского Союза, против демократических сил Китая, для расправы с национально-освободительным движением в других дальневосточных странах. Вместе с тем американские империалисты считали, что война Японии против Китая и тем более против СССР приведет к ослаблению Японии как конкурента Соединенных Штатов на Дальнем Востоке. Их усилия были направлены к тому, чтобы толкать японских агрессоров на северо-запад, втягивать в борьбу с СССР. Сходными мотивами руководствовались и правящие круги Англии и Франции.

В связи с японо-китайским конфликтом Лига наций, где руководящая роль принадлежала Англии и Франции, вместо того чтобы осудить Японию как агрессора, вынесла решение, в котором содержался призыв к Японии и Китаю об обоюдном урегулировании конфликта. Такое решение по сути дела было поощрением японской агрессии.

Таким образом, империалистическая Япония при непротивлении и даже фактическом поощрении со стороны США, Англии и Франции создала на Дальнем Востоке первый очаг новой мировой войны.

Агрессивные действия Японии в северо-восточном Китае усилили военную опасность для Советского Союза. Об этой опасности, в частности, говорилось в письме наркома по иностранным делам в ЦК ВКП(б) от 27 августа 1932 г. Еще за несколько месяцев до начала интервенции против Китая японское правительство запросило английское и французское правительства, может ли оно рассчитывать на их прямую поддержку в случае войны с Советским Союзом³³. Материалы Токийского процесса над главными японскими военными преступниками (1946—1948 гг.) неопровержимо доказали, что японские империалисты уже тогда думали о нападении на СССР. Бывший военный министр Японии Минами, занимавший этот пост в 1930—1931 гг., заявил на процессе: «Маньчжурия расценивалась как военная база в случае войны с СССР. Как оккупация Маньчжурии, так и вторжение в Китай исходили из конечной стратегической цели Японии — войны против СССР»³⁴. Полпред СССР в Японии А. А. Трояновский писал, что там распространялись идеи «превентивной» войны против СССР. Агрессивные империалистические круги призывали правительство отбросить колебания и напасть на СССР,

³³ АВП СССР. Письмо наркома по иностранным делам СССР в ЦК ВКП(б) от 27 августа 1932 г.

³⁴ Правда, 1948, 13 ноября.

272

не откладывая дела в долгий ящик³⁵. Военный министр Араки утверждал, что рано или поздно война между Японией и СССР неизбежна, что страну надо готовить к этой войне³⁶.

Японское правительство искало повода для враждебных действий против СССР, не останавливаясь перед провокациями и всевозможными измышлениями. 19 ноября 1931 г. оно потребовало через своего посла от Советского Союза прекращения «вмешательства» СССР во внутренние дела Маньчжурии³⁷.

20 ноября в ответ на заявление японского посла в Москве Хирота нарком по иностранным делам СССР заявил, что «Советское правительство последовательно во всех своих отношениях с другими государствами проводит строгую политику мира и мирных отношений. Оно придает большое значение сохранению и укреплению существующих отношений с Японией. Оно придерживается политики строгого невмешательства в конфликты между разными странами. Оно рассчитывает, что и японское правительство стремится к сохранению существующих отношений между обеими странами и что оно во всех своих действиях и распоряжениях будет учитывать ненарушимость интересов СССР»³⁸.

Реалистически мыслящие японские политики считали войну против СССР ловушкой для Японии, в которую хотели втянуть ее заинтересованные западные державы. В ответ на высказывание полпреда СССР А. А. Трояновского о том, что он считает не только войну между СССР и Японией, но и слухи о ней вредными для интересов обеих стран, что они распространяются и используются врагами СССР и Японии, адмирал Като сказал: «Это все дело американцев, иностранные (американские) круги хотят посорить Японию и СССР»³⁹.

Премьер-министр Сато 6 сентября 1932 г. также подчеркнул, что слухи о

японо-советской войне распространялись американскими агентами. Об этом говорили полпреду СССР шведский поверенный в делах в Токио Састерваль и представитель германской прессы Штернберг. Последний утверждал даже, что в случае войны Японии против СССР США будут финансировать Японию. Сотрудники американского посольства в Токио и американские круги открыто говорили о неизбежности войны между Японией и СССР.

Коммунистическая партия и Советское правительство проявляли надлежащую бдительность, не позволяя втянуть СССР в конфликт, который провоцировала международная реакция.

В 1931 г. в связи с напряженным положением на маньчжурско-советской границе СССР стал принимать срочные меры к укреплению обороны Советского Дальнего Востока.

³⁵ АВП СССР. Дневник полпреда СССР в Японии от 9 июня 1932 г.

³⁶ АВП СССР. Дневник полпреда СССР в Японии от 17 августа 1932 г.

³⁷ АВП СССР. Запись беседы наркома по иностранным делам СССР с японским послом в Москве Хирота 19 ноября 1931 г.

³⁸ Известия, 1931, 21 ноября.

³⁹ АВП СССР. Дневник полпреда СССР в Японии от 9 июня 1932 г.

273

События в Маньчжурии были предметом пристального внимания Советского правительства. Руководящие деятели НКВД неоднократно приглашали японского посла для объяснений по поводу этих событий. 2 октября 1931 г. народный комиссар по иностранным делам заявил японскому послу, что японские военные власти действуют в тесном контакте с белогвардейщиной, в частности с белобандитским атаманом Семеновым, что это вызывает у Советского правительства и широких народных масс глубокое беспокойство⁴⁰.

31 декабря 1931 г. НКВД предложил заключить советско-японский пакт о ненападении. Было отмечено, что СССР уже имеет такие пакты с рядом государств, а с другими ведет переговоры, что СССР и Японии, как соседним государствам, подобный пакт необходим. В советском заявлении, сделанном тогда же министру иностранных дел Японии Иосидзава во время пребывания последнего в Москве, было указано, что заключение пакта имело бы большое международное значение, что пакт о ненападении был бы особенно кстати теперь, когда будущее японо-советских отношений является предметом спекуляций в Западной Европе и Америке. Подписание пакта положило бы конец этим спекуляциям.

Иосидзава сделал вид, что для него это предложение явилось неожиданным, хотя хорошо было известно, что Советское правительство такие предложения выдвигало еще в 1928 и 1930 гг.⁴¹

Переговоры о пакте длительное время вел полпред СССР в Токио А. А. Трояновский. Представители японского правительства всячески их затягивали. Для прикрытия своей истинной позиции японские реакционеры разглагольствовали о желательности заключения «союза» между Японией, СССР и Германией, направленного против англосаксов, или же союза между Японией, СССР и созданным японскими империалистами в Маньчжурии марионеточным «государством Маньчжоу-Го»⁴².

Японское правительство дало ответ на советское предложение только спустя целый год. 13 декабря 1932 г. оно отклонило предложение Советского правительства о заключении пакта под предлогом того, что Япония и СССР являются участниками многостороннего пакта Бриана — Келлога и это делает излишним заключение специального пакта о ненападении. В качестве другого предлога приводилось соображение о том, что «еще не созрел момент для заключения пакта о ненападении».

В дальнейшем Советское правительство вновь поднимало этот вопрос. Однако Япония, бесповоротно вступившая на путь агрессии и готовившая войну против Советского Союза, отклоняла

⁴⁰ АВП СССР. Запись беседы наркома по иностранным делам СССР с японским послом в Москве 13 октября 1931 г.

⁴¹ АВП СССР. Запись беседы наркома по иностранным делам СССР с министром иностранных дел Японии К. Иосидзавы от 31 декабря 1931 г.

⁴² АВП СССР. Дневник полпреда СССР в Японии от 14 апреля и 2 ноября 1932 г.

274

советские предложения. Таким образом, опасность возникновения японо-советской войны на Дальнем Востоке стала постоянным фактором. Только военная и экономическая мощь СССР заставила тогда японскую военщину воздержаться от нападения на него и на некоторый срок задержать дальнейшее расширение агрессии в Китае.

Горячие чувства симпатии советского народа и его правительства были всецело на стороне китайского народа, выступавшего против японской агрессии, за независимость и свободу своей родины. Между СССР и Временным центральным рабоче-крестьянским правительством, созданным на территории освобожденных районов Китая, развивались братские отношения, основывавшиеся на принципах пролетарского интернационализма. СССР постоянно оказывал большую помощь Коммунистической партии Китая и руководимым ею вооруженным силам.

Трудящиеся Китая требовали восстановления дипломатических отношений с СССР, разорванных в 1929 г. по вине китайских милитаристов, действовавших по наущению западных держав. Требования народных масс и опасность расширения японской агрессии в Китае вынудили нанкинское правительство пойти на восстановление отношений с СССР (обмен нотами состоялся 12 декабря 1932 г.). Этот важнейший акт с глубочайшим удовлетворением был встречен демократической общественностью Китая и советским народом ⁴³. Он содействовал укреплению связей между СССР и Китаем и послужил для китайского народа определенной политической поддержкой в его борьбе против японских захватчиков.

Учитывая непрекращавшиеся провокации японской военщины на КВЖД и желая лишить японских империалистов всякого повода спровоцировать войну против Советского Союза, последний в июне 1933 г. предложил Японии приобрести эту дорогу. 26 июня по этому вопросу начались переговоры, которые, однако, затянулись почти на два года. Только 23 марта 1935 г. было подписано соглашение о приобретении дороги властями Маньчжоу-Го за 140 млн. иен. Это было значительно меньше тех средств, которые в свое время были вложены русским правительством в строительство КВЖД.

*

Разразившийся в конце 1929 г. мировой экономической кризис положил конец капиталистической стабилизации. Последующие четыре года (1930—1933) характеризуются невиданным по глубине и силе кризисом, который проявился в огромном сокращении промышленного производства и массовой безработице, захватил сельское хозяйство, привёл к распаду международной кредитной и денежной системы, сокращению мировой торговли,

⁴³ См.: *Катица М. С.* Советско-китайские отношения. М., 1958, с. 255.

275

прекращению репарационных платежей и платежей по военным долгам. Кризис вызвал резкое обострение классовой борьбы и межимпериалистических противоречий.

Экономический кризис усилил неравномерность развития, двойственную

капиталистической системе, ускорил процесс изменения в соотношении сил в лагере капитализма, подорвал всю систему империалистических договоров, которыми был закреплен передел мира, состоявшийся в результате первой мировой войны, содействовал приходу к власти в ряде стран фашистских партий и других наиболее агрессивных представителей монополистического капитала. Тем самым кризис ускорил возникновение новой, второй мировой войны.

На фоне всеобщего хозяйственного развала еще более ярко выделялись грандиозные успехи СССР, который в эти годы завершил постройку экономического фундамента социализма. На укрепление мощи Советской страны и позиций социализма империалисты отвечали новыми попытками сорвать или хотя бы затруднить экономическое развитие СССР.

Пытаясь выйти из экономического кризиса за счет СССР, главные империалистические державы развернули ожесточенную антисоветскую кампанию. Как отмечалось в решениях XVI съезда ВКП(б) в 1930 г., ненависть международной буржуазии к единственному в мире государству пролетарской диктатуры и его революционному влиянию выразилась в попытках организации экономической блокады, в борьбе против советского экспорта, в антисоветской кампании церковников, в бешеной клеветнической травле СССР в буржуазной и социал-демократической печати, в продолжавшейся подготовке войны против СССР.

Центральной задачей внешней политики СССР являлось, как и прежде, сохранение мира. В этот период миролюбивая внешняя политика СССР обеспечивала возможность успешного выполнения плана первой пятилетки — плана социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства.

В годы первой пятилетки для СССР было особенно важно сделать все возможное для ускорения темпов индустриализации страны. «Считая необходимым дальнейшее развитие экономических отношений СССР с капиталистическим миром на основе незыблемого сохранения *монополии внешней торговли* и. самое широкое использование техники передовых капиталистических стран для ускорения индустриализации СССР,— говорилось в резолюции XVI съезда ВКП(б),— съезд подчеркивает все значение большевистских темпов социалистической индустриализации страны для обеспечения *экономической самостоятельности* СССР, для укрепления обороноспособности пролетарского государства и отпора всяким попыткам интервенции со стороны международного империализма»⁴⁴.

⁴⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970, т. 4, с. 408—409.

276

В проведении индустриализации СССР важную роль играла и внешняя политика Советского правительства. Она должна была облегчить международные условия для скорейшей индустриализации — мир, а также беспрепятственное развитие торговых отношений. Внешняя торговля давала возможность закупать машины, оборудование, металлы, необходимые для скорейшего создания тяжелой промышленности. Этой цели, в частности, служили расширявшиеся торгово-экономические связи СССР с Германией и предоставление нового германского 300-миллионного кредита в апреле 1931 г., на основе которого успешно развивались советско-германские торгово-экономические отношения.

За годы первой пятилетки в Советском Союзе была создана мощная тяжелая промышленность: станкостроение, электротехническая, автомобильная промышленность, сельскохозяйственное машиностроение и т. д. Были построены такие гиганты социалистической промышленности, как завод

«Шарикоподшипник», Горьковский и Московский автозаводы, Харьковский и Сталинградский тракторные заводы, Кузнецкий металлургический комбинат и др. Выполнение Советским Союзом плана первой пятилетки привело к значительному укреплению его военно-промышленного потенциала и оборонной мощи. В результате этого еще выше поднялся международный авторитет СССР. С этим фактом был вынужден считаться весь капиталистический мир.

Советский Союз в 1929 г. успешно отразил нападение бело-китайских войск на его дальневосточные границы, организованное империалистами. Конфликт был ликвидирован заключением мирного соглашения, и, таким образом, еще раз восторжествовала миролюбивая политика СССР.

Заключенные вновь и возобновленные в 1929—1932 гг. пакты о ненападении и нейтралитете явились очередными ударами по поджигателям войны, по планам изоляции СССР и создания антисоветского блока. Эти акты существенным образом содействовали упрочению международного положения СССР. Оживление реваншистских тенденций в Германии заставило Францию пойти на улучшение отношений с Советским Союзом.

Резко возросла опасность войны на дальневосточных рубежах Советского Союза, оборона которых потребовала теперь большого внимания от Советского правительства и значительных средств.

Характеризуя внешнюю политику Советского Союза, ЦК ВКП(б) в своем Отчетном докладе XVII съезду партии отмечал, что в обстановке «предвоенной свистопляски, охватившей целый ряд стран, СССР продолжал стоять за эти годы твердо и непоколебимо на своих мирных позициях, борясь с угрозой войны, борясь за сохранение мира, идя навстречу тем странам, которые стоят так или иначе за сохранение мира, разоблачая и срывая маску с тех, кто подготавливает, провоцирует войну»⁴⁵.

⁴⁵ XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), 26 января — 10 февраля 1934 г. М., 1934, с. 13.

Х ГЛАВА

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СССР И ЕГО ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

в 1933—1937 гг.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОБСТАНОВКА В 1933-1937 гг.

Международные отношения этого периода характеризовались серьезными изменениями как в экономике, так и в политике государств капиталистической системы.

Не оправившись от сильнейших потрясений, вызванных мировым экономическим кризисом 1929—1933 гг., экономика капиталистических стран оказалась в состоянии длительного застоя. Продолжали обостряться все внутренние и внешние противоречия империализма. Сохранялась по-прежнему массовая безработица: только в США было около 10 млн. безработных. В странах капиталистического и колониального мира нарастал революционный подъем. В обстановке активизации рабочего и антиимпериалистического движения господствующие классы стали все чаще прибегать к силе, к террористическим методам управления, считая, что парламентарный режим не всегда может обеспечить сохранение капиталистической системы. Германские империалисты пошли на установление в стране фашистской диктатуры, передав власть в руки гитлеровской нацистской партии.

Буржуазия ряда других стран также переходила на путь фашизации государственного аппарата и ликвидации буржуазно-демократических свобод. В 1936 г. из 26 стран Европы только в 10 сохранились эти свободы, к тому же в значительно урезанном виде.

Германский национал-социализм был наиболее реакционной и агрессивной формой фашизма. Германский империализм, восстановивший к этому времени с помощью американских и английских кредитов свою экономическую мощь, открыто требовал нового передела мира. Агрессивная программа германского империализма, приспособленная к современным условиям, была изложена Гитлером в его книге «Майн кампф» («Моя борьба»), снискавшей мрачную славу библии людоедов, оправдывавшей и прославлявшей захват чужих земель с помощью оружия.

Гитлер откровенно писал: «Мы, национал-социалисты, сознательно отвергаем направление нашей внешней политики довоенного периода. Мы возобновляем движение в том направлении, в котором оно было приостановлено шестьсот лет тому назад. Мы пре-

278

кращаем извечный натиск германцев на юг и запад Европы и обращаем взор на земли на востоке. Мы, наконец, завершаем колониальную и торговую политику довоенных лет и переходим к территориальной политике будущего. Но если мы сегодня говорим о новых землях в Европе, то мы можем думать в первую очередь только о России и подчиненных ей окраинных государствах». Итак, немецко-фашистский империализм открыто заявил о своих захватнических планах в отношении советских территорий. Заявления, а также речи Гитлера, произнесенные им после захвата власти,— все свидетельствовало о том, что внешнеполитическая программа, изложенная в «Майн кампф», была и осталась основным планом подготовки агрессии германского империализма против СССР и стран Восточной Европы.

3 февраля 1933 г. Гитлер во время секретной встречи с командующими всех родов вооруженных сил Германии, проходившей на квартире командующего сухопутными войсками генерала Хаммерштейна, подтвердил, что он будет осуществлять захваты чужих территорий. В частности, он заявил о необходимости «захвата нового жизненного пространства на Востоке и его беспощадной германизации»¹.

Выдвигая эту программу, гитлеровцы строили свои расчеты на том, что им удастся запугать реакционных государственных деятелей ведущих западных держав угрозой революции, якобы исходящей от Советского Союза. Объявив фашистскую Германию «бастионом» Запада против угрозы революции и коммунизма, гитлеровцы считали, что, играя на антагонизме между капиталистическим миром и социалистическим Советским Союзом, они добьются от западных держав не только аннулирования наложенных на Германию ограничений в области вооружений, но и получат от них помощь, когда начнут войну против СССР.

Это была провокационная политика игры на классовых противоречиях капиталистических государств в целях запугивания правящих классов призраком революции, политика игры на противоречии между капиталистическими странами и СССР.

Готовясь к войне, гитлеровская Германия вышла из Лиги наций и ускоренными темпами стала вооружаться. В марте 1935 г. она объявила о создании военной авиации; 16 марта 1935 г. в Германии был издан декрет о введении всеобщей воинской повинности. 7 марта 1936 г. Германия заявила об отказе от Локарнских соглашений и при отсутствии какого-либо сопротивления

со стороны Франции и Англии ввела свои войска в демилитаризованную Рейнскую зону, вплотную придвинув вермахт к границам Франции. Не довольствуясь отдельными мероприятиями по милитаризации экономики, гитлеровское правительство в сентябре 1936 г. объявило о введении в действие «четырёхлетнего плана»,

¹ Совершенно секретно! Только для командования!: Стратегия фашистской Германии в войне против СССР: Документы и материалы. М., 1967, с. 42-43.

279

главная цель которого заключалась в переводе всей экономики на военные рельсы.

Быстрыми темпами вооружалась и фашистская Италия, готовя вторжение в Эфиопию. Разрастался очаг войны и на Дальнем Востоке, где японские милитаристы наращивали темпы вооружений, подготавливая нападение на СССР и Китай.

В этой сложной и напряженной международной обстановке во враждебном капиталистическом окружении Советский Союз продолжал свою мирную созидательную работу по строительству нового социалистического общества, осуществляя весьма трудные задачи, поставленные партией перед страной во второй пятилетке (1933-1937 гг.).

В результате героического труда всего советского народа под руководством Коммунистической партии был досрочно выполнен второй пятилетний план развития народного хозяйства. Рабочий класс и все трудящиеся Советского Союза совершили невиданный в истории трудовой подвиг — в самый кратчайший срок без помощи извне превратили отсталую Россию в мощное передовое промышленное государство. В 1937 г. валовая продукция крупной промышленности выросла более чем в два раза по сравнению с 1932 г. и в восемь раз по сравнению с 1913 г. По объему промышленной продукции СССР занял первое место в Европе и второе в мире, уступая только США.

В эти годы была также завершена коллективизация сельского хозяйства, что означало победу социализма в деревне и ликвидацию кулачества — последнего в стране капиталистического класса.

Индустриализация СССР, создание мощной тяжелой промышленности неразрывно связаны с укреплением обороноспособности страны, что имело решающее значение в деле обеспечения безопасности Советского Союза, а также неуклонного роста его международного веса и влияния.

Исторические достижения Советского Союза получили законодательное закрепление в новой Советской Конституции, принятой в 1936 г. Она гарантировала советским гражданам право на труд, отдых, образование, материальное обеспечение в старости и т. д. Это была самая демократическая конституция в мире. Она воодушевляла рабочий класс капиталистических стран на борьбу за свои права, против наступления капитала, фашизма и реакции.

1933 год являлся переломным во взаимоотношениях Советского государства с государствами капиталистической системы. Эти отношения вступили в новую фазу, что было обусловлено прежде всего экономическими успехами и ростом веса и авторитета СССР на международной арене, а также серьезными изменениями внутри самого капиталистического лагеря вследствие появления группы агрессивных фашистских государств во главе с Германией, открыто вступивших на путь подготовки войны с целью нового передела мира.

Вопросы организации борьбы с фашизмом и угрозой империалистической войны обстоятельно обсуждались на XIII пленуме

280

Исполкома Коминтерна, состоявшемся 28 ноября — 12 декабря 1933 г. Пленум ИККИ одобрил тезисы «Фашизм, опасность войны и задачи коммунистических

партий»². В них была дана характеристика фашизма как открытой террористической диктатуры наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала. Фашистская Германия характеризовалась как главный поджигатель войны в Европе. Коммунистическая партия видела угрозу надвигающейся новой империалистической войны и предупреждала о ней народы всего мира с трибуны XVII съезда, который отмечал, что межгосударственные империалистические противоречия достигли такой степени, что «создали почву для военных столкновений и поставили на очередь войну, как средство нового передела мира и сфер влияния в пользу более сильных государств»³.

В этих условиях для СССР и всех миролюбивых сил мира и прогресса становилась все более неотложной задача борьбы против угрозы новой войны, которую готовили фашистские агрессивные державы.

Этот вопрос и был главным в работе VII конгресса Коммунистического Интернационала, проходившего летом 1935 г. В работе конгресса участвовали представители компартий 65 стран. Основной доклад «Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса, против фашизма» сделал Г. М. Димитров. В заключительной речи на закрытии конгресса он подчеркнул важность объединения всех сил, выступающих против угрозы войны, за сохранение мира: «Сейчас за дело сохранения мира выступает не только рабочий класс, крестьянство и другие трудящиеся, но угнетенные нации и слабые народы, независимости которых угрожают новые войны... От степени осуществления и действия этого мирового фронта будет зависеть, сумеют ли в ближайшее время фашистские, империалистические поджигатели войны зажечь пожар новой империалистической войны или их злодейская рука будет отсечена топором могучего антивоенного фронта»⁴. Во всех докладах и резолюциях конгресса, которые вырабатывались коллективно, красной нитью проходила мысль о том, что успех борьбы против фашизма и угрозы новой войны зависит от того, удастся ли коммунистам объединить всех рабочих независимо от их партийной принадлежности в единый рабочий фронт, а также организовать широкий народный антифашистский фронт, равно как и единый антиимпериалистический фронт в колониальных и зависимых странах.

Обобщив имеющийся опыт, конгресс пришел к выводу о необходимости создания в ряде капиталистических стран правитель-

² XIII Пленум ИККИ. Стеногр. отчет. М., 1934, с. 4—18.

³ XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). 26 января — 10 февраля 1934 г. М., 1934, с. 10.

⁴ Димитров Г. В борьбе за единый фронт против фашизма и войны: Статьи и речи. 1935—1939 гг. М., 1939, с. 94.

ства единого рабочего и народного фронта, о поддержке коммунистами такого правительства и возможном участии в нем.

Доклады и резолюции VII конгресса явились боевой программой для всех компартий в их борьбе против фашизма и угрозы войны. Руководствуясь этой программой, коммунистические партии развернули активную деятельность по организации антифашистского Народного фронта. В ряде стран, в том числе в Испании, Франции и Чили были созданы правительства Народного фронта. Эти правительства на том этапе избавили свои страны от фашистской диктатуры. Политика народного фронта сыграла огромную роль в борьбе против фашизма и войны⁵.

Хотя японский империализм, захватив Маньчжурию, выступил в качестве зачинщика нового передела мира, тем не менее самым опасным империалистическим хищником являлся немецко-фашистский империализм. Как

отмечал в своем решении VII конгресс Коминтерна, «германский фашизм является главным поджигателем новой империалистической войны и выступает как ударный кулак международной контрреволюции»⁶. Германские фашисты стремятся «к гегемонии германского империализма в Европе, ставят вопрос об изменении европейских границ посредством войны, за счет своих соседей»⁷.

В материалах конгресса, а также в его резолюции особо говорилось о роли английского империализма в разжигании агрессивных антисоветских устремлений фашистских держав. «Англия,— как было записано в резолюции,— стремится... усилить антисоветские тенденции не только Германии, но и Японии и Польши»⁸. Поэтому конгресс предупреждал, что хотя «в данный момент обострение империалистических противоречий и затрудняет образование антисоветского блока, все же фашистские правительства и военные партии в капиталистических странах стремятся разрешить эти противоречия за счет отечества всех трудящихся, за счет Советского Союза. Опасность взрыва новой империалистической войны изо дня в день угрожает человечеству»⁹.

На конгрессе было также отмечено, что в результате успехов, достигнутых Советским Союзом в экономической области и укрепления его оборонной мощи, взаимоотношения Советского государства с капиталистическими странами вступили в новую фазу, хотя «основное противоречие между социалистическим и капиталистическим миром еще более обострилось»¹⁰.

⁵ Подробнее см.: Пономарев Б. Н. Идеи наследие Г. Димитрова и современность.— Коммунист, 1972, № 9, с. 21—22; а также вступительное слово М. А. Суслова и доклад Б. Н. Пономарева на научной конференции, посвященной 40-летию VII конгресса Коминтерна: Коммунист, 1975, № 11, с. 3—28.

⁶ VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны: Сборник документов. М., 1975, с. 366.

⁷ Там же, с. 382.

⁸ Там же, с. 383.

⁹ Там же, с. 384.

¹⁰ Там же, с. 385.

282

Угроза нападения на Советский Союз продолжала существовать и даже возрастала вследствие того, что агрессивные державы во главе с Германией не только наращивали свои вооружения, но и, пользуясь попустительством со стороны ведущих западных держав (Англии, США и Франции), осуществляли акты агрессии, захватывая чужие территории. Так, после захвата Японией Маньчжурии Италия вторглась в Эфиопию и превратила ее в колонию, а затем последовала германо-итальянская интервенция в Испании с целью свержения республиканского правительства Народного фронта.

Президиум Исполкома Коминтерна отмечал в своем постановлении от 1 апреля 1936 г., что фашизм «перерос в прямую военную угрозу для стран всего мира» и что «поджигатели войны с запада и востока, всемерно поддерживая агрессивные планы друг друга, угрожают вовлечь в беспощадную, разорительную войну страны всего мира»¹¹.

Должную оценку эта политика получила и в докладе М. И. Калинина 6 ноября 1936 г. на торжественном заседании Моссовета. В нем отмечалось, что фашистские агрессивные державы «вели и ведут крайне вызывающую внешнюю политику, сознательно обостряя и создавая напряженное состояние в международных отношениях, особенно заостряя эту политику против Советского Союза... Их целью является желание сколотить общефашистский международный фронт»¹². Этот «общефашистский фронт» или блок складывался постепенно. Его начало было положено созданием так называемой «оси Берлин — Рим», т. е. соглашением между Германией и Италией, достигнутым в 1936 г. Несколько позже — в ноябре 1936 г. состоялось подписание германо-японского договора,

названного для маскировки агрессивных целей его участников «антикоминтерновским пактом». Он имел секретное приложение, в котором говорилось, что обе страны будут координировать свою политику в отношении Советского Союза. По существу антикоминтерновский пакт был направлен как против СССР, так и против ведущих западных держав. Позже к антикоминтерновскому пакту присоединилась и Италия. Таким образом, этот пакт из двустороннего германо-японского соглашения превратился в союз трех агрессивных держав. Советское правительство расценило этот пакт как союз трех агрессивных держав в целях подготовки войны за передел мира. Так, в выступлении Председателя СНК СССР В. М. Молотова на VIII Чрезвычайном съезде Советов в конце ноября 1936 г. говорилось, что германо-итальянский пакт на деле похож на обычный союз империалистов, созданный для захватнических целей. «Мы должны прямо сказать, что не закрывали глаз на действительный характер этого соглашения. Нам понятна тревога за дело мира, вызванная этим

¹¹ Там же, с. 421.

¹² Правда 1936, 10 ноября.

283

соглашением во всех странах», — подчеркивалось в этом выступлении ¹³.

В своем выступлении на этом съезде нарком по иностранным делам М. М. Литвинов обратил внимание правительств западных держав на то, что фашистские государства проводят такую политику, которая ставит под угрозу безопасность Англии и Франции, и что фарс политики «невмешательства» обернется против ее творцов.

Что касается СССР, говорил нарком, то он не видит оснований менять курс своей политики, которая была, есть и будет политикой мира. «Он хочет этого мира для себя и для других народов и поэтому предлагает им свое сотрудничество. Он ждет от других не слов о мире, а действий по организации этого мира» ¹⁴. В тот же день «Правда» опубликовала передовицу «Внешняя политика СССР неизменна!», подтверждая таким образом верность ВКП(б) и Советского государства политике мира и его готовность защищать этот мир объединенными усилиями всех миролюбивых держав.

Советский Союз делал все, чтобы показать опасность для дела мира, исходившую от агрессивных держав, объединявшихся с явно захватническими целями.

Характеризуя активную мирную политику Советского государства, Председатель Президиума ЦИК СССР М. И. Калинин говорил: «В этом году еще и еще раз доказано, что ваша внешняя политика принципиальна, последовательна и своей целью, как и раньше, ставит развитие и укрепление мирных отношений между всеми странами. Мы считаем, — подчеркивал М. И. Калинин, — что это одна из самых важных задач международной политики, в которой кровно заинтересованы народные массы. Несмотря на ожесточенное сопротивление сторонников насилия, эта политика все больше и больше завоевывает и сплачивает защитников мира во всех странах» ¹⁵. Однако это вовсе не означало ослабление угрозы войны. Как подчеркивал тогда же М. И. Калинин, «предвоенные тучи все больше сгущаются».

Опасность войны становилась все явственнее и ощутимее.

Коммунистическая партия Советского Союза обратилась к советскому народу и международному рабочему классу с предупреждением об усиливающейся военной угрозе, опубликовав в новогоднем номере газеты «Правда» за 1937 г. передовую статью. «Историческое небо над 1937 годом покрыто тяжелыми штормовыми тучами, — говорилось в этой статье. — Фашистские страны готовят разбойничью войну... Другие буржуазные правительства в страхе перед крахом

цепляются, как за соломинку, за внешний покой и своим бездействием поощряют фашистский разбой»¹⁶.

¹³ Правда, 1936, 30 ноября.

¹⁴ Правда, 1936, 29 ноября.

¹⁵ Правда, 1936, 10 ноября.

¹⁶ Правда, 1937, 1 янв.

284

Вторжение Японии в Северный Китай подтверждало, какие последствия имела политика «невмешательства», проводимая Англией, США и Францией в отношении фашистских держав.

Об усилении угрозы войны неоднократно предупреждал Исполком Коминтерна. Так, генеральный секретарь Исполкома Г. М. Димитров писал в 1937 г.: «Под флагом борьбы против Коминтерна, против «красной опасности» германские, итальянские и японские грабители путем частичных войн стараются захватить военно-стратегические позиции, узловые пункты сухопутных и морских сообщений и источники сырья для военной промышленности в целях дальнейшего развязывания империалистической войны»¹⁷.

Эта империалистическая война уже фактически шла на двух континентах — в Европе и Азии. Характеризуя сложившуюся в то время международную обстановку, «Известия» писали: «Мир уже подожен с двух концов, а между тем поджигатели сговариваются о дальнейших действиях»¹⁸.

В течение 1937 г. международная обстановка еще более осложнилась вследствие политики попустительства агрессии, проводимой западными державами.

В Лондоне и Париже не хотели принимать советские предложения по организации коллективного отпора агрессии. Об этом и было вынуждено публично заявить Советское правительство в конце ноября 1937 г.

Такое заявление было сделано наркомом иностранных дел в его речи 27 ноября 1937 г. В нем говорилось: «Мы при всех подходящих случаях, и даже тогда, когда интересы Советского Союза совершенно не были затронуты, подчеркивали нашу готовность участвовать, наравне с другими великими, а также малыми державами, в коллективном отпоре агрессору. Но коллектива для отпора пока нет»¹⁹.

В Лондоне и Париже считали, что Англия и Франция сумеют договориться с фашистской Германией. Опасные последствия этого курса видели даже некоторые буржуазные политики и журналисты. Так, например, известный французский журналист Эмиль Бюре в статье, опубликованной в газете «Орор», резко критиковал тех, кто поддерживал политику сговора с Германией под предлогом, что только таким образом можно избежать войны. Э. Бюре утверждал, что «опасность войны отступит на задний план, когда Англия, Франция и Советский Союз сговорятся для того, чтобы объединить вокруг себя все те страны, независимости которых угрожает Германия. Отнюдь не раньше этого. Красивые планы франко-германского сближения постигнет судьба всех прежних аналогичных планов»²⁰.

¹⁷ Димитров Г. М. Избр. произв. София, 1967, т. 1, с. 780.

¹⁸ Известия, 1937, 11 ноября.

¹⁹ Правда, 1937, 29 ноября.

²⁰ Цит. по: Правда, 1937, 24 дек.

285

Советская печать обращала внимание мировой общественности на пагубность проводимой правительствами западных держав политики сговора с агрессивными фашистскими державами. Так, например, «Правда», характеризуя политику Лондона и Парижа, подчеркивала, что «буржуазно-демократические державы Европы, идя навстречу требованиям агрессоров, добиваясь соглашения с ними,

сами подрывают веру малых стран в Лигу наций, в коллективную безопасность. Этим они играют на руку поджигателям войны, в то время как решительным отпором, организацией единого фронта мирных стран можно было бы без труда призвать к порядку обнаглевших захватчиков, которые отнюдь не так сильны, как они пытаются это изобразить»²¹.

Исполком Коммунистического Интернационала в лице его генерального секретаря Г. М. Димитрова также выступил с предупреждением об опасности грозящей человечеству новой войны. «Угроза новой мировой войны растет,— говорил он.— И эта война давно была бы налицо, если бы не было прежде всего такого фактора мира, как Советский Союз, если бы не складывался и не возрастал единый народный фронт против фашизма и войны в капиталистических странах»²².

К сожалению, все эти серьезные предупреждения не были приняты во внимание правительствами западных стран, которые продолжали проводить политику попустительства агрессивным странам, что неизбежно вело к усилению угрозы войны. «Обстановка накалена,— писала «Правда»,— обреченный капитализм ищет выхода на путях войны. Он уже воюет. Уходящий год был годом разнузданной агрессии фашистских хищников»²³.

БОРЬБА СССР ЗА СОХРАНЕНИЕ МИРА В УСЛОВИЯХ НАРАСТАНИЯ ВОЕННОЙ ОПАСНОСТИ

В сложной международной обстановке 1933—1937 гг. КПСС и Советское государство руководствовались в своей внешнеполитической деятельности теми установками, которые были намечены в Отчетном докладе ЦК ВКП(б) XVII съезду партии. Партия и правительство уделяли много внимания международной политике. Они обращались с предупреждениями об опасности надвигающейся войны не только к правительствам, но и международному рабочему классу, ко всем, кому был дорог мир. Используя все средства, СССР боролся с угрозой войны, идя навстречу тем странам, которые стояли за сохранение мира, разоблачал и срывал маску с тех, кто, прикрываясь фальшивыми разговорами о мире, на деле подготавливал и провоцировал войну.

СССР концентрировал свои усилия прежде всего на том, чтобы убедить правительства ведущих европейских держав — Анг-

²¹ Правда, 1937, 17 дек.

²² Правда, 1937, 11 дек.

²³ Правда, 1937, 31 дек.

лии и Франции в необходимости совместных действий по организации защиты мира против агрессии.

Однако в Лондоне и Париже не хотели прислушиваться к советским предупреждениям о грозящей опасности, надеясь на сговор с агрессивными державами.

Правящие круги Запада охотно прислушивались к воинственным антисоветским заявлениям германских фашистов и японских милитаристов, которые объявили себя «борцами против коммунизма» и призывали начать войну против Советского Союза в целях «уничтожения коммунизма».

Особое одобрение эти антисоветские планы находили в правящих кругах Великобритании. Они имели и свои собственные антисоветские планы, сводившиеся к тому, чтобы подорвать возросшее влияние СССР на международной арене, добиться его внешнеполитической изоляции, создав единый империалистический блок для борьбы против Советского государства. В

качестве конечной цели мыслились уничтожение в Советском Союзе социализма и реставрация капиталистического строя. Предполагалось, что этого можно будет достигнуть в союзе с фашистскими державами — Германией и Италией, а также Японией. Такие планы вынашивались среди наиболее реакционной части консервативной партии — т. н. «клайвденской клики», наиболее видными представителями которой являлись Н. Чемберлен, Д. Саймон, Кингсли Вуд, лорд Галифакс, Сэмюэль Хор и др. До 1934 г. политический курс этой группы поддерживал и У. Черчилль²⁴.

Теоретический и политический журнал ЦК ВКП(б) «Большевик» в конце 1933 г. писал о целях этой группировки: «План английских твердолобых рассчитан на то, чтобы, втянув в войну с СССР сначала Японию, создать обстановку, которая должна показать другим империалистическим державам, что интервенция против СССР с Запада такая легкая вещь и обещает такой успех, что есть смысл образовать единый империалистический фронт против СССР»²⁵.

Вскрывая подоплеку антисоветской политики Великобритании, VII конгресс Коминтерна указывал, что «требование борьбы за сохранение своей колониальной гегемонии против революции, против национально-освободительных движений остается и сегодня основной пружиной английской политики»²⁶.

Эта антисоветская тенденция, которая была тесно связана с линией на сговор с фашистской Германией, имела своей целью удовлетворить территориальные притязания последней за счет Советской страны. Это ясно проявилось в активной деятельности английской дипломатии, направленной на заключение «пакта че-

²⁴ Майский И. М. Кто помогал Гитлеру. Из воспоминаний советского посла. М., 1962, с. 35, 54—59, 61, 63—64.

²⁵ Большевик, 1933, № 11, с. 10.

²⁶ VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны, с. 247.

тырех». Его существо заключалось в том, что Германия в качестве равноправной державы должна была вместе с Англией, Францией и Италией решать все вопросы европейской и мировой политики. Поэтому «пакт четырех» был «пактом согласия и сотрудничества». Это был новый вариант пресловутого «Священного союза» четырех держав, который вершил бы все международные дела без участия Советского Союза. Более того, пакт имел явную антисоветскую направленность, поскольку создание замкнутой группировки означало внешнеполитическую изоляцию СССР, отстранение его от участия в решении вопросов европейской и мировой политики. Характеризуя «пакт четырех» как империалистический сговор против СССР, «Правда» писала: «Для трудящихся СССР и всего мира нет никаких сомнений, что «пакт четырех» был с самого начала предназначен для антисоветских целей... Господам твердолобым не удастся скрыть своего интервенционистского шила в дипломатическом мешке»²⁷.

Несмотря на провал «пакта четырех», основная его идея — организация союза Англии и Франции с фашистскими агрессивными державами — продолжала оставаться одной из важнейших внешнеполитических задач английской дипломатии вплоть до начала второй мировой войны.

Клайвденской клике противостояла другая группа английских политиков, выступавших за поддержание с СССР нормальных отношений и развитие торгово-экономических связей, в которых остро нуждалась британская экономика. Они считали, что Англия вместе с СССР и Францией должна противостоять фашистской Германии. Наиболее видными представителями этой линии являлись А. Дафф-Купер, Эмери, лорд Бивербрук, Ллойд-Джордж, с 1934 г. — У. Черчилль и др.²⁸

Крайняя неустойчивость англо-советских отношений в 1933—1937 гг. была обусловлена острой борьбой в правящих кругах Великобритании за определение курса английской политики в отношении СССР и фашистской Германии.

Отмена эмбарго на ввоз советских товаров в Англию в 1933 г. свидетельствовала о том, что английское правительство было вынуждено считаться с требованием общественности страны и давлением умеренной группировки в правящих кругах. Об этом же свидетельствовал и визит в Москву лорда — хранителя печати

А. Идена в марте 1935 г. Идеи были приняты в Москве И. В. Сталиным и Председателем Совета Народных Комиссаров СССР

В. М. Молотовым.

В ходе бесед Идеи были вынуждены признать важность советских предложений о создании системы коллективной безопасности в Европе и в частности необходимость заключения Восточного пакта. Советские руководители обратили внимание Идена на

²⁷ Правда, 1933, 10 июня.

²⁸ Майский И. М. Указ. соч., с. 61—64.

288

агрессивный характер внешней политики фашистской Германии и наращивание ее вооружений.

С советской стороны неоднократно отмечалась важная роль Англии в сохранении мира в Европе и во всем мире. Отметим только одно высказывание И. В. Сталина, сделанное им в ответ на реплику Идена об огромных размерах Советского Союза и о маленьком острове, который называется Великобританией. «Да, маленький остров,— сказал И. В. Сталин,— но от него многое зависит. Вот если бы этот маленький остров сказал Германии: не дам тебе ни денег, ни сырья, ни металла,— мир в Европе был бы обеспечен»²⁹.

Подписанное в Москве англо-советское коммюнике об итогах этого визита обязывало обе страны проводить политику мира и коллективной безопасности и явилось определенным успехом активной и миролюбивой советской внешней политики.

Дальнейшие события показали, что это был лишь тактический ход английской дипломатии, имевшей своей целью оказать давление на гитлеровскую Германию и помешать франко-советскому сближению³⁰, а также успокоить общественное мнение Англии, которое требовало улучшения отношений с СССР.

Подготовка к войне, которую открыто вела фашистская Германия, не могла не вызвать тревоги и среди той части правящих кругов Запада, которые не были ослеплены антикоммунизмом и враждой к СССР настолько, чтобы потерять способность реально оценивать серьезность угрозы со стороны Германии. Об этом свидетельствуют, в частности, высказывания военного министра Англии Дафф-Купера, сделанные в беседе с полпредом СССР в Лондоне И. М. Майским 5 февраля 1936 г. Дафф-Купер признал опасность для Британии гитлеровской Германии, вставшей на путь систематического наращивания вооружений. Поэтому он говорил, что всякая уступка Германии в настоящий момент способна только усилить агрессивность Гитлера и что основной проблемой является создание крепкого фронта коллективной безопасности. Но Дафф-Купер хорошо знал, что его взгляды по этому вопросу не отражают мнения правительства и поэтому отрицательно ответил на вопрос полпреда о том, считает ли он возможным заключение между СССР и Англией договора о взаимной помощи. Он утверждал, что «британское общественное мнение сейчас еще не подготовлено к подобного рода акту»³¹.

Советский Союз видел, как росла опасность войны и неоднократно предлагал

свое сотрудничество тем капиталистическим странам, которые выступали за сохранение мира.

С высокой трибуны XVII съезда Коммунистическая партия заявила о стремлении СССР к миру и сотрудничеству, но вместе

²⁹ Документы внешней политики СССР. М., 1973, т. 18, с. 250—251.

³⁰ См.: Попов В. И. Дипломатические отношения между СССР и Англией. 1929—1939 гг. М., 1965, с. 191.

³¹ Документы внешней политики СССР. М., 1974, т. 19, с. 62—64.

289

с тем и серьезно предупредила тех, кто провоцировал войну: «Наша внешняя политика ясна, — говорилось в Отчетном докладе ЦК ВКП(б) съезду. — Она есть политика сохранения мира и усиления торговых отношений со всеми странами. СССР не думает угрожать кому бы то ни было... Мы стоим за мир и отстаиваем дело мира. Но мы не боимся угроз и готовы ответить ударом на удар поджигателей войны»³².

Руководство партии и правительство отдавали себе полный отчет в сложности международной обстановки, в которой оказалась Страна Советов в тридцатые годы. Они внимательно наблюдали за тем, как гитлеровская Германия лихорадочно вооружалась и осуществляла курс на резкое ухудшение отношений с СССР. Однако Гитлер и его дипломатия, несмотря на шумные антикоммунистические заявления и декларации, не могли решиться на войну с СССР до тех пор, пока не было осуществлено вооружение Германии, а для этого требовалось несколько лет.

Совершенно по-другому обстояло дело на Дальнем Востоке, где Япония в результате оккупации Маньчжурии стала фактически соседом СССР. С того времени территория Маньчжурии, где для маскировки было создано марионеточное государство «Маньчжоу-Го» во главе с Пу И, использовалась японской военщиной как удобный плацдарм для подготовки войны против СССР. Угроза войны со стороны Японии становилась для Страны Советов все более и более серьезной. Японский империализм рассчитывал, что в результате такой войны ему удастся захватить весь советский Дальний Восток.

В 1933 г. участились провокационные действия японо-маньчжурских властей на КВЖД, имевшие своей целью парализовать нормальную деятельность этой железнодорожной магистрали, принадлежавшей Советскому Союзу, и таким образом вынудить СССР либо отказаться от КВЖД, передав ее в качестве фактического подарка японским агрессорам, либо путем провоцирования конфликтов постепенно довести дело до японо-советской войны и захватить КВЖД силой. Росло также число японо-маньчжурских нарушений советской границы. Оценивая международную обстановку в 1933 г., зам. наркома по иностранным делам Л. М. Карахан 3 марта 1933 г. писал в ЦК ВКП(б): «Мне кажется, не может быть двух мнений, что наиболее идеальным выходом из кризиса и из создавшегося на Дальнем Востоке положения для САСШ и для других европейских держав была бы война между СССР и Японией. Нас будут втягивать и толкать на это...» Говоря о возможности войны и о том, что Соединенные Штаты, Англия, Франция и другие державы используют Лигу наций для мобилизации мирового общественного мнения против СССР, Л. М. Карахан приходил к следующему заключению: «В случае войны все нынешние резолюции, комбинации держав, антияпон-

³² XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). 26 января—10 февраля 1934 г., с. 14.

290

ский фронт — все это полетит к черту и останется лишь одна проблема — как использовать возникшую войну, чтобы выкарабкаться из кризиса и из

противоречий в капиталистическом мире за наш счет»³³.

Поэтому партия и правительство решили предупредить народы СССР, а также мировое общественное мнение об угрозе японского нападения на Советский Союз. Это предупреждение и было сделано в беседе Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина с корреспондентом «Нью-Йорк таймс» Дюранти 25 декабря 1933 г. В ходе беседы Сталин отметил опасность того, что воинствующие элементы могут взять верх в политике Японии. «В этом действительная опасность, и мы вынуждены готовиться к ней». «Мне кажется,— говорил далее И. В. Сталин,— что со стороны Японии будет неразумным, если она нападет на СССР»³⁴ Это недвусмысленное предупреждение показало любителям авантур в Японии, что Советский Союз видит грозящую ему опасность и готовится дать решительный отпор агрессору, если последний рискнет развязать против него войну.

Отмечая опасную напряженность советско-японских отношений, возникшую по вине японской стороны, нарком иностранных дел говорил на сессии ЦИК СССР 29 декабря 1933 г., что «эти отношения приковывают к себе внимание не только нашего Союза, но и всего мира, ибо политика Японии является сейчас самой темной грозовой тучей на международном политическом горизонте»³⁵.

Об опасности развязывания Японией военного конфликта на Дальнем Востоке было заявлено на XVII съезде ВКП(б)³⁶. Об этом же говорил нарком по иностранным делам СССР американскому послу 22 апреля 1934 г.: «Поскольку Япония не встречала препятствий на своем агрессивном пути до сих пор, мы, зная ее, были уверены, что она пойдет по этому пути и дальше»³⁷.

В отчете полпредства СССР в Токио японская политика в отношении Советского Союза характеризовалась следующим образом: «1933 год был одним из наиболее напряженных годов в советско-японских отношениях. Особенного напряжения эти отношения достигли осенью этого года, когда японцы сделали попытку фактически захватить в свои руки КВЖД и когда пропаганда войны с СССР со стороны японской военщины достигла наивысшего размера»³⁸. При этом полпредство подчеркивало, что Япония отказалась принять советские предложения о пакте о не-

³³ АВП СССР. Письмо зам. наркома по иностранным делам в ЦК ВКП(б) от 3 марта 1933 г.

³⁴ Документы внешней политики СССР. М., 1970, т. 16, с. 767.

³⁵ Там же, с. 793.

³⁶ XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), 26 января — 10 февраля 1934 г., с. 14.

³⁷ АВП СССР. Запись беседы наркома по иностранным делам СССР с послом США в Москве 22 апреля 1934 г.

³⁸ АВП СССР. Годовой доклад полпредства СССР в Японии за 1933 год.

291

нападении. Этот отказ объяснялся стремлением «Японии обеспечить себе возможность, шантажируя СССР угрозой войны, побудить Советское правительство пойти на уступки по основным японским требованиям к СССР (по рыболовству, концессиям, признанию Маньчжоу-Го, продаже КВЖД и пр.)», она не хотела «связывать себе руки пактом о ненападении на случай необходимости военного нападения на СССР»³⁹.

Политика Японии в отношении СССР была подчинена одной цели — создать максимально напряженную обстановку, которая дала бы возможность в подходящий момент начать против Советского Союза войну с использованием для этой цели оккупированной ею Маньчжурии.

Сочетание твердости в оказании отпора японской агрессии с конструктивной линией и необходимой дипломатической гибкостью в деле устранения источников споров и напряженности в отношениях с Японией особенно наглядно

проявилось в политике Советского правительства весной 1933 г., когда оно по собственной инициативе предложило японо-маньчжурской стороне начать переговоры о продаже КВЖД. Это советское предложение ослабило позиции сторонников войны в Японии и укрепило позиции тех сил, которые выступали за сохранение мирных отношений с Советской страной. Постоянная готовность СССР искать урегулирования спорных вопросов за столом переговоров помогала в те годы избежать войны с Японией.

После военного переворота в Японии в феврале 1936 г. отношения между Японией и СССР продолжали оставаться весьма напряженными. Характеризуя эти отношения, нарком по иностранным делам СССР в беседе с японским послом в Москве Сигемицу 8 и 9 декабря 1936 г. отмечал, что ни на одной границе СССР нет такого беспокойства, как на советско-маньчжурской. Особо надо выделить, подчеркивал нарком в заключение своей беседы, набеги на советские территории и упорный отказ Японии от заключения пакта о ненападении. Если к этому добавить агитацию и пропаганду в японской прессе, журналах и книгах в пользу экспансии Японии за счет СССР, то не приходится удивляться, что мы вынуждены были против воли, с большими материальными затратами, сосредоточить большие военные силы на Дальнем Востоке в целях самозащиты⁴⁰. В письме от 7 января 1937 г. полпреду в Японии зам. наркома иностранных дел Б. С. Стомоняков дал следующую характеристику политике Японии в отношении СССР: «Враждебность Японии к нам под влиянием японской военщины за истекший период продолжала расти. Это находит отражение во всех областях наших отношений с Японией»⁴¹.

³⁹ АВП СССР. Годовой доклад полпредства СССР в Японии за 1933 год.

⁴⁰ АВП СССР. Запись беседы наркома по иностранным делам с японским послом Сигемицу 8 и 9 декабря 1936 г.

⁴¹ АВП СССР. Письмо зам. наркома иностранных дел СССР советскому полпреду в Японии от 7 января 1937 г.

292

Политика Советского Союза в отношении Японии была определена в Отчетном докладе ЦК ВКП(б) XVII съезду партии. В нем, в частности, говорилось: «Мы будем и впредь настойчиво проводить политику мира и добиваться улучшения отношений с Японией, ибо мы хотим улучшения этих отношений»⁴².

Однако, чтобы добиться улучшения советско-японских отношений, надо было, чтобы не только СССР, но и Япония стремилась к этому. К сожалению, у японской стороны такого желания не было.

Руководство партии и Советское правительство учитывали коренные изменения международной обстановки, которые были обусловлены появлением группы фашистских агрессивных государств, ставивших своей задачей подготовку нового передела мира с помощью силы.

Советское правительство не сомневалось в том, что опасность войны касается в первую очередь Советского Союза, поскольку призывы империалистов двух крупнейших стран агрессивного блока — Германии и Японии к войне против Советского Союза и их стремление создать блок ряда реакционных и фашистских государств для подготовки и ведения такой войны пользовались поддержкой мировой реакции.

Однако выдающиеся успехи СССР в индустриализации, окончательная победа социализма, укрепление оборонной мощи Страны Советов, а также проводимая ею активная ленинская политика мира и борьба против фашизма — все это привело к укреплению международных позиций Советского Союза и росту его международного влияния. Именно в эти годы СССР превратился в важнейший фактор сохранения мира в Европе и во всем мире. «СССР является

главным оплотом мира,— писали «Известия» 1 августа 1935 г.— Это теперь признают не только сотни миллионов тружеников всех стран, но и те государства и партии буржуазии, которые на данном этапе мирового развития не заинтересованы в войне. СССР является главным оплотом мира не только в силу своей международно-политической линии, но и вследствие той реальной мощи, которая за этой линией стоит».

Советский Союз последовательно и настойчиво разоблачал захватнические планы фашистских держав, показывая, что эти агрессивные замыслы угрожают свободе и независимости многих европейских государств и народов. Эту деятельность ВКП(б) и Советского государства высоко оценил VII конгресс Коминтерна, отметив, что «мирная политика СССР не только расстроила планы империалистов, направленные к изоляции Советского Союза, но и заложила основу для его сотрудничества в деле сохранения мира с *малыми государствами*, для которых война, угрожая их независимости, представляет особую опасность, а также и с теми

⁴² XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). 26 января—10 февраля 1934 г., с. 14

293

государствами, которые в *данный момент* заинтересованы в сохранении мира»⁴³.

Реалистически мыслящие буржуазные государственные деятели все больше убеждались в том, что без участия СССР нельзя успешно решать крупнейшие вопросы европейской, а также мировой политики.

Весьма красноречиво подтверждает рост авторитета СССР во всем мире и такой факт, как установление целым рядом капиталистических государств дипломатических отношений с Советским Союзом. Прежде всего среди них надо назвать США.

Правящие круги США были самыми непримиримыми противниками Советского государства, они упорно отказывались от установления нормальных отношений с СССР даже тогда, когда все ведущие державы капиталистического мира признали СССР и стали поддерживать с ним нормальные отношения. Политика непризнания не была следствием какого-то случайного стечения неблагоприятных событий. Она не была обусловлена значительными материальными претензиями к Советскому правительству, связанными с революционным законодательством. Объяснялась эта политика США исключительно принципиальными соображениями: Америка «по существу, продолжала борьбу, провозглашенную всем капиталистическим миром после Октябрьской революции против новой, советской системы государства, поставившей себе целью создание социалистического общества. То была борьба против мирного сосуществования двух систем»⁴⁴.

Понадобилось целых 16 лет прежде чем США решились на признание СССР. Но шаг этот был вынужденным. В Вашингтоне все еще надеялись, что английская дипломатия сумеет договориться с германским и итальянским фашистскими диктаторами об организации антисоветского замкнутого блока, который мыслился в форме «пакта четырех». Правительство США относилось положительно к идее заключения этого пакта, что подтвердил итальянский посол в Москве в беседе с наркомом по иностранным делам 29 апреля 1933 г.: «Госдепартамент США сообщил,— сказал посол,— что американское правительство отнюдь не возражает против пакта четырех, а наоборот, следит с симпатией за переговорами, но не может само вмешиваться в них и вообще участвовать в разрешении европейских вопросов»⁴⁵.

Но «пакт четырех» провалился. Последовательная борьба СССР за мир снижала Советской стране широкое международное признание. Игнорировать

СССР при решении вопросов мировой политики стало уже невозможно. Именно этим и объясняется в первую очередь решение правительства США пересмотреть свое отношение к Советской державе.

⁴³ VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны, с. 385.

⁴⁴ Документы внешней политики СССР, т. 16, с. 786.

⁴⁵ АВП СССР. Запись беседы наркома по иностранным делам СССР с итальянским послом в Москве от 29 апреля 1933 г.

294

Это было знаменем времени.

В конце 1933 г. США не могли не видеть того, что такие агрессивные государства, как Германия и Япония, создают угрозу и для США. Особенно чувствительно задевал американские интересы на Дальнем Востоке агрессивный курс Японии, и это вынуждало правительство США искать контакты с СССР в вопросах дальневосточной политики.

Объясняя изменение политики США в отношении Советского Союза, государственный секретарь Хэлл писал в своих воспоминаниях: «Мир вступал в опасный период своего развития как в Европе, так и в Азии. Россия с течением времени могла оказать большую помощь в деле стабилизации положения, когда военная опасность становилась все более и более угрожающей»⁴⁶.

Правительству США приходилось считаться и с тем, что на протяжении 1932—1933 гг. в США развернулось мощное движение за нормализацию отношений с СССР, поддерживаемое деловыми кругами, для которых отсутствие нормальных отношений мешало развитию советско-американского делового сотрудничества и торговли. Свое практическое разрешение эта проблема получила только при президенте Ф. Рузвельте, который в своем послании от 10 октября 1933 г. Председателю ЦИК СССР М. И. Калинину изъявил готовность начать переговоры о нормализации отношений между США и СССР⁴⁷.

В ответном послании от 19 октября 1933 г. Председатель ЦИК отметил, что ненормальное положение, существующее в отношениях между СССР и США, неблагоприятно отражается не только на интересах заинтересованных государств, но и на общем международном положении. М. И. Калинин сообщил также, что американское предложение принимается советской стороной и для ведения переговоров назначен нарком по иностранным делам Литвинов⁴⁸. Итоги переговоров были зафиксированы в письмах, которыми обменялись 16 ноября 1933 г. Литвинов и Рузвельт⁴⁹. В них выражалась надежда, что «отношения, ныне установленные между нашими народами, смогут навсегда оставаться нормальными и дружественными и что наши народы впредь смогут сотрудничать ради своей взаимной пользы и ради сохранения мира во всем мире»⁵⁰.

В Отчетном докладе ЦК ВКП(б) XVII съезду партии восстановление нормальных отношений между СССР и Соединенными Штатами было охарактеризовано следующим образом: «Не может быть сомнения, что этот акт имеет серьезнейшее значение во всей системе международных отношений. Дело не только в том, что он поднимает шансы дела сохранения мира, улучшает отно-

⁴⁶ The Memoirs of Cordell Hull. New York, 1948, vol. 1, p. 297.

⁴⁷ Советско-американские отношения, 1919—1933 гг. М., 1934, с. 76.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же, с. 77.

⁵⁰ Там же.

295

шения между обеими странами, укрепляет торговые связи между ними и создает базу для взаимного сотрудничества. Дело в том, что он кладет веху между старым, когда ГАСНИ считались в различных странах оплотом для всяких антисоветских тенденций, и новым, когда этот оплот добровольно снят с дороги

ко взаимной выгоде обеих стран»⁵¹.

Нормализация политических отношений между СССР и США положительно сказалась и на развитии торгово-экономических связей. Немаловажное значение имело и заключение в 1937 г. советско-американского торгового соглашения, в основу которого был положен принцип наибольшего благоприятствования.

Важным событием в деле укрепления дружбы советского и американского народов явился беспримерный героический беспосадочный полет Чкалова, Байдукова и Белякова в Америку через Северный полюс летом 1937 г. Появление в США советских летчиков вызвало бурю восторга у простых американцев. На состоявшемся по этому случаю митинге в Нью-Йорке Чкалов заявил, что на крыльях советского самолета привез американцам привет и дружбу 170 миллионов советских людей. Советские летчики получили приветственную телеграмму от президента Ф. Рузвельта, а затем были приняты им⁵².

Однако решающее влияние на политику США оказывали те силы, которые являлись противниками сотрудничества США и СССР в деле защиты мира и отпора агрессии. Заявляя о невмешательстве в европейские дела и ссылаясь на закон о нейтралитете, принятый в 1935 г. Конгрессом США, Соединенные Штаты фактически не препятствовали фашистским державам совершать агрессивные акции против других стран и готовить войну за передел мира.

Об агрессивных планах гитлеровцев правительству Соединенных Штатов Америки было известно. Так, помощник государственного секретаря США Мессерсмит 11 октября 1937 г. писал, что гитлеровская Германия планирует захват Австрии и Чехословакии, установление господства Германии в Юго-Восточной Европе; захват Украины; изоляцию России; ослабление Франции путем расторжения ее союза с Россией; постепенное расчленение Британской империи; наконец, действия против США⁵³. И тем не менее Вашингтон одобрял политику «невмешательства», про-

⁵¹ XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). 26 января—10 февраля 1934 г., с. 14.

⁵² Спустя 88 лет жители г. Ванкувера, где приземлился краснокрылый АНТ-25, увековечили этот подвиг советских летчиков. На добровольные взносы они воздвигли монумент и создали парк имени Чкалова, н» открытие которого пригласили советских представителей, в том числе и экипаж АНТ-25 — героев Советского Союза Г. Ф. Байдукова, А. В. Белякова и сына Валерия Чкалова. Во время торжественного открытия мемориала (20 июня 1975 г.) все выступавшие подчеркивали необходимость сотрудничества между СССР и США. Чествование советских летчиков завершилось их приемом президентом США Д. Фордом.

⁵³ Foreign Relations of the United States, 1937, vol. 1, p. 140—145.

296

водившуюся Лондоном и Парижем, надеясь при этом на то, что «Франция, Англия и Америка смогут оставаться нейтральными, пока фашизм и коммунизм будут уничтожать друг друга»⁵⁴.

Большим успехом внешней политики СССР и его дипломатии было поддержание и развитие дружественных отношений со странами Востока — Афганистаном, Ираном и Турцией. Положительное влияние на улучшение советско-турецких отношений оказал визит в Турцию К. Е. Ворошилова и Л. М. Карахана, состоявшийся в конце 1933 г.

Событием большого международного значения явилось установление дипломатических отношений между СССР и Испанской Республикой. На протяжении 1933—1935 гг. Советский Союз установил дипломатические отношения также с Венгрией, Чехословакией, Румынией, Болгарией, Албанией, Бельгией и другими странами, что было убедительным подтверждением возрастания роли СССР в мировой политике.

И РАЗВИТИЮ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ СССР И КАПИТАЛИСТИЧЕСКИМИ СТРАНАМИ

Советское государство всегда считало, что лучшим средством укрепления мира является разоружение и поэтому оно внесло на Женевской конференции по разоружению свой проект всеобщего и полного разоружения, который был, однако, отклонен ведущими капиталистическими державами. После этого Советское правительство предприняло новые усилия для обеспечения безопасности народов: 6 февраля 1933 г. оно внесло на рассмотрение Женевской конференции свой проект декларации об определении нападающей стороны (агрессора).

Принятие предложенной СССР Декларации об определении агрессии максимально затруднило бы нападение одного государства на другое. Советский проект исходил из того, что важнейшее значение имеет вопрос о том, кто первым применил вооруженную силу, и считал несущественным, было ли совершено вооруженное нападение с объявлением или без объявления войны.

Пункт I проекта содержал четкое определение нападающей стороны: таковым является государство, если оно объявит войну другому государству, если его вооруженные силы, хотя бы и без объявления войны, вторгнутся на территорию другого государства, подвергнут воздушной бомбардировке территорию другого государства, или же совершат нападение на его морские суда, или же установят морскую блокаду берегов или портов другой страны⁵⁵. Весьма важное значение имел II пункт декларации:

«Никакие соображения политического, стратегического или экономического порядка, ни стремление к эксплуатации на тер-

⁵⁴ *Shuman F. L. Soviet Politic?. At Home and Abroad. New York, 1946, p. 282.*

⁵⁵ Документы внешней политики СССР, т. 16, с. 80.

297

ритории атакуемого государства естественных богатств или к получению всякого рода иных выгод или привилегий, так же как ни ссылка на значительные размеры вложений капитала или на другие особые интересы, могущие иметься на этой территории, ни отрицание за ней отличительных признаков государства, не могут служить оправданием нападения...»⁵⁶. В декларации также перечислялось более 16 наиболее типичных причин, которые не могли служить оправданием нападения⁵⁷.

Незамедлительное принятие советского проекта декларации соответствовало кровным интересам всех народов. Декларация могла и должна была явиться новым инструментом в борьбе миролюбивых сил за избавление человечества от угрозы кровопролитных конфликтов и упрочения международной безопасности.

Однако советский проект натолкнулся на более чем холодный прием ведущих капиталистических государств, среди которых Англия и Италия задавали тон. Именно английский представитель на конференции взял на себя инициативу критики советского проекта. В конце концов западным державам удалось не допустить немедленного принятия проекта и под предлогом передачи в комиссию Лиги наций фактически похоронить его.

Однако выступление Советского Союза на международной конференции с этим проектом сыграло большую роль в развитии движения за сохранение мира путем создания таких условий, которые бы исключали возможность безнаказанности нападения одной страны на другую. Советский Союз предложил народам средство сохранения мира. Мировая общественность по достоинству оценила эту важную акцию, назвав советский проект декларации «Хартией свободы народов».

Когда СССР окончательно убедился в невозможности добиться принятия декларации об определении агрессии на конференции по разоружению, он предпринял новые шаги, чтобы достичь этой же цели, хотя бы в ограниченном масштабе,— он предложил созвать конференцию пограничных и сопредельных с Советским Союзом стран, на которой рекомендовал обсудить проект декларации об определении нападающей стороны. Первоначально предложение было сделано наркомом по иностранным делам СССР при встрече с польским послом в Москве Лукасевичем 19 апреля 1933 г. Сославшись на сделанное СССР в Женеве предложение, которое в соответствии с существующей там процедурой будет рассматриваться длительное время, нарком заявил послу: «Поскольку Польша и другие наши соседи проявляли в Женеве интерес к нашему предложению, не согласились бы они собраться вместе с нами и подписать общий протокол о принятии ими на-

⁵⁶ Документы внешней политики СССР, т. 16, с. 81.

⁵⁷ Там же. См. также: История СССР с древнейших времен до наших дней.

Построение социализма в СССР в 1933—1941 гг. М., 1971, т. 9, с. 30—32;

Ситолс В. Я. Внешняя политика Советского Союза. 1933—1935 гг. М., 1980, с. 49—50.

298

шего определения агрессии». Это советское предложение имело своей целью содействовать укреплению доверия между СССР и соседними с ним странами. Эта акция СССР, как отмечал нарком, «явилась бы успокаивающим фактором в нынешней взбаламученной международной ситуации, а кроме того стимулировала бы Женеву к принятию затем нашего предложения»⁵⁸. Но польское правительство первоначально заняло отрицательную позицию в отношении советского предложения, так как в то время оно уже проводило курс на сближение с фашистской Германией. Однако Советское правительство продолжило переговоры по этому вопросу с другими соседними государствами. Велись они также и в Лондоне в июле 1933 г., когда там проходила международная экономическая конференция. Усилия СССР увенчались успехом: конвенцию об определении агрессора подписали Эстония, Латвия, Турция, Персия, Польша, Румыния, Афганистан, Чехословакия, Югославия и Литва. При подписании конвенции Советское правительство сделало заявление, что СССР «готов подписать аналогичные конвенции с любыми государствами независимо от их географического положения и ныне существующих с ними отношений»⁵⁹. Таким образом Советская страна еще раз продемонстрировала свое миролюбие и свое искреннее стремление содействовать укреплению мира. Позже эту конвенцию подписала также и Финляндия.

Свою борьбу в защиту мира и безопасности, за развитие международного сотрудничества Советское правительство продолжало и на международной экономической конференции в Лондоне, где оно выступило с новой инициативой.

На этот раз СССР предложил осуществить широкую программу, которая включала: 1) нормализацию отношений между СССР и капиталистическими странами на основе ленинского принципа мирного сосуществования и 2) развитие мирного экономического сотрудничества Советского Союза с капиталистическими государствами.

14 июня 1933 г. на заседании конференции советский представитель заявил, что СССР твердо и последовательно придерживается принципа мирного сосуществования с капиталистическими странами⁶⁰.

Учитывая тяжелое состояние экономики капиталистических стран, являвшееся следствием мирового экономического кризиса, а также принимая во внимание факт развернувшейся в результате этого настоящей беспощадной торговой войны, войны за рынки сбыта и источники сырья, СССР внес предложение заключить протокол об экономическом ненападении и

экономическом перемирии и мирном сотрудничестве государств с различными социально-экономическими системами ⁶¹.

⁵⁸ Документы внешней политики СССР, т. 16, с. 832.

⁵⁹ Известия, 1933, 5 июля.

⁶⁰ Документы внешней политики СССР, т. 16, с. 318.

⁶¹ Там же, с. 343—348.

299

Позже делегация СССР предложила также отменить мероприятия, которые имеют «характер экономической агрессии и дискриминации, как-то: специальные пошлины, установленные для товаров, происходящих из какой-либо одной страны, запрет или особые условия ввоза и вывоза из какой-либо страны и в страну и бойкот торговли какой-либо страной» ⁶².

В подтверждение своей готовности развивать экономическое сотрудничество с капиталистическими странами Советское правительство заявило, что при условии предоставления ему необходимых кредитов оно готово и «могло бы разместить в ближайшее время за границей заказов на сумму примерно в 1 млрд. долларов» ⁶³.

В свете этой конструктивной советской программы мира и развития делового сотрудничества особенно цинично выглядела политика фашистской Германии. Гитлеровское правительство обратилось к участникам конференции с меморандумом, который распространил министр хозяйства Германии Гутенберг. В меморандуме содержался призыв общими усилиями добиться ликвидации «революции и внутренней разрухи, которые нашли свою исходную точку в России», и заявление претензии на захват русских земель для расселения на них немцев ⁶⁴.

Эта программа германского фашизма прозвучала сигналом тревоги для европейских народов, так как свидетельствовала об агрессивных планах гитлеровской Германии. Однако, как показали дальнейшие события, это выступление с предложением организовать единый антисоветский блок из капиталистических государств для сокрушения Советского Союза не нашло отклика. Обстановка на конференции сложилась такая, что никто из ее участников не проявил желания обсуждать это гитлеровское предложение. Поэтому Берлин дал отбой — приказал «взять обратно» германский меморандум, объявив его личным творчеством самого Гутенберга. Гитлеровская дипломатия просчиталась, и ее акция еще больше подчеркнула конструктивный характер советской программы, ее подлинно миролюбивый характер. Предложения СССР о расширении и развитии торгово-экономических связей между Советским государством и капиталистическими странами на многосторонней основе отвечали коренным интересам всех стран и народов и потому они получили высокую оценку мировой общественности.

Развитие торгового обмена и экономического сотрудничества было важным, но не единственным средством для сохранения мира и укрепления безопасности народов.

Советское государство искало и находило и другие средства и возможности в борьбе за мир. Так, например, оно решило ис-

⁶² Документы внешней политики СССР, т. 16, с. 349.

⁶³ Известия, 1933, 24 июня.

⁶⁴ Documents on German Foreign Policy. 1918—1945. Series C The Third Reich: first phase. Vol I. 1933, January — October. Washington, 1957, p. 567.

300

пользовать в этих целях международную конференцию по разоружению, которая уже давно топталась в безвыходном тупике, и внесло предложение о том, чтобы конференция осудила пропаганду идей экспансии и агрессии, захвата чужих земель вооруженной силой ⁶⁵.

Принимая во внимание продолжающийся рост напряженности, Советский Союз предложил «превратить эту конференцию (по разоружению.— *Ред.*) в перманентную, периодически собирающуюся конференцию мира». По мнению Советского правительства, такая конференция «должна быть создана для предупреждения войны и ее тяжелых последствий. Она должна вырабатывать, расширять и совершенствовать методы укрепления безопасности, своевременно откликаться на предостережения о грядущих военных опасностях, на призывы о помощи, на SOS угрожаяемых государств и оказывать последним своевременную посильную помощь, будь то моральная, экономическая, финансовая или иная»⁶⁶.

Однако и это советское предложение не встретило поддержки правительств Англии, США и других капиталистических государств. Они похоронили его при помощи различного рода процедурных ухищрений.

В своей внешнеполитической деятельности партия и Советское правительство, руководствуясь незыблемым правилом «не ждать мира, а бороться за него», делали все возможное, чтобы добиться изоляции агрессоров, беспощадно срывая маски с тех, кто провоцировал военные конфликты, и разоблачая тех, кто под прикрытием ханжеских вздохов о мире на деле проповедовал непротивление агрессору и тем самым играл ему на руку. В этой битве за спасение мира Коммунистическая партия и Советское правительство использовали все возможности и средства, которыми располагала тогда Советская страна: свое возросшее влияние и престиж, дипломатию, прессу, радио. Советский Союз разъяснял народам, мировому общественному мнению, а также правительствам тех стран, которые были заинтересованы в сохранении мира, что спасти мир и преградить путь новой войне удастся только при условии, если все силы, выступающие за мир, объединятся и будут действовать сообща.

Чтобы сплотить всех сторонников мира, Советский Союз, не жалея сил, разоблачал фашистскую ложь, поддерживаемую империалистической реакцией, о том, будто бы миру угрожает не фашизм и война, а коммунизм, «борцами» против которого объявили себя фашистские агрессивные державы.

Партия и правительство, советская дипломатия и пресса неустанно разъясняли народам и мировому общественному мнению, что великий водораздел нашего времени идет не по линии «коммунизм или фашизм», а по линии «война или мир». Этот водо-

⁶⁵ Документы внешней политики СССР. М., 1971, т. 17, с. 356—357.

⁶⁶ Там же, с. 358—359.

301

раздел проходил через весь мир. СССР, его внешняя политика и дипломатия старались активизировать деятельность всех сил против войны и за укрепление мира. Именно поэтому Советское правительство выдвинуло тогда получившую международное признание всемирно известную формулу «мир неделим». Тезис о неделимости мира исходил из ленинского принципа мирного сосуществования государств различных социально-экономических систем.

СОВЕТСКАЯ ПРОГРАММА СОЗДАНИЯ СИСТЕМЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И БОРЬБА ЗА ЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ (1933—1935 гг.)

Советский Союз исходил из того, что полной гарантией сохранения мира является всеобщее и полное разоружение. Однако, поскольку советские предложения о всеобщем и полном разоружении были отклонены на Женевской конференции по разоружению, а проводимая фашистскими государствами гонка

вооружений набирала скорость, что и привело к усилению угрозы войны, ВКП(б) и Советское государство искали иные пути предотвращения войны и фашистской агрессии. В декабре 1933 г. ЦК ВКП(б) принял историческое постановление о развертывании борьбы за создание эффективной системы коллективной безопасности в Европе в целях сохранения мира и предотвращения агрессии⁶⁷. Ставя эту задачу, ВКП(б) и Советское государство исходили из принципа неделимости мира и необходимости его коллективной защиты. Советский Союз считал, что принцип коллективной безопасности является вполне реальным, практически осуществимым мероприятием по обеспечению безопасности всех народов. Поэтому он был приемлем как для Советской страны, так и для тех капиталистических стран, которые были заинтересованы в сохранении мира.

В соответствии с этим постановлением ЦК ВКП(б) Наркоминдел разработал развернутый план создания системы коллективной безопасности в Европе. 20 декабря этот план был одобрен Политбюро ЦК ВКП(б). В нем предлагалось, в частности, осуществление следующих мероприятий:

«1) СССР согласен на известных условиях вступить в Лигу наций.

2) СССР не возражает против того, чтобы в рамках Лиги наций заключить региональное соглашение о взаимной защите от агрессии со стороны Германии.

3) СССР согласен на участие в этом соглашении Бельгии, Франции, Чехословакии, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии или некоторых из этих стран, но с обязательным участием Франции и Польши.

⁶⁷ История второй мировой войны. 1939—1945. В 12-ти т. М., 1973, т. 1, с. 283.

302

4) Переговоры об уточнении обязательств будущей конвенции о взаимной защите могут начаться по представлении Францией, являющейся инициатором всего дела, проекта соглашения.

5) Независимо от обязательств по соглашению о взаимной защите участники соглашения должны обязаться оказывать друг другу дипломатическую, моральную и, по возможности, материальную помощь также в случае военного нападения, не предусмотренного самим соглашением, а также воздействовать соответствующим образом на свою прессу». Кроме того, в пункте 6 этого плана говорилось о необходимости внесения изменений в статьи 12 и 13 Устава Лиги, которые предусматривали обязательное третейское разбирательство. Советский Союз также возражал против второй части пункта I статьи 12 Устава Лиги наций, санкционировавшего войну для разрешения международных споров. Особо следует подчеркнуть в этом советском плане требование расового и национального равноправия для всех членов Лиги наций, которое составляло одно из важнейших положений ленинского учения по национальному вопросу. В заключение в документе говорилось: «СССР будет настаивать на восстановлении с ним нормальных отношений всеми остальными членами Лиги или, в крайнем случае, на включении в Устав Лиги или на проведении собранием Лиги постановления о том, что все члены Лиги считаются восстановившими между собою нормальные дипломатические отношения и взаимно признавшими друг друга»⁶⁸. Это предложение имело своей целью содействовать улучшению отношений между всеми государствами — членами Лиги и таким образом могло явиться значительным вкладом в укрепление дела мира и международного сотрудничества. Эти советские предложения вместе с предложением СССР, сделанным правительству США в ноябре 1933 г., о заключении регионального тихоокеанского пакта с участием Японии, США, СССР, Китая и др. государств⁶⁹, представляли собой целую программу мира, основанную на концепции неделимости мира, его сохранения и упрочения. В нем воплощались в жизнь принципы мирного сосуществования и сотрудничества СССР с

капиталистическими странами в деле защиты мира и организации коллективной безопасности, которая обеспечила бы всем равные права и безопасность и сняла бы угрозу нападения со стороны агрессивных держав.

В связи с этим предложением Советского правительства между СССР и Францией начались переговоры о заключении многостороннего регионального договора о взаимопомощи, который впоследствии получил название Восточного пакта. В интересах большего успеха дела СССР считал целесообразным предоставить Франции инициативу составления проекта Восточного пакта и его представления на рассмотрение возможным участникам это-

⁶⁸ Документы внешней политики СССР, т. 16, с. 876—877.

⁶⁹ Документы внешней политики СССР, т. 17, с. 659.

303

го регионального соглашения — Бельгии, Чехословакии, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии.

Изменения во внешней политике Франции, а также факт ухода из Лиги наций агрессивных государств — Германии и Японии, равно как и положительное отношение значительного числа государств — членов Лиги наций к вступлению в нее СССР, — все это свидетельствовало о том, что в этой организации создалась новая атмосфера. Поэтому СССР принял решение вступить в Лигу наций, имея в виду добиваться того, чтобы Лига стала центром притяжения всех стран, заинтересованных в сохранении мира путем организации его коллективной защиты от посягательств агрессоров. Впрочем, руководство Коммунистической партии и Советское правительство хорошо представляли себе, что и в Лиге, даже после выхода из нее Германии и Японии, все еще есть государства, не заинтересованные в действительной организации безопасности народов. Об этом убедительно говорит статья «СССР в борьбе за мир», опубликованная тогда в газете «Известия». В ней отмечалось, что Советское правительство и народы СССР «прекрасно отдают себе отчет в том, что одновременно не все государства, входящие в Лигу наций, будут действительно бороться за сохранение мира. Советский Союз вступает в Лигу наций именно для того, чтобы поддержать те державы, которые будут бороться за сохранение и укрепление мира»⁷⁰. 15 сентября 1934 г. в Москву от имени 30 государств поступило приглашение СССР вступить в Лигу наций. Советское правительство, ставящее организацию и укрепление мира основной задачей своей внешней политики и никогда не остававшееся глухим к предложениям международного сотрудничества в интересах мира, говорило в советском ответе, готово вступить в Лигу наций, заняв в ней подобающее ему место, и принять вытекающие из этого международные обязательства, отклоняя при этом какую-либо ответственность за решения Лиги наций, принятые до вхождения СССР в эту организацию⁷¹. 18 сентября СССР был принят в Лигу наций и получил постоянное место в Совете Лиги.

Вступление СССР в Лигу наций расширило возможности для усиления борьбы против угрозы войны. Опасность войны видели многие европейские народы. Доказательством этому и был «тот энтузиазм, с которым народы, национальной независимости которых угрожает национал-социализм, приветствуют все более активное и авторитетное участие Советского Союза в европейской политике, ибо внешнеполитическая активность СССР преграждает путь наступлению германских фашистов»⁷².

Оголтелая пропаганда германских нацистов, призывавших к реваншу, вызвала серьезную тревогу во Франции, являвшейся

⁷⁰ Известия, 1934, 20 сент.

⁷¹ Документы внешней политики СССР, т. 17, с. 588—589.

⁷² VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны, с.

ближайшим соседом Германии и не раз испытывавшей силу германской военной машины. Положение Франции еще более осложнялось и тем, что итальянский фашистский диктатор Муссолини объявил о своем стремлении установить безраздельное господство Италии в бассейне Средиземного моря. Недаром Муссолини называл Средиземное море «Маре нострум» («наше море»).

Итак, позициям Франции угрожали две фашистские державы — Германия и Италия. Но наиболее серьезная угроза исходила от Германии. Поэтому в Париже стали серьезно думать о том, как обезопасить страну от возможной немецко-фашистской агрессии. Легче всего это было сделать совместно с Советским Союзом, который к 1933 году превратился в страну, обладающую крупнейшим военно-экономическим потенциалом. Важное значение сближения с СССР для безопасности Франции понимали такие видные французские политические деятели, как Ж. Поль-Бонкур, Э. Эррио, Л. Барту, П. Кот и др. В конце 1933 г. в бытность Поль-Бонкура министром иностранных дел Франции и произошел решающий перелом во франко-советских отношениях в сторону сближения обеих стран. Этот перелом был закреплен в 1934 г., когда министром иностранных дел стал Л. Барту. В своем выступлении в парламенте в мае 1934 г. Л. Барту заявил, что французская политика стремится к сближению с СССР. В советской печати это заявление получило высокую оценку⁷³.

Осенью 1933 г. после того, как Германия открыто стала вооружаться и заявлять о своих территориальных притязаниях, Поль-Бонкур задумался над вопросом: как укрепить международные позиции Франции и нет ли возможности заключить союз с СССР в целях обороны от агрессии со стороны гитлеровской Германии. На эту тему он неоднократно вел беседы и с советским полпредом в Париже Довгалеvским, подчеркивая при этом желательность дополнения франко-советского пакта о ненападении и конвенции об определении агрессии пактом о взаимной помощи. Эту же мысль Поль-Бонкур высказал 31 октября 1933 г. в беседе с наркомом иностранных дел СССР. Он подчеркивал необходимость для СССР и Франции подумать о контрмерах в связи с вооружением и подготовкой фашистской Германии к войне. При этом он говорил о соглашении о взаимопомощи.

Искренне обеспокоенное судьбами сохранения мира и предотвращением гитлеровской агрессии в Европе, Советское правительство положительно отнеслось к этой идее Поль-Бонкура, но считало, что решение вопроса о безопасности следовало бы искать на более широкой общеевропейской основе. 28 декабря 1933 г. В. С. Довгалеvский передал Поль-Бонкуру предложения СССР о заключении регионального пакта о взаимной помощи на случай агрессии. Поль-Бонкур одобрительно отнесся к идее заключения такого пакта и даже взялся составить проект соответствующего договора.

⁷³ Правда, 1934, 28 мая.

Однако в переговоры внезапно вмешались весьма влиятельные антисоветские и прогерманские силы, стараниями которых в ущерб национальным интересам Франции советско-французские переговоры о пакте были приостановлены, а вместе с ними было заморожено и дело сближения Франции с СССР.

В феврале 1934 г. во Франции к власти пришло новое правительство, в котором пост министра иностранных дел получил Л. Барту. Он ясно представлял угрозу для Франции со стороны германского фашизма, высоко ценил роль СССР как фактора мира и потому был активным сторонником франко-советского сближения. Тем не менее переговоры о франко-советском пакте о взаимопомощи на первых порах не возобновлялись. Только 20 апреля 1934 г. Барту сообщил, что

правительство поручило ему продолжать переговоры с СССР по вопросу о пакте на базе предложений Поль-Бонкура.

В дальнейшем французы предложили во избежание упреков со стороны Германии в том, что планируемый пакт якобы имеет целью «окружение Германии», включить последнюю в число участников данного пакта. Барту хотел также дополнить Локарнские соглашения 1925 г. новыми статьями, которые учитывали бы советские предложения. Это и был проект т. н. «Восточного Локарно» или Восточный пакт. Он стал предметом обсуждения между СССР и Францией в мае и июне 1934 г.

27 июня 1934 г. проект Восточного пакта французское правительство передало англичанам. Правящие круги Англии не рискнули открыто выступить против него, но исподволь делали все, чтобы не допустить его заключения.

Следуя своей излюбленной тактике действовать за кулисами, английское правительство заявило, что оно готово поддержать идею заключения такого пакта при условии, чтобы гарантии, которые СССР и Франция взаимно предоставляли друг другу, были распространены и на Германию. А это означало, что Германия должна была стать участником пакта о взаимопомощи между СССР и Францией. Кроме того, Лондон потребовал согласия Франции на вооружение Германии.

Форин Оффис уверял, что согласие Германии на предложенное Восточное Локарно будет неизбежно зависеть от того, сможет ли быть достигнуто некоторое урегулирование вопроса вооружений. Французский посол в Лондоне Корбэн охарактеризовал позицию Англии в отношении Восточного пакта следующим образом: англичане вначале делали против французских предложений возражения двоякого рода. Первое возражение сводилось к тому, что англичане хотели связать воедино вопрос о пактах с вопросом о вооружении. Они намекали на то, что готовы будут поддержать пакт, если Франция пойдет на известные уступки в области вооружения Германии⁷⁴.

⁷⁴ Международная жизнь, 1963, № 6, с. 158.

306

Чтобы добиться согласия Англии на Восточный пакт, Советское правительство сообщило английскому 16 июля 1934 г., что оно не возражает против включения в гарантийное франко-советское соглашение Германии, равно как согласно и с тем, чтобы на последнюю распространялись гарантии как Франции, так и Советского Союза⁷⁵.

16 июля 1934 г. по поручению НКВД полпред СССР сообщил МИД Франции, что СССР не имеет возражений против включения Германии в Восточный пакт⁷⁶. Итак, участниками пакта должны были стать следующие страны Центральной и Восточной Европы: Польша, Чехословакия, Германия, Советский Союз, прибалтийские государства и Финляндия. Они обязывались взаимно гарантировать нерушимость границ и оказывать помощь государству — участнику пакта, подвергшемуся нападению, и не оказывать никакой помощи государству-агрессору. Кроме этого договора планировалось заключение отдельного пакта о взаимной помощи между СССР и Францией. Таким образом, Франция стала бы гарантом Восточного пакта, а Советский Союз наравне с Англией и Италией — гарантом Локарнского пакта 1925 г. Следовательно, заключение упомянутых двух пактов (Восточного и франко-советского) позволило бы ликвидировать антисоветскую направленность Локарнских соглашений и организовать в Европе систему коллективной защиты мира. Проект предусматривал также вступление СССР в Лигу наций.

Применяя тактику затяжек при помощи выдвижения различного рода условий, английское правительство стремилось не только к тому, чтобы похоронить Восточный пакт, но и удержать Францию от заключения

двустороннего франко-советского военного соглашения о союзе⁷⁷.

Советское правительство не питало иллюзий, что правительство Гитлера согласится участвовать в Восточном пакте, который ограничивал бы его свободу действий в развязывании агрессии.

Гитлеровская дипломатия действовала весьма осторожно, взяв на вооружение английскую дипломатическую тактику выжидания и маневрирования. Несмотря на то что Берлин еще в июле получил проект Восточного пакта, он дал ответ только 10 сентября. В германском меморандуме, датированном 8 сентября и переданном английскому правительству, говорилось, что германское правительство «не может участвовать в новых международных системах безопасности любого характера до тех пор, пока другие державы считают возможным еще оспаривать равноправие Германии в области вооружения»⁷⁸. В меморандуме далее говорилось, что Германия не заинтересована в советских и француз-

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Документы внешней политики СССР, т. 17, с. 479.

⁷⁷ Documents on British Foreign Policy 1919—1939, Second Series, vol. VI, p. 806.

⁷⁸ Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Washington, 1959, vol. a p. 397—398.

307

ских гарантиях и высказывается против заключения отдельного соглашения между Францией и СССР. Таким образом гитлеровская дипломатия ловко прикрыла отказ Германии от участия в Восточном пакте ссылками на неравноправное положение Германии в области вооружений.

Широко используя угрозы, шантаж и ложь, гитлеровцы вели шумную кампанию в пользу заключения двусторонних договоров. Предложения о заключении таких договоров Гитлер сделал Франции, Польше и другим соседним с Германией странам за исключением Литвы.

Разоблачение подоплеки фальшивого «миролюбия» фашистских правительств и их внезапной «приверженности» двусторонним договорам о ненападении было одной из важнейших задач советской внешней политики и дипломатии. «И то сказать,— говорил нарком иностранных дел,— двусторонние пакты о ненападении не всегда служат целям мира. Самое заведомо агрессивное государство может заключать пакты о ненападении с одними государствами, чтобы развязывать себе руки и обеспечить себе тыл или фланги для нападения на другие государства. Мы знаем примеры, когда государство, упорно отказываясь от заключения пакта о ненападении с одним соседом, с таким же упорством хочет навязать его другому соседу, действуя по принципу «Divide et impere» (разделяй и властвуй)»⁷⁹.

Позже, касаясь предлагавшихся Берлином пактов, нарком отмечал: раньше мы считали бы такие пакты желательными и будем, вероятно, считать их приемлемыми в случае провала переговоров о пакте взаимной помощи. Но, поскольку сейчас идея двусторонних пактов выдвигается в противовес пакту о взаимопомощи, необходимо занять отрицательную позицию.

Профашистское правительство Польши было одним из первых, кто ухватился за этого троянского коня гитлеровской дипломатии о двустороннем соглашении: оно дало согласие на заключение договора о ненападении с Германией в форме декларации, которая и была подписана 26 января 1934 г. Германо-польский пакт был первым крупным внешнеполитическим успехом гитлеровской дипломатии. Он положил начало выходу гитлеровской Германии из внешнеполитической изоляции, в которой она находилась с момента захвата власти в стране нацистами. Эта демонстрация «миролюбия» ровно ничего не стоила Гитлеру и ни к чему его не обязывала в отношении Польши, поскольку пакт не содержал формального признания Германией западной границы Польши. Следовательно, пакт не являлся

препятствием для предъявления Польше территориальных претензий со стороны Германии. Но в то же время заключение пакта привело к серьезному ослаблению системы французских союзов на Востоке, ослаблению внешнеполитических позиций Франции. Кроме того, пакт положил начало заключению гитлеровской Германией дву-

⁷⁹ Документы внешней политики СССР, т. 17, с. 430.

308

сторонних договоров с другими соседними государствами, которые рассматривались гитлеровской дипломатией как орудие подрыва усилий СССР, Франции и всех миролюбивых сил, боровшихся за организацию коллективной безопасности в Европе. Гитлеровцы не без оснований видели в коллективной безопасности главное препятствие своим агрессивным планам.

Итак, «этот пакт был нужен Гитлеру для того, говорилось в исторической справке «Фальсификаторы истории», чтобы расстроить ряды сторонников коллективной безопасности и показать на этом примере, что Европа нуждается не в коллективной безопасности, а в двусторонних соглашениях. Это давало возможность немецкому агрессору самому решать, на кого и когда произвести нападение. Несомненно, что немецко-польский пакт был первой серьезной брешью в здании коллективной безопасности»⁸⁰.

Договор с Польшей гитлеровцы использовали для расширения сети своих интриг. Непосредственным результатом этого договора было обострение угрозы чехословацким границам, независимости Чехословакии, усиление агрессивности германского фашизма и обострение австрийской проблемы⁸¹.

После подписания соглашения с Германией Польша еще больше усилила свою активность в проведении политики саботажа и срыва Восточного пакта. В польском меморандуме от 27 сентября 1934 г., направленном в Париж, говорилось, что Польша может присоединиться к Восточному пакту лишь при условии, если к нему присоединится и Германия. К тому же Польша заявляла, что отказывается принять на себя какие-либо обязательства в отношении Литвы и Чехословакии и что она предпочитает двусторонние договоры.

Заполучив себе союзника в лице тогдашнего польского правительства, гитлеровцы усилили свою подрывную деятельность. В стремлении не допустить создания системы коллективной безопасности с помощью объединения усилий всех государств для отпора агрессии, они не останавливались и перед убийством наиболее видных политических деятелей. Первой их жертвой был Л. Барту.

Устранение Барту привело к серьезному ослаблению во французском правительстве сторонников заключения Восточного пакта и сотрудничества с СССР.

Приход к власти во Франции правительства Фландена и передача портфеля министра иностранных дел П. Лавалю означали усиление в правительстве сторонников сговора с Германией и ослабление позиции сторонников франко-советского сближения. Лаваль не скрывал, что является убежденным сторонником сговора с фашистской Германией. Он считал, что Франция должна использовать переговоры о Восточном пакте для оказания давле-

⁸⁰ Фальсификаторы истории (историческая справка). М., 1948, с. 14.

⁸¹ VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны, с.

243.

309

ния на Гитлера, чтобы таким образом вынудить его пойти на соглашение с Францией. «Лаваль не скрывает,— говорил советский нарком французскому послу в Москве,— что его конечной целью является соглашение с Германией»⁸². Таким образом, Лаваль был весьма ненадежным партнером в борьбе Советского Союза за коллективную безопасность в Европе.

Чтобы покончить с сомнительными маневрами Лавалья, который хотел под прикрытием переговоров о коллективной безопасности договориться с Гитлером, Наркоминдел предложил подписать советско-французский протокол о том, что «каждое из этих двух государств обязуется не заключать никаких политических соглашений с Германией без предварительного совещания с другим правительством» и информировать друг друга о своих переговорах с представителями Германии, равно как и о всех политических предложениях, которые «ему будут сделаны со стороны Германии каким бы то ни было путем». В результате переговоров по этому вопросу СССР и Франция договорились о тексте соглашения, который и был подписан 5 декабря 1934 г.⁸³ Вскоре к этому соглашению присоединилась и Чехословакия.

В последующем Лаваль стал маневрировать и затягивать переговоры о Восточном пакте. Его отношение к этому пакту в значительной мере определяло позицию французского правительства в этом вопросе. Форин Оффис воспользовался назначением Лавалья, чтобы поскорее похоронить Восточный пакт, а также наладить двусторонние переговоры с гитлеровской Германией. Во время имевших место с 1 по 3 февраля 1935 г. в Лондоне англофранцузских переговоров английское правительство настойчиво убеждало французов отказаться от заключения Восточного пакта. Вместо него англичане предлагали заключить договор, который не содержал бы никаких обязательств, кроме обязательства консультации. Таким путем в Лондоне надеялись покончить с проектом договора, который создавал надежную основу для организации коллективной защиты мира и именно поэтому был отвергнут Гитлером.

В коммюнике об итогах лондонских переговоров заключение Восточного пакта Лондон и Париж поставили в зависимость от достижения «общего урегулирования» с Германией, которое включало и такой «деликатный вопрос», как довооружение Германии⁸⁴. Практически это и означало отказ от заключения пакта о взаимопомощи.

Обеспокоенное таким оборотом дел, Советское правительство 17 февраля дало указание своему полпреду в Лондоне заявить английскому правительству, что «советская общественность склонна считать Англию ответственной за упорное сопротивление

⁸² АВП СССР. Запись беседы наркома по иностранным делам с французским послом в Москве 13 декабря 1934 г.

⁸³ Документы внешней политики СССР, т. 17, с. 725—726.

⁸⁴ Survey of International Affairs. London, 1935, vol. 1, p. 122—123.

310

Германии установлению системы безопасности на востоке Европы»⁸⁵.

Чтобы еще раз подтвердить неизменность своей позиции в вопросе о заключении Восточного пакта, Советское правительство 20 февраля вручило английскому и французскому правительствам официальную декларацию, в которой подчеркивались актуальность и важное значение этого пакта. В ней, в частности, отмечалось, что «единственным средством противодействовать надвигающейся реальной опасности нового вооруженного столкновения народов является система региональных пактов, обеспечивающих взаимную помощь между теми государствами, которые искренне стремятся предотвратить эту опасность»⁸⁶. Советское правительство в то же время заявляло, что выдвигаемые с разных сторон новые схемы коллективной безопасности либо сознательно, либо бессознательно направлены к срыву уже готовых к осуществлению региональных пактов и не создают ничего нового, кроме платформы для длительной бесплодной международной дискуссии, выгодной лишь странам, противящимся действительному обеспечению безопасности в Европе.

Разоблачая маневры противников коллективной безопасности, правительство

Советской страны предпринимало усилия к тому, чтобы поскорее завершить переговоры о заключении Восточного пакта, рассматривая его заключение как создание прочной основы для объединения сил миролюбивых государств против возможной агрессии. Именно поэтому оно решило напомнить Идену в 1935 г., когда он прибыл с визитом в Москву, что СССР не собирается отказываться от пакта о взаимопомощи и возражает против заключения договора о ненападении, который предлагал тогда Гитлер.

«Но какая гарантия,— говорил тогда И. В. Сталин А. Идену,— что германское правительство, которое так легко рвет свои международные обязательства, станет соблюдать пакт о ненападении? Никакой гарантии нет. Поэтому мы не можем удовлетвориться лишь пактом о ненападении с Германией. Нам для обеспечения мира нужна более реальная гарантия, и такой реальной гарантией является лишь Восточный пакт взаимной помощи»⁸⁷. Советская сторона повторила еще раз, что СССР хотел бы, чтобы Германия тоже участвовала в Восточном пакте, поскольку Советский Союз желает также с ней иметь дружественные отношения. Что же касается выдвинутого Гитлером и поддержанного Англией требования вооружения Германии под прикрытием предоставления ей «равноправия» в этой области, то Идену было тогда заявлено, что Советское правительство считает, что «в настоящий момент нам нужно принять меры к тому, чтобы помешать Герма-

⁸⁵ Документы внешней политики СССР, т. 18, с. 112.

⁸⁶ Там же, с. 118.

⁸⁷ Там же, с. 248.

311

нии вооружиться»⁸⁸, потому что СССР не имел ни малейших сомнений в агрессивности гитлеровской Германии.

СССР неустанно предупреждал западные державы, что их политика попустительства вооружениям Германии может обернуться против них же. Эта мысль особенно ясно была выражена наркомом в беседе с А. Иденом 28 марта 1935 г. «Выдвигая в настоящее время на первый план восточную экспансию,— подчеркивал он,— Гитлер хочет поймать на удочку западные государства и добиться от них санкции его вооружений. Когда эти вооружения достигнут желательного для Гитлера уровня, пушки смогут начать стрелять совсем в другом направлении»⁸⁹.

Однако английское правительство, ослепленное враждой к Советскому социалистическому государству, не вняло этим серьезным предупреждениям. Оно не пересмотрело своего отрицательного отношения к созданию системы коллективной безопасности на европейском континенте. Более того, оно продолжало свою прежнюю линию, оказывая помощь Гитлеру в его стремлении не допустить заключения Восточного пакта, чтобы такой ценой склонить фашистского диктатора к соглашению с Англией. Таким образом, на Англии лежит значительная доля ответственности за провал Восточного пакта. Следует сказать, что уроки второй мировой войны не прошли даром для Идена. Об этом свидетельствуют его мемуары, где он задним числом вынужден признать, что «заключение Восточного пакта могло бы предотвратить гитлеровскую агрессию в отношении Чехословакии и избежать Мюнхена»⁹⁰.

Вопреки национальным интересам страны лондонский кабинет сделал все, чтобы провалить проект Восточного пакта. Более того, английское правительство вступило на путь достижения широкого англо-германского соглашения, начало которому было положено заключением англо-германского морского соглашения 1935 г.

ДОГОВОРЫ СССР О ВЗАИМНОЙ ПОМОЩИ С ФРАНЦИЕЙ И ЧЕХОСЛОВАКИЕЙ

Отказ Германии и Польши от участия в Восточном пакте, а также интриги Англии, направленные на срыв заключения этого пакта, сделали фактически невозможным его заключение. Советское правительство оказалось перед необходимостью предпринять новые шаги в деле организации коллективной защиты мира. С этой целью оно обратилось к Парижу с предложением вернуться к первоначальному проекту 1933 г., согласно которому предполагалось начать создание коллективной безопасности в Европе с заключения советско-французского договора о взаимной помощи. СССР был тогда твердо убежден в том, что «только

⁸⁸ Там же, с. 242.

⁸⁹ Документы внешней политики СССР, т. 18, с. 235.

⁹⁰ The Eden Memoirs. Facing the Dictators. London, 1962, p. 171.

312

пакты о взаимопомощи служат делу сохранения мира», поскольку в них могут участвовать все государства, заинтересованные в поддержании мира. При наличии такого пакта никто «не может считаться окруженным или подвергающимся какой-либо опасности, если только он разделяет стремление к миру остальных соучастников»⁹¹.

Оказавшись перед фактом все усиливавшейся угрозы агрессии со стороны фашистской Германии, которая в это время уже ввела всеобщую воинскую повинность и приступила к созданию военной авиации, французское правительство было вынуждено после некоторых колебаний подписать 2 мая 1935 г. договор о взаимной помощи с СССР⁹².

Согласно протоколу подписания СССР и Франция объявляли, что, как и прежде, считают желательным заключение регионального пакта о коллективной безопасности.

Советско-французский пакт гласил, что если один из его участников оказался бы под угрозой нападения какого-либо европейского государства, то Франция и СССР должны были немедленно консультироваться в целях принятия мер согласно статье 10 Устава Лиги наций, предусматривавшей взаимные гарантии территориальной целостности государств — членов Лиги.

Статья II пакта предусматривала, что в случае если Франция или СССР окажутся предметом невызванного нападения со стороны какого-либо европейского государства, то договаривающиеся стороны окажут друг другу немедленную помощь и поддержку, действуя применительно к статье 16 Устава, которая предусматривала меры военного характера.

В статье IV говорилось, что договор не может быть истолкован ни как ограничение обязанностей самой Лиги наций, ни как ограничение обязанностей СССР и Франции как ее членов. Согласно ст. V срок действия договора устанавливался в 5 лет⁹³.

В протоколе подписания стороны заявили, что они выполняют свои обязательства по данному пакту даже в том случае, если Совет Лиги не вынесет соответствующего решения. Было условлено, что обязательства помощи относятся лишь к случаю нападения на собственную территорию договаривающихся сторон.

Подписание советско-французского пакта о взаимной помощи явилось крупнейшим событием в международной жизни середины тридцатых годов. В результате его заключения выиграло дело мира в Европе, а также укрепилось военно-стратегическое положение Франции в отношении гитлеровского рейха,

который оказался перед фактом вести войну на два фронта в случае, если Германия напала бы на Францию или СССР.

Однако договор не предусматривал автоматизма действия обязательств о взаимопомощи, что, безусловно, снижало его значе-

⁹¹ Документы внешней политики СССР, т. 17, с. 430.

⁹² Документы внешней политики СССР, т. 18, с. 309—312.

⁹³ Там же, с. 310.

313

ние. К отрицательным последствиям следует отнести и то, что одновременно с договором не была заключена военная конвенция, в которой статьи пакта были бы воплощены в конкретные обязательства о формах, условиях и размерах военной помощи. Эти недостатки являлись результатом деятельности Лаваля, который сам признавался, что ему удалось свести советско-французский пакт о взаимопомощи к минимуму, так как он всячески старался ограничить объем обязательств по взаимной помощи и не отказался от мысли о соглашении с Гитлером.

Советско-французский договор мог сыграть большую роль в организации системы коллективной безопасности в Европе при условии, что Франция, как и СССР, положила бы его в основу своей политики в вопросе о европейской безопасности.

Состоявшееся 16 мая 1935 г. подписание советско-чехословацкого договора о взаимной помощи, казалось, подтверждало, что франко-советский договор заложил прочную основу в дело организации европейской безопасности. Фактически советско-чехословацкий договор отличался от франко-советского только одним условием, зафиксированным в пункте II протокола подписания. «Одновременно оба правительства признают,— говорилось в нем,— что обязательства взаимной помощи будут действовать между ними лишь поскольку при наличии условий, предусмотренных в настоящем договоре, помощь стороне — жертве нападения будет оказана со стороны Франции»⁹⁴. Такая весьма важная по своему значению оговорка была включена в протокол подписания по требованию Бенеша. «Он (т. е. Бенеш.— *Ред.*),— говорилось в инструкции чехословацкого МИД своим послам,— вставил в текст фразу, что обязательства пакта распространяются на нас лишь в том случае, если они распространяются на Францию. Тем самым он хотел предотвратить автоматическое действие пакта»⁹⁵. Таким образом, Бенеш и стоявшие за ним буржуазные круги заранее ограничили возможность оказания Чехословакии помощи со стороны СССР, равно как и чехословацкой помощи Советскому Союзу, поставив в качестве неременного и предварительного условия этой помощи помощь со стороны Франции. Несмотря на явную непоследовательность чехословацкого правительства, проявленную им в ходе переговоров о пакте взаимопомощи, Советское правительство приветствовало указанный пакт как начало нового этапа в отношениях между обеими странами.

Пакты о взаимной помощи между СССР и Францией, между СССР и Чехословакией являлись реализацией тех мероприятий по укреплению всеобщего мира, которые содержались в решении Политбюро ЦК ВКП(б) от 19 декабря 1933 г. Заключение этих пактов способствовало укреплению позиций миролюбивых государств, выступавших за организацию отпора агрессору.

⁹⁴ Документы внешней политики СССР, т. 18, с. 336.

⁹⁵ Внешняя политика Чехословакии, 1918—1939: Сборник статей. М., 1959, с. 366.

314

Заключенные Советским Союзом договоры о взаимной помощи с Францией и Чехословакией соответствовали главной линии развития мирной политики СССР, основы которой были определены Лениным. Это были важные внешнеполитические акты, направленные «на сплочение всех сил, какие только

можно привлечь в этот момент к активной защите мира»⁹⁶.

Договоры эти «укрепляли военно-стратегическое положение их участников и вынуждали фашистскую Германию, в случае агрессивных акций против той или иной страны, считаться с вероятностью войны на два фронта»⁹⁷. Наконец, имело немаловажное значение и то, что эти пакты укрепляли уверенность средних и малых государств в возможности сохранить мир и безопасность на европейском континенте путем заключения региональных пактов о взаимной помощи.

Конечно, европейский континент был важнейшим районом внешнеполитической активности СССР в тридцатые годы, поскольку именно Европа являлась тем местом, где находился политический центр мира и главный очаг военной опасности.

Вместе с тем СССР считал также весьма важным сохранение мира для народов Азии, где японская агрессия, поощряемая полной безнаказанностью ведущих западных держав, принимала угрожающие размеры. Поэтому Советский Союз выдвинул предложение о заключении регионального тихоокеанского пакта, чтобы коллективными усилиями сорвать захватнические замыслы японского милитаризма. Возможными участниками этого пакта были названы США, СССР, Китай и Япония. Предполагалось, что это мог быть пакт о ненападении и неоказании помощи агрессору. Предложение о заключении такого пакта было изложено наркомом по иностранным делам СССР Литвиновым в беседе с президентом Рузвельтом 16 ноября 1933 г. Рузвельт, как сообщал нарком, одобрил идею тихоокеанского пакта и сразу же поручил Буллиту, являвшемуся тогда специальным помощником госсекретаря, заняться этим вопросом и доложить ему⁹⁸. Советское правительство высказало тогда пожелание, чтобы предложение о заключении тихоокеанского пакта было выдвинуто правительством США, имея в виду, что это обстоятельство могло бы облегчить его осуществление. США предложили, чтобы в этом пакте кроме ранее названных участвовали Англия, Франция и Голландия. Но дальше этого дело не пошло, в чем сказалось решающее влияние тех сил, которые выступали против сотрудничества с Советским Союзом. Правительство США отказалось внести это предложение на рассмотрение правительств — возможных участников пакта. Уклончивая позиция США была использована прежде всего английским правительством, проводившим политику пот-

⁹⁶ VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны, с. 267.

⁹⁷ История второй мировой войны, 1939—1945, т. 1, с. 304.

⁹⁸ Документы внешней политики СССР, т. 18, с. 659.

315

ворствования японской агрессии. Лондон уклонился от ясного ответа на советское предложение о тихоокеанском пакте региональной безопасности. Что же касается США, то они вместо активной поддержки этого пакта встали на путь гонки морских вооружений, соревнуясь в этой области с Японией (на каждый японский корабль США стали строить три), будучи уверенными, что Япония не выдержит такого финансового бремени и проявит готовность договориться с Америкой.

На протяжении более четырех лет (с ноября 1933 до середины 1937 г.) СССР неоднократно предпринимал попытки склонить западные державы к заключению этого регионального пакта. Советское правительство также обращалось и к правительству Китая в надежде, что оно проявит активность в этом вопросе. Так, в беседе 11 марта 1937 г. с китайским послом в Москве нарком иностранных дел отмечал, что только заключение регионального тихоокеанского договора могло бы положить конец японской агрессии в Китае и обеспечить мир на Дальнем Востоке. При этом нарком заверил посла, что СССР положительно относится к идее такого пакта. Поэтому, говорил он, главная задача заключается в том, чтобы

получить согласие на пакт США и Англии⁹⁹.

Однако нанкинское гоминьдановское правительство, занятое больше поисками путей сговора с японскими агрессорами, чем организацией сил для их обуздания, отделялось общими разговорами. К середине 1937 г. вопрос о заключении тихоокеанского пакта зашел окончательно в тупик вследствие отрицательного отношения к нему правительства США. Как заявил президент США советскому полпреду А. А. Трояновскому в конце июня 1937 г., «пактам веры нет» и что действительной гарантией является только сильный военно-морской флот¹⁰⁰. Таким образом, несмотря на все усилия СССР, на Дальнем Востоке не удалось объединить силы для коллективной защиты мира.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СССР В ЛИГЕ НАЦИЙ И НА МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЯХ ПО ОРГАНИЗАЦИИ КОЛЛЕКТИВНОГО ОТПОРА ФАШИСТСКОЙ АГРЕССИИ

Пагубность политики попустительства агрессивным державам стала проявляться довольно скоро. Особенно вызывающе вело себя гитлеровское правительство, которое вопреки постановлениям Версальского договора в марте 1935 г. объявило о введении в Германии всеобщей воинской повинности. Действия гитлеровцев стали предметом обсуждения в апреле 1935 г. на чрезвычайной сессии Лиги наций.

⁹⁹ АВП СССР. Запись беседы наркома иностранных дел с китайским послом в Москве от 11 марта 1937 г.

¹⁰⁰ АВП СССР. Запись беседы полпреда СССР в США с Ф. Рузвельтом от 29 июня 1937 г.

316

При обсуждении этого вопроса представитель СССР выступил с решительным осуждением политики Германии, подчеркнув, что говорит от имени страны, которая не только не ответственна за Версальский договор, но и никогда не скрывала своего отрицательного отношения к нему в целом и к разоружению Германии в частности. Тем не менее СССР считает неправильной и опасной одностороннюю отмену этого договора, поскольку он, как и все члены Лиги наций, имеет дело с фактом нарушения международного договора. СССР, говорил советский представитель, придерживается принципа, что все государства должны соблюдать свои международные обязательства, «ибо одной из основ мира является соблюдение международных обязательств, имеющих непосредственное отношение к безопасности народов»¹⁰¹. Гитлеровская Германия, как отмечал советский представитель, под прикрытием демагогии о «равноправии» в области вооружений вела усиленную подготовку к агрессивной войне за передел мира. Признавая равное право всех народов на вооружение, говорил он, СССР вместе с тем считает, что «мы должны исходить из предположения, что это вооружение будет использовано исключительно в оборонительных целях, для защиты существующих границ и собственной безопасности». Однако что касается Германии, то германский фашизм вооружался для осуществления агрессивных захватнических планов, для «безграничного завоевания чужих территорий и уничтожения независимости целых государств»¹⁰². Для противодействия агрессии Лига наций должна сплотить силы всех государств и народов. Лига наций, говорил представитель СССР, должна стремиться к «созданию такого международного порядка, при котором максимально затруднилось бы нарушение мира»¹⁰³.

Руководствуясь принципами коллективной организации мира и отпора агрессии, СССР защищал также и Эфиопию, подвергшуюся нападению фашистской Италии 2 октября 1935 г. Он призывал Лигу наций применить на

практике экономические санкции против агрессора. Полпред СССР в Лондоне в беседе с министром иностранных дел С. Хором 6 ноября 1935 г. подчеркивал большое принципиальное значение санкций в деле пресечения новых актов агрессии: «Италия,— говорил он,— является агрессором, но это агрессор сравнительно слабый и не очень опасный для Европы. В той же Европе есть другие кандидаты в агрессоры, гораздо более сильные и опасные. Мы считаем чрезвычайно важным, чтобы на примере Италии был дан урок всем возможным агрессорам вообще. Решенные сейчас санкции должны явиться предостережением всякому будущему агрессору»¹⁰⁴.

¹⁰¹ Документы внешней политики СССР, т. 18, с. 290.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же, с. 291.

¹⁰⁴ АВП СССР. Запись беседы полпреда СССР в Англии с С. Хором от 6 ноября 1935 г.

317

В ноте от 22 ноября 1935 г. правительству Италии Советское правительство решительно осудило агрессию против Эфиопии, которая, как и другие, является полноправным государством, и что иная постановка вопроса означала бы «отрицание основ Лиги наций, отрицание коллективной организации безопасности, поощрение агрессии в дальнейшем и отрицание возможности проявления международной солидарности в деле сохранения и укрепления всеобщего мира, являющемся основой политики Советского правительства и ради которого оно вступило в Лигу наций»¹⁰⁵.

Однако ни одна из ведущих капиталистических держав не осудила агрессию Италии против Эфиопии. Более того, Англия и Франция развернули активную деятельность, чтобы не допустить применения против Италии экономических санкций. Они использовали вопрос о санкциях как средство для установления взаимопонимания с Муссолини и последующего их сближения.

Безнаказанность итальянского агрессора в Эфиопии имела далеко идущие последствия: она приободрила и другие агрессивные государства. Глядя на Англию и Францию, и другие государства уклонялись от введения санкций: одни из них не ввели эмбарго на продажу Италии оружия, другие — не применяли финансовый бойкот, а третьи — отказались запретить экспорт товаров. Дело с санкциями пошло вкривь и вкось. Этим и воспользовался итальянский фашизм, чтобы разбить плохо вооруженную армию Эфиопии, одной из первых испытавшую на себе всю тяжесть американского закона о «нейтралитете». Этот закон, запрещавший продажу оружия воюющим странам, ставил на одну доску агрессора и жертву агрессии. Италия располагала собственным мощным военным потенциалом и поэтому она вполне могла обойтись и собственным оружием. Следовательно, закон о «нейтралитете» ее задевал мало. Совершенно иначе обстояло дело с государством — жертвой агрессии, которое обычно было экономически слабее и не располагало в достаточном количестве собственным оружием. В этих условиях отказ ему в праве на покупку оружия обрекал его на неизбежное поражение. К тому же закон о «нейтралитете» не запрещал продажу воюющим странам стратегических материалов, и Италия продолжала их покупку в США. Следовательно, закон о «нейтралитете» был на руку фашистской Италии. Неспособность Лиги наций осуществить на деле свое решение о санкциях отразилась на ее авторитете: вера народов в Лигу была в значительной степени подорвана. Безнаказанность агрессии привела к росту международной напряженности.

С особой остротой эта напряженность чувствовалась в государствах, расположенных в районе Восточного Средиземноморья. Одним из таких государств была Турция. Она внесла предложение о созыве международной конференции для пересмотра

режима черноморских проливов (Босфор и Дарданеллы). СССР поддержал это предложение. 22 июня 1936 г. такая конференция открылась в швейцарском городе Монтре. В ней участвовали СССР, Великобритания, Франция, Турция, Болгария, Греция, Румыния, Югославия, Австралия и Япония.

Основная борьба на конференции развернулась между СССР и Англией. Последняя решительно возражала против пересмотра основных положений Лозаннской конвенции, открывавшей широкий доступ в Черное море военным кораблям нечерноморских держав. Советский Союз, защищавший интересы черноморских держав, требовал максимально ограничить доступ в Черное море военных судов других держав. Переговоры завершились 20 июля 1936 г. подписанием текста новой конвенции сроком на 20 лет ¹⁰⁶.

Эта конвенция ограничивала проход в Черное море военных кораблей нечерноморских держав в мирное время. Разрешался проход легких надводных кораблей. Общий тоннаж могущих одновременно находиться в Черном море кораблей нечерноморских держав ограничивался 30 тысячами тонн, а срок их пребывания — 21 днем. В военное время проход судов воюющих держав запрещался полностью. Итак, новая конвенция была более выгодна для черноморских держав, чем Лозаннская, но и она не обеспечивала необходимую безопасность черноморских держав, в том числе и Советского государства. Характеризуя итоги конференции, советский представитель отмечал, что она «признала, хотя, правда, в недостаточной еще степени, особые права черноморских стран в Черном море и в пользовании проливами, а также особое географическое положение Черного моря, к которому не совсем должны быть применимы общие понятия об абсолютной свободе морей» ¹⁰⁷.

Захват фашистской Италией Эфиопии привел к активизации всех противников мира и коллективной безопасности, которые под прикрытием разговоров о необходимости «укрепления Лиги наций» фактически добивались пересмотра Устава с целью удаления из него статьи 16 Устава, обязывавшей Лигу применять коллективные военные и экономические санкции к нарушителям мира.

Советский Союз предпринял новую попытку организовать коллективную защиту мира усилиями всех государств — членов Лиги наций при обсуждении в Совете Лиги наций в марте 1936 г. вопроса о нарушении Германией Локарнского договора, запрещавшего ввод немецких войск в демилитаризованную Рейнскую область. Советский представитель предупреждал, что если Лига наций не примет ясных решений об укреплении безопасности в Восточной Европе, то ее авторитет будет серьезно поколеблен. Однако Англия, а за ней и большинство членов Лиги не под-

¹⁰⁶ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1938, вып. 9, с. 61—78.

¹⁰⁷ Правда, 1936, 22 июля.

держали советские предложения о принятии коллективных мер против нарушения международных обязательств ¹⁰⁸.

Отражая нападки на Устав Лиги, СССР решительно выступал за то, чтобы в борьбе за мир более активно использовались имевшиеся в Уставе статьи о применении против агрессоров различных санкций, включая и военные. В августе 1936 г. СССР внес на рассмотрение Совета Лиги свои предложения по улучшению применения постановлений Устава, и прежде всего по упрощению процедуры вынесения решений о констатации факта нападения и о применении военных санкций против агрессора. О обо оговаривалось при этом применение военных санкций государствами — участниками договоров о взаимной

помощи¹⁰⁹. Центральное место в советских предложениях занимала идея региональных, а если необходимо, то и двусторонних пактов о взаимной помощи. При этом имелись в виду самые различные регионы, различных географических величин и очертаний, вплоть до целых континентов. Советский Союз предложил, чтобы Совет Лиги наций признал региональные договоры о взаимной помощи как дополнительную гарантию безопасности, относящуюся к Лиге наций. Еще ранее СССР высказался за то, чтобы «все континенты, а для начала хотя бы вся Европа, были покрыты сетью региональных пактов» и чтобы эти региональные пакты не заменяли Устава Лиги наций, а дополняли бы его¹¹⁰.

На состоявшемся в конце сентября 1936 г. пленуме Лиги наций Советский Союз призвал всех ее участников использовать устав и принципы Лиги для организации коллективной защиты мира. Сравнивая Лигу наций с блоком миролюбивых государств, советский представитель говорил: «Мы требуем лишь одного, а именно: чтобы этот блок действительно организовал взаимопомощь и прежде всего заблаговременно составил план действий, дабы не быть застигнутым врасплох, чтобы происходящей вне этого блока организации войны соответствовали эффективные действия по организации коллективного отпора»¹¹¹.

СССР призывал не делать никаких поблажек агрессорам и заклеил с трибуны Лиги политику захвата чужих территорий, презрения к международным обязательствам и насильственного передела мира¹¹².

Руководствуясь принципами неделимости мира и коллективной его защиты, отпора агрессии в любом ее проявлении, СССР принял участие в конференции по безопасности судоходства на Средиземном море, которая состоялась в Нионе в начале сентября 1937 г. Конференция эта занималась разработкой мер борьбы против агрессии фашистских держав на море. Представитель

¹⁰⁸ Известия, 1935, 18 апр.

¹⁰⁹ Документу внешней политики СССР, т. 19, с. 400.

¹¹⁰ Там же, с. 335.

¹¹¹ Там же, с. 441.

¹¹² Внешняя политика СССР: Сборник документов. М., 1946, т. 4 (1935— июль 1941 г.), с. 183—184.

320

СССР заявил на конференции, что Советское государство понимает в ней участие не только потому, что является средиземноморской державой, но также и потому, что «как крупнейшая держава, сознавая свои права и обязанности, заинтересована в сохранении международного порядка и мира и в борьбе против всех видов агрессии и международного произвола.

Выступая последовательным защитником идеи коллективной безопасности, Советское правительство не могло не отозваться на призыв к коллективной организации безопасности для мирного судоходства на водных путях и в особенности на такой важной международной водной артерии, как Средиземное море».

СССР активно участвовал в разработке всего комплекса мер, осуществление которых обеспечило безопасность судоходства. На конференции удалось выработать эффективное соглашение, осуществление которого должно было положить конец агрессивным акциям морских флотов фашистских держав. Советский представитель дал высокую оценку принятому соглашению, подчеркнув при этом, что оно «является частично осуществлением идеи коллективной безопасности, а также идеи региональных соглашений»¹¹⁴.

СССР И ГЕРМАНО-ИТАЛЬЯНСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В ИСПАНИИ

Победа в Испании в феврале 1936 г. партий Народного фронта и создание правительства Народного фронта, а также его первые прогрессивные реформы вызвали серьезную тревогу фашистских правительств Германии и Италии.

Еще большую злобу и ненависть в Берлине и Риме вызвало известие о победе партий Народного фронта во Франции на парламентских выборах 26 апреля и 3 мая 1936 г. Эта победа левых сил при активном участии коммунистов увенчалась созданием правительства, опиравшегося на Народный фронт и обязавшегося осуществить его программу.

Во главе этого правительства встал Леон Блюм — один из правых лидеров социалистической партии. На базе единства левых сил трудящиеся Франции смогли защитить демократические свободы, добились проведения важных социальных реформ. Победа Народного фронта имела для судеб Франции важное значение — она преградила фашизму путь к власти.

Однако обострение борьбы по вопросам внутренней и внешней политики привело к распаду Народного фронта. Французская реакция во главе с 200 самыми богатыми семьями повела решительное наступление с целью добиться отмены завоеваний трудящихся, прикрываясь шумной инспирированной ею же в печати лживой кампанией об «угрозе коммунизма». Эта подрывная дея-

¹¹³ Там же, с. 296.

¹¹⁴ Там же, с. 299.

321

тельность французской реакции всячески поддерживалась нацистской пропагандой.

Реакционные силы Испании не могли примириться с потерей власти и, поощряемые из Берлина и Рима, стали готовиться к свержению законного республиканского правительства Народного фронта. При активной германо-итальянской поддержке реакционная офицерская клика во главе с генералом Франко подняла военный мятеж против правительства. Пользуясь политикой попустительства со стороны крупнейших империалистических держав, Гитлер и Муссолини организовали германо-итальянскую интервенцию в Испании. Они ставили целью свержение в Испании республиканского правительства Народного фронта и установление в ней фашистского режима Франко. Организуя фашистский мятеж, Гитлер и Муссолини думали не только о подавлении революции в Испании, но и преследовали дальнюю цель — перерезать коммуникации, связывавшие Англию и Францию с их колониальными владениями, а также создать угрозу Франции с тыла.

СССР, а также вся мировая прогрессивная общественность разоблачали этот заговор мировой реакции и призывали сделать все, чтобы сорвать его. Мощное народное движение в защиту испанской республики прокатилось по всей Европе и Америке.

Национальные интересы Франции, ее военная безопасность и программа Народного фронта требовали оказания немедленной помощи законному республиканскому правительству. Однако правительство Блюма игнорировало эту очевидную истину. В соответствии с требованиями реакционных сил оно изыскивало самые изощренные предлоги, чтобы уклониться от оказания помощи испанскому народу. Вместе с тем Блюм считал, что испанские события можно использовать для достижения сговора с фашистской Германией.

Чтобы продемонстрировать Гитлеру и Муссолини свое желание сговора с ними, правительство Блюма 25 июля 1936 г. приняло решение проводить политику нейтралитета в отношении Испании и запретило вывоз оружия в Испанию. Это означало, что законное республиканское правительство было лишено права закупки оружия в то время, как Германия и Италия осуществляли

широкие поставки оружия фашистским мятежникам.

Аналогичной была и позиция английского правительства, которое также искало подходящий предлог, чтобы уклониться от выполнения требования английского народа об оказании помощи испанской республике в ее борьбе против фашистских мятежников и стоявших за их спиной германо-итальянских интервентов. Лондон и Париж решили, что эту цель можно будет достигнуть, заключив соглашение о невмешательстве в испанские дела. Таким образом, была бы создана видимость стремления ограничить иностранное вмешательство в испанские дела. Прикрываясь этим соглашением, французское и английское правительства прекратили бы всякую помощь Испанской Республике, в то время как Гитлер

322

и Муссолини продолжали бы интервенцию под прикрытием лживых уверений о прекращении помощи или же оправдывая свое вмешательство ссылками на советскую помощь. 2 августа 1936 г. правительство Блюма, предварительно договорившись с Лондоном, предложило заключить соглашение о невмешательстве в дела Испании. Поскольку французское правительство заявило, что в этом соглашении будут участвовать Германия и Италия, Советский Союз изъявил свое согласие присоединиться к нему, чтобы с помощью такого договора добиться прекращения германо-итальянского вмешательства в испанские дела.

Для осуществления этого соглашения в Лондоне был создан Комитет по невмешательству под председательством лорда Плимута. Советским представителем в нем был назначен полпред СССР в Англии И. М. Майский. Первые два месяца деятельности этого комитета показали, что он ничего не делал, чтобы прекратить германо-итальянскую интервенцию и поставки оружия мятежникам генерала Франко. В то же время Англия и Франция воспользовались созданием этого комитета как подходящей ширмой, прикрываясь которой, они прекратили поставки оружия законному испанскому правительству.

Раскрывая подоплеку учреждения Комитета по невмешательству, заместитель наркома по иностранным делам СССР В. П. Потемкин писал 4 октября полпреду СССР в Лондоне: «Не только англичане, но и французы не хотели и не хотят оказать мадридскому правительству какую-либо реальную помощь. Они выступили с инициативой соглашения о невмешательстве для того, чтобы создать перед своим общественным мнением легальную базу для неоказания помощи»¹¹⁵.

Между тем германо-итальянская интервенция в Испании при явном попустительстве английского и французского правительств не только продолжалась, но и все более усиливалась, не говоря уже о помощи мятежникам Франко.

7 октября 1936 г. представитель СССР в комитете огласил заявление, в котором приводились многочисленные факты такой помощи мятежникам. В нем Советское правительство предупредило комитет, что «если не будут немедленно прекращены нарушения соглашения о невмешательстве, оно будет считать себя свободным от обязательств, вытекающих из соглашений»¹¹⁶.

23 октября 1936 г. представитель СССР сделал по поручению Советского правительства новое заявление в Комитете по невмешательству. В нем говорилось, что действия Германии и Италии, продолжающих интервенцию в Испании, превратили соглашение о невмешательстве «в пустую разорванную бумажку. Оно перестало фактически существовать». Исходя из этого, Советское правительство заявляло, что считает необходимым «вернуть прави-

¹¹⁵ АВП СССР. Письмо зам. наркома по иностранным делам СССР полпреду СССР в Лондоне от 4 октября 1936 г.

¹¹⁶ Внешняя политика СССР: Сборник документов, т. 4, с. 196.

тельству Испании права и возможности закупать оружие вне Испании, каковыми правами и возможностями пользуются теперь все правительства мира, а участникам соглашения предоставить право продавать или не продавать оружие Испании»¹¹⁷.

Спустя два дня нарком иностранных дел писал советскому представителю в Лондонском комитете по невмешательству о том, что «не существует никаких гарантий против дальнейшего снабжения военными материалами мятежных генералов. При таких обстоятельствах Советское правительство полагает, что впредь до создания таких гарантий и осуществления действительного контроля строгого выполнения обязательств о невмешательстве, те правительства, которые считают снабжение законного испанского правительства отвечающим нормам международного права, международного порядка и международной справедливости вправе не считать себя морально более связанными соглашением, чем правительства, снабжающие мятежников, вопреки соглашению»¹¹⁸. Характеризуя английскую и французскую политику как явное пособничество германо-итальянским интервентам, бельгийский сенатор Ролэн заявил 30 апреля 1937 г. на митинге в Лондоне, созванном английским комитетом сторонников республиканской Испании, что не может понять такую политику, которая жертвует интересами Англии и Франции. Этой антинациональной политике Ролэн противопоставил политику СССР, который активно помогал испанскому народу в его борьбе против фашистских мятежников. «Как объективный иностранец,— говорил сенатор,— я должен констатировать, что в Европе есть только одна держава, которая оказывает действительный отпор Германии и Италии — это Россия»¹¹⁹.

Политика правительства США в отношении республиканской Испании мало чем отличалась по существу от политики Лондона и Парижа. Распространив действие закона о нейтралитете и на те страны, где шла гражданская война, США серьезно осложнили положение испанского республиканского правительства, лишив его права закупать американское оружие. Более того, ссылаясь на этот закон, госдепартамент аннулировал ранее заключенные соглашения о покупке правительством Испании оружия в США. Что же касается мятежников генерала Франко, то у них было вполне достаточно оружия, которое поставляли им Германия и Италия.

Политика партии и Советского государства в отношении испанских событий была ясно изложена в телеграмме Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина секретарю ЦК КПИ Хозе Диасу 16 октября 1936 г.: «Трудящиеся Советского Союза выполняют лишь свой долг, оказывая посильную помощь революцион-

¹¹⁷ Внешняя политика СССР: Сборник документов, т. 4, с. 200.

¹¹⁸ АВП СССР. Письмо наркома по иностранным делам полпреду СССР в Лондоне от 25 октября 1936 г.

¹¹⁹ АВП СССР. Запись из дневника полпреда СССР в Лондоне.

324

ным массам Испании. Они отдают себе отчет, что освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а общее дело всего передового и прогрессивного человечества»¹²⁰.

Действуя в полном соответствии с нормами международного права и выполняя свой интернациональный долг, ВКП(б) и Советское государство оказывали борющемуся испанскому народу и законному правительству самую разнообразную помощь и поддержку.

В своем послании от 21 декабря 1936 г., адресованном главе республиканского правительства Испании Л. Кабальеро, Советское правительство подтвердило, что Советский Союз будет последовательно продолжать оказывать

испанскому народу всестороннюю бескорыстную помощь. В послании, в частности, говорилось: «Мы считали и считаем своим долгом, в пределах имеющихся у нас возможностей, прийти на помощь испанскому правительству, возглавляющему борьбу всех трудящихся, всей испанской демократии против военно-фашистской клики, являющейся агентурой международных фашистских сил»¹²¹.

На всем протяжении, вплоть до последнего дня существования республиканского режима в Испании, Советский Союз твердо выполнял свои обещания¹²². Об этом красноречиво свидетельствовали факты. Всего с октября 1936 г. по январь 1939 г. СССР поставил в Испанию: самолетов — 648, танков — 347, броневые автомобили — 60, орудий — 1186, пулеметов — 20 648, винтовок — 497 813, а также большое количество снарядов, патронов, пороха¹²³.

Осенью 1938 г. СССР предоставил республиканскому правительству Испании кредит на сумму 85 млн. долларов. По просьбе правительства Советский Союз направил в Испанию военных специалистов и советников, которые оказали огромную помощь в создании регулярной республиканской Народной армии, в подготовке и проведении важнейших операций против фашистских интервентов и мятежников. Помогали испанскому народу в его борьбе за свободу добровольцы из 54 стран мира, воевавшие в Испании в интернациональных бригадах. Всего в Испании сражалось свыше 42 000 антифашистов-добровольцев. Из них добровольцев из Советского Союза было около 3000, в том числе более 160 летчиков¹²⁴. Многие советские добровольцы прославились в боях своими ратными подвигами и около 200 из них пали смертью храбрых.

Вплоть до последних дней существования республиканской Испании Советское государство помогало республиканцам в их

¹²⁰ Правда, 1936, 16 окт.

¹²¹ Война и революция в Испании 1936—1939. М., 1968, т. 1, с. 419.

¹²² См.: История второй мировой войны. 1939—1945. М., 1974, т. 2, с. 54—55.

¹²³ Там же, с. 54.

¹²⁴ Там же, с. 55.

325

борьбе за свободу испанского народа. Характеризуя советскую помощь испанскому народу, Л. И. Брежнев говорил в 1967 г.: «Незабываема славная эпопея боевого братства с революционной Испанией. Наша страна пришла на помощь испанскому народу всем, чем могла,— от дипломатической поддержки и экономической помощи до личного вклада тысяч советских добровольцев, до последнего дня вместе с испанцами защищавших баррикады Барселоны и небо Мадрида»¹²⁵.

Но слишком неравны были силы. Только армия германо-итальянских интервентов насчитывала около 300 000 солдат и офицеров.

Германо-итальянские агрессоры использовали англо-французскую политику «невмешательства», которая на деле фактически способствовала удушению республики в Испании.

Характеризуя политику Англии, советский полпред в Лондоне писал 26 октября 1937 г., что «англичане вовсе не стремятся к полной эвакуации итапо-германских войск, ибо в этом случае победа испанского правительства стала бы несомненной, а такой победы они не хотят... Отсюда эта пресловутая формула «существенная эвакуация», которая даже в случае своей реализации оставила бы у Франко столько итальянцев и немцев, сколько необходимо, по мнению англичан, для предупреждения победы республиканцев»¹²⁶.

В борьбе за свободу и республику испанский народ, созданная им Народная армия, поддерживаемая добровольцами из многих стран, проявляли невиданный героизм, несли большие потери, но продолжали сражаться. Так, в боях в

результате германо-итальянских бомбардировок и репрессий на захваченных франкистами территориях погибло свыше 1 миллиона человек ¹²⁷.

Но в Лондоне и Париже закрывали глаза на все зверства германо-итальянских интервентов, и чтобы поскорее снять с повестки дня испанский вопрос, представители Англии и Франции в январе 1939 г. на 104 сессии Лиги наций, сбросив маску «невмешательства», выступили против применения в соответствии со ст. 16 Устава Лиги наций коллективных санкций против германо-итальянских агрессоров в Испании. Это означало предоставление агрессорам полной свободы в удушении Испанской Республики. После этого кто-то из присутствовавших на том заседании Лиги наций воскликнул: «Вы умертвили Испанию» ¹²⁸.

Предательство Испанской Республики явилось одним из важных этапов политики «умиротворения» фашистских агрессивных держав. Инициатором этих действий была Англия, которая ока-

¹²⁵ Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи. М., 1970, т. 2, с. 121.

¹²⁶ АВП СССР. Письмо полпреда СССР в Англии в НКВД СССР от 26 октября 1937 г.

¹²⁷ История второй мировой войны. 1939—1945, т. 2, с. 63.

¹²⁸ История дипломатии. 2-е изд. М., 1965, т. 3, с. 720.

326

зывала возраставшее влияние на политику многих государств, в том числе и Франции.

Приход к власти в Англии правительства Чемберлена означал, что английское правительство главной своей целью поставило достижение взаимопонимания с фашистскими государствами. Оно хотело заключить с ними широкое соглашение с целью не только изолировать СССР, но и направить против него немецко-фашистскую агрессию. Характеризуя эту политику, Ллойд-Джордж говорил 21 ноября 1937 г., что Чемберлен считает «самой важной задачей соглашение с Германией и Италией, ради которого он готов пожертвовать Испанией, Австрией, Чехословакией и многим другим» ¹²⁹.

БОРЬБА СССР ПРОТИВ ЯПОНСКОЙ АГРЕССИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Политика «умиротворения» германо-итальянских агрессоров поощряла и японских милитаристов. Последние все чаще провоцировали конфликты на дальневосточных границах СССР и МНР.

Советский Союз делал все возможное, чтобы эти конфликты локализовать, не давая им разрастаться до таких размеров, которые грозили бы превратиться в настоящую войну.

Движимое желанием добиться нормализации отношений с Японией, Советское правительство предложило ей заключить пакт о ненападении. Затем это предложение было повторено 4 января 1933 г. Однако в 1935 г. Япония дала отрицательный ответ, продолжая в то же время провоцировать напряженность на границах СССР и МНР. Только в течение 1935 г. было зарегистрировано 80 пограничных инцидентов. В 1936 г. советская пограничная охрана задержала 137 японских агентов ¹³⁰. В докладе Советского правительства на VII съезде Советов в 1935 г. отмечалось: СССР располагал сведениями о подготовке японского нападения на Монгольскую Народную Республику. Зная об этих замыслах и идя навстречу пожеланиям МНР о закреплении уз тесной дружбы обязательствами о взаимной помощи для отражения агрессии, правительства СССР и МНР еще 27 ноября 1934 г. заключили устное джентльменское соглашение о взаимной поддержке и взаимопомощи ¹³¹. Однако в Японии не сделали из этого должного вывода. Серьезные бои на монгольско-маньчжурской границе, спровоцированные японцами в феврале 1936 г., свидетельствовали о том, что над МНР нависла

угроза настоящей войны. Тогда же СССР сделал Японии серьезное предупреждение.

1 марта 1936 г. И. В. Сталин в беседе с председателем американского газетного объединения «Скрипс-Говард Ньюспейперс»

¹²⁹ АВП СССР. Запись беседы полпреда СССР в Лондоне с Ллойд-Джорджем от 21 ноября 1937 г.

¹³⁰ История второй мировой войны. 1939—1945 гг., т. 1, с. 103—104.

¹³¹ Дипломатический словарь. М., 1973, т. 3, с. 317.

327

Роем Говардом заявил, что «в случае, если Япония решится напасть на Монгольскую Народную Республику, покушаясь на ее независимость, нам придется помочь Монгольской Народной Республике». Он подчеркнул при этом: «Мы поможем МНР так же, как мы помогли ей в 1921 году»¹³². Тесные союзные отношения между СССР и МНР были оформлены официальным протоколом, подписанным 12 марта 1936 г. и опубликованным тогда же в печати¹³³. Протокол предусматривал, что в случае военного нападения на территорию СССР или МНР со стороны третьего государства правительство СССР и правительство МНР обязуются «оказать друг другу всяческую, в том числе и военную помощь». Соглашение вступало в силу с момента подписания. Хотя японская военщина и продолжала прежний курс на организацию провокаций против СССР и МНР и в 1937 г., но она не рискнула начать войну. 7 июля 1937 г. Япония начала войну против Китая. В короткий срок были захвачены важнейшие торгово-промышленные центры Китая — Шанхай, Пекин, Тяньцзинь, Калган и др. Пламя войны, разожженное Японией, запылало в Азии.

В результате японской агрессии Китай оказался в весьма тяжелом положении. Только СССР оказал ему дипломатическую и иную поддержку, заключив 21 августа 1937 г. договор о ненападении. Согласно договору СССР и Китай обязывались «воздерживаться от всякого нападения друг на друга как отдельно, так и совместно с одной или несколькими другими державами».

По ст. 2 договора СССР и Китай обязывались не оказывать ни прямо, ни косвенно никакой помощи стране или странам, если бы последние совершили нападение на другого участника договора.

Заключив договор с Китаем, Советский Союз продемонстрировал свои дружеские чувства к его народу и свою готовность максимально облегчить Китаю бремя борьбы за независимость. Подчеркивая важное значение договора. «Правда» писала: «Советско-китайский договор практически подтверждает и закрепляет принцип неделимости мира, необходимость защиты мира как на Западе, так и на Востоке»¹³⁴. Имея этот договор, Китай, не опасаясь за свой тыл, мог сосредоточить все силы для отражения японской агрессии. Кроме того, СССР оказывал Китаю самую разнообразную помощь, в том числе военную и техническую. Тогда же были завершены советско-китайские переговоры о предоставлении Китаю кредитов, а 1 марта 1938 г. состоялось подписание соглашения о займе в 50 млн. долларов.

В противовес политике попустительства японской агрессии, проводившейся западными державами, Советский Союз продолжал настойчивую борьбу за обуздание агрессии, сохранение мира и организацию коллективного отпора агрессорам. Следуя этой

¹³² Документы внешней политики СССР, т. 19, с. 106.

¹³³ Там же, с. 136—137.

¹³⁴ Правда, 1937, 30 авг.

328

политике, СССР предпринял новую попытку побудить Лигу наций к активным действиям в защиту мира как в Европе, так и в Азии. Советский Союз

использовал состоявшийся в сентябре 1937 г. пленум Лиги наций для принятия решительных мер, чтобы остановить агрессию против Китая. «На азиатском материке без объявления войны,— отмечал советский представитель в своей речи 21 сентября,— без всякого повода и оправдания одно государство нападает на другое — на Китай, наводняет его 100-тысячными армиями, блокирует его берега, парализует торговлю в одном из крупнейших мировых коммерческих центров. И мы находимся, по-видимому, лишь в начале этих действий, продолжение и конец которых не поддаются еще учету. В Европе другое государство — Испания — уже второй год продолжает подвергаться нашествию организованных иностранных армий...»¹³⁵

Лишь в результате решительных требований Советского Союза Лига наций приняла, наконец, резолюцию, осуждавшую варварские бомбардировки китайских городов японской авиацией. Чтобы избавиться от дальнейшего рассмотрения этого вопроса, Пленум Лиги под давлением Лондона, поддержанного Парижем, передал его рассмотрение специальной международной конференции, которая открылась в Брюсселе 3 ноября 1937 г.¹³⁶ Совместными усилиями представителей США и Англии конференция отклонила предложение СССР о применении против Японии в соответствии со ст. 16 Устава Лиги наций коллективных санкций, вплоть до военных. Конференция также отклонила предложение Китая, поддержанное Советским Союзом, о применении против Японии экономических санкций.

Вместе с тем, представители западных держав неоднократно заявляли о том, что Советский Союз мог бы самостоятельно выступить против Японии, поскольку он является соседом Китая, и что СССР мог бы добиться таким образом прекращения японской агрессии против Китая. Такого рода предложения явно преследовали цель спровоцировать войну между СССР и Японией.

Большую долю ответственности за провал конференции, как это признала «Нью-Йорк таймс», несли США. 30 ноября 1937 г. газета писала: США «потеряли свою руководящую роль в международных делах и именно этому факту можно в значительной мере приписать бессилие конференции девяти держав в Брюсселе. Причина такой потери влияния ясна: диктаторы и правительства, нарушающие договоры, пришли к убеждению, что только лишь прямое нападение на Соединенные Штаты может заставить нашу страну либо предпринять эффективные меры для поддержания мира во всем мире, либо присоединиться к подобным мерам». «Миру дано было знать,— отмечалось далее в этой статье,— что Соединенные Штаты стоят в стороне, спасая свою собственную

¹³⁵ Внешняя политика СССР: Сборник документов, т. 4, с. 304.

¹³⁶ См. *Сиполс В. Я.* Советский Союз в борьбе за мир и безопасность 1933—1939, с. 155—163.

329

шкуру от непосредственно грозящих опасностей; диктаторам дано было почувствовать, что группа американцев, руководящая политикой США, готова лицеизреть переделку мира на фашистский лад, не вмешиваясь в это и, очевидно, не понимая, что такая переделка представляет в конце концов опасность для нас же самих»¹³⁷. Только Советский Союз выступал на стороне Китая, оказывал ему самую разнообразную помощь. В 1938 г. он предоставил Китаю два кредита на сумму 50 млн. долларов каждый. В июне 1939 г. было подписано соглашение о предоставлении Китаю нового советского кредита в размере 150 млн. долларов. В счет этих кредитов СССР поставил Китаю в 1938—1939 гг. около 600 самолетов, 100 пушек и гаубиц, свыше 8 тысяч пулеметов, а также транспортные средства, снаряды, патроны и другие военные материалы.

К середине февраля 1939 г. в Китае работало и участвовало в борьбе против японских захватчиков 3665 советских военных специалистов. В боях за

освобождение китайского народа погибло свыше 200 советских добровольцев¹³⁸.

Подчеркивая важность советской помощи китайскому народу, председатель исполнительного Юаня (Совета министров) Сунь Фо заявил 21 января 1938 г. в беседе со Стомоняковым: «Ведя войну против интервентов, т. е. за свое освобождение, китайский народ черпает силы в симпатии и поддержке со стороны СССР»¹³⁹.

В 1939 г. даже Чан Кайши был вынужден признать в своем письме на имя К. Е. Ворошилова: «Наша страна,— писал он,— уже более двух лет ведет войну с Японией. Благодаря глубоким симпатиям и сочувствию народов Советского Союза Китаю оказана материальная помощь, дающая возможность проводить длительную освободительную войну»¹⁴⁰.

Политическая поддержка и самая разнообразная помощь оказывалась и другим народам в их борьбе против агрессоров за свободу и независимость.

*

Вопреки противодействию мировой реакции Советскому Союзу удалось на протяжении пяти лет (1933—1937 гг.) достигнуть самого главного: обеспечить советскому народу мирные условия для социалистического строительства и досрочно осуществить грандиозные планы первой и второй пятилеток, построить социализм. Это были всемирно-исторические достижения. В эти годы СССР превратился в главную силу в борьбе за прочный мир и

¹³⁷ New York Times, 1937, 30 Nov.

¹³⁸ История второй мировой войны. 1939—1945, т. 2, с. 73—74.

¹³⁹ АВП СССР. Запись беседы зам. наркома иностранных дел с китайским представителем Сунь Фо от 21 января 1938 г.

¹⁴⁰ В. И. Ленин и советская внешняя политика. М., 1969, с. 164

330

коллективную безопасность, против фашизма и угрозы новой войны.

После вступления в Лигу наций Советский Союз сделал очень многое, чтобы эта международная организация стала центром сплочения всех миролюбивых сил и коллективной защиты мира. Деятельность СССР в Лиге наций сыграла значительную роль в мобилизации мирового общественного мнения против угрозы новой войны, за мир и безопасность, за сотрудничество государств различных социальных систем на основе ленинских принципов мирного сосуществования.

Только активная деятельность Советского Союза и его дипломатии, поддерживаемая коммунистами и прогрессивными кругами всего мира, сделала возможным на несколько лет оттянуть развязывание агрессивными фашистскими странами новой мировой войны.

Хотя из-за противодействия западных держав напряженная и длительная борьба СССР за обуздание фашистской агрессии не привела к созданию эффективной системы коллективной безопасности, однако Советскому Союзу удалось расстроить коварные замыслы империалистических держав, направленные на образование единого антисоветского фронта.

Советский Союз достойно выполнял возложенную на него историей миссию: высоко держал знамя мира и социализма, шел в авангарде борьбы против фашизма и угрозы новой войны. Он на деле доказал, что социализм и мир неотделимы друг от друга, что социализм — это мир и созидание.

XI ГЛАВА

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СССР

НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

(1938—1939 гг.)

ПОЛИТИКА «УМИРОТВОРЕНИЯ» ФАШИСТСКИХ АГРЕССОРОВ, ПРОВОДИМАЯ ЗАПАДНЫМИ ДЕРЖАВАМИ

Несмотря на нараставшую опасность германской и японской агрессии, правящие круги Англии, Франции и США пытались использовать Германию и Японию для борьбы против Советского Союза. Они хотели руками немцев и японцев уничтожить или хотя бы значительно ослабить СССР и подорвать его все усиливавшееся влияние. Именно это и явилось одной из главных причин, обусловивших проведение правящими кругами западных держав политики «умиротворения» фашистских агрессоров. Реакционные правительства Англии и Франции при поддержке Соединенных Штатов пытались сговориться с гитлеровской Германией за счет СССР, а также государств Юго-Восточной Европы. Наибольшую активность проявляла при этом Англия.

Английское правительство стремилось заключить двустороннее англо-германское соглашение. Для этого оно было готово предоставить Германии долгосрочные займы, договориться о разграничении сфер влияния и рынков сбыта. С этой целью был сделан зондаж по заданию британского министерства иностранных дел английским промышленником Рикенсом 9 февраля 1937 г. В беседе с фон Папеном Рикенс заявил о возможности предоставления Германии крупного займа с незначительной процентной ставкой сроком на 40 лет¹. Англия была бы также согласна и на таможенную унию между Германией и Австрией. Вопрос о такой унии, говорил Рикенс, «при сохранении австрийской автономии должен быть расценен самым положительным образом»².

Курс на сговор с Гитлером особенно активизировался в Англии после прихода к власти правительства Н. Чемберлена. В ноябре 1937 г. британский премьер направил в Германию своего ближайшего сотрудника лорда Галифакса. Запись беседы Гали-

¹ ИДА МИД СССР. Запись беседы германского посла в Австрии Папена с английским промышленником Рикенсом 9 февраля 1937 г. (частично опубликована в журнале: История СССР, 1962, № 3, с. 5—6).

² Там же.

332

факса с Гитлером в Оберзальцберге 19 ноября 1937 г.³ свидетельствует, что правительство Чемберлена было готово предоставить фашистской Германии «свободу рук в Восточной Европе», но при условии, чтобы Германия обещала осуществлять перекройку политической карты Европы в свою пользу «мирным путем» и постепенно. Под этим подразумевалось, что Гитлер обяжется согласовывать с Англией свои захватнические замыслы в отношении Австрии, Чехословакии и Данцига⁴.

Вскоре после этой беседы Галифакса с Гитлером английское правительство пригласило в Лондон французского премьер-министра Шотана и министра иностранных дел Дельбоса. Последним было заявлено, что поддержка, которую Франция считает должным оказывать Чехословакии по пакту о взаимопомощи, выходит далеко за пределы того, что одобряется в Англии. Таким образом правительство Чемберлена начало оказывать давление на Францию с целью ее отказа от обязательств по пакту взаимопомощи с Чехословакией⁵. В Лондоне не без оснований считали, что пакты о взаимопомощи, которые имела Чехословакия с Францией и СССР, укрепляли ее международные позиции и поэтому правительство Чемберлена проводило политику, направленную на подрыв этих пактов.

Выступая в конце января 1938 г. на заседании правительства, Гендерсон прямо заявил, что «Чехословакии необходимо будет избавиться от ее соглашения с Советской Россией»⁶.

Политика попустительства и пособничества гитлеровской агрессии в Европе имела целью не только «умиротворить» Гитлера и направить агрессию фашистской Германии на Восток, но и добиться изоляции Советского Союза.

В конце апреля 1937 г. английским послом в Берлине был назначен Гендерсон, один из наиболее активных сторонников соглашения с фашистской Германией. Его назначение явилось новым свидетельством упорного стремления английского правительства к сделке с Гитлером. Это подтверждает А. Идеи в своих воспоминаниях⁷.

ЗАХВАТ ГЕРМАНИЕЙ АВСТРИИ. БОРЬБА СССР ЗА КОЛЛЕКТИВНЫЙ ОТПОР АГРЕССОРАМ

Гитлеровский министр иностранных дел Нейрат 26 января 1938 г. заявил новому британскому послу, что Германия не позволит Англии вмешиваться в урегулирование ее отношений с Австрией⁸. Правительство Чемберлена не реагировало на это вы-

³ Документы и материалы кануна второй мировой войны. М., 1948, т. 1, с. 10—48.

⁴ Там же.

⁵ Public Record Office. (Далее — PRO), Cab. 27/626, p. 253—264.

⁶ PRO, Cab. 27/623, p. 41.

⁷ The Eden Memoirs. The Reckoning. London, 1965, p. 447.

⁸ Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Ser. D. Washington, 1949, vol. 1, p. 190

(далее — DGFP).

333

бывающее заявление гитлеровцев. Вскоре последовала новая агрессивная акция Германии: И февраля австрийский канцлер Шушниг был вызван к Гитлеру. Главе австрийского правительства были предъявлены в ультимативной форме такие требования, выполнение которых низвело бы Австрию на положение одной из областей рейха. Однако и этот шаг агрессора не вызвал протеста со стороны правительств Англии и Франции. После этого Гитлер совсем обнаглел. 20 февраля он публично высказался о своем намерении решить судьбы 10 млн. немцев, живущих в Австрии и Чехословакии, и добиваться «объединения всего немецкого народа».

В своем выступлении 28 февраля Чемберлен лицемерно заявил по поводу гитлеровских требований к Австрии, что в данном случае он не видит никаких нарушений Сен-Жерменского договора, хотя в нем содержались гарантии независимости Австрии. Аналогичное заявление Чемберлен сделал на заседании палаты общин 2 марта.

Постепенно становилось все более и более ясным, что правительство Чемберлена ставило своей главной целью в области внешней политики достижение взаимопонимания и соглашения с фашистскими державами и прежде всего с гитлеровской Германией. Характеризуя эту политику английского правительства, советский полпред в Лондоне сообщал в Москву 8 марта 1938 г.: «Чемберлен поставил и свою репутацию, и судьбу своего кабинета на одну карту — карту сделки с агрессором»⁹.

Правительство США также не проявляло никакого интереса к судьбе Австрии. Характеризуя это отношение, полпред СССР в Вашингтоне Трояновский писал 2 марта 1938 г. наркому в Москву: «Судьба Австрии не вызывает здесь большого беспокойства. Изоляционисты всех толков в общем готовы примириться со всеми захватами фашистов, лишь бы Америка не начала

активно участвовать в международных делах, не связалась бы каким-либо соглашением с Англией и не подверглась бы риску участвовать в войне»¹⁰.

Еще спокойнее почувствовал себя Гитлер, получив 3 марта через Гендерсона послание Чемберлена, в котором содержались предложения об урегулировании колониальных претензий Германии¹¹. Теперь у Гитлера не оставалось никаких сомнений относительно позиции Англии, и он немедленно приступил к реализации своего плана по захвату Австрии.

Пока осуществлялся аншлюс, Риббентроп находился в Лондоне, где встречался со многими официальными лицами, в том числе с министром иностранных дел Галифаксом. После встречи с ним, состоявшейся 11 марта, Риббентроп в своем донесении в

⁹ Документы по истории мюнхенского сговора. 1937—1939. М., 1979, с. 42.

¹⁰ Документы внешней политики СССР. М., 1977, т. 21, с. 109.

¹¹ Документы и материалы кануна второй мировой войны. М., 1948, т. 2, с. 173.

334

Берлин подтвердил, что серьезных препятствий со стороны Англии при осуществлении аншлюса Австрии ожидать не следует. Он писал: «Я принципиально убежден, что Англия в настоящее время со своей стороны не предпримет что-либо против этого и будет оказывать сдерживающее влияние на другие державы»¹². 12 марта германские войска вступили в ее пределы, а еще через день Австрия была включена в состав германского рейха.

Советское правительство ясно представляло ту большую опасность для дела мира в Европе, которую нес с собой захват Австрии Германией. Об этом, в частности, свидетельствует письмо НКВД в ЦК ВКП(б) от 14 марта 1938 г. «Захват Австрии,— говорится в этом письме,— представляется величайшим событием после мировой войны, чреватым величайшими опасностями и не в последнюю очередь для нашего Союза»¹³.

Советский Союз решительно осудил гитлеровскую агрессию в отношении Австрии. В заявлении представителям печати народный комиссар иностранных дел, выступая по поручению Советского правительства, отметил, что «на этот раз насилие совершено в центре Европы, создав несомненную опасность не только для отныне граничащих с агрессором 11 стран, но и для всех европейских государств, и не только европейских».

Советское правительство подчеркивало, что в первую очередь возникает опасность для Чехословакии, а затем она грозит разрастись и вызвать новые международные конфликты. «Нынешнее международное положение,— говорилось далее в этом заявлении,— ставит перед всеми миролюбивыми государствами и в особенности великими державами, вопрос об их ответственности за дальнейшие судьбы народов Европы, и не только Европы».

Советский Союз заявлял о своей готовности «участвовать в коллективных действиях, которые были бы решены совместно с ним и которые имели бы целью приостановить дальнейшее развитие агрессии и устранение усилившейся опасности новой мировой бойни». Советское правительство было согласно «приступить немедленно к обсуждению с другими державами в Лиге наций или вне ее практических мер, диктуемых обстоятельствами. Завтра может быть уже поздно,— указывалось в заявлении,— но сегодня время для этого еще не прошло, если все государства, в особенности великие державы, займут твердую недвусмысленную позицию в отношении проблемы коллективного спасения мира»¹⁴.

В тот же день текст этого заявления был направлен правительствам Великобритании, Франции, США и Чехословакии. Однако США не ответили, а Англия и Франция отклонили советские предложения. В своем официальном

ответе от 24 марта

¹² DGFP, Ser. D. vol. I, p. 263.

¹³ АВП СССР. Письмо наркома иностранных дел в ЦК ВКП(б) от 14 марта 1938 г.

¹⁴ Документы по истории мюнхенского сговора. 1937—1939, с. 60.

335

1938 г. Великобритания прямо отказалась от каких-либо переговоров с Советским Союзом с целью создания единого фронта против фашистских агрессоров под тем предлогом, что принятие «согласованных действий против агрессии не обязательно окажет, по мнению правительства его величества, благоприятное воздействие на перспективы европейского мира». Отрицательно реагировала на советское предложение и Франция. Все это подтверждало, что правительства Англии и Франции не хотели организовать коллективный отпор агрессору, хотя, как признает в своих воспоминаниях Макмиллан, «после Австрии было ясно, что Чехословакия была следующей в списке жертв»¹⁵.

БОРЬБА СССР В ЗАЩИТУ ЧЕХОСЛОВАКИИ ПРОТИВ ФАШИСТСКОЙ АГРЕССИИ И МЮНХЕНСКОЙ ПОЛИТИКИ ЗАПАДНЫХ ДЕРЖАВ

Едва покончив с Австрией, гитлеровское правительство принялось подготавливать захват Чехословакии.

Советское правительство считало необходимым защитить Чехословакию. В критические месяцы 1938 г., когда решалась судьба Чехословакии и ее народов, только Советский Союз показал себя ее истинным другом.

Еще до возникновения кризиса германо-чехословацких отношений, 15 марта 1938 г. заместитель наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкин в беседе с чехословацким посланником в СССР З. Фирлингером по поводу возможных последствий аншлюса подтвердил готовность Советского Союза оказать помощь Чехословакии согласно пакту о взаимопомощи в случае, если бы она подверглась нападению со стороны немецко-фашистского агрессора. «Что касается Советского Союза,— заверил он чехословацкого посланника,— то никто и никогда не мог еще упрекнуть его в уклонении от принятых им на себя международных обязательств»¹⁶. В этот же день нарком иностранных дел подтвердил это заявление при встрече с американскими корреспондентами. «На вопрос американских журналистов, что намерен предпринять СССР в случае нападения на ЧСР,— сообщил Фирлингер,— Литвинов вчера заявил, что, само собой разумеется, СССР выполнит свои союзнические обязательства»¹⁷.

Спустя некоторое время, 28 марта 1938 г., советская военная делегация, находившаяся в то время в Чехословакии, в свою очередь подтвердила начальнику генштаба чехословацкой армии, что СССР окажет помощь Чехословакии в случае нападения на нее¹⁸. В апреле Советское правительство вынесло решение вместе с Францией и Чехословакией принять все меры для обеспечения

¹⁵ Macmillan H. Windy Change. 1914—1939. New York, 1966, p. 491.

¹⁶ Документы по истории мюнхенского сговора. 1937—1939, с. 54.

¹⁷ Там же, с. 57.

¹⁸ Там же, с. 76.

336

безопасности последней¹⁹. Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин 26 апреля 1938 г. публично повторил условия помощи Советского Союза Чехословакии. При этом М. И. Калинин многозначительно добавил: «Разумеется, пакт не запрещает каждой из сторон прийти на помощь, не дожидаясь Франции»²⁰. Советское правительство предлагало начать переговоры генеральных штабов СССР, Франции и Чехословакии для обсуждения военных

мероприятий, которые должны быть предприняты в целях оказания помощи Чехословакии. Советское правительство соглашалось также поставить Чехословакии самолеты. В беседе с Потемкиным Фирлингер сообщил 27 апреля, что он проинформировал чехословацкое правительство о готовности Советского Союза совместно с Францией и Чехословакией обсудить меры по обеспечению безопасности Чехословакии. 25 мая Литвинов говорил французскому министру иностранных дел о необходимости созыва совещания генштабов для обсуждения методов оказания военной помощи Чехословакии. 23 июня нарком иностранных дел, выступая в Ленинграде в момент, когда из Лондона уже оказывалось давление на Чехословакию, с тем чтобы побудить ее уступить Гитлеру, решительно заявил, что СССР никогда не будет оказывать на Чехословакию подобного давления. Это ясное заявление о позиции СССР в отношении Чехословакии имело своей целью напомнить Англии и Франции о том, что защита Чехословакии от гитлеровских домогательств является необходимым условием сохранения мира.

Как сообщало полпредство СССР в Париже в НКВД в июле 1938 г., «французские политические деятели прекрасно понимают, что в Чехословакии решаются сейчас судьбы послеверсальского передела мира. Они отдают себе отчет, что отпадение к Германии Судетской области и расчленение Чехословакии обеспечат за Германией захват решающих стратегических позиций при будущей войне и гегемонное положение во всей Центральной Европе». Огромное большинство французов сходятся на том, что теперешняя Франция уже не способна выдержать единоборство с гитлеровской Германией. Естественным союзником Франции является СССР. «И тем не менее — и это факт бесспорный — теперешнее правительство меньше всего свою чехословацкую политику строит в расчете на помощь СССР. Ни одно решение, которое до сих пор принималось по чехословацкому вопросу... ни разу с нами предварительно не обсуждалось и не согласовывалось и доводилось до нашего сведения (и то не всегда) лишь постфактум. Несмотря на наличие советско-французского пакта, на наличие параллельных пактов с Чехословакией... руководители французской внешней политики ни разу по-серьезному (если не считать обрывочных разговоров Боннэ) не предложили приступить к

¹⁹ Там же, с. 87.

²⁰ Калинин М. И. О международном положении. М., 1938, с. 14

337

совместному и практическому обсуждению вопроса, вытекающего из наших пактов»²¹.

Такая позиция французского правительства определялась в значительной степени все усиливавшимся давлением правительства Чемберлена, проводившего курс на «умиротворение» фашистской Германии за счет Чехословакии. Поэтому Советское правительство тогда же решило обратить внимание правительства Чемберлена на всю пагубность проводимой им политики в отношении Чехословакии. С этой целью оно поручило своему полпреду посетить Галифакса и сделать ему соответствующее заявление. 17 августа полпред встретился с Галифаксом и заявил ему, что Советский Союз «все больше разочаровывается в политике Англии и Франции, что он считает эту политику слабой и близорукой, способной лишь поощрять агрессора к дальнейшим «прыжкам», и что тем самым на западные страны ложится ответственность приближения и развязывания новой мировой войны». Все действия Англии и Франции в связи с угрозой Чехословакии со стороны Германии «по существу сводятся к попыткам обуздать не агрессора, а жертву агрессии»²².

Эту опасность чемберленовской политики видели и многие политические

друзья Чемберлена — влиятельные политики консервативной партии, в числе которых был и Макмиллан. В этой связи он пишет: «Я был твердо убежден, что единственной надеждой избежать войны в настоящее время или позднее — является смелая и твердая политика, с помощью которой можно было бы остановить Гитлера»²³.

Именно такую политику отпора агрессору и проводил Советский Союз. В противоположность Лондону и Парижу, пытавшимся сговориться с фашистским рейхом, Советское правительство ясно и определенно заявило гитлеровскому правительству о том, что СССР выполнит свои союзнические обязательства перед Чехословакией²⁴.

22 августа 1938 г. нарком иностранных дел заявил германскому послу в Москве Шуленбургу, что «чехословацкий народ как один человек будет бороться за свою независимость, что Франция в случае нападения на Чехословакию выступит против Германии, что Англия, хочет ли этого Чемберлен или нет, не сможет оставить Францию без помощи и что мы также выполним свои обязательства перед Чехословакией». Эти слова были рассчитаны на то, чтобы сдержать гитлеровцев, заставив их задуматься над последствиями своих агрессивных действий.

Нарком прямо заявил Шуленбургу, что «Германия не столько озабочена судьбами судетских немцев, сколько стремится к ликвидации Чехословакии в целом. Она хочет захватить эту страну».

²¹ Документы по истории мюнхенского сговора. 1937—1939, с. 152—153.

²² Там же, с. 171.

²³ *Macmillan H.* Op. cit., p. 549—550.

²⁴ Документы по истории мюнхенского сговора. 1937—1939, с. 175.

338

Если дело дойдет до войны, продолжал нарком, Советский Союз, который обещал Чехословакии поддержку, «сдержит свое слово и сделает все, что в его силах»²⁵.

1 сентября французское правительство впервые официально обратилось к Советскому правительству с запросом, сможет ли СССР оказать помощь Чехословакии и какую именно в случае, если Польша и Румыния будут возражать против прохода советских войск через их территорию (Советский Союз, как известно, в то время не располагал общей границей ни с Германией, ни с Чехословакией). В ответ на этот вопрос Советское правительство 2 сентября подтвердило свое намерение выполнить свои договорные обязательства и предложило принять необходимые меры для воздействия на Польшу и Румынию посредством соответствующего решения Лиги наций. Одновременно было вновь предложено созвать совещание представителей советской, французской и чехословацкой армий, а также совещание всех государств, заинтересованных в сохранении мира. «Мы считаем,— говорил народный комиссар французскому поверенному в делах,— что в настоящий момент такое совещание с участием Англии, Франции и СССР и вынесение общей декларации, которая, несомненно, получит моральную поддержку со стороны Рузвельта, имеет больше шансов удержать Гитлера от военной авантюры, чем всякие другие меры»²⁶.

Касаясь советской помощи, чехословацкий министр иностранных дел Крофта заявил 18 сентября американскому посланнику в Праге Керру, что пока положение таково, что инициатива должна исходить от Франции, «но частным образом им дали знать, что в случае крайней необходимости СССР может прийти на помощь Чехословакии независимо от Франции»²⁷.

19 сентября, вскоре после получения англо-французских требований, Бенеш лично обратился к Советскому правительству через полпреда с вопросами: 1. Окажет ли СССР согласно договору немедленную и действительную помощь

Чехословакии, если Франция останется верной и тоже окажет помощь? 2. Поможет ли Советский Союз Чехословакии как член Лиги наций на основании статей 16 и 17, предусматривавших военные санкции против агрессора в случае нападения Германии? ²⁸

20 сентября 1938 г. Советское правительство в самой четкой и ясной форме дало положительный ответ на вопросы Бенеша. Зам. наркома В. П. Потемкин дал указание полномочному представителю СССР в Чехословакии С. С. Александровскому сообщить Э. Бенешу ответ на первый вопрос, «окажет ли СССР согласно договору немедленную и действительную помощь Чехо-

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, с. 188.

²⁷ Foreign Relations of the United States, 1938. Washington, 1955, vol. 1, p. 615.

²⁸ Документы по истории мюнхенского сговора. 1937—1939, с. 232.

339

Словакии, если Франция останется ей верной и также окажет помощь, можете дать от имени правительства Советского Союза утвердительный ответ.

Такой же утвердительный ответ можете дать и на другой вопрос Бенеша, поможет ли СССР Чехословакии, как член Лиги наций, на основании ст. 16 и 17, если в случае нападения Германии Бенеш обратится в Совет Лиги наций с просьбой о применении упомянутых статей» ²⁹. Это означало, что СССР окажет Чехословакии военную помощь даже и без участия Франции при условии, что сама Чехословакия будет защищаться и попросит у него помощи.

21 сентября советский представитель заявил на пленуме Совета Лиги наций о необходимости срочных мер в поддержку Чехословакии. Он требовал постановки в Лиге наций вопроса о германской агрессии, повторно подтвердил готовность СССР выполнить свои обязательства и участвовать в военном совещании трех государств, а также необходимость созыва совещания европейских великих держав и других заинтересованных государств «для выработки коллективного демарша» ³⁰. 23 сентября в Политическом комитете Лиги СССР снова подтвердил, что готов выполнить свои обязательства.

В беседе с Фирлингером, состоявшейся 22 сентября 1938 г., Потемкин ответил положительно на вопрос посланника о том, «могло бы правительство СССР, в случае нападения Германии на Чехословакию, оказать помощь последней, не дожидаясь решения Совета Лиги наций». Он заявил следующее: «На этот вопрос я ответил ссылкой на ст. 1 Протокола подписания советско-чешского договора о взаимной помощи, предусматривающую оказание сторонами этой помощи в тех случаях, если по тем или иным причинам Совет Лиги не вынесет требуемой ими рекомендации или не придет к единогласному решению» ³¹.

Таким образом, чехословацкое правительство не могло сомневаться в том, что СССР выполнит свои обязательства по пакту с Чехословакией — окажет ей военную помощь в случае нападения Германии. Советский Союз не ограничился заявлениями. Он придвинул к своей западной границе 30 стрелковых дивизий, привел в боевую готовность авиацию и танковые части. Только в двух военных округах — Белорусском и Киевском — было сосредоточено 246 бомбардировщиков и 302 истребителя.

Об этом было сообщено и в Париж. Поэтому 8 сентября 1938 г., когда посол США в Париже Буллит спросил Боннэ, правильны ли сведения о том, что «русские концентрируют на границе с Румынией крупные военные силы», Боннэ подтвердил правильность этих сведений ³². 23 сентября Советское правитель-

²⁹ Документы по истории мюнхенского сговора. 1937—1939, с. 240.

³⁰ Там же, с. 261.

³¹ Там же, с. 264.

³² Foreign Relations of the United States, 1938, vol. 1, p. 583.

340

ство предупредило реакционное правительство Польши, искавшее сделки с Гитлером ради участия в разделе Чехословакии, что в случае, если бы польские войска вторглись в пределы Чехословакии, СССР считал бы это актом агрессии и денонсировал бы без дальнейшего предупреждения пакт о ненападении с Польшей от 25 июля 1932 г.³³

Продолжая свою борьбу за сохранение мира, 28 сентября 1938 г. Советское правительство заявило, что «наиболее эффективное средство для предупреждения дальнейшей агрессии и для предотвращения новой мировой войны видит в немедленном созыве международной конференции»³⁴.

Итак, па всех этапах чехословацкой трагедии, закончившейся в Мюнхене, Советский Союз был готов выполнить свои договорные обязательства. Более того, он соглашался оказать Чехословакии военную помощь даже без участия Франции при единственном условии, что сама Чехословакия окажет сопротивление агрессору и попросит о советской помощи. Этот факт признал даже Бенеш в 1939 г. в беседе с дочерью Т. Манна. Совершенно ясное и убедительное свидетельство по этому вопросу имеется в статье К. Готвальда, опубликованной 21 декабря 1949 г. в газете «За прочный мир, за народную демократию». Другие чехословацкие деятели также высоко оценивали позицию СССР и его желание оказать помощь Чехословакии на всем протяжении чехословацкого кризиса. Главный редактор газеты «Прагер прессе» Лаурин в беседе с полпредом СССР в Праге С. С. Александровским 29 июля 1938 г. отметил, что министр иностранных дел Крофта «в теплых выражениях говорил о сдержанной и достойной позиции СССР, чрезвычайно помогающей Чехословакии в ее борьбе против всеобщего нажима»³⁵. 15 октября 1938 г. сотрудник чехословацкого министерства иностранных дел Чермак заявил, что «поведение СССР безукоризненно и к его голосу следовало прислушиваться более внимательно... Ни один честный чехословак не может упрекнуть СССР и всегда будет ему только благодарен за добрую волю и готовность оказать помощь Чехословакии»³⁶.

К несчастью для Чехословакии, западные державы не поддержали стремлений Советского Союза спасти Чехословакию. Напротив — они продали ее фашистской Германии.

Английское правительство использовало германские притязания на чехословацкие земли для своих корыстных целей — для секретных переговоров о заключении англо-германского соглашения, которое гарантировало бы безопасность Англии и неприкос-

³³ Документы по истории мюнхенского сговора. 1937—1939, с. 269.

³⁴ Там же, с. 311.

³⁵ АВП СССР. Запись беседы полпреда СССР в Чехословакии с главным редактором газеты «Прагер прессе» Лаурином 29 июля 1938 г.

³⁶ АВП СССР. Запись беседы полпреда СССР в Чехословакии с сотрудником Министерства иностранных дел Чехословакии Чермаком 15 октября 1938 г.

341

новенность ее колониальных владений. При этом имелось в виду заплатить Гитлеру, выдав ему Чехословакию.

В этих переговорах с английской стороны участвовали Чемберлен, Галифакс и Г. Вильсон (ближайший советник Чемберлена по экономическим вопросам), с немецкой — Дирксен, Кордт (советник германского посольства в Лондоне) и др. При этом английская сторона указала, что решение чехословацкой проблемы может быть достигнуто немцами только с согласия Англии. Английское правительство давало понять, что оно возражает против односторонних германских захватов, не санкционированных им. Согласие же свое на эти

германские захваты правительство Чемберлена обуславливало заключением англо-германского соглашения, по которому оно хотело получить от Германии твердые гарантии того, что Гитлер, по удовлетворении ее захватнических планов в Центральной и Восточной Европе, не выступит против Великобритании.

Кордт подчеркивал в своем письме Дирксену от 11 августа 1938 г., что английское правительство согласится на удовлетворение германских требований только в том случае, если Гитлер пойдет на заключение с Англией широкого соглашения. «Англичане,— писал Кордт,— считают угрозой для себя любое дальнейшее усиление мощи Германии, которое происходит без их одобрения или даже против их воли»³⁷. «Они видят в этом угрозу британской мировой империи,— писал Кордт далее,— поскольку присоединение не сопровождается гарантиями, которые исключили бы возможность использования под немецким руководством всех сил этого колоссального средневропейского пространства против Британской империи. Эту возможность они считают самой большой опасностью, которую вообще можно себе представить»³⁸.

По словам Кордта, Вильсон говорил, что если Англии и Германии удастся договориться, то чехословацкую проблему можно будет разрешить даже вопреки сопротивлению Чехословакии и Франции. В своем письме Дирксену от 1 сентября 1938 г. Кордт приводит следующие слова Вильсона: «Если мы вдвоем — Великобритания и Германия — договоримся относительно урегулирования чешской проблемы, то мы просто устраним сопротивление, которое могли бы оказать Франция и сама Чехословакия этому решению вопроса»³⁹.

Ставшие недавно доступными для исследователей бывшие ранее секретными архивные документы МИД Англии делают возможным внести существенные дополнения в картину подготовки Мюнхенского сговора, которую Чемберлен и его ближайшие

³⁷ ИДА МИД СССР. Письмо советника германского посольства в Лондоне Кордта послу Дирксену от 11 августа 1938 г.

³⁸ Там же.

³⁹ Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. 2, с. 48.

342

советники вели в глубокой тайне задолго до того, как была совершена эта сделка. Обнародованный теперь «план Z», план выдачи Чехословакии Гитлеру, был разработан Чемберленом, Галифаксом, Дж. Саймоном и С. Хором. В секретном меморандуме доверенного сотрудника Чемберлена Гораса Вильсона, датированном 30 августа 1938 г., представленном на рассмотрение внешнеполитического комитета английского правительства, об этом плане сообщается следующее: «Существует план, который можно назвать «планом Z» и который известен и должен быть известен только премьер-министру, министру финансов (сэру Джону Саймону), министру иностранных дел (лорду Галифаксу), сэру Невиллю Гендерсону (английскому послу в Берлине) и мне»⁴⁰. Об этом плане упоминается и в секретных меморандумах Г. Вильсона от 31 августа и 9 сентября 1938 г. «Успех плана,— пишет он,— если он будет выполняться, зависит от полной его неожиданности и поэтому исключительно важно, чтобы о нем ничего не говорилось». Н. Чемберлен сообщил об этом плане другим министрам правительства лишь 14 сентября 1938 г., когда согласно «плану Z» уже был согласован вопрос о встрече Чемберлена с Гитлером в Берхтесгадене, назначенной на 15 сентября 1938 г. «Главной приманкой для Гитлера в предполагаемых переговорах,— отмечалось на заседании внутреннего кабинета,— должна стать возможность обеспечить лучшие отношения между Германией и Англией»⁴¹.

Его существо сводилось к следующему: английский премьер-министр выжидает, пока фашистская Германия создаст вокруг Чехословакии весьма

напряженную обстановку, чтобы под прикрытием «спасения мира» лично прибыть к Гитлеру для переговоров о расчленении Чехословакии и передаче Германии Судетской области. В результате этого визита Чемберлен надеялся достичь взаимопонимания с Гитлером, которое должно было стать основой для достижения широкого англо-германского соглашения. Именно поэтому правительство Чемберлена на протяжении лета 1938 г. оказывало сильнейший нажим на правительство Бенеша, добиваясь от него полной капитуляции перед Гитлером. Это подтверждает и сам Бенеш в его мемуарах «Дни Мюнхена». «Английский посол сэр Базил Ньютон,— пишет Бенеш,— предупредил меня, что в случае войны Чехословацкая республика оказалась бы в положении, достойном сожаления.., и присовокупил предостережение британского правительства: более чем сомнительно, мол, чтобы и в случае победоносного окончания войны было бы возможно восстановить Чехословакию в тех размерах, которые она имеет в настоящее время».

Характеризуя ставшие доступными английские секретные документы, касающиеся мюнхенской сделки, такая буржуазная

⁴⁰ The Sunday Times, 1969, 5 Jan.

⁴¹ Ibid.; *Овсяный И. Д.* Тайна, в которой война рождалась. 2-е изд., М., 1975, с. 204—214

343

газета, как «Гардиан», пришла к выводу, что «главной целью правительства Великобритании было оказание помощи Гитлеру по расчленению Чехословакии», и что Н. Чемберлен «лично предпринял шаги, чтобы скрыть этот факт от парламента»⁴².

15 сентября 1938 г. премьер вылетел в Германию, в Берхтесгаден, где находилась резиденция Гитлера. Во время встречи главарь германских фашистов заявил, что западные и северо-западные районы Чехословакии должны быть отторгнуты от нее и переданы Германии. Чемберлен, действуя в соответствии с «планом Z», дал согласие на отделение Судетской области от Чехословакии и ее передачу фашистской Германии.

Затем британский премьер вернулся в Лондон, где им 18 сентября 1938 г. совместно с французскими министрами были сформулированы условия англо-французского ультиматума Чехословакии. Англия и Франция настаивали, чтобы Чехословакия согласилась удовлетворить требования Гитлера, т. е. отдать ему пограничные районы и расторгнуть договор о взаимопомощи с СССР. На следующий день, 19 сентября, ультиматум был вручен чехословацкому правительству.

Англо-французский ультиматум вызвал взрыв возмущения в народе Чехословакии. 22 сентября в стране началась всеобщая забастовка, проходившая под лозунгами: не отзываться чехословацкие войска с границ, объявить всеобщую мобилизацию, преградить дорогу германским войскам в Судетскую область. По всей Чехословакии проходили многолюдные демонстрации. Демонстранты посылали свои делегации в советское полпредство в Праге. В ночь на 22 сентября советский полпред принимал делегации даже в 4 часа пополуночи. Полпред заверил делегатов, что «СССР дорожит Чехословацкой республикой и интересами ее трудящихся, а потому готов помочь защитой от нападения. Путь к оказанию помощи усложнен отказом Франции, но СССР ищет путей и найдет их, если Чехословакия подвергнется нападению и будет вынуждена защищаться»⁴³. В этот критический момент для судеб страны чехословацкие коммунисты призывали правительство встать на путь решительного отпора гитлеровским агрессорам, твердо веря, что Советская страна окажет Чехословакии необходимую помощь. «Мы знаем,— отмечал Л. И. Брежнев— что в дружбе с Советским Союзом чехословацкий рабочий класс и его авангард — коммунистическая партия всегда

видели путь к обеспечению прочной независимости и свободы чехословацкого государства. В трагические дни Мюнхена чехословацкие коммунисты призывали страну к прочной опоре на Советский Союз, который ясно продемонстрировал свою верность союзническому долгу»⁴⁴.

⁴² The Guardian, 1969, 1 Jan.

⁴³ Документы по истории мюнхенского сговора. 1937—1939, с. 263.

⁴⁴ Брежнев Д. И. Ленинским курсом: Речи и статьи. М., 1973, т. 3, с. 13.

344

Готовность Советского Союза выполнить свои обязательства в отношении Чехословакии вынужден признать и Бенеш в своих уже упоминавшихся мемуарах: «Я сам никогда не имел никакого сомнения в действиях Советского Союза,— пишет он.— Я был уверен, что он свои обязательства выполнит!»

Но правительство Бенеша — Годжи осталось глухим к этому призыву и ничего не предприняло для того, чтобы организовать защиту страны. Оно больше беспокоилось о том, как прикрыть свою капитулянтскую позицию. При этом оно действовала не в интересах чехословацкого народа, а в узкоклассовых интересах реакционных кругов чехословацкой буржуазии. Поэтому оно побоялось призвать народ к отпору фашистской Германии и не обратилось за помощью к СССР.

Более того, правительство Бенеша в глубокой тайне подготавливало капитуляцию. Как сообщал поверенный в делах Германии в Англии Г. Кордт в своей телеграмме в Берлин 30 августа 1938 г., чехословацкое правительство согласилось принять карлсбадские требования Генлейна и выразило готовность «обсудить и свои внешнеполитические связи с Советской Россией».

Однако открыто сказать о своей истинной позиции правительство не решалось, зная патриотические настроения и крайнее возбуждение трудящихся Чехословакии.

Чехословацкое правительство, стараясь сохранить лицо, 20 сентября официально отклонило требования Англии и Франции.

21 сентября последовал повторный ультиматум английского и французского правительств с требованием подчиниться.

Итак, Бенеш и Годжа, став на путь капитуляции, не сочли нужным обратиться за советской помощью. Прикрывшись новым англо-французским ультиматумом, они выдали страну Гитлеру. Мюнхенская конференция, созванная 29 сентября 1938 г., имела целью дать юридическое оформление этой позорной сделке с агрессором. На конференции Даладье и Чемберлен без участия представителей Чехословакии подписали договор с Гитлером и Муссолини. Это означало предательство Чехословакии и смертный приговор Чехословацкому государству.

По Мюнхенскому соглашению Гитлер добился осуществления всех своих требований, которые он предъявил тогда к Чехословакии, т. е. расчленения этой страны и присоединения Судетской области к Германии. Мюнхенское соглашение предусматривало также удовлетворение территориальных притязаний по отношению к Чехословакии со стороны реакционных правительств хорватской Венгрии и «санационной» Польши.

Мюнхенское соглашение содержало обязательство Англии и Франции участвовать в «международных гарантиях» новых чехословацких границ, определение которых входило в компетенцию «международной комиссии». Гитлер со своей стороны принимал обязательство уважать неприкосновенность новых границ Чехословацкого государства. В результате расчленения Чехословакия потеряла почти 1/5 своей территории и около 1/4 населения,

345

а германская граница стала проходить в 40 км от Праги. Чехословакия лишилась половины своей тяжелой промышленности. Мюнхенское соглашение было циничным предательством Чехословакии со стороны Англии и Франции, для

которых Чехословакия явилась только разменной монетой в большой империалистической игре при заключении сделки с Гитлером.

Французское правительство покинуло своего союзника, не выполнило своих союзнических обязательств.

Английский дипломат Киркпатрик, участвовавший в мюнхенской конференции в составе делегации своей страны, в изданных им мемуарах так характеризует позицию Франции: «Французы, включая Даладье, решили достичь соглашения любой ценой. Они представляли собой смешную группку людей, которые не испытывали ни капли стыда из-за участия в расчленении их союзника»⁴⁵.

После Мюнхена стало очевидным, что данные тогдашней Францией обязательства по союзным договорам не стоят бумаги, на которой они написаны. Это относилось и к франко-польскому союзу и к советско-французскому договору о взаимопомощи 1935 г. Какие основания были надеяться на выполнение Третьей республикой своих обязательств, после того как она не выполнила их в отношении Чехословакии?

Когда Чемберлен, возвратившись после позорной Мюнхенской конференции в Англию, приземлился на Кройдонском аэродроме, он произнес напыщенную речь, в которой уверял, что «отныне мир обеспечен на целое поколение». Он цитировал шекспировского «Генриха IV»: «Из крапивы опасностей мы извлечем цветы спасения».

Советская газета «Известия» тогда же напомнила самоуверенному и ограниченному английскому премьеру, что непосредственно за процитированной им фразой у Шекспира говорится следующее: «Затея, за которую ты взялся, опасна. Друзья, которых ты перечислил, ненадежны, самый момент выбран неудачно. И весь твой заговор слишком легкомыслен, чтобы перевесить столь серьезные затруднения».

События подтвердили эти слова великого английского драматурга в применении к замыслам мюнхенцев.

В Мюнхене был подписан не только смертный приговор Чехословацкому государству. Там же был также выдан аванс Гитлеру для дальнейшего поощрения германской агрессии при условии предварительного согласования действий германского правительства с Англией и Францией. Вместе с тем Мюнхен, как отмечал руководитель делегации ВКП(б) в Исполкоме Коминтерна Д. З. Мануильский в своей речи на XVIII съезде партии, «...был заговором реакции против международного рабочего класса, против антифашистского движения всех стран, против мира

⁴⁵ The Sunday Times, 1959, May 31, p. 12; Kirkpatrick. The Inner Circle. London, 1959, p. 128.

346

и свободы всех народов»⁴⁶. Но прежде всего он был направлен против СССР. В этом заключалась суть Мюнхена. В Воззвании коммунистических партий 10 европейских стран, а также Канады и США от 9 октября 1938 г. была дана настоящая оценка этой мюнхенской сделке Чемберлена и Даладье с Гитлером. В нем говорилось: «Мюнхенское предательство не спасло мир, а лишь поставило его под угрозу, ибо оно нанесло удар союзу сил мира во всех странах и поощрило фашистов тем больше усугубить свои требования, что они чувствуют теперь поддержку со стороны реакционных кругов различных стран»⁴⁷.

Видный английский историк Уиллер-Беннетт был вынужден признать, что «смысл Мюнхенского соглашения заключался в том, чтобы уничтожить Чехословакию как самостоятельный военный, политический и экономический фактор и подготовить условия для дальнейшей экспансии Германии в сторону Польши и России»⁴⁸.

В своем стремлении «канализировать» немецко-фашистскую агрессию на Восток, против Советского Союза, правительство Чемберлена, а также следовавшее в фарватере его политики правительство Даладье — Боннэ не хотели замечать, что мюнхенский сговор о расчленении Чехословакии означал вместе с тем и серьезное ослабление позиций Англии и Франции. Между тем эту простую истину видели тогда политические единомышленники Чемберлена — видные консервативные политики, в том числе Идеи, Черчилль и др. Как пишет в своих мемуарах один из таких консервативных политиков — Гарольд Макмиллан, среди этой группы консерваторов существовало ясное представление о большой опасности и пагубности последствий «предательства чехов»⁴⁹. Идеи и Черчилль «также понимали колоссальные изменения всей стратегической обстановки в Центральной и Восточной Европе в результате фактического уничтожения чешской возможности сопротивляться германской экспансии. Соответственно был ослаблен и Запад, а относительная сила французской армии уменьшилась, так как сорок чешских дивизий, угрожавшие восточному фронту Гитлера, были демобилизованы и распущены, громадные укрепления были сданы, огромные арсеналы и склады попали в германские руки, а французская тщательно разработанная структура оборонительных союзов фактически была подорвана»⁵⁰.

Советская печать решительно выступила против мюнхенского сговора западных держав с агрессором за счет Чехословакии. Вот что, например, писала «Правда» о Мюнхенском договоре: «Весь мир, все народы отчетливо видят: за завесой изящных

⁴⁶ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) 10— 21 марта 1939 г.: Стеногр. отчет. М., 1939, с. 55.

⁴⁷ Коммунистический Интернационал, 1938, № 10, с. 125—126.

⁴⁸ Foreign Affairs, 1946, Oct., p. 38.

⁴⁹ Macmillan H. Op. cit., p. 562.

⁵⁰ Ibid., p. 563.

347

фраз о том, что Чемберлен в Мюнхене якобы спас всеобщий мир, совершен акт, который по своему бесстыдству превзошел все, что имело место после первой империалистической войны»⁵¹. Французские и английские правящие круги распускали ложные слухи, будто СССР был согласен с Мюнхенским соглашением. Советское правительство разоблачило эту клевету. В сообщении ТАСС от 2 октября 1938 г. говорилось: «Парижский корреспондент агентства Юнайтед Пресс сообщает в Нью-Йорк, что будто бы правительство СССР уполномочило Даладье выступать на конференции четырех держав в Мюнхене от имени СССР. ТАСС уполномочен сообщить, что Советское правительство никаких полномочий г-ну Даладье, разумеется, не давало, равно как не имело и не имеет никакого отношения к конференции в Мюнхене и к ее решениям. Означенное сообщение агентства Юнайтед Пресс является нелепой выдумкой от начала до конца».

Правительства Англии и Франции осуществили в Мюнхене свой сговор с Гитлером при поддержке правительства США, которое одобрило их политику потворства фашистской агрессии и позорную мюнхенскую сделку. Дипломатические представители США сочувственно оценивали действия Лондона и Парижа при совершении мюнхенского предательства. Это подтверждается посылкой американским президентом поздравления Чемберлену по случаю подписания Мюнхенского соглашения.

В Мюнхене Гитлер согласился, наконец, подписать (30 сентября) двустороннюю англо-германскую декларацию, представлявшую собой в сущности пакт о ненападении. В нем говорилось о «желании наших обоих народов никогда более не вести войны друг против друга, устранять какие бы то

ни было поводы к разногласиям». Чемберлен торжествовал. Он был уверен, что добился осуществления своей цели — сговора с Гитлером.

6 декабря 1938 г. в Париже Боннэ и Риббентроп подписали франко-германскую декларацию. В ней французское и германское правительства заявляли, что приложат все усилия для развития мирных и добрососедских отношений между своими странами, что менаду ними нет территориальных споров и что оба правительства будут поддерживать контакт и консультироваться друг с другом в случае угрозы осложнений в международных отношениях. Это был по сути дела пакт о ненападении между Францией и Германией.

После подписания франко-германской декларации от 6 декабря 1938 г. правящие круги Франции проводили активную политику сговора с Гитлером, надеясь при этом, что Германия в конце концов совершит нападение на Советский Союз. Ведь не случайно в официальном уведомлении всем французским послам Боннэ заявил, что в результате переговоров в Париже с Риббентропом у него создалось впечатление, что «германская политика будет впредь направлена на борьбу против большевизма»⁵².

⁵¹ Правда, 1938, 4 окт.

⁵² *Rounaud P. La France a sauve l'Europe. Paris, 1947, vol. 1, p. 575.*

348

Подталкивая немецко-фашистскую агрессию в сторону СССР, правительство Даладье — Боннэ было готово ради этого пожертвовать интересами Франции в Восточной Европе. После Мюнхена во время переговоров в Париже Боннэ говорил Риббентропу: «Франция отказывается от всех политических интересов в Восточной Европе и особо соглашается не воздействовать на Польшу против заключения соглашения с Германией, по которому Данциг возвращался бы Германии и Германия получила бы экстерриториальный коридор из Восточной Пруссии в рейх, через территорию Польского коридора»⁵³.

Это же подтверждал и помощник заместителя министра иностранных дел Англии Сарджент в своем письме от 22 декабря 1938 г. английскому послу в Париже Фиппсу. «Мы склонны подозревать,— писал Сарджент,— что Риббентроп мог покинуть Париж с впечатлением, что Боннэ предоставил ему свободу действий в Восточной Европе без вмешательства Франции, подобно тому, как Муссолини из позиции Лавалья в январе 1935 г. в Риме сделал вывод, что в том, что касается Франции, он имеет свободу действий в Абиссинии»⁵⁴.

После Мюнхена стало очевидным, что французское правительство не выполняет своих обязательств по союзным договорам. В переговорах с Риббентропом по поводу франко-германской декларации Боннэ по соображениям внутренней политики не решился открыто отказаться от пакта взаимопомощи с СССР, союза с Польшей и других союзных обязательств, чего добивался Риббентроп. Предстояло наверстать это упущение. Л. Ноэль (бывший французский посол в Варшаве) пишет в своих мемуарах, что Боннэ собирался «начисто и немедля денонсировать все соглашения, заключенные Францией: он при этом имел в виду франко-польские соглашения и франко-советский пакт о взаимной помощи»⁵⁵. В Париже даже и не скрывали старания столкнуть Германию с Советским Союзом.

Еще более активно вынашивались такие планы в Лондоне. Чемберлен надеялся, что после Мюнхена Германия направит свои агрессивные устремления против СССР. Во время парижских переговоров с Даладье 24 ноября 1938 г. британский премьер говорил, что «у германского правительства может иметься мысль о том, чтобы начать расчленение России путем поддержки агитации за независимую Украину»⁵⁶. Чемберлен был озабочен, как бы Франция при этом не дала себя втянуть в борьбу против Германии. Министр иностранных дел Боннэ

полностью успокоил его на этот счет. Об антисоветских планах Гитлера говорили также в своих беседах Галифакс и французский посол в Лондоне

⁵³ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1940, vol. 1. General, p. 53.

⁵⁴ Documents on British Foreign Policy 1919—1939. Third Series, vol. 3, p. 366. Footnote (далее — DBFP).

⁵⁵ Noel L. L'agression Allemande contre la Pologne. Paris, 1946, p. 259.

⁵⁶ DBFP, Third Series, vol. 3, p. 306—307.

349

Корбэн в декабре 1938 г.⁵⁷ Советник английского посольства в Германии Огильви-Форбс 6 декабря 1938 г. сообщал Галифаксу: «И в нацистских и в ненацистских кругах существует как будто единогласное мнение насчет того, что следующей целью, меры по осуществлению которой могут быть предприняты уже в 1939 г., явится создание, при содействии Польши или без нее, независимой русской Украины под опекой Германии»⁵⁸. В донесении Огильви высказывалось, впрочем, и опасение: а как бы все-таки не случилось так, что «тигр» совершит свой очередной скачок не на Восток, а на Запад... Такие опасения подсказывали английским правителям дальнейшую активизацию их политики сговора с Гитлером.

ПОСЛЕ МЮНХЕНА

Некоторые факты, казалось, подтверждали послемюнхенские надежды реакционных кругов Запада на то, что теперь фашистский зверь бросится не на Запад, а на Восток.

2 ноября 1938 г. по указке из Берлина в ранее принадлежавшем Чехословакии Закарпатье было создано марионеточное государство — «Карпатская Украина». Во главе нового «государства» Гитлер поставил украинских буржуазных националистов — находившихся на полном иждивении у германского фашизма предателей украинского народа. Создание «Карпатской Украины» было использовано германской печатью для организации шумной кампании за присоединение к «независимой» «Карпатской Украине» Советской Украины. Гитлеровцы рассчитывали создать в Закарпатье крупный центр подрывной деятельности против СССР. Подобного рода антисоветские планы щедро расписывала французская буржуазная печать. На XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 г. в Отчетном докладе ЦК были разоблачены планы «присоединить слона, т. е. Советскую Украину, к козявке, т. е. к так называемой Карпатской Украине».

Своей мюнхенской политикой пособничества фашистской агрессии Франция и Англия всячески поощряли желание Германии овладеть Украиной. Именно поэтому после подписания Мюнхенского соглашения английская и французская печать стала уделять много места «украинскому вопросу». При этом и из Лондона и из Парижа Гитлеру давали понять, что этот вопрос не затрагивает интересов ни Англии, ни Франции. Мюнхенцам казалось, что избранный ими политический курс торжествует: Гитлер, думали они, вот-вот двинется в поход на Советский Союз.

Но прошло несколько месяцев, и всему миру стал ясен полный провал близоруких расчетов творцов мюнхенской политики.

Большим потрясением был для мюнхенцев отказ Гитлера от его украинско-карпатской затеи: в марте 1939 г. он ликвидиро-

⁵⁷ DBFP, Third Series, vol. 3, p. 436.

⁵⁸ Ibid., p. 387.

350

вал «Карпатскую Украину», отдав ее венгерскому диктатору Хорти. Гитлер разрешил ему захватить «Карпатскую Украину», куда были введены венгерские

войска. Надежды на поход Гитлера на Советскую Украину тускнели. Вскоре стал понятен весь трагизм совершенного в Мюнхене злодеяния с точки зрения судеб не только Чехословакии, но и всего человечества.

15 марта 1939 г. Гитлер весьма выразительно продемонстрировал, что он нимало не считается ни с Англией, ни с Францией, ни с теми обязательствами, которые он перед ними принял. Смысл Мюнхенского соглашения заключался в том, чтобы Германия осуществила свою агрессию, грабеж Чехословакии не иначе как с согласия Англии и Франции. По принятому Гитлером обязательству Германия должна была уважать новые чехословацкие границы. И вот теперь германские войска внезапно вторглись в Чехословакию, полностью ее оккупировали и ликвидировали как государство. Чехия была превращена в провинцию германского рейха — «протекторат Богемия и Моравия». Словакия была отделена от Чехии и превращена в марионеточную республику. Южная ее часть еще в ноябре 1938 г. была отдана хортистской Венгрии.

В первые же дни после захвата фашистами Чехословакии гитлеровские дипломаты в Лондоне и Париже направляли в Берлин успокоительного характера сообщения относительно позиции Англии и Франции. Отмечая антигерманские настроения в Англии и падение престижа правительства Чемберлена, Дирксен в то же время подчеркнул: «Присоединение Чехии к Германии не приведет к увеличению напряженности до такой степени, чтобы это угрожало войной». Он писал: «Было бы неверным создавать иллюзии на тот счет, что в отношении Англии к Германии произошли коренные изменения»⁵⁹. Из Парижа немецкий посол сообщал: «Франция на деле ничего не предпримет в ситуации, созданной германскими действиями в Богемии, Моравии и Словакии»⁶⁰.

Советский Союз был единственной великой державой, которая не запятнала себя мюнхенским предательством. СССР и теперь решительно выступил в защиту чехословацкого народа и осудил новую гитлеровскую агрессию.

В своей ноте от 18 марта 1939 г. Советское правительство гневно клеймило совершенное гитлеровцами беззаконие и насилие. Оно заявило, что действия германского правительства «не могут не быть признаны произвольными, насильственными, агрессивными». Советский Союз, говорилось далее, «не может признать включение в состав Германской империи Чехии, а в той или иной форме также и Словакии правомерным и отвечающим общепризнанным нормам международного права и справедливости или принципу самоопределения народов». В заключение

⁵⁹ DGFP, Ser. D. vol. 6, p. 38.

⁶⁰ Ibid., p. 23.

351

Советское правительство указало, что действия германского правительства усилили опасность всеобщему миру, нарушили политическую устойчивость в Средней Европе, увеличили элементы еще ранее созданного в Европе состояния тревоги и нанесли новый удар чувству безопасности народов⁶¹.

Едва закончился марш гитлеровских захватчиков на Прагу, как распоясавшиеся фашисты совершили новые акты агрессии: 22 марта 1939 г. Германия оккупировала Клайпеду, принадлежавшую Литве. 23 марта Германия навязала Румынии кабальное экономическое соглашение, которое отдавало хозяйство страны под германский контроль. 21 марта германское правительство в ультимативной форме потребовало у Польши согласия передать Германии Данциг (Гданьск) и предоставить ей экстерриториальную автостраду и железную дорогу, перерезающие «польский коридор». 28 апреля Германия в порядке угрозы аннулировала германо-польский пакт о ненападении от 26 января 1934 г., давая понять, что она не исключает отныне войны против Польши.

В довершение всего Германия вслед за нарушением Мюнхенского соглашения нанесла еще одну пощечину английскому правительству и лично Чемберлену, расторгнув 28 апреля англогерманское военно-морское соглашение 1935 г. Затем Германия предъявила претензии на свои бывшие колонии, отнятые у нее Англией и Францией по Версальскому договору.

Безнаказанность гитлеровской агрессии подтолкнула к таким же действиям и фашистскую Италию. Она еще 22 декабря 1938 г. расторгла Конвенцию о взаимном уважении территориальной целостности государств в Центральной Европе и консультативный пакт с Францией, заключенные 7 января 1935 г., а вслед за тем предъявила Франции территориальные претензии, 7 апреля 1939 г. итальянские войска вторглись в Албанию и вскоре захватили ее. Международная обстановка накалялась все более и более.

В таких условиях, чреватых военной угрозой, проходил XVIII съезд ВКП(б). В политическом отчете ЦК ВКП(б) съезду, с которым выступил И. В. Сталин, была дана характеристика сложившегося положения. ЦК ВКП(б) заклеймил фашистских агрессоров и вскрыл существо мюнхенской политики западных держав, проводимой под ширмой «невмешательства» и «умиротворения» агрессии. «Политика невмешательства,— говорилось в докладе,— означает попустительство агрессии, развязывание войны... В политике невмешательства сквозит стремление, желание — не мешать агрессорам творить свое черное дело, не мешать, скажем, Японии впутаться в войну с Китаем, а еще лучше с Советским Союзом, не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны... ослабить и истощить друг

⁶¹ Документы по истории мюнхенского сговора. 1937—1939, с. 427—428.

352

друга, а потом, когда они достаточно ослабнут,— выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, «в интересах мира» и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия. И дешево и мило!»

В докладе содержалось серьезное предупреждение в адрес мюнхенцев: «Опасная политическая игра,— говорилось там,— начатая сторонниками политики «невмешательства», может окончиться для них серьезным провалом».

СОВЕТСКО-АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ ВЕСНОЙ И ЛЕТОМ 1939 г.

Систематическое потворство фашистской агрессии со стороны правительств Англии и Франции, равно как и США, отказ Англии и Франции от сотрудничества с СССР, нарушение Францией своего союзнического долга перед Чехословакией не могли не вызвать у Советского правительства сомнений в готовности западных держав, выступить против фашистских агрессоров. Советское правительство учитывало, конечно, печальный опыт Мюнхена и политики «невмешательства» в Испании. Но оно не хотело упустить ни одного шанса для организации коллективного отпора агрессорам.

18 марта 1939 г., в связи со сведениями о германской угрозе Румынии, Советское правительство предложило созвать конференцию наиболее заинтересованных государств — СССР, Великобритании, Франции, Румынии, Польши и Турции с тем, чтобы определить позицию в отношении новой германской агрессии. Это предложение было сделано через наркома иностранных дел английскому послу. Оно последовало в ответ на вопрос посла о позиции СССР в случае насилия над Румынией со стороны гитлеровского рейха, последовало с исключительной быстротой, в тот же день, когда был задан послом

этот вопрос.

Но английское правительство ответило, что считает созыв конференции «преждевременным»⁶². Английское правительство явным образом стремилось побудить СССР высказаться в защиту Румынии и тем втянуться в конфликт с Германией, но не хотело само созыва конференции или принятия каких-либо коллективных мер.

Известный американский журналист и историк У. Ширер, никогда не питавший симпатий в отношении СССР, признает, однако, что правительства Англии и Франции «своим отказом принять советское предложение о немедленном созыве конференции с целью создания антигитлеровской коалиции умышленно игнорировали представлявшуюся возможность привлечь Россию на свою сторону»⁶³.

⁶² СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г.—август 1939 г.): Документы и материалы. М., 1971, с. 246, 247 (далее — СССР в борьбе за мир...).

⁶³ Shirer W. The Collapse of the Third Republic. An Inquiry into the Fall of France in 1940. New York, 1970, p. 424.

353

Все же оставить советскую инициативу без последствий было, очевидно, сочтено тактически неудобным. Поэтому 21 марта 1939 г. английское правительство направило в Москву новое предложение подписать декларацию с участием Англии, СССР, Франции и Польши, предусматривающую немедленную консультацию ее участников относительно мер для совместного сопротивления агрессии против какого-либо европейского государства⁶⁴. Советское правительство считало эту меру недостаточно эффективной. Тем не менее оно на следующий же день ответило согласием.

Однако 1 апреля сам инициатор предложения — английское правительство — вдруг заявило, что считает вопрос о декларации отпавшим. Легко понять, что такое обескураживающее заявление не внушало надежд на возможность соглашения с Англией о совместном отпоре агрессору.

Последующие предложения, сделанные Советскому Союзу с английской стороны, также не обнадеживали. 14 апреля 1939 г. английское правительство предложило Советскому правительству выступить с публичным заявлением о том, что «в случае акта агрессии против какого-либо европейского соседа Советского Союза, который оказал бы сопротивление (агрессии.— *Ред.*), можно будет рассчитывать на помощь Советского правительства, если она будет желательна, каковая помощь будет оказана путем, который будет найден наиболее удобным»⁶⁵.

В этом предложении не предусматривалось никаких обязательств Англии и Франции на случай прямого нападения Германии на СССР, хотя в отношении друг друга обе западные державы уже были связаны обязательствами взаимной помощи.

Мало того, предложенная редакция декларации содержала в себе нечто провокационное. Согласно английскому проекту Советский Союз должен был оказать «помощь», т. е., очевидно, обязан был воевать против агрессора в случае его нападения на кого-либо из европейских соседей СССР, при условии, что советская помощь «окажется желательной». Европейскими соседями СССР являлись Финляндия, Эстония, Латвия, Польша, Румыния. Два последних государства имели гарантии от Англии и Франции, и, следовательно, оказывая им помощь, Советская страна могла рассчитывать, что будет воевать против агрессора в союзе с двумя другими великими державами. Однако в случае фашистского нападения на Финляндию, Эстонию или Латвию английское предложение не давало Советскому Союзу никаких оснований рассчитывать на поддержку со стороны Англии и Франции. А между тем для СССР нападение

Германии на прибалтийские страны в силу их географического положения было не менее опасным, чем ее нападение на Польшу и Румынию. Связывая Советский Союз обязательством помочь прибалтийским государ-

⁶⁴ СССР в борьбе за мир..., с. 264; DBFP, Third Series, vol. 4, p. 436.

⁶⁵ СССР в борьбе за мир..., с. 331, 333; DBFP, Third Series, vol. 5, p. 206.

354

ствам, английское предложение оставляло у Англии и Франции руки свободными. Английское предложение предусматривало крайнее неравенство обязательств: на Советский Союз возлагалось очень многое, на западные же державы — значительно меньше.

Если бы англо-франко-советское соглашение на предложенной англичанами основе состоялось, оно указало бы Гитлеру стратегическое направление его агрессии, которое ему следует избрать, чтобы заставить Советский Союз воевать в состоянии изоляции. Таким направлением являлось прибалтийское — с моря или из Восточной Пруссии через Литву на Латвию, Эстонию, а также через Финляндию, в обоих случаях с выходом на подступы к Ленинграду.

Особого внимания заслуживает оговорка английского проекта: «...если она (т. е. советская помощь.— *Ред.*) окажется желательной...» Из этих слов явствует, что в случае агрессии против одного из европейских соседей Советского Союза он обязан будет воевать, если сосед скажет, что советская помощь ему желательна. Но СССР должен был бы воздерживаться от противодействия агрессору, если соседнее государство решит, что помощь ему нежелательна. Иначе говоря, Советский Союз был бы связан в случае нападения Германии на его соседей, но зато соседи сохраняли полную свободу действий: они могли бы и не принимать помощи СССР, а, например, отдаться в руки Гитлеру, как несколько позже и поступили боярско-буржуазная Румыния и буржуазная Финляндия, допустив германские войска на свои территории.

В тот же день, 14 апреля, французское правительство предложило Советскому Союзу согласиться на дополнение к франко-советскому договору от 2 мая 1935 г., в соответствии с которым СССР обязался бы прийти Франции на помощь, если бы она оказалась в состоянии войны с Германией вследствие помощи, оказанной Польше и Румынии ⁶⁶. Это предложение также имело серьезные недостатки. Оно не касалось случая агрессии против Прибалтики и прямого нападения Германии на СССР. Под воздействием Лондона французское правительство вскоре само отказалось от собственных предложений и присоединилось к английским. В последующем обе западные державы выступили в Москве с совместными предложениями, которые были совершенно неприемлемы для СССР. «Ясно,— пишет Ширер,— что в то время, когда немцы совершенно открыто готовились к нападению на Польшу, а итальянцы продвигались на Балканы, французы и англичане не предприняли серьезных усилий, чтобы вступить с русскими в военный союз против Гитлера» ⁶⁷.

17 апреля 1939 г. правительство СССР вручило английскому, а 18 апреля — французскому правительствам свои предложения,

⁶⁶ СССР в борьбе за мир..., с. 332; DBFP, Third Series, vol.5, p. 216.

⁶⁷ Shirer W. Op. cit., p. 425.

355

предусматривавшие заключение между тремя державами равноправного эффективного договора о взаимопомощи против агрессии. Советский Союз предлагал:

«1. Англия, Франция, СССР заключают между собою соглашение сроком на 5—10 лет о взаимном обязательстве оказывать ДРУГ другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств.

2. Англия, Франция, СССР обязуются оказывать всяческую, в том числе и военную, помощь восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств.

3. Англия, Франция и СССР обязуются в кратчайший срок обсудить и установить размеры и формы военной помощи, оказываемой каждым из этих государств во исполнение § 1 и 2»⁶⁸.

Договаривающиеся стороны обязывались после открытия военных действий не вступать в какие бы то ни было переговоры, и не заключать мира с агрессорами отдельно друг от друга и без общего всех трех держав согласия⁶⁹.

В качестве одного из обязательных условий соглашения Советское правительство предлагало, чтобы Англия, Франция и СССР в кратчайший срок обсудили и установили размеры и формы военной помощи, оказываемой каждым из этих трех государств при выступлении против агрессора. Оно настаивало, чтобы результаты этой договоренности были зафиксированы в военной конвенции, которая должна быть подписана одновременно с политическим соглашением о взаимной помощи. Правительство Советского Союза считало, что без такой конвенции пакт взаимопомощи не будет эффективным. Однако такое соглашение не устраивало английское правительство. Галифакс, встретившись вскоре после этого с польским послом, заявил ему, что «советское предложение, хотя оно и серьезно, идет далее того, на что готово пойти британское правительство»⁷⁰.

Советское предложение было сделано в крайне тревожный момент: польско-германский конфликт разгорался с каждым днем. Тем не менее английское правительство затянуло ответ на три недели — до 8 мая 1939 г.

Полученный наконец английский ответ сводился к предложению, чтобы Советское правительство «обязалось бы в случае вовлечения Великобритании и Франции в военные действия во исполнение принятых ими обязательств (т. е. гарантий Польше, Румынии, Турции и т. д.— *Ред.*) оказать немедленное содействие, если оно будет желательным»⁷¹.

⁶⁸ СССР в борьбе за мир..., с. 336—337.

⁶⁹ Там же, с. 337.

⁷⁰ Там же, с. 341.

⁷¹ СССР в борьбе за мир..., с. 383; DBFP, Third Series, vol. 6, p. 487.

356

Характеризуя это предложение, советский полпред во Франции в донесении в НКВД от 10 мая 1939 г. писал: «Оно автоматически втягивает нас в войну с Германией, когда Англии и Франции заблагорассудится воевать с Германией из-за обязательств, данных ими без нашего согласия и без согласования с нами. Они признают лишь за собой право установить как момент, так и круг объектов такого конфликта. Отводя нам роль слепого спутника в комбинации, они не хотят, нас гарантировать даже от последствий, которые повлечет за собой для нас наше обязательство»⁷².

Нетрудно видеть, что новый английский проект соглашения с Советским Союзом мало чем отличался от первоначального английского предложения. Все возражения, которые вызывал первый проект, оставались в силе и в отношении нового. В телеграмме полпреду СССР в Лондоне НКВД дал английскому предложению следующую оценку: «Англичане и французы требуют от нас односторонней и даровой помощи, не берясь оказывать нам эквивалентную помощь»⁷³.

14 мая 1939 г. В. М. Молотов, который после освобождения М. М. Литвинова от обязанностей наркома 3 мая был назначен народным комиссаром иностранных дел, вручил английскому послу в Москве следующий ответ правительства СССР:

«Советское правительство внимательно рассмотрело последние предложения великобританского правительства, врученные Советскому правительству 8 мая, и пришло к заключению, что они не могут послужить основой для организации фронта сопротивления миролюбивых государств против дальнейшего развертывания агрессии в Европе.

Мотивы такого заключения:

1. Английские предложения не содержат в себе принципа взаимности в отношении СССР и ставят его в неравное положение, так как они не предусматривают обязательства Англии и Франции по гарантированию СССР в случае прямого нападения на него со стороны агрессоров, в то время как Англия, Франция, равно как и Польша, имеют такую гарантию на основании существующей между ними взаимности.

2. Английские предложения распространяют гарантию восточноевропейских государств, граничащих с СССР, лишь на Польшу и Румынию, ввиду чего северо-западные границы СССР со стороны Финляндии, Эстонии, Латвии остаются неприкрытыми.

3. Отсутствие гарантий СССР со стороны Англии и Франции в случае прямого нападения агрессоров, с одной стороны, и неприкрытость северо-западных границ СССР, с другой стороны, могут послужить провоцирующим моментом для направления агрессии в сторону Советского Союза.

⁷² СССР в борьбе за мир..., с. 385—386.

⁷³ Там же, с. 383.

357

Советское правительство полагает, что для создания действительного барьера миролюбивых государств против дальнейшего развертывания агрессии в Европе необходимы по крайней мере три условия.

1. Заключение между Англией, Францией и СССР эффективного пакта о взаимопомощи против агрессии;

2. Гарантирование со стороны этих трех великих держав государств Центральной и Восточной Европы, находящихся под угрозой агрессии, включая сюда также Латвию, Эстонию, Финляндию;

3. Заключение конкретного соглашения между Англией, Францией и СССР о формах и размерах помощи, оказываемой друг другу и гарантируемым государствам, без чего (без такого соглашения) пакты взаимопомощи рискуют повиснуть в воздухе, как это показал опыт с Чехословакией»⁷⁴.

Выдвигая эти предложения, СССР думал не только о своей безопасности, но и о сохранении мира для всех народов Европы. Разъясняя необходимость организации коллективной безопасности, советский полпред в Лондоне отмечал 22 мая 1939 г. в беседе с Галифаксом: «Хотя Россия сможет собственными силами выиграть любую оборонительную войну,— гласит английская запись этой беседы,— она не сможет своими силами предотвратить войну как таковую. Поэтому она готова сотрудничать для достижения этой цели с другими державами»⁷⁵.

Только 27 мая 1939 г. был получен англо-французский ответ на советские предложения от 14 мая 1939 г.⁷⁶

В этих предложениях, в отличие от прежних английских предложений, наконец, предусматривалась английская и французская помощь Советскому Союзу в случае прямого нападения Германии на СССР. Однако механизм оказания помощи подчинялся сложной и длительной процедуре, установленной Лигой наций, что делало эту помощь малоэффективной. Остальные недостатки предшествующих английских проектов устранены не были.

Ознакомившись с англо-французскими предложениями, народный комиссар

иностранных дел СССР сделал 27 мая английскому послу и французскому поверенному в делах следующее заявление: «Англо-французский проект не только не содержит плана организации эффективной взаимопомощи СССР, Англии и Франции против агрессии в Европе, но даже не свидетельствует о серьезной заинтересованности английского и французского правительств в заключении соответствующего пакта с СССР. Англо-французские предложения наводят на мысль, что правительства Англии и Франции не столько интересуются самим пактом, сколько разговорами о нем. Возможно, что эти разговоры и нужны Англии и Франции для каких-то целей. Советскому правитель-

⁷⁴ СССР в борьбе за мир..., с. 395.

⁷⁵ DBFP, Third Series, vol. 5, p. 632.

⁷⁶ СССР в борьбе за мир..., с. 421; DBFP, Third Series, vol. 5, p. 679—680.

358

ству эти цели неизвестны. Оно заинтересовано не в разговорах о пакте, а в организации действенной взаимопомощи СССР, Англии и Франции против агрессии в Европе. Участвовать только в разговорах о пакте, целей которых СССР не знает, Советское правительство не намерено. Такие разговоры английское и французское правительства могут вести с более подходящими, чем СССР, партнерами»⁷⁷.

Неискренность поведения английского правительства бросалась в глаза каждому непредубежденному деятелю. В этой связи следует напомнить оценку, которую дал этому поведению правительства Чемберлена Ф. Рузвельт в беседе с известным английским профессором Ласки во время пребывания последнего в США. Эту оценку изложил Ласки в ходе беседы с полпредом СССР в Лондоне Майским 10 июля 1939 г. В частности, Ласки говорил. «По словам Рузвельта, у него создается такое впечатление, как будто бы британское правительство занято не вопросом о заключении важнейшего международного договора, а покупает на базаре персидский ковер: торгуется из-за каждой мелочи и прибавляет по пенсу через каждые полчаса. Рузвельт считает, что это самый плохой метод ведения переговоров вообще, а ведения переговоров с СССР в особенности»⁷⁸. Несмотря на это, СССР предпринимал все новые и новые усилия, чтобы добиться от Лондона и Парижа новых конструктивных предложений по пакту о взаимопомощи, который был бы построен на принципах взаимности.

В своих встречных предложениях от 2 июня 1939 г.⁷⁹ Советское правительство пыталось убедить Англию и Францию изменить те положения их проектов, которые могли послужить провоцирующими моментами для нападения гитлеровской Германии на Прибалтику и через нее на Советский Союз. В соответствии с пожеланиями Англии и Франции Советское правительство выразило готовность распространить свою помощь также на Бельгию, Грецию и Турцию в случае нападения Германии на эти страны, которым Англия и Франция предоставили гарантии независимости. Когда западные державы поставили вопрос об оказании поддержки также Голландии и Швейцарии, Советское правительство согласилось и на это⁸⁰. Оно вновь настаивало, чтобы между тремя державами в кратчайший срок была заключена военная конвенция.

15 июня 1939 г. правительства Англии и Франции сообщили Советскому правительству свои замечания по его последнему про-

⁷⁷ СССР в борьбе за мир..., с. 418.

⁷⁸ АВП СССР. Запись беседы полпреда СССР в Лондоне с проф. Ласки от 10 июля 1939 г.

⁷⁹ СССР в борьбе за мир..., с. 432—433; DBFP, Third Series, vol. 5, p. 753—754.

⁸⁰ Предложение относительно включения в договор обязательств помощи Голландии и Швейцарии было впоследствии снято Англией и Францией.

359

екту⁸¹. Эти замечания свидетельствовали прежде всего о том, что Англия и Франция по-прежнему не желали брать на себя обязательства по оказанию

Советскому Союзу немедленной помощи в случае, если СССР будет вовлечен в войну с агрессором в связи с нападением последнего на Латвию, Эстонию и Финляндию. И это в условиях, когда Советский Союз был обязан оказать немедленную помощь Польше, Румынии, Бельгии, Греции и Турции в случае нападения на них агрессора и вовлечения в связи с этим в войну Англии и Франции. Обе западные державы на случай агрессии в Прибалтике выражали только готовность вступить с Советским Союзом в консультации о возможности оказания помощи.

Ввиду чрезвычайной остроты сложившейся международной обстановки ответ Советского правительства был дан уже на следующий день, 16 июня. «Советское правительство,— говорилось в ответе СССР на замечания западных держав,— никак не может согласиться с этим», т. е. с отказом от обязательств оказания помощи в случае нападения на прибалтийские республики при обязательстве СССР помогать тем странам, которые были указаны Англией и Францией. «Оно не может примириться с унижительным для Советского Союза неравным положением, в которое он при этом попадает». Советское правительство соглашалось отложить вопрос о гарантии другим государствам, как не созревший, и предложило ограничиться договоренностью относительно взаимной помощи в случае агрессии против одной из трех договаривающихся великих держав⁸².

Не менее симптоматичным был отказ Англии и Франции заключить одновременно с пактом о взаимной помощи также и военную конвенцию. Правительства западных держав мотивировали свой отказ сомнением в возможности прийти к конкретному военному соглашению в сравнительно короткий срок. Они предлагали в вопросе о методах, формах и размерах военной помощи ограничиться консультациями между генеральными штабами трех держав.

Особое сомнение в искренности английского и французского правительств вызывал их отказ принять советское предложение о заключении перемирия или мира с общим противником не иначе как по совместному соглашению.

Правительство Франции было более склонно к соглашению с СССР, чем английское, но во всех спорах, возникавших у него с Лондоном, оно обычно кончало тем, что позволяло Чемберлену повести себя на буксире. Оба правительства подвергались энергичным атакам в парламентах за саботаж переговоров с Советским Союзом.

⁸¹ СССР в борьбе за мир..., с. 450—451; DBFP, Third Series, vol. 6, p. 33—41, 79, 115—120.

⁸² СССР в борьбе с за мир..., с. 452; DBFP, Third Series, vol. 6, p. 86e.

Отмечая большую популярность идеи участия Советского Союза в пакте о взаимопомощи с Англией и Францией среди самых различных политических партий и групп, представленных во французском парламенте, полпред СССР в Париже Я. З. Суриц писал в своем донесении в Москву 11 июля 1939 г.: «Необходимость такого договора с нами признавалась почти всеми выступавшими парламентариями, хотя аргументировалась эта необходимость, конечно, неодинаково, как неодинаковы и мотивы, которыми разные группы и партии при этом руководствуются. Общее, что всех объединяет, что из этого разнообразия мнений может быть вынесено за скобку,— это, конечно, чувство военной опасности, сознание, что на Францию надвигается война и желание иметь в этой войне на своей стороне СССР.

При всем разнообразии мнений, которые существуют насчет силы и мощи СССР, все сходится на том, что лучше эту силу иметь на стороне Франции»⁸³.

Под влиянием широкой общественности, настаивавшей на принятии мер против фашистской агрессии, правительства Англии и Франции вынуждены были

сделать некоторые уступки. Они согласились упомянуть Финляндию, Эстонию и Латвию в особом секретном протоколе и принять явно необходимое условие о недопустимости сепаратного мира⁸⁴. Однако обе западные державы отказывались выступить против Германии в случае применения ею косвенных видов агрессии — организации в странах Прибалтики государственного переворота или проведения ими прогитлеровской политики, хотя и то и другое было как раз наиболее вероятной формой подчинения Прибалтики фашистской Германии. Во второй половине июля французское правительство по вопросу о косвенной агрессии стало склоняться к советской точке зрения, но в Лондоне оставались непреклонными⁸⁵. Как указывалось в сообщении ТАСС от 2 августа 1939 г., «одна из причин затяжки переговоров состоит в том, что английская формула оставляет... лазейку для агрессора»⁸⁶.

Это хорошо понимали сами французские и английские представители. В письме в МИД Англии от 20 июля 1939 г. заведующий департаментом Центральной Европы Стрэнг, который вел вместе с послом переговоры в Москве, писал, что «Советское правительство полно решимости добиться того, чтобы наша помощь оказывалась не только в случае агрессии классического типа, но также и в случае агрессивных действий, предпринятых в соответствии с новыми приемами, с которыми познакомили нас

⁸³ АВП СССР. Письмо полпреда СССР в Париже в НКВД от 11 июля 1939 г.

⁸⁴ СССР в борьбе за мир..., с. 476, 484—486; DBFP, Third Series, vol. 6 p. 140—142, 173—174, 193—194, 229—232, 308—310.

⁸⁵ Foreign Relations of the United States, 1939. Washington, 1956 vol. 1 p. 292; DRFP, Third Series, vol. 6, p. 276, 310—312.

⁸⁶ СССР в борьбе за мир..., с. 524.

361

державы оси. Если мы хотим понять, как Советское правительство относится к прибалтийским государствам, то мы должны только представить себе, как бы мы сами отнеслись к установлению германского влияния в Голландии или Бельгии. Как вы помните, мы уделили большое внимание этому вопросу в феврале прошлого года, когда мы достигли соглашения с французами в отношении общих действий в случае германской агрессии против Голландии»⁸⁷.

Крайне неблагоприятную роль в срыве англо-франко-советских переговоров играло реакционное, полуфашистское правительство Польши, которое не хотело заключать пакт о взаимопомощи с рабоче-крестьянским социалистическим государством.

Позицию польского правительства изложил его посол в Москве Гржибовский в беседе с наркомом 11 мая 1939 г. «Польское правительство заявляет,— говорил он,— что инициатива Франции в переговорах о гарантировании Польши не соответствует точке зрения польского правительства, которое такого рода переговоры считает возможным вести только само, а Франции таких переговоров оно не поручало. Польша не считает возможным заключение пакта о взаимопомощи с СССР ввиду практической невозможности оказания помощи Советскому Союзу со стороны Польши, а между тем Польша исходит из того принципа, что пакт о взаимопомощи возможно заключать только на условиях взаимности»⁸⁸.

Для обоснования отказа Польши принять участие в пакте взаимопомощи для отпора фашистской агрессии министр иностранных дел Бек изобрел свою «доктрину», которая гласила: «Польское правительство стоит на твердой позиции не входить ни в какие соглашения с одним из своих сильных соседей против другого, т. е. ни с Германией против СССР, ни с СССР против Германии»⁸⁹.

С советской стороны неоднократно указывалось на несостоятельность этой «доктрины» Бека. Нарком иностранных дел СССР говорил тогда, что польский

аргумент имел бы смысл, если бы СССР предлагал Польше участвовать в какой-либо комбинации против Германии, против ее интересов, против германского народа. Такую комбинацию отклонил бы и Советский Союз. «Речь, однако, идет не об этом,— подчеркивал он,— а о комбинации для борьбы с агрессией Германии, и это совсем другое дело»⁹⁰. Этот аргумент использовало и румынское правительство для мотивировки своего отказа пропустить советские войска через территорию Румынии. Польское и румынское правительства координировали свои действия, выступая единым фронтом. Их нежелание содействовать организации коллективного отпора фашистской

⁸⁷ DBFP, Third Series, vol. 6, p. 423.

⁸⁸ СССР в борьбе за мир..., с. 393.

⁸⁹ Там же, с. 293.

⁹⁰ Там же, с. 297.

362

агрессии объяснялось тем, что румынское правительство искало опоры в Берлине, чтобы сохранить захваченную в 1918 г. советскую территорию — Бессарабию. Что касается польского правительства, то его позиция определялась общим антикоммунистическим и антисоветским курсом: оно только выжидало подходящего момента для осуществления своего плана больших территориальных захватов за счет СССР. Свои агрессивные планы в отношении СССР польское правительство надеялось осуществить совместно с гитлеровской Германией. Поэтому правители Польши неоднократно давали знать Гитлеру о своей готовности принять участие в войне гитлеровской Германии против Советского Союза. Так вице-директор политического департамента МИД Польши в беседе с советником германского посольства в Варшаве 18 ноября 1938 г. заявил о согласии Польши «выступить на стороне Германии в походе на Советскую Украину»⁹¹. Несколько позже польский дипломат Каршо-Седлевский в беседе с советником германского посольства в Варшаве повторил эту же мысль, сказав: «Через несколько лет Германия будет воевать с Советским Союзом, а Польша поддержит, добровольно или вынужденно, в этой войне Германию». Во время встречи с Риббентропом в Варшаве 26 января 1939 г. Бек не скрывал, что Польша претендует на Советскую Украину и на выход к Черному морю⁹². В ответ на поддержку Германией этих претензий он обещал обдумать вопрос о присоединении Польши к антикоминтерновскому пакту⁹³. В результате в Берлине сделали вывод о том, что в случае германо-советского конфликта можно полностью положиться на Польшу. Беседуя с немецким журналистом, посол Германии в Варшаве заявил 13 февраля 1939 г.: «Мы знаем, что Польша в случае германо-русского конфликта будет стоять на нашей стороне. Это совершенно определено»⁹⁴.

Правящие круги Польши отказались пересмотреть свою враждебную Советскому Союзу политику даже тогда, когда над страной нависла угроза гитлеровского нападения. Между тем правительство Чемберлена умышленно затягивало переговоры с Советским Союзом о заключении англо-франко-советского пакта о взаимопомощи. Характеризуя позицию Чемберлена и его сторонников, Ллойд-Джордж в беседе с советским полпредом говорил 14 июля 1939 г., что чемберленовская клика «до сих пор не может примириться с идеей пакта с СССР против Германии, пытается сейчас проделать примерно такой маневр. С одной стороны, британское правительство давит на Польшу через политические, военные и финансовые каналы, рекомендуя ей «умеренность» в вопросе о Данциге. С другой стороны, через мобилизацию флота, воздушные демонстрации во Франции (и, вероятно, в Польше),

⁹¹ СССР в борьбе за мир..., с. 82.

⁹² Там же, с. 171.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же, с. 199.

363

подчеркивание прочности англо-французского союза, «твердые» речи британских министров и т. д., британское правительство стремится несколько «припугнуть» Германию и побудить ее не доводить конфликт из-за Данцига до войны». В случае, если этот маневр удастся, продолжал Ллойд-Джордж, и «германская агрессия либо на время вообще приостановится, либо повернется своим острием в каком-либо ином направлении, не вызывающем для Англии необходимости выполнять данные ею европейским государствам обязательства, то потребность в срочном заключении пакта с СССР ослабнет и Чемберлен получит возможность еще раз попытаться договориться с агрессорами или, в крайнем случае, надолго затянуть подписание договора с Советским правительством»⁹⁵.

17 июля 1939 г. НКВД сообщал полпредам в Лондоне и Париже о ходе переговоров: «Остается разногласие о формулировке, определяющей понятие „косвенная агрессия“, так как в этом вопросе наши партнеры прибегают к всевозможным жульничествам и недостойным уверткам.

Мы настаиваем также на том, что военная часть есть неотъемлемая составная часть военно-политического договора, каким является проект обсуждаемого договора, и категорически отклоняем англо-французское предложение о том, чтобы прежде договориться о «политической» части договора и только после этого перейти к военному соглашению. Это мошенническое англо-французское предложение разрывает единый договор на два договора и противоречит нашему основному предложению об одновременности заключения всего договора, включая и его военную часть, которая является самой важной и самой политической частью договора... без совершенно конкретного военного соглашения, как составной части всего договора, договор превратился бы в пустую декларацию»⁹⁶.

Невмешательство США в переговоры о заключении англо-франко-советского договора о взаимопомощи расценивалось в Лондоне и Париже как молчаливое одобрение их политики, направленной на бесконечное затягивание и в конечном счете срыв этих переговоров. Президент Рузвельт, как сообщал об этом советский полпред в США летом 1939 г., «не решился воспользоваться имеющимися в его распоряжении моральными и материальными средствами для воздействия на англичан и французов с целью повлиять на их внешнеполитическую линию»⁹⁷.

Американские послы Кеннеди в Лондоне и Буллит в Париже оказывали влияние в резко антисоветском духе. В июле 1939 г. в госдепартаменте был подготовлен меморандум, в котором извращались цели советской политики. Вопреки воле президента Рузвельта сохранял силу закон о нейтралитете, запрещавший постав-

⁹⁵ СССР в борьбе за мир..., с. 491—492.

⁹⁶ Там же, с. 496.

⁹⁷ АВП СССР. Письмо полпреда СССР в США в НКВД от 6 июня 1939 г.

364

ки оружия воюющим странам и исключавший даже этот вид помощи противникам фашистских агрессоров. Это поощряло фашистскую Германию и было для нее фактически поддержкой. В тот период, когда над миром уже нависла угроза фашистской агрессии, правительства Лондона и Парижа продолжали свою игру в переговоры с Советским Союзом, надеясь остаться в стороне от надвигающейся войны. В этой сложной обстановке один «Советский Союз настойчиво боролся за создание системы коллективной безопасности, которая могла бы обуздать агрессоров и предотвратить вторую мировую войну»⁹⁸.

98

МОСКОВСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ ВОЕННЫХ МИССИЙ

Новым убедительным свидетельством нежелания западных держав заключить пакт о взаимопомощи с СССР было их отношение к советскому предложению начать военные переговоры между представителями вооруженных сил СССР, Англии и Франции, сделанному 23 июля 1939 г.

Западные державы долго противились заключению военной конвенции одновременно с пактом о взаимопомощи. Только 25 июля они, наконец, приняли это предложение, но с его осуществлением не торопились.

Весьма показательна и то, что разработку проекта военной конвенции, которую надлежало заключить Англии и Франции с Советским Союзом, они начали только 13 июля, т. е. спустя три месяца после начала переговоров о заключении пакта о взаимной помощи. Но, начав эти переговоры, в Лондоне и Париже не торопились с их завершением. В результате к моменту отъезда английской и французской военных миссий в Москву (5 августа) проект конвенции не был готов.

Это обстоятельство правительство Чемберлена использовало для новой задержки с открытием англо-франко-советских военных переговоров в Москве. Ссылаясь на необходимость завершить работу по составлению проекта военной конвенции и согласования линии поведения на московских переговорах, правительство Чемберлена решило английскую и французскую военные миссии отправить не самолетом, а тихоходным почтово-пассажирским пароходом «Сити оф Эксетер». Им понадобилось более пяти суток, чтобы добраться до Ленинграда. Все это время английская и французская делегации проводили в дискуссиях об их линии поведения в Москве и о согласовании проекта статей конвенции. Но, как пишет глава французской делегации генерал Думенк в составленном им «Дневнике о пребывании французской военной миссии в Москве в 1939 г.», обнаруженном среди немецких трофейных архивных материалов, большую часть времени они проводили за игрой в пинг-понг, устроив соревнование английской и французской команд.

⁹⁸ Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи, М., 1970, т. 2, с. 123.

365

Разработанный английской и французской делегациями проект конвенции практически не предусматривал настоящего военного сотрудничества вооруженных сил Англии и Франции с Вооруженными Силами Советского Союза. В частности, не предусматривалось такое сотрудничество для защиты Польши и Румынии в случае нападения на них Германии. Это ясно видно из статьи 7 проекта конвенции, которая гласила:

«Защита национальной территории Польши и Румынии относится к обязанностям их вооруженных сил. Три договаривающиеся державы все же соглашаются оказывать упомянутым выше государствам поддержку как только они попросят о ней, действуя совместно или порознь и оказывая им всю возможную с их стороны помощь, которая будет признаваться необходимой, причем особое значение придается поддержке с воздуха и помощи техническими материалами и специалистами»⁹⁹.

Об отсутствии серьезного намерения у Англии и Франции заключать с СССР соглашение о военном сотрудничестве свидетельствуем и то, что во главе миссий были поставлены второстепенные фигуры — адмирал Дракс, генерал Думенк, к тому же у адмирала Дракса не было никаких полномочий для ведения переговоров. Советскую военную миссию возглавлял народный комиссар обороны К. Е. Ворошилов, получивший широкие полномочия. Они предоставляли

ему право «вести переговоры с английской и французской военными миссиями и подписать военную конвенцию по вопросам организации военной обороны Англии, Франции и СССР против агрессии в Европе»¹⁰⁰.

Весьма убедительным фактом, свидетельствовавшим об истинных намерениях правительства Чемберлена, является директива, которую получила английская миссия, отправляясь в Москву на переговоры. В ней говорилось: «Британскому правительству представляется нежелательным брать на себя какое-либо определенное обязательство, могущее связать нам руки при любых обстоятельствах. Поэтому следует стремиться к тому, чтобы ограничиваться в военном соглашении возможно более общими формулировками. Что-нибудь вроде согласованной декларации о политике могло бы соответствовать этому». «Если русские предложат, чтобы английское и французское правительства обратились к Польше, Румынии или прибалтийским государствам с предложениями, влекущими за собой сотрудничество с Советским правительством или Генеральным штабом, делегация не должна брать на себя каких-либо обязательств, а обращаться в Лондон. Делегация не должна обсуждать вопроса об обороне прибалтийских государств, так как ни Великобритания, ни Франция не гарантировали этих стран...».

Итак, инструкция предписывала миссии уклоняться от заключения конкретного соглашения, не обсуждать вопроса о проходе

⁹⁹ DBFP, Third Series, vol. 7, p. 596.

¹⁰⁰ СССР в борьбе за мир..., с. 535—536.

366

советских войск через территорию Польши и Румынии, без чего СССР, не имевший общих границ с Германией, практически не мог принять участия в военных действиях против нее. Таким образом, правительства Англии и Франции, соглашаясь начать с СССР переговоры, не ставили своей целью заключить с ним обязывающее равноправное соглашение о военном сотрудничестве для отражения фашистской агрессии в Европе.

Британский посол в Москве Сиидс, ознакомившись с этой инструкцией, сообщил в Лондон свои соображения: «При таких условиях,— писал он,— я полагаю, что военные переговоры вряд ли приведут к каким-либо результатам, за исключением того, что они вновь возбудят у России сомнения в нашей искренности и в желании заключить конкретное и определенное соглашение»¹⁰¹.

На двух заседаниях, утреннем и дневном, 13 августа обсуждался вопрос о планах совместных действий каждой из трех держав на случай нападения главного агрессора или группы агрессоров. Уже на утреннем заседании выяснилось, что у англичан и французов не было никакого плана совместных операций против общего противника, никаких определенных предложений о сроках и районах сосредоточения и развертывания сил. Вместо конкретных военных планов, на рассмотрении которых настаивала советская делегация, английская и французская военные миссии предложили обсудить и без того ясные «общие цели» и «общие принципы» военного сотрудничества, которые, как указал глава советской военной миссии, «могли бы послужить материалом для какой-нибудь абстрактной декларации».

В отличие от своих западных партнеров советская военная миссия представила 15 августа подробно разработанный военный план, предусматривавший совместные действия вооруженных сил СССР, Англии и Франции во всех возможных случаях агрессии. Согласно этому плану Красная Армия должна была выставить против агрессора в Европе 136 дивизий, 5 тыс. тяжелых орудий, 9—10 тыс. танков и 5—5,5 тыс. боевых самолетов.

Советский план предусматривал также и участие в совместных военных

операциях Польши и Румынии. Он имел три варианта, которые предусматривали действия СССР, Англии и Франции в случае нападения агрессора:

1) В случае нападения блока агрессоров на Англию и Францию СССР должен был выставить 70% от тех вооруженных сил, которые бы выставили Англия и Франция против главного врага — Германии. В этом случае предусматривалось обязательное участие в войне Польши, которая должна была бы сосредоточить на своих западных границах 40—45 дивизий.

2) В случае нападения агрессора на Польшу и Румынию эти страны должны были выставить на фронт все свои силы, а Советский Союз — 100% тех вооруженных сил, которые выставят Англия и Франция непосредственно против Германии.

¹⁰¹ DBFP, Third Series, vol. 6, p. 682.

367

3) В случае нападения главного агрессора на СССР, используя территории Финляндии, Эстонии и Латвии, Франция и Англия должны немедленно начать боевые действия против главного агрессора, выставив на фронт 70% тех сил, которые будут выставлены Советским Союзом ¹⁰².

Любой вариант плана ведения совместных действий против фашистской Германии предполагал, что советские войска должны будут пройти через румынскую и польскую территории.

Как свидетельствует упомянутый «Дневник о пребывании французской военной миссии в Москве в 1939 г.», в который также включены и записи хода московских переговоров, сделанные во время заседаний французской военной миссией, советская делегация была невысокого мнения о ценности докладов английской и французской миссий. Думенк пишет, что Б. М. Шапошников в своем выступлении с первых же слов «дал понять, что его не удалось обмануть умышленной неопределенностью» докладов, в рамках которой держались в ходе переговоров французская и английская делегации при изложении своих возможностей. «Мы заслушали,— заявил Шапошников,— общие положения, касающиеся использования французских сил, доложенные генералом Думенком, но мы не слышали ничего конкретного. То же можно сказать в отношении оперативного плана, изложенного генералом Хейвудом. Мы равным образом не слышали ничего конкретного относительно морских операций объединенного франко-английского флота»¹⁰³. Во время заседаний военных миссий 14 августа советская делегация поставила главный вопрос: каким образом вооруженные силы СССР смогут войти в соприкосновение с немецко-фашистскими войсками в случае нападения Германии на Францию, Польшу или Румынию или на все эти страны одновременно? Постановка советской стороной вопроса о праве прохода советских войск через польскую и румынскую территории вызвала настоящее замешательство как английской, так и французской военных миссий. Вот что говорится в «Дневнике...» о реакции на этот вопрос англичан и французов: «Таким образом, занавес открылся. Между нами было условлено с самого начала, что мы не будем говорить о вступлении русских в Польшу, а теперь приходилось коснуться этого вопроса, так как было трудно уйти от железной логики маршала Ворошилова. Как ни старался адмирал Драке делать вид с довольно печальным лицом, что он очень рад намерениям русских в отношении Польши и Румынии, как ни пытался генерал Думенк свести вопрос к первоначальной концентрации войск, чтобы в некоторой мере отвести грозные советские планы, Ворошилов возобновил свое нападение». Ворошилов говорил, читаем мы далее в «Дневнике...»: «Наша конференция трех великих держав и представителей нашего ранга должна

¹⁰² СССР в борьбе за мир..., с. 574—577.

считаться с тем, что если Румыния и Польша не будут требовать помощи или запросят ее слишком поздно, их войска будут уничтожены, а эти дополнительные силы должны быть использованы. Следовательно, не в интересах Англии, Франции и СССР, чтобы эти войска были истреблены. Я настаиваю: надо прежде всего обсудить вопрос о вступлении советских войск в Польшу и Румынию. Это главное».

«После такой атаки оставалось лишь закрыть заседание, что и было сделано среди большого волнения. Адмирал Дракс, выходя в сад, где стали собираться группками, сказал: «Я полагаю, что наша миссия окончена» ¹⁰⁴. «Вот к чему привели мысли о том, что можно было заручиться помощью русских, не касаясь этих все же вполне законных вопросов»,— так резюмировал Думенк итоги заседания 14 августа в своем «Дневнике».

Вместо ответа по существу военные миссии Англии и Франции попытались уклониться от обсуждения этого вопроса, ограничившись расплывчатыми рассуждениями о том, что Польша и Румыния являются независимыми государствами и что только правительства этих стран могут дать ответ на поставленный вопрос, и что Советскому правительству следует с этим вопросом обратиться к польскому и румынскому правительствам и т. п.

Чувствуя, однако, полную несостоятельность такой постановки вопроса, поскольку Польша являлась союзником Англии и Франции, которые обязались оказывать ей помощь, английская и французская миссии в виде какого-то одолжения заявили о том, что если маршал Ворошилов «особенно настаивает, то мы можем снестись с Лондоном и Парижем для того, чтобы они задали правительствам Польши и Румынии следующий вопрос. В случае, если Советский Союз будет нашим союзником, могут ли они разрешить советским войскам пройти на территорию Польши в районе Виленского коридора и в Галиции, а также через территорию Румынии для того, чтобы сотрудничать в операциях против Германии в случае агрессии с ее стороны? Возможно, что Германия завтра вторгнется на территорию Польши». Сославшись на необходимость не терять времени, англичане и французы предложили продолжать переговоры. Советская миссия и на этот раз пошла навстречу пожеланию своих партнеров по переговорам, полагая, что Лондон и Париж предпримут необходимые шаги в Варшаве, чтобы получить положительный ответ на поставленный ею вопрос.

Именно поэтому в своем ответном заявлении глава советской военной миссии сказал, что она соглашается продолжить дальше переговоры, настаивая при этом на срочном разрешении поставленного ею вопроса. «Конечно, советская военная миссия не забывала и не забывает, что Польша и Румыния являются само-

¹⁰⁴ Эти слова Дракса приводит в своей книге и английский историк Л. Мосли, пользовавшийся английскими источниками (см.: *Мосли Л. Утраченное время. Как началась вторая мировая война*: Пер. с англ. М., 1972, с. 292).

стоятельными государствами» и что именно, исходя из этого, она и просила английскую и французскую миссии ответить на вопрос «будут ли пропущены советские вооруженные силы через территорию Польши (Виленский коридор и Галицию) и Румынии в случае агрессии против Англии и Франции или против Польши и Румынии?» Этот вопрос советская миссия считает вполне законным, поскольку Франция имеет с Польшей политический и военный союз, а Англия предоставила Польше гарантии ее независимости.

Советская миссия заявляла, что поставленный ею вопрос является не только политическим, но еще в большей мере вопросом военным. Исходя из того, что Англия и Франция имеют союзные договоры с Польшей, а также принимая во

внимание, что угроза военного нападения нависла над Польшей, Румынией, Францией и Англией, то вполне естественно, чтобы английское и французское правительства и решили этот вопрос с правительствами Польши и Румынии.

Советская военная миссия выразила сожаление в связи с тем, что военные миссии Англии и Франции не имеют точного ответа на вопрос о пропуске советских вооруженных сил через территорию Польши и Румынии.

С советской стороны было подчеркнуто, что «без положительного разрешения этого вопроса все начатое предприятие о заключении военной конвенции между Англией, Францией и СССР, по ее мнению, обречено на неуспех».

Оглашенное К. Е. Ворошиловым заявление поставило в тупик англичан и французов. Упомянутый выше «Дневник...» давал возникшей ситуации следующую характеристику: «Советский ответ был чрезвычайно ясным; и, к нашему несчастью, его логика была неумолимой. Было самообольщением пытаться вести переговоры с Советским Союзом, не разрешив предварительно, по крайней мере в стратегическом плане, вопроса о русско-польском сотрудничестве».

«Это продолжительное (14 августа.— *Ред.*) заседание, носившее весьма драматический характер, знаменовало конец настоящих переговоров. С этого времени происходившие два раза в день заседания являлись лишь средством занять время и побудить грозного Ворошилова проявить терпение в ожидании представлявшего загадку ответа на посланную в тот же день в Париж телеграмму следующего содержания: «Три делегации провели два заседания 13 августа и одно продолжительное 14 августа. Советская делегация обнаружила свое желание добиться результатов и предложила не обсуждать общих положений, с которыми все согласны, а изучать конкретные вопросы... советская делегация поставила сегодня условием заключения военного пакта заверение в том, что ее армия сможет пройти через Виленский коридор, Галицию и румынскую территорию. Наш посол, как и я, считает, что самым быстрым решением вопроса было бы командировать в Варшаву генерала Валена, чтобы он постарался добить-

370

ся от польского генштаба тайного принципиального согласия, которое дало бы возможность франко-британской делегации вести по этому вопросу в его военном аспекте переговоры на конференции, не вмешивая официально польского правительства. Британская миссия вполне с этим согласна».

Таким образом, англо-французская миссия прибегла к грубому обману: в ходе переговоров они обещали передать в Париж и Лондон тот вопрос, который поставила советская миссия, заверив последнюю в том, что правительства Англии и Франции поставят этот вопрос перед правительствами Польши и Румынии. А фактически, как о том свидетельствует текст посланной в Париж телеграммы, английская и французская миссии вовсе не предлагали своим правительствам ставить этот вопрос перед польским правительством. Они предложили свести все дело к тому, чтобы ограничиться получением какого-то общего согласия польского генштаба, но не ставить официально этого вопроса перед польским правительством.

Впрочем, и это более чем сомнительное предложение Думенка повисло в воздухе: правительство Даладье отделялось молчанием. Единственной «весточкой», которая поступила из Парижа в адрес французского военного атташе в Москве генерала Паласа, была телеграмма военного министерства, запрещающая поездку генерала Валена в Варшаву, куда в Париже решили послать генерала Мюсса.

Длительное молчание Парижа, равно как и отказ дать разрешение на поездку

генерала Валена в Варшаву, смешало все карты Думенку и осложнило дальнейшую игру англо-французской дипломатии в Москве.

Чтобы как-то выйти из создавшегося положения, Думенк предложил обсудить на заседании англо-французский проект статей 1 и 2 проекта военной конвенции, в которых были сформулированы общие цели и задачи. Формулировки этих статей свидетельствовали о том, что Англия и Франция серьезно и не думали о заключении с СССР соглашения о действительном союдадничестве. Весьма характерно и то, что миссии двух западных держав даже не рискнули показать советским представителям текст статьи 7 их проекта, где черным по белому было написано, что СССР в случае германского нападения на Польшу или Румынию должен был ограничиться ролью поставщика военного снаряжения.

Поэтому переговоры топтались на месте с первых дней, начиная с 13 августа. 17 августа стало окончательно ясно, что дальнейшие заседания бесцельны. «Обстановка вечером 17 августа была мучительной,— пишет в своих воспоминаниях участник переговоров капитан Бофр¹⁰⁵. Мы находились на грани разрыва, со всеми вытекающими из этого серьезными последствиями, и все еще не имели никакого ответа на наши телеграммы по основному

¹⁰⁵ Позже — генерал.

371

вопросу, который Ворошилов поднимал с такой настойчивостью»¹⁰⁶. Чтобы создать видимость продолжения переговоров, Дракс предложил тогда сделать перерыв до 21 августа, сославшись на то, что к этому времени может быть получен ответ из Лондона и Парижа. Сообщая об этом решении в Париж, Думенк писал 17 августа: «Заседание на 21 августа было назначено только для того, чтобы не создалось во вне впечатления о прекращении переговоров. Для того чтобы переговоры продолжались, теперь необходимо, чтобы я мог ответить «да» на поставленный вопрос»¹⁰⁷. В тот же день Думенк предпринимает новый маневр с посылкой в Варшаву капитана Бофра, чтобы таким образом показать стремление ускорить получение ответа польского правительства. «Главной целью этой миссии,— пишет Бофр,— было показать русским, что действительно принимаются меры для получения ответа на поставленный ими пресловутый вопрос. Мы были уверены, что таким образом будет достигнута отсрочка по меньшей мере на время поездки»¹⁰⁸. Бофр признает, что «Проблема заключалась не в том, чтобы добиться у поляков ответа, согласны они или нет на пропуск советских войск через свою территорию, а в том, чтобы найти лазейку, которая позволила бы продолжить переговоры»¹⁰⁹.

Эта двусмысленная англо-французская игра в переговоры, начатая с первых же заседаний военных миссий в Москве, становилась с каждым днем все более подозрительной и вызывала естественную настороженность у Советского правительства. Поэтому последнее дало К. Е. Ворошилову указание прекратить эту недостойную игру, потребовав от Дракса и Думенка ясного ответа на вопрос о проходе советских войск через польскую и румынскую территории. В соответствии с этим К. Е. Ворошилов 21 августа категорически отклонил английское предложение сделать второй перерыв в переговорах до 23 августа.

При этом он заявил, что «если будут получены положительные ответы на наши вопросы, тогда придется наше совещание собрать как можно раньше. Если ответы будут отрицательные, я вообще не вижу возможности дальнейшей работы для нашего совещания, потому что вопросы, нами поставленные, как я уже предварительно осведомлял высокое наше совещание, являются для нас решающими, кардинальными. Если на них не будут получены положительные ответы, тогда вряд ли будет необходимость вообще собираться»¹⁰⁹. Если, говорил

К. Е. Ворошилов, даже «этот аксиоматический вопрос французы и англичане превращают в большую проблему, требующую длительного изучения, то это значит, что есть все основания сомневаться в их стремле-

¹⁰⁶ *Beaufre A. Le drame de 1940. Paris, 1965, p. 153.*

¹⁰⁷ *Ibid.*

¹⁰⁸ *Ibid.*

¹⁰⁹ *Ibid.*, p. 156.

¹¹⁰ СССР в борьбе за мир..., с. 624.

372

нии к действительному и серьезному военному сотрудничеству с СССР»¹¹¹.

Правительствам Англии и Франции было хорошо известно, что боярская Румыния и «санационная» Польша решительно отказываются от сотрудничества с СССР. В то же время для всех было ясно, что безопасность Польши и всей Европы от германской агрессии могла быть обеспечена только путем, который указывал тогда Советский Союз, т. е. путем заключения советско-англо-французского оборонительного союза с участием Польши. Однако польское буржуазное правительство не допускало и мысли об участии Польши в таком союзе. Более того, оно не хотело дать разрешение на проход советских войск через польскую территорию и, таким образом, содействовало срыву московских переговоров трех держав. Эта позиция Польши в отношении СССР не была секретом для Лондона и Парижа. И поэтому, если бы правительства Англии и Франции в самом деле были заинтересованы в соглашении с СССР, они должны были бы заранее поставить вопрос перед Польшей и Румынией о сотрудничестве с ним (особенно о пропуске советских войск) и настаивать на их согласии.

Этот очевидный факт признают многие буржуазные историки. Так, упоминавшийся ранее нами У. Ширер подтверждает, что «французы имели шанс привести поляков в чувство относительно русской помощи, когда польский военный министр генерал Кастрицкий в сопровождении полковника Жеклича, заместителя начальника генерального штаба, прибыл в Париж в середине мая (1939 г. — *Ред.*) для выработки конвенции с Францией. Здесь была возможность для генерала Гамелена, который представлял Францию на этих переговорах, не только настоять на том, чтобы Польша в своих собственных интересах согласилась принять русскую военную помощь, но и поставить французские военные обязательства Варшаве в зависимость от принятия этой помощи. Однако Гамелен даже не упомянул об этом вопросе в течение целой недели переговоров. Даже не поинтересовавшись, каким образом Польский генеральный штаб планирует задержать немцев без советской помощи, он подписал 19 мая соглашение, обещающее, что французская армия начнет генеральное наступление на Западе, если немцы нападут на Польшу. Нет свидетельств того, что Даладье нажимал на своего генералиссимуса с тем, чтобы он поставил вопрос советской военной помощи перед Польшей, ни того, что Боннэ сделал это, хотя последний сделал все, от него зависящее, чтобы саботировать военное соглашение с Польшей...»¹¹².

И тем не менее Советское правительство делало все зависящее от него, чтобы добиться успешного завершения англо-франко-советских переговоров. Об этом, в частности, свидетельствуют и высказывания наркома иностранных дел в беседе с послом

¹¹¹ Там же, с. 627.

¹¹² *Shirer W. Op. cit, p. 431—432.*

373

США в Москве Штейнгардтом, которая состоялась 16 августа¹¹³, т. е. в тот момент, когда переговоры по вине Англии и Франции уже зашли в тупик. «Советское правительство,— говорил В. М. Молотов Штейнгардту,— относится

со всей серьезностью к положению в Европе и к своим переговорам с Англией и Францией. Этим переговорам мы придаем большое значение, что видно уже из того большого времени, которое мы отдавали этим переговорам. Мы с самого начала относимся к переговорам не как к делу, которое должно закончиться принятием какой-то общей декларации. Мы считаем, что ограничиваться декларацией было бы неправильно и для нас неприемлемо. Поэтому как в начале переговоров, так и сейчас нами ставился вопрос так, что дело должно идти о конкретных обязательствах по взаимопомощи в целях противодействия возможной агрессии в Европе. Нас не интересуют декларативные заявления в переговорах, нас интересуют решения, которые имеют конкретный характер взаимных обязательств по противодействию возможной агрессии. Смысл этих переговоров мы видим только в мероприятиях оборонительного характера на случай агрессии, а в соглашениях о нападениях на кого-либо мы не согласились бы участвовать. Таким образом, все эти переговоры мы ценим постольку, поскольку они могут представлять значение как соглашение о взаимопомощи для обороны от прямой и косвенной агрессии»¹¹⁴.

Итак, Советское правительство до самого последнего момента пыталось достигнуть положительных результатов. Но, к сожалению, это зависело не только от него.

Несмотря на то что фашистская Германия открыто концентрировала свои военные силы у границ с Польшей и правительство последней располагало достоверными данными о готовящемся в ближайшие дни вторжении, реакционная правящая клика продолжала свою прежнюю непримиримо антисоветскую политику, отказываясь вступить в переговоры с Советским Союзом в организации отпора немецко-фашистскому агрессору¹¹⁵. В соответствии с этой установкой начальник генерального штаба польской армии генерал Стахевич заявил 20 августа 1939 г. английскому военному атташе, что «не может быть и речи о том, чтобы разрешить пропуск советских войск через польскую границу»¹¹⁶.

Несмотря на это правительства Англии и Франции и не пытались оказать на Варшаву давление, чтобы добиться согласия польского правительства на проход советских войск через территорию Польши. Вместо этого Даладье решил предпринять сомнительный «дипломатический маневр», послав в Москву на имя Думенка телеграмму, в которой говорилось о том, что Думенк может по согласованию с французским послом подписать с СССР

¹¹³ СССР в борьбе за мир..., с. 605.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Новая и новейшая история, 1971, № 2, с. 46.

¹¹⁶ DBFP, Third Series, vol. 7, p. 70.

военную конвенцию с оговоркой о последующем одобрении этой конвенции французским правительством¹¹⁷. Однако в телеграмме ничего не говорилось о том, имеется ли согласие польского правительства на пропуск советских войск, без чего, как известно, Советский Союз считал невозможным заключение военной конвенции. Тем не менее Думенк 22 августа при встрече с Ворошиловым настаивал на том, чтобы продолжить совместные заседания и даже предложил рассмотреть составленный им наспех «проект» военной конвенции. При этом Думенк не постеснялся прибегнуть и к явной лжи, когда в ответ на вопрос Ворошилова заявил, что «получил сообщение правительства, что ответ на основной вопрос положительный. Иначе говоря, правительство дало мне право подписать военную конвенцию, где будет сказано относительно разрешения на пропуск советских войск в тех точках, которые Вы сами определите, т. е. через Виленский коридор, а если понадобится в соответствии с конкретными условиями, то и пропуск через Галицию и Румынию». В действительности в

телеграмме Даладье об этом ничего не говорилось. В ходе дальнейшей беседы Ворошилов окончательно убедился в том, что английское правительство ничего не знает о том «тексте» военной конвенции, которую предлагал Думенк обсудить незамедлительно.

На вопрос К. Е. Ворошилова о позиции правительств Польши и Румынии Думенк отговорился незнанием, хотя он не мог не знать истинной позиции польских правителей.

Отказ Польши разрешить проход советских войск через польскую территорию был для Англии подходящим предлогом, чтобы уклониться от заключения соглашений с СССР. Именно так и расценивают это многие буржуазные историки. Так, западногерманский историк М. Фрейнд писал: «Западные державы хотели найти квадратуру круга — Советский Союз должен был вести войну с Германией, как бы оставаясь в стратосфере, не двигая свою армию против Германии через территорию Польши, т. е. единственно возможным путем! Поэтому переговоры между западными державами и Советским Союзом сорвались, они не могли не потерпеть провала»¹¹⁸.

Решительно осудил позицию правительства Чемберлена и Ллойд-Джордж. Он заявил 23 июля 1939 г.: «Лорд Галифакс посетил Гитлера и Геринга. Чемберлен отправлялся в объятия фюрера три раза подряд... Почему в гораздо более мощную страну, которая предлагает нам свою помощь, послали представлять нас лишь чиновника Форин Оффис? На это можно дать лишь один ответ. Господин Невиль Чемберлен, лорд Галифакс и сэр Саймон не желают союза с Россией»¹¹⁹.

¹¹⁷ Новая и новейшая история, 1971, № 2, с. 50.

¹¹⁸ Geschichte des Zweiten Weltkrieges in Dokumenten. Munchen, 1956, Bd. 3, S. 79.

¹¹⁹ Цит. по: Coates W., Z. A History of Anglo-Soviet Relations, London 1945 p. 614.

СЕКРЕТНЫЕ АНГЛО-ГЕРМАНСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ

Вскоре же после начала переговоров с СССР о пакте взаимной помощи для защиты от фашистской агрессии правительство Чемберлена стало изучать возможность возобновления переговоров с Гитлером. В целях подготовки английской общественности британское правительство инспирировало появление в ряде крупных английских газет статей, в которых высказывались подобного рода предложения о желательности начать диалог с Берлином.

А в начале мая 1939 г. предпринимается первая такая попытка завязать переговоры с германским правительством. 12 мая 1939 г. по поручению экономического советника Чемберлена — Гораса Вильсона, который по указанию Чемберлена разрабатывал внешнеполитическую программу, в Берлин прибыл член английского парламента Г. Друммонд Вольф.

В ходе беседы в германском МИДе он сразу же подчеркнул, что «политические комбинации, на которые идет сейчас Великобритания, не исключают того, что Великобритания предоставит Германии во всем мире, в частности на Востоке и на Балканах, поле для экономической деятельности, которое принадлежит ей там по праву»¹²⁰. Вскоре к этому делу подключился и сам Чемберлен, который 8 июня 1939 г. заявил Тротцу Зольцу, близко стоявшему к гитлеровскому правительству, что, по его мнению, «единственное решение европейской проблемы возможно лишь по линии Берлин—Лондон»¹²¹.

Характеризуя политику Чемберлена и его предполагаемые внешнеполитические акции, Дирксен в донесении в Берлин от 24 июня 1939 г. не ошибся, когда утверждал, что, несмотря на ведущиеся в СССР переговоры о пакте взаимопомощи, Чемберлен подготавливает почву для начала переговоров с Гитлером. По мнению Дирксена, подобного рода «неожиданная инициатива Чемберлена лежит, вопреки всем колебаниям общественного мнения, в области

вероятности и вполне возможно, что курсирующий здесь слух о том, что он непосредственно по окончании переговоров с русскими обратится с новыми предложениями к Германии, осуществится в той или иной форме» .

Однако открытое возобновление переговоров с Германией было невозможно из-за сильного распространения антинацистских и антигитлеровских настроений в широких массах английского народа, требовавшего осуждения гитлеровской агрессии путем заключения договора о взаимопомощи с СССР. Эти антинацистские настроения распространились и на значительные круги либеральной буржуазии и интеллигенции, чему в определенной степени способствовала гитлеровская печать и пропаганда, всячески

¹²⁰ СССР в борьбе за мир..., с. 396—397.

¹²¹ DGFP, Ser. D., vol. 6, p. 682.

¹²² Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik. 1918—1945. Baden-Baden, 1956 Bd. 6, S. 654—655

(далее —ADAP).

376

поносившая и оскорблявшая Великобританию и ее народ. Особенно сильно вели эту антианглийскую кампанию гитлеровцы с начала апреля 1939 г., когда правительство Чемберлена объявило, что оно будет проводить политику создания «фронта мира» и предоставило гарантии Польше, а затем и другим малым европейским странам.

Весьма образно описал действие нацистской пропаганды на рост антигитлеровских настроений в Англии советник германского посольства в Лондоне Ф. Хессе в письме Риббентропу от 24 июня 1939 г.: «Британию можно сравнить со львом,— писал он,— которому сначала вырвали все волосы из хвоста, затем дали пинок в известную часть его тела, и, наконец, столько времени плевали в морду, пока он не пришел в ярость» ¹²³. Эти настроения английской общественности делали невозможным для правительства Чемберлена проводить открыто политику сговора с фашистской Германией. В целях успокоения английского народа кабинет Чемберлена начал переговоры с СССР о пакте взаимопомощи, но умышленно затягивая их как можно дольше. В то же время английское правительство разрабатывало политико-экономическую программу для переговоров с Гитлером в целях достижения всеобъемлющего англо-германского соглашения.

В самом начале июля 1939 г., когда в Лондоне открылась конференция по китобойному промыслу, на которую из Германии приехал штатсрат Вольтат, занимавший высокий пост особо уполномоченного по «четырёхлетнему плану», английское правительство не замедлило проявить инициативу, предложив начать при соблюдении величайшей секретности англо-германские переговоры. С английской стороны в них участвовали Горас Вильсон и министр внешней торговли Хадсон, которые предложили гитлеровскому эмиссару «далеко идущие планы англо-германского сотрудничества в целях открытия новых и эксплуатации существующих мировых рынков» и их раздела в мировом масштабе. При этом в числе стран, рынки которых могли бы подлежать разделу, Хадсон назвал Китай и Советский Союз. Вильсон предложил заключить пакт о невмешательстве, который должен был включать в себя «разграничение» расширенных пространств (Grossraume) между великими державами, особенно же между Англией и Германией» ¹²⁴. В частности, намечалось заключение соглашения по колониальному вопросу, имевшее в виду образование «обширной колониально-африканской зоны», в эксплуатации которой могла бы участвовать Германия. Кроме того, имелось в виду заключение и ряда других соглашений, предусматривавших более широкий доступ Германии к мировым источникам сырья, превращение Восточной и Юго-Восточной Европы в сферу влияния Германии и т. д.

¹²³ ИДА МИД СССР. Письмо Ф. Хессе Риббентропу от 24 июня 1939 г.

¹²⁴ Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. 2, с. 73.

377

Излагая ход этих секретных англо-германских переговоров лета 1939 г., германский посол в Лондоне фон Дирксен писал, что правительство Чемберлена ставило своей целью достигнуть полюбовного широкого соглашения с гитлеровской Германией, которое по своему значению можно было считать заключением англо-германской антанты. В политической области предполагалось заключить англо-германский пакт о ненападении. «Сокровенная цель этого договора заключалась в том,— отмечал Дирксен,— чтобы дать возможность англичанам постепенно отделаться от своих обязательств в отношении Польши на том основании, что они этим договором установили бы отказ Германии от методов агрессии»¹²⁵. Подчеркивая важность этого договора о ненападении, Дирксен пишет: «Соглашение с Германией предоставит Англии возможность получить свободу в отношении Польши на том основании, что соглашение о ненападении защитит Польшу от германского нападения, таким образом Англия освободилась бы начисто от своих обязательств. Тогда Польша была бы, так сказать, оставлена в одиночестве лицом к лицу с Германией»¹²⁶.

Заключение такого англо-германского договора являлось бы подходящей маскировкой для договоренности о разграничении сфер интересов и рынков сбыта между Англией и Германией. Англия обещала при этом «уважать германские сферы интересов в Восточной и Юго-Восточной Европе»¹²⁷. При условии достижения приемлемых соглашений как политических, так и экономических английское правительство обязывалось перед Гитлером добиться от Франции, чтобы последняя «уничтожила свой союз с Советским Союзом и свои обязательства в Юго-Восточной Европе». В довершение к этому правительство Чемберлена было бы готово к тому, что «свои переговоры о пакте с Советским Союзом Англия также прекратила бы»¹²⁸.

Из несомненного факта полной готовности английских правящих сфер прервать переговоры с СССР и предать Польшу, которая являлась главным предметом англо-германского конфликта, вытекает с совершенной ясностью, что как гарантии Польше, так и переговоры с Советским Союзом были для английского правительства только разменной монетой, которой оно собиралось заплатить фашистской Германии за обеспечение интересов британского империализма. Как совершенно правильно оценивал положение Дирксен, для английских правящих кругов «возникшие за последние месяцы связи с другими государствами являются лишь резервным средством для подлинного примирения с Германией» и «эти связи отпадут, как только будет достигнута единственно важная и достойная усилий цель — соглашение с Германией». Даже «привлечение Франции и Италии имело бы только

¹²⁵ Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. 2, с. 215.

¹²⁶ Там же, с. 220.

¹²⁷ Там же, с. 219.

¹²⁸ Там же.

378

подчиненное значение». Короче говоря, выгодную империалистическую сделку с гитлеровской Германией правящие круги Англии готовы были оплатить не только отказом от гарантии независимости Польши, Румынии, Турции и Греции, не только разрывом переговоров с СССР, но и предательством интересов ближайшего союзника — Франции.

Все это в 1939 г. не было известно с той документальной точностью, с которой это выяснено в настоящее время. Но имевшихся наблюдений и того, что тогда проникло в газеты, было достаточно, чтобы понять коварство английской

политики. Было ясно, что переговоры с Советским Союзом, равно как и гарантии Польше и другим странам,— это для Англии только «резервные средства» для давления на гитлеровцев с целью добиться с ними сделки. Именно с этой целью и вели в Москве англичане и французы разговоры о военной Конвенции, надеясь этим сделать Гитлера более сговорчивым в переговорах с Англией. При таком положении, естественно, у Советского Союза не было оснований рассчитывать на соглашение с Англией и следовавшей за нею Францией о сотрудничестве против германской агрессии. В ходе переговоров с Англией и Францией все более выяснялась невозможность достигнуть с ними действенного и надежного соглашения. Советский Союз оказывался изолированным перед лицом гитлеровской агрессии, которая вот-вот грозила докатиться непосредственно до рубежей Советской страны. Приходилось срочно искать других средств для обеспечения безопасности СССР.

ОБОСТРЕНИЕ ГЕРМАНО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ. СОВЕТСКО-ЯПОНСКИЙ КОНФЛИКТ

В августе 1939 г. германо-польские отношения обострились до последнего предела. Каждый день можно было ожидать германского нападения на Польшу. Ее правительство в антисоветском ослеплении отказывалось от помощи Советского Союза. Более того, оно не соглашалось пропустить советские войска через свою территорию. Тем самым польское правительство совершило национальное предательство, оставив страну фактически беззащитной. Падение Польши, неминуемое ввиду превосходства сил Германии, грозило советскому народу появлением гитлеровских войск на ближайших подступах к Минску.

Общее стратегическое положение СССР серьезно ухудшилось вследствие крайне опасной обстановки, сложившейся на Дальнем Востоке в результате агрессивной политики японской военщины. Японские милитаристы не только вторглись в Китай, но и вели активную подготовку к войне против Советского Союза и вторжению на территорию МНР, с которой СССР имел союзный договор, подписанный в 1936 г. Советская помощь китайскому народу в его героической борьбе против японских агрессоров на всем протяжении японо-китайской войны только усиливала враждебность японской политики в отношении СССР. Поэтому советско-

379

японские отношения продолжали ухудшаться. В 1938 г. японские милитаристы предприняли вооруженное вторжение на советскую территорию в районе озера Хасан, неподалеку от Владивостока, но были изгнаны с советской земли частями Красной Армии.

Подготавливая войну против СССР, японское правительство предпринимало попытки заключить с Германией двусторонний договор, направленный против Советского Союза. В 1938 г., как рассказывал позднее японский посол в Берлине Осима, на запрос немцев о возможности подписания нового договора между Германией и Японией, направленного против всех «потенциальных врагов быстро возрождающегося треугольника Рим — Берлин — Токио, японцы ответили, что в договор должны быть включены статьи, изымающие из-под его действия Англию, Францию и США». В феврале 1939 г. в Берлин прибыла японская миссия во главе с принцем Ито, которая еще раз разъяснила немцам, что Япония могла бы «подписать договор, направленный лишь против России»¹²⁹.

Японская сторона не ограничивала свою деятельность сколачиванием военно-политических союзов, направленных против СССР. Японская дипломатия пыталась применять и такое средство, как шантаж, в целях получения от

Советского Союза односторонних уступок. Так было, например, во время советско-японских переговоров в феврале — марте 1939 г. о сдаче Японии в аренду рыболовных участков, когда японский посол в СССР Того во время одной из бесед с наркомом Литвиновым пытался использовать в качестве «аргументов» для получения уступок с советской стороны угрозу войны — пугал войной.

Сообщая об этих переговорах с послом в ЦК ВКП(б), Литвинов писал 9 марта 1939 г., что Того «пугал войной», и только «убедившись, что его тирада не производит на меня впечатления,— отмечал нарком,— ...Того под конец сказал, что он стремится-де к мирному разрешению вопроса»¹³⁰.

Прошло немного более двух месяцев после этого, и японская военщина попыталась осуществить угрозу войной на практике, предприняв вооруженное вторжение на территорию Монгольской Народной Республики в районе реки Халхин-Гол. Советский Союз в соответствии с союзным договором оказал МНР военную помощь. В течение четырех месяцев, с мая по сентябрь 1939 г., там шли ожесточенные бои советских и монгольских войск против вторгшихся сил японо-маньчжур. Это была настоящая война, в которой широко использовались танки и авиация. Эти сражения завершились полной победой советского оружия. Красная Армия отстояла честь и достоинство Советского социалистического госу-

¹²⁹ См.: Леонидов С. Т. Из истории нормализации советско-японских отношений после второй мировой войны.— Япония. Вопросы истории. М., 1959, с. 261—292.

¹³⁰ АВП СССР. Письмо наркома иностранных дел СССР в ЦК ВКП(б) от 9 марта 1939 г.

380

дарства, защитила МНР и безопасность границ нашей Родины на Востоке.

Как раз в это время английское правительство заключило с японским правительством соглашение, известное под названием соглашения Арита—Крейги от 24 июля 1939 г. (по имени японского министра иностранных дел и английского посла в Японии), которым был урегулирован конфликт, возникший из-за захвата Японией английской концессии в Тяньцзине. Вместе с тем по этому соглашению Англия обязалась не поддерживать каких-либо действий или мер, препятствующих осуществлению японскими войсками их «задач» в Китае. Иными словами, английское правительство гарантировало безопасность тыла японских войск в Китае. А эти войска вели тогда с китайской территории военные действия против Китая, а также против СССР и МНР. Заключив соглашение Арита — Крейги, английское правительство прямо поощряло японскую агрессию против СССР и его союзника — Монгольской Народной Республики.

Таким образом, международное положение Советской страны было до крайности тяжелым: у западных рубежей СССР война грозила вспыхнуть с минуты на минуту, у дальневосточных его рубежей она фактически уже велась.

Переговоры с Англией и Францией не принесли никаких результатов. Они лишь прояснили обстановку, показав полное нежелание западных держав сотрудничать с Советским Союзом а борьбе против фашистской агрессии. На Дальнем Востоке, как и в Европе, эти державы поощряли агрессоров к войне против СССР. Советская страна стояла перед перспективой одновременной войны в Европе и на Дальнем Востоке при враждебности всего капиталистического окружения, без союзников, в полной изоляции. Советское правительство должно было сделать все возможное для того, чтобы избавить народ и страну от надвигавшейся грозной опасности.

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЙ ДОГОВОР О НЕНАПАДЕНИИ

В накаленной до предела политической атмосфере весны и лета 1939 г. начались и проходили советско-германские переговоры по экономическим, а

затем и политическим вопросам. Германское правительство в 1939 г. ясно сознавало опасность войны против Советского Союза. Оно еще не располагало теми ресурсами, которые к 1941 г. ему предоставил захват Западной Европы. Гитлеровцы еще не потеряли голову от легких побед. Они не решались удовлетворять свои захватнические цели посредством войны с таким сильным противником, как Советский Союз, и считали, что на первое время целесообразнее поискать добычи в других направлениях. Германское правительство еще в начале 1939 г. предложило СССР заключить торговое соглашение.

Документы свидетельствуют, что предложение Берлина начать переговоры с СССР не было изолированной акцией герман-

381

ской дипломатии. Именно в это время происходил германо-итальянский обмен мнениями о возможном пересмотре политики обеих стран в отношении СССР. Обе стороны согласились в том, что такой пересмотр желателен¹³¹. Прежде чем решить, предпринимать ли зондаж для выяснения возможностей улучшения отношений с СССР, гитлеровское правительство вызвало в Берлин советника германского посольства в Москве Г. Хильгера.

Гитлер поставил перед ним вопрос: «Может ли Сталин при определенных условиях изъявить готовность к взаимопониманию с Германией?»¹³². Затем Берлин предпринял следующий шаг: видный чиновник МИД Германии Шнурре 17 мая 1939 г. встретился с поверенным в делах СССР в Германии Г. А. Астаховым и пытался обсудить с ним «тему об улучшении советско-германских отношений». На заявление Астахова, что Советское правительство не имеет «данных о коренном изменении германской политики», Шнурре начал «заверять об отсутствии у Германии каких бы то ни было агрессивных стремлений в отношении СССР» и спросил, «что нужно для того, чтобы рассеять наше недоверие»¹³³. Советский представитель ограничился замечанием, что улучшение атмосферы в отношениях между двумя странами зависит от германского правительства¹³⁴.

В то же время Советское правительство не считало возможным из-за напряженности политической атмосферы в отношениях между СССР и Германией вести переговоры о расширении торгово-экономических связей между обеими странами. На это обстоятельство народный комиссар иностранных дел и указал германскому послу 20 мая 1939 г. Он отметил, что экономические переговоры с Германией в последнее время начинались несколько раз, но неизменно оказывались безрезультатными. Это и дало для Советского правительства основание заявить немецкой стороне, что у него создается впечатление, что германское правительство вместо деловых переговоров по торгово-экономическим вопросам ведет своего рода игру. Для такой игры, говорил нарком в беседе с Шуленбургом, Германии следовало бы поискать в качестве партнера другую страну, а не СССР, который в игре такого рода участвовать не собирается. Это было совершенно ясное предупреждение немецкой стороне.

Тем не менее германская сторона продолжала зондаж относительно возможности переговоров об улучшении политических отношений. В частности, этот вопрос затрагивал статс-секретарь германского МИД Вейцекер в беседе с советским поверенным в делах в Германии 30 мая 1939 г.¹³⁵ Еще определеннее говорил

¹³¹ DGFP, Ser. D, vol. 6, p. 259.

¹³² Hilger G., Meyer A. *The Incompatible Allies*. New York, 1959, p. 296.

¹³³ АВП СССР. Запись беседы поверенного в делах СССР в Берлине с Шнурре 17 мая 1939 г.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ АВП СССР. Запись беседы поверенного в делах СССР в Берлине с Вейцекером от 30 мая 1939 г.

382

об этом германский посол в СССР Шуленбург при встрече с Астаховым, состоявшейся 17 июня 1939 г. в Берлине¹³⁶. Ссылаясь на свои беседы с Риббентропом, Шнурре 25 июля снова заявил Астахову «о необходимости улучшения политических отношений между СССР и Германией» и намекал при этом, что «все попытки германской стороны заговорить на эту тему Наркоминдел оставляет без ответа»¹³⁷. 3 августа 1939 г. Риббентроп в беседе с Астаховым заявил, что между СССР и Германией нет неразрешенных вопросов на «протяжении всего пространства от Черного до Балтийского моря» и предложил подписать советско-германский протокол. Все еще рассчитывая на возможность добиться успеха в переговорах военных миссий СССР, Англии и Франции, Советское правительство отвергло это предложение.

В тот же день состоялась беседа Шуленбурга с В. М. Молотовым. В результате этой беседы Шуленбург в телеграмме, которую он послал 4 августа в Берлин, писал: «У меня сложилось определенное впечатление, что в настоящее время Советское правительство решило заключить договор с Англией и Францией, если они выполняют советские пожелания»¹³⁸. Но последующий ход переговоров с Англией и Францией отнял у Советского правительства надежду на возможность достигнуть удовлетворительного соглашения.

Советское правительство учитывало мюнхенское предательство, фактическое нарушение Францией ее союзнических обязательств перед Чехословакией, а по существу — перед СССР, предательство западными державами Испанской республики и англояпонский сговор. После того как переговоры с Англией и Францией зашли в тупик вследствие их нежелания сотрудничать с СССР, после поступления сведений о тайных переговорах между Германией и Англией Советское правительство убедилось в полной невозможности добиться эффективного сотрудничества с западными державами в организации совместного отпора фашистскому агрессору. Тем не менее оно оставляло дверь открытой на тот случай, если бы английское и французское правительства поняли бы, наконец, что в национальных интересах Англии и Франции объединить с СССР их усилия для организации отпора фашистскому агрессору. Это было возможно сделать только путем заключения равноправного действенного договора о взаимопомощи с Советским Союзом. Поэтому Советское правительство не реагировало на телеграмму германского МИД от 15 августа, в которой содержалась просьба принять в Москве министра иностранных дел для переговоров. 20 августа последовал новый настоятельный запрос из Берлина по этому же вопросу.

¹³⁶ АВП СССР. Информация Астахова в НКВД о беседе с Шуленбургом от 17 июня 1939 г.

¹³⁷ АВП СССР. Информация Астахова о беседе со Шнурре от 25 июля 1939 г.; DGFP, Ser. D, vol. 6, p. 1049.

¹³⁸ Ibid., p. 1062.

383

В сложившейся обстановке правительство СССР приняло тогда единственно правильное решение — дать согласие на приезд Риббентропа для ведения переговоров, которые завершились 23 августа подписанием советско-германского договора о ненападении. Его заключение на некоторое время избавляло СССР от угрозы войны без союзников, сразу на два фронта (против Германии на Западе и Японии — на Востоке) и давало время для укрепления обороны страны. Советское правительство согласилось заключить этот договор лишь после того, как окончательно выяснилось нежелание Англии и Франции оказать совместно с СССР отпор гитлеровской агрессии.

Правительства Франции и Англии рассчитывали, что германское правительство, опасаясь советско-англо-французских переговоров о заключении соглашения, пойдет на сделку с ними. А теперь выяснилось, что оно решило договориться с СССР.

В беседе с французским послом 23 августа 1939 г. народный комиссар иностранных дел подчеркнул, что Советское правительство решило заключить договор с Германией лишь тогда, когда окончательно убедилось, что в англо-франко-советских переговорах не может быть достигнуто ничего положительного¹³⁹.

Советское правительство своевременно разгадало игру английской и французской дипломатии. Весьма показательны в этом отношении высказывания бывшего югославского посла в СССР М. Гавриловича о его беседе с И. В. Сталиным, о чем посол рассказал 16 июня 1941 г. на обеде в американском посольстве в Анкаре. Запись высказываний Гавриловича была сделана первым секретарем посольства США в Турции Келли. «Г-н Гаврилович сказал,— пишет Келли,— что во время его беседы со Сталиным последний сослался на переговоры с союзниками, предшествовавшие подписанию пакта о ненападении между Советским Союзом и Германией. Сталин заявил, что тот факт, что представители союзников на переговорах были второстепенными чиновниками, не облеченными полномочиями, позиция Польши, отказавшейся дать свое согласие на проход русских войск через Польшу или на перелет русских самолетов через нее, позиция французских военных, которая указывала на то, что Франция собирается оставаться за линией Мажино и не предпринимать наступательных операций против Германии, ясно показали Советскому правительству, что всякое заключение пакта с союзниками привело бы к тому, что Советскому Союзу пришлось бы нести все бремя германского нападения в момент, когда Советский Союз не мог справиться с германским нападением»¹⁴⁰, и когда на Дальнем Востоке шла необъявленная, но ожесточенная война с Японией.

Как свидетельствуют документы, Советское правительство осталось до конца верным идее коллективной организации безопасности.

¹³⁹ АВП СССР. Запись беседы наркома иностранных дел СССР с французским послом в СССР 23 августа 1939 г.

¹⁴⁰ Foreign Relations of the United States, 1941, vol. 1, p. 313—314

384

В беседе с французским послом в Москве Наджиаром В. М. Молотов заявил, что «договор о ненападении с Германией не является несовместимым с союзом о взаимной помощи между Великобританией, Францией и Советским Союзом»¹⁴¹. 24 августа Форин Оффис в телеграмме в английское посольство в Вашингтоне приводил слова наркома иностранных дел о том, что «некоторое время спустя, например через неделю, переговоры с Францией и Англией могли быть продолжены»¹⁴².

Но правительства Чемберлена и Даладье немедленно отзывали свои миссии из Москвы, продемонстрировав таким образом свое нежелание продолжить переговоры с СССР. Более того, Чемберлен предпринял новые попытки сговориться с Гитлером за счет Польши. На заседании правительства 26 августа Чемберлен заявил: «Главное заключается в том, что если Англия оставит господина Гитлера в покое в его сфере (Восточная Европа), то он оставит в покое нас»¹⁴³.

26 августа К. Е. Ворошилов в интервью опроверг сообщение агентства Рейтер, будто бы он заявил английской и французской миссиям, что ввиду подписания советско-германского договора Советское правительство считает

дальнейшие переговоры с Англией и Францией бесцельными. «Не потому прервались военные переговоры с Англией и Францией,— заявил он,— что СССР заключил пакт о ненападении с Германией, а, наоборот, СССР заключил пакт о ненападении с Германией в результате, между прочим, того обстоятельства, что военные переговоры с Францией и Англией зашли в тупик в силу непреодолимых разногласий»¹⁴⁴.

ЦК ВКП(б) и Советское правительство, руководствуясь указаниями XVIII съезда партии соблюдать осторожность и не давать провокаторам войны втянуть в конфликт Советскую страну, приняли решение о заключении с Германией договора о ненападении. Конечно, это было вынужденное решение. Необходимость этой акции понимали даже некоторые из французских участников московских переговоров. Так, например, французский военный атташе в СССР генерал Паллас в своем донесении в Париж 23 августа 1939 г. признает: «Я продолжаю считать, что для СССР решение вопроса в смысле соглашения с Германией является лишь выходом па худой конец, а может быть, и средством нажима в целях более быстрого создания прочной, хорошо спаянной во всех своих частях коалиции, которая, как мне всегда казалось, является предметом желаний советских руководителей»¹⁴⁵.

«ЦК ВКП(б) и Советское правительство,— пишет маршал Г. К. Жуков,— исходили из того, что пакт не избавлял СССР от угрозы фашистской агрессии, но давал возможность выиграть

¹⁴¹ Foreign Relations of the United States, 1939, vol. 1, p. 307.

¹⁴² Ibid., p. 311.

¹⁴³ PRO. Gab. 23/100, p. 277.

¹⁴⁴ Правда, 1939, 27 авг.

¹⁴⁵ История СССР, 1962, № 3, с. 23.

385

время в интересах укрепления нашей обороны, препятствовал созданию единого антисоветского фронта»¹⁴⁶. Даже временное продление мира было чрезвычайно важным для СССР.

*

Мюнхенский сговор Англии и Франции с фашистской Германией не только привел к расчленению Чехословакии, но и нанес удар коллективной безопасности в Европе. Мюнхенская сделка подготовила условия для дальнейшей экспансии Германии на Восток — в сторону Польши и СССР.

Фашистские Германия и Италия использовали мюнхенскую политику западных держав для осуществления дальнейших захватов. К весне 1939 г. напряженность в Европе еще более усилилась. Но и в этих тяжелых условиях Советский Союз продолжал политику организации фронта мира для отпора агрессии, предложив правительствам Англии и Франции заключить договор о взаимной помощи.

В ходе переговоров об этом пакте, а затем переговоров о заключении военной конвенции с Англией и Францией Советский Союз сделал все возможное, чтобы достичь соглашения с ними, однако ставшие у власти в этих странах сторонники сговора с Германией и Японией за счет СССР не желали считаться с законными требованиями гарантий его безопасности. Только убедившись в невозможности заключить с Англией и Францией пакт о взаимопомощи, а также военную конвенцию, СССР решил подписать пакт с Германией о ненападении. Таким образом, Советский Союз избежал ловушки, в которую хотели его заманить творцы мюнхенской политики, и умело использовал противоречия в лагере империализма для сохранения мира и укрепления своей обороноспособности. Но нельзя сказать, что мюнхенцы не нанесли СССР никакого ущерба. Советское правительство предпочитало коллективную безопасность, в основе которой

лежало бы сотрудничество СССР с Англией и Францией против фашистской агрессии. Такое сотрудничество, если бы оно и не предотвратило войну, позволило бы вести ее в наиболее благоприятной стратегической обстановке, заставив Германию воевать сразу на два фронта — на Западе и на Востоке. Англо-франко-советское военное сотрудничество могло бы помочь избежать падения Польши и Франции, захват которых усиливал Германию.

По вине западных держав развитие событий в 1939 г. пошло не по пути создания коллективной безопасности. Не пошло оно, впрочем и по тому пути, на который его хотели направить мюнхенцы,— по пути войны империалистических государств против страны социализма. Гитлеровцы пришли к выводу, что воевать против Англии, Франции и Польши легче, чем против СССР. Поэтому-то они и предпочли развязать войну именно против них. Война началась внутри капиталистического мира, между двумя антагонистическими группировками империалистических держав.

¹⁴⁶ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. 2-е изд. М., 1974, т. 1, с. 253.

XII ГЛАВА

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СССР

В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

(сентябрь 1939 г.—июнь 1941 г.)

НАЧАЛО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1 сентября 1939 г. гитлеровская Германия напала на Польшу. Решение о нападении на Польшу было принято Гитлером с учетом следующих обстоятельств: фашистская агрессия в Европе, Азии и Африке, осуществленная накануне второй мировой войны, значительно ослабила позиции Англии и Франции. В то же время укрепились как стратегические позиции, так и военно-промышленный потенциал Германии и ее партнеров. Исходя из этого, а также из общей сравнительной оценки сил СССР и западных держав, гитлеровцы пришли к выводу, что им безопаснее начать войну за установление своего мирового господства с разгрома соперничавшей с Германией группы капиталистических государств, а не с нападения на Советский Союз. Таким образом, преступная политика мюнхенских «умиротворителей» Гитлера обернулась против самих же западных держав.

После нападения Германии на Польшу английское правительство, предоставившее Польше гарантию ее независимости, потребовало от Германии прекращения войны. Примеру Англии последовала и Франция. Английский посол, вручая ноту, обратил внимание МИД Германии на то, что этот документ носит «предупредительный» характер, а не является ультиматумом. Выступая с этими требованиями, английское и французское правительства не теряли надежды уладить дело мирным путем. Они обратились с просьбой о посредничестве к Муссолини, который однажды уже сыграл эту роль при расчленении Чехословакии. Чемберлен и Даладье, инициаторы мюнхенского сговора, и на этот раз рассчитывали путем уступок Гитлеру за счет третьих стран прийти к соглашению с ним.

Но фашистская Германия не была заинтересована в новых соглашениях, хотя бы они и влекли за собой для нее определенные территориальные приобретения. Германские империалисты ни с кем не хотели делить мир. Они намеревались господствовать в нем. Только Восточную Азию и Тихий океан соглашались они

предоставить Японии.

387

Подписание советско-германского договора говорило о крахе расчетов мюнхенских кругов на советско-германскую войну и на ослабление Германии руками СССР (а СССР — руками Германии) при сохранении Англией и Францией позиции «третьего радующегося». Однако и после этого они не оставили своих попыток сговориться с Гитлером и направить фашистскую агрессию против СССР.

Правительствам Англии и Франции потребовалось еще несколько дней, чтобы окончательно убедиться в нежелании гитлеровцев пойти с ними на новый сговор. Когда это стало очевидным, им не осталось ничего другого, как 3 сентября 1939 г. объявить войну Германии. Английское и французское правительства были вынуждены сделать этот шаг: отказ выполнить свои публично принятые обязательства в отношении Польши привел бы к полному крушению их авторитета в глазах народов всего мира и к подрыву их позиций как великих держав. Война же с Германией все равно была для них неизбежна.

Вслед за Англией и Францией Германии объявили войну английские доминионы. Таким образом, локальные войны, начатые фашистскими государствами в различных частях мира, превратились в мировую войну. Поначалу она представляла собой схватку между двумя империалистическими группировками держав. Попытки мюнхенцев разрешить противоречия империализма за счет СССР, развязав войну между капиталистической системой и социалистической, не удалась. Война возникла внутри капиталистического мира вследствие крайнего обострения империалистических противоречий. Она явилась результатом посягательства фашистских держав на национальное существование ряда стран, а также на великодержавные позиции Англии и Франции (а затем и США), на их колонии.

В отличие от войны 1914—1918 гг. вторая мировая война возникла в условиях существования двух общественных систем: капиталистической и социалистической, представленной Советским Союзом. Это обстоятельство сыграло решающую роль в развитии второй мировой войны и изменении ее характера.

Основным содержанием первого этапа войны была борьба между двумя капиталистическими коалициями. Государства фашистского блока развязали войну в целях покорения мира и установления «нового порядка», т. е. порядка, при котором все народы находились бы в колониальной зависимости от фашистских держав. Фашистские агрессоры стремились лишить поработанные народы элементарных демократических прав, а оккупированные государства — независимости и суверенитета. Фашисты действовали со зверской жестокостью. Они физически истребляли миллионы людей. Государства фашистского блока преследовали в войне на всем ее протяжении грабительские цели.

Война Англии и Франции против Германии первоначально также носила империалистический характер. Вступая в войну, Англия и Франция пытались отстоять свои империалистические

388

позиции и огромные колониальные владения от посягательств германского империализма, сохранить свое великодержавное положение, которое Гитлер уже подорвал и грозил ликвидировать полностью.

При этом английское и французское правительства все еще не теряли надежды повернуть агрессию фашистских держав против Советского Союза. Касаясь этих планов французского правительства, советский полпред в Париже Суриц сообщал в НКВД в своем письме от 18 октября 1939 г.: «В официальных и

близких к правительству кругах... еще продолжает таиться надежда на возможность сравнить СССР с Германией»¹.

Аналогичную характеристику планам английских мюнхенцев дал и советский полпред в Лондоне Майский в ноябре 1939 г. в своем письме в НКВД СССР. Как отмечал полпред, эти люди не оставляли мысли о том, что «Англии и Франции как-нибудь удастся помириться с Германией и, в конце концов, все-таки двинуть Гитлера на Восток против Советского Союза»². Вот почему, объявив Германии войну, Англия и Франция фактически боевых действий против нее не вели. Поэтому эта война была названа «странной войной».

Совершенно иной характер носила с самого начала народная борьба против захватчиков в Польше и в других странах, ставших жертвами фашистской агрессии. То была справедливая война за свободу и национальную независимость. Однако на первом этапе второй мировой войны эта освободительная борьба была еще слаба и не могла оказывать решающего влияния на характер войны в целом.

Объявив войну Германии, Англия и Франция, собственно, ограничились декларацией на этот счет. Практически они ничего не сделали для того, чтобы облегчить трагическое положение польской армии. Французские и английские вооруженные силы довольствовались слабыми атаками на Западном фронте в районе Саарбрюккена.

Отсутствие наступательных действий на Западе было использовано гитлеровским командованием для быстрого разгрома Польши. Бездействие Англии и Франции позволило Гитлеру направить на польский фронт основные силы своей армии. 44 из 52 действующих пехотных дивизий, все бронетанковые и моторизованные дивизии, почти вся авиация были сосредоточены против Польши. Оборона «западного вала» между Аахеном и Базелем была поручена 25 резервным дивизиям ландвера, подкрепленным всего только восемью кадровыми дивизиями, в то время как французская армия насчитывала 90 дивизий и располагала

¹ АВП СССР. Письмо полпреда СССР во Франции заместителю наркома иностранных дел от 18 октября 1939 г.

² АВП СССР. Письмо полпреда СССР в Лондоне наркому иностранных дел СССР от 23 ноября 1939 г.

389

2500 танками и 10 тыс. орудий³. Известные гитлеровские генералы Кейтель и Иодль подтвердили на Нюрнбергском процессе, что французско-английское наступление на Западном фронте поставило бы Германию в крайне тяжелое положение.

Причина полного отсутствия наступательных действий на Западном фронте во время германо-польской войны заключалась в том, что правительства Англии и Франции хотя и объявили Гитлеру войну, поскольку он не оставил им другого выхода, но по существу не хотели воевать против фашистской Германии. Польша была для мюнхенцев пешкой, которую они с легким сердцем пожертвовали в грязной игре для того, чтобы вермахт продвинулся к границам СССР и оказался лицом к лицу с Советской Армией. Несколько иными средствами продолжались попытки реализовать концепцию, лежавшую в основе мюнхенской политики: толкнуть гитлеровскую третью империю против СССР.

Англия и Франция, заняв своими войсками укрепленную «линию Мажино», оставались пассивными в то время, когда Гитлер расправлялся с Польшей. Западные державы как бы говорили Гитлеру: «Если Германия повернет на Запад, она встретит сопротивление Англии, Франции и США. Но если она, покончив с Польшей, будет развивать свою агрессию дальше на Восток, тогда ей со стороны западных держав ничего не угрожает».

Гитлер не замедлил воспользоваться благоприятной возможностью,

предоставленной ему правительствами Англии и Франции, для молниеносного уничтожения польской армии и захвата Польши. Германская армия устремилась в глубь польской территории, сея смерть и разрушение. Германское командование сочетало стремительное наступление танковых и моторизованных соединений, вклинивавшихся в расположение польских войск, с мощными ударами с воздуха. Польская армия была расчленена на несколько частей, которые подверглись окружению и уничтожению. В течение первой половины сентября 1939 г. Германия сокрушила буржуазно-помещичью Польшу. Ее правительство вместе с высшим командованием, бросив народ и армию на произвол судьбы, бежало за границу.

Сентябрьская катастрофа Польши была расплатой за антинародную, антисоветскую внешнюю политику, которую проводили на протяжении всего межвоенного периода ее реакционные правители. Катастрофа была прямым следствием отказа от помощи, которую Советский Союз предлагал Польше во время англо-франко-советских переговоров весной и летом 1939 г. Польская армия, плохо оснащенная и оставшаяся без руководства, несмотря на мужество своих солдат, не могла оказать действенного сопротивления превосходящим силам германо-фашистских агрессоров. Многие польские части и гражданское население Польши беззаветно сражались и героически гибли за свободу и незави-

³ Goutard A. 1940. La guerre des occasions perdues. Hachette, 1956, p. 114.

390

симость своей страны. Так, например, до 2 октября 1939 г. держалась старинная, построенная еще русскими, крепость Модлин, где рядом с солдатами дрались рабочие, крестьяне и лучшие представители интеллигенции. Мужественно обороняли Варшаву части гарнизона и рабочая бригада, созданная коммунистами и левыми социалистами. Но изменить ход войны эти герои не могли.

МЕРОПРИЯТИЯ СССР ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ СВОИХ ГРАНИЦ

И ОГРАНИЧЕНИЮ СФЕРЫ ГЕРМАНСКОЙ АГРЕССИИ (сентябрь 1939 г.—
июнь 1940 г.)

Приближение германских армий к западным границам СССР создавало угрозу ослабления его обороны. Поэтому перед Советским правительством со всей остротой встал вопрос о необходимости остановить их натиск. Нужно было создать барьер, преграждающий продвижение немцев на восток. СССР не мог допустить германо-фашистские армии к тогдашней своей границе, которая проходила в окрестностях Минска.

Советское правительство считало также своим долгом предотвратить порабощение фашистами украинского и белорусского населения, которое проживало в пределах Польши с тех пор, как в 1920 г. буржуазно-помещичья Польша захватила украинские и белорусские земли.

В связи с тем, что польская армия распалась под ударом германской военной машины, Красная Армия 17 сентября вступила в Западную Белоруссию и Западную Украину. Сбылась давняя мечта западных украинцев и белорусов о воссоединения с советскими Украиной и Белоруссией. В соответствии с единодушно выраженной волей населения Западная Украина и Западная Белоруссия воссоединились с Украинской и Белорусской советскими социалистическими республиками. 28 сентября 1939 г. в Москве был подписан договор между СССР и Германией, установивший западную границу Советского государства примерно на так называемой «линии Керзона», предлагавшейся еще в 1919 году Англией, Францией, США и некоторыми другими странами в качестве

основанной на этнографической базе границы между Советской Россией и Польшей.

Захват Польши германскими войсками еще более усилил опасность использования агрессорами Прибалтики в качестве плацдарма для нападения на СССР. Быстрый крах буржуазной Польши наглядно показал, что малые страны, расположенные на западных границах Советского Союза, не в состоянии собственными силами оказать сопротивление фашистской Германии. Это побуждало Советское правительство незамедлительно принять меры к обеспечению мира в районе Прибалтики и безопасности северозападных рубежей Советского Союза. Эстония, Литва и Латвия составляли подступы к этим рубежам.

391

Учитывая важное стратегическое значение прибалтийского района в системе безопасности СССР, Советское правительство осенью 1939 г. предложило правительствам Эстонии, Латвии и Литвы заключить пакты о взаимопомощи. Заключение таких пактов было необходимо не только с точки зрения укрепления безопасности Советского Союза: оно полностью отвечало жизненным интересам народов Прибалтики, ограждая их от угрозы фашистской агрессии.

В результате последовавших переговоров Советский Союз заключил пакты о взаимопомощи с Эстонией (28 сентября 1939 г.), Латвией (5 октября) и Литвой (10 октября). Согласно условиям этих договоров, Советский Союз получал право содержать на территории Эстонии, Латвии и Литвы некоторое количество войск и создать в определенных пунктах военно-морские базы и аэродромы. Советско-литовский договор предусматривал также совместную защиту литовской границы. Договоры Советского Союза о Эстонией, Латвией и Литвой были основаны на принципах равенства, невмешательства во внутренние дела друг друга, взаимного уважения независимости и суверенитета.

Заключение этих пактов в корне изменило положение на Балтике. Укрепились стратегические позиции советского Балтийского флота, что служило обеспечению безопасности на всем Балтийском море. Демократическая общественность Латвии, Эстонии и Литвы приветствовала наметившееся сближение этих государств с Советским Союзом.

Широкие народные массы горячо одобряли эти договоры с СССР и в своих письмах, адресованных правительствам, призывали проводить в отношении СССР дружественную политику. «Рабочие Эстонии,— говорилось в одном письме,— приветствуют заключение пакта о взаимопомощи между Эстонией и Советским Союзом и надеются, что за этим последует еще большее сближение обоих народов и обеих стран. Мы верим, что пакт предотвратит опасность агрессии на побережье Эстонии и тем самым обеспечит условия для мирного развития народов как Эстонии, так и Советского Союза»⁴

Однако правительства Латвии, Эстонии и Литвы вскоре же стали грубо нарушать свои обязательства по договорам с Советским Союзом. Они всячески затягивали переговоры о сроках ввода советских войск на территорию прибалтийских стран, а также отвод земельных участков и зданий для советских гарнизонов, саботировали строительство военных городков для их размещения.

Весьма характерной в этом отношении была позиция латвийского правительства. Полпред СССР сообщал 21 октября 1939 г., что латвийская делегация на вопрос о сроках ввода войск и практического размещения авиации и танков ответа не дает, ссы-

⁴ Цит. по: История второй мировой войны. 1939—1945. М., 1974, т. 3, с. 368.

392

лаясь на отсутствие полномочий⁵. Враждебность правительства Латвии видна на

примере распоряжения латвийского министерства внутренних дел от 16 ноября 1939 г., согласно которому все латыши, вступающие в какие-либо разговоры с советскими офицерами и солдатами, подлежали аресту⁶.

Зимой 1939/40 г. враждебная Советскому Союзу деятельность фашистских клик прибалтийских стран усилилась в связи с тем, что Англия и Франция, несмотря на войну с Германией, стали готовиться к нападению на СССР. Англия и Франция стремились привлечь к участию в подготавливавшемся ими «крестовом походе» против Советского Союза прибалтийские государства. Латвийский посланник во Франции сообщал в Ригу 12 октября 1939 г., что исполняющий обязанности заведующего вторым (разведывательным) отделом Военного министерства Франции Мьери «абсолютно секретно» изложил ему планы предстоящих операций англо-французских войск против СССР и подчеркнул при этом, что одновременно «должны будут выступить прибалтийские государства, Финляндия и скандинавские страны»⁷.

Председатель комиссии по иностранным делам французской палаты депутатов Мистлер говорил латвийскому посланнику в Париже Гросвальду, что прибалтийские страны должны быть готовы к совместному выступлению против СССР, для чего им необходимо заключить между собой военный союз. При этом он добавил, что «каждое государство должно сделать конкретные заявления и взять на себя конкретные обязательства о том, сколько дивизий, сколько самолетов, сколько военных кораблей оно предоставит в распоряжение союза»⁸.

Полагая, что дело идет к общей войне всего капиталистического мира против СССР, правительства прибалтийских государств активно готовились принять участие в этой войне. Одновременно с военной подготовкой шла обработка общественного мнения. Советский полпред в Риге сообщал в Москву в декабре 1939 г., что «с ведома властей и по их почину в Латвии распространяются самые нелепые и враждебные слухи о нашей Красной Армии» и что латвийскими властями создается «атмосфера грязи и злопыхательства»⁹. Был организован шпионаж за советскими гарнизонами.

Активизировала свою деятельность Балтийская Антанта. Она была превращена в антисоветский военный союз Литвы, Латвии и Эстонии. К латвийско-эстонскому военному союзу, заключен-

⁵ АВП СССР. Донесение полпреда СССР в Латвии в НКВД от 21 октября 1939 г.

⁶ См.: Ситолс В. Тайная дипломатия. Буржуазная Латвия в антисоветских планах империалистических держав. 1919—1940 гг. Рига, 1968, с. 322.

⁷ Там же, с. 321.

⁸ Там же, с. 320—321.

⁹ АВП СССР. Донесение советского полпреда в Латвии в НКВД, декабрь 1939 г.

ному еще в 1923 г., теперь присоединилась и Литва. Правда, заключение формального договора о присоединении Литвы к латвийско-эстонскому союзу было признано неудобным, но фактически антисоветский военный союз трех стран был создан и функционировал. Министерство иностранных дел Латвии, извещая Военное министерство о решениях конференции министров иностранных дел Литвы, Латвии и Эстонии, состоявшейся в Таллине 7—8 декабря 1939 г., указывало, что союзный договор между Латвией и Эстонией «остается в силе, и военное сотрудничество между обоими государствами должно продолжаться». «Военное сотрудничество с Литвой,— указывалось далее в письме МИД Латвии,— следует продолжать без специального договора, так как заключение его было бы трудно объяснить и оправдать»¹⁰. Таким образом, несмотря на то что в договорах о взаимопомощи между СССР и прибалтийскими странами специально указывалось, что участники договоров обязуются не заключать какие-либо союзы и не участвовать в коалициях, направленных против другой договаривающейся

стороны, прибалтийские государства заключили на Таллинской конференции антисоветский военный союз. Тот факт, что союз был оформлен не в виде договора, а в форме секретного постановления конференции Балтийской Антанты, существо дела, разумеется, не менял.

О военном сотрудничестве прибалтийских государств, направленном против СССР, свидетельствовали и другие факты, в частности установление более тесных связей между штабами их армий. 21—23 ноября 1939 г. начальник штаба латвийской армии генерал Розенштейн посетил Эстонию, а 30 ноября — 1 декабря — Литву. 16 декабря в Риге находился начальник штаба литовской армии генерал Раштикис. 29 декабря в Риге состоялось совещание представителей латвийской, литовской и эстонской армий. 24 января 1940 г. в Ригу приехал начальник штаба эстонской армии генерал Яксон. В феврале в Таллин прибыл заместитель военного министра Литвы генерал Реклайтис, а затем военный министр Латвии генерал Беркис и т. д.

Антисоветская деятельность усиливалась в Литве, несмотря на то что СССР, считаясь с национальными интересами литовского народа, передал ей безвозмездно древнюю столицу страны г. Вильнюс и Вильнюсскую область, которые были освобождены Красной Армией в сентябре 1939 г.

Полпредство СССР в Литве сообщало в НКВД, что, когда в Литве распространилась весть о заключении договора о взаимопомощи с СССР и о возвращении Литве Вильнюса, прогрессивная интеллигенция и рабочие устроили дружественную демонстрацию перед зданием советского полпредства. Демонстранты провозглашали приветственные лозунги в честь Советского Союза.

¹⁰ ЦГИА Латвийской ССР. Письмо МИД Латвии в Военное министерство Латвии от 5 января 1940 г.

394

Многие литовцы приходили в полпредство лично или звонили по телефону с выражением благодарности СССР¹¹.

Реакционные круги Литвы делали все, чтобы не допустить выражения симпатий литовского народа Советскому Союзу. Демонстрация была расстреляна по приказу литовских властей¹². Как выяснилось позже, уже тогда литовское правительство начало зондировать почву о возможности сговора с фашистской Германией. С этой целью в феврале 1940 г. директор департамента государственной безопасности Литвы А. Повилайтис по личному поручению президента А. Сметоны выезжал в Германию. Повилайтис имел задание «информировать правящие круги Германии о том, что президент Сметона решил переориентироваться на Германию». В частности, он должен был выяснить, «согласна ли Германия взять Литву под свой протекторат». Повилайтис вел переговоры с помощником Гимmlера, который заявил, что «протекторат над Литвой Германия, возможно, осуществит до сентября 1940 г. и во всяком случае не позднее окончания войны на Западе».

По возвращении из Берлина Повилайтис доложил Сметоне о результатах своих переговоров. Президент дал своему подручному указание о том, «чтобы отныне изменить существующее отношение к немцам в лучшую сторону, оказывать им необходимую помощь, если таковая им в чем-либо от литовского государства потребуется»¹³.

Особенно обострилось положение в Прибалтике к лету 1940 г. В связи с быстрыми победами на Западе гитлеровцы снова стали обращать свои взоры на Восток. Фашистские правители прибалтийских стран знали, что для Гитлера весьма важно овладеть Прибалтикой, которая могла быть использована как один из плацдармов для нападения на СССР. В Германии и не скрывали подобных планов относительно Прибалтики. Латвийский посланник в Берлине Криевинь в

своих донесениях от 27 и 29 мая 1940 г. сообщал, что в Германии получили широкое распространение карты так называемой «новой Европы», на которых балтийские государства были включены в состав гитлеровского рейха¹⁴. 12 июня 1940 г. Криевинь сообщал в Ригу, что в Берлине усиленно говорят о том, что после победы на Западе Гитлер выступит против Советского Союза. Если говорить с представителями руководящих германских кругов о советско-германских отношениях в официальном порядке, писал Криевинь, то обычно получаешь ничего не значащий ответ. «Однако в личном порядке и в более поздний час те же лица заявляют, что расправа с Россией неизбежна. Без преувеличения могу сказать,— подчеркивал

¹¹ АВП СССР. Донесение полпреда СССР в Литве в ИКИД от 14 октября 1939 г.

¹² Там же.

¹³ Коммунист (журнал ЦК КП Литвы), 1960, № 6, с. 36—37.

¹⁴ См.: *Ситолс В.* Тайная дипломатия..., с. 336.

395

Криевинь,— что в течение последних недель я не встречал ни одного немца, который бы не высказывал такого мнения»¹³.

О серьезности создавшейся в то время обстановки свидетельствуют и признания гитлеровского генерала Йодля на Нюрнбергском процессе. Он заявил, что, когда еще продолжалась кампания на Западе, Гитлер информировал его о своем намерении выступить против СССР¹⁶. Нападение на Советский Союз намечалось одно время на осень 1940 г.¹⁷ Позже был утвержден «План Барбаросса».

В таких условиях правящие фашистские клики прибалтийских стран все более открыто становились на путь сотрудничества с гитлеровцами. В то же время они самым грубым образом нарушали договоры о взаимопомощи с СССР. Литовское правительство дошло до того, что оказывало гитлеровской Германии содействие в переброске шпионов на территорию СССР¹⁸. Как явствует из сообщения НКВД от 30 мая 1940 г., разнузданная антисоветская деятельность прибалтийских властей дошла до организации похищения советских военнослужащих, которые подвергались истязаниям, а некоторые были даже убиты. Проводились провокационные военные учения, вблизи советских военных объектов и мест расквартирования советских войск¹⁹.

Антисоветские интриги в прибалтийских странах создавали серьезную опасность для народов самой Прибалтики. Прибалтийские страны вот-вот могли быть выданы своими реакционными правительствами германскому фашизму и втянуты в гибельные для Прибалтики империалистические авантюры. Ввиду такой угрозы к июню 1940 г. во всех трех прибалтийских государствах образовался широкий антифашистский Народный фронт. Основными лозунгами, под которыми спланивались народные массы Прибалтики, были, во-первых, свержение фашистских правительств и установление демократических порядков и, во-вторых, защита прибалтийских стран в сотрудничестве с СССР от германской агрессии. Фашистские правящие клики Литвы во главе со Сметоной, Латвии — во главе с Ульманисом и Эстонии — во главе с Пятсом окончательно утратили доверие народа. Латвийский посланник в Литве, касаясь многочисленных антиправительственных демонстраций в стране, констатировал в своем донесении в Ригу «трудное положение президента и фактическое снижение, если не сказать полное крушение, его авторитета. Он держится лишь на полиции и армии»²⁰.

¹⁵ Цит по: *Ситолс В.* Тайная дипломатия..., с. 336.

¹⁶ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. М., 1957, т. 1, с. 473.

¹⁷ Там же. М., 1958, т. 2, с. 483.

¹⁸ Коммунист (журнал ЦК КП Литвы), 1960, № 6, с. 37.

¹⁹ Известия, 1940, 30 мая.

²⁰ Цит. по: *Ситолс В.* Тайная дипломатия..., с. 332—333. Принимая это во внимание, указывалось далее в донесении, приходится считаться с тем, что Сметона в полном отчаянии может пойти на такой шаг, как полное подчинение Литвы Германии. «Насколько я знаю президента,— писал латвийский посланник,— для него сохранение своей власти гораздо важнее, чем судьбы Литвы».

396

Такое же положение создалось в Латвии и Эстонии. Начальник латвийской охраны еще в ноябре 1939 г. был вынужден признать в своем докладе министру внутренних дел, что «на всех фабриках и предприятиях Риги, Даугавпилса, Лиепайи и Вентспилса значительно выросло и продолжает расти влияние коммунистов. Рабочие верят Коммунистической партии, а над господином президентом... смеются и издеваются»²¹. Еще больше обострилось внутреннее положение в Латвии к лету 1940 г. Латвийская охранка констатировала 1 июня, что «в целом рабочие недовольны, у них сложились большая неприязнь и враждебное настроение в отношении существующего в Латвии режима. В мае месяце настроение рабочих стало еще хуже»²². В Эстонии большой размах получила кампания по сбору подписей под петицией правительству, в которой осуждался фашистский строй и требовалось установление демократических свобод, принятие мер по борьбе с безработицей и т. д.²³

К июню 1940 г. в Литве, Латвии и Эстонии созрела революционная ситуация²⁴. Был нужен лишь повод, чтобы народные массы пришли в движение.

С каждым днем Советское правительство все больше убеждалось в том, что фашистские правящие клики прибалтийских государств не собирались выполнять своих обязательств по договорам о взаимной помощи с СССР и были готовы пустить в Прибалтику гитлеровские войска.

В середине июня 1940 г. Советское правительство публично разоблачило эти намерения правителей прибалтийских стран. Результатом явилась резкая активизация народных масс Прибалтики. В Литве, Латвии и Эстонии начались многотысячные митинги и демонстрации, участники которых требовали проведения демократических реформ, тесного сотрудничества с СССР в деле обеспечения безопасности Прибалтики. В такой обстановке Советское правительство поставило перед правительствами Литвы, Латвии и Эстонии вопрос об удалении из их состава лиц, превратившихся в империалистических агентов, и о формировании правительств, которые были бы способны и готовы обеспечить честное проведение в жизнь договоров о взаимопомощи. Одновременно СССР потребовал согласия на увеличение численности своих гарнизонов, находившихся в прибалтийских странах. В условиях резкого усиления опасности со стороны Германии, после

²¹ История СССР, 1963, № 1, с. 63.

²² ЦГИА Латвийской ССР. Донесение латвийской охраны правительству Латвии от 1 июня 1940 г.

²³ История Эстонской ССР. 2-е изд. Таллин, 1958, с. 587.

²⁴ История Латвийской ССР. Рига, 1958, т. 3, с. 463—484; История Эстонской ССР, с 589—599.

397

капитуляции Франции, наличных гарнизонов было уже недостаточно.

Возросшее давление народных масс вынудило правительства прибалтийских государств согласиться на осуществление этих мер. Так, Ульманис, продолжая оставаться президентом Латвии, назначил на пост главы правительства прогрессивного деятеля профессора А. Кирхенштейна. Изменения были произведены также в составе литовского и эстонского правительств.

14—15 июля 1940 г. в прибалтийских странах прошли демократические

выборы, на которых подавляющее большинство голосов было отдано за представителей интересов трудового народа.

Вновь избранные сеймы, выражая долголетние чаяния народов прибалтийских стран, провозгласили восстановление Советской власти. Сеймы обратились к Верховному Совету СССР с просьбой принять страны Прибалтики в семью народов Советского Союза. VII сессия Верховного Совета СССР 3—5 августа 1940 г. удовлетворила эту просьбу. Эстония, Латвия и Литва снова стали равноправными советскими республиками, которыми они были в 1918—1919 гг., пока Советская власть не была там ликвидирована Антантой при содействии германских войск и русских белогвардейцев.

Опасную обстановку создала для СССР позиция Финляндии. Вскоре после начала войны в Европе Советское правительство столкнулось со стремлением ряда империалистических держав превратить Финляндию в плацдарм для войны против СССР.

Финские реакционные круги, находившиеся тогда у власти, старались поддерживать контакт с германскими фашистами. Германия поставляла Финляндии оружие. Советско-германский договор на некоторое время стеснил активность Германии в Финляндии. Но ее реакционные правители при благоприятной обстановке готовы были предоставить территорию страны и свои вооруженные силы также и противникам Германии — империалистам Англии и Франции, лишь бы те развязали войну против страны социализма. Под прикрытием разговора о необходимости защиты своего «нейтралитета» Финляндия начала укреплять границы и усиливать армию, а в конце 1938 г. под предлогом обеспечения «безопасности нейтрализованной территории» пыталась осуществить, вопреки действовавшим договорам, милитаризацию Аландских островов. Наиболее крайние реакционеры носились с идеей создания «великой Финляндии» за счет отторжения от Советского Союза значительных территорий. В ту пору советско-финляндская граница проходила всего лишь в 32 км от Ленинграда. Вход в Финский залив был открыт для вражеского флота. Эти обстоятельства чрезвычайно осложняли оборону Ленинграда — второго по численности населения города СССР, огромного промышленного и культурного центра, колыбели Октябрьской революции. В условиях общего обострения международной обстановки это не могло не вызвать тревоги у Советского правительства. «Если мы сейчас,— говорил в своей

398

речи 25 сентября 1964 г. президент Финляндии У. Кекконен,— спустя два десятилетия, попробуем поставить себя на место Советского Союза, то сможем в свете нападения Гитлера на Советский Союз в 1941 году понять, какую озабоченность испытывал и не мог не испытывать Советский Союз в отношении своей безопасности в конце 30-х годов»²⁵.

В целях обеспечения безопасности Ленинграда и всей северозападной границы Советское правительство еще в апреле 1938 г. в неофициальном порядке предложило правительству Финляндии начать переговоры о заключении пакта взаимопомощи.

Однако финское правительство отклонило это предложение. В то же время оно продолжало домогаться милитаризации Аландских островов и даже обратилось к СССР за поддержкой, добиваясь отмены конвенции 1921 г., предусматривавшей их демилитаризацию. Когда правительство СССР запросило о характере и размерах предполагаемого вооружения Аландских островов, финское правительство отказалось дать ответ. В марте 1939 г. СССР поставил перед Финляндией вопрос о сдаче ему в аренду находящихся в Финском заливе островов Сурсари (Гогланд), Лавансари, Сейсари (Сескар) и Тиуринсари, с тем

чтобы несколько улучшить обеспечение безопасности морских подступов к Ленинграду. Но финское правительство ответило отказом. В апреле 1939 г. переговоры по этому вопросу были прерваны ввиду отрицательной позиции Финляндии.

С возникновением войны в Европе Финляндия легко могла стать плацдармом для агрессоров того или иного империалистического лагеря. 5 октября 1939 г. Советское правительство обратилось к Финляндии с предложением прислать делегацию в Москву для переговоров о советско-финляндских отношениях в связи с войной в Европе. 11 октября 1939 г. в Москве начались эти переговоры. Советское правительство предложило Финляндии заключить советско-финляндский пакт о взаимной помощи. Однако финская делегация отклонила это предложение. «Правительство Финляндии,— гласил ее ответ,— которое предварительно обсуждало и возможность такой инициативы в Москве, не уполномочило делегацию на переговоры о ней»²⁵. После этого СССР (14 октября) предложил Финляндии сдать в аренду Советскому Союзу сроком на 30 лет порт Ханко и передать ему острова Гогланд, Сескар, Лавансари, Тиуринсари, Бьерке и часть Карельского перешейка, необходимые для обеспечения минимальной безопасности Ленинграда, а также часть полуостровов Рыбачий и Средний — всего площадью 2761 кв. км в обмен на советскую территорию размером в 5523 кв. км в районе Реболы и Порос-озера. Таким образом, Советский Союз предлагал Финляндии вдвое большую территорию.

²⁵ Кекконен У. К. Дружба и добрососедство: Речи и выступления, 1963—1967. М., 1968, с. 36.

²⁶ Helsingin Sanomat, 1973, 5.IV.

399

Будущий премьер, а затем президент Финляндии, ее выдающийся государственный деятель Ю. К. Паасикиви назвал советские предложения «сдержанными и умеренными». Он полагал, что их «следовало бы принять».

Но подстрекаемое в своей антисоветской политике империалистическими кругами Англии, Франции и США финское правительство не только отклонило эти предложения СССР и прекратило переговоры, но и встало на путь активной подготовки страны к войне против Советского Союза.

Происходило сосредоточение финляндских войск на Карельском перешейке на подступах к Ленинграду. Финское правительство и военные стали организовывать опасные вооруженные провокации на советско-финляндской границе. Они рассчитывали на поддержку Англии и Франции, зная, что их правящие круги мечтали превратить войну против Германии в войну против СССР в союзе с германским фашизмом.

В связи с вооруженными провокациями на советско-финляндской границе, ее нарушениями со стороны военнослужащих финляндской армии, артиллерийским обстрелом советской территории и т. д., 28 ноября 1939 г. Советское правительство заявило правительству Финляндии о денонсации договора о ненападении. 29 ноября Советский Союз прекратил дипломатические отношения с Финляндией. Вооруженные провокации, однако, продолжались. Они привели к тому, что 30 ноября 1939 г. между Финляндией и СССР начались военные действия.

Воспользовавшись советско-финской войной, правительства Англии и Франции вместо борьбы с германским империализмом принялись срочно готовить экспедиционный корпус в целях отправки в Финляндию для военных действий против СССР.

Англия и Франция добились исключения СССР из Лиги наций, действуя при этом в нарушение ее Устава.

Характеризуя англо-французский план борьбы против СССР, английский

историк А. Тейлор писал что «мотивы намечавшейся экспедиции в Финляндию противоречат здравому смыслу. Для Великобритании и Франции провоцировать войну с Россией, когда они уже находились в войне с Германией, представляется сумасшествием, и это наводит на мысль о более зловещем плане: направить войну по антибольшевистскому курсу с тем, чтобы война против Германии могла быть забыта или даже закончена»²⁷.

Правительство США целиком и полностью разделяло эту англо-французскую политику провоцирования войны с СССР. «Моральное эмбарго», которое оно наложило на торговлю с Советским Союзом, было яркой демонстрацией такой солидарности. В США, Англии и Франции была организована разнузданная антисоветская кампания. Незаконно накладывался арест на советское имущество в ряде стран Запада. Все это должно было создать благоприятную обстановку для того, чтобы переключить

²⁷ Taylor A. J. P. English History 1914—1945. Oxford, 1965, p. 469.

400

войну с Германией на войну против СССР. В подготовке к этой войне Англия и Франция проявляли куда больше энергии, чем при ведении войны против Германии. Согласно заявлению Чемберлена, Англия направила в Финляндию 101 самолет, 214 орудий, 185 тыс. снарядов, 50 тыс. ручных гранат, 15 700 авиабомб, 10 тыс. противотанковых мин и другие военные материалы. Большое количество оружия и военного снаряжения направила в Финляндию и Франция. К отправке в Финляндию подготавливался 150-тысячный англо-французский экспедиционный корпус. Правительства Англии и Франции оказывали давление на Швецию и Норвегию, чтобы получить разрешение на проход этих войск через их территорию. Французский генеральный штаб, помимо планов вмешательства в советско-финскую войну, детально разработал план нападения на СССР с юга, в районе Закавказья и на побережье Черного моря. В качестве наиболее эффективной операции рассматривалась бомбардировка Баку с его нефтяными промыслами. Так называемый «Южный план» предусматривал вовлечение в войну против СССР балканских государств и Турции. Эти коварные замыслы были сорваны благодаря прорыву Красной Армией линии Маннергейма. В результате поражения главных сил финской армии на Карельском перешейке и на восточном участке фронта правительство Финляндии оказалось вынужденным пересмотреть свою позицию в отношении советских мирных предложений.

Правда, правительство Рюти уже в конце декабря 1939 г. поняло неизбежность поражения, но все же продолжало сопротивление в надежде на скорое англо-французское вмешательство. Как свидетельствует запись беседы финляндского премьер-министра с американским посланником в Хельсинки, состоявшейся 4 января 1940 г., финское правительство обратилось тогда к США и ряду других стран с предложением о посредничестве в налаживании двусторонних переговоров «с целью прекращения военных действий между Финляндией и Россией, даже если прекращение огня произойдет не сразу»²⁸. При этом премьер-министр оставил выбор момента на усмотрение правительства США. Почти в течение целого месяца правительство США выжидало. Только в конце января 1940 г. госдепартамент дал указание своему послу в Москве предложить Советскому правительству американские услуги в поисках средств к «прекращению конфликта без дальнейшего кровопролития», причем послу указывалось представить этот шаг, как предпринимаемый исключительно по собственной американской инициативе²⁹.

Лишь 2 февраля финское предложение было передано правительству СССР. Последнее ограничилось тем, что выслушало это сообщение, поскольку оно уже предприняло шаги по установле-

²⁸ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1940, vol. 1. General, p. 271.

²⁹ Ibid., p. 281.

401

нию дипломатических контактов с правительством Финляндии. 5 февраля финский премьер-министр поделился с американским посланником информацией о том, что Советский Союз зондирует через Швецию возможность установления контактов с финским правительством³⁰.

Действительно, Советское правительство передало тогда через шведское правительство неофициальное послание, в котором информировало о своей готовности рассмотреть предложения правительства Финляндии. Однако Финляндия не реагировала на этот миролюбивый жест; она все еще рассчитывала на военную помощь Англии и Франции и согласие Швеции на пропуск иностранных войск на финскую территорию. Посланник Финляндии в Швеции в беседе с посланником США откровенно признавал, что его правительство отклонило советские условия, надеясь на возможность «получения эффективной помощи от Швеции, а затем и союзников»³¹.

28 февраля Советское правительство вновь при посредничестве Швеции повторило Финляндии свои мирные предложения. К этому времени серьезно изменилась политическая и военная обстановка: Финляндия утратила надежды на дальнейшую военную англо-французскую поддержку в связи с решительным отказом шведского правительства поступиться своим нейтралитетом и была вынуждена принять советское предложение о проведении в Москве мирных переговоров, которые и начались 8 марта. Эти переговоры завершились 12 марта 1940 г. подписанием советско-финского мирного договора.

Советский Союз, разгромивший финскую армию, получил полную возможность занять своими войсками всю Финляндию. Однако при заключении мирного договора Советское правительство ограничилось минимальными требованиями, необходимыми для обеспечения безопасности северо-западных границ СССР и особенно Ленинграда.

По Московскому мирному договору к СССР отошли Карельский перешеек с Выборгом и Выборгский залив с расположенными в нем островами, западное и северное побережье Ладожского озера, несколько островов в Финском заливе, территория восточнее Меркярви с г. Куолаярви на севере Карелии, часть полуостровов Рыбачьего и Среднего на побережье Северного Ледовитого океана. СССР получил в аренду на 30 лет полуостров Ханко и примыкающие к нему острова для создания там военно-морской базы, которая должна была прикрывать вход в Финский залив. Советский Союз обязался вывести свои войска из занятой ими в ходе войны области Петсамо (Печенги), коренной русской земли, добровольно уступленной Советской Россией Финляндии в 1920 г.

³⁰ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1940, vol. 1, General, p. 287.

³¹ Ibid., p. 298-299.

402

Мирный договор с Финляндией являлся некоторым вкладом в укрепление обороны СССР против гитлеровской агрессии. Советский Союз получил территории, имевшие жизненное значение для укрепления безопасности северо-запада СССР, в особенности Ленинграда, а до некоторой степени Мурманска и Мурманской железной дороги. «Обе Договаривающиеся Стороны,— говорилось в мирном договоре,— обязуются взаимно воздерживаться от всякого нападения одна на другую и не заключать каких-либо союзов или участвовать в коалициях, направленных против одной из Договаривающихся Сторон»³². Это обязательство было вскоре же нарушено Финляндией, вступившей в союз с фашистской Германией и вместе с ней совершившей в следующем, 1941 г. нападение на СССР.

11 октября 1940 г. между СССР и Финляндией было подписано соглашение об Аландских островах. По своему содержанию это соглашение мало отличается от международной конвенции об Аландских островах 1921 г. Так же, как эта конвенция, соглашение обязывало Финляндию демилитаризовать Аландские острова. С другой стороны, соглашение от 11 октября 1940 г. впервые предоставляло Советскому Союзу право иметь на Аландских островах свое консульство. В его компетенцию, кроме обычных консульских функций, согласно статье 3, входила проверка проведения в жизнь обязательств Финляндии по демилитаризации Аландских островов³³.

В конце июня 1940 г. Советскому правительству удалось мирно разрешить вопрос о возвращении Советскому Союзу Бессарабии, насильственно отторгнутой в 1918 г. буржуазно-помещичьей румынской монархией, опиравшейся на поддержку империалистов Антанты. Политика западных держав после Октябрьской революции была рассчитана на превращение Румынии в один из форпостов для борьбы против Советской России. Под влиянием западных держав правящие круги Румынии, несмотря на неоднократные предложения Советского правительства, отказывались разрешить вопрос о Бессарабии мирным путем. 26 июня 1940 г. Советское правительство вновь потребовало возвращения Бессарабии и передачи Советскому Союзу Северной Буковины, где преобладает украинское население.

На этот раз румынское королевское правительство приняло требование Советского Союза: германские фашисты тогда еще не были готовы к выступлению против СССР и посоветовали не доводить дело до войны. В соответствии с достигнутой договоренностью 28 июня 1940 г. Красная Армия приступила к осуществлению мирной освободительной миссии в Бессарабии и Северной Буковине. Уже 30 июня советские войска вышли в Бессарабии

³² Известия, 1940, 14 марта; Внешняя политика СССР. М., 1946, т. 4 (1935 — июнь 1941), с. 494—496.

³³ Там же, с. 528—530

403

на давнюю законную границу нашей страны с Румынией — реку Прут.

Освобожденная Бессарабия воссоединилась с Советской Молдавией, которая 2 августа 1940 г. была провозглашена Молдавской Советской Социалистической Республикой.

Подчеркивая важность этого события, Л. И. Брежнев говорил: «Актом исторической справедливости явилось восстановление в

1940 году Советской власти в Бессарабии и воссоединение ее с Молдавской АССР»³⁴.

В результате воссоединения украинских и белорусских земель, возвращения Прибалтики и Бессарабии Советский Союз получил возможность значительно продвинуть на запад свои оборонительные рубежи, предназначенные для отпора надвигавшейся германской агрессии. Советское правительство завершило тем самым политическую подготовку создания «Восточного фронта» против гитлеровской Германии, что сыграло в высшей степени важную роль в дальнейшем развитии событий. Когда Германия 22 июня

1941 г. напала на Советский Союз, ей пришлось начать войну со стратегически менее выгодных для нее рубежей, значительно более удаленных от жизненных центров СССР, чем его старая государственная граница, существовавшая до 1939—1940 гг.

Значение выдвижения исходных рубежей для стратегического развертывания Красной Армии на запад было бы еще большим, если бы Советский Союз успел должным образом подготовиться к обороне в чисто военном отношении. Но даже

и при этом перенесение границ на запад уменьшило отрицательные последствия внезапности нападения на СССР. Сколь тяжелым ни было положение, созданное нападением фашистской Германии 22 июня 1941 г., оно было бы еще тяжелее, если бы наступление на Москву немцы начали не от Бреста, Сувалок и Гродно, а от Минска, если бы на Ленинград они двинулись не из Восточной Пруссии, а от Нарвы, не с рубежей западнее Выборга, а из-под Сестрорецка. 1 октября 1939 г. Черчилль, тогда еще военно-морской министр Англии, выступая по радио, правильно оценил эту политику Советского правительства. В частности, он заявил: «То, что русские армии должны были находиться на этой линии, было совершенно необходимо для безопасности России против немецкой угрозы. Во всяком случае, позиции заняты и создан Восточный фронт, на который нацистская Германия не осмеливается напасть»³⁵.

Укрепление безопасности южных границ СССР во многом зависело от позиции Турции, так как последняя имела сухопутную границу с СССР в Закавказье и контролировала проливы, соединяющие Черное море со Средиземным морем. Турции отводилось видное место в планах как англо-французского блока, так и гит-

³⁴ Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи. М., 1976, т. 5, с. 167-168.

³⁵ Churchill W. S. Blood, Sweat and Tears. New York, 1941, p. 173.

404

леровской Германии. Обе империалистические коалиции придавали огромное значение стратегическому положению Турции и ее географической близости к Советскому Союзу. Правящие круги Турции балансировали между обеими воюющими группировками, склоняясь на первых порах в сторону англо-французского блока. В целях преграждения дороги гитлеровской агрессии на Средний Восток Советское правительство весной 1939 г. направило в Анкару заместителя наркома иностранных дел В. П. Потемкина с предложением заключить советско-турецкий пакт о взаимной помощи в рамках общего фронта против фашистской агрессии. Однако турецкие правящие круги, следуя англо-франко-американской политике саботажа соглашений с СССР, не дали тогда определенного ответа на советские предложения. Если бы летом 1939 г. между Советским Союзом, Англией и Францией был подписан договор о взаимной помощи, к нему, возможно, присоединилась бы и Турция, но такой договор не состоялся.

25 сентября 1939 г. в Москву прибыл турецкий министр иностранных дел Сараджоглу, который предложил СССР заключить пакт о взаимопомощи применительно к району проливов и Балкан. Советское правительство согласилось на ведение переговоров. Но вскоре выяснилось, что одновременно переговоры о заключении пакта о взаимопомощи турецкое правительство ведет с Англией и Францией. Это означало, что если бы Советский Союз заключил тогда с Турцией предложенный ею пакт, то он легко мог бы оказаться втянутым в войну с Италией и Германией, не имея никаких обязательств со стороны Англии и Франции о помощи Советскому Союзу и при наличии с их стороны крайней враждебности по отношению к Советской стране. Таким образом, предложение Сараджоглу представляло собой попытку втянуть СССР в неравноправный военный союз с англо-французским блоком, сорвать советско-германский договор и спровоцировать вооруженное столкновение СССР с Италией и Германией.

Для Советского правительства, разумеется, было невозможно пойти на заключение пакта на таких условиях. Поэтому оно предложило Турции подтвердить договор о нейтралитете 1925 г. Сараджоглу отказался принять это предложение. Как показали дальнейшие события, турецкое правительство было заинтересовано тогда не в улучшении отношений с СССР, а в сближении с

Англией и Францией, правительства которых проводили враждебную Советскому Союзу политику. Результатом этой политики и явилось подписание в Анкаре 19 октября 1939 г. англо-франко-турецкого договора о взаимной помощи.

Помимо укрепления безопасности границ и обороноспособности СССР, у Советского правительства в начальный период второй мировой войны имелась во внешней политике и другая важная задача. Она заключалась в предотвращении распространения фашистской агрессии на новые страны, в оказании возможной помощи народам в их борьбе за сохранение национальной независимости. В 1939—1940 гг. Советский Союз неоднократно высту-

405

пал в защиту свободы и независимости ряда европейских стран, которым угрожала агрессия гитлеровской Германии. Весной 1940 г. Советский Союз предпринял шаги с целью предотвратить нападение Германии на Швецию. 13 апреля Советское правительство заявило германскому правительству через его посла в Москве, что оно «определенно заинтересовано в сохранении нейтралитета Швеции» и «выражает пожелание, чтобы шведский нейтралитет не был нарушен»³⁶. Германия вынуждена была посчитаться с твердой позицией Советского правительства и воздержаться от вторжения в Швецию.

Советское правительство и в дальнейшем неоднократно заявляло о своей заинтересованности в сохранении шведского нейтралитета. Позиция СССР встретила большую признательность со стороны шведского народа и шведского правительства, выразившего Советскому правительству «глубочайшую благодарность за высказанное Советским Союзом понимание шведской позиции в поддержку линии нейтралитета». В беседе с советским послом в мае 1940 г. шведский премьер-министр заявил, что «дружба с Советским Союзом является основной опорой Швеции»³⁷.

ПОРАЖЕНИЕ ФРАНЦИИ

В начале 1940 г. западные державы продолжали искать новых возможностей для сговора с Гитлером и поворота фронта против СССР. В феврале — марте 1940 г. в Европу выезжал заместитель государственного секретаря США Уэллес. В числе других столиц он посетил Берлин. Цель его миссии состояла в зондировании возможностей заключения Англией и Францией мира с гитлеровской Германией. Миссия американского дипломата успеха не имела, ибо фашисты не собирались ограничивать свои аппетиты. Они требовали новых и новых жертв.

Фашистские агрессоры — Германия и Италия — решили полностью использовать выгодную для них обстановку, созданную политикой «странной войны», которую вели английское и французское правительства. Их близорукая стратегия позволила Германии и Италии без помех завершить подготовку к нападению на другие европейские страны. В начале апреля 1940 г. немецко-фашистские войска вторглись в Данию и захватили ее, не встретив сопротивления. Они высадились на побережье Нормандии. Сопротивление норвежских патриотов не смогло предотвратить быстрый захват страны гитлеровскими войсками. Швеции помогло спастись от нападения вмешательство Советского Союза.

10 мая 1940 г. «странной войне» был положен конец. В этот день германские вооруженные силы начали большое наступление против Франции. Оно велось широким фронтом через Голландию,

³⁶ Международная жизнь, 1959, № 9, с. 92.

³⁷ АВП СССР. Донесение полпреда СССР в Швеции в НКВД от 9 мая 1940 IV

Бельгию и Люксембург, в обход французской укрепленной «линии Мажино». В течение нескольких дней Бельгия, Голландия и Люксембург были захвачены гитлеровскими войсками. Английский экспедиционный корпус был прижат ими к побережью в районе Дюнкерка и эвакуировался на Британские острова, бросив все тяжелое вооружение. Через бельгийскую и люксембургскую границы вооруженные силы фашистской Германии стремительно ворвались в пределы Франции.

Франция имела возможность оказать действенное сопротивление германскому вторжению. Она располагала большой армией, удовлетворительно вооруженной и оснащенной. Но французское командование действовало крайне неудачно, применяя устаревшие оперативные приемы. Оно позволило немцам захватить себя врасплох внезапным и ошеломляющим ударом. Французские правящие круги не смогли, да и не пожелали, осуществить необходимые меры по сплочению и мобилизации французского народа на борьбу против гитлеровских захватчиков.

До лета 1940 г. Италия не принимала непосредственного участия во второй мировой войне. Но когда правительство Муссолини убедилось, что Франция разбита немцами и уже не представляет собой серьезного противника, Муссолини вмешался в войну. 10 июня фашистская Италия напала на уже поверженную Францию. Наступление итальянских войск на юго-восточные районы Франции успеха не имело. Однако открытие военных действий со стороны Италии еще более осложнило и без того тяжелое общее военное положение Франции и Англии.

В этот трагический час французской истории распри и предательство в правящих кругах привели к власти во Франции правительство капитулянтов-профашистов во главе с маршалом Петэном. Оно обратилось к Гитлеру с предложением прекратить военные действия.

22 июня 1940 г. правительство Петэна подписало позорный акт капитуляции. Гитлер разделил Францию на две зоны. Вся Северная Франция, включая Париж, побережье Ла-Манша и Атлантики, была оккупирована германской армией. В неоккупированной зоне сохранилась юрисдикция правительства Петэна. Обосновавшись в известном курорте Виши, оно сотрудничало с Гитлером и снабжало фашистскую Германию не только продовольствием и сырьем, но и французской рабочей силой. После капитуляции перед Германией французское правительство 24 июня 1940 г. подписало перемирие с Италией.

Итальянская агрессия не ограничилась территорией Франции. В июле 1940 г. итало-фашистские войска развернули из Эфиопии наступление в Восточной Африке и захватили Британское Сомали. В октябре того же года Италия напала на Грецию. Здесь она встретила упорное и героическое сопротивление со стороны армии и народа.

407

БОРЬБА СССР ПРОТИВ РАСПРОСТРАНЕНИЯ

**ГЕРМАНО-ФАШИСТСКОЙ АГРЕССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940 г.
И В НАЧАЛЕ 1941 г.**

Советское правительство пыталось предотвратить распространение германской агрессии всюду, где для этого представлялись хотя какие-либо реальные возможности. Стремясь оградить от фашистской Германии страны Балканского полуострова, оно неоднократно предупреждало Германию, что Советский Союз не может оставаться безучастным к событиям в этом районе европейского континента, ибо германская экспансия в Румынии, Болгарии и других балканских странах, а также в Турции представляет серьезную угрозу

безопасности СССР. Такое же предупреждение Советское правительство сделало Германии и в связи с последовавшим вводом германских войск в Финляндию. В конце 1940 г. и в начале 1941 г. Советское правительство предприняло ряд шагов, которые имели целью предотвратить захват Балкан фашистскими агрессорами и включение Финляндии в фашистский блок. В частности, оно сделало правительству гитлеровской Германии несколько серьезных предупреждений, подчеркивая при этом заинтересованность СССР в сохранении независимости балканских государств. К сожалению, на Балканах не удалось добиться того положительного результата, который был достигнут в отношении Швеции. Главной причиной этого было усиление фашистской Германии в результате победы над Францией. Но сказались и позиция правителей Болгарии и Румынии: слишком далеко зашли они в своем сотрудничестве с фашистской Германией.

После победы над Францией фашистские правители Германии оказались полновластными хозяевами ресурсов почти всего континента Европы за исключением Советского Союза. Вскоре гитлеровцы стали готовиться к нападению на СССР. Проводились крупные мероприятия по наращиванию вооруженных сил. Началось постепенное сосредоточение германских войск у границы СССР. В такой сложной обстановке 25 июня 1940 г. были установлены дипломатические отношения между СССР и Югославией.

Между тем фашистские агрессоры договорились о более тесной координации своих действий. 27 сентября 1940 г. в Берлине был подписан Тройственный пакт между Германией, Италией и Японией, которые договорились о разделе мира на сферы влияния³⁸. Согласно этому договору, Европа должна была стать сферой господства Германии и Италии, а «великое восточноазиатское пространство» — сферой господства Японии.

Три державы обязывались поддерживать друг друга всеми политическими, экономическими и военными средствами в случае нападения на одну из них «какой-либо державы, которая в настоящий момент не участвует в европейской войне и в японо-

³⁸ DGFP, Ser. D, vol. XI, p. 204—205.

408

китайском конфликте». Если говорить о великих державах, то таких было две — США и СССР. Против них и был направлен договор. Но в отношении СССР эта целенаправленность нового агрессивного пакта была замаскирована наличием в нем статьи (пятой), в которой участники пакта заявляли, что он «никоим образом не затрагивает политического статуса, существующего... между каждым из трех участников пакта и Советским Союзом».

Вскоре после подписания Тройственного пакта германское правительство обратилось к правительству СССР с коварным предложением: совместно с Германией, Италией и Японией произвести «размежевание их интересов». Германское правительство пригласило председателя Совета Народных Комиссаров В. М. Молотова посетить Берлин для переговоров.

Приглашение было принято: советско-германские отношения все более осложнялись, назрела настоятельная необходимость выяснить дальнейшие намерения Гитлера и его клики, неограниченно распоряжавшейся политикой Германии и ее огромными вооруженными силами. Настораживало появление германских войск в Финляндии и Румынии — на обоих стратегических флангах потенциального германо-советского фронта. Настораживало и заключение Берлинского договора трех агрессоров.

Во время советско-германских переговоров, состоявшихся в Берлине 12—13 ноября 1940 г., германское правительство пыталось добиться от Советского правительства согласия с программой захватов, намеченной тремя агрессорами в

Берлинском пакте. СССР приглашали присоединиться к Берлинскому договору. Советское правительство решительно отвергло гитлеровскую провокацию.

В сообщении об итогах этих переговоров, направленном советскому полпреду в Лондоне 17 ноября 1940 г., нарком писал: «Как выяснилось из бесед, немцы хотят прибрать к рукам Турцию под видом гарантий ее безопасности на манер Румынии, а нам хотят смазать губы обещанием пересмотра конвенции в Монтрё в нашу пользу, причем предлагают нам помощь и в этом деле. Мы не дали на это согласия, так как считаем, что, во-первых, Турция должна остаться независимой и, во-вторых, режим в проливах может быть улучшен в результате наших переговоров с Турцией, но не за ее спиной. Немцы и японцы, как видно, очень хотели бы толкнуть нас в сторону Персидского залива и Индии. Мы отклонили обсуждение этого вопроса, так как считаем такие советы со стороны Германии неуместными»³⁹.

Впоследствии в беседе с турецким послом в Берлине 17 марта 1941 г. Гитлер признался, какую цель он преследовал во время берлинских переговоров в ноябре 1940 г. с главой Советского правительства. «В этой связи,— говорил Гитлер,— Германия приложила все усилия к тому, чтобы втянуть Россию в великую

³⁹ АВП СССР. Сообщение наркома иностранных дел полпреду СССР в Лондоне от 17 ноября 1940 г. об итогах берлинских переговоров.

⁴⁰⁹ комбинацию против Англии»⁴⁰. В ходе берлинских переговоров Советское правительство полностью отклонило программу захватов, предложенную Гитлером. Не удалось гитлеровской дипломатии и вовлечь СССР в систему Берлинского пакта. Переговоры дали возможность Советскому правительству произвести необходимый зондаж, а также выразить свое отрицательное отношение к проискам гитлеровской Германии на Балканах, в Финляндии и в других районах⁴¹.

Ход переговоров окончательно укрепил Гитлера в его убеждении, что Советский Союз является главным препятствием на пути фашистской Германии к мировому господству.

Со своей стороны Советское правительство требовало вывода германских войск из Финляндии и прекращения германской экспансии на Балканах и на Ближнем Востоке. Однако успеха оно не добилося. Германские фашисты продолжали свою разбойничью политику в этих районах, стремясь укрепить там свои позиции и непосредственно угрожая безопасности СССР.

Как свидетельствуют документы, Гитлер признавал, что после отъезда Молотова он «принял решение свести счеты с Россией, как только позволят климатические условия»⁴².

В октябре 1940 г. Гитлер ввел свои войска в Румынию. В ноябре того же года фашистские правительства Румынии и Венгрии объявили о своем присоединении к Тройственному пакту⁴³.

Чтобы закрыть гитлеровцам путь на Балканы, Советский Союз предложил некоторым странам, которым угрожала агрессия, заключить договоры о взаимной помощи. В 1939—1940 гг. Советское правительство дважды предлагало Болгарии подписать такой договор. Первый раз предложение было сделано через болгарского посланника в Москве 20 сентября 1939 г. Однако болгарское правительство ответило отказом, ссылаясь на то, что «этот пакт сможет вызвать осложнения, или от Болгарии потребуют заключения аналогичного договора и другие державы, что равносильно нашей смерти»⁴⁴.

Несмотря на явное стремление болгарского правительства уклониться от заключения пакта с СССР, последний предпринял новые шаги, чтобы поощрить Болгарию к обеспечению своей независимости перед лицом германской угрозы. С

этой целью в Софию была направлена советская делегация. 25 ноября 1940 г. она снова предложила Болгарии заключить пакт о взаимной по-

⁴⁰ Documents on German Foreign Policy, Ser. D. Washington, 1949, vol. XII, p. 310.

⁴¹ Фальсификаторы истории (историческая справка). М., 1948, с 70.

⁴² The Testament of Adolf Hitler. The Hitler — Borman Documents. London, 1962, p. 76.

⁴³ См.: *Израэлян В. Л., Кутаков Л. Н.* Дипломатия агрессоров. М., 1967, с. 108-127.

⁴⁴ АВП СССР. Донесение полпреда СССР в Софии в НКВД от 17 октября 1939 г.

410

45. Однако и на этот раз болгарский царь и его правительство не приняли советского предложения. Отказ был дан под влиянием гитлеровской Германии, для которой овладение Болгарией имело большое стратегическое значение в плане подготовки нападения на Югославию и СССР, для укрепления позиций Германии на Черном море, а также для утверждения германского влияния в Турции. Профашистски настроенная правящая клика Болгарии во главе с царем и премьер-министром Филовым, вопреки национальным интересам болгарского народа, уже тогда тайно вела переговоры с Гитлером и взяла курс на сближение Болгарии с фашистской Германией.

17 января 1941 г. Советское правительство вновь заявило германскому правительству, что Советский Союз считает восточную часть Балканского полуострова зоной своей безопасности и не может быть безучастным к событиям в этом районе⁴⁶.

Политика царского правительства Болгарии нашла логическое завершение 1 марта 1941 г.: Болгария присоединилась к Тройственному пакту и допустила оккупацию своей территории германскими войсками. Это означало ее порабощение Германией.

4 марта Советское правительство выступило с заявлением, в котором разоблачалась антинациональная политика болгарских правителей, согласившихся на ввод германских войск в свою страну. Оно заявило, что этот акт «ведет не к укреплению мира, а к расширению сферы войны и к втягиванию в нее Болгарии»⁴⁷. Советский демарш был последней попыткой предотвратить превращение Болгарии в сателлита гитлеровской Германии. Но было уже поздно.

Советское правительство стремилось также обеспечить гарантию Турции от ее подчинения Германии.

25 марта Советское правительство опровергло распространявшиеся враждебными кругами слухи, будто СССР в случае, если Турция вынуждена будет вести войну, нападет на нее. Оно заверило турецкое правительство, что, если Турция подвергнется нападению, она «может рассчитывать на полное понимание и нейтралитет СССР»⁴⁸. Турецкое правительство ответило выражением благодарности и со своей стороны дало Советскому Союзу аналогичное заверение.

Было очевидно, что Германия готовит нападение на Югославию. В связи с этим 5 апреля 1941 г. Советское правительство заключило с Югославией договор о дружбе и ненападении. В договоре указывалось, что в случае, если одна из договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны третьего государства, другая договаривающаяся сторона обязуется соблюдать

⁴⁵ АВП СССР. Запись беседы советской делегации с болгарским царем Борисом 25 ноября 1940 г.

⁴⁶ АВП СССР. Запись беседы наркома иностранных дел СССР с германским послом в СССР Шуленбургом 17 января 1941 г.

⁴⁷ Известия, 1941, 4 марта.

⁴⁸ Известия, 1941, 25 марта.

411

политику дружественных отношений с ней⁴⁹. Это обязательство показало югославскому народу, попавшему в беду, что в лице СССР он имеет искреннего

друга. Договор повсюду справедливо расценивался как публичная поддержка Югославии и официальное осуждение Советским Союзом гитлеровской агрессии. 6 апреля 1941 г. фашистская Германия напала на Югославию. 13 апреля Советское правительство также публично осудило хортистское правительство Венгрии за нападение (совместно с Германией) на Югославию⁵⁰.

Но гитлеровцы не посчитались с позицией СССР. К этому времени они уже далеко продвинули непосредственную подготовку к войне против Советского Союза.

Сломив героическое сопротивление югославской армии, вооружение которой не отвечало требованиям времени, германские фашисты захватили всю страну. После этого они вторглись в Грецию, которую итальянские войска все еще не могли одолеть. Участь Греции была решена.

БОРЬБА СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПРОТИВ ЯПОНСКОЙ АГРЕССИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Большое внимание уделяло Советское правительство Дальнему Востоку. Советский Союз продолжал оказывать помощь китайскому народу в его борьбе против японских агрессоров. В 1939 г., незадолго до начала войны в Европе, Советское правительство предоставило Китаю новый кредит в 150 млн. американских долларов. На эти средства Китай приобретал оружие и материалы для ведения освободительной войны⁵¹. В 1940 г. СССР предоставил Китаю два займа на общую сумму 200 млн. американских долларов. Когда в начале 1941 г. Китай испытывал острый недостаток в самолетах, СССР направил ему на помощь 200 бомбардировщиков и истребителей. Большое количество оружия и военных материалов доставлялось в Китай из Советского Союза через Синьцзян. На китайских фронтах сражались советские летчики-добровольцы, которые, по свидетельству китайских источников, оказали немалую помощь китайской авиации⁵². Так, в течение 40 месяцев войны было уничтожено 986 японских самолетов. С китайской стороны указывалось, что эти успехи были связаны с деятельностью советских летчиков⁵³.

Противоположную позицию в отношении китайско-японской войны занимали США и западные державы. Лишь в сентябре 1939 г. Соединенные Штаты расторгли торговое соглашение с

⁴⁹ Известия, 1941, 6 апр.

⁶⁰ Известия, 1941, 13 апр.

⁵¹ Международные отношения на Дальнем Востоке (1870—1949). М., 1951, с. 459.

⁵² *Пын Мин*. Краткая история дружбы народов Китая и Советского Союза. М., 1957, с. 99, 102; Дагунбао, 1955, 26 июня.

⁵³ Синьхуа жибао, 1940, 22 ноября; *Пын Мин*. Указ. соч., с. 102.

Японией. Однако до июля 1940 г. продолжались безлицензионные поставки самолетов, запчастей к ним, оптических приборов, станков, нефти, свинца, железного лома и т. п. В августе американские власти запретили экспорт в Японию авиационного бензина, а затем железного лома, чугуна и стали. С февраля 1941 г. были введены лицензии на вывоз цветных металлов, нефтеперегонной аппаратуры, нефтетары. Только накануне нападения на Пирл-Харбор Соединенные Штаты ограничили экспорт американской нефти в Японию. Журнал «Амерейша» писал в 1941 г.: «Если бы японская военная машина не питалась непрерывными поставками американской и английской нефти, железа, стали, меди, машин и т. п., или если бы защитники Китая были обеспечены действительно надежной помощью,— правительствам Англии и США в настоящее время не было бы необходимости обсуждать пути и способы защиты

Малайи и Индии от японского нападения.

Но 10 лет американской и британской терпимости дали Японии возможность продвигаться по пути открыто объявленной ею кампании за подчинение Великой Восточной Азии...»⁵⁴.

Советский Союз был вынужден по-прежнему держать на случай японской агрессии на своих дальневосточных границах весьма крупные вооруженные силы. Этого требовал опыт, полученный в результате японской агрессии в районе озера Хасан и на реке Халхин-Гол. Однако присутствие на Дальнем Востоке советских войск имело большое значение не только для обороны СССР, но и для борьбы китайского народа против японских империалистов, так как сковывало на советских границах крупные японские силы. Особенно важно было это для 4-й и 8-й китайских армий, руководимых Коммунистической партией Китая.

Советская помощь Китаю чрезвычайно обострила отношения СССР с Японией. Японские милитаристы, особенно военный министр Итагаки, намеревались заключить военный союз с Германией против СССР.

Разгром Красной Армией японских войск на реке Халхин-Гол несколько отрезвил зарвавшихся японских милитаристов. Заключение советско-германского договора лишило японских милитаристов главной основы их антисоветских замыслов — расчета на близость германо-советской войны. 9 сентября 1939 г. в НКИД явился японский посол и предложил заключить перемирие, создать демаркационную комиссию и комиссию по мирному урегулированию возможных будущих конфликтов.

На другой же день Советское правительство дало ответ. Оно согласилось создать комиссию по мирному урегулированию военных конфликтов и комиссию по редемаркации. В последнюю должны были войти представители СССР и МНР, с одной стороны, Японии и Маньчжоу-Го, — с другой. Вместе с правитель-

⁵⁴ Amerasia, New York, 1941, March, vol. V, N 1, p. 2.

413

ством МНР Советское правительство отклонило предложенную японцами демилитаризацию района реки Халхин-Гол и предложило восстановить границу, существовавшую до конфликта.

Последовали длительные переговоры. На сессии Верховного Совета СССР 29 марта 1940 г. Советское правительство заявило: «В Японии должны, наконец, понять, что Советский Союз ни в каком случае не допустит нарушения его интересов. Только при таком понимании советско-японских отношений они могут развиваться удовлетворительно»⁵⁵. Наконец, 9 июня 1940 г. было достигнуто принципиальное соглашение о пограничной линии между Маньчжоу-Го и МНР в районе прошлогоднего военного конфликта.

Урок, полученный японскими милитаристами на Халхин-Голе, не прошел даром. После понесенного поражения неурегулированность многих вопросов с Советским Союзом стала беспокоить японское правительство. К числу таких вопросов относились японские концессии на Сахалине, рыболовные дела и др. Министр иностранных дел Японии в марте 1940 г. с явной тревогой отмечал, что «решение неурегулированных вопросов между нами и Советами пока не продвинулось вперед»⁵⁶. За улучшение советско-японских отношений выступали представители деловых кругов Токио, весьма заинтересованных в рыболовстве в советских водах, а также в торговле с СССР и в концессиях на советской территории. Обострение японо-американских противоречий также требовало от японских правящих кругов заботы о некоторой нормализации отношений с другой близлежащей великой державой — Советским Союзом.

В ходе переговоров японское правительство в начале июля 1940 г. предложило заключить советско-японский пакт о нейтралитете. Японское

предложение содержало неприемлемое для СССР условие положить в основу пакта советско-японский договор 1925 г. Некоторые статьи этого договора и лежавший в его основе Портсмутский договор 1905 г. были грубо нарушены Японией. Достаточно вспомнить, что Портсмутский договор предусматривал эвакуацию Маньчжурии и возвращение ее Китаю, которую вопреки этому захватили японцы в 1931 г. Японские угольная и нефтяная концессии на Северном Сахалине, предусмотренные договором 1925 г., служили источником непрерывных конфликтов. Советское правительство предлагало вступить в переговоры о ликвидации этих концессий. Невзирая на недостатки японского проекта, Советское правительство изъявило принципиальное согласие начать переговоры о заключении пакта о нейтралитете, поскольку он имел целью укрепление мира на Дальнем Востоке. Следует напомнить, что Советское правительство-

⁵⁵ Шестая сессия Верховного Совета СССР. 29 марта — 4 апреля 1940 г.: Стеногр. отчет. М., 1940, с. 41.

⁵⁶ См.: *Кутаков Л. Н.* История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962, с. 253.

414

ство давно и неоднократно предлагало Японии заключить пакт подобного рода.

30 октября 1940 г. японское правительство сделало новое предложение, сущность которого сводилась к заключению японо-советского пакта о ненападении (а не о нейтралитете, как ранее). В проекте соглашения, переданного японским послом в Москве Татэкава в НКВД СССР, о договоре 1925 г. уже не упоминалось. Урегулирование спорных вопросов между СССР и Японией предлагалось осуществить лишь после заключения пакта ⁵⁷.

Советский Союз не разделял этой точки зрения. 18 ноября

1940 г. он сообщил японской стороне свой проект договора о нейтралитете, причем Советское правительство заявляло, что без урегулирования важнейших нерешенных вопросов советско-японских отношений оно не может согласиться на заключение такого договора. Советское правительство предлагало подписать одновременно с пактом соглашение о ликвидации японских угольной и нефтяной концессий на Северном Сахалине. Оно соглашалось гарантировать Японии поставку сахалинской нефти в течение пяти лет на обычных коммерческих условиях в размере 100 тыс. тонн ежегодно.

Японское правительство отклонило советский проект. Оно возражало против ликвидации японских концессий на Сахалине и выдвинуло свой план «решения» этого вопроса: предложило СССР продать Японии Северный Сахалин. Само собой разумеется, Советское правительство решительно отвергло это наглое предложение.

11 февраля 1941 г. японский министр иностранных дел Мацуока сообщил советскому полпреду, что он собирается предпринять поездку в Европу (он был приглашен в Берлин гитлеровским правительством) и при этом хотел бы посетить Москву. «Главной целью его поездки в Европу,— передавал полпред слова японского министра,— является встреча с руководителями Советского правительства» ⁵⁸.

Советское правительство отнеслось одобрительно к намерению Мацуока. Он прибыл в Москву и 24 марта 1941 г. начал переговоры о заключении пакта о нейтралитете. Сразу же встретились затруднения: японская сторона не соглашалась на ликвидацию концессий на Северном Сахалине. Переговоры застопорились.

26 марта Мацуока выехал из Москвы в Берлин для встречи с руководителями фашистской Германии. На обратном пути Мацуока опять остановился в Москве. Здесь он попытался вновь поднять вопрос о продаже Северного Сахалина.

Натолкнувшись на повторный решительный отказ, японский министр кончил тем, что отказался от концессий на советской земле. 13 апреля

1941 г. в Москве был подписан пакт о нейтралитете между

⁵⁷ Там же, с. 275.

⁵⁸ АВП СССР. Запись беседы полпреда СССР в Японии с министром иностранных дел Японии Мацуока И февраля 1941 г.

415

СССР и Японией. Пакт был заключен сроком на пять лет и предусматривал (ст. 1), что обе стороны обязуются поддерживать между собой мирные и дружественные отношения и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность другой договаривающейся стороны. В статье 2 говорилось, что «в случае если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая Договаривающаяся Сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта» ⁵⁹. В декларации, приложенной к договору, содержалось обязательство СССР уважать территориальную целостность и неприкосновенность Маньчжоу-Го, а Япония давала такое же обязательство в отношении МНР. Посредством обмена письмами было закреплено обязательство Японии в шестимесячный срок ликвидировать свои концессии на Северном Сахалине.

Подписывая пакт с Японией, Советский Союз стремился к обеспечению своей безопасности на Дальнем Востоке, тем более, что на Западе явно надвигалась война с Германией. Вместе с тем «Советско-японский пакт свидетельствовал о дипломатическом поражении Германии, рассчитывавшей на вовлечение Японии в войну против СССР» ⁶⁰. Хотя доверять японскому правительству было невозможно, заключение пакта все же было полезным. Оно свидетельствовало о том, что на ближайшее время Япония не собирается нападать на Советский Союз. Заключение пакта явилось поэтому успехом советской дипломатии в общей цепи мероприятий, направленных на обеспечение безопасности СССР.

*

Вторая мировая война принимала все более широкий размах, захватывала все новые и новые районы. Во всех оккупированных странах устанавливался фашистский «новый порядок», означавший невиданное угнетение, жестокую эксплуатацию и даже физическое уничтожение огромных масс населения. Миллионы ни в чем не повинных людей были убиты в Польше, Чехословакии, Югославии, Франции, Греции. Все сырьевые ресурсы и промышленность захваченных фашистами стран обращались на обслуживание потребностей государств фашистского блока и их вооруженных сил.

После капитуляции Франции положение Англии крайне осложнилось. Для нее борьба шла теперь уже не только за колонии, за великодержавное положение, но и за спасение национальной независимости. Фашистский меч был занесен над Англией. Война приобретала теперь для Англии справедливый характер войны за национальное существование.

⁵⁹ Известия, 1941, 15 апр.

⁶⁰ История второй мировой войны. 1939—1945, т. 3, с. 354—355.

416

Германские притязания на мировое господство и японская агрессия в Восточной Азии и бассейне Тихого океана вызывали серьезную тревогу в США. Именно поэтому там стали все громче раздаваться призывы к участию в борьбе против германских и японских агрессоров.

Сознавая угрозу фашистского порабощения, народы многих стран все настойчивее требовали от своих правительств усиления борьбы против агрессивных держав. Лучшие сыны и дочери народов, попавших под фашистское

иго, поднимались на борьбу. В первых рядах бойцов народного сопротивления повсюду шли коммунисты. Под их руководством и развертывалась освободительная борьба народов. Первым начал эту антифашистскую войну польский народ еще в конце 1939 г. Со второй половины 1940 г. борьба народных масс различных стран против фашистской агрессии стала заметно расширяться, что не замедлило сказаться и на общем характере второй мировой войны.

Для государств, воевавших против Германии и ее союзников, она все больше превращалась в антифашистскую освободительную войну.

В последующем вступление в войну Советского Союза в результате вероломного нападения гитлеровской Германии явилось решающим фактором, завершившим процесс превращения второй мировой войны в освободительную и справедливую.

Главным итогом внешней политики СССР в начальный период второй мировой войны было то, что Советскому Союзу удалось избежать вовлечения в войну в крайне неблагоприятной обстановке 1939 г. Случись война в тот момент, и Советской стране предстояло бы вести ее в одиночестве сразу на два фронта, не только на Западе, но и на Дальнем Востоке. Советский Союз сумел добиться почти двухлетней отсрочки, которая имела важнейшие международные последствия. В течение этих двух лет Советский Союз освободил Западную Белоруссию, Западную Украину, Бессарабию, Северную Буковину. Все они, а также страны Прибалтики, получили возможность воссоединиться с Советским Союзом.

Вместе с тем воссоединение западных земель с их Родиной — Советским Союзом означало, что граница СССР была отодвинута на запад и таким образом были созданы условия, позволявшие упрочить оборону СССР.

Отсрочка вовлечения СССР во вторую мировую войну дала время для дальнейшего укрепления обороноспособности страны, для развития военно-промышленной базы, для перестройки работы оборонной промышленности с учетом все более явственно надвигающейся военной опасности, для дальнейшего повышения боевой готовности вооруженных сил. Однако некоторые вопросы, связанные с обороной страны, решить не удалось. Многие из намеченных мероприятий из-за недостатка средств и времени не были осуществлены до конца.

417
Не менее важный выигрыш был для СССР и с внешнеполитической точки зрения. К моменту гитлеровского нападения на Советский Союз его международное положение, равно как и вся международная обстановка, изменились кардинальным образом. Стране Советов удалось не только покончить с внешнеполитической изоляцией, в которой она оказалась в результате мюнхенского сговора Англии и Франции с фашистскими государствами, но и разрушить мюнхенский антисоветский фронт.

Англия теперь воевала с Германией, а империалистические противоречия между США, с одной стороны, Германией и Японией, — с другой, настолько обострились, что возможность сговора правительств США и Англии с фашистскими агрессорами становилась нереальной. Создавались объективные предпосылки для объединения в антифашистскую коалицию крупнейших государств мира — СССР, США и Англии.

ХIII ГЛАВА

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ПЕРИОД

ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941—1945 гг.)

НАПАДЕНИЕ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ НА СССР

На рассвете 22 июня 1941 г. гитлеровская Германия вероломно, без предварительного объявления войны напала на Советский Союз.

Советское правительство знало, что Германия, несмотря на наличие договора о ненападении, готовится к войне с СССР. Поэтому в 1939—1941 гг. принимались меры по укреплению обороноспособности страны, увеличению боевой мощи Советских Вооруженных Сил.

К этому времени советская экономика располагала такой материально-технической базой, которая позволяла наладить массовое производство всех видов современного вооружения. Были сконструированы новые образцы оружия. Однако развертывание массового производства оружия новых образцов и перевооружение армии запаздывали, проводились недостаточно быстрыми темпами¹.

В течение 1939—1941 гг. в связи с усилившейся опасностью войны было предпринято формирование новых войсковых соединений. Но к моменту нападения Германии новые дивизии еще находились в стадии комплектования людьми и техникой. Строительство укрепленных районов близ новой государственной границы велось недостаточно и не было закончено к моменту нападения Германии.

Агрессивные замыслы гитлеровской клики и ее намерение напасть на Советский Союз были очевидны для Советского правительства и руководства Советских Вооруженных Сил. Однако был допущен просчет в определении сроков этого нападения. И. В. Сталин ошибочно полагал, что в ближайшее время Гитлер не решится нарушить договор о ненападении, если ему не дать для этого предложения.

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. М., 1960, т. 1, с. 481.

419 До последнего момента Сталин не считал целесообразным принять должные меры к приведению войск приграничных военных округов в полную боевую готовность. Вместе с ним ответственность за это и за недостатки в общей подготовке к обороне несет тогдашнее руководство Наркомата обороны.

Между тем германское правительство еще в 1940 г. приступило к массовому сосредоточению войск у советских границ. К 1 июня 1941 г. оно было в основном завершено, а 10 июня немецкие части начали выходить на исходные позиции для вторжения в пределы СССР. Советское правительство было информировано о сосредоточении немецких войск у советских границ².

Советское правительство пыталось дипломатическими средствами политически затруднить нападение Германии на Советский Союз. С этой целью 14 июня 1941 г. в советской печати было опубликовано сообщение ТАСС, текст которого накануне был передан германскому послу в Москве. В нем говорилось, что «по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы»³. Сообщение было выдержано в доброжелательном тоне. Оно убедительно свидетельствовало о миролюбии Советского Союза.

Германское правительство не реагировало на это сообщение ТАСС. Оно даже не опубликовало его в Германии. Это еще раз подтверждало, что гитлеровская Германия уже считала излишними какие-либо объяснения с Советским Союзом. Она закончила подготовку к войне, Гитлер принял решение напасть на СССР, и

его не могли остановить такого рода дипломатические шаги.

21 июня вечером, после того как поступили новые неопровержимые данные о том, что германская армия в самом скором времени нападет на СССР, было принято решение предупредить командование приграничных военных округов и военно-морских флотов о грозящей опасности и привести вооруженные силы в боевую готовность. Однако было слишком поздно. Тем более, что из-за неправильной организации передачи директивы непосредственным исполнителям многие из них узнали о содержании этого документа уже после начала военных действий⁴.

В то же время Советское правительство вечером 21 июня (в 21 час 30 мин.) еще раз попыталось сохранить мир, завязав переговоры с германским правительством. По поручению правительства В. М. Молотов пригласил к себе германского посла в Москве Шуленбурга и сообщил ему содержание советской ноты по поводу многочисленных нарушений границы германскими самолетами, которую советский полпред в Берлине должен был вручить Риббентропу. После этого нарком тщетно пытался по-

² АВП СССР. Донесения полпреда СССР в Берлине в НКВД с марта по 21 июня 1941 г., а также донесения военного атташе.

³ Известия, 1941, 14 июня.

⁴ История Великой Отечественной войны..., М., 1961, т. 2, с. 11.

420

будить посла обсудить с ним состояние советско-германских отношений и выяснить претензии Германии к Советскому Союзу. В частности, перед Шуленбургом был поставлен вопрос: «В чем заключается недовольство Германии в отношении СССР, если таковое имеется?». Нарком спросил также, чем объясняется усиленное распространение слухов о близкой войне между Германией и СССР, чем объясняется массовый отъезд из Москвы в последние дни сотрудников германского посольства и их жен? В заключение Шуленбурга спросили, «чем объясняется отсутствие какого-либо реагирования германского правительства на успокоительное и миролюбивое сообщение ТАСС» от 14 июня?⁵

В ту же ночь, 22 июня в 0 час. 40 мин., советскому полпреду в Берлин была отправлена телеграмма, в которой сообщалось содержание беседы наркома иностранных дел с Шуленбургом, перечислялись вопросы, поставленные советской стороной в ходе этой беседы. Полпреду предписано было встретиться с Риббентропом или его заместителем и поставить перед ним те же вопросы. Но выполнить поручение наркома полпреду не пришлось: через несколько часов германские вооруженные силы вторглись в Советский Союз.

Гитлеровцы бросили против Советской страны почти всю огромную мощь военной машины германского империализма, а также вооруженные силы сателлитов фашистской Германии: Финляндии⁶, хортистской Венгрии, боярской Румынии, а позже и фашистской Италии. К моменту нападения на советском фронте было сосредоточено 190 дивизий Германии и ее союзников, включая отборные танковые соединения, насчитывавшие 3500 танков, 50 тыс. орудий и минометов. Против СССР были направлены почти все сухопутные силы фашистской Германии, а также сосредоточено более 3900 боевых самолетов, что составляло тогда около 60% воздушной мощи Германии. Советско-германский фронт сразу же стал, таким образом, решающим фронтом второй мировой войны. На нем началась гигантская битва, исход которой должен был решить судьбы не только нашей Родины, но и всего мира. В первой половине дня 22 июня состоялось заседание Политбюро ЦК партии. В связи с начавшейся войной был составлен и утвержден текст обращения к советскому народу. С этим обращением в 12 часов дня выступил по радио

⁵ АВП СССР. Запись беседы наркома иностранных дел СССР с германским послом в СССР от 21 июня 1941 г.

⁶ Как документально подтверждают опубликованные на Западе секретные дипломатические документы гитлеровской Германии, правящие круги Финляндии вынашивали широкие захватнические планы в отношении Советского Союза. Воспользовавшись нападением фашистской Германии на Советский Союз, правительство Финляндии поспешило объявить войну СССР. Оно предлагало Гитлеру создать германские колонии восточнее границ «Великой Финляндии», с тем чтобы у нее не было больше общих границ с Советским Союзом (см.: Documents on German Foreign Policy. 1918—1945. London, 1964, vol. XIII). Не менее обширными были и захватнические планы румынских правящих кругов.

421

заместитель Председателя СНК и нарком иностранных дел В. М. Молотов.

«Весь наш народ теперь должен быть сплочен и един, как никогда»,— говорилось в обращении ⁷.

«Эта война,— подчеркивалось в обращении,— навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой кровожадных фашистских правителей Германии...» ⁸

Ленинскими мыслями и идеями о защите социалистического Отечества была пронизана директива ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР, принятая 29 июня,— основной программный документ перестройки партии и страны в соответствии с требованиями войны. «Все для фронта, все для победы!» — такова была главная идея директивы ⁹.

30 июня был образован Государственный Комитет Обороны во главе с И. В. Сталиным для руководства всеми действиями по организации отпора врагу.

С первых же дней на советско-германском театре военных действий на всем его протяжении от Черного до Балтийского моря развернулись невиданные по своим масштабам сражения.

ЦЕЛИ СССР И ЗАПАДНЫХ ДЕРЖАВ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Совершив нападение на СССР, германский фашизм преследовал не только империалистические захватнические цели, направленные на грабеж советских земель. Он хотел уничтожить социалистический строй и Советское государство. Фашистская Германия намеревалась поработить народы СССР. Речь шла о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов Советского Союза, о свободе и независимости нашей Родины. Война против гитлеровских захватчиков была Великой Отечественной войной советского народа. Она вызвала глубокие симпатии и сочувствие всего прогрессивного человечества, в том числе в западных странах. Различные демократические, прогрессивные организации в Англии, США и других странах антифашистской коалиции рассматривали борьбу Советского Союза против гитлеровского блока как реальную перспективу избавления от угрозы фашистского порабощения. Они требовали установления единства действий с Советским Союзом. «Защитим Америку, оказывая полную поддержку Советскому Союзу, Великобритании и всем странам, борющимся против Гитлера»,— в таких словах выразил настроение широких народных масс Америки манифест,

⁷ История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970, т. 5, кн. 1, с. 145.

⁸ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1946, т. 1, с. 128.

⁹ История Коммунистической партии Советского Союза, т. 5, кн. 1, с. 157.

422

принятый 28 июня 1941 г. Национальным комитетом Компартии США в связи с нападением гитлеровской Германии на Советский Союз ¹⁰. Народные массы проявили такую активность в борьбе за установление союзнических отношений с

СССР, что многие общественные и другие организации капиталистических стран с первых дней войны стали устанавливать контакты с Советским Союзом. Под давлением широких кругов английского рабочего класса лидеры британских профсоюзов пошли на установление постоянного сотрудничества с советскими профсоюзами.

Вступление СССР в войну, обусловленное нападением на него фашистской Германии и ее союзников, завершило процесс изменений, происходивших в характере второй мировой войны. Для всех противников Германии война принимала освободительный характер.

В период Великой Отечественной войны Советского Союза перед его внешней политикой встали новые важные задачи. Они определялись общими целями СССР в этой войне.

Главной задачей советской внешней политики являлось обеспечение наиболее благоприятных международных условий для организации отпора врагу, а в дальнейшем для освобождения оккупированной им территории и полного разгрома фашистских захватчиков.

Советская дипломатия прежде всего должна была позаботиться о том, чтобы буржуазные государства, уже воевавшие с фашистскими Германией и Италией, стали возможно более прочными союзниками СССР. Для этого нужно было добиться создания и укрепления коалиции государств, воевавших против фашистской Германии, и скорейшего открытия второго фронта в Европе.

Необходимо было также приложить все усилия к тому, чтобы предотвратить нападение со стороны государств, сохранявших пока нейтралитет в войне Германии против СССР: Японии, Турции, Ирана и др.

Наконец, целью внешней политики СССР была помощь народам Европы, оказавшимся под игом германского фашизма, в целях их освобождения и восстановления их суверенных прав.

Политика СССР в отношении малых европейских государств, захваченных гитлеровской Германией, была четко сформулирована в телеграмме советскому послу в Лондоне от 3 июля 1941 г. В ней говорилось: «По вопросу о восстановлении национальных государств Польши, Чехословакии и Югославии Вам следует придерживаться следующей позиции:

а) мы стоим за создание независимого Польского государства, в границах национальной Польши, включая некоторые города и области, недавно отошедшие к СССР, причем вопрос о характере государственного режима Польши Советское правительство считает внутренним делом самих поляков;

¹⁰ The Communist, 1941, August, vol. XX, N 8, p. 682.

423

б) мы стоим также за восстановление Чехословацкого и Югославского государств с тем, что и в этих государствах вопрос о характере государственного режима является их внутренним делом»¹¹.

26 сентября 1941 г. Советский Союз признал де Голля «как руководителя всех свободных французов, где бы они ни находились» и изъявил готовность оказывать им всестороннюю помощь и содействие в общей борьбе с гитлеровской Германией и ее союзниками. Правительство СССР выразило твердую решимость после достижения совместной победы «обеспечить полное восстановление независимости и величия Франции»¹².

Как справедливо отмечается в «Истории дипломатии», признание Советским Союзом движения «Свободная Франция» фактически было равнозначно установлению с ним союзных отношений¹³.

Общие задачи войны против государств фашистского блока были сформулированы в выступлении Председателя Государственного Комитета

Обороны И. В. Сталина 3 июля и в декларации правительства СССР на межсоюзной конференции в Лондоне в сентябре 1941 г. В декларации указывалось, что все народы и все государства, вынужденные вести навязанную им войну против гитлеровской Германии, должны добиваться «скорейшего и решительного разгрома агрессоров, мобилизовать и отдать для наиболее полного решения этой задачи все свои силы». В декларации далее говорилось о необходимости такого послевоенного устройства мира, которое избавило бы народы от фашизма.

«Советский Союз,— провозглашалось в декларации,— отстаивает право каждого народа на государственную независимость и территориальную неприкосновенность своей страны, право устанавливать такой общественный строй и избирать такую форму правления, какие он считает целесообразными и необходимыми для обеспечения экономического и культурного процветания своей страны».

Советское правительство выражало уверенность в том, что «в результате полной и окончательной победы над гитлеризмом будут заложены основы правильных и отвечающих желаниям и идеалам свободолюбивых народов отношений международного сотрудничества и дружбы»¹⁴.

Правительства Англии и США тоже стремились разбить Германию и ее союзников, устранить опасность германской мировой гегемонии, отстаивать свою независимость. Поэтому война США

¹¹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1973, т. 7, с. 198.

¹² Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Документы и материалы. М., 1959, с. 47.

¹³ История дипломатии. 2-е изд., М., 1975, т. 4, с. 217.

¹⁴ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 1, с. 164, 165.

424

и Англии против фашистской Германии теперь приобрела справедливый характер.

Но английские и американские правящие круги думали об ослаблении Германии как империалистического соперника и опасного конкурента на мировом рынке. Они вовсе не стремились к уничтожению фашизма и реакции в Германии и других странах. Правящие круги США и Англии намеревались использовать войну для распространения своего влияния на возможно большее число стран во всех частях земного шара. Они хотели установить в послевоенном мире свое собственное, англо-американское господство. Эти империалистические мотивы усиливались в политике западных держав по мере того, как приближался разгром Германии. Черчилль, который с мая 1940 г. стоял во главе английского правительства, рассчитывал, что война ослабит Советское государство и по окончании военных действий оно окажется в зависимости от Англии и США. Это подтверждает, например, письмо Черчилля Идену от 8 января 1942 г., в котором он писал: «Никто не может предвидеть, каково будет соотношение сил и где окажутся армии-победительницы к концу войны. Однако представляется вероятным, что Соединенные Штаты и Британская империя далеко не будут истощены и будут представлять собой наиболее мощный по своей экономике и вооружению блок, какой когда-либо видел мир, и что Советский Союз будет нуждаться в нашей помощи для восстановления страны в гораздо большей степени, чем мы будем тогда нуждаться в его помощи»¹⁵.

СССР И СОЗДАНИЕ АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ

Англия и США были вынуждены вступить в коалицию с Советским Союзом, поскольку у них и у Советского Союза оказался общий и в высшей степени

опасный враг. Советский Союз сковал на советско-германском фронте большую часть вооруженных сил фашистской Германии. Его роль в войне стала основной и решающей для исхода борьбы против третьего гитлеровского рейха.

Учитывая роль СССР в войне, руководящие деятели Англии и США после нападения Германии на Советский Союз публично заявили от имени своих стран о готовности оказывать ему поддержку.

Черчилль никогда не переставал ненавидеть СССР и коммунизм, однако, сознавая, что над Англией нависла смертельная опасность и что без Советского Союза с Германией не справиться, вынужден был заявить, выступая по радио 22 июня 1941 г.:

«Гитлер хочет уничтожить русскую державу потому, что в случае успеха надеется отозвать с Востока главные силы своей армии и авиации и бросить их на наш остров... Его вторжение

¹⁵ Churchill W. S. The Second World War. London, 1951, vol. 3, p. 616.

425

в Россию — лишь прелюдия к попытке вторжения на Британские острова... Поэтому опасность, угрожающая России,— это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам»¹⁶.

Несмотря на торжественное заверение Черчилля о том, что Великобритания окажет «России и русскому народу всю помощь, какую только сможет»¹⁷, Советский Союз в 1941 г. существенной помощи не получил. Правительства Англии и США явно выжидали, как будут развиваться события на советско-германском фронте. Руководствуясь империалистическими интересами, правительства Англии и США затягивали войну в целях ослабления СССР.

В Англии и США были деятели, не считавшие нужным скрывать подобные замыслы. Они предлагали вести дело так, чтобы СССР воевал с Германией один на один, с тем чтобы и Советский Союз и Германия возможно больше обескровили друг друга. Такие планы с откровенным цинизмом изложил американский сенатор, впоследствии президент США Г. Трумэн. «Если мы увидим,— говорил он,— что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше». В Англии аналогичные мысли развивал Д. Мур-Брабазон, являвшийся тогда министром авиационной промышленности. «Пусть Германия и СССР истощают друг друга,— говорил он,— в конце войны Англия станет хозяином положения в Европе»¹⁸. Тем не менее правящие круги Англии и США под давлением военной обстановки и требований демократической общественности были вынуждены вступить в союз с СССР и образовать антифашистскую коалицию держав: без этого победа над гитлеровской Германией была немислима.

Образование военно-политического союза в составе СССР, Англии и США не было единовременным актом. Если говорить о юридическом оформлении коалиции СССР, США, Англии и других антифашистских государств, то оно происходило в несколько приемов и завершилось в первой половине 1942 г.

С первых же дней Великой Отечественной войны Советское правительство осуществило ряд важнейших внешнеполитических мероприятий, направленных на сплочение антифашистских государств. 12 июля 1941 г. в Москве было подписано «Соглашение между правительствами СССР и Великобритании о совместных действиях в войне против Германии», в котором были зафиксированы взаимные обязательства об оказании помощи и поддержки в войне, а также об отказе от заключения сепаратного мира, с противником. Это соглашение и положило начало созданию антигитлеровской коалиции.

¹⁶ The Times, 1941, June 23.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ АВП СССР. Телеграмма советского полпреда в Англии в НКВД СССР от 6 сентября 1941

г.
426

18 июля 1941 г. было подписано советско-чехословацкое соглашение. Оно имело большое значение в плане признания Чехословакии как суверенного государства. В то время как Англия и Франция, вступив в войну, не взяли обратно своих признаний захвата Чехословакии Германией, «Советский Союз,— как писал Бенеш в своих воспоминаниях,— который с самого начала так решительно выступил против Мюнхена и с такой решительностью выступил против событий 15 марта 1939 г., в этот ответственный момент нанес смертельный удар Мюнхену и всем его последствиям, так как вполне решительно, без всяких ограничений и условий, снова признал республику в ее домюнхенском статуте»¹⁹. 30 июля 1941 г. было заключено такое же советско-польское соглашение. Помимо обязательств, аналогичных советско-английским, эти соглашения содержали также согласие СССР на формирование на его территории национальных чехословацких и польских воинских частей для борьбы против Германии²⁰.

Вскоре же после заключения советско-английского соглашения СССР и Англия приняли совместные меры, дабы предотвратить использование территории Ирана фашистскими державами. В августе 1941 г. по предложению английского правительства в Иран были временно введены советские и английские войска. Советский Союз предпринял эту акцию в целях самообороны в соответствии со статьей 6 советско-иранского договора 1921 г. Советские части заняли северные районы страны, а английские — юго-западные. Таким образом, удалось предотвратить замышлявшееся нападение на СССР с территории Ирана, сорвать германские планы на Ближнем и Среднем Востоке и обеспечить железнодорожную и морскую связь СССР с Англией через Иран и Персидский залив. В декабре 1941 г., во время пребывания министра иностранных дел Англии А. Идена в Москве, был продолжен обмен мнениями между советской и английской сторонами о совместном участии в войне против гитлеровской Германии.

Некоторые шаги были предприняты и для расширения связей СССР и США, которые до декабря 1941 г. еще не находились в состоянии войны с Германией.

Важное значение в определении позиции США к Советскому Союзу имела миссия в Москву Гопкинса, личного друга и советника Рузвельта. В июле 1941 г. Гопкинс на месте убедился, что вероятность быстрого поражения СССР в войне исходит из незнания истинного положения вещей и предубеждения, которое имело широкое распространение на Западе. «Я глубоко уверен в этом фронте,— писал Гопкинс Рузвельту из Москвы,— моральный дух населения необычайно высок. Здесь существует твердая решимость победить»²¹.

¹⁹ *Venes E. Pameti. Praha, 1948, s. 244.*

²⁰ См.: *Израэлян В. Л. Антигитлеровская коалиция. М., 1964, с. 26—32.*

²¹ *Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. М., 1958, т. 1, с. 547.*

427

2 августа состоялся обмен нотами между СССР и США о продлении на год советско-американского торгового соглашения и об экономическом содействии со стороны США Советскому Союзу в войне против фашистской Германии. Важным этапом в развитии трехсторонних, советско-англо-американских отношений явилась конференция представителей трех держав, состоявшаяся в Москве 29 сентября — 1 октября. Эта конференция была посвящена вопросу о взаимной военно-экономической помощи. Была достигнута договоренности по вопросу о военных поставках, зафиксированная в протоколе конференции.

Укреплению союза народов и борьбе с фашистскими агрессорами

содействовала декларация Объединенных Наций, которая была подписана 1 января 1942 г. в Вашингтоне представителями четырех великих держав (СССР, США, Англии и Китая) и 22 других государств²². В дальнейшем к этой декларации присоединился еще ряд стран. В декларации провозглашалось, что полная победа над фашистскими агрессорами необходима для защиты жизни, свободы и независимости народов. В ней содержалось обязательство употребить все ресурсы, военные и экономические, против тех членов Берлинского пакта, с которыми данный участник декларации находится в войне. Каждый ее участник обязывался сотрудничать с другими подписавшими декларацию правительствами и не заключать сепаратного перемирия или мира с врагами.

Важными дипломатическими документами, скрепившими антигитлеровскую коалицию, являлись советско-английский договор о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве после войны от 26 мая 1942 г., а также советско-американское соглашение «О принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии» от 11 июня 1942 г.

Советско-английский договор состоял из двух частей. Первая часть касалась взаимоотношений СССР и Великобритании в период войны. В статье 1 договора говорилось: «...Высокие Договаривающиеся Стороны взаимно обязуются оказывать друг другу военную и другую помощь и поддержку всякого рода в войне против Германии и всех тех государств, которые связаны с ней в актах агрессии в Европе». Согласно статье 2 договаривающиеся стороны брали на себя обязательства «не вступать ни в какие переговоры с гитлеровским правительством или любым другим правительством в Германии, которое ясно не откажется от всех агрессивных намерений, и не вести переговоров или не заключать перемирия или мирного договора с Германией или любым другим государством, связанным с ней в актах агрессии в Европе, иначе, как по взаимному согласию».

Вторая часть договора определяла взаимоотношения между

²² Yearbook of the United Nations, 1946—1947. New York, 1947, p. 1.

428

СССР и Англией после войны. Стороны обязались сотрудничать в послевоенный период в целях сохранения мира и сопротивления агрессии. Они обязались принять все меры к тому, чтобы сделать невозможным новое нарушение мира Германией, а в случае, если оно все же произойдет, оказывать друг другу военную и другую помощь в войне против Германии и всех тех государств, которые будут связаны с ней в актах агрессии в Европе,

По настоянию английского правительства в договор была внесена оговорка, смысл которой заключался в сохранении обязательств о взаимопомощи до того момента, когда по обоюдному согласию они будут сочтены излишними в связи с созданием международной организации по обеспечению мира и безопасности.

Договор предусматривал развитие широких политических и экономических контактов между СССР и Англией. Наконец, согласно договору (ст. 7), каждая из сторон обязалась «не заключать никаких союзов и не принимать участия ни в каких коалициях, направленных против другой Высокой Договаривающейся Стороны»²³.

По советско-американскому соглашению США обязались продолжать снабжение СССР оборонными материалами, а правительство СССР — содействовать укреплению обороны США, предоставлять Соединенным Штатам оборонные материалы, обслуживание, льготы и оборонную информацию²⁴. Сходные соглашения США заключили и со многими другими государствами, вступившими в войну против фашистского блока. Что касается союзного

договора, то его США в годы второй мировой войны с Советским Союзом не заключили.

Однако, несмотря на заявления правительств Англии и США об их готовности оказать помощь Советскому Союзу в борьбе против гитлеровской Германии, сделанные еще летом 1941 г., ни то, ни другое правительство не торопилось выполнить свои обещания. 4 сентября 1941 г. в беседе с советским полпредом Черчилль откровенно заявил, что «до зимы мы не можем оказать вам никакой серьезной помощи — ни путем устройства второго фронта, ни путем обеспечения широкого снабжения нужными вам видами оружия»²⁵.

В середине октября 1941 г. один из ближайших друзей и советников Черчилля, член кабинета лорд Бивербрук, говорил в английских правительственных кругах и в доверительных беседах с представителями правительства США, что «наши военные руководители постоянно проявляли нежелание предпринимать наступательные действия», хотя сопротивление русских «создало почти революционную ситуацию во всех оккупированных стра-

²³ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны т. 1, с. 271—272.

²⁴ Там же, с. 278—282.

²⁵ АВП СССР. Запись беседы посла СССР в Лондоне с Черчиллем от 4 сентября 1941 г.

429

нах». Начальники штабов, писал он, «игнорируют нынешнюю благоприятную возможность»²⁶.

Только после того как Советский Союз доказал свою силу в единоборстве с фашистской Германией и ее сателлитами, остановив наступление гитлеровских полчищ под Москвой, правительства Англии и США постепенно перешли от слов к делу — начали предоставлять Советскому Союзу несколько большую помощь. Впрочем, и теперь она оказывалась не посредством военных действий, а лишь поставками военных материалов и оружия.

Однако и такая помощь была явно недостаточной. Англия и США сплошь и рядом не выполняли своих обязательств по протоколу Московской конференции, и Красная Армия битву под Москвой осенью и зимой 1941 г. вела без какой-либо существенной поддержки со стороны союзников. Как свидетельствует справка НКВД СССР о выполнении Англией обязательств по московскому протоколу за октябрь, ноябрь и декабрь 1941 г., «из 800 самолетов, которые Англия должна была поставить за эти месяцы в Советский Союз, фактически было доставлено 669, танков — 487 вместо 1000, а танкеток — 330 вместо 600»²⁷. Эти примеры являются типичными.

Еще менее утешительная картина выполнения протокола наблюдалась со стороны США. Они обязались поставить с октября 1941 г. по 30 июня 1942 г. 900 бомбардировщиков, 900 истребителей, 1125 средних и столько же легких танков, 85 тыс. грузовых машин и т. д. Фактически Советский Союз получил от США за это время только 267 бомбардировщиков (29,7%), 278 истребителей (30,9%), 363 средних танка (32,3%), 420 легких танков (37,3%), 16 502 грузовика (19,4%) и т. д.²⁸ Легко понять, как сильно затрудняла советскому командованию планирование военных операций невозможность положиться на обещания союзников. К тому же поставляемое союзниками вооружение зачастую было устаревших образцов или с дефектами. Так, Англия длительное время поставляла в СССР самолеты устаревшего типа «Харрикейн», уклоняясь от поставок новейших английских истребителей «Спитфайер» и американских — «Аэрокобра».

Летом 1942 г., в самый тяжелый для Советского Союза период войны, когда гитлеровские полчища рвались к Волге и Кавказу, американское и английское правительства полностью прекратили отправку конвоев с военными грузами в СССР Северным морским путем. 16 июля генерал Бэрнс, ведавший вопросами

поставок в СССР, заявил советскому представителю, что «правительства США и Англии приняли решение прекратить направле-

²⁶ Шервуд Р. Указ. соч., т. 1, с. 612—613.

²⁷ АВП СССР. Справка НКВТ о выполнении Англией обязательств по поставкам в СССР в 1941 г.

²⁸ АВП СССР. Справки НКВТ о выполнении США обязательств о поставках по ленд-лизу в СССР за период с октября 1941 г. по 30 июня 1942 г.

430

ние судов с грузами для СССР в северные порты»²⁹. Между тем через эти порты должно было направляться 3/4 всех грузов, предназначенных для СССР. Английское правительство не только приостановило отправку конвоев по Северному морскому пути, но и резко сократило военные перевозки для СССР по Трансиранской железной дороге, несмотря на свое обещание увеличить пропускную способность железных дорог Ирана. На 15 августа 1942 г. в портах Персидского залива скопилось 34 977 тонн неотправленных военных грузов³⁰. В июле и августе 1942 г., согласно справке НКВТ, Англия не поставила СССР ни одного самолета³¹.

Между тем правительства США и Англии еще в начале марта 1942 г. хорошо знали об огромных масштабах предстоящих боев на советско-германском фронте. При этом они признавали, что на Восточном фронте решается исход войны. Вот некоторые примеры. В письме Рузвельту от 7 марта 1942 г. Черчилль писал: «Все предвещает возобновление весной в громадных масштабах германского вторжения в Россию, и мы очень мало что можем сделать, чтобы помочь этой единственной стране, ожесточенно сражающейся с германскими армиями»³².

С советскими представителями тон был несколько иной. 16 марта 1942 г. в беседе с советским полпредом И. М. Майским Идеи заявил, что «Англия должна прийти на помощь СССР в максимально доступных для нее размерах». Черчилль подтвердил, что согласно информации, которой он располагает, Гитлер готовит весной сильный удар против Советского Союза. На восток, сказал он, идут бесконечные поезда с войсками. Есть много и других симптомов. «Вам придется,— признал он,— выдержать страшную атаку. Мы должны вам помочь, чем только можем»³³.

Фактически сделано было немного. Та помощь, которая все же была предоставлена, оказала, конечно, известное содействие Красной Армии в ее боевых операциях и вызвала признательность со стороны ее бойцов, советского народа и правительства. Но это не позволяет закрывать глаза на изложенные факты нарушения союзнических обязательств.

Империалистическая пропаганда пытается умалить роль Советского Союза в разгроме фашизма во второй мировой войне. Одним из главных аргументов служит при этом ссылка на поставки вооружения и других предметов из США по ленд-лизу³⁴.

²⁹ АВП СССР. Запись беседы посла СССР в Лондоне с генералом Бэрнсом 16 июля 1942 г.

³⁰ АВП СССР. Указание НКВД СССР послу СССР в Англии от 25 августа 1942 г.

³¹ АВП СССР. Справка НКВТ об английских военных поставках в СССР в июле — августе 1942 г.

³² Churchill W. S. The Second World War, vol. 4, p. 273.

³³ АВП СССР. Записи бесед посла СССР в Лондоне с Черчиллем и А. Иденом 16 марта 1942 г.

³⁴ Закон о ленд-лизе был принят американским конгрессом 11 марта 1941 г. Он устанавливал порядок передачи Соединенными Штатами союзным странам взаймы или в аренду вооружений и других материалов, необходимых для ведения войны.

431

Утверждают, что без этих поставок Советский Союз не смог бы одолеть фашистскую Германию. Чтобы понять несостоятельность подобных заявлений, достаточно сравнить объем советского отечественного производства вооружения

с поставками из США и Англии. Наиболее показательным является обеспечение Красной Армии важнейшими видами оружия эпохи второй мировой войны — самолетами и танками. По американским официальным данным, из США в СССР за все время войны было отправлено 14 450 самолетов и около 7 тыс. танков³⁵. Из Англии по 30 апреля 1944 г. было отправлено 3384 самолета и 4292 танка. 1188 танков были доставлены за тот же период из Канады³⁶. Между тем советская промышленность в течение трех последних лет Великой Отечественной войны выпускала более 30 тыс. танков и самоходных орудий и до 40 тыс. самолетов ежегодно. Все поставки промышленных товаров со стороны союзников за всю войну составили всего 4 % советской промышленной продукции³⁷. Несмотря на то что правительства Англии и США всячески задерживали поставки СССР, а тем более затягивали открытие второго фронта, самый факт создания антигитлеровской коалиции, в которой объединились государства двух противоположных систем, являлся событием большой исторической важности.

Образование антигитлеровской коалиции имело значение не только потому, что она содействовала созданию боевого содружества всех народов, боровшихся против фашистского ига. Образование коалиции подорвало планы Гитлера внести раскол в ряды его противников, с тем чтобы разбить их порознь. Оно затрудняло господствующим классам Англии и США возможность сепаратных сделок с Германией. Создание антифашистского союза государств и народов закрепляло изоляцию фашистских агрессоров. Образование антигитлеровской коалиции способствовало укреплению и расширению сотрудничества между народами крупнейших мировых держав, боровшихся против агрессии,— СССР, США, Англии, Франции и Китая. Оно содействовало консолидации всех антифашистских сил в странах Европы и Азии, значительно расширяло фронт всемирной борьбы против фашизма.

БОРЬБА СССР ЗА ОТКРЫТИЕ ВТОРОГО ФРОНТА В ЕВРОПЕ В 1941—1943 гг.

С первых же дней Великой Отечественной войны Советское правительство стремилось придать антигитлеровской коалиции максимальную действенность и эффективность в борьбе против

³⁵ Внешняя торговля, 1945, № 10, с. 12.

³⁶ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1946, т. 2, с. 145, 147.

³⁷ См.: Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947, с. 74.

432

фашистских агрессоров. Лучшим средством для этого было бы скорейшее открытие союзниками второго фронта во Франции. Это не только облегчило бы СССР тяжелую и кровопролитную борьбу против общего врага, но и значительно сократило бы сроки всей мировой войны, приблизило бы освобождение поработанных народов и избавление всего человечества от угрозы фашистского варварства. Советское правительство предлагало союзникам проведение координированных военных операций. Однако позиция Советского правительства не встречала поддержки ни в Лондоне, ни в Вашингтоне. СССР, если говорить о борьбе наземных вооруженных сил, в одиночестве воевал против Германии и ее союзников в Европе и нес основную тяжесть войны на своих плечах. 18 июля 1941 г. Советское правительство поставило перед английским премьер-министром вопрос об открытии второго фронта. Оно указывало, что «военное положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт против Гитлера на Западе (Северная Франция) и на

Севере (Арктика).

Фронт на севере Франции не только мог бы оттянуть силы Гитлера с Востока, но и сделал бы невозможным вторжение Гитлера в Англию». Несмотря на трудности, связанные с открытием этого фронта, «легче всего создать такой фронт именно теперь, когда силы Гитлера отвлечены на Восток и когда Гитлер еще не успел закрепить за собой занятые на Востоке позиции»³⁸.

В вопросе об организации второго фронта в Европе наглядно проявилась империалистическая сущность политики правящих кругов США и Англии. В этом важнейшем деле одержали верх противники активной помощи СССР. На обращение Советского правительства Черчилль дал отрицательный ответ. «Начальники штабов,— писал Черчилль Сталину,— не видят возможности сделать что-либо в таких размерах, чтобы это могло принести Вам хотя бы самую малую пользу»³⁹. Между тем германские войска продолжали наступление. СССР потерял больше половины Украины. На севере враг вышел на ближайшие подступы к Ленинграду. 3 сентября 1941 г. Советское правительство вновь указало на необходимость создать уже в 1941 г. второй фронт, который смог бы оттянуть с Восточного фронта 30—40 немецких дивизий⁴⁰. Но и на этот раз Черчилль ответил отказом⁴¹.

Учитывая резко отрицательную позицию в отношении второго фронта в Европе, занятую английским правительством, Совет-

³⁸ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (далее — Переписка...). М., 1976, т. 1, с. 19. Подробнее см.: Земское И. Н. Дипломатическая история открытия второго фронта в Европе 1941—1944 гг.: Документальный обзор — *Международная жизнь*, 1970, № 3, 5, 11; 1974, № 4, 6, 9, 12; 1975, № 2, 3.

³⁹ Переписка..., т. 1, с. 20.

⁴⁰ Там же, с. 29.

⁴¹ Там же, с. 30.

433

ский Союз в последующие осенние месяцы 1941 г. больше не поднимал перед ним этого вопроса. Военное положение Советского Союза оставалось крайне напряженным. Гитлеровцы рвались к Москве.

Обстановка изменилась лишь в связи с разгромом фашистских армий под Москвой в декабре 1941 г., за которым последовало контрнаступление советских войск, продолжавшееся до конца марта 1942 г. Гитлеровские войска в результате как упорной обороны, так и наступательных ударов Красной Армии понесли тяжелые потери. Но германское командование имело возможность пополнить свои силы на советском фронте посредством переброски войск из Западной Европы. С декабря 1941 г. по апрель 1942 г. гитлеровское командование перебросило на советско-германский фронт 39 дивизий и 6 отдельных бригад, в том числе 16 дивизий из Франции⁴².

Если бы Германия была лишена возможности свободно маневрировать, своими стратегическими резервами, то перелом на фронте, которого добилась Красная Армия в битве под Москвой, мог бы быть закреплен и ход войны весной-летом 1942 г. приобрел бы более благоприятный характер. Но для этого нужен был хотя бы минимальный отвлекающий маневр на Западном фронте с помощью высадки союзных войск во Франции.

Однако именно этого и не было сделано. В результате гитлеровской армии удалось не только избежать катастрофы, но и перейти весной 1942 г. в новое наступление, дойти на юге до берегов Волги. К лету 1942 г. на советско-германском фронте было сосредоточено 237, а к осени — 266 вражеских дивизий.

В этот период вопрос о втором фронте встал с новой силой. На сей раз он был предметом непосредственных переговоров и переписки Советского правительства

не только с правительством Англии, но и с правительством США, которые в декабре 1941 г. вступили в войну с Германией.

В противоположность Черчиллю, являвшемуся решительным противником высадки союзных войск в Европе, Рузвельт высказывался вначале за открытие второго фронта. Так, например, в начале марта 1942 г. он заявил советскому полпреду в США М. М. Литвинову, что «нажимает на англичан», добиваясь создания второго фронта, и готов для этого послать американские войска в Англию⁴³. В начале апреля 1942 г. Рузвельт адресовал главе Советского правительства Сталину личное послание, в котором указывал, что имеет «весьма важное военное предложение, связанное с использованием наших вооруженных сил таким образом, чтобы облегчить критическое положение на Вашем Западном фронте»⁴⁴. Подчеркивая, что он придает этому большое зна-

⁴² История Великой Отечественной войны..., т. 2, с. 357.

⁴³ АВП СССР. Запись беседы посла СССР в США с Рузвельтом в начале марта 1942 г.

⁴⁴ Переписка..., М., 1976, т. 2, с. 17—18.

434

чение, Рузвельт просил направить в Вашингтон для переговоров соответствующих советских представителей. Этими заявлениями, которые делались Рузвельтом, видимо, под влиянием все нараставших требований американской общественности об активизации военных усилий США и Англии, президент стремился показать себя сторонником скорейшего открытия второго фронта.

В связи с апрельским посланием американского президента Советское правительство поручило своему полпреду в Вашингтоне уточнить, какие конкретные вопросы президент хотел бы обсудить при встрече с советскими представителями. В ответ на это Рузвельт утверждал, что он со своими советниками пришел к выводу о необходимости открытия второго фронта против Германии путем высадки во Франции, но что план этот еще не одобрен Англией и что он хотел бы, чтобы Советское правительство помогло бы ему «укрепить этот план»⁴⁵.

20 апреля 1942 г. в ответном послании президенту правительство СССР заявило, что согласно направить в Вашингтон советских представителей «для обмена мнений по вопросу об организации второго фронта в Европе в ближайшее время». В послании указывалось, что эти представители побывают также в Лондоне для обмена мнениями с английским правительством⁴⁶.

Во время беседы, которая состоялась при вручении этого послания, Рузвельт информировал советского посла о миссии Маршалла и Гопкинса в Англию. Он сказал, что англичане за второй фронт только «в принципе», но практически стремятся отложить его открытие на 1943 г., тогда как он настаивает на том, чтобы создать второй фронт теперь же. Рузвельт сказал также, что ему представляется желательным, чтобы советские представители на обратном пути из Вашингтона остановились в Лондоне, с тем чтобы, выступая как от своего, так и от его имени, оказать двойное давление на правительство Англии⁴⁷.

Советское правительство направило в Англию и США наркома иностранных дел В. М. Молотова. Еще по дороге в Вашингтон он остановился в Лондоне, где между ним и руководителями британского правительства состоялись переговоры по важнейшим вопросам, в частности о заключении англо-советского договора. Советской стороной был поставлен вопрос о втором фронте со ссылкой на инициативу Рузвельта в этом деле. Англичане, однако, отказались взять на себя какие-либо конкретные обязательства.

В результате последующих переговоров в Вашингтоне в советско-американском коммюнике указывалось, что «была достиг-

⁴⁵ АВП СССР. Запись беседы посла СССР в США с Рузвельтом 14 апреля 1942 г.

⁴⁶ Переписка..., т. 2, с. 18—19.

⁴⁷ АВП СССР. Запись беседы посла СССР в США с Рузвельтом 20 апреля 1942 г.

435

нута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году»⁴⁸.

Под влиянием достигнутой в ходе советско-американских переговоров договоренности о создании второго фронта английское правительство вынуждено было согласиться на подписание англо-советского коммюнике, в котором в точности была повторена советско-американская формулировка по этому вопросу.

Итак, на этот раз США и Англия публично и официально обещали удовлетворить законное требование правительства СССР о скорейшем открытии второго фронта в Европе.

На деле английское правительство не думало выполнять это обещание. В своем меморандуме от 10 июня 1942 г. оно сделало разные оговорки, рассчитанные на уклонение от выполнения союзнического долга, требовавшего открытия второго фронта. На случай, если его не удастся открыть в 1942 г., английское правительство обязывалось сделать это в 1943 г.

Черчилль приложил все старания к тому, чтобы убедить Рузвельта отказаться от идеи открыть второй фронт в Европе в 1942 г. и согласиться на замену этой операции высадкой союзнических войск в Северной Африке. Это полностью отвечало своекорыстным интересам британского империализма: оставить Советский Союз без действенной поддержки и заняться укреплением своих позиций в североафриканских владениях Франции. Во время своего визита в США 19—25 июня 1942 г. британский премьер пустил в ход, — как пишет Шервуд, — все свое несравненное красноречие, ратуя против операций через Ла-Манш в 1942 году и за североафриканскую операцию⁴⁹. Окончательно англичане добились от Рузвельта решения в этом смысле в июле того же года, во время англо-американских переговоров, происходивших в Лондоне.

В результате правительства США и Англии не выполнили обещания об открытии второго фронта в 1942 г., зафиксированного в американско-советском и англо-советском коммюнике.

Давая оценку позиции английского правительства в этом вопросе, посол СССР в Великобритании сообщал в НКВД СССР 16 июля 1942 г., что на основании бесед с Черчиллем, Иденом, Бивербруком и другими английскими деятелями становится ясным, что в кампании 1942 г. Советскому Союзу придется рассчитывать только на свои силы. «Таким образом, — писал посол, — необходимо констатировать, что в самый критический для нас момент мы оказались по существу брошенными на произвол судьбы нашими союзниками. Это очень неприятная правда, но нет никакого смысла пытаться смягчить ее. Ее необходимо также запомнить на будущее»⁵⁰.

⁴⁸ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 1, с. 285.

⁴⁹ Шервуд Р. Указ. соч., т. 2, с. 219.

⁵⁰ АВП СССР. Телеграмма посла СССР в Великобритании в НКВД СССР от 16 июля 1942 г.

436

18 июля 1942 г. Черчилль направил послание Сталину, в котором впервые сообщалось Советскому правительству об отказе союзников открыть второй фронт в 1942 г.⁵¹.

В ответном послании Черчиллю от 23 июля Сталин отмечал, что, «несмотря на известное согласованное англо-советское коммюнике о принятии неотложных мер по организации второго фронта в Европе в 1942 году, Правительство Великобритании откладывает это дело на 1943 год». Он писал: «Исходя из создавшегося положения на советско-германском фронте, я должен заявить

самым категорическим образом, что Советское Правительство не может примириться с откладыванием организации второго фронта в Европе на 1943 год»⁵².

Оставалось решить вопрос о том, каким методом целесообразнее покончить с обязательствами, данными Советскому Союзу, об открытии второго фронта в Европе в 1942 г. Решено было, что Черчилль сам направится в Москву и объяснит Советскому правительству, почему не выполняются данные Советскому Союзу обязательства.

В августе 1942 г. Черчилль прибыл в Москву для переговоров. США на этих переговорах представлял А. Гарриман.

12 августа Черчилль заявил в Москве, что считает невозможной организацию второго фронта в Европе в 1942 г. Советское правительство решительно высказало свое несогласие с позицией союзников.

Во время беседы 13 августа 1942 г. И. В. Сталин вручил Черчиллю и Гарриману меморандум, в котором отмечалось, что 1942 год представляет «наиболее благоприятные условия для создания второго фронта в Европе, так как почти все силы немецких войск, и притом лучшие силы, отвлечены на Восточный фронт». Поэтому Советское правительство считало, что «именно в 1942 году возможно и следует создать второй фронт в Европе»⁵³.

Тем не менее Черчилль в памятной записке, врученной Советскому правительству 14 августа, заявил об окончательном отказе Англии и США открыть второй фронт в Европе в 1942 г. Союзники ограничились обещанием начать операцию «Факел» в Северной Африке и открыть там новый фронт войны. Английский премьер-министр заявил, что широкое вторжение на европейский континент состоится весной 1943 г. силами 27 американских и 21 английской дивизий. Гарриман полностью поддержал Черчилля.

Длительная оттяжка с открытием второго фронта объяснялась желанием правительств Англии и США максимально ослабить и обескровить Советский Союз, против которого гитлеровское командование сосредоточивало всю мощь германской военной маши-

⁵¹ Переписка..., т. 1, с. 66.

⁵² Там же, с. 68.

⁵³ АВП СССР. Запись беседы И. В. Сталина с У. Черчиллем от 13 августа 1942 г.

437

ны. Англия и США хотели также за счет Советского Союза приберечь собственные силы и использовать их лишь на завершающем этапе войны и для проведения политики послевоенного диктата. Истинные цели задержки открытия второго фронта раскрыл бывший военный министр США Стимсон. В своих воспоминаниях он пишет: «Не открыть вовремя сильный Западный фронт... означало переложить всю тяжесть войны на Россию»⁵⁴. Это и старались сделать Черчилль и его многочисленные единомышленники в правящих кругах Англии и США.

Посол СССР в Великобритании сообщал в НКВД СССР, что у Черчилля и Рузвельта «доминирует одна и та же идея — идея «легкой войны» для себя»⁵⁵. Разъясняя термин «легкая война», он писал в другой своей телеграмме следующее: «Конкретно это означает, что разбить Германию на суше в основном должен Советский Союз. Англия же будет оказывать ему в этой борьбе лишь «содействие». Чем позже Англия включится в такое «содействие», тем лучше, ибо тем свежее она придет к финишу и тем легче ей будет играть руководящую роль на будущей мирной конференции. Наоборот, под этим углом зрения выгодно, чтобы СССР пришел к финишу возможно более ослабленным и истощенным»⁵⁶.

Саботаж правительствами Англии и США открытия второго фронта вызвал

растущее недовольство среди английской и американской демократической общественности, решительно требовавшей активной поддержки Советского Союза. «Именно сейчас время для открытия второго фронта»,— писали в 1942 г. многие английские и американские газеты. Многие прогрессивные демократические организации обращались с петициями к английскому и американскому правительствам, настаивая на выполнении последними своих союзнических обязательств. Более шестидесяти тысяч человек, собравшихся на Трафальгарской площади в Лондоне в конце июля 1942 г., потребовали от английского правительства незамедлительного открытия второго фронта. Аналогичные выступления имели место и во многих городах США.

Правительства Англии и США не только не открыли второй фронт, но и не выполняли своих обязательств по поставкам в СССР вооружения⁵⁷. В октябре 1942 г. Англия поставила в СССР только 52 самолета, а в ноябре — 33. Всего за июль — ноябрь 1942 г. Англия поставила лишь 394 самолета вместо 1000, обещанных согласно протоколу, и 642 танка вместо 1250⁵⁸.

⁵⁴ *Stimson H., Bundy G. On Active Service in Peace and War. New York, 1948, p. 527.*

⁵⁵ АВП СССР. Телеграмма посла СССР в Великобритании в НКВД СССР от 7 декабря 1942 г.

⁵⁶ АВП СССР. Телеграмма посла СССР в Великобритании в НКВД СССР от 22 октября 1942

г.

⁵⁷ Переписка..., т. 1, с. 84.

⁵⁸ АВП СССР. Справка НКВД об английских военных поставках в СССР по второму протоколу.

438

Не слишком много удалось получить и от США. Таким образом, во время битвы на Волге, величайшего сражения всей второй мировой войны, Советский Союз был лишен действенной помощи своих союзников.

Более того, на англо-американской конференции в Касабланке в январе 1943 г. вопрос об открытии второго фронта в Европе в 1943 г. фактически остался нерешенным. Союзники договорились провести лишь ограниченную операцию против полуострова Котантен в августе 1943 г., вместо обещанного широкого вторжения во Францию весной 1943 г.

Участники конференции пытались скрыть от Советского правительства новое нарушение их обязательств в отношении второго фронта. Совместное послание Черчилля и Рузвельта от 27 января 1943 г. о результатах конференции в Касабланке было составлено в общих выражениях и не называло конкретных операций и их сроков. В ответ на просьбу Советского правительства дать конкретные разъяснения по поводу принятых решений Черчилль в послании от 9 февраля 1943 г. по согласованию с Рузвельтом сообщил сроки вторжения англо-американских вооруженных сил на европейский континент — август или сентябрь 1943 г.⁵⁹ Это было сделано, несомненно, с полным сознанием того, что советское командование должно учитывать действия союзников при планировании операций на советско-германском фронте. В ответном послании от 16 февраля глава Советского правительства отмечал, что «нынешняя ситуация требует того, чтобы эти сроки были максимально сокращены и чтобы второй фронт на Западе был открыт значительно раньше указанного срока». «Для того чтобы не дать врагу оправиться,— писал И. В. Сталин,— по-моему, весьма важно, чтобы удар с Запада не откладывался на вторую половину года, а был бы нанесен еще весной или в начале лета»⁶⁰.

В мае 1943 г. в Вашингтоне состоялась новая встреча Рузвельта и Черчилля, также посвященная обсуждению вопросов дальнейшего ведения войны против держав оси. Союзники отдавали себе отчет в том, что вопрос об оказании Советскому Союзу эффективной помощи путем открытия второго фронта приобрел острый характер. Советский Союз по-прежнему сражался на суше один,

в единоборстве с чрезвычайно сильным и все еще крайне опасным врагом. Подчеркивая большое значение второго фронта, Советское правительство 24 июня 1943 г. обращало внимание английского премьера на то, что на карту поставлено не только сохранение доверия СССР к союзникам. «Нельзя забывать того, — говорилось в послании Сталина, — что речь идет о сохранении миллионов жизней в оккупированных районах Западной Европы и России и о сокращении колоссальных жертв советских армий, в сравнении с которыми жертвы англо-американских войск со-

⁵⁹ Переписка..., т. 1, с. 113.

⁶⁰ Переписка..., т. 1, с. 115; т. 2, с. 54.

439

ставляют небольшую величину»⁶¹. Правительствам США и Англии не могло не быть ясным, что русский народ и другие народы Советского Союза, истекая кровью на фронтах за общее дело, в саботаже второго фронта видят проявление враждебности США и Англии к ним и к их Родине.

Тем не менее Вашингтонская конференция приняла решение отложить открытие второго фронта в Европе на май 1944 г. Это был прямой обман союзника, измена данному слову. 11 июня 1943 г. Советское правительство протестовало против нарушения США и Англией принятых ими на себя обязательств и заявило, что «не находит возможным присоединиться к такому решению, принятому к тому же без его участия и без попытки совместно обсудить этот важнейший вопрос и могущему иметь тяжелые последствия для дальнейшего хода войны»⁶².

Новая затяжка открытия второго фронта еще раз свидетельствовала о том, что Англия и США продолжали политику, направленную на максимальное ослабление СССР.

Начавшаяся осенью 1942 г. гигантская Сталинградская битва привела к окружению крупнейшей группировки противника, ликвидация которой была завершена в начале 1943 г. За шесть с половиной месяцев битвы на Волге противник потерял более четверти всех сил, действовавших в это время на советском фронте⁶³. Огромные потери подорвали мощь немецко-фашистской армии. 1 февраля 1943 г. Гитлер был вынужден признать на военном совещании, что «возможность окончания войны на Востоке посредством наступления больше не существует»⁶⁴. Историческая победа на Волге положила начало коренному перелому в ходе войны.

1943 год ознаменовался новыми крупными победами советских войск, достигнутыми благодаря усилиям советского народа и его вооруженных сил, несмотря на нарушение союзниками своих обязательств, в обстановке единоборства СССР с фашистской Германией и ее сателлитами в Европе. В середине января 1943 г. советские войска прорвали блокаду Ленинграда. Летом 1943 г. последовали новые блестящие победы советских войск в битве под Курском. В результате упорных боев летом и осенью 1943 г. части Красной Армии продвинулись вперед на 500 км в центральной части фронта, а на юге — до 1300 км и очистили от врага почти V³ советской территории, захваченной гитлеровцами. Победы на Волге и на Курской дуге предрешили поражение Германии и освобождение Европы от фашистского порабощения.

Коренной перелом в ходе войны с Германией, созданный победами Красной Армии в конце 1942 г. и в течение 1943 г., был достигнут без существенной помощи со стороны США и Англии.

⁶¹ Переписка..., т. 1, с. 167.

⁶² Переписка..., т. 2, с. 69—70.

⁶³ История Великой Отечественной войны..., М., 1964. т. 3, с. 64.

⁶⁴ Правда, 1963, 10 февр.

Победы СССР раскрыли перед народами, попавшими под фашистское иго, реальные перспективы грядущего освобождения и вдохновили их на борьбу против угнетателей. Последовал дальнейший рост движения сопротивления и партизанской борьбы против фашистских захватчиков.

В связи с приближением победы над агрессорами стало необходимым обнародовать советскую программу послевоенного устройства мира. Она была изложена 6 ноября 1943 г. в докладе И. В. Сталина о 26-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Эта программа предусматривала:

- 1) Освобождение народов Европы от фашистского ига и оказание им содействия в воссоздании своих национальных государств;
- 2) предоставление освобожденным народам полного права и свободы самим решать вопрос об их государственном устройстве;
- 3) суровое наказание виновников войны;
- 4) создание необходимых условий для предотвращения возможности новой агрессии со стороны Германии;
- 5) организацию длительного экономического, политического и культурного сотрудничества народов Европы.

Советский Союз вел последовательную борьбу за эти демократические принципы послевоенного устройства мира. По инициативе Советского Союза ряд важнейших вопросов ведения войны и послевоенного устройства был поставлен на конференции министров иностранных дел СССР, США и Англии, проходившей в Москве с 19 по 30 октября 1943 г.

МОСКОВСКАЯ И ТЕГЕРАНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИИ 1943 г.

На Московской конференции, состоявшейся 19—30 октября 1943 г., основным был вопрос о сокращении сроков войны, поставленный по инициативе Советского правительства.

Советская делегация внесла на первом заседании конференции 19 октября следующее предложение:

«В целях сокращения сроков войны имеется в виду:

1. Осуществить такие безотлагательные мероприятия со стороны правительств Великобритании и США еще в 1943 г., которые обеспечат вторжение англо-американских армий в Северную Францию и которые, наряду с мощными ударами советских войск по основным силам германской армии на советско-германском фронте, должны коренным образом подорвать военно-стратегическое положение Германии и привести к решительному сокращению сроков войны.

В связи с этим Советское правительство считает необходимым выяснить, остается ли в силе заявление г-на Черчилля и г-на Рузвельта, сделанное в начале июня 1943 г., о том, что англо-американские войска осуществят вторжение в Северную Францию весной 1944 года»⁶⁵.

⁶⁵ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Сборник документов. М., 1978, т. 1;

Советской делегации на конференции не удалось зафиксировать твердые и точные обязательства союзников об открытии второго фронта в Европе. Их заявления, что вторжение через Ла-Манш будет осуществлено весной 1944 г., содержали серьезные оговорки.

Как говорил генерал Исмей, вторжение будет осуществлено, как только «климатические условия в районе Ла-Манша станут благоприятными», и к тому же «должно произойти значительное сокращение германских военно-воздушных

сил в Северо-Западной Европе. Второе условие заключается в том, чтобы германские резервы во Франции в момент вторжения не превышали 12 полных, боеспособных и хорошо снабженных дивизий, не считая береговых, авиационных и учебных частей»⁶⁶.

Со своей стороны советская делегация предложила отметить в особо секретном протоколе конференции, что Советское правительство «принимает к сведению эти заявления союзников и выражает надежду, что изложенный в этих заявлениях план вторжения англо-американских войск в Северную Францию весной 1944 г. будет осуществлен в срок»⁶⁷.

В коммюнике конференции было указано, что правительства трех держав признали «первейшей целью ускорение конца войны». Однако опасность новой отсрочки открытия второго фронта продолжала существовать. Об этом свидетельствовало заявление на Московской конференции министра иностранных дел Великобритании о том, что «в связи с нынешним положением в Италии премьер-министр (Черчилль.— *Авт.*) не вполне уверен, что этот план можно будет осуществить»⁶⁸.

Правительства США и Англии, затягивая окончание войны, обрекали народы на новые жертвы и страдания. Советскому народу затяжка его союзниками войны стоила множества человеческих жизней.

По другим пунктам повестки дня на Московской конференции была достигнута несколько большая степень согласия. Конференция приняла постановление о том, что сотрудничество трех держав, установленное для ведения войны, должно быть продолжено также и «на период, который последует за окончанием военных действий»⁶⁹.

Конференция рассмотрела ряд серьезных вопросов послевоенного устройства, к числу которых относились германский вопрос, положение в Италии, вопрос об Австрии, о путях обеспечения

Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19—30 октября 1943 г.), с. 96—97 (далее — Московская конференция...).

⁶⁶ Там же, с. 102—103.

⁶⁷ Там же, с. 366.

⁶⁸ Там же, с. 215.

⁶⁹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 1, с. 412.

442

безопасности в послевоенный период, о создании международной организации, призванной обеспечить мир, и др.

Советское правительство еще 8 ноября 1941 г. выразило пожелание о достижении между союзниками определенной договоренности «о целях войны и о планах организации дела мира после войны»⁷⁰.

Большое место в межсоюзнических отношениях занимал вопрос о послевоенном устройстве Германии. 27 ноября 1941 г. английский премьер-министр в беседе с советским полпредом впервые поставил вопрос о расчленении Германии как одном из основных элементов послевоенного устройства Европы. «Главная вина лежит на Пруссии,— сказал Черчилль.— В будущем Бавария, Австрия, Вюртемберг и т. д. должны быть освобождены от прусского засилья». 7 декабря при новой встрече с полпредом Черчилль уточнил свою мысль: «Основная задача,— сказал он,— состоит в том, чтобы раз навсегда ликвидировать германскую опасность. Для этого необходимо полное разоружение Германии, по крайней мере, на целое поколение и раздробление Германии на части, прежде всего отделение Пруссии от остальных частей Германии»⁷¹.

Выдвинутый английским премьером вопрос о расчленении Германии стал с тех пор одним из предметов переговоров между союзниками. В Англии и США

расчленение Германии широко пропагандировалось в печати. Особую известность получили книги и статьи опытного руководящего сотрудника английского министерства иностранных дел Ванситтарта.

В январе 1942 г. по распоряжению Рузвельта в США была создана так называемая «Консультативная комиссия по послевоенным проблемам», основной задачей которой являлась разработка планов послевоенного устройства Германии. Эта комиссия совместно со специальной «исследовательской группой» государственного департамента вскоре предложила на рассмотрение правительства США планы, которые предусматривали раздел Германии на три, пять или семь совершенно обособленных частей.

Характеризуя эти планы, Идеи, занимавший пост министра иностранных дел в правительстве Черчилля, говорил советскому послу в Лондоне И. М. Майскому в апреле 1943 г., что его опасения в отношении позиции США по германскому вопросу не оправдались. «Как выяснилось из разговоров с Рузвельтом и его ближайшими сотрудниками,— отмечал Иден,— все они держатся того мнения, что Германия после войны должна быть не только полностью и на длительный срок разоружена, но также очень надолго, если не навсегда, ослаблена. Наилучшим способом для такого ослабления они считают раздробление Германии на не-

⁷⁰ Переписка..., т. 1, с. 42.

⁷¹ АВП СССР. Запись беседы посла СССР в Англии с Черчиллем 7 декабря 1941 г.

443

сколько государств, причем особенно энергично отстаивает данную идею Самнер Уэллес»⁷².

В противоположность этому в Советском Союзе не подготавливалось никаких планов расчленения Германии. Советское правительство публично высказалось против отождествления клики Гитлера с немецким народом. Это было сделано еще на первом этапе войны — в приказе народного комиссара обороны ко Дню Красной Армии 23 февраля 1942 г. «Опыт истории говорит,— указывалось в приказе,— что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, государство германское — остается».

На Московской конференции вопрос о расчленении Германии был подвергнут обсуждению. С американской стороны было предложено осуществить оккупацию Германии войсками трех держав, контроль над ней и ее «политическую децентрализацию»⁷³.

За расчленение Германии выступил и английский министр иностранных дел Иден, который изложил подробный план этого расчленения. «Мы хотели бы,— говорил он,— разделения Германии на отдельные государства, в частности, мы хотели бы отделения Пруссии от остальных частей Германии. Мы хотели бы поэтому поощрять те сепаратистские движения в Германии, которые могут найти свое развитие после войны. Конечно, сейчас трудно определить, какими возможностями мы будем располагать для осуществления этих целей и можно ли будет их добиться путем применения силы. В этом отношении я оставляю вопрос открытым, однако возможность осуществления этих целей с помощью силы не исключена»⁷⁴.

Государственный секретарь США Хэлл заметил, что «в высших сферах» США «склонны идти на расчленение Германии», но что «пока лучше занять выжидательную позицию». С советской стороны было заявлено, что «вопрос находится в процессе изучения»⁷⁵.

Намерение трех держав сотрудничать при решении важнейших послевоенных проблем конкретно проявилось в постановлении конференции об учреждении Европейской Консультативной Комиссии (ЕКК) с постоянным местопребыванием

в Лондоне. На ЕКК была возложена задача «изучать европейские вопросы, связанные с окончанием военных действий, которые три правительства признают целесообразным ей передать, и давать трем правительствам по ним объединенные советы». ЕКК была поручена разработка условий капитуляции вражеских государств.

Московская конференция рассмотрела некоторые вопросы, относящиеся к послевоенному устройству Европы. США и Англия втайне рассчитывали создать в Центральной и Юго-Восточной

⁷² АВП СССР. Запись бесед посла СССР в Англии с А. Иденом 7 и 12 апреля 1943 г.

⁷³ Московская конференция..., с. 293.

⁷⁴ Там же, с. 181.

⁷⁵ Там же, с. 182—183.

444

Европе федеративные объединения малых и средних государств. Имелось в виду использовать их в качестве орудий влияния английского и американского империализма. Такие планы означали попытку переписать карту Европы в интересах английского и американского империализма, не спросив воли заинтересованных народов. Советское правительство не могло дать согласия на такого рода проекты.

На конференции была изложена советская точка зрения по этому вопросу. Советское правительство исходило из того, что освобождение малых стран и восстановление их независимости и суверенитета является одной из важнейших задач послевоенного устройства Европы и создания прочного мира. Советская делегация заявила об опасности преждевременного искусственного прикрепления малых стран к группировкам, запланированным без участия заинтересованных народов, о недопустимости какого бы то ни было постороннего вмешательства и внешнего давления при решении народами Европы своих судеб после войны. Советская делегация указала, что попытки федерирования малых стран по решениям эмигрантских правительств, не выражающих действительной воли своих народов, означали бы навязывание решений, не соответствующих желаниям народов. Наконец, Советское правительство решительно отвергло всякие попытки воскресить враждебную Советскому Союзу политику «санитарного кордона», скрывавшуюся за выдвинутыми на Западе проектами федераций. Советская точка зрения в вопросе о федерациях и тому подобных заранее навязываемых извне формах объединения малых и средних государств в Европе целиком соответствовала интересам народов этих стран, интересам послевоенной безопасности СССР и других государств и была основана на праве народов Восточной и Центральной Европы самим определять свою судьбу.

На конференции был рассмотрен вопрос об отношении к французскому комитету национального освобождения. Политика США и Великобритании по отношению к Франции, определявшаяся выработанным ими документом «Основная схема управления освобожденной Францией», сводилась к фактическому установлению режима оккупации страны и резкому ограничению деятельности комитета.

Советская делегация не могла с этим согласиться. В связи с поставленными ею вопросами и сделанными замечаниями англо-американский документ был передан на рассмотрение Европейской консультативной комиссии ⁷⁶.

Представители США и Англии пытались на конференции добиться от СССР восстановления дипломатических отношений с реакционным польским эмигрантским правительством.

Это правительство в августе 1942 г. вывело из СССР польские воинские части, сформированные на советской территории в соответствии с польско-советским соглашением от 30 июля

⁷⁶ Московская конференция..., с. 34, 340—341.

445

1941 г. Эмигрантское правительство требовало восстановления границ, установленных Рижским договором, что означало сохранение за Польшей областей, населенных украинцами и белорусами. Весной 1943 г. эта реакционная клика прямо стала поддерживать антисоветскую пропаганду Геббельса. В ответ правительство СССР 25 апреля 1943 г. разорвало отношения с эмигрантским правительством. Ставя вопрос о восстановлении этих отношений, правительства США и Англии руководствовались не интересами улучшения советско-польских отношений. Они заботились исключительно об укреплении позиций польской реакции, в которой они с полным основанием видели свою агентуру. Они хотели после освобождения Польши советскими войсками установить в ней власть лондонского эмигрантского правительства, связанного с английским и американским империализмом. Советское правительство отказалось от восстановления отношений с этим антисоветским правительством, чуждым своему народу и не понимавшим его основных интересов — необходимости дружбы с СССР, без чего нельзя было защитить Польшу в 1939 г., а теперь — освободить ее от немецких поработителей.

На конференции была выработана «Декларация четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности»⁷⁷. Кроме трех государств — участников конференции, к этой декларации было привлечено четвертое — Китай. В декларации указывалось, что союзники будут вести войну до тех пор, пока противник не сложит оружия и не капитулирует безоговорочно. После окончания войны усилия союзников будут направлены на установление мира и безопасности. Четыре державы сообщали, что в ближайшее время будет создана международная организация для поддержания мира и безопасности. Она должна быть основана на принципе суверенного равенства всех миролюбивых государств. Все такие государства — большие и малые — могут быть ее членами. В декларации провозглашалось, что в послевоенной политике державы не будут применять военных средств в решении спорных вопросов без взаимной консультации. Правительства четырех держав торжественно заявляли также, что они будут совещаться и сотрудничать друг с другом и с другими членами Объединенных Наций в целях достижения осуществимого всеобщего соглашения о регулировании вооружений в послевоенный период. Таким образом, в декларации были намечены некоторые основные принципы будущей Организации Объединенных Наций.

Конференция опубликовала также «Декларацию об Италии», под которой стояли подписи представителей трех держав — СССР, США и Англии. Декларация была принята по инициативе Советского правительства. К моменту конференции значительная часть юга Италии была очищена от фашистских войск. Летом 1943 г. режим Муссолини был свергнут. 3 сентября Италия капитулировала. Однако силы реакции в Италии не были пол-

⁷⁷ Московская конференция..., с. 346—348.

446

ностью разгромлены. Опираясь на них, на освобожденной территории американские и английские власти проводили сепаратную политику, носившую антидемократический характер. Они действовали таким образом, что в ряде случаев Советское правительство оказывалось перед лицом свершившихся фактов. По этому поводу 22 августа 1943 г. Сталин писал Рузвельту и Черчиллю: «До сих пор дело обстояло так, что США и Англия сговариваются, а СССР получал информацию о результатах сговора двух держав в качестве третьего пассивного наблюдающего»⁷⁸. Действия англо-американских оккупационных властей в Италии с первых же дней их деятельности подвергались суровой

критике как со стороны демократических кругов Италии, так и со стороны прогрессивной общественности других стран. На Московской конференции советская делегация запросила у союзников всестороннюю информацию о выполнении соглашения о перемирии с Италией. Она представила свои предложения относительно условий мира с Италией, которые должны были обеспечить ликвидацию фашизма и способствовать развитию страны по демократическому пути. Эти предложения были приняты и нашли отражение в утвержденной конференцией декларации. В ней говорилось, что совместная политика союзников в Италии должна привести к полному уничтожению фашизма и установлению демократического режима. При этом отмечалось, что декларация «не ограничивает права итальянского народа впоследствии избрать свою собственную форму правления».

Конференция постановила создать Консультативный совет по вопросам Италии в составе представителей США, СССР, Англии, Французского комитета национального освобождения, Греции и Югославии. Совет должен был формулировать рекомендации в целях координации политики союзников в Италии. Это решение имело положительное значение. Оно несколько ограничивало произвол американских и английских военных властей в Италии, весьма опасный для итальянского рабочего класса и для перспектив демократического развития страны.

Далее конференция трех министров приняла «Декларацию об Австрии». В этом документе говорилось, что Австрия — первая свободная страна, павшая жертвой гитлеровской агрессии, должна быть освобождена от германского господства. Правительства трех держав заявили, что захват Германией Австрии в 1938 г. объявляется несуществующим и недействительным. В декларации было выражено желание трех правительств видеть будущую Австрию свободной и независимой.

Вместе с тем в декларации обращалось внимание на то, что Австрия несет ответственность за участие в войне на стороне Германии. Указывалось также, что при окончательном урегулировании неизбежно будет принят во внимание собственный вклад Австрии в дело ее освобождения.

⁷⁸ Переписка..., т. 1, с. 179.

В ходе конференции была опубликована декларация глав трех держав «Об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства». Союзники предупреждали, что военные преступники должны понести суровую кару и что они будут судимы теми народами, над которыми они творили насилия.

Московская конференция выявила серьезные разногласия между СССР и его союзниками из капиталистического мира. Но вместе с тем она показала и возможность согласованного решения сложнейших вопросов, относящихся к послевоенному урегулированию. Результаты конференции были повсеместно с большим одобрением встречены демократическим общественным мнением.

Московская конференция подготовила условия для первой встречи глав правительств трех держав, которая и состоялась в Тегеране с 28 ноября по 1 декабря 1943 г. В ней в качестве руководителей делегаций участвовали И. В. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль. Конференция проходила в политической обстановке, создавшейся под влиянием блестящих побед Красной Армии.

Основное внимание на Тегеранской конференции было уделено военным вопросам, прежде всего вопросу об открытии второго фронта. Советская делегация указывала, что грубое нарушение Англией и США обязательств об открытии второго фронта не только в 1942, но и в 1943 г. привело к затяжке войны и нанесло большой ущерб общей борьбе против фашистского блока. Еще

до Тегеранской конференции СССР настаивал на установлении твердого срока открытия второго фронта в целях сокращения потерь и ускорения освобождения поработанных народов от фашистского ига. Но характер постановки вопроса об открытии второго фронта объективно изменился по сравнению с начальным периодом войны. Теперь победа над фашистской Германией уже была предрешена и могла быть достигнута силами одной Красной Армии. В Тегеране советская сторона заявила, что, «как только будет осуществлен десант в Северной Франции, Красная Армия, в свою очередь, перейдет в наступление. Если бы было известно, что операция состоится в мае или в июне, то русские могли бы подготовить не один, а несколько ударов по врагу». Советское правительство желало узнать точную дату начала операции «Оверлорд»⁷⁹, как условно именовалась десантная операция на северном побережье Франции.

Когда Сталин сказал, что хорошо было бы произвести высадку союзных войск во Франции «в пределах мая» 1944 г., Черчилль сначала возразил: «Я не могу дать такого обязательства». Он предложил вопрос о сроках начала операции во Франции пе-

⁷⁹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Сборник документов. М., 1978, т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября—1 декабря 1943 г.), с. 139—140 (далее — Тегеранская конференция...).

448

редать на рассмотрение «военной комиссии», которую он хотел создать специально для этой цели⁸⁰.

Предложение Черчилля было направлено на то, чтобы снова отложить решение вопроса. Однако на этот раз ему не удалось добиться своего. Рузвельт поддержал советскую делегацию, и Черчилль вынужден был сдать свои позиции. Рузвельт опасался, что если не произвести высадки американских и английских войск во Франции, то вся Западная Европа будет освобождена силами Красной Армии.

30 ноября 1943 г. на конференции в присутствии И. В. Сталина, Черчилля и Рузвельта генерал Брук сделал заявление от имени США и Англии, в котором сообщил, что начало операции «Оверлорд» «состоится в течение мая. Эта операция будет поддержана операцией против Южной Франции, причем масштаб этой [последней] операции будет зависеть от количества десантных судов, которые будут иметься в наличии к этому времени»⁸¹.

В ответ на это И. В. Сталин на том же заседании выступил со следующим заявлением: «Чтобы не дать немцам возможности маневрировать своими резервами и перебрасывать сколько-нибудь значительные силы с восточного фронта на Запад, русские обязуются к маю организовать большое наступление против немцев в нескольких местах, с тем чтобы приковать немецкие дивизии на восточном фронте и не дать немцам возможности создать какие-либо затруднения для „Оверлорда“»⁸².

Черчилль, как и Рузвельт, не желал допустить появления советских войск в Западной Европе. Но он рассчитывал достигнуть этого не посредством высадки в Северной Франции, что привело бы к борьбе на главном стратегическом направлении, где союзников ожидало сильное сопротивление германских войск. Черчилль предполагал закрыть путь советским войскам на Запад посредством высадки на Балканах, где германское сопротивление обещало быть более слабым и где англо-американские войска должны были опередить Красную Армию, задушить демократические антифашистские силы во всей Юго-Восточной Европе и создать там прочные позиции для западного империализма. «Всякий раз,— рассказывал впоследствии президент Рузвельт своему сыну Эллиоту,— когда премьер-министр настаивал на вторжении через Балканы, всем присутствовавшим

было совершенно ясно, чего он на самом деле хочет. Он прежде всего хочет врезаться клином в Центральную Европу, чтобы не пустить Красную Армию в Австрию, в Румынию и даже, если возможно, в Венгрию»⁸³. Однако Черчиллю не удалось подменить открытие второго фронта во Франции вторжением на Балканы.

Правительства США и Англии подтвердили свои обязательства и относительно численности десантных англо-американских

⁸⁰ Тегеранская конференция..., с. 129, 131.

⁸¹ Там же, с. 150.

⁸² Там же.

⁸³ Рузвельт Э. Его глазами. М., 1947, с. 186—187.

449

войск при вторжении в Западную Европу, которая была определена в 1 млн человек. По настоянию советской делегации Рузвельт и Черчилль дали согласие на быстрое решение вопроса о главнокомандующем этой операцией, с тем чтобы союзники в ближайшее же время приступили к ее практической подготовке. В военных решениях Тегеранской конференции было зафиксировано, что конференция «приняла к сведению, что операция „Оверлорд" будет предпринята в течение мая 1944 г. вместе с операцией против Южной Франции. Эта последняя операция будет предпринята в масштабе, в каком это позволят наличные десантные средства. Конференция далее приняла к сведению заявление маршала Сталина, что советские войска предпримут наступление примерно в это же время с целью предотвратить переброску германских сил с восточного на западный фронт»³⁴. В декларации, опубликованной после Тегеранской конференции, руководители трех держав заявили, что они согласовали планы уничтожения германских вооруженных сил и «пришли к полному соглашению относительно масштаба и сроков операций, которые будут предприняты с востока, запада и юга». «Никакая сила в мире,— писали авторы декларации,— не сможет помешать нам уничтожить германские армии на суше, их подводные лодки на море и разрушать их военные заводы с воздуха».

Решение об открытии второго фронта было достигнуто, несмотря на противодействие Черчилля и колебания Рузвельта. Этому в немалой степени способствовала твердая позиция советской делегации. На решение об открытии второго фронта повлияли также опасения США оказаться перед фактом затяжки войны на Тихом океане. Как заявил начальник штаба США генерал Маршалл на совещании у президента Рузвельта 19 ноября 1943 г., «результатом проведения операции на Балканах явится продление сроков войны как в Европе, так и на Тихом океане»³⁵.

На Тегеранской конференции обсуждались также вопросы послевоенного сотрудничества и обеспечения прочного мира. В опубликованной декларации подчеркивалась необходимость единства действий трех великих держав.

Главы трех правительств обменялись мнениями о будущем устройстве Германии. Рузвельт предложил расчленить ее на пять государств. «По моему мнению,— заявил он,— Пруссия должна быть возможно ослаблена и уменьшена в своих размерах. Пруссия должна составлять первую самостоятельную часть Германии. Во вторую часть Германии должны быть включены Ганновер и северо-западные районы Германии. Третья часть — Саксония и район Лейпцига. Четвертая часть — Гессенская провинция, Дармштадт, Кассель и районы, расположенные к югу от Рейна, а также старые города Вестфалии. Пятая часть — Бавария, Баден,

⁸⁴ Тегеранская конференция..., с. 173.

⁸⁵ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conference at Cairo and Tehran 1943. Washington, 1961, p. 259.

Вюртемберг. Каждая из этих пяти частей будет представлять собой независимое государство. Кроме того, из состава Германии должны быть выделены районы Кильского канала и Гамбурга. Этими районами должны будут управлять Объединенные Нации или четыре державы. Рурская и Саарская области должны быть поставлены под контроль либо Объединенных Наций, либо попечителей всей Европы»⁸⁶.

Английское правительство также стояло за расчленение Германии. Английские правящие круги надеялись поставить под свой полный контроль рурскую промышленность. Опираясь на индустриальную мощь Рура, они намеревались занять господствующее положение в Европе. Английская делегация поддержала основные положения американского плана. Со своей стороны она предложила в целях ослабления Германии изолировать Пруссию, отторгнуть Баварию и ряд других южногерманских государств. «У меня две мысли,— говорил Черчилль,— первая — это изоляция Пруссии от остальной Германии; вторая — это отделение южных провинций Германии — Баварии, Бадена, Вюртемберга, Палатината от Саара до Саксонии включительно». Он предлагал создать «дунайскую федерацию», в состав которой предполагалось включить все южные провинции Германии и придунайские страны Центральной Европы⁸⁷.

Советская делегация считала, что решение германской проблемы следует искать не на путях уничтожения германского государства, а на путях его демилитаризации и демократизации, с непременным уничтожением гитлеризма и гитлеровской военной машины. Советское правительство понимало, что главная цель планируемых Англией объединений в Европе по существу заключается в создании антисоветских блоков. Считая, что после окончания войны европейские народы будут стремиться к восстановлению своей независимости, Советское правительство выступило против таких антидемократических планов. Советская делегация предложила передать вопрос о расчленении Германии в Европейскую консультативную комиссию.

Что касается английских и американских планов по Германии, то Сталин прямо заявил, что ему «не нравится план новых объединений государств»⁸⁸. Он подчеркнул, что не видит большой разницы между населением Пруссии и других частей Германии. Г. Гопкинс, который присутствовал на конференции при обсуждении предложений о расчленении Германии, характеризует позицию СССР следующим образом: «Сталин без особого энтузиазма отнесся к обоим предложениям»⁸⁹.

Главы трех держав обменялись в Тегеране мнениями по вопросу о границах Польши.

⁸⁶ Тегеранская конференция..., с. 165—166.

⁸⁷ Там же, с. 166.

⁸⁸ Там же, с. 32—33, 166.

⁸⁹ Шервуд Р. Указ. соч., т. 2, с. 493.

Советское правительство всегда высказывалось за необходимость создания в результате войны независимого, демократического и сильного польского государства. Для этого и в целях укрепления мира в Европе необходимо было обеспечить польскому народу справедливые, исторически обоснованные границы, притом такие, которые явились бы для Польши границами мира с соседними государствами. Известно, что на протяжении истории территория Польши не раз перекраивалась. Задача поэтому состояла в том, чтобы превратить границы Польши из источника конфликтов и войн в фактор безопасности и устойчивости в Восточной Европе. В качестве восточной границы Польши Советское правительство предложило принять «линию Керзона», которая в основном

совпадала с этнографической границей польского народа, а в качестве западной — «линию р. Одер».

В Тегеране советская делегация, отстаивая интересы польского народа, считала необходимым возвращение Польше ее исконных земель на западе. Глава советской делегации подтвердил, что СССР выступает «за восстановление, за усиление Польши». Он подчеркнул, что Советский Союз не меньше, а больше других держав заинтересован в хороших отношениях с Польшей, так как Польша является его соседом⁹⁰. Обсуждение польского вопроса происходило на конференции главным образом в ходе двусторонних советско-английских переговоров. Черчилль согласился на установление будущих границ Польши по «линии Керзона» и «линии р. Одер». Но он рассчитывал при этом водворить в освобожденной Польше в качестве правительства реакционную эмигрантскую клику. Черчилль в принципе согласился с передачей Кенигсберга Советскому Союзу.

На конференции была принята «Декларация об Иране». Участники конференции заявляли «о своем желании сохранить полную независимость, суверенитет и территориальную неприкосновенность Ирана».

В Тегеране обсуждался также и вопрос о войне с Японией. В течение всей войны эта страна вела политику, резко враждебную СССР. Японское правительство беззастенчиво нарушило советско-японский договор о нейтралитете от 13 апреля 1941 г., предусматривавший (ст. 1) поддержание дружественных отношений. Ввиду такого нарушения Японией ее обязательств и ради сокращения сроков войны на Дальнем Востоке советская делегация пошла навстречу неоднократным просьбам США и Англии, настаивавшим на вступлении СССР в войну против Японии⁹¹. В целях дальнейшего укрепления антигитлеровской коалиции, ликвидации очага агрессии на Дальнем Востоке И. В. Сталин заявил, что Советский Союз объявит войну Японии после поражения фашистской Германии.

⁹⁰ Тегеранская конференция..., с. 164.

⁹¹ Подробнее в советско-японских отношениях в годы войны см. ниже, с. 486—490.

452

Руководители трех держав обменялись мнениями и по другим вопросам мировой политики. Нельзя сказать, что обсуждение политических вопросов проходило гладко. Дело иногда доходило до горячей полемики, некоторые вопросы так и остались нерешенными.

Тем не менее Тегеранская конференция и ее решения имели огромное международное значение. На конференции восторжествовали принципы сотрудничества великих держав антигитлеровской коалиции. В подписанной руководителями трех союзных стран декларации подчеркивалось, что СССР, США и Англия «будут работать совместно как во время войны, так и в последующее мирное время»⁹². Конференция подтвердила, что расчеты фашистской дипломатии на раскол среди союзников несостоятельны.

АКТИВНАЯ РОЛЬ СОВЕТСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В УСКОРЕНИИ КРИЗИСА ФАШИСТСКОГО БЛОКА

Летом 1944 г. в результате успешного наступления Красной Армии государственная граница СССР была восстановлена на значительном протяжении. Красная Армия приступила к освобождению народов Европы из фашистской неволи, чтобы затем перенести военные действия на территорию самой Германии и завершить ее разгром. Советская внешняя политика была при этом направлена на содействие освобожденным народам в воссоздании своих национальных

государств на основе права наций на самоопределение и при строгом невмешательстве в их внутренние дела. Политику Советского правительства в отношении освобождаемых стран определяли освободительный характер Великой Отечественной войны и социалистическая природа Советского государства. Освобождая европейские страны от гитлеровских оккупантов, Советский Союз исходил не только из своих национальных интересов и задач обеспечения своей безопасности. Он последовательно выполнял интернациональный долг в отношении народов Европы и всего мира. К освобождению европейских стран Советский Союз приступил с ясной программой. Основы ее были провозглашены еще на первом этапе войны. 6 ноября 1941 г. в докладе И. В. Сталина, посвященном годовщине Октябрьской революции, было сказано, что «в отличие от гитлеровской Германии Советский Союз и его союзники ведут войну освободительную, справедливую, рассчитанную на освобождение порабожденных народов Европы и СССР от гитлеровской тирании». «У нас нет и не может быть таких целей войны,— говорилось далее,— как навязывание своей воли и своего режима славянским и другим порабоженным народам Европы, ждущим от нас помощи. Наша цель состоит в том, чтобы помочь этим народам в их освободительной борьбе против гитлеровской тирании и потом

⁹² Тегеранская конференция..., с. 175.

453

предоставить им вполне свободно устроиться на своей земле так, как они хотят. Никакого вмешательства во внутренние дела других народов!»⁹³.

В заявлении, оглашенном от имени Советского правительства на Московской конференции министров иностранных дел, снова подчеркивалось, что «Советское правительство считает одной из важнейших задач послевоенного устройства Европы и создания прочного мира освобождение малых стран и восстановление их независимости и суверенитета»⁹⁴. 13 мая 1944 г. правительства СССР, США и Англии обратились к правительствам Венгрии, Румынии, Финляндии и Болгарии с предложением прекратить войну на стороне Германии.

Весной 1944 г. советские войска вышли на государственную границу СССР с Румынией. В связи с этим Советское правительство сделало заявление, в котором указало, что «оно не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя Румынии и что вступление советских войск в пределы Румынии диктуется исключительно военной необходимостью и продолжающимся сопротивлением войск противника»⁹⁵.

Наступление Красной Армии привело в 1944 г. к кризису гитлеровского блока. Тяжелые поражения, понесенные от Красной Армии войсками фашистской коалиции, вызвали резкое ослабление военного могущества Германии. Это создало для народов союзных с Германией стран реальные возможности для своего освобождения.

Фашистская Германия угнетала своих союзников. Она свела их на положение бесправных сателлитов. Под влиянием поражений на фронте образовался раскол в странах — участницах гитлеровского блока, некоторые из них стали думать о том, как бы вовремя покинуть тонущий фашистский корабль. Местные фашистские и полуфашистские режимы вызвали все возрастающую ненависть со стороны народов Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии. Экономическая разруха и фашистский гнет делали положение трудящихся совершенно нестерпимым. При таких условиях в странах-сателлитах создавалась революционная ситуация. Но народы не могли рассчитывать на успех до тех пор, пока силы фашистских захватчиков не были надломлены победами Красной Армии и пока Красная Армия не подошла к границам угнетенных стран.

После вступления Красной Армии в пределы Румынии в Бухаресте 23 августа началось народное восстание. Опираясь на победы Красной Армии, румынские рабочие под руководством Коммунистической партии свергли фашистское правительство Анто-

⁹³ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 1, с. 49.

⁹⁴ Московская конференция..., с. 193.

⁹⁵ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 2, с. 105.

454

неску. Король назначил новое правительство во главе с генералом Санатеску.

С освобождением Румынии Красная Армия вела бои с германскими войсками, сосредоточенными на территории Болгарии. Болгарское правительство формально не объявляло войны СССР, боясь взрыва возмущения со стороны своего народа, питавшего горячие симпатии к русскому народу и Советскому государству. Но фактически правители Болгарии вели против СССР войну, оказывая помощь фашистской Германии. Еще в сентябре 1942 г. и в апреле 1944 г. Советское правительство потребовало от болгарского правительства, чтобы оно запретило германским вооруженным силам использование болгарской территории, аэродромов и портов для действий против СССР и согласилось на восстановление закрытых им советских консульств в Русе и Бургасе. Царское правительство Болгарии не удовлетворило этих требований. 18 мая ему было направлено предупреждение: если оно не порвет с Германией, сохранение отношений с ним станет для Советского Союза невозможным. 12 августа Советское правительство снова потребовало от Болгарии разрыва с немцами. Болгарские союзники Гитлера уклонились от ясного ответа, а на деле продолжали сотрудничество с Германией и стали искать втайне от СССР контактов с США и Англией. Германские войска по-прежнему использовали болгарскую территорию. 5 сентября Советское правительство заявило, что «не только Болгария находится в состоянии войны с СССР, поскольку она и ранее находилась в состоянии войны с СССР, но и Советский Союз отныне будет находиться в состоянии войны с Болгарией». Едва советские войска вступили 8 сентября в Болгарию, как там (9 сентября) произошло народное восстание. В авангарде масс шли коммунисты. Создалось правительство Отечественного фронта.

25 августа новое правительство Румынии обратилось к союзникам с предложением заключить перемирие. В начале сентября то же самое сделали Болгария и Финляндия. Советское правительство еще в начале 1944 г. изъявило согласие начать переговоры о перемирии с союзниками Германии. Так же поступили правительства США и Англии. Переговоры привели 12 сентября 1944 г. к подписанию соглашения о перемирии с Румынией, 19 сентября — с Финляндией, 28 октября — с Болгарией. С Венгрией перемирие было заключено 20 января 1945 г..⁹⁶

В переговорах с США и Англией об условиях перемирия Советское правительство отстаивало национальные интересы румынского, болгарского, финского и венгерского народов и их право строить свою жизнь на демократических началах. Благодаря усилиям СССР соглашения о перемирии с Румынией, Болгарией, Финляндией и Венгрией приобрели справедливый, демократический характер. Соглашения облегчали народам этих стран подавление фашистских элементов и не допускали закабаления импе-

⁹⁶ История дипломатии, т. 4, с. 456—477,

455

риалистами США и Англии, которые особенно зарились на Румынию с ее нефтяными богатствами. В соглашениях о перемирии со всеми четырьмя странами содержались постановления, предусматривавшие демократизацию их политической и общественной жизни, включая статью, запрещающую

деятельность фашистских организаций. В соглашениях имелась статья о возмещении тяжелого ущерба, нанесенного народам Советского Союза, Югославии, Польши и других стран в результате агрессии государств фашистского блока. Однако Советское правительство, всегда верное принципам интернационализма, в интересах быстрейшего восстановления экономики стран, порвавших с гитлеровской Германией, ограничилось лишь частичным возмещением ущерба, нанесенного Советскому Союзу.

Существо статей по территориальным вопросам сводилось к тому, чтобы восстановить для Румынии, Болгарии, Финляндии и Венгрии справедливые границы с их соседями. Территориальные постановления ликвидировали произвольную перекройку границ этих государств, произведенную фашистской Германией.

Румыния и Болгария тотчас же объявили войну Германии. Советский Союз с радостью принял румынский и болгарский народы в качестве союзников и друзей. Позже войну Германии объявили также Венгрия и Финляндия⁹⁷.

Поскольку территория Финляндии для военных действий против Германии не требовалась, Советское правительство не прибегло к оккупации этой страны. «Следует помнить,— справедливо говорил выдающийся финский государственный деятель Ю. К. Паасикиви,— что Советский Союз осенью 1944 г., как и зимой 1940 г., мог бы продолжать борьбу, нанося Финляндии все новые тяжелые поражения, мог бы, если бы захотел, полностью раздавить Финляндию и уничтожить ее самостоятельность»⁹⁸. Советское правительство не сделало этого, проявив великодушие.

Повсюду Советское правительство при вступлении Красной Армии на иностранную территорию незамедлительно передавало все административные полномочия местным национальным властям. Это свидетельствовало о неизменной приверженности Советского Союза принципу невмешательства во внутренние дела освобождаемых стран.

СССР И ОСВОБОЖДЕНИЕ СТРАН, ПОРАБОЩЕННЫХ ГЕРМАНСКИМ ФАШИЗМОМ

Советский Союз сыграл решающую роль в разгроме гитлеровской Германии, а затем и милитаристской Японии. Советский народ и его Вооруженные Силы под руководством Коммунисти-

⁹⁷ 4 марта 1945 г. финское правительство официально заявило, что Финляндия находится с 15 сентября 1944 г. в состоянии войны с Германией (Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1947, т. 3, с. 613).

⁹⁸ Паасикиви Ю. К. Линия Паасикиви: Статьи и речи 1944—1956 гг.: Пер. с фин. М., 1958, с.

35.

456

ческой партии отстаивали свободу и независимость социалистической Советской державы. Страна Советов с честью выполнила свой интернациональный долг. Ее доблестная Красная Армия спасла народы Европы от коричневой фашистской чумы. Дорогой ценой досталась эта победа. Свыше 20 млн. советских людей погибло в годы Великой Отечественной войны, что составляет 40% всех людских потерь во второй мировой войне. Более 3 млн. воинов Советские Вооруженные Силы потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести в боях за освобождение народов Европы и Азии⁹⁹. Так, в боях за освобождение Румынии потери СССР составили 286 тысяч человек, в том числе убитыми 69 тысяч человек¹⁰⁰. В борьбе за освобождение Чехословакии погибло свыше 140 тысяч советских воинов¹⁰¹. Еще большими были потери СССР в боях за освобождение Польши: там погибло около 600 тысяч советских воинов¹⁰².

Значительные потери понесли Советские Вооруженные Силы и при освобождении других стран. Но сказанного достаточно, чтобы наглядно представить ту решающую роль, которую сыграла Страна Советов в освобождении народов Европы и Азии.

Вместе с тем Советский Союз, несмотря на предельное напряжение и невероятные трудности, вызванные огромными расходами на войну и потерей наиболее важных в экономическом отношении территорий, захваченных врагом, оказывал освобожденным народам большую материальную помощь. Он предоставлял безвозмездно зерно для питания населения и проведения сева и другие необходимые товары, хотя советскому народу приходилось отказывать себе во многом самом необходимом.

Опубликованные в 1975 г. документы¹⁰³ содержат многочисленные факты и данные о помощи советского народа народам ряда европейских стран в формировании их собственных воинских частей и соединений на территории СССР.

В соответствии с межправительственными соглашениями и в ответ на обращения военного командования или компетентных антифашистских организаций отдельных стран уже с 1941 г. СССР стал оказывать помощь в формировании на советской территории иностранных воинских частей и соединений, которые позже приняли участие в боях. Так, в декабре 1941 г. началось формирование чехословацкого пехотного батальона, а затем и других чехословацких воинских частей и соединений. По соглашению между командованием Красной Армии и «Сражающейся Франции» в 1942 г. в СССР была создана французская авиационная эскадрилья, а в 1943 г. — авиационный полк «Нормандия».

⁹⁹ Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне. 2-е изд. М., 1974, с. 7—8.

¹⁰⁰ Там же, с. 174.

¹⁰¹ Там же, с. 358—359.

¹⁰² Там же, с. 122.

¹⁰³ Коммунист, 1975, № 6, с. 39—41; № 7, с. 45—55.

457

В соответствии с просьбой польских патриотов весной 1943 г. Советское правительство оказало помощь в формировании польской дивизии имени Тадеуша Костюшко. Позже были сформированы и другие польские воинские части. В 1943—1944 гг. по просьбе румынских военнопленных, пожелавших участвовать в борьбе против немецко-фашистского вермахта, была сформирована 1-я румынская пехотная дивизия имени Тудора Владимиреску. По просьбе югославских патриотов в конце 1943 г. началось формирование на советской территории югославских воинских частей.

Как свидетельствуют недавно опубликованные документы, Советский Союз израсходовал на содержание польских военных формирований до 1 января 1945 г. свыше 723 млн. руб.¹⁰⁴ Общая стоимость денежных средств и материальных ценностей, отпущенных на содержание румынских военных формирований до ноября 1944 г., превысила 31 млн. руб.¹⁰⁵, югославских формирований — свыше 52 млн. руб. (по состоянию на 1 января 1945 г.).

СССР оказал также военную помощь вооруженным силам Албании в соответствии с просьбой ее правительства. Он помог оснастить всем необходимым 3 албанские горные пехотные дивизии, поставив артвооружение, автотранспорт и другое военно-техническое имущество, а также помогал в подготовке кадров для албанской армии в советских военных учебных заведениях¹⁰⁶.

Страна Советов оказывала самую щедрую и разнообразную помощь

народным армиям Албании, Чехословакии, Польши, Югославии, Румынии, Болгарии и Венгрии. Только по линии центральных органов Министерства обороны СССР, не считая фронтов, до конца войны армиям этих стран было передано около 670 тыс. винтовок и автоматов, 16 500 орудий и минометов, около 1000 танков и самоходных артиллерийских установок, более 1600 самолетов, 12 397 грузовых автомашин и 4769 радиостанций. Французскому авиаполку «Нормандия» было передано более 100 самолетов¹⁰⁷. Победы Красной Армии и ее приближение к границам Югославии содействовали успехам югославской народно-освободительной армии. Без ослабления Германии, последовавшего в результате побед Красной Армии, югославской народно-освободительной армии при всем ее героизме было бы трудно, если не невозможно, освободить свою страну.

Советский Союз горячо сочувствовал югославскому партизанскому движению, руководимому коммунистами во главе с Иосипом Броз Тито, с самого зарождения этого движения. Он оказывал югославским партизанам всю возможную помощь. Принципиальное отношение СССР к освободительному движению народов

¹⁰⁴ Коммунист, 1975, № 6, с. 47.

¹⁰⁵ Коммунист, 1975, № 7, с. 46.

¹⁰⁶ Там же, с. 53—54.

¹⁰⁷ Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне, с. 455.

458

Югославии было официально и публично выражено, например, в сообщении Информбюро НКВД от 14 декабря 1943 г. Это сообщение было издано в связи с решениями второй сессии Антифашистского веча народного освобождения. Вече приняло постановление о создании Югославского демократического федеративного государства, образовании Национального комитета освобождения во главе с И. Б. Тито и лишении полномочий югославского королевского эмигрантского правительства. В сообщении НКВД было объявлено о том, что правительство СССР дало положительную оценку этим важным событиям. Они рассматривались как «способствующие дальнейшей успешной борьбе народов Югославии против гитлеровской Германии. Они свидетельствуют также о серьезном успехе новых лидеров Югославии в деле объединения всех национальных сил Югославии»¹⁰⁸. В марте 1944 г. в Югославию была направлена советская военная миссия. Она должна была содействовать координации действий югославских и советских войск и изыскивать пути оказания помощи Югославии со стороны СССР. Советская авиация доставляла народно-освободительной армии Югославии некоторые необходимые грузы. Была оказана и другая помощь. 5 июня 1944 г. маршал Тито в своем письме в НКВД СССР благодарил Советское правительство за помощь — материальную и дипломатическую.

Правительства США и Англии, напротив, долгое время поддерживали югославского короля и его правительство, находившихся в эмиграции на английском иждивении. В самой стране они делали ставку на реакционного генерала Михайловича и его «четников», которые выдавали себя за борцов против немецких захватчиков, а фактически боролись против партизан и пытались не допустить, чтобы после поражения Германии власть перешла к демократическим силам. Английское правительство, пользуясь полной поддержкой правительства США, добивалось водворения в Югославии короля и устранения народной власти. С советской стороны наряду с поддержкой партизан, народно-освободительной армии принимались меры к тому, чтобы воспрепятствовать англо-американской политике вмешательства и диктата. Советское правительство давало отпор притязаниям Англии и США, направленным на укрепление в

Югославии реакции, а вместе с ней влияния британского и американского империализма. Особенно острая борьба по этому вопросу развернулась в ходе советско-английских переговоров, которые имели место в октябре 1944 г. во время приезда Черчилля в Москву.

Защищая интересы народов всех балканских стран, в том числе и народов Югославии, Советское правительство во время переговоров с Черчиллем отвергло английское предложение о «распределении влияния» между Англией и СССР в Югославии и других балканских странах. Попытка Черчилля задним числом

¹⁰⁸ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 1, с. 436.

459

доказать в своих мемуарах обратное не соответствует истине. В коммюнике об итогах советско-английских переговоров сообщалось: «Оба правительства согласились проводить совместную политику в Югославии с целью концентрации всей энергии против отступающих немцев и с целью разрешения югославских внутренних трудностей путем объединения Королевского Югославского Правительства и Национального Освободительного движения. Право югославского народа самому решить вопрос о своем будущем государственном устройстве после войны, конечно, признается неотъемлемым»¹⁰⁹.

1 ноября между маршалом Тито и премьер-министром королевского правительства Шубашичем состоялось соглашение о создании объединенного правительства. Было постановлено, что вопрос о форме государственного устройства страны будет решен по окончании войны народом посредством свободного волеизъявления. До этого король лишался права возвратиться в страну. Король уволил Шубашича в отставку. При поддержке английского правительства эмигрантское правительство саботировало соглашение. Советское правительство 25 ноября 1944 г. публично заявило об одобрении им соглашения Тито — Шубашича.

В годы освободительной борьбы народов Югославии Советское правительство, несмотря на переживаемые Советским Союзом трудности, оказывало югославскому национально-освободительному движению кроме военной и политической также и экономическую помощь. Так, после освобождения Белграда СССР предоставил 3,3 млн. пудов зерна и хлебопродуктов для населения югославской столицы, страдавшей от голода. СССР продолжал помогать народно-освободительной армии Югославии оружием, боеприпасами, амуницией.

По мере наступления Красной Армии приближался и час освобождения Польши.

Советское правительство делало все возможное, чтобы помочь польскому освободительному движению. Полную противоположность представляла политика западных держав, которые через лондонское эмигрантское правительство всячески тормозили развертывание вооруженной борьбы польского народа против гитлеровских оккупантов.

В первых рядах борцов за освобождение своей родины находились польские коммунисты, Польская рабочая партия (ППР). Под ее руководством в Польше ширилась вооруженная борьба с оккупантами. Постепенно в стране создавался антифашистский национальный фронт.

По инициативе коммунистов и других демократических деятелей был создан «Союз польских патриотов», который с февраля 1943 г. развернул большую работу по объединению польской демократической эмиграции.

¹⁰⁹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 2, с. 272.

460

Советское правительство оказывало «Союзу польских патриотов» самую разностороннюю помощь и поддержку.

В заявлении Советского правительства от 11 января 1944 г. говорилось о намерении установить с Польшей тесную дружбу «на основе прочных добрососедских отношений и взаимного уважения и, если этого пожелает польский народ,— на основе союза по взаимной помощи...»¹¹⁰.

В ходе борьбы польского народа против германских захватчиков в Польше возникла новая, истинно народная национальная власть — Крайова рада народов. У Рады и созданного ею 21 июля 1944 г. Польского комитета национального освобождения (ПКНО)¹¹¹, вскоре же установились самые дружественные отношения с Советским Союзом. Советское правительство считало новые органы власти представительством Польши — в том составе, как они возникли в горниле народной освободительной войны.

Совсем иной была позиция США и Англии. Они стремились изменить состав новых органов власти и притом не только в Польше, но и в других освобожденных странах (включая, например, Францию), чтобы сделать их послушными себе. США и Англия намеревались водворить в Польше зависимое от них эмигрантское реакционное правительство. В этом заключалось существо разногласий между СССР, США и Англией по польскому вопросу на последнем этапе войны. СССР признавал создавшуюся на польской земле народную власть. США и Англия намеревались вмешаться во внутренние дела польского народа, дабы изменить характер этой власти.

Правящие круги США и Англии не обращали внимания на то, что эмигрантское правительство вредило общему делу борьбы против гитлеровской Германии, препятствовало действиям Красной Армии, используя против нее свою подпольную шпионско-диверсионную агентуру, фактически содействовало гитлеровцам. Обе западные державы упорно пытались привести этих отпетых реакционеров к власти.

В июне-июле 1944 г. Красная Армия, в составе которой успешно действовали части Войска Польского, в ожесточенных сражениях вступила на территорию Польши. В опубликованном 26 июля 1944 г. заявлении НКВД СССР сообщалось, что цель Советского правительства состоит в том, чтобы «разгромить вражеские германские армии и помочь польскому народу в деле его

¹¹⁰ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 2, с. 60.

¹¹¹ ПКНО был создан как временный исполнительный орган Крайовой радой народной. Последняя же являлась политическим представительством польского народа и была призвана «выступать от имени народа и руководить его судьбами до освобождения Польши от оккупации» (см.: История Польши. М., 1958, т. 3, с. 608).

461

освобождения от ига немецких захватчиков и восстановления независимой, сильной и демократической Польши»¹¹².

В этот же день между правительством СССР и Польским комитетом национального освобождения было подписано соглашение об отношениях между советским Главнокомандующим и польской администрацией после вступления советских войск на территорию Польши. Советское правительство признавало власть ПКНО на всей территории Польши, освобожденной от неприятеля. Между Советским правительством и ПКНО был установлен постоянный контакт. Было учреждено представительство правительства СССР при ПКНО, который обосновался в г. Люблине.

Представители польского эмигрантского правительства во главе с его новым руководителем Миколайчиком пытались обращаться к правительству СССР по вопросам Польши. Но им было предложено адресоваться в ПКНО.

В августе и октябре 1944 г. в Москве состоялись переговоры представителей ПКНО и польского эмигрантского правительства. Октябрьские переговоры происходили при участии Сталина и Черчилля во время его пребывания в Москве.

Польское эмигрантское правительство отказывалось от демократических преобразований в Польше и намеревалось восстановить там реакционную конституцию, власть помещиков и капиталистов. Оно не признавало «линии Керзона». Представители лондонской эмигрантской клики требовали возвращения под свою власть обширных украинских и белорусских территорий. Когда выяснилась полная невозможность добиться осуществления этих захватнических планов, эмигрантское правительство сократило свои претензии, но продолжало требовать столицу Литвы Вильнюс и украинский город Львов¹¹³. Советское правительство, так же как и Комитет национального освобождения, отклонило эти притязания, противоречившие национальному принципу.

Когда ПКНО был решением Крайовой рады народной преобразован во Временное правительство, СССР его немедленно же признал. Это произошло 4 января 1945 г.

С целью облегчения трудного экономического положения Польши Советский Союз в октябре 1944 г. согласился оказать содействие снабжению Польши основными видами сырья.

Затем Советская Армия освободила Чехословакию. И здесь СССР проводил политику невмешательства во внутренние дела и развития дружественных отношений.

Еще 12 декабря 1943 г. СССР подписал с правительством Чехословакии договор о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве. Он содержал взаимное обязательство «оказывать друг другу военную и другую помощь» в войне против Германии и ее союзников в Европе и не заключать с ними перемирия или

¹¹² Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т 2 с 155

¹¹³ Переписка..., т. 1, с. 297, 309, 312.

462

мира иначе, как со взаимного согласия. Договор обязывал стороны оказывать друг другу военную и другую поддержку также и в послевоенный период в случае вовлечения одной из них в военные действия с Германией или каким-либо государством, которое объединилось бы с Германией непосредственно или в какой-либо иной форме в такой войне. Стороны договорились о тесном сотрудничестве после войны на началах взаимного уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела. В договоре содержалось обязательство не принимать участия в какой-либо коалиции, направленной против другой стороны.

В 1943 г. начал сражаться плечом к плечу с Красной Армией против фашистских захватчиков чехословацкий батальон, который вырос вскоре в бригаду, а затем в корпус. Выражением братской дружбы и боевого сотрудничества народов СССР и Чехословакии явилась помощь Советского Союза Словацкому народному восстанию в 1944 г. и участие в нем советских партизан.

Так же как и в Польше, в Чехословакии немедленно после освобождения ее территории от немецких захватчиков восстановилась национальная власть. По советско-чехословацкому соглашению от 8 мая 1944 г. освобождаемая Красной Армией территория Чехословакии, как только она переставала быть зоной непосредственных военных операций, полностью переходила под суверенное управление чехословацких правительственных и общественных органов. Образование, состав и характер этих органов должны были быть в исключительной компетенции правительства Чехословацкой республики.

Разгром фашизма Красной Армией и низвержение в ряде стран Европы фашистских и профашистских режимов развязали демократические силы. Революционные процессы в странах Восточной Европы означали сильнейший

удар по капиталистической системе и по интересам империалистических держав. Вот почему правительства США и Англии стремились всячески воспрепятствовать развитию революции. Это тем более, что революционное движение нарастало также и в странах, освобожденных войсками западных держав.

Ярким примером этого может служить Греция, где особенно высоко поднялась революционная волна. Высадившиеся осенью 1944 г. в Греции английские войска учинили кровавую расправу над греческими патриотами и силой оружия восстановили в стране антинародный монархический режим.

В Италии присутствие многочисленных американских и английских войск воздвигало преграду на пути быстро нарастающей революционной активности народных масс, не допустило открытого революционного взрыва.

Открытие второго фронта во Франции, последовавшее, наконец, 6 июня 1944 г., в результате высадки войск союзников в Нормандии, объясняется именно стремлением США и Англии возможно большую часть Европы занять собственными войсками. Американское и английское правительства не хотели допустить

463

освобождения Европы ни силами Красной Армии, ни силами самих народов, поработанных гитлеровцами. США и Англия намеревались закрепить господствующее положение западных империалистических держав на возможно более значительной части европейского континента.

Изгнание немецко-фашистских захватчиков с французской территории западные державы использовали в целях оккупации Франции американско-английскими войсками.

Они всячески противодействовали привлечению Французского комитета национального освобождения к активному участию в подготовке второго фронта в Северной Франции. Еще более отрицательно они относились к освободительному движению французского народа и его организациям на местах, в самой Франции. После того как английские и американские войска высадились во Франции, союзное Верховное командование не только не искало контакта с движением Сопротивления и не оказывало ему поддержки, но, наоборот, всячески стремилось дезорганизовать его и как можно скорее покончить с ним.

Позиция Советского правительства в отношении Франции и борцов французского движения Сопротивления была совсем иной и исходила из стремления оказать всестороннюю помощь французскому народу в его борьбе за освобождение своей страны, за восстановление независимости и суверенитета Франции, более того — ее положения как великой державы.

В ходе войны крепло и ширилось боевое сотрудничество между советским и французским народами. На советско-германском фронте успешно сражался совместно с советскими летчиками французский истребительный авиаполк «Нормандия — Неман», многие летчики которого за храбрость и образцовое выполнение боевых заданий Советского Верховного командования были награждены орденами СССР. В свою очередь многие советские граждане, насильственно вывезенные гитлеровцами и оказавшиеся во Франции, бежав из фашистского плена, приняли активное участие в героической борьбе французского народа против германских оккупантов.

Проводя политику, направленную на освобождение Франции и ее восстановление как независимого государства, Советское правительство решило признать Французский комитет национального освобождения (ФКНО) во главе с генералом де Голлем.

По этому поводу у Советского правительства возник серьезный конфликт с

союзниками. 23 июня 1943 г. Черчилль направил послание Сталину, в котором протестовал против такого шага. Он писал, что с тревогой узнал о намерении Советского правительства признать ФКНО. «Невероятно, чтобы британское правительство, а тем более правительство США признали этот Комитет в скором времени». Черчилль писал, что ему неясно, как поведет себя де Голль, если он придет к власти во Франции. Английский премьер давал понять, что США и Англия примут меры к изменению состава ФКНО в желательном для них духе. Во Франции,

464

так же как в Югославии и Польше, Англия и США пытались повлиять на состав правительства, дабы поставить у власти своих людей.

США занимали в отношении ФКНО и лично де Голля еще более враждебную позицию, чем Англия. Они долгое время поддерживали контакт с правительством Виши, состоявшим из марионеток Гитлера, а внутри движения Сопротивления пытались противопоставить де Голлю других деятелей. По свидетельству Идена ближайший советник Рузвельта «адмирал Леги внушал президенту, что маршал Петэн — наиболее надежный человек, на которого союзники могут положиться, что он сможет сплотить французов, когда союзные войска вступят во Францию»

114

Но Советское правительство не прекращало политики содействия восстановлению суверенитета Франции и признанию ФКНО. Комитет пользовался в то время поддержкой весьма широких кругов французского народа. Он в определенной мере должен был сотрудничать с прогрессивными силами Франции. 26 августа 1943 г. Советское правительство признало ФКНО «как представителя государственных интересов Французской республики» и выразило готовность обменяться с ним полномочными представителями. Когда ФКНО был преобразован во Временное правительство Французской республики, Советское правительство не замедлило его признать. Это произошло 23 октября 1944 г. В опубликованном заявлении подчеркивалось неизменно дружественное отношение СССР к Франции. Уже в годы войны де Голль правильно оценил роль Советского Союза в деле разгрома германского фашизма и важность для Франции тесного сотрудничества с СССР в послевоенный период в организации европейской безопасности. Об этом свидетельствует его речь, произнесенная 25 июля 1944 г. на консультативной ассамблее. «Я добавляю,— подчеркивал де Голль,— что благожелательная позиция, занятая в отношении нас в течение долгого времени... правительством Советского Союза, который играет основную роль в войне подобно тому, как он будет играть эту роль завтра, в период мира, дает нам возможность надеяться, что Франция и Россия смогут, как только представится возможность, определить между собой формы тесного сотрудничества, от которого зависят, как я полагаю, будущая безопасность и равновесие Европы»¹¹⁵.

Этими идеями и руководствовался де Голль, когда вел переговоры в Москве в декабре 1944 г., куда он приехал по приглашению Советского правительства.

Центральное место в советско-французских переговорах занял вопрос об обеспечении взаимной помощи против германской агрессии. Касаясь поражения Франции в 1940 г., де Голль назвал в качестве одной из важнейших причин то, что «Франция не

¹¹⁴ The Eden Memoirs. The Reckoning. London, 1965, p. 519.

¹¹⁵ *Gaule Charles de. Memoires de Guerre L'unite 1942—1944.* Paris, 1956., p. 586.

465

была с Россией, не имела с ней соглашения, не имела эффективного договора»¹¹⁶. По мнению де Голля, существовали три способа предотвращения германской агрессии: проведение новых границ Германии, ее разоружение и создание союзов, направленных против нее. Дальнейшему развитию советско-французского

сотрудничества должен был служить договор о союзе и взаимной помощи, подписанный в Москве 10 декабря 1944 г.¹¹⁷. В нем была, в частности, провозглашена решимость обоих государств после окончания войны с Германией «совместно предпринимать все необходимые меры для устранения любой новой угрозы, исходящей от Германии, и препятствовать таким действиям, которые делали бы возможной любую новую попытку агрессии с ее стороны».

В договоре указывалось, что в случае, если одна из договаривающихся сторон будет вновь вовлечена в военные действия против Германии, то другая сторона немедленно окажет ей всю возможную помощь и поддержку. Он содержал обязательство развивать, всестороннее сотрудничество в послевоенный период.

Народы обеих стран с большим удовлетворением встретили заключение союза СССР с Францией, который отвечал интересам обоих государств, требованиям войны и нуждам мира.

КРЫМСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Наступление Красной Армии создало благоприятные условия для действий союзников в Западной Европе. Тем не менее к зиме 1944/45 г. их наступление захлебнулось. В особенно трудном положении оказались союзные войска в конце декабря 1944 г., когда гитлеровское командование предприняло большое контрнаступление на Западном фронте в районе Арденн. Германским войскам удалось достигнуть крупных успехов.

По данным английской и американской разведок, немцы предполагали нанести удар на Льеж, разгромить 1-ю американскую армию, выйти к Антверпену, отрезать три союзнические армии и учинить союзникам новый разгром наподобие Дюнкерка. Черчилль, весьма встревоженный, обратился за помощью к Советскому Союзу. В послании от 6 января 1945 г. он писал главе Советского правительства: «На Западе идут очень тяжелые бои, и в любое время от Верховного Командования могут потребоваться большие решения. Вы сами знаете по Вашему собственному опыту, насколько тревожным является положение, когда приходится защищать очень широкий фронт после временной потери инициативы». Черчилль просил сообщить ему, «...можем ли мы (т. е. англичане и американцы.— *Ред.*) рассчитывать на крупное русское

¹¹⁶ Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1959, с. 340.

¹¹⁷ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 2, с. 327-330.

466

наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января...»

118

Это послание Черчилля было получено в Москве 7 января. Ответ последовал в тот же день. В нем сообщалось, что Советский Союз готовится к наступлению. Погода не благоприятствовала активным операциям. «Однако,— говорилось в ответном послании,— учитывая положение наших союзников на Западном фронте, Ставка Верховного Главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января. Можете не сомневаться, что мы сделаем все, что только возможно сделать, для того, чтобы оказать содействие нашим славным союзным войскам»¹¹⁹. Британский премьер был весьма обрадован, когда получил упомянутое послание. В ответ он писал Сталину 9 января 1945 г.: «Я весьма благодарен Вам за Ваше волнующее послание. Я переслал его генералу Эйзенхауэру только для его личного сведения. Да сопутствует Вашему

благородному предприятию полная удача!»¹²⁰.

В целях оказания помощи союзникам Советское правительство ускорило срок наступления своих войск, и 12 января началось мощное наступление 150 советских дивизий на широком фронте от Балтийского моря до Карпат. Советские войска прорвали сильную оборону немцев и продвинулись далеко на запад.

Командование гитлеровской армии было вынуждено перебросить с Западного фронта на Восточный две танковые армии. В результате наступление немцев на Западном фронте было сорвано. 17 января 1945 г. английский премьер-министр писал главе Советского правительства: «От имени Правительства Его Величества и от всей души я хочу выразить Вам нашу благодарность и принести поздравления по случаю того гигантского наступления, которое Вы начали на Восточном фронте»¹²¹.

Мощное наступление Красной Армии дало возможность войскам наших союзников не только отбить натиск германских войск, но и самим возобновить наступательные операции. Советский Союз и Красная Армия показали образец того, как они понимают союзнический долг: они выручили союзника, когда тот оказался в беде.

Успехи Красной Армии, равно как и новое соотношение сил, складывавшееся на международной арене, создали благоприятные условия для деятельности советской дипломатии на Крымской конференции. То была вторая встреча глав правительств трех великих держав антигитлеровской коалиции.

¹¹⁸ Переписка..., т. 1, с 848—84».

¹¹⁹ Там же, с. 349.

¹²⁰ Там же, 350.

¹²¹ Там же, с. 555.

467

Конференция проходила в Ливадии, под Ялтой, с 4 по 11 февраля 1945 г. На конференции было детально рассмотрено положение на фронтах и определены дальнейшие перспективы военных операций против Германии. Черчилль все еще вынашивал мысль об англо-американской оккупации не только Западной, но и возможно большей территории Центральной и Юго-Восточной Европы. Он стремился любыми средствами приостановить дальнейшее продвижение Красной Армии на запад. На пути в Крым он встретился с президентом Рузвельтом на Мальте и вел с ним переговоры. Как свидетельствует американская запись мальтийских переговоров, «Черчилль придавал большое значение скорейшему либо выводу, либо капитуляции германских вооруженных сил в Италии. Он чувствовал, как важно, чтобы мы смогли оккупировать как можно большую часть Австрии, так как было нежелательным, чтобы русские оккупировали в Западной Европе больше, чем это необходимо»¹²².

На Крымской конференции главы трех делегаций договорились о порядке принудительного осуществления условий безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии. Они наметили начала согласованной политики в отношении Германии, в основу которых были положены принципы ее демократизации и демилитаризации. Было подтверждено, что в соответствии с согласованным в Европейской консультативной комиссии планом Германия будет оккупирована войсками победителей и над нею будет установлен контроль трех союзных держав. Целью оккупации и союзнического контроля объявлялось «уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантии в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушить мир». Союзные державы заявили о своей готовности разоружить и распустить все германские вооруженные силы, ликвидировать генеральный штаб, изъять или уничтожить все германское военное оборудование, ликвидировать или взять под контроль всю германскую промышленность, которая могла бы быть использована для военного

производства; подвергнуть всех военных преступников справедливому и быстрому наказанию; устранить всякое нацистское и милитаристское влияние из общественных учреждений, культурной и экономической жизни немецкого народа, а также принять совместно и другие меры, которые могли бы оказаться необходимыми для будущего мира и безопасности всех народов. Участники конференции торжественно заявляли, что в их цели не входит уничтожение германского народа. Но они подтвердили, что «только тогда, когда нацизм и милитаризм будут искоренены, будет надежда на достойное существование для германского народа и место для него в сообществе наций»¹²³.

¹²² The Conferences at Malta and Yalta, pt. 2. Washington, 1945, p. 484; Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Malta and Yalta. 1945. Washington, 1955, p. 543.

¹²³ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 3, с. 103.

468

Главы правительств трех держав подтвердили в решениях Крымской конференции выработанные в Европейской консультативной комиссии документы¹²⁴: «О зонах оккупации Германии и об управлении „Большим Берлином" и „О контрольном механизме в Германии"». В первом из них была зафиксирована договоренность о том, что Германия будет разделена на три оккупационные зоны, которые должны будут занимать войска трех держав, и определены границы этих зон.

По соглашению «О контрольном механизме в Германии» верховная власть в стране в период оккупации должна осуществляться главнокомандующими вооруженными силами СССР, США, Англии, каждым в своей оккупационной зоне по директивам своих правительств. По вопросам, затрагивающим Германию в целом, главнокомандующие обязаны будут действовать совместно как члены Союзного контрольного совета по Германии.

США и Великобритания в течение длительного времени занимали враждебную позицию в отношении французского комитета национального освобождения, преобразованного затем во Временное правительство Франции, и лично генерала де Голля, рассчитывая, что после войны Франция превратится во второстепенную державу и будет находиться у них в политической и экономической зависимости. Поэтому они противились допущению Франции на равных правах в число великих союзных держав.

Однако в связи с вынашиваемыми планами создания антисоветского западного блока, в котором значительная роль отводилась Франции, английское и американское правительства пошли на пересмотр принятых в Европейской консультативной комиссии решений, с тем чтобы предоставить зону оккупации и место в Контрольном совете для Германии четвертой державе — Франции. На пересмотр позиции в отношении Франции западных союзников толкало и то, что 10 декабря 1944 г. между СССР и Францией был заключен договор о союзе и взаимопомощи, который в значительной мере укреплял международный престиж Франции. 4 февраля 1945 г. в беседе со Сталиным в Ливадии Рузвельт говорил, что «нужно будет обсудить на нынешнем совещании вопрос о предоставлении Франции зоны оккупации в Германии. Конечно, — добавил Рузвельт, — речь идет лишь о любезности по отношению к французам»¹²⁵. Американский президент признавал, что он «был против участия Франции в Контрольном совете в Германии», но затем изменил свое мнение. При обсуждении этого вопроса глава советской делегации заявил, «что он не возражает против участия французов в Контрольном совете

¹²⁴ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Сборник документов. М.; 1979, т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.), с. 16 (далее — Крымская конференция...).

¹²⁵ Там же, с. 53.

469

и что он за присоединение их к декларации»¹²⁶. На конференции было решено, что Франции должна быть предоставлена в Германии зона, подлежащая оккупации французскими войсками. Эта зона должна быть образована из части британской и американской зон. Было также решено, что французское Временное правительство будет приглашено направить своего представителя в Контрольный совет по Германии.

Принятие решений Контрольного совета требовало единогласия четырех его членов. Он был призван обеспечить согласованность в действиях главнокомандующих в соответствующих зонах, вырабатывать совместные решения по военным, политическим, экономическим и иным вопросам, общим для всей Германии, контролировать деятельность центральной германской администрации (если бы она была создана), руководить межсоюзнической комендатурой «Большого Берлина».

Согласно межсоюзническим соглашениям, разработанным Европейской Консультативной Комиссией, весь «Большой Берлин» входил в Восточную, т. е. советскую, зону. В ходе военных действий Берлин был освобожден Красной Армией и до 4 июля 1945 г. им управлял советский комендант, по приказу которого 6 мая 1945 г. был образован немецкий магистрат «Большого Берлина». Только 4 июля в Берлин вступили английские и американские войска, а 12 августа — французские. Соглашение «О зонах оккупации Германии и управлении „Большим Берлином“» предусматривало, что вся Восточная зона будет оккупирована советскими войсками за исключением Берлина. Поскольку Берлин являлся местопребыванием Контрольного совета (и именно поэтому), он подлежал оккупации войсками всех четырех держав. Управление «Большим Берлином» должно было осуществляться межсоюзнической комендатурой. Соглашение не наделяло межсоюзническую комендатуру верховной властью. Ее деятельность подчинялась Контрольному совету. Соглашение о зонах оккупации Германии и управлении «Большим Берлином» не установило для западных держав никаких специальных прав, определяющих порядок доступа в Берлин. Американский дипломат и разведчик Мэрфи, участвовавший в переговорах со стороны США, сообщает в своих мемуарах, что он усиленно добивался от своего правительства фиксации в соглашении таких прав, но не получил у него поддержки¹²⁷. Крымская конференция, подтвердив соглашение, принятое в ЕКК, также не установила для США, Англии и Франции никаких «прав» в смысле порядка доступа в Берлин.

Соглашение о контрольном механизме предусматривало, что Контрольный совет и другие органы союзников по контролю и управлению Германией «будут действовать в течение начального периода оккупации Германии, следующего непосредственно за

¹²⁶ Крымская конференция..., с. 214.

¹²⁷ *Murphy R. Diplomat among Warriors*. N. Y., 1964, p. 231.

470

капитуляцией, т. е. в течение периода выполнения Германией основных требований безоговорочной капитуляции»¹²⁸.

Следующим вопросом, рассмотренным на конференции в связи с обсуждением германской проблемы, явился вопрос о репарациях с Германии. Размеры ущерба, понесенного СССР, были определены Чрезвычайной Государственной Комиссией, в которую входили виднейшие советские общественные деятели.

Советский Союз понес огромные, ни с чем не сравнимые людские потери, которые составляли около 20 млн. человек¹²⁹. Таких потерь за всю историю

человечества не имела ни одна страна. Немецко-фашистские захватчики и их сателлиты полностью или частично разрушили и сожгли 1710 городов и более 70 тыс. сел и деревень; сожгли и разрушили свыше 6 млн. зданий и лишили крова около 25 млн. человек; разрушили 31850 промышленных предприятий, 65 тыс. км железнодорожной колеи и 4100 железнодорожных станций; разорили и разграбили 98 тыс. колхозов, 1876 совхозов и 2890 машинно-тракторных станций, зарезали, отобрали или угнали в Германию 7 млн. лошадей, 17 млн. голов крупного рогатого скота, 20 млн. свиней, 27 млн. овец и коз¹³⁰. Прямой ущерб, причиненный Советскому Союзу Германией и ее союзниками на территории, подвергшейся оккупации, составил 679 млрд. руб.¹³¹ Весь же ущерб с учетом военных расходов и потери доходов от народного хозяйства оккупированных областей достигал колоссальной суммы — 2 триллионов 569 млрд. руб.¹³²

Советское правительство требовало, чтобы Германия хотя бы частично возместила этот огромный материальный ущерб. Но вместе с тем Советский Союз выступал против экономического закабаления Германии и при определении суммы и форм уплаты репараций учитывал не только интересы своей страны, но также положение Германии и интересы немецкого народа. 5 февраля 1945 г. советская делегация, излагая на заседании конференции план репараций с Германии, заявила: «...при выработке своего репарационного плана Советское правительство все время имело в виду создать условия, при которых германский народ в послевоенные годы мог бы существовать на базе средневропейского уровня жизни...»¹³³.

Конференция признала справедливым обязать Германию возместить причиненный ей ущерб в натуре в максимально возможной мере. Главы трех правительств условились, что репарации

¹²⁸ Сборник действующих договоров..., вып. 11, с. 65.

¹²⁹ Народное хозяйство СССР в 1961 году: Статистический ежегодник. М., 1962, с. 8; СССР в цифрах в 1963 году: Краткий статистический сборник. М., 1964, с. 11.

¹³⁰ Внешняя политика Советского Союза, 1945 год: Документы и материалы. М., 1949, с. 36.

¹³¹ Там же, с. 37.

¹³² Правда, 1958, 24 сент.

¹³³ Крымская конференция..., с. 81.

471

должны взиматься с Германии в трех формах: как одновременные изъятия в течение двух лет после капитуляции Германии из ее национального богатства (причем эти изъятия должны быть проведены главным образом с целью уничтожения военного потенциала Германии), в виде ежегодных товарных поставок из текущей продукции, а также посредством использования германского труда¹³⁴.

Для выработки на основе вышеизложенных принципов подробного репарационного плана в Москве учреждалась Межсоюзническая комиссия по репарациям в составе представителей СССР, США и Великобритании.

Что касается общей суммы репараций с Германии, а также их распределения между пострадавшими от германской агрессии странами, то советская и американская делегации согласились в следующем: «Московская комиссия по репарациям в первоначальной стадии своей работы примет в качестве базы для обсуждения предложения Советского правительства о том, что общая сумма репараций... должна составлять 20 млрд. долларов и что 50% этой суммы идет Советскому Союзу». Этот вопрос был согласован между советским и американским правительствами. Однако английская делегация на Крымской конференции не присоединилась к этому предложению, заявив, что английское правительство сохраняет за собой право вернуться к вопросу об определении суммы репараций в ходе работы репарационной комиссии. Правительство США в

дальнейшем отказалось поддержать согласованную ранее сумму справедливых репарационных требований Советского Союза.

На конференции вновь обсуждались различные предложения о разделе Германии на несколько государств.

К этому времени западными державами были разработаны новые планы расчленения Германии. В 1944 г. за подписью заместителя государственного секретаря США Уэллеса были опубликованы предложения о расчленении Германии на три государства: восточное, западное и южное. Предполагая сопротивление немецкого народа ликвидации единого германского государства, Уэллес предлагал произвести расчленение насильственным путем¹³⁵.

Другой план расчленения Германии был разработан по специальному поручению президента Рузвельта одним из его ближайших сотрудников — министром финансов Моргентау. Этот план был рассмотрен и утвержден так называемым «Правительственным комитетом по вопросам Германии». Согласно этому плану, Саар и прилегающие к нему территории между Мозелем и Рейном отходили к Франции; Рур, Рейнская область, Кильский канал и район, расположенный к северу от него, должны были стать международной зоной и управляться «международным

¹³⁴ Сборник действующих договоров..., вып. 11, с. 77—78.

¹³⁵ Welles S. The Time for Decision. New York; London, 1945, p. 351.

472

органом». Остальную часть Германии намечалось разделить на два «автономных государства»: Северогерманское государство, включая Пруссию, Саксонию, Тюрингию, и Южногерманское государство в составе Баварии, Вюртемберга, Бадена и др. Последнее, по замыслу Моргентау, должно было иметь таможенную унию с Австрией.

Этот план наряду с расчленением Германии предусматривал ликвидацию большей части немецкой промышленности и аграризацию страны. Это обрекало на голодное существование значительную часть немецкого народа.

В январе 1944 г. английское правительство предложило передать вопрос о расчленении Германии для изучения в ЕКК.

На втором заседании ЕКК, состоявшемся 26 января 1944 г., английский представитель Стрэнг заявил о том, что он считает целесообразным «как можно скорее приступить к изучению вопроса о расчленении Германии и предложил создать специальный Комитет по расчленению Германии»¹³⁶.

Стрэнг также внес на рассмотрение проект Положения названного комитета.

На третьем заседании ЕКК в феврале 1944 г. при рассмотрении английского проекта положения о Комитете по расчленению Германии советский представитель Ф. Т. Гусев заявил, что он «не готов к тому, чтобы поручить члену своей делегации присоединиться к работе по изучению его»¹³⁷.

Несмотря на то, что ЕКК решила перенести обсуждение этого вопроса на другое заседание, однако, вопрос о расчленении Германии больше не поднимался на заседаниях ЕКК на протяжении всего 1944 г.

Вопрос о расчленении Германии был поставлен на второй англо-американской конференции в Квебеке в сентябре 1944 г. Здесь Рузвельт и Черчилль одобрили план Моргентау.

На Крымской конференции руководители американского и английского правительств вновь высказались за раздел Германии. «Рузвельт думает,— говорится в советской стенограмме конференции,— что хорошо было бы предъявить немцам условия капитуляции и, кроме того, заявить им, что Германия будет расчленена»¹³⁸. В результате обмена мнениями по этому вопросу было принято решение создать специальную комиссию по Германии, которая обсудит и

вопрос о расчленении Германии.

На заседании Комиссии по расчленению, состоявшемся 7 марта 1945 г., советский представитель заявил, что вопрос о расчленении Германии изучается советскими экспертами.

Отвечая на вопрос Вайнанта, желают ли союзники, чтобы существовала демократическая Германия, Гусев отметил, что

¹³⁶ АВП СССР. Европейская Консультативная Комиссия. Протокол заседания 26 января 1944 г.

¹³⁷ АВП СССР. Европейская Консультативная Комиссия. Протокол заседания 15 февраля 1944 г.

¹³⁸ Крымская конференция..., с. 68.

473

перед комиссией стоит вполне ясная задача — «выработать конкретный план такого территориального устройства Германии, при котором немцы не могли бы возродить свою военную мощь и опасность германской агрессии в будущем могла бы быть устранена навсегда»¹³⁹.

Иден и Вайнант согласились с тем, что изложенный советским представителем подход к проблеме является правильным.

9 марта 1945 г. английский представитель в этой комиссии направил советскому представителю проект директивы, в которой предусматривалось рассмотрение комиссией вопроса о том, «каким образом Германия должна быть разделена, на какие части, в каких границах и каковы должны быть взаимоотношения между частями». Советский Союз вновь подтвердил свое отрицательное отношение к предложению о расчленении Германии. 26 марта 1945 г. советский представитель в комиссии Ф. Т. Гусев представил по этому поводу следующий ответ: «Советское правительство принимает решение о расчленении Германии не как обязательный план расчленения Германии, а как возможную перспективу для нажима на Германию с целью обезопасить ее в случае, если другие средства окажутся недостаточными». Спустя некоторое время А. Иден созвал повое заседание Комиссии по расчленению Германии, на котором зачитал это письмо советского представителя. В ходе обмена мнениями представители Англии и США заявили, что их правительства согласны с тем, как этот вопрос понимает советская сторона. Таким образом, СССР принадлежит заслуга в том, что вопрос о расчленении Германии был снят с повестки дня межсоюзнических переговоров¹⁴⁰.

Советская делегация не могла не заметить, что американская и особенно английская делегации, являвшиеся инициаторами расчленения Германии, на Крымской конференции стали отступать от своих позиций. Правительства США и Великобритании, видевшие в Германии прежде всего своего империалистического соперника и опасного конкурента на мировом рынке, стремились к ее максимальному ослаблению. Однако германский вопрос имел для американско-английского империализма еще и другой важный аспект — возможность использования Германии в будущем в антисоветских целях. В этих условиях планы полной деиндустриализации и расчленения Германии теряли для западных стран свою ценность. Так, начальник имперского генерального штаба Великобритании Алан Брук, учитывая усиление политической и военной мощи СССР, выступал за восстановление Германии и включение ее в западноевропейский союз¹⁴¹.

¹³⁹ АВП СССР. Телеграмма Ф. Т. Гусева в НКВД от 8 марта 1945 г.

¹⁴⁰ Правда о политике западных держав в германском вопросе. М., 1959, с. 13. Английский проект директивы комиссии и советский ответ см.: Международная жизнь, 1955, № 5, с. 44.

¹⁴¹ *Bryant A. Triumph in the West. 1943—1946. Based on the Diaries and Autobiographical Notes of Field-Marshal the Viscount Alanbrooke.* London, 1959, p. 242.

474

Большое внимание Крымская конференция уделила рассмотрению польского вопроса. Глава советской делегации Сталин заявил, что Советский Союз заинтересован в создании мощной, свободной и независимой Польши¹⁴². Предметом обсуждения были как будущие границы Польши, так и состав польского правительства.

Было решено, что советско-польская граница должна проходить в соответствии с национальным признаком, т. е. в основном по так называемой «линии Керзона» с отступлением от нее в некоторых районах от 5 до 8 км в пользу Польши.

Не вызвало серьезных разногласий среди участников конференции также и признание необходимости территориальных приращений в пользу Польши на севере и западе. Однако относительно размеров этих приращений возникли расхождения. Советская делегация предлагала установить западную границу Польши по Одру и Западной Нейсе. Против этого предложения выступили представители США и Англии. Они утверждали, что польский народ якобы не сумеет освоить ресурсы этой территории. В результате обмена мнениями по этому вопросу было решено, что Польша получит существенное приращение территории на севере и на западе, размеры которого будут установлены позднее.

При обсуждении вопроса о польском правительстве разгорелась острейшая политическая борьба. США и Англия по-прежнему поддерживали дипломатические отношения с реакционным польским эмигрантским правительством в Лондоне, занимавшим враждебную СССР позицию, оторванным от страны и не представлявшим польского народа. Советский Союз признавал Временное польское правительство, созданное на демократических началах в самой Польше. Это правительство пользовалось поддержкой широких масс польского народа.

На конференции делегации США и Англии вначале пытались игнорировать национальное польское правительство и рассматривать в качестве единственного правительства Польши реакционную лондонскую эмигрантскую клику. Идя на «уступки», они предложили создать в Польше совершенно новое правительство, рассчитывая включить в него большинство «своих людей». В результате возражений со стороны Советского Союза и новой, демократической Польши западные державы вынуждены были согласиться на признание Временного правительства — но при условии его реорганизации. Таким образом, США и Англия продолжали вмешиваться в дела Польши, стараясь повлиять на состав польского правительства. Советский Союз и демократическое Временное правительство Польши пошли на некоторые уступки. В принятом конференцией решении предусматривалась реорганизация Временного правительства за счет включения в него «демократических деятелей из самой Польши и поляков

¹⁴² Крымская конференция..., с. 100.

475

из-за границы»¹⁴³. После реорганизации правительство должно было быть признано США и Англией. Под видом «демократических деятелей» они навязывали реакционеров вроде Миколайчика. Реорганизованное правительство Польши стало называться Временным правительством национального единства. Эмигрантское правительство перестало существовать. В этом заключался выигрыш от достигнутого компромисса.

Крымской конференции пришлось заняться также вопросами Югославии. Здесь, как и в Польше, имелись народная власть, фактически осуществлявшая руководство страной, опиравшаяся на поддержку народа, и реакционная эмигрантская клика, неспособная представлять свою страну. Правительства США и Англии симпатизировали находившемуся в эмиграции югославскому королю и

его окружению. В то же время они понимали, что их интересы требуют контакта с народной фактической властью, сколь бы отрицательно они к ней ни относились. В Крыму они согласились рекомендовать Тито и Шубашичу ввести в действие достигнутое ими соглашение и образовать Временное объединенное правительство.

Таким образом, Крымская конференция приняла в отношении Югославии компромисс, до некоторой степени сходный с тем, который был достигнут в отношении Польши. Ликвидация эмигрантского правительства и устранение короля обеспечивались ценой включения в состав народного демократического правительства, фактически управлявшего страной, некоторого числа буржуазных деятелей.

Советское правительство определило на Крымской конференции срок вступления СССР в войну против Японии: через два-три месяца после окончания войны в Европе. При этом были согласованы следующие три условия:

1. Сохранение существующего положения Монгольской Народной Республики.

2. Восстановление принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно: а) возвращение Южного Сахалина; б) интернационализация Дайрена и восстановление аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР; в) совместная с Китаем эксплуатация Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железных дорог.

3. Передача Советскому Союзу Курильских островов.

На конференции был рассмотрен вопрос об учреждении Организации Объединенных Наций и принято решение о созыве 25 апреля 1945 г. в Сан-Франциско конференции Объединенных Наций, которая должна была подготовить окончательный текст устава Организации. Кроме того, было принято согласованное решение по важнейшему вопросу — о процедуре голосования в Совете Безопасности, внесенное делегацией США¹⁴⁴.

¹⁴³ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 3, с. 106; Крымская конференция..., с. 269.

¹⁴⁴ По этому вопросу подробнее см. с. 490—494.

476

Конференция приняла «Декларацию об освобожденной Европе». В ней провозглашалось, что СССР, США и Англия «договорились между собой согласовывать в течение периода временной неустойчивости в освобожденной Европе политику своих трех Правительств в деле помощи народам, освобожденным от господства нацистской Германии, и народам бывших государств-сателлитов оси в Европе при разрешении ими демократическими способами их насущных политических и экономических проблем.

Установление порядка в Европе и переустройство национальной-экономической жизни должно быть достигнуто таким путем, который позволит освобожденным народам уничтожить последние следы нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору»¹⁴⁵. В ходе обсуждения проекта декларации советская делегация внесла важную поправку, направленную на ограждение стран, избравших путь народно-демократического развития, от непосредственного вмешательства Англии и США. Советская делегация предложила вместо учреждения постоянного специального механизма для осуществления совместной ответственности, предлагавшегося американским проектом, предусмотреть проведение консультаций между союзниками о необходимых мерах. Поправка была принята¹⁴⁶. Таким образом, эта декларация подчеркивала необходимость сохранения единства трех великих держав в решении важных международных вопросов в послевоенный период. Впрочем, на

деле западные союзники СССР в дальнейшем постарались «помочь» народам Европы, предусмотренную декларацией, использовать в целях вмешательства в их внутренние дела ради поддержки реакционных сил.

Советский Союз всегда считал необходимым поддерживать после войны тесное сотрудничество между державами — участницами антифашистской коалиции. Итоговым документом Крымской конференции было заявление «Единство в организации мира, как и в ведении войны». Руководители трех великих держав согласились сохранять и усиливать в предстоявший мирный период то сотрудничество, которое осуществлялось между Советским Союзом, США и Англией в дни войны. В заявлении подчеркивалось, что «только при продолжающемся и растущем сотрудничестве и взаимопонимании между нашими тремя странами и между всеми миролюбивыми народами может быть реализовано высшее стремление человечества — прочный и длительный мир...»¹⁴⁷

Для практического осуществления решения трех держав о сотрудничестве при урегулировании международных проблем конференция предусматривала периодический созыв совещаний

¹⁴⁵ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 3, с. 105; Крымская конференция..., с. 267—269.

¹⁴⁶ Крымская конференция..., с. 36—37.

¹⁴⁷ Крымская конференция..., с. 271.

477

министров иностранных дел. Имелось в виду, что встречи министров будут происходить каждые три или четыре месяца.

Крымская конференция выработала программу демократического устройства послевоенного мира, она воодушевляла народы на борьбу с фашизмом и означала окончательный провал расчетов фашистской Германии на раскол в лагере союзников.

Вся работа Крымской конференции протекала под знаком неизмеримо возросшего международного авторитета Советского Союза и его миролюбивой политики. Советский Союз добился принятия Соединенными Штатами и Англией ряда совместных решений, направленных на демократическое устройство послевоенного мира.

В интересах принятия согласованных решений и стремясь к укреплению отношений между главными государствами антигитлеровской коалиции, советская делегация шла навстречу многим пожеланиям делегаций США и Англии; последние также должны были учитывать интересы Советского Союза. Они пошли на это в значительной мере потому, что нуждались в помощи СССР в войне против Японии.

Крымская конференция была важным этапом в борьбе миролюбивого человечества за скорейшее окончание войны и демократическое решение послевоенных проблем.

Совместная борьба против германского фашизма являлась прочной основой для развития братской дружбы между СССР и его союзниками в Центральной и Юго-Восточной Европе. 5 апреля 1945 г. в Москву прибыла югославская правительственная делегация. Выступая по прибытии перед микрофоном, маршал Тито передал «глубокую благодарность Советскому Союзу за ту огромную моральную и материальную помощь, которую он дал и дает народам Югославии в их тяжелой борьбе...». 11 апреля в Москве был подписан советско-югославский договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве¹⁴⁸. Этот договор создал необходимые предпосылки для развития отношений нового типа, построенных на всестороннем братском сотрудничестве народов СССР и Югославии.

21 апреля 1945 г. Советское правительство заключило договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве с Польшей¹⁴⁹. Обе стороны выразили твердую решимость довести борьбу с фашистской Германией до полной и окончательной победы и обязались «оказывать друг другу военную и другую помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами». В договоре указывалось, что «интересы безопасности и процветания советского и польского народов требуют сохранения и усиления в период и после окончания войны прочной и постоянной дружбы» между обеими странами. СССР и Польша обязались

¹⁴⁸ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 3, с. 166, 175-178.

¹⁴⁹ Там же, с. 197—201.

478

принимать после войны все меры для устранения любой угрозы повторения агрессии со стороны Германии. В случае, если бы одна из договаривающихся сторон в послевоенный период оказалась вовлеченной в военные действия с Германией или каким-либо другим государством, объединившимся с Германией непосредственно или в какой-либо иной форме в такой войне, другая сторона обязывалась немедленно оказать ей военную и иную помощь всеми средствами, находящимися в ее распоряжении.

СССР и Польша обязывались «помогать друг другу в восстановлении хозяйства». Заключение договора явилось выдающимся историческим событием, отразившим коренной поворот, который произошел в отношениях между советским и польским народами. Он навсегда скрепил оба народа узами братской дружбы, взаимной помощи и всестороннего сотрудничества. Договор заложил прочный фундамент для развития отношений нового типа, основанных на незыблемых принципах марксизма-ленинизма и социалистического интернационализма. Подписание договора укрепило внутренние и международные позиции Временного правительства демократической Польши.

Народы Советского Союза, Польши и Югославии встретили советско-польский и советско-югославский договоры с глубоким удовлетворением. На митинге в Варшаве, посвященном подписанию договора, была принята резолюция, в которой говорилось: «Польский народ отдает себе отчет в том, что от дружбы с Советским Союзом зависят независимость, экономический и культурный расцвет Польши»¹⁵⁰.

Неизменная политика Советского правительства, направленная на восстановление национального суверенитета стран, освобождаемых от гитлеровского владычества, нашла яркое отражение в отношениях с Австрией. Когда Австрия была освобождена, Советское правительство незамедлительно восстановило в тех частях страны, которые были освобождены его войсками, национальную власть. Было создано Временное правительство во главе с социал-демократом Реннером.

РАЗГРОМ И БЕЗОГОВОРОЧНАЯ КАПИТУЛЯЦИЯ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ. ПОТСДАМСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Весной 1945 г. фашистский режим в Германии рухнул. Завершилась одна из самых мрачных глав в истории человечества. Гитлеровская Германия потерпела полное военное, политическое, экономическое и моральное поражение. Гитлер покончил самоубийством, а его ближайшие сообщники либо были захвачены в плен, либо скрылись. Решающую роль в победе над фашизмом сыграли Советский Союз и его Вооруженные Силы.

¹⁵⁰ Известия, 1945, 24 апр.

479

Этот неоспоримый факт вынуждены были признавать известные государственные деятели США, Англии, Франции и других стран, вступивших в борьбу с фашистской Германией. Президент США Ф. Д. Рузвельт в апреле 1942 г. говорил: «Русские армии уничтожили и уничтожают больше вооруженных сил наших врагов — войск, самолетов, танков, орудий, чем все другие объединенные страны, вместе взятые»¹⁵¹.

После Сталинградской битвы, весной 1943 г., У. Черчилль — премьер-министр Великобритании отмечал, что Гитлер нанес России страшные и жестокие раны. «Но Советская Россия не только выстояла и оправилась от этих ран, но и нанесла германской армии удар такой мощи, какой не могла бы нанести ей ни одна другая армия в мире»¹⁵².

В 1958 г. объективно оценил роль Советского Союза в войне бывший командующий английскими войсками в Европе фельдмаршал Б. Л. Монтгомери. Он говорил, что, пока Англия и США собирали силы, «Россия в тяжелом единоборстве почти один на один с наступающими гитлеровскими армиями приняла на себя всю силу германского удара и выстояла»¹⁵³.

В конце апреля 1945 г. вся мировая печать писала о взятии Берлина, характеризуя это событие как историческую победу Советской Армии. Так, французская «Нувель дю матен» писала тогда: «Наконец мы дождались! Русские в Берлине!... Трехкратное ура славной русской армии!» «Долгожданный час пробил,— восклицала «Се Суар»,— пробил тот час, наступление которого с замиранием сердца ждали все свободолюбивые народы с того момента, когда Гитлер совершил свое первое преступление в Европе».

Взятие Берлина означало окончательный разгром гитлеровской Германии.

В ночь с 8 на 9 мая в Карлсхорсте, пригороде Берлина, в присутствии представителей Советского Союза, США, Англии и Франции от имени германского верховного командования Кейтель, Фридебург, Штумпф подписали «Акт о военной капитуляции» Германии. 8 мая в 23 час 01 мин. по центральноевропейскому времени умолкли пушки. Война против Германии завершилась.

Вооруженным силам, находившимся под германским командованием, было приказано оставаться на тех местах, где они находились в момент капитуляции, и полностью разоружиться. В ночь на 9 мая началась массовая сдача оружия германской армией; в течение следующих суток военные действия на европейском театре практически прекратились. Теперь перед народами Европы открывались благоприятные перспективы для мирного демократи-

¹⁵¹ Poteer E. The United States as World Sea Power. New York, 1956, p. 685.

¹⁵² За рубежом, 1975, № 12, с 7.

¹⁵³ The Memoirs of Field-Marshal the Viscount Montgomery of Alamein, London, 1958, p. 454.

480

ческого развития. В числе других от фашистского ига был освобожден и немецкий народ.

5 июня 1945 г. в Берлине была подписана декларация о поражении Германии и взятии на себя верховной власти в отношении Германии правительствами СССР, США, Англии и Временным правительством Франции, а 6 июня опубликовано краткое изложение заключенных ранее соглашений: о зонах оккупации Германии и о контрольном механизме в Германии.

В июле-августе 1945 г. работа по созданию четырехстороннего контрольного механизма в Германии была в основном завершена. Контрольный совет, военные администрации в зонах, межсоюзническая комендатура Берлина приступили к практической деятельности.

Однако в самом начале деятельности Контрольного совета выявилось резкое

различие в подходе к решению главной задачи — демилитаризации, денацификации и переустройству жизни немецкого народа на демократической основе.

Как в трудные годы войны, так и после победы над фашизмом Советское правительство твердо стояло на том, что нельзя отождествлять немецкий народ с гитлеровской кликой и проводить по отношению к нему политику мести. Опираясь на опыт борьбы народов против германской агрессии, Советский Союз требовал демократизации и демилитаризации Германии, искоренения фашизма и всех его остатков. В то же время Советское правительство считало, что должны быть предоставлены все возможности для развития Германии как единого, демократического и миролюбивого государства.

Что касается западных держав, то их меньше всего заботила необходимость переустройства жизни немецкого народа на демократических и миролюбивых началах. В директиве президента США американскому командованию в Германии (№ 1067 от 10 мая 1945 г.) говорилось: «Германия оккупируется не ради ее освобождения, но потому, что она является побежденной, вражеской страной»¹⁵⁴.

Советское правительство стремилось, чтобы сотрудничество с США и Англией сохранилось и в послевоенный период. Оно прилагало все силы к тому, чтобы на основе демократических принципов добиться согласованных с правительствами союзных держав решений по важнейшим вопросам международной жизни. Это стремление Советского правительства нашло выражение на конференции в Потсдаме.

Потсдамская конференция открылась 17 июля и продолжалась до 2 августа 1945 г. В ней, как и в Крымской, участвовали главы правительств СССР, США и Англии. Центральное место в ее работе занял вопрос о Германии.

Каким путем пойдет дальнейшее развитие Германии, зависело теперь в первую очередь от ведущих держав антигитлеровской

¹⁵⁴ The Department of State Bulletin, 1945, vol. 13, N 330, Oct. 21, p. 597.

481

коалиции — Советского Союза, США, Англии и Франции, от выполнения ими обязательств по перестройке жизни немецкого народа на миролюбивых и демократических началах.

Главная цель союзнических решений по Германии, принятых еще во время войны, состояла в том, чтобы осуществить полностью демократизацию страны и навсегда вырвать корни германского милитаризма и реваншизма, разоружить германский империализм политически и экономически, создать такие условия развития Германии, которые не позволили бы повернуть ее на прежний путь агрессии. От выполнения этих решений зависело не только будущее Германии, но также мир и безопасность народов всей Европы.

На Потсдамской конференции была выработана совместная политика участников антигитлеровской коалиции в германском вопросе.

Обязательство осуществлять согласованную политику в отношении Германии участники конференции зафиксировали в соглашении «Политические и экономические принципы, которыми необходимо руководствоваться при обращении с Германией в начальный контрольный период»¹⁵⁵. Существо этих принципов сводилось к демилитаризации и демократизации Германии. В соответствии с решениями Крымской конференции они предусматривали полное разоружение Германии и ликвидацию в ней всей промышленности, которая может быть использована для военного производства.

Участники конференции договорились о необходимости «уничтожить национал-социалистическую партию и ее филиалы и подконтрольные

организации, распустить все нацистские учреждения, обеспечить, чтобы они не возродились ни в какой форме, и предотвратить всякую нацистскую и милитаристскую деятельность или пропаганду». Три державы обязывались сейчас и в будущем принять также и другие меры, необходимые для того, чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире.

В связи с этим Контрольному совету и администрации союзников в каждой из зон было поручено: провести полное разоружение и демилитаризацию; убедить немецкий народ в том, что он не может избежать ответственности за последствия войны; подготовить реконструкцию германской политической жизни на демократической основе.

В Потсдаме было решено рассматривать Германию как единое экономическое целое. При этом имелось в виду реорганизовать экономику Германии, обратив главное внимание на развитие мирной промышленности и сельского хозяйства. Германская экономика подлежала децентрализации «с целью уничтожения существующей чрезмерной концентрации экономической силы, представ-

¹⁵⁵ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 3, с. 340—345.

482

ленной особенно в форме картелей, синдикатов, трестов и других монополистических соглашений». Таким образом, Потсдамская конференция приняла важнейшее постановление о ликвидации германских монополий.

Главы трех держав подписали также специальное соглашение по вопросу о репарациях. Оно было заключено в соответствии с решением Крымской конференции и исходило из того, что Германия должна компенсировать в возможно большей степени ущерб, который она причинила другим народам. Репарационные претензии Советского Союза должны были удовлетворяться путем изъятий из зоны, оккупированной Советским Союзом, и из соответствующих германских вложений (активов) за границей. Было также обусловлено, что Советский Союз получит дополнительно из западных зон оккупации: 1) 15% изымаемого для уплаты репараций комплектного промышленного оборудования в обмен на продовольствие и другие продукты из советской зоны оккупации; 2) 10% изымаемого капитального промышленного оборудования — без оплаты и возмещения. Объем изымаемого капитального оборудования должен был быть определен «самое позднее в течение шести месяцев», начиная с момента конференции, т. е. до февраля 1946 г. Советский Союз из своей доли репараций должен был удовлетворить репарационные претензии Польши.

Потсдамским соглашением была установлена новая польско-германская граница по линии Одер — Западная Нейсе, которая начиналась от Балтийского моря чуть западнее Свинемюнде (включая город Щецин в состав Польши). Установление этой границы было подкреплено решением конференции о переселении немецкого населения, оставшегося в Польше (а также в Чехословакии и Венгрии). Вскоре состоялось решение Контрольного совета о переселении из районов, переданных Польше, немецкого населения, оставшегося в областях восточнее линии Одер — Западная Нейсе. Уполномочив своих главнокомандующих подписать это решение о переселении нескольких миллионов людей, западные державы тем самым еще раз подтвердили признание ими постоянного характера границы, установленной в Потсдаме. В связи с образованием нового польского правительства национального единства советская делегация настаивала на передаче ему всех фондов, ценностей и всякого иного имущества, принадлежавшего Польше и находившегося в распоряжении эмигрантской клики. Кроме того, она требовала, чтобы все

польские вооруженные силы, военно-морской и торговый флоты были подчинены новому польскому правительству¹⁵⁶.

Конференция подтвердила передачу Советскому Союзу Кенигсберга и прилегающего района. Она учредила Совет Министров иностранных дел, возложив на него подготовку мирного урегулирования. В качестве неотложной задачи на Совет возлагалось составление мирных договоров с Италией, Румынией, Болгарией,

¹⁵⁶ *Международная жизнь*, 1965, № 10, с. 158.

483

Венгрией и Финляндией. Совет должен был также подготовить мирное урегулирование для Германии.

Советское правительство предложило распространить компетенцию австрийского Временного правительства на всю страну, т. е. и на те области Австрии, которые были заняты войсками западных держав. Но последние отказались принять это предложение. Было постановлено отложить этот вопрос, с тем чтобы изучить его после вступления войск западных союзников в Вену — столица Австрии должна была быть оккупирована войсками всех четырех великих держав.

Имеется немало авторитетных свидетельств о том, что главы правительств США и Англии намеревались заняться в Потсдаме планами расчленения Германии. Так, американский адмирал Леги, один из ближайших советников Трумэна, сообщает в своих мемуарах, что президент США направлялся на Потсдамскую конференцию с планом раздела Германии «на отдельные суверенные государства». Леги пишет, что Трумэн хотел предложить, чтобы «Совет Министров иностранных дел представил правительствам рекомендации о расчленении Германии» и чтобы уже на Потсдамской конференции было заявлено о «намерении предоставить Рейнской области в будущем независимость и суверенитет в качестве отдельного государства. Более того, Трумэн высказывался за то, чтобы из Австрии, Баварии, Вюртемберга, Бадена и Венгрии было создано южногерманское государство со столицей в Вене»¹⁵⁷. Этот план означал не только насильственное расчленение Германии, но и покушение на национальную независимость Австрии и Венгрии.

Еще до Потсдамской конференции Советское правительство публично заявило, что оно не собирается расчленять Германию. «Советский Союз,— говорилось в обращении И. В. Сталина 9 мая 1945 года,— торжествует победу, хотя он и не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию»¹⁵⁸. На самой конференции с советской стороны вновь было подтверждено, что Германия должна остаться единым государством. В таких условиях Трумэн предпочел не афишировать своих намерений.

В ходе работы Потсдамской конференции Советский Союз внес предложение о создании Временного общегерманского правительства, которое обеспечило бы координацию деятельности немецких органов власти и единообразие экономических и политических мероприятий на территории всей Германии. Советское предложение не было, однако, принято ввиду возражений со стороны США и Англии. Самое большее, на что последние соглашались,— это создать ряд общегерманских административных департаментов по основным отраслям экономики, которые должны были действо-

¹⁵⁷ *Leahy W. I was There*. New York; London; Toronto, 1950, p. 389, 390.

¹⁵⁸ *Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны*, т. 3, с. 45.

484

вать под руководством Контрольного совета. Впоследствии западные державы сорвали осуществление даже и этого постановления.

Несмотря на трения по вопросу о сохранении политической и экономической

целостности Германии на Потсдамском совещании три державы все же достигли соглашения по вопросу об основных направлениях общей политики в отношении Германии. Но уже тогда чувствовалось, что США и Англия идут на продолжение сотрудничества с СССР лишь под давлением обстоятельств, что у них есть своя, империалистическая программа действий в Германии, в корне отличная от тех согласованных решений великих держав, под которыми стояли подписи американских и английских представителей. Эта программа вынашивалась на всем протяжении войны. Ее осуществление тормозилось противоречиями среди западных держав и продолжавшейся войной против Японии.

С одной стороны, США, Англия и Франция стремились максимально ослабить Германию как своего экономического конкурента и политического соперника, превратить ее в послушное орудие своей политики. Не случайно Черчилль во время визита в Москву в октябре 1944 г. откровенно говорил в беседе со Сталиным, что после войны Англия «намерена в некоторой степени занять место Германии в Европе в качестве производителя товаров для малых европейских стран»¹⁵⁹.

С другой стороны, правящие круги западных держав в возросшей мощи Советского Союза усматривали главную угрозу своим империалистическим интересам. Как признавал министр финансов в правительстве Рузвельта Моргентхау, значительная часть государственных руководителей США считала, что «Германия нужна нам как оплот против России и коммунизма»¹⁶⁰.

Стремление во что бы то ни стало ослабить позиции СССР, приручить германский милитаризм и вновь попытаться использовать его против сил мира, социализма и демократии стало отчетливо проявляться после того, как вторая мировая война была доведена до победного конца и США, Англия и Франция перестали нуждаться в военном сотрудничестве с Советским Союзом. Черчилль в своих мемуарах заявляет, что «уничтожение военной мощи Германии повлекло за собой коренное изменение отношений» с Советской Россией. По словам английского премьера, он требовал «немедленно создать новый фронт против стремительного продвижения СССР»¹⁶¹.

Такова была тайная программа действий империалистических держав по германскому вопросу. К ее осуществлению пытались приступить еще до того, как над Европой рассеялся пороховой дым. Достаточно вспомнить беспримерный по вероломству и ци-

¹⁵⁹ АВП СССР. Запись беседы Председателя Совета Министров СССР Сталина с Черчиллем 17 октября 1944 г.

¹⁶⁰ *Morgenthau H. Germany is our Problem. New York; London, 1945, p. 89.*

¹⁶¹ *Churchill W. S. The Second World War, vol. 6, p. 400.*

485

низу приказ Черчилля, отданный им в начале 1945 г. в разгар наступления советских войск в Германии фельдмаршалу Монтгомери: «Старательно собирать германское оружие и складывать его, чтобы его легче можно было снова раздать германским солдатам, с которыми нам пришлось бы сотрудничать, если бы советское наступление продолжалось»¹⁶².

Известно, что Черчилль вел тайные переговоры с американцами, чтобы подготовить отход Англии и США от сотрудничества с Советским Союзом и уклониться от выполнения союзнических соглашений по Германии. Со смертью Рузвельта и приходом на президентский пост Трумэна такой поворот был уже предрешен. Но летом 1945 г. правительство США все же не было готово совершить его практически. Пока шла война с Японией, оно было вынуждено определенное время сохранять преемственность прежней политики.

В результате твердой и последовательной политики Советского Союза и роста его авторитета правительство США, а с ним и правительство Англии

оказались вынужденными пойти на заключение Потсдамского соглашения. Оно отвечало справедливому характеру войны против гитлеровской Германии и принципам демократического мирного урегулирования. Представители США, Англии и Франции участвовали вместе с советскими представителями в работе Международного военного трибунала в Нюрнберге, осудившего главных немецких военных преступников (20 ноября 1945 г.— 1 октября 1946 г.).

ВСТУПЛЕНИЕ СССР В ВОЙНУ С ЯПОНИЕЙ

В Потсдаме Советское правительство подтвердило свое обязательство, взятое на Крымской конференции, о вступлении в войну против Японии на стороне союзников. При этом оно руководствовалось чувством союзнического долга, а также исходило из того, что Япония на всем протяжении войны вела в отношении СССР явно враждебную политику, систематически нарушала принятые на себя обязательства по договору о нейтралитете с Советским Союзом.

Вследствие этого Советское правительство 5 апреля 1945 г. заявило о денонсации советско-японского договора 1941 г. о нейтралитете.

Этот договор в статье 1 предусматривал, что обе стороны будут «поддерживать мирные и дружественные отношения между собой». Статья 2 обязывала стороны соблюдать нейтралитет в случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких держав. Вскоре после заключения советско-японского пакта фашистская Германия напала на Советский Союз, а Япония как союзница Германии стала активно помогать последней в войне против

¹⁶² Daily Herald, 1954, Nov. 24.

486

СССР. Более того, как свидетельствуют опубликованные в Англии дипломатические документы гитлеровской Германии, в конце августа 1941 г. японское правительство сообщило Германии, что Япония готова к нападению на СССР. В связи с разгромом немцев под Москвой это нападение было отсрочено до весны 1942 г. и в конце концов окончательно отменено ¹⁶³. Хотя Япония и не напала на Советский Союз, тем не менее она в нарушение пакта, предусматривавшего поддержание мирных и дружественных отношений, сосредоточила на границах с СССР Квантунскую армию, насчитывавшую около миллиона человек, 1000 танков, 1500 самолетов. Она постоянно нарушала государственные границы Советского Союза и, скопывая на Дальнем Востоке значительные силы Красной Армии, тем самым оказывала неоценимую помощь фашистской Германии. СССР был вынужден держать там 30—40 дивизий в готовности отразить возможное японское нападение. Только в 1942 г. было совершено 96 нарушений советской границы.

В самом начале советско-германской войны японский министр иностранных дел Мацуока открыто заявил о возможности отказа Японии от пакта о нейтралитете. 25 июня 1941 г. на вопрос советского полпреда о позиции Японии в отношении советско-германской войны Мацуока заявил, что «основой внешней политики Японии является Тройственный пакт, и если настоящая война и пакт о нейтралитете будут находиться в противоречии с этой основой и с Тройственным пактом, то пакт о нейтралитете не будет иметь силы» ¹⁶⁴.

Вопреки своим обязательствам по пакту японские власти препятствовали советскому судоходству на Дальнем Востоке. За 1941 — 1945 гг. японцы захватили и потопили 18 советских судов. Общие убытки судоходства СССР составили за это время 636 993 750 руб. ¹⁶⁵

В течение всей войны Япония снабжала гитлеровское правительство

секретной информацией о хозяйственном, политическом и военном положении СССР, полученной через дипломатический аппарат и военную разведку.

«При таком положении,— отмечалось в заявлении Советского правительства,— Пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл, и продление этого Пакта стало невозможным»¹⁶⁶.

Единственным достойным ответом на враждебную японскую политику было официальное присоединение СССР к Потсдамской декларации США, Англии и Китая о Японии 8 августа 1945 г.

¹⁶³ История дипломатии, т. 4, с. 304—307.

¹⁶⁴ АВП СССР. Запись беседы полпреда СССР в Японии с японским министром иностранных дел Мацуока 25 июня 1941 г.

¹⁶⁵ АВП СССР. Справка об убытках, понесенных судоходством СССР за период 1941—1945 гг. в результате военных и иных действий Японии на Тихом океане.

¹⁶⁶ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 3, с. 166.

487

и объявление состояния войны между СССР и Японией с 9 августа. Таким образом, Советский Союз, стремясь ускорить наступление всеобщего мира, точно в срок выполнил обязательство, принятое на Крымской конференции.

В дни наступления советских войск против японских захватчиков 14 августа 1945 г. в Москве был подписан договор о дружбе и союзе между СССР и Китаем и ряд связанных с ним соглашений.

Согласно статье 1 договора, обе стороны обязались «вести войну против Японии до окончательной победы» и «взаимно оказывать друг другу всю необходимую военную и другую помощь и поддержку в этой войне». СССР и Китай обязались также после окончания войны против Японии «совместно предпринимать все находящиеся в их власти меры для того, чтобы сделать невозможным повторение агрессии и нарушение мира Японией»¹⁶⁷.

Подписанные вместе с договором соглашения предусматривали, что основные магистрали Китайской Чанчуньской железной дороги (КВЖД и ЮМЖД) после изгнания японских вооруженных сил из трех восточных провинций Китая перейдут в общую собственность СССР и Китайской Республики и будут эксплуатироваться ими совместно. Предусматривалось также совместное использование Порт-Артура в качестве военно-морской базы, объявление порта Далянь (Дальний) свободным портом с выделением для передачи СССР в аренду пристани и складских помещений.

При заключении договора с Китаем от 14 августа 1945 г. состоялся обмен нотами между СССР и Китаем о независимости МНР, о суверенитете Китая над Маньчжурией и по некоторым другим вопросам.

Отдельным соглашением определялись отношения между советским главнокомандующим и китайской администрацией после вступления советских войск на территорию трех восточных провинций в связи с совместной войной против Японии.

Под мощным напором Красной Армии части японской Квантунской армии капитулировали. 2 сентября 1945 г. японское правительство подписало акт о безоговорочной капитуляции.

Поражение Японии означало сильнейший удар по империалистическому лагерю в целом. В результате победы советских войск над милитаристской Японией Советский Союз вернул себе исконные русские земли — Южный Сахалин, захваченный японцами после русско-японской войны 1904—1905 гг., и Курильские острова. Эти территории были возвращены СССР в соответствии с Ялтинским соглашением об условиях вступления Советского Союза в войну с Японией.

Вступление Советского Союза в войну против Японии имело большое

историческое значение. Восемь лет, начиная с 1937 г.,

¹⁶⁷ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 8, с. 459.

488

китайский народ вел героическую борьбу против японских империалистов. Если же считать с захвата Маньчжурии, то эта борьба продолжалась 14 лет. США в течение четырех с половиной лет войны подрывали морскую и воздушную мощь Японии. Но ее наземные силы сохранили свою мощь. Именно эти силы, а не флот вели войну против Китая. Удар советских войск по Квантунской армии сразу же сокрушил наземную мощь Японии. Он отрезал японским империалистам возможность, спасаясь от атомных бомбардировок, перенести центр своего сопротивления с японских островов на территорию Китая, что принесло бы новые страдания китайскому народу.

Подобно тому как победы советских войск на германском фронте привели к росту массовой борьбы против гитлеровской тирании, так и вступление Советского Союза в войну против Японии вызвало дальнейший подъем национально-освободительного движения на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии.

Советский Союз, разгромив японских империалистов, оказал китайскому народу всестороннюю помощь в его революционно-освободительной борьбе. Народно-освободительные армии Китая в борьбе против реакционных гоминьдановских войск воспользовались оружием и боеприпасами бывшей Квантунской армии и армии Маньчжоу-Го, разгромленных Вооруженными Силами Советского Союза. Немалое значение для успешной борьбы китайского народа против сил реакции и особенно для освобождения Северного Китая имел договор о дружбе и союзе между СССР и Китаем, заключенный 14 августа 1945 г. Характеризуя этот договор, китайский историк Пын Мин пишет: «Хотя китайско-советский договор о дружбе и союзе был подписан Советским Союзом с гоминьдановским правительством, но в обстановке того времени он явился выражением дружбы между народами Китая и СССР и соответствовал интересам китайского народа» ¹⁶⁸. Широкие массы китайского народа одобряли этот договор, так как видели в нем, как и в других соглашениях с Советским Союзом, реальную поддержку своей борьбы против японских оккупантов и иностранного империализма, за свободу и независимость. Присутствие на основе этого соглашения советских войск и административных представителей СССР в Порт-Артуре и Даляне (Дальнем), советский контроль над железными дорогами в Северо-Восточном Китае затруднили использование гоминьдановцами портов Северо-Восточного Китая в качестве базы для действий против народно-освободительной армии.

Разгром Японии принес поработанным ею народам Азии освобождение от ига японских захватчиков и означал долгожданное окончание второй мировой войны.

¹⁶⁸ Пын Мин. Краткая история дружбы народов Китая и Советского Союза. М., 1957, с. 111—

112.

489

СССР И СОЗДАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ. КОНФЕРЕНЦИИ В ДУМБАРТОН-ОКСЕ И САН-ФРАНЦИСКО

Еще в годы войны Советское правительство занималось вопросом организации обеспечения прочного мира в послевоенной Европе. Советская программа послевоенного устройства мира была разработана Политбюро ЦК ВКП (б) и изложена в речи И. В. Сталина 6 ноября 1943 г. Первым практическим шагом в ее осуществлении было образование в начале сентября 1943 г. решением

Политбюро ЦК партии комиссии по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства, а также комиссии по вопросам перемирия¹⁶⁹.

В соответствии с декларацией Московской конференции 1943 г. 21 августа 1944 г. в Думбартон-Оксе (пригород Вашингтона) была созвана конференция представителей СССР, США и Англии, а затем представителей США, Англии и Китая. Советскую делегацию на конференции возглавлял посол СССР в США А. А. Громыко. При самом активном участии СССР конференция подготовила предложения о создании международной организации по сохранению мира и безопасности: проект устава и другие материалы, связанные с ее учреждением. В дальнейшем эта организация получила название Организации Объединенных Наций.

В Думбартон-Оксе собрались представители государств, интересы и политические устремления которых в вопросах послевоенного устройства имели большие различия.

СССР ставил перед собой задачу организации свободного от вооруженных конфликтов мира. Советская делегация исходила из того, что учреждаемая международная организация должна основываться на принципах суверенного равенства ее членов, служить интересам всеобщего мира и безопасности.

Интересы же монополий США и Великобритании требовали обеспечения гегемонии своих государств в послевоенном мире. Об этом откровенно говорится в мемуарах государственного секретаря США К. Хэлла, который в мае 1944 г. в беседе с группой американских сенаторов прямо заявил, что «в случае отказа от создания Международной организации безопасности или от участия в ней США лишится своего руководящего положения»¹⁷⁰.

Наибольшие трудности при выработке Устава ООН представлял вопрос о порядке голосования в Совете Безопасности. Важнейшей задачей советской дипломатии было обеспечение такого порядка деятельности будущей Организации, при котором она действительно послужила бы делу мира и не могла бы быть использована какой-либо державой или группой держав в своекорыстных интересах в качестве орудия борьбы против других го-

¹⁶⁹ История Коммунистической партии Советского Союза, т. 5, кн. 1, с. 549.

¹⁷⁰ The Memoirs of Cordell Hull. N. Y., 1948, vol. 2, p. 1661.

490

сударств. Организация должна была стать средством сотрудничества государств, и прежде всего тех, которые могли в наибольшей степени содействовать обеспечению мира,— великих держав. Организация не должна была превратиться в средство господства одной группировки государств над другими государствами. Для этого необходимо было установить в Организации порядок принятия решений, не допускающий ее использования вопреки интересам мира и народов или в ущерб законным интересам тех или иных государств. Органом, на который возлагалась главная ответственность за обеспечение международного мира, должен был стать Совет Безопасности. Пять великих держав должны были стать постоянными членами Совета. Кроме того, шесть членов Совета избирались бы всеми членами Организации на определенный срок. Порядок голосования в Совете Безопасности как органе, которому поручалось предпринимать действия по сохранению мира, приобретал особо важное значение.

На конференции в Думбартон-Оксе Соединенные Штаты предложили, чтобы решения Совета Безопасности имели силу лишь при единогласии всех его постоянных членов — СССР, США, Англии, Китая и Франции. Именно США явились инициатором так называемого права вето, проистекавшего из требования единогласия пяти великих держав.

При этом США предлагали сделать одно исключение. Это исключение

предусматривало, что в тех случаях, когда кто-либо из членов Совета сам замешан в споре, при вынесении Советом решения по этому спору голос данного члена Совета не должен учитываться. Принятие этого американского предложения легко могло бы противопоставить великие державы друг другу и, следовательно, подорвать их сотрудничество, без которого ООН как универсальная организация вообще не могла бы существовать. Предложенный Соединенными Штатами порядок голосования в Совете Безопасности не создавал должных гарантий против злоупотреблений в использовании Организации Объединенных Наций. При таком порядке голосования западные державы могли бы принимать решения о применении военных и экономических санкций, о разрыве дипломатических отношений с каким-либо государством или группой государств, исходя не из задачи обеспечения мира, а из своих узких, корыстных интересов. Американский проект создавал опасность, что державы, располагающие большинством в Совете, вместо терпеливых поисков взаимно приемлемых решений, обратятся к силе и вызовут войну.

Советский Союз отказался принять предложенный Соединенными Штатами порядок голосования в Совете Безопасности; вопрос этот на конференции в Думбартон-Оксе остался нерешенным.

14 сентября 1944 г. Советское правительство, стараясь найти приемлемый компромисс, заявило, что оно не возражало бы против попыток разработки специальной формулировки о порядке голосования по вопросам, касающимся споров, в которых великие

491

державы являются стороной, но для тех случаев, когда не требуется мер принуждения. В этом случае принцип единогласия мог бы и не применяться.

В декабре 1944 г. президент США Рузвельт, уступая требованиям СССР, предложил новую, измененную формулу, определяющую порядок голосования в Совете Безопасности, а именно: «1. Каждый член Совета Безопасности имеет один голос. 2. Решения Совета Безопасности по вопросам процедуры считаются принятыми, когда за них поданы голоса семи членов Совета». Следовательно, при определении процедуры работы этого органа единогласия постоянных членов (иначе говоря, великих держав) не требовалось. Наибольшее значение имел пункт 3 американского предложения: «3. Решения Совета Безопасности по всем другим вопросам», т. е. кроме процедурных, «считаются принятыми, когда за них поданы голоса семи членов Совета, включая совпадающие голоса всех постоянных членов, причем сторона, участвующая в споре, должна воздержаться от голосования при принятии решений» согласно разделам Устава, предусматривающим мирное урегулирование споров. Таким образом, согласно этому предложению принцип единогласия не применялся в двух случаях: при определении процедуры работы Совета Безопасности и при решении вопросов по таким спорам, в которых член Совета (включая и постоянных членов) является участником, при условии, что решение принимается о мирных средствах разрешения спора. Если же дело идет о применении средств принуждения — о прекращении экономических, железнодорожных, морских и иных связей, наконец, применении вооруженных сил, то решение требовало единогласия постоянных членов Совета, хотя бы они сами были участниками спора или конфликта.

Предложенный Рузвельтом порядок голосования в Совете Безопасности был одобрен на Крымской конференции. Этот порядок, требуя единогласия пяти постоянных членов Совета Безопасности, предполагал достижение ими посредством переговоров взаимно согласованных решений. Другими словами, он обязывал великие державы сотрудничать, а не навязывать решения путем диктата.

В этом и нашел свое практическое признание принцип мирного сосуществования в отношениях государств с различным социально-экономическим строем.

На Крымской конференции главы трех правительств договорились о созыве в апреле 1945 г. в Сан-Франциско конференции Объединенных Наций, чтобы окончательно подготовить Устав Организации «соответственно положениям, выработанным во время неофициальных переговоров в Думбартон-Оксе». США и Англия обязались поддержать в Сан-Франциско заявление Советского правительства о том, что Украинская и Белорусская советские социалистические республики станут государствами — учредителями ООН.

В исторический день, 25 апреля 1945 года, когда войска 1-го Украинского фронта соединились в Германии в районе г. Тор-

⁴⁹²
гау с союзными американскими и английскими войсками, в Сан-Франциско открылась конференция Объединенных Наций, для того чтобы учредить международную организацию, призванную объединить усилия миролюбивых государств ради сохранения мира и обеспечения международной безопасности. Созыв этой конференции стал возможным только в результате победы над Германией.

Опустошительная мировая война, ослабившая большинство государств Европы, зависимость большей части буржуазных государств от американского империализма, господство в Африке и в значительной части Азии колониального режима привели, однако, к тому, что на конференции в Сан-Франциско преобладало влияние США. В конференции участвовали и подписали Устав ООН представители 50 стран, которые считаются государствами — учредителями ООН.

В целом конференция прошла под знаком единства союзных держав — СССР, США и Англии. Однако уже тогда наметился отход западных держав от сотрудничества с Советским Союзом. Этот отход проявился, в частности, в отказе США, Англии и Франции пригласить к участию в конференции представителей в то время еще не признанного ими Временного правительства Польши, на чем настаивал СССР. Конференция все же постановила считать Польшу государством-учредителем и оставить в подлинном экземпляре Устава место для подписания его представителями Польши.

В итоге работы конференции в Сан-Франциско фундамент новой международной организации, на которую народы мира возлагали столь большие надежды в деле сохранения мира и безопасности, был успешно заложен. Хотя в ходе обсуждения Устава ООН обнаружился целый ряд серьезных расхождений между участниками конференции в Сан-Франциско, тяга к миру была столь велика, что все правительства, представленные на конференции, пошли на принятие Устава. «Нельзя сказать, что в ходе работы конференции не было трудностей и не имелось расхождений точек зрения отдельных делегаций по тем или иным вопросам,— заявил в своем заключительном выступлении на конференции глава советской делегации А. А. Громыко.— Однако нужно удивляться не наличию таких трудностей и не наличию различий во взглядах между отдельными делегациями по тем или иным вопросам, а тому, что в результате работы конференции все основные трудности удалось преодолеть и удалось прийти к успешному завершению поставленных перед конференцией задач». Глава советской делегации выразил уверенность, что конференция в Сан-Франциско войдет в историю человечества, как одно из наиболее знаменательных событий и что усилия Объединенных Наций принесут положительные результаты для всех миролюбивых народов мира, перенесших столько лишений и страданий в результате военного пожара, зажженного гитлеровским фашизмом. Он выразил

надежду, что новая организация будет иметь действенный

493

характер для осуществления сотрудничества, единства и согласованности действий всех ее членов¹⁷¹.

Для вступления Устава в силу требовалась его ратификация СССР, США, Англией, Францией и Китаем — постоянными членами Совета Безопасности и большинством других государств, которые его подписали. Устав вступил в силу 24 октября 1945 г.

*

В годы Великой Отечественной войны внешняя политика Советского Союза всемерно служила делу победы над врагом. Она была направлена на укрепление боевого союза свободолюбивых народов, которые вели войну против блока фашистских государств, на освобождение от захватчиков оккупированных ими областей СССР, на освобождение всех народов Европы и Азии, подпавших под иго германского и итальянского фашизма, а также японского империализма.

Враг рассчитывал добиться внешнеполитической изоляции Советского Союза, расколов ряды своих противников, противопоставив Советскому Союзу буржуазных участников антигитлеровской коалиции. Однако эти расчеты оказались несостоятельными. Глубокие противоречия между главными империалистическими державами вызвали раскол капиталистического мира. СССР смог совместно с США и Англией создать антигитлеровскую коалицию и сохранить ее в течение всей войны.

Наиболее последовательными, принципиальными сторонниками развития союзнических отношений с Советским Союзом выступали прогрессивные, демократические организации Англии, США, Франции и других государств.

В создании антигитлеровской коалиции нашла свое практическое осуществление идея коллективного отпора агрессору, чего советская внешняя политика и дипломатия настойчиво добивались еще накануне войны.

Советское правительство придавало большое значение созданию антифашистской коалиции и высоко оценило ее деятельность в годы войны. «Создание антигитлеровской коалиции,— говорилось в ноте Советского правительства,— это беспрецедентный факт в современной истории уже потому, что в оборонительной справедливой войне против общего врага объединились государства с различным общественным устройством. Советское правительство высоко чтит содружество стран, сложившееся в борьбе против фашизма и скрепленное кровью свободолюбивых народов. Советский народ хотел бы беречь и развивать чувство доверия и дружбы, которым были проникнуты его отношения с народами США, Англии, Франции и других стран антигитлеровской коалиции в суровые годы минувшей войны»¹⁷².

¹⁷¹ Правда, 1945, 28 июля.

¹⁷² Правда, 1958, 28 ноября.

494

Советский народ помнит и ценит годы разностороннего сотрудничества стран — участниц антигитлеровской коалиции. В Постановлении ЦК КПСС о 30-летию Победы в Великой Отечественной войне говорится, что в годы войны «была на практике доказана возможность эффективного политического и военного сотрудничества государств с различным социальным строем»¹⁷³.

Наряду с положительными результатами, достигнутыми в отношениях между главными государствами антигитлеровской коалиции, были и большие трудности. Обсуждение ряда военных и политических вопросов зачастую выявляло серьезные, порой принципиальные расхождения в позициях СССР, с одной стороны, Англии и США,— с другой. Эти разногласия и трудности определялись главным образом различием в целях войны, которые ставили перед собой

правительства СССР, США и Англии и которые в свою очередь вытекали из коренных различий в общественном строе главных государств антигитлеровской коалиции.

Победа над фашистскими державами могла бы быть достигнута значительно раньше и гораздо меньшей ценой, если бы США и Англия своевременно выполнили свой союзнический долг и открыли второй фронт не в 1944 г., а на более ранних этапах войны. Их проволочки с открытием второго фронта стоили народам СССР много крови.

Блистательные победы советского оружия и ленинские принципы внешней политики СССР, его решающая роль в освобождении человечества от фашизма привели к огромному росту морально-политического авторитета СССР и его влияния на международной арене. Это было одним из важнейших последствий победы над фашизмом.

Вместе с Советской Армией ковали победу народы Югославии и ее Народно-освободительная армия, воины Войска Польского, чехословацкие части, а на последнем этапе войны — румынские, болгарские и венгерские части. Большой вклад в общую победу над врагом внесли народы и армии государств антигитлеровской коалиции. Внешняя политика Советского Союза была направлена на продолжение тесного сотрудничества между союзными государствами и после войны. Этому должны были служить и заключенные во время войны договоры и соглашения СССР с Англией, США, Францией и другими странами, а также решения Ялтинской, Потсдамской и других межсоюзнических конференций. Целям обеспечения всеобщего длительного и прочного мира, защиты права освобожденных народов на восстановление своей независимости, на демократическое развитие был призван служить также Устав Организации Объединенных Наций.

¹⁷³ Коммунист, 1975, № 3, с. 7.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА¹

1917 год

25 октября (7 ноября) — Победа Великой Октябрьской социалистической революции в России.

26 октября (8 ноября) — Принятие II Всероссийским съездом Советов Декрета о мире.

2(15) ноября — Принятие Советом Народных Комиссаров «Декларации прав народов России».

8(21) ноября — Обращение Советского правительства к послам Соединенных Штатов Америки, Англии, Франции и ряда других стран с предложением о перемирии и переговорах о мире.

9(22) ноября — Заявление НКВД СССР об опубликовании Советским правительством тайных договоров царского и Временного правительств.

10(23) ноября — Обращение Советского правительства к посланникам нейтральных стран с просьбой довести до сведения неприятельских правительств советское предложение о немедленном перемирии и демократическом мире.

15(28) ноября — Обращение Советского правительства к правительствам и народам воюющих стран с предложением присоединиться к переговорам о перемирии.

20 ноября (3 декабря) — Обращение СНК «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока».

21 ноября (4 декабря) — Заключение договора о временном прекращении военных действий между армиями русского Западного фронта и германскими армиями.

23 ноября (6 декабря) — Обращение Народного комиссариата по иностранным делам к послам союзных стран по вопросу о перемирии.

9(22) декабря — Обращение Советского правительства к трудящимся массам всех стран о всеобщем демократическом мире.

9(22) декабря — 3 марта 1918 г. — Мирные переговоры в Брест-Литовске.

18(31) декабря — Постановление СНК о признании независимости Финляндской республики.

23 декабря — Англо-Французская секретная конвенция о разделе России на сферы влияния.

1918 год

4(17) января — «Декларация прав трудящихся и эксплуатируемого народа». 14(27) января —

Заявление Советского правительства об аннулировании всех

соглашений, направленных против независимости Ирана. 18 февраля — Возобновление

наступления германских войск на Советскую

Россию. 21 февраля — Декрет СНК «Социалистическое отечество в опасности».

24 февраля — Постановление ВЦИК и СНК о принятии германских условий мира.

¹ До 31 января 1918 г. даты указаны по старому стилю с приведением в скобках даты по новому стилю. С 1 февраля 1918 г. все даты даются по новому стилю.

496

3 марта — Подписание в Брест-Литовске мирного договора между Советской Россией и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией.

6—8 марта — VII Экстренный съезд Российской Коммунистической партии (большевиков).

Принятие съездом резолюции о войне и мире.

9 марта — Высадка английских войск в Мурманске. Начало открытой военной интервенции Антанты на Севере России.

15 марта — Ратификация Брест-Литовского мирного договора Чрезвычайным IV Всероссийским съездом Советов.

18 апреля — Протест Советского правительства против захвата Румынией Бессарабии.

22 апреля — Принятие СНК декрета о национализации внешней торговли.

25 мая — Начало контрреволюционного мятежа чехословацкого корпуса в России.

27 мая — Установление дипломатических отношений между РСФСР и Афганистаном.

27 августа — Подписание русско-германского Добавочного договора.

5 ноября — Разрыв Германией дипломатических отношений с Советской Россией.

6 ноября — Обращение VI Всероссийского Чрезвычайного съезда Советов к правительствам стран, ведущих войну против Советской России, с предложением начать мирные переговоры.

11 ноября — Подписание Компьенского соглашения о перемирии между Германией и державами Антанты. Окончание первой мировой войны.

13 ноября — Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета об аннулировании Брест-Литовского договора. 23—27 ноября — Высадка англо-французских войск в Новороссийске, Севастополе и Одессе.

1919 год

22 января — Предложение правительств Антанты и США о созыве конференции на Принцевых островах. Март — Миссия У. Буллита в Москву.

28 июня — Подписание Версальского мирного договора.

25 июля — Обращение СНК к китайскому народу с изложением принципов советской политики в отношении Китая.

Август — Обращение Советского правительства к Монгольскому правительству и народу с изложением основных принципов советской политики в отношении Монголии.

10 октября — Официальное объявление Верховным советом Антанты экономической блокады Советской России.

8 декабря — Декларация Верховного совета Антанты «О временной восточной границе Польши» («линии Керзона»).

1920 год

16 января — Отмена странами Антанты экономической блокады Советской России.

2 февраля — Подписание в Юрьеве (Тарту) мирного договора между РСФСР и Эстонией.

24—25 февраля — Мирные предложения Советского правительства Соединенным Штатам Америки, Японии, Чехословакии и Румынии.

12 июля — Подписание мирного договора между РСФСР и Литвой.

11 августа — Подписание мирного договора между РСФСР и Латвией.

12 октября — Подписание в Риге советско-польского договора о перемирии и прелиминарных условиях мира.

14 октября — Подписание мирного договора между РСФСР и Финляндией.

497

1921 год

26 февраля — Подписание договора между РСФСР и Ираном об установлении дружественных отношений.

28 февраля — Подписание договора между РСФСР и Афганистаном об установлении дружественных отношений.

16 марта — Заключение англо-советского временного торгового соглашения,

16 марта — Подписание договора между РСФСР и Турцией о дружбе и братстве.

18 марта — Подписание в Риге мирного договора между Советской Россией и Польшей.

6 мая — Заключение временного торгово-политического соглашения между РСФСР и Германией.

26 августа 1921 г.—16 апреля 1922 г.— Дайренская конференция представителей ДВР и Японии.

2 сентября — Заключение временного торгового соглашения между РСФСР и Норвегией.

13 октября — Заключение договора о дружбе между закавказскими советскими республиками и

Турцией.

2 ноября — Протест правительства РСФСР против устранения его от участия в Вашингтонской конференции.

5 ноября — Соглашение об установлении дружественных отношений между РСФСР и Монголией.

13 ноября — Протест правительства РСФСР против решения вопроса об Аландских островах без его участия.

26 декабря — Заключение предварительного советско-итальянского торгового соглашения.

1922 год

2 января — Подписание договора о дружбе и братстве между Украинской ССР и Турцией.

6 января — Решение Каннского совещания о созыве в Женеве международной конференции с участием Советской России.

15 марта — Нота Советского правительства правительствам Великобритании, Франции, Италии с изложением его позиции на конференции в Женеве. 10 апреля — 19 мая — Международная конференция в Женеве.

16 апреля — Подписание в Рапалло советско-германского договора.

5 июня, — Подписание временного договора между РСФСР и Чехословакией.

26 июня — 20 июля — Международная конференция в Гааге.

4—26 сентября — Чанчуньская конференция представителей РСФСР, ДВР и Японии.

30 сентября — Протест правительства РСФСР правительствам Великобритании, Франции и Италии против блокады Черного моря.

5 ноября — Подписание советско-германского соглашения о распространении Рапальского договора на союзные советские республики — БССР, УССР и Закавказскую Федеративную Советскую Республику.

20 ноября 1922 г.— 24 июля 1923 г.— Международная конференция в Лозанне о мирном договоре с Турцией и о режиме черноморских проливов.

2—12 декабря — Московская конференция представителей РСФСР, Польши, Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы по сокращению вооружений.

30 декабря — Утверждение I съездом Советов СССР Декларации и Договора об образовании СССР.

1923 год

13 января — Обращение ВЦИК к народам всего мира в связи с оккупацией

Францией Рурской области. 8 мая — Предъявление Англией ультимативных требований Советскому

правительству («ультиматум Керзона»).

498

10 мая — Убийство в Лозанне советского представителя В. В. Воровского.

11 мая — Ответ Советского правительства на «ультиматум Керзона».

1924 год

1—8 февраля — Обмен нотами об установлении дипломатических отношений между СССР и Великобританией.

7 февраля — Установление дипломатических отношений между СССР и Италией. Подписание советско-итальянского торгового договора. 25 февраля — Установление дипломатических отношений между СССР и Австрией.

8 марта — Установление дипломатических отношений между СССР и Грецией.

10 марта — Установление дипломатических отношений между СССР и Норвегией.

18 марта — Установление дипломатических отношений между СССР и Швецией.

31 мая — Установление дипломатических отношений между СССР и Китаем.

18 июня — Установление дипломатических отношений между СССР и Данией.

16 июля—16 августа — Лондонская конференция приняла решение по вопросу о репарациях с Германии («план Дауэса»).

4 августа — Установление дипломатических отношений между СССР и Мексикой.

8 августа — Подписание общего и торгового договоров между СССР и Великобританией.

28 октября — Установление дипломатических отношений между СССР и Францией.

1925 год

20 января — Установление дипломатических отношений между СССР в Японией.

5—16 октября — Конференция в Локарно. Парафирование Локарнского договора.

12 октября — Подписание советско-германского торгово-экономического договора.

15 декабря — Подписание договора о торговле и мореплавании между СССР и Норвегией.

17 декабря — Подписание советско-турецкого договора о дружбе и нейтралитете.

1926 год

16—19 февраля — Установление дипломатических отношений между СССР и Саудовской Аравией.

24 апреля — Подписание в Берлине советско-германского договора о нейтралитете.

22—24 июня — Установление дипломатических отношений между СССР и Исландией.

21—22 августа — Установление дипломатических отношений между СССР и Уругваем.

31 августа — Подписание советско-афганского договора о нейтралитете и ненападении.

28 сентября — Подписание договора о дружбе и нейтралитете между СССР и Литвой.

499

1927 год

Май — Международная экономическая конференция с участием СССР в Женеве.

27 мая — Разрыв Англией дипломатических отношений с Советским Союзом.

7 июня — Убийство советского полпреда П. Л. Войкова в Варшаве.

1 октября — Подписание советско-иранского договора о гарантии и нейтралитете.

22 ноября — Внесение СССР на рассмотрение Подготовительной комиссии Лиги наций предложения о полном и всеобщем разоружении.

2 декабря — Декларация Советского правительства о присоединении к Протоколу от 17 июня 1925 г. о запрещении применения на войне душиливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств.

1928 год

15 февраля — 23 марта — Участие СССР в работе V сессии Подготовительной комиссии по созыву конференции по разоружению. Советский проект конвенции о полном разоружении.

31 августа — Присоединение СССР к пакту Бриана — Келлога.

1 ноября — Подписание договора о дружбе и торговле между СССР и Йеменом.

1929 год

25 января — Подписание конвенции о согласительном разбирательстве между СССР и Германией.

9 февраля — Подписание Московского протокола о досрочном введении в действие пакта Бриана — Келлога между СССР, Польшей, Эстонией, Румынией, Латвией.

Июль — декабрь — Конфликт на Китайско-Восточной железной дороге. Разрыв Китаем дипломатических отношений с СССР.

3 октября — Восстановление дипломатических отношений между СССР и Великобританией.

22 декабря — Подписание советско-китайского протокола о ликвидации конфликта на КВЖД.

1930 год

20 января — Принятие Гаагской репарационной конференцией плана Юнга.

26 января — Разрыв Мексикой дипломатических отношений с СССР.

16 апреля — Заключение временного торгового соглашения между СССР и Великобританией.

20 октября — Постановление СНК СССР об экономических взаимоотношениях со странами, устанавливающими особый ограничительный режим для торговли с Советским Союзом.

1931 год

18 мая — Внесение Советским Союзом в Европейскую комиссию Лиги наций проекта протокола об экономическом ненападении.

24 июня — Подписание советско-германского протокола о продлении Берлинского договора 1926 г.

1932 год

21 января — Заключение договора между СССР и Финляндией о ненападении и о мирном урегулировании конфликтов.

2 февраля — 23 июля — Первая сессия международной конференции по разоружению в Женеве. Предложения СССР о всеобщем и полном разоружении.

500

5 февраля — Заключение договора между СССР и Латвией о ненападении.

4 мая — Подписание договора о ненападении и мирном разрешении конфликтов между СССР и Эстонией.

25 июля — Подписание договора о ненападении между СССР и Польшей.

29 ноября — Подписание советско-французского пакта о ненападении.

12 декабря — Восстановление дипломатических отношений между СССР и Китайской республикой.

1933 год

6 февраля — Внесение Советским Союзом проекта конвенции об определении агрессора на международной конференции по разоружению.

20 июня — Внесение Советским Союзом проекта протокола об экономическом ненападении на международной Лондонской экономической конференции.

3—5 июля — Подписание конвенции об определении агрессора между СССР, Эстонией, Латвией, Польшей, Румынией, Турцией, Ираном, Афганистаном, Чехословакией, Югославией и Литвой.
28 июля — Установление дипломатических отношений между СССР и Испанией.
2 сентября — Подписание договора о ненападении и нейтралитете между СССР и Италией.
16 ноября — Установление дипломатических отношений между СССР и США.

1934 год

4 февраля — Установление дипломатических отношений между СССР и Венгрией.
16 февраля — Подписание временного англо-советского торгового соглашения.
3 июня — Предложение СССР о превращении Международной конференции по разоружению в постоянную конференцию мира.
9 июня — Установление дипломатических отношений между СССР и Румынией.
9 июня — Установление дипломатических отношений между СССР и Чехословакией.
23 июля — Установление дипломатических отношений между СССР и Болгарией.
17 сентября — Установление дипломатических отношений между СССР и Албанией.
18 сентября — Вступление СССР в Лигу наций.
27 ноября — Соглашение между Советским Союзом и Монгольской Народной Республикой о взаимной поддержке в случае военного нападения на одну из договаривающихся сторон.

1935 год

23 марта — Соглашение между СССР и Маньчжоу-го о продаже КВЖД.
2 мая — Подписание советско-французского договора о взаимопомощи.
16 мая — Подписание советско-чехословацкого договора о взаимопомощи.
25 июня — Установление дипломатических отношений между СССР и Колумбией.
12 июля — Установление дипломатических отношений между СССР и Бельгией.
26 августа — Установление дипломатических отношений между СССР и Люксембургом.
27 декабря — Разрыв дипломатических отношений между Уругваем и СССР.

501

1936 год

12 марта — Подписание протокола между СССР и Монгольской Народной Республикой о взаимной помощи.
20 июля — Подписание на конференции в Монтрё «Конвенции о режиме черноморских проливов».
9 сентября — Подписание международного соглашения о невмешательстве в гражданскую войну в Испании. Создание Международного комитета по невмешательству.
25 ноября — Подписание Германией и Японией «антикоминтерновского пакта».

1937 год

21 августа — Подписание советско-китайского договора о ненападении.
6 ноября — Присоединение Италии к «антикоминтерновскому пакту».

1938 год

17 марта — Предложение СССР созвать международную конференцию в интересах сохранения мира. Заявление правительства СССР о готовности Советского Союза оказать помощь Чехословакии в случае агрессии.
29 июля — 11 августа — Вторжение японских войск на советскую территорию у озера Хасан и их разгром Красной Армией.
5 сентября — Предложение СССР созвать международную конференцию в связи с угрозой немецко-фашистской агрессии Чехословакии.
20 сентября — Положительный ответ правительства СССР на запрос президента Чехословакии о готовности Советского Союза помочь Чехословакии в случае агрессии против нее.
21 сентября — Выступление представителя СССР в Лиге наций в защиту Чехословакии.
23 сентября — Предупреждение Советского правительства правительству Польши в связи с подготовкой акта агрессии против Чехословакии.
29—30 сентября — Подписание на конференции представителей Англии, Франции, Германии и Италии в Мюнхене соглашения о расчленении Чехословакии.

1939 год

15 марта — Оккупация германскими войсками Чехословакии.
18 марта — Нота Советского правительства германскому правительству с заявлением о том, что включение Чехии и Словакии в состав Германии противоречит международному праву и принципу самоопределения народов.
21 марта — Начало англо-франко-советских переговоров о взаимной помощи против агрессии.
22 марта — Сообщение ТАСС о предложении правительства СССР правительству Англии созвать совещание представителей Англии, Франции, СССР, Польши, Румынии и Турции по вопросу о мерах борьбы с агрессией.

11 мая — 16 сентября — Нападение Японии на МНР у реки Халхин-Гол. Разгром захватчиков советско-монгольскими войсками.

12—21 августа — Переговоры военных миссий СССР, Англии и Франции в Москве о заключении пакта о взаимопомощи.

23 августа — Заключение советско-германского договора о ненападении.

1 сентября — Нападение фашистской Германии на Польшу. Начало второй мировой войны.

3 сентября — Объявление Англией, Францией, Австралией и Новой Зеландией войны Германии.

28 сентября — Заключение пакта о взаимопомощи между СССР и Эстонией.

28 сентября — Подписание договора об установлении границ между СССР и Германией.

502

Сентябрь — Освобождение Красной Армией Западной Украины и Западной Белоруссии и воссоединение их с Советской Украиной и Советской Белоруссией.

5 октября — Заключение пакта о взаимопомощи между СССР и Латвией.

10 октября — Заключение пакта о взаимопомощи между СССР и Литвой.

30 ноября 1939 г., — 12 марта 1940 г. — Советско-финляндская война.

1940 год

12 марта — Подписание советско-финского мирного договора.

13 апреля — Заявление правительства СССР правительству Германии о необходимости соблюдения нейтралитета Швеции.

10 мая — 25 июня — Конец «странной войны». Нападение Германии на Бельгию, Голландию и Люксембург. Наступление немецко-фашистских войск во Франции.

14, 16 июня — Заявления Советского правительства правительствам Литвы, Латвии и Эстонии о нарушении ими договоров о взаимной помощи с СССР.

17, 20 и 21 июня — Свержение народом фашистских диктатур в Литве, Латвии и Эстонии и образование там народных правительств.

22 июня — Капитуляция Франции. Подписание перемирия между Германией и Францией в Компьене.

25 июня — Установление дипломатических отношений между СССР и Югославией.

28—30 июня — Возвращение Румынией Советскому Союзу Бессарабии и Северной Буковины.

3—6 августа — Принятие Литовской, Латвийской и Эстонской советских социалистических республик в состав СССР.

27 сентября — Подписание Германией, Италией и Японией Берлинского пакта («Тройственный пакт»).

11 октября — Подписание соглашения между СССР и Финляндией об Аландских островах.

13 ноября — Советско-германские переговоры в Берлине.

1941 год

3 марта — Заявление Советского правительства по поводу согласия болгарского правительства на ввод германских войск в Болгарию.

12 марта — Установление дипломатических, торговых и консульских отношений между СССР и Таиландом.

5 апреля — Заключение в Москве договора о дружбе и ненападении между СССР и Югославией.

13 апреля — Заявление Советского правительства по поводу нападения Венгрии на Югославию.

13 апреля — Заключение пакта о нейтралитете между СССР и Японией.

16 мая — Обмен нотами между СССР и Ираком об установлении дипломатических, торговых и консульских отношений.

18 июня — Заключение германо-турецкого договора о дружбе и ненападении.

22 июня — Вероломное нападение на СССР фашистской Германии и ее союзников. Начало Великой Отечественной войны.

22 июня — Заявление английского правительства о поддержке Советского Союза в войне против Германии.

23 июня — Заявление президента США Рузвельта о готовности американского правительства предоставить помощь СССР.

12 июля — Подписание соглашения между правительствами СССР и Великобритании о совместных действиях в войне против фашистской Германии.

18 июля — Подписание в Лондоне соглашения между СССР и Чехословакией о возобновлении дипломатических отношений, взаимной помощи в войне против гитлеровской Германии и создании на территории СССР чехословацких воинских частей.

503

22 июля — Подписание соглашения между СССР и Югославией о взаимной помощи в войне против Германии.

29 июля — 1 августа — Миссия в Москву личного представителя президента США Рузвельта Г. Гопкинса.

30 июля — Подписание в Лондоне соглашения между СССР и Польшей о восстановлении дипломатических отношений, взаимной помощи в войне против гитлеровской Германии и о создании на территории СССР польской армии.

2 августа — Обмен нотами между СССР и США о продлении торгового соглашения и об экономическом содействии со стороны США Советскому Союзу в войне против фашистской Германии.

5 августа — Восстановление дипломатических отношений между СССР и Норвегией.

7 августа — Восстановление дипломатических отношений между СССР и Бельгией.

10 августа — Заявление советского и английского правительств правительству Турции о готовности соблюдать территориальную неприкосновенность Турции и оказать ей помощь в случае нападения на нее какой-либо европейской державы.

16 августа — Подписание в Москве советско-английского соглашения о торговле, кредите и клиринге.

25 августа — Вручение нот советского и английского правительств правительству Ирана о вводе советских и английских войск в Иран в связи с антисоветской деятельностью в этой стране германских агентов и создавшейся угрозой безопасности СССР.

10 сентября — Советская нота Болгарии в связи с использованием ее территории Германией в качестве базы в войне против СССР.

27 сентября — Заявление Советского правительства о признании Национального комитета «Свободная Франция» и о готовности оказывать помощь в борьбе с фашистской Германией.

29 сентября — 1 октября — Конференция представителей СССР, США и Англии в Москве по вопросам взаимных военных поставок.

7 ноября — Декларация президента США Рузвельта о помощи СССР по ленд-лизу.

18 ноября — Заявление НКВД СССР «Об отношении Советского правительства к Финляндии и о предательской позиции правителей Финляндии».

3—4 декабря — Переговоры правительства СССР с главой польского эмигрантского правительства генералом Сикорским. Советско-польская декларация о дружбе и взаимопомощи.

5 декабря 1941 г. — 7 января 1942 г. — Разгром немецких войск под Москвой.

16—17 декабря — Англо-советские переговоры в Москве (миссия Идена).

1942 год

1 января — Подписание в Вашингтоне декларации 26 государств (Декларация Объединенных Наций).

29 января — Подписание в Тегеране договора о союзе между СССР, Великобританией и Ираном.

26 мая — Подписание в Лондоне договора между СССР и Великобританией о союзе в войне против Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны.

11 июня — Соглашение между СССР и США о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии.

12 июня — Опубликование советско-английского и советско-американского коммюнике о договоренности открыть второй фронт в Европе в 1942 г.

12 июня — Установление дипломатических отношений между СССР и Канадой.

10 июля — Установление дипломатических отношений между СССР и Голландией.

18 августа — Советско-английское коммюнике о переговорах глав правительств СССР и Великобритании в Москве с участием представителя президента США.

504

6 октября — Подписание СССР, США и Англией протокола о военных поставках.

14 октября — Заявление Советского правительства об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершаемые ими в оккупированных странах Европы.

17 октября — Установление дипломатических отношений между СССР и Кубой.

12 ноября — Восстановление дипломатических отношений между СССР и Мексикой.

19 ноября 1942 г. — 2 февраля 1943 г. — Разгром Красной Армией немецко-фашистских войск под Сталинградом.

18 декабря — Совместная декларация правительств стран антигитлеровской коалиции о проводимом гитлеровскими властями истреблении еврейского населения Европы.

18 декабря — Заявление НКВД СССР «О независимости Албании».

1943 год

27 января — Восстановление дипломатических отношений между СССР и Уругваем.

21 апреля — Установление дипломатических отношений между СССР и Эфиопией.

25 апреля — Разрыв отношений СССР с польским эмигрантским правительством в связи с предпринятой им клеветнической кампанией против Советской страны.

6 мая — Заявление правительства СССР о советско-польских отношениях.

28 мая — Подписание советско-чехословацкого соглашения о предоставлении правительству

Чехословацкой республики денежных средств, материалов и обслуживания для содержания Чехословацкой бригады на территории СССР.

26 августа — Установление дипломатических отношений между СССР и Египтом.

26 августа — Признание Французского комитета национального освобождения правительствами СССР, США и Англии.

19 октября — Подписание соглашения между СССР, США и Англией о военных поставках.

19—30 октября — Конференция министров иностранных дел СССР, США и Англии в Москве.

30 октября — Подписание в Москве декларации четырех государств (СССР, США, Англии и Китая) о всеобщей безопасности.

2 ноября — Опубликование англо-советско-американского коммюнике о конференции трех министров иностранных дел в Москве, деклараций об Италии и Австрии и декларации глав трех правительств об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства.

28 ноября — 1 декабря — Тегеранская конференция глав правительств трех держав — СССР, США и Великобритании.

12 декабря — Заключение договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Чехословакией.

1944 год

11 января — Заявление Советского правительства о советско-польских отношениях.

1 февраля — Принятие Верховным Советом СССР закона о предоставлении союзным республикам полномочий в области внешних сношений и о преобразовании в связи с этим Народного комиссариата иностранных дел из общесоюзного в союзно-республиканский.

1 марта — Сообщение Информбюро НКВД СССР о переговорах между представителем правительства Финляндии Паасикиви и советским посланником в Стокгольме Коллонтай об условиях, на которых Советское правительство готово вести с Финляндией переговоры о прекращении военных действий.

505

17 марта — Отклонение правительством Финляндии советских условий переговоров о прекращении военных действий.

2 апреля — Заявление Советского правительства о том, что, продолжая наступление в Румынии, оно не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории.

12 апреля — Предъявление Румынии условий перемирия.

13 апреля — Установление дипломатических отношений между СССР и Новой Зеландией.

16 апреля — Заявление правительства СССР о политическом положении Италии.

22 апреля — Заявление правительства СССР о советско-финских отношениях.

23 апреля — Установление дипломатических отношений между СССР и Данией.

8 мая — Установление дипломатических и консульских отношений между СССР и Коста-Рикой.

13 мая — Обращение правительств СССР, США и Англии к Венгрии, Румынии, Болгарии и Финляндии с предложением прекратить войну на стороне Германии.

6 июня — Высадка союзников в Нормандии, открытие второго фронта.

21 июля — Создание Польского комитета национального освобождения в г. Люблине.

22 июля — Установление дипломатических отношений между СССР и Сирией.

26 июля — Заявление НКВД СССР об отношении Советского Союза к Польше.

3 августа — Установление дипломатических отношений между СССР и Ливаном.

21 августа — 28 сентября — Конференция представителей СССР, США, Великобритании и позже Китая в Думбартон-Оксе (Вашингтон) по вопросу о создании международной организации безопасности.

12 сентября — Подписание в Москве соглашения о перемирии между СССР, США и Великобританией, с одной стороны, и Румынией — с другой.

19 сентября — Подписание в Москве соглашения о перемирии между СССР и Великобританией, с одной стороны, и Финляндией — с другой. 9—18 октября — Переговоры глав правительств СССР и Англии в Москве.

23 октября — Признание Советским правительством Временного правительства Французской республики. 25 октября — Установление дипломатических отношений между СССР и Италией.

28 октября — Подписание в Москве соглашения о перемирии между СССР, Великобританией и США, с одной стороны, и Болгарией — с другой.

2—10 декабря — Переговоры главы Временного правительства Французской республики де Голля в Москве.

10 декабря — Подписание в Москве договора о союзе и взаимной помощи между СССР и Французской республикой.

11 декабря — Установление дипломатических отношений между СССР и Чили.

12 декабря — Установление дипломатических отношений между СССР и Никарагуа.

1945 год

4 января — Признание Советским правительством Временного национального правительства Польской республики.

20 января — Подписание СССР, США и Англией соглашения о перемирии с Венгрией.

4—12 февраля — Крымская (Ялтинская) конференция глав правительств трех держав — СССР, США и Великобритании. 8 марта — Установление дипломатических и консульских отношений между СССР и Доминиканской республикой.

506

14 марта — Установление дипломатических отношений между СССР и Венесуэлой.

19 марта — Денонсация Советским правительством договора о дружбе и нейтралитете с Турцией от 17 декабря 1925 г.

2 апреля — Установление дипломатических отношений между СССР и Бразилией.

5 апреля — Денонсация Советским правительством договора с Японией о нейтралитете от 13 апреля 1941 г.

11 апреля — Подписание в Москве договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Югославией.

18 апреля — Установление дипломатических отношений между СССР и Боливией.

19 апреля — Установление дипломатических отношений между СССР и Гватемалой.

21 апреля — Подписание в Москве договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Польшей.

25 апреля — 26 июня — Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско. Принятие Устава ООН.

2 мая — Взятие Красной Армией Берлина.

8 мая — Подписание представителями германского верховного командования акта о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил.

9 мая — Освобождение Красной Армией столицы Чехословакии Праги.

16 мая — Восстановление дипломатических отношений между СССР и Данией.

5 июня — Подписание в Берлине декларации о поражении Германии и взятии на себя верховной власти в отношении Германии правительствами СССР, Великобритании, США и Временным правительством Французской республики, а 6 июня — опубликование краткого изложения заключенных ранее соглашений о зонах оккупации Германии и о контрольном механизме в Германии.

16 июня — Установление дипломатических и консульских отношений между СССР и Эквадором.

29 июня — Подписание договора между СССР и Чехословакией о воссоединении Закарпатской Украины с УССР.

17 июля — 2 августа — Потсдамская конференция глав правительств СССР, США и Англии.

6 августа — Восстановление дипломатических отношений СССР с Румынией и Финляндией.

8 августа — Официальное присоединение СССР к Потсдамской декларации США, Англии и Китая о Японии. Объявление Советским Союзом войны Японии с 9 августа 1945 г.

8 августа — Подписание в Лондоне соглашения между СССР, США, Великобританией и Францией об учреждении Международного военного трибунала для суда над главными военными преступниками европейских стран «оси».

9 августа — Вступление Советского Союза в войну с Японией.

9 августа — Опубликование сообщения правительств СССР, США, Англии и Франции о соглашениях относительно зон оккупации и контрольного механизма союзников в Австрии.

14 августа — Подписание договора о дружбе и союзе между СССР и Китаем и соглашений о Китайской Чанчуньской железной дороге, о Порт-Артуре и о порте Дальнем.

14 августа — Восстановление дипломатических отношений между СССР и Болгарией.

16 августа — Подписание договора между Советским Союзом и Польской Народной Республикой о советско-польской государственной границе.

2 сентября — Подписание в Токио представителями Японии акта о безоговорочной капитуляции японских вооруженных сил. Окончание второй мировой войны.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 8

I глава

ПЕРВЫЕ АКТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ . . 27

Борьба Советского правительства за всеобщий демократический мир 27

Борьба Советской России за освобождение народов..... 35

Создание Народного комиссариата по иностранным делам 39

II глава

БРЕСТСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ И БРЕСТСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР 45

Первый этап переговоров о мире.....	45
Захватнические требования германского империализма.....	48
Борьба В. И. Ленина за немедленное заключение мира.....	52
Срыв брестских переговоров.....	55
Возобновление переговоров.....	58
Заключение мира.....	62
Вопрос о войне и мире на VII Экстренном съезде партии	63

III глава

НАЧАЛО ИНОСТРАННОЙ ВООРУЖЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ. БОРЬБА СОВЕТСКОГО, ГОСУДАРСТВА ЗА ПРОДЛЕНИЕ МИРНОЙ ПЕРЕДЫШКИ (март — ноябрь 1918 г.).....	68
Агрессивная политика Германии после подписания мира и борьба против нее Советского правительства.....	69
Начало интервенции Антанты и США на Севере и Дальнем Востоке. Борьба Советского правительства против интервенции.....	72
Расширение союзнической интервенции. Советские мирные предложения союзникам.....	79
Советско-германские переговоры о заключении добавочного договора 80	
Разрыв Германией отношений с Советской Россией. Аннулирование грабительского Брестского договора.....	90

IV глава

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОД ИНОСТРАННОЙ ВОЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (ноябрь 1918—март 1921 г.).....	94
Изменение международной обстановки в связи с окончанием первой мировой войны.....	94
508	
Антисоветские планы и маневры Антанты в период Парижской конференции. Советская дипломатия в борьбе против интервенции в 1919 г.....	97
Советская дипломатия в подготовке мира с государствами Прибалтики	110
Внешняя политика Советского правительства в период польской интервенции	114
Англо-советские переговоры о торговом соглашении.....	125

V глава

УСТАНОВЛЕНИЕ НОВЫХ ОТНОШЕНИЙ СО СТРАНАМИ ВОСТОКА	130
Советско-иранские отношения и договор 1921 г.....	131
Советско-афганский договор.....	137
Советско-турецкий договор.....	141
Отношения с Китаем, Кореей и Монголией.....	150

VI глава

БОРЬБА СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ЗА НОРМАЛИЗАЦИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И УСТАНОВЛЕНИЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ С КАПИТАЛИСТИЧЕСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ (1921—1923 г.).....	156
Задачи внешней политики СССР в новых условиях мирных отношений с капиталистическими государствами.....	156
Подготовка Советской России к международной экономической конференции	160
Деятельность советской делегации в Генуе.....	164
Советские предложения по урегулированию спорных проблем на Гаагской конференции.....	173
Московская конференция по сокращению вооружений.....	176
Лозаннская конференция.....	178
«Ультиматум Керзона».....	182

VII глава

ПРИЗНАНИЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА КАПИТАЛИСТИЧЕСКИМИ СТРАНАМИ (1924—1925 г.).....	186
Признание СССР Англией.....	186
Дальнейшее развитие отношений между Англией и СССР.....	192
Признание СССР Италией и другими странами.....	196
СССР и Франция.....	198
СССР и Китай.....	204
Советско-японское соглашение 20 ноября 1925 г.....	208
СССР и страны Латинской Америки.....	211
Советско-американские отношения.....	214

VIII глава

СССР В БОРЬБЕ ЗА РАЗВИТИЕ МИРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ГОДЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ (1925—1929 гг.) . . 218

509

Международное положение СССР..... 218

Договоры СССР о нейтралитете и о ненападении с Германией и другими западными странами..... 221

Отношения СССР с его восточными соседями..... 228

Обострение и разрыв советско-английских отношений..... 234

Крах попыток Англии вовлечь Польшу, Францию и Германию в антисоветский блок..... 245

Борьба СССР за разоружение..... 248

СССР и пакт Бриана—Келлога..... 250

Восстановление советско-английских отношений..... 252

IX глава

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ГОДЫ МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА И ОБОСТРЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ (1929—1932 гг.)..... 255

Влияние мирового экономического кризиса на международные отношения 255

Внешняя политика СССР в борьбе против антисоветских планов империалистических держав..... 256

Советско-германские отношения..... 263

СССР и его соседи в Азии и Восточной Европе. Пакт о ненападении с Францией..... 264

СССР на конференции по разоружению..... 269

Агрессия японского империализма. Борьба СССР за мир и безопасность на Дальнем Востоке..... 271

X глава

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СССР И ЕГО ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА В 1933—1937

гг..... 278

Международная обстановка в 1933—1937 гг..... 278

Борьба СССР за сохранение мира в условиях нарастания военной опасности..... . . 286

Советские предложения по укреплению мира и развитию сотрудничества между СССР и капиталистическими странами..... 297

Советская программа создания системы коллективной безопасности и борьба за ее осуществление (1933—1935 гг.)..... 302

Договоры СССР о взаимной помощи с Францией и Чехословакией 312

Деятельность СССР в Лиге наций и на международных конференциях по организации коллективного отпора фашистской агрессии 316

СССР и германо-итальянская интервенция в Испании..... 321

Борьба СССР против японской агрессии на Дальнем Востоке . . . 327

XI глава

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СССР НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1938—1939

гг.)..... 332

Политика «умиротворения» фашистских агрессоров, проводимая западными державами..... 332

510

Захват Германией Австрии. Борьба СССР за коллективный отпор агрессорам 333

Борьба СССР за защиту Чехословакии против фашистской агрессии и мюнхенской политики западных держав..... 336

После Мюнхена..... 350

Советско-англо-французские переговоры весной и летом 1939 г. . . 353

Московские переговоры военных миссий..... 365

Секретные англо-германские переговоры..... 376

Обострение германо-польских отношений. Советско-японский конфликт 379

Советско-германский договор о ненападении..... 381

XII глава

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СССР В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (сентябрь 1939 г.—июнь 1941 г.)..... 387

Начало второй мировой войны..... 387

Мероприятия СССР по обеспечению безопасности своих границ и ограничению сферы германской агрессии (сентябрь 1939 г.— июнь 1940 г.) 391

Поражение Франции..... 406

Борьба СССР против распространения германо-фашистской агрессии

во второй половине 1940 г. и в начале 1941 г. 408
Борьба Советского правительства против японской агрессии на Дальнем Востоке..... 412

XIII глава

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941—1945 гг.)..... 419

Нападение фашистской Германии на СССР..... 419

Цели СССР и западных держав во второй мировой войне 422

СССР и создание антигитлеровской коалиции..... 425

Борьба СССР за открытие второго фронта в Европе в 1941—1943 гг. 432

Московская и Тегеранская конференции 1943 г..... 441

Активная роль советской дипломатии в ускорении кризиса фашистского блока..... 453

СССР и освобождение стран, поработанных германским фашизмом 456

Крымская конференция..... 466

Разгром и безоговорочная капитуляция фашистской Германии. Потсдамская конференция..... 479

Вступление СССР в войну с Японией..... 486

СССР и создание Организации Объединенных Наций. Конференции в

Думбартон-Оксе и Сан-Франциско..... 490

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА..... 496

ИСТОРИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

СССР

1917—1980 гг.

В двух томах

Т. 1 (1917—1945 гг.)

Утверждено к печати Институтом истории СССР АН СССР

Научно-справочная работа осуществлена

М. А. Бугреевым, А. П. Пилипенко, З. Я. Саакяном, Э. А. Файзулиным

Редактор издательства *Т. Д. Лосева*

Художник *А. Г. Кобрин*

Художественный редактор *Н. А. Фильчагина*

Технический редактор *Н. Н. Кокина*

Корректоры *М. В. Борткова, Л. И. Воронина, Е. В. Шевченко*

ИБ № 22438

Сдано в набор 28.07.80.

Подписано к печати 21.10 80.

Т-12796. Формат 60X90¹/₁₆

Бумага типографская № 1

Гарнитура обыкновенная

Печать высокая

Усл. печ. л. 32. Уч.-изд. л. 36,8 Тираж 50000 экз. Тип. зак. 3344 Цена 2 р. 60 к.

Издательство «Наука» 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10